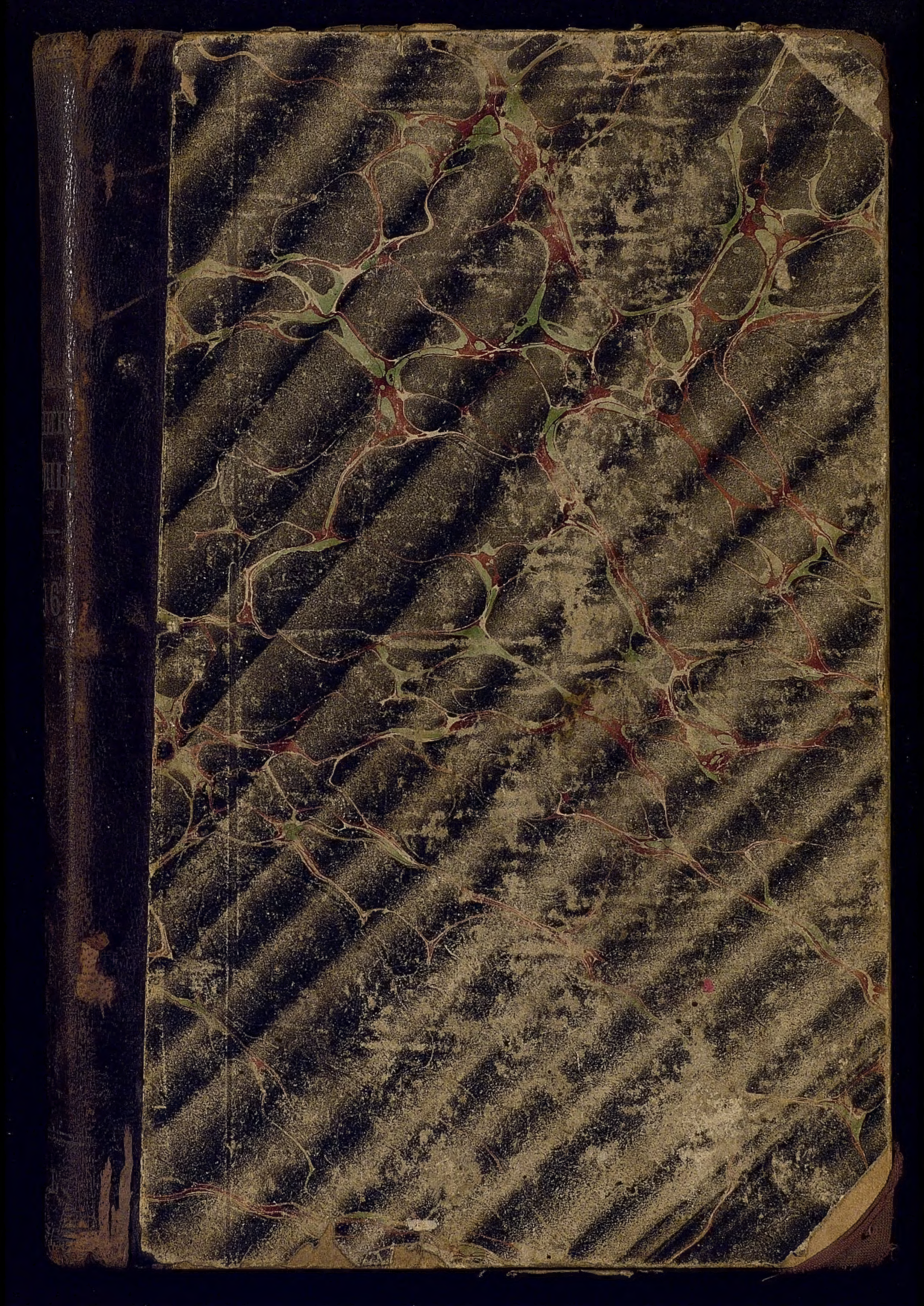
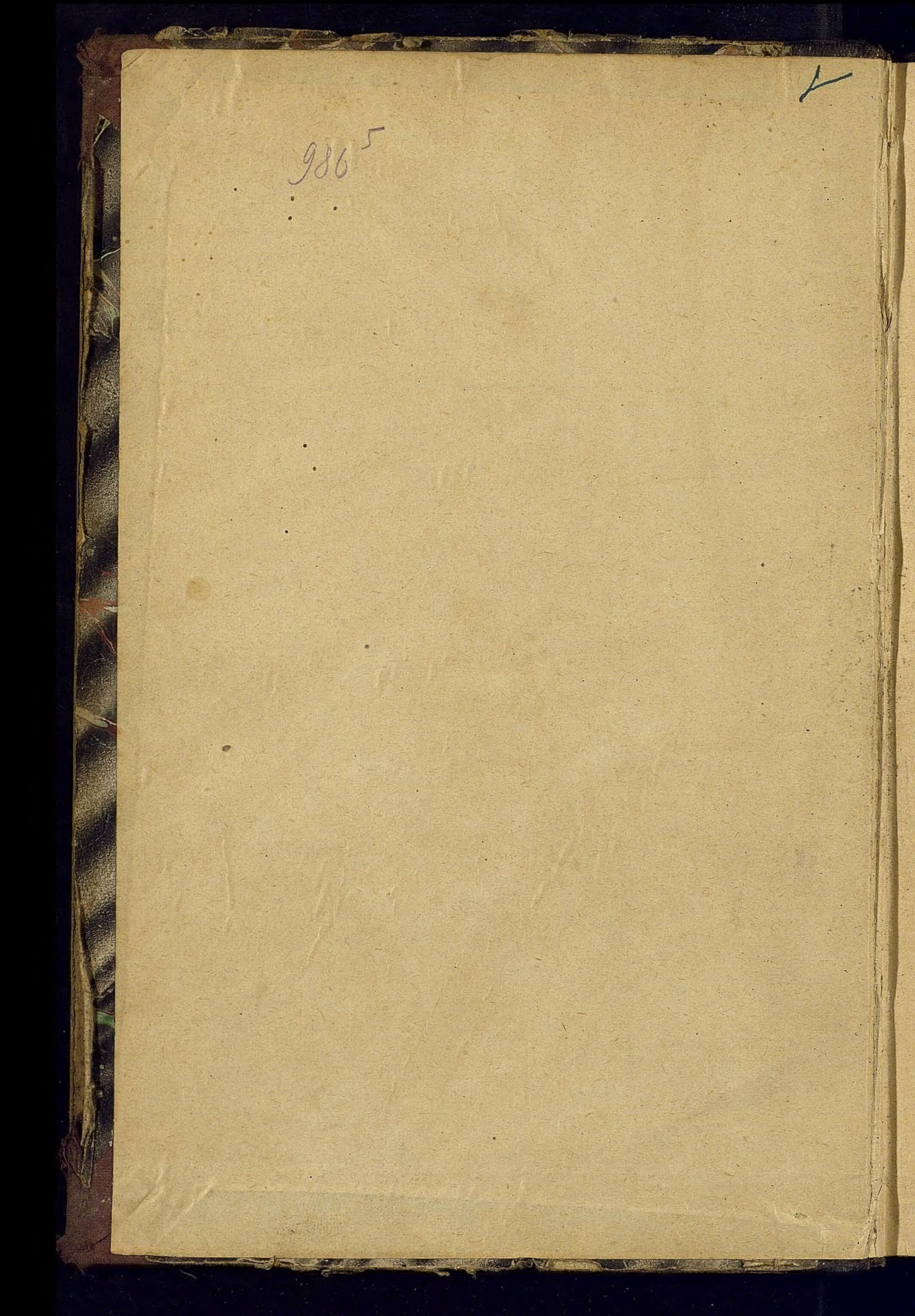
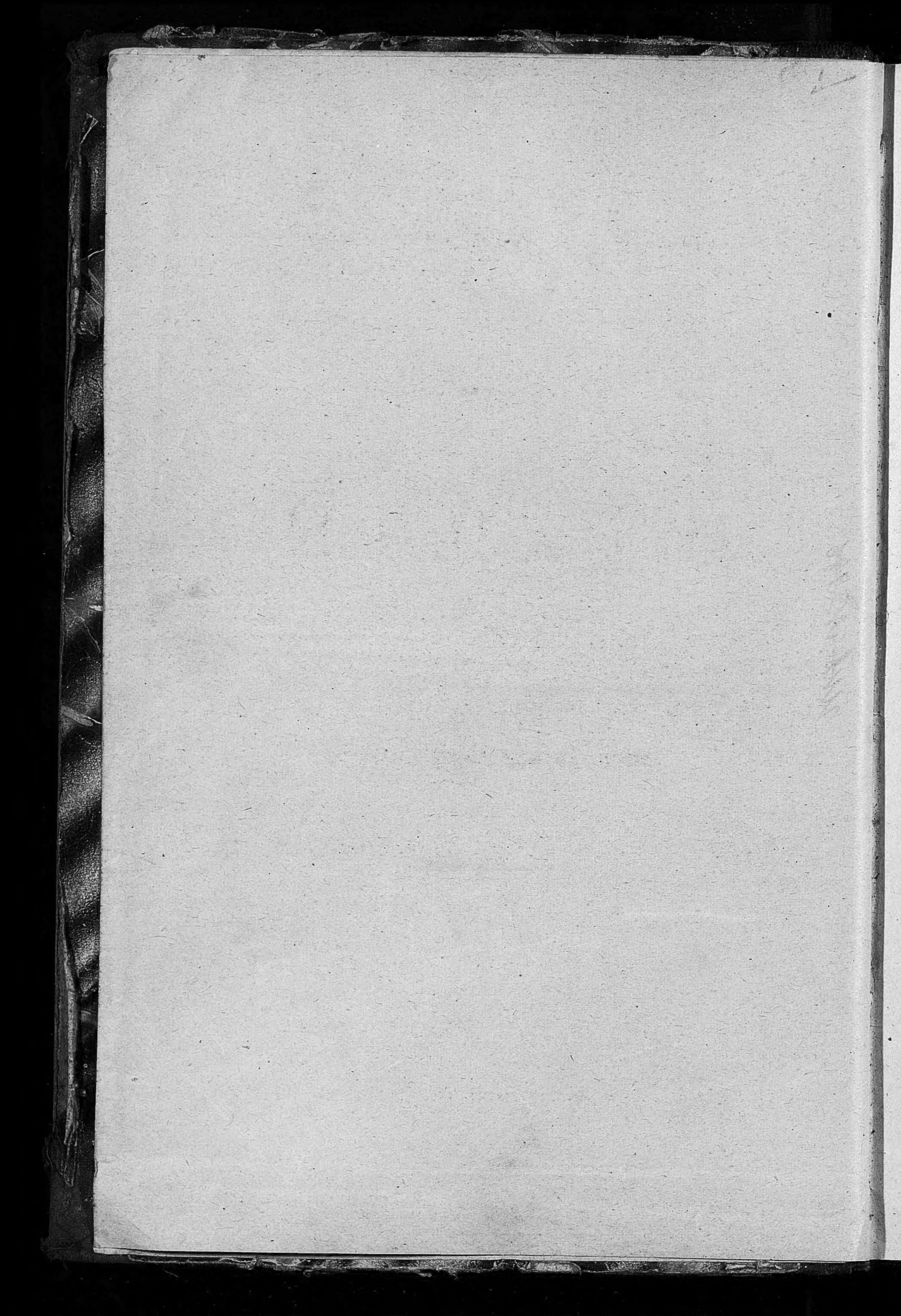

986 5
1

7

~~Инв. 16880~~

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXIII. — 1/14 МАЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3528

ИЗЪ
ДНЕВНИКА
НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

III *).

21 января — 13 февраля.

21 января. — Вчера днемъ и всю ночь пришлось усиленно работать надъ составленіемъ срочнаго отчета Государю, и сегодня утромъ читалъ его Великому Князю, который по обыкновенію остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ выражалъ удивленіе моей способности схватывать на лету его мысли и указанія и такъ быстро писать. Теперь надо весь день и всю ночь самому переписывать отчетъ, ибо завтра ѣдетъ курьеромъ въ Петербургъ ординарецъ Великаго Князя, поручикъ Рыдзевскій.

Погода уже четвертый день стоитъ чудная: тихо, тепло, солнце сіяетъ такъ ласково. Работаю при открытыхъ окнахъ.

Въ 2 часа Великій Князь давалъ обѣдъ турецкимъ уполномоченнымъ, на который и я былъ приглашенъ. По обѣ стороны Великаго Князя сидѣли Серверъ и Намыкъ паши; противъ него—

*) См. выше: апр., 489 стр.

подписавшіе перемиріе генералы Неджибъ и Османъ паши, а по обѣ стороны ихъ—Непокойчицкій, Радецкій, Гурко и адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ. Никакихъ тостовъ не было. Послѣ обѣда я поспѣшилъ уйти, чтобы успѣть окончить переписку отчета.

Вечеромъ, когда пришелъ къ Великому Князю, надо было расшифровать двѣ депеши:

1) Отъ князя Горчакова, 16-го января:

„Шуваловъ телеграфируетъ, что въ прощальной аудіенціи Беканану австрійскій императоръ неодобрительно отозвался о нашихъ мирныхъ условіяхъ“.

Какое намъ до этого дѣло?!

2) Отъ Государя, 18-го января (отвѣтъ на просьбу Великаго Князя отъ 14-го):

„Приказалъ составить соображеніе о средствахъ для амбаркаціи одной дивизіи въ Севастополѣ, но, признаюсь, недоумѣваю, возможно ли рѣшиться на подобное предпріятіе въ виду турецкаго флота. Притомъ, желаю знать цѣль и мѣсто высадки“.

На эту телеграмму немедленно былъ составленъ, зашифрованъ и отправленъ слѣдующій отвѣтъ Великаго Князя:

„13-ю дивизію я полагалъ посадить на суда и двинуть къ Босфору, къ тому времени, когда, въ случаѣ непринятія Портою мирныхъ основаній, военныя дѣйствія привели бы насъ съ сухого пути къ Царьграду и Босфору. Полагалъ высадить эту дивизію на Малоазіатскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на Скутари. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Игнатьевъ долженъ выѣхать изъ Бухареста 23-го числа“.

Нельзя не сказать, что объясненіе это довольно слабое, и нѣтъ сомнѣнія, что мысль о дессантѣ на малоазіатскій берегъ Босфора останется безъ послѣдствій. Едва ли и самъ Великій Князь будетъ на этомъ настаивать: мысль мелькнула внезапно, а теперь она его больше не занимаетъ.

Кромѣ вышеприведенной отвѣтной телеграммы, послана Государю еще слѣдующая:

„Послѣ небольшой перестрѣлки у Хиседжи и затѣмъ боя у Хасанлара, гдѣ турки ожидали нашихъ на позиціи, 15-го января, отрядъ нашъ сбилъ непріятеля, вечеромъ подошелъ къ Разграду, и 16-го января утромъ занялъ его уже безъ боя. Патронная фабрика и пороховой заводъ достались въ наши руки.

„Сегодня я давалъ обѣдъ турецкимъ уполномоченнымъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ русскіе ордена, явились, имѣя ихъ на себѣ.

„Всѣ они вообще были чрезвычайно любезны и внимательны.

„Сандро [1]) прибылъ ныньче ночью благополучно сюда, совершенно здоровъ.— Адріанополь, 21-го января, 9 ч. вечера".

22 января.—Сегодня отправленъ съ поручикомъ Рыдзевскимъ слѣдующій *Отчетъ Государю:*

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ славнымъ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Непріятель склонилъ голову передъ силою побѣдоноснаго русскаго оружія: 18-го января турецкіе уполномоченные заявили мнѣ, что покоряются нашимъ условіямъ, а 19-го, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ташкисенскаго боя, подписали предварительныя условія мира и подробныя условія перемирія. Текстъ этихъ послѣднихъ условій имѣю счастіе представить при семъ Вашему Величеству.

„Въ настоящемъ отчетѣ я долженъ представить Вашему Величеству обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя я предполагалъ принять на случай продолженія военныхъ дѣйствій и того положенія, въ которомъ заключеніе перемирія застало войска [2]).

„Всѣ вообще войска, а отрядъ генералъ-адъютанта Гурко въ особенности, были крайне утомлены форсированными маршами по распустившимся отъ проливныхъ дождей дорогамъ. Одежда изношена и истрепана. Вмѣсто фуражекъ, нѣкоторые— въ болгарскихъ шапкахъ и даже въ чалмахъ. Обувь въ самомъ жалкомъ видѣ: у кого сапоги безъ подошвъ, у кого опанки, а у многихъ ноги обернуты разнымъ тряпьемъ. Бѣлья почти нѣтъ. Палатокъ давно уже нѣтъ: или сгнили отъ дождей, или пошли на онучи и портянки. Обозъ далеко позади: войска западнаго отряда не видали его съ тѣхъ поръ, какъ выступили изъ Орханіи. Вслѣдствіе этого даже большинство офицеровъ имѣли при себѣ лишь то, что могли унести на себѣ сами или увезти въ кабурахъ сѣдельныхъ лошадей. Артиллерія всѣхъ колоннъ на половину оставлена позади, такъ какъ дожидаться спуска ея съ горъ было некогда. О паркахъ и говорить нечего: всѣ отстали на нѣсколько переходовъ. Запасъ зарядовъ ограничивался лишь тѣмъ, что помѣщается въ передкахъ орудій и передкахъ зарядныхъ ящиковъ: задніе ходы ящиковъ почти всѣхъ батарей пришлось оставить за горами, въ виду невозможности ихъ везти.

---

[1]) Уменьшительное имя принца Александра Баттенбергскаго.

[2]) За симъ слѣдуетъ подробное перечисленіе, на нѣсколькихъ страницахъ, бригадъ, батальоновъ, ротъ, драгунскихъ полковъ, казачьихъ сотенъ и т. д., съ наименованіемъ мѣстечекъ ихъ расположенія; опускаемъ эти подробности, какъ не представляющія въ настоящее время никакого интереса для читателя журнала.— *Ред.*

Запасъ патроновъ — не менѣе 100 на ружье, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — до 150-ти. Боевая сила слабая: у пѣхоты — вслѣдствіе большого числа отсталыхъ, неизбѣжнаго при столь неимовѣрно-быстромъ движеніи; у кавалеріи — отъ усиленной и продолжительной развѣдывательной и сторожевой службы и отъ энергическаго преслѣдованія непріятеля по труднымъ горнымъ дорогамъ и тропинкамъ, при гололедицѣ. Среднимъ числомъ было по 500 штыковъ въ баталіонѣ и по 80 всадниковъ въ эскадронѣ.

„Но, несмотря на все это, бодрость въ людяхъ удивительная. Духъ офицеровъ и солдатъ превосходный.

„Состояніе здоровья, благодаря обильному продовольствію на счетъ средствъ страны и захваченнымъ турецкимъ запасамъ, въ особенности же благодаря обильной мясной дачѣ — хорошо. Даже большинство отсталыхъ были совершенно здоровые люди, которые не могли идти лишь по недостатку обуви или потому, что обморозили ноги еще на Балканахъ. Поэтому, еслибы дать войскамъ продолжительный отдыхъ, необходимый для сбора отсталыхъ, исправленія одежды и обуви, ковки и поправки лошадей, и для того, чтобы подтянуть артиллерію, обозы и парки, то войска могли бы скоро быть приведены въ состояніе настолько хорошее, какъ нельзя было даже ожидать послѣ тѣхъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній, которые онѣ вынесли.

„Но дать этотъ отдыхъ, по моему крайнему убѣжденію, было нельзя. Турки, послѣ неожиданнаго для нихъ перехода нашего черезъ Балканы, послѣдовательнаго спуска нашего съ горъ въ разныхъ мѣстахъ, еще болѣе неожиданнаго плѣненія шипкинской арміи и быстраго появленія нашихъ войскъ въ тылу Сулеймана на пути къ Адріанополю, были поражены какъ громовымъ ударомъ. Всюду распространился паническій ужасъ. Все мусульманское населеніе забалканской Болгаріи почти поголовно бѣжало: или къ Константинополю, забравъ все, что можно, съ собой и уничтожая все остальное; или вооруженными шайками въ горы, къ югу отъ Самакова и Филиппополя. Разгромленная армія Сулеймана-паши бѣжала вразсыпную къ Эгейскому морю.

„Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я твердо рѣшился продолжать самое энергическое наступленіе къ Константинополю, не ожидая ни сбора отсталыхъ, ни исправленія обуви, ни артиллеріи, ни парковъ, а идти безостановочно впередъ, съ тѣмъ, что есть подъ рукою, чтобы не дать туркамъ времени ни оправиться отъ овладѣвшей ими паники, ни организовать оборону столицы, ни собрать и подвезти туда моремъ остатки разбитой

арміи Сулеймана и другія войска. Именно въ это время турки стягивали все, что могли, къ Константинополю, на линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмеджи, уклоняясь при отступленіи отъ всякихъ столкновеній даже съ нашими разъѣздами.

„Я приказалъ: авангарду и кавалеріи наступать безостановочно, а главнымъ силамъ начать общее наступленіе тотчасъ, какъ только соберется къ Адріанополю весь отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, т.-е. 19-го января. Затѣмъ, въ виду разлива Марицы и сноса мостовъ, и происшедшей оттого задержки въ движеніи войскъ между Херманли и Адріанополемъ, я отсрочилъ начало общаго наступленія до 21-го января.

„Въ настоящемъ же положеніи войска останутся теперь нѣсколько дней, отдохнутъ, приведутъ въ исправность одежду и обувь и затѣмъ будутъ поставлены по квартирамъ, на все время перемирія, такъ, чтобы сочетать удобства размѣщенія съ полною готовностью къ возобновленію военныхъ дѣйствій на случай, если бы миръ не состоялся. Я еще не рѣшилъ окончательно, какъ расположу для этой цѣли войска; пока могу лишь сказать, что постараюсь какъ можно скорѣе вывести бо̀льшую часть ихъ изъ Адріанополя, такъ какъ скученное расположеніе въ этомъ городѣ можетъ породить эпидемическія болѣзни, которыхъ до сихъ поръ, слава Богу, не было. Въ Адріанополѣ я оставлю только 5-ю пѣх. дивизію и бугскій уланскій полкъ. Управленіе этимъ городомъ и всѣми санджаками Адріанопольскаго вилайета, находящимися въ нашей власти, я ввѣрилъ, съ 17-го января, командиру 9-го арм. корпуса ген.-лейт. Свѣчину, на правахъ военнаго генералъ-губернатора. Помощникомъ его назначилъ начальника штаба того же корпуса, генералъ-маіора Липинскаго.—Адріанополь, 22-го января 1878 г.".

Отъ Государя получена сегодня слѣдующая телеграмма, поданная въ Петербургѣ 19-го января въ 12 ч. 40 м. пополуночи.

„Сообщаю тебѣ телеграмму султана, полученную сегодня вечеромъ, и мой отвѣтъ:

„Его Величеству Императору Всероссійскому. Константинополь, 30-го января 1878. Мое правительство телеграфировало 24-го сего мѣсяца моимъ уполномоченнымъ о принятіи главныхъ основаній, предложенныхъ Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ для заключенія перемирія и возстановленія мира. Съ тѣхъ поръ прошло шесть дней, но мое правительство все еще не получило отвѣта на это сообщеніе. По принятіи моимъ правительствомъ главныхъ основаній перемирія и мира, продолженіе воен-

ныхъ дѣйствій уже не вызывается необходимостью и не можетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ увеличенія страданій моихъ подданныхъ, уже подвергшихся столь тяжкимъ испытаніямъ. Посему я обращаюсь къ человѣколюбивымъ чувствамъ В. И. В. и прошу—соблаговолите повелѣть командующимъ арміями прекратить враждебныя дѣйствія.—Абдулъ Гамидъ".

„Мой отвѣтъ:

„Его величеству султану, въ Константинополь.

„Я еще не имѣлъ извѣстія о полученіи уполномоченными вашего величества въ главной квартирѣ согласія вашего на принятіе главныхъ основаній перемирія. Когда уполномоченные объ этомъ заявятъ — братъ мой уполномоченъ согласиться на перемиріе. Ваше величество можете быть убѣждены, что я искренно раздѣляю ваше желаніе мира, но мнѣ нуженъ, я скажу даже, *намъ* нуженъ миръ прочный и солидный.—Александръ".

Изъ этой телеграммы ясно видно, до какой степени султанъ дрожалъ за свою судьбу, и какъ плохо, слѣдовательно, чувствовали себя турки все послѣднее время.

Вечерняя обычная телеграмма Великаго Князя Государю была сегодня очень коротка:

„Новаго ничего нѣтъ. По донесенію отъ 18-го января, генералъ Столѣтовъ занялъ Котелъ послѣ ряда безпрерывныхъ стычекъ. Въ одной изъ нихъ тяжело раненъ въ руку флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій. Сегодня отправилъ къ тебѣ курьеромъ ординарца моего Рыдзевскаго съ журналомъ и условіями перемирія.—Адріанополь, 22-го января, 8 ч. вечера".

23 января. — Я совсѣмъ забылъ упомянуть, что вчера Великій Князь давалъ большой обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ находящіеся въ Адріанополѣ старшіе начальники, до командировъ отдѣльныхъ частей войскъ и начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ включительно. Передъ этимъ обѣдомъ, разбирая вновь полученныя газеты, я нашелъ въ нихъ письмо командира прусскаго гвардейскаго корпуса, принца Августа Виртембергскаго, къ нашему Государю, и прочелъ его Великому Князю, который велѣлъ мнѣ, подъ конецъ обѣда, прочесть это письмо вслухъ всѣмъ приглашеннымъ. По окончаніи чтенія, Великій Князь всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье вѣрнаго друга нашего Государя, императора германскаго, и „ура" ему. Музыка заиграла германскій гимнъ, который былъ выслушанъ стоя и покрытъ криками „ура".

Сегодня Великій Князь приказалъ составить двѣ благодарственныхъ телеграммы: французскую—императору Вильгельму и нѣмецкую—принцу Августу Виртембергскому. Составленіе первой взялъ на себя самъ Непокойчицкій, а вторую — приказалъ составить мнѣ. Вотъ онѣ обѣ:

1) „Берлинъ. Его величеству императору.

„Вчера узналъ изъ полученныхъ мною изъ Петербурга газетъ о чудномъ письмѣ, которое принцъ Августъ Виртембергскій послалъ, съ вашего соизволенія, отъ своего имени и отъ лица блистательнаго геройскаго корпуса прусской гвардіи, — моему брату Государю Императору, поздравляя его съ побѣдами дѣйствующей арміи, въ составъ которой входитъ и гвардія. Письмо это было прочитано въ присутствіи начальниковъ частей войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собравшихся у меня къ обѣду. Взрывъ восторга былъ необычайный. Дружелюбныя чувства несравненныхъ собратій по оружію заставили забиться всѣ сердца и долго не умолкало наше „ура" во славу вашу и вашей арміи. Какъ отъ себя, такъ и отъ лица всей арміи, и въ особенности гвардейскаго корпуса, я счастливъ выразить вашему величеству чувства нашей живѣйшей благодарности. Да сохранится навсегда взаимное чувство братства, во славу обѣихъ армій и на процвѣтаніе обѣихъ имперій".

2) „Берлинъ. Принцу Августу Виртембергскому, командиру гвардейскаго корпуса.

„Ваше королевское высочество. Только вчера мы имѣли неожиданное удовольствіе прочесть ваше столь дорогое для насъ письмо Государю Императору нашему, отъ имени прославленной прусской гвардіи. Благодаря случаю, письмо было получено именно въ то время, когда всѣ начальники частей войскъ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собрались ко мнѣ къ обѣду. Это доставило мнѣ радость прочесть ваше письмо вслухъ представителямъ нашей гвардіи и провозгласить здравицу дорогому и вѣрному другу Россіи, великому императору Вильгельму и его славной гвардіи и арміи. Послѣдовало восторженное, нескончаемое „ура". Дай Богъ, чтобы наши взаимно-дружескія чувства и наше старинное, уже много десятковъ лѣтъ продолжающееся братство по оружію— оставалось незыблемо и впредь. — Главнокомандующій".

Государю было донесено объ этомъ особою телеграммою, и кромѣ того послана слѣдующая:

„Циммерманъ доноситъ, что послѣ дѣла 14-го января турки ночью очистили Базарджикъ и, оставивъ тамъ склады оружія и артиллерійскаго имущества, отступили въ Варну. Три мечети,

армянскую церковь и провіантскій складъ въ болгарской церкви турки подожгли, но жители потушили пожаръ. Въ Базарджикѣ остался госпиталь „Красной Луны“ съ 250 тяжело ранеными турками и египтянами и 70 больными. Городъ не разоренъ; укрѣпленія, весьма сильныя, также цѣлы.—Адріанополь, 23-го января 8 ч. вечера“.

Уже по отправленіи этой телеграммы, была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. 55 м. вечера 20-го января: „Послѣднее извѣстіе изъ Константинополя о согласіи Порты на наши условія послано оттуда 12-го числа, но до сихъ поръ не имѣю отъ тебя извѣстія, начаты ли переговоры о перемиріи. По общимъ политическимъ соображеніямъ, желательно ускорить заключеніе перемирія и не давать предлога къ толкованію, будто мы нарочно тянемъ переговоры, чтобъ ближе подойти къ Царьграду. Такое желаніе отнюдь не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія“.

Изъ этого видно, какъ запаздываютъ телеграммы: 20-го, вечеромъ, Государь не зналъ даже о началѣ переговоровъ, тогда какъ 19-го вечеромъ они уже были кончены.

24 января.—Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 18-го января, въ 5 ч. 40 м. дня.

„Телеграммы твои по прибытіи въ Адріанополь получилъ только сегодня. Радуюсь радушному пріему и блестящему состоянію, въ которомъ нашелъ гвардію. Повтори ей мое спасибо за молодецкую службу. На чемъ остановились переговоры? Правда ли, что турки приняли наши условія? Желательно весьма ускорить устройствомъ телеграфной линіи до Адріанополя“.

Не знаю, чтò отвѣтилъ Великій Князь. Вечеромъ сидѣлъ у него очень долго. Были еще графъ Шуваловъ и принцъ „Сандро“ Баттенбергъ (третьяго дня пріѣхавшій); Великій Князь разспрашивалъ его о разныхъ подробностяхъ петербургской придворной жизни, о тамошнемъ настроеніи и т. п. Между прочимъ, принцъ разсказалъ, что Государь послалъ его для участія во второмъ забалканскомъ походѣ (онъ участвовалъ и въ первомъ), никакъ не ожидая, что онъ будетъ законченъ такъ быстро. При дворѣ, по словамъ принца, ожидали, что мы подойдемъ къ Адріанополю лишь позднею весною. Такимъ образомъ, быстрый захватъ всей забалканской Болгаріи долженъ былъ быть для Государя полнымъ сюрпризомъ. Впрочемъ, это было сюрпризомъ и для насъ самихъ.

Получена сегодня еще депеша отъ князя Милана сербскаго,

изъ Ниша, отъ 22-го января (3-го февраля), въ отвѣтъ на увѣдомленіе о перемиріи:

„Принося благодарность Вашему Императорскому Высочеству за августѣйшее сообщеніе о перемиріи, которымъ вы меня удостоили и которое я получилъ только сегодня, 22-го, послѣ обѣда,—я почтительно довожу до высокаго свѣдѣнія вашего, что я поспѣшилъ послать всѣмъ начальникамъ приказаніе: немедленно прекратить военныя дѣйствія и войти въ сношеніе съ оттоманскими начальниками объ установленіи демаркаціонной линіи сообразно съ инструкціями, которыя будутъ мною даны по прибытіи офицера, спеціально посланнаго Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ. Я особенно тронутъ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, съ которымъ Ваше Императорское Высочество изволили сообщить мнѣ, что Его Величество Государь Императоръ, нашъ августѣйшій покровитель, великодушно удостоилъ взять интересы Сербіи подъ свое могущественное покровительство.—Князь Миланъ Сербскій“.

25 января. — Получены двѣ сильно запоздалыя телеграммы Государя:

1) Отъ 4 ч. пополудни 20-го января:

„Крайне сожалѣю о пожарѣ казармы, въ которой помѣщался л.-гв. московскій полкъ, и о погибшихъ людяхъ и знамени 4-го баталіона. Прикажу имъ выдать новое. Понять не могу, что не получилъ еще извѣщенія о принятіи турками нашихъ условій“.

2) Отъ 3 ч. 30 м. дня 21-го января:

„Телеграмму твою отъ 19-го числа о заключеніи перемирія только-что получилъ, и благодарю Бога за достигнутый результатъ. Условія насчетъ крѣпостей признаю весьма выгодными. Сообщи мнѣ, положенъ ли срокъ перемирію? Желаю, чтобы ты разрѣшилъ сыновьямъ моимъ возвратиться сюда на нѣкоторое время“.

На вторую телеграмму Великій Князь немедленно отвѣтилъ въ $9^1/_2$ ч. вечера:

„Срокъ на перемиріе не назначенъ. Они просили, но я отклонилъ, потому что нахожу, что выгоды отъ этого не было бы никакой, а выговорено, что перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ. Такъ что если увижу, что переговоры будутъ затягиваться, то я всегда волёнъ имъ назначить срокъ, и если ихъ не окончатъ къ тому времени, то буду всегда въ состояніи прервать переговоры. Всѣмъ тремъ племянникамъ далъ немедленное приказаніе выѣхать въ Петербургъ“.

Еще до полученія телеграммы Государя, Великій Князь телеграфировалъ ему сегодня слѣдующее:

„Турки ждутъ съ нетерпѣніемъ скорѣй покончить дѣло и заключить миръ. Про Игнатьева еще ничего не знаю, гдѣ онъ. Турки весьма любезны и во всемъ до крайности предупредительны. Сегодня войска мои выступаютъ изъ Адріанополя для занятія болѣе удобныхъ мѣстъ и чтобъ приблизиться къ демаркаціонной линіи. Здоровье войскъ пока самое удовлетворительное".

Наслѣднику Цесаревичу послана телеграмма въ Брестовацъ:

„Государь приказалъ мнѣ васъ троихъ немедленно отпустить на нѣкоторое время въ Петербургъ. Поэтому, на время твоего отсутствія, прошу тебя передать командованіе восточнымъ отрядомъ Тотлебену, а Ванновскому вернуться къ своему корпусу. Дай знать мнѣ, когда полагаете всѣ трое выѣхать".

Затѣмъ Государю послана еще одна телеграмма, составленная по полученнымъ въ теченіе дня свѣдѣніямъ:

„Цесаревичъ сообщаетъ, что къ 21-му января окончательно обложилъ Рущукъ и готовился уже потребовать черезъ парламентера сдачи крѣпости, а въ случаѣ отказа начать усиленное бомбардированіе, какъ получилъ мою телеграмму о заключеніи перемирія и посему пріостановилъ дѣйствія.

„Циммерманъ доноситъ, что 19-го января высланный имъ летучій отрядъ охотниковъ кинбурнскаго драгунскаго полка, капитана Раховича, разрушилъ динамитомъ на протяженіи двухъ верстъ желѣзную дорогу, въ 17 верстахъ отъ Варны, сжегъ станцію Гебеджи и испортилъ двѣ телеграфныя линіи".

Великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ:

„Крѣпости турки должны очистить, со дня полученія на мѣстѣ начальниками ихъ на то приказанія, въ семидневный срокъ. Орудія и имущество остаются за турками и, если не могутъ быть вывезены въ назначенный срокъ, то принимаются нашими властями на храненіе по инвентарю, въ двухъ экземплярахъ описей. Продовольственные припасы, подверженные порчѣ, могутъ быть проданы турками или уступлены намъ, по взаимному соглашенію. Блокада портовъ Чернаго моря снимается, торговое плаваніе возстановляется. О Батумѣ ничего пока не выговорено. — Адріанополь, 25-го января, 9½ ч. вечера".

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы:

1) Отъ князя Карла Румынскаго, изъ Бухареста, отъ 4-го февраля (23-го января), 2 ч. пополудни:

„Я получилъ депешу, которою Ваше Императорское Высочество извѣщаете меня о заключеніи перемирія. Прежде всего по-

здравляю отъ всего сердца васъ и доблестную императорскую армію съ блестящими успѣхами и достигнутыми славными результатами. Очень сожалѣю, что въ Петербургѣ не приняли во вниманіе нашу просьбу о допущеніи румынскаго уполномоченнаго къ участію въ заключеніи перемирія, въ качествѣ представителя союзной воюющей націи. Это ставитъ мое правительство въ весьма затруднительное положеніе передъ страною. Принимая въ соображеніе это незаслуженное устраненіе, я прикажу приготовиться къ занятію Виддина и Бѣлградчика и удержу эти крѣпости и прочіе города дунайскаго побережья въ видѣ залога, впредь до уплаты военныхъ издержекъ и вознагражденія, которое Турція должна уплатить Румыніи. — Карлъ".

Замѣчательная притязательность! Конечно, не самъ князь Карлъ сочинилъ эту телеграмму, а его первый министръ Братіано. Турки смотрятъ на румынъ (и совершенно правильно), какъ на возмутившихся вассаловъ, а румыны возмнили себя равноправною намъ воюющею державою. Не только желаютъ наравнѣ съ нами участвовать въ мирныхъ переговорахъ, но еще убѣждены въ своемъ правѣ требовать отъ Турціи уплаты денежныхъ издержекъ за свое возстаніе противъ ея верховной власти. Какое самомнѣніе! Они даже забыли, что независимость Румыніи еще должна быть оформлена мирнымъ договоромъ и признана всѣми державами.

Сомнѣнія нѣтъ, что турецкіе уполномоченные наотрѣзъ отказались бы вести мирные переговоры съ румынами.

Черногорскіе орлы, которые никогда не были подвластны туркамъ, не выражаютъ претензіи участвовать въ мирныхъ переговорахъ, а румынскіе индюки уже надулись и распустили хвосты. Вотъ что телеграфируетъ князь черногорскій изъ Даниловграда, отъ 6 ч. вечера того же 4-го февраля (23-го января):

„Въ лагерѣ у Подгорицы, 22-го января, я имѣлъ честь получить депешу Вашего Императорскаго Высочества. Съ безграничною радостью мы узнали о подписаніи предварительныхъ мирныхъ условій, полагающемъ конецъ жертвамъ благородной русской арміи и столь славно вѣнчающемъ усилія главнокомандующаго. Отъ всего сердца благодарю, что Ваше Высочество приняли въ этомъ случаѣ подъ свое покровительство интересы Черногоріи. Ожидаю съ величайшимъ довѣріемъ подробностей, которыя Ваше Императорское Высочество соблаговолили послать мнѣ съ ординарцемъ, въ увѣренности, что за участь Черногоріи безпокоиться нечего, ибо она въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. Отдаю немедленно приказанія начальникамъ моихъ передовыхъ постовъ условиться съ турецкими начальниками насчетъ прекра-

щенія военныхъ дѣйствій, на основѣ сохраненія обѣими сторонами своихъ позицій. — Николай“.

Доблестный вождь геройскаго независимаго народа не предъявляетъ никакихъ претензій, а Румынія, всего четверть вѣка тому назадъ полуосвобожденная отъ многовѣкового турецкаго ига— мнитъ себя нашею равноправною союзницею. Впрочемъ—румыны уже теперь убѣждены, что они взяли Плевну,—и еслибъ не ихъ опереточныя войска, то мы бы пропали.

26 января.—Никакихъ свѣдѣній ниоткуда не получено, кромѣ извѣстія о предстоящемъ прибытіи Игнатьева. Великій Князь въ 9 часовъ вечера телеграфировалъ Государю:

„Сегодня вечеромъ жду Игнатьева: онъ уже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ изъ Сеймени.

„Сегодня утромъ Серверъ и Намыкъ уѣхали въ Константинополь за инструкціями, съ тѣмъ, чтобы на дняхъ вернуться“.

27 января. — Сегодня рано утромъ прибылъ Игнатьевъ. Я его еще не видалъ, но вечеромъ за чаемъ Великій Князь разсказывалъ, что Государь желаетъ по возможности заключить сепаратный миръ съ Турціей и предоставляетъ Великому Князю съ Игнатьевымъ и Нелидовымъ выяснить путемъ переговоровъ, расположены ли къ этому сами турки, или нѣтъ. Ничего существенно-новаго въ инструкціяхъ Игнатьева нѣтъ, кромѣ трехъ пунктовъ: 1) Болгарія должна сдѣлаться не автономною провинціею, а вассальнымъ государствомъ; посему въ ней не должно вовсе быть турецкихъ войскъ, а слѣдовательно и Шумла должна быть отъ нихъ очищена; 2) часть дани, которую вассальная Болгарія должна платить султану, должна быть, въ теченіе 38 лѣтъ, уплачиваема Россіи въ вознагражденіе за военныя издержки; 3) Турція должна возвратить свободу болгарамъ, сосланнымъ въ Малую Азію: все это цвѣтъ интеллигенціи, необходимый Болгаріи для начала новой жизни.

Границы будущаго княжества Болгарскаго уже намѣчены въ предварительныхъ условіяхъ мира.

Румыны просили Государя, черезъ Игнатьева, о передачѣ имъ Виддина со всѣмъ его имуществомъ. Князь Горчаковъ уже сообщилъ Великому Князю, что со стороны Государя препятствій нѣтъ (notre auguste Maître n'a rien contre), но Великій Князь находитъ, что этого сдѣлать нельзя: по условіямъ перемирія турки вправѣ вывезти изъ всѣхъ очищаемыхъ ими крѣпостей весь

военный матеріалъ въ семидневный срокъ, а что не успѣютъ вывезти—все-таки остается ихъ собственностью.

Со словъ Игнатьева, Великій Князь полагаетъ, что турки согласятся на всѣ наши условія. Сомнѣваюсь: Игнатьевъ слишкомъ извѣстенъ своимъ оптимизмомъ, а Великій Князь слишкомъ часто смѣшиваетъ свои желанія и даже иллюзіи съ дѣйствительностью.

Мысль о переселеніи на берегъ Мраморнаго моря лелѣется Великимъ Княземъ попрежнему. Еще третьяго дня великій князь Николай Николаевичъ Младшій поѣхалъ съ Галломъ въ Селиврію и Родосто на развѣдку. Сегодня Великій Князь сказалъ, что Игнатьевъ также сочувствуетъ его мысли о переѣздѣ, находя весьма важнымъ быть, во время переговоровъ, поближе къ Константинополю.

По моему, доводъ несостоятельный. Близость Селивріи къ Константинополю—только геометрическая. Изъ Адріанополя всего 4 — 6 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и обезпеченное телеграфное сообщеніе, а Селиврія—въ 45 верстахъ отъ Константинополя (Родосто—еще дальше) и въ 30-ти верстахъ отъ ближайшей телеграфной станціи. Дорога такъ плоха, что хоть новую строй, а телеграфъ на 30 верстъ надо устраивать вновь. Единственное удобное сообщеніе, да и то невполнѣ, — моремъ. Но у Селивріи мелководно, такъ что пароходы близко подойти не могутъ, да ихъ пока и нѣтъ. Однимъ словомъ—переѣзжать изъ Адріанополя не разсчетъ, съ какой стороны ни поверни.

Скалонъ, Чингисханъ и я высказали все это Великому Князю и упрашивали его не спѣшить переѣздомъ, приказать устроить сперва дорогу и телеграфъ и привести пароходы, а переѣзжать—уже на готовое. Великій Князь слушалъ, не возражая, но, конечно, не намъ его переубѣдить: мысль о скорѣйшемъ переѣздѣ въ Селиврію засѣла слишкомъ крѣпко.

Великій Князь разсказалъ еще, что разспрашивалъ Игнатьева объ обстоятельствахъ предполагавшагося назначенія Обручева начальникомъ штаба къ Цесаревичу. По словамъ Игнатьева, Цесаревичъ просилъ назначить графа Воронцова-Дашкова, но Государь отказалъ наотрѣзъ и предложилъ Цесаревичу, по совѣту Милютина, взять въ начальники штаба Обручева. Цесаревичъ, по совѣту графа Воронцова-Дашкова, согласился. Послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ, назначеніе Обручева было предложено Великому Князю уже какъ ходатайство Цесаревича.

Точность этого разсказа—на отвѣтственности Игнатьева, но

Великій Князь повѣрилъ вполнѣ и долго разсуждалъ сегодня вечеромъ съ нами на эту тему.

Отъ Государя получена телеграмма, посланная 22-го января въ 4 ч. 45 м. дня:

„Телеграмма твоя отъ 18-го дошла до меня сегодня, а вчера вечеромъ (т.-е. 21-го) получилъ письмо твое отъ 11-го января. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю. Сегодня отслужили молебенъ и былъ потомъ у отличнаго развода выборгскаго полка. Мы должны остаться наготовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира“.

Государю донесено:

„17-го января войска наши заняли Eски-Джуму, гдѣ нашли картину страшнаго разрушенія. Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ, а у околицы валялось болѣе 200 труповъ зарѣзанныхъ и изувѣченныхъ женщинъ и дѣтей. Изъ Eски-Джумы войска наши продвинулись впередъ до Eски-Стамбула и Вербицы, но когда, 23-го января, было получено въ Eски-Джумѣ извѣстіе о перемиріи, то войскамъ немедленно приказано было очистить Eски-Стамбулъ и Вербицу и отойти за демаркаціонную линію.

„Сегодня рано утромъ прибылъ графъ Игнатьевъ.—Адріанополь, 27 января, 8 ч. вечера“.

29 января. — 24-го января было, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя, засѣданіе Георгіевской кавалерской думы.

Въ засѣданіи этой кавалерской думы вышелъ слѣдующій рѣдкій случай. При обсужденіи вопроса о фонъ-Раабенѣ, котораго князь Святополкъ-Мирскій представилъ къ георгіевскому кресту за послѣдній шипкинскій бой, Великій Князь возразилъ, что за одно и то же дѣло нельзя давать крестъ двоимъ. Представленіе фонъ-Раабена было обусловлено тѣмъ, что онъ развѣдалъ обходный путь лѣвой колонны и провелъ ее, а между тѣмъ за это уже получилъ георгіевскій крестъ Соболевъ. Князь Мирскій возразилъ, что Соболевъ былъ при его колоннѣ только волонтеромъ, и онъ его къ кресту не представлялъ. Дѣйствительно, Великій Князь поторопился, представивъ Соболева телеграммою къ Георгію самъ: онъ *думалъ*, что Соболевъ велъ лѣвую колонну, а мысль эта засѣла у него въ головѣ потому, что еще въ началѣ декабря Соболевъ доказывалъ въ главной квартирѣ легкость обхода праваго фланга турокъ, а Дмитровскій съ нимъ спорилъ, напоминая Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ по этой дорогѣ любителемъ и лѣтомъ, когда непріятеля не было, а теперь—зима и противъ насъ турки. Тогда кончилось тѣмъ, что Собо-

левъ былъ командированъ въ распоряженіе князя Мирскаго, и Великій Князь остался подъ впечатлѣніемъ, что онъ проведетъ лѣвую колонну.

Когда въ думѣ дѣло выяснилось, Соболевъ уже былъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ за подвигъ, котораго не совершалъ. Тѣмъ не менѣе, Великій Князь настойчиво отвергалъ представленіе фонъ-Раабена. Долго длился горячій споръ между Великимъ Княземъ и княземъ Мирскимъ. Наконецъ, послѣдній заявилъ: если фонъ-Раабену нельзя дать креста согласно представленію, то онъ заслужилъ его вторично за бой 27-го декабря. А именно: онъ, князь Мирскій, сражаясь цѣлый день одинъ и потерявъ надежду на условленное содѣйствіе колонны Скобелева, уже рѣшилъ ночью отступить—и если этого не сдѣлалъ, то только по усиленному настоянію фонъ-Раабена. А еслибъ онъ отступилъ, то на слѣдующій день, 28 декабря, Скобелеву тоже пришлось бы сражаться одному, и сдача турецкой арміи не могла бы состояться.

Этотъ неотразимый аргументъ подѣйствовалъ, и фонъ-Раабену былъ присужденъ георгіевскій крестъ. Рѣдкій начальникъ рѣшился бы завинить самого себя, только чтобъ добиться заслуженной награды подчиненному. Великій Князь вполѣ оцѣнилъ благородный поступокъ кн. Мирскаго и тутъ же, въ думѣ, выразилъ ему это.

Погода уже нѣсколько дней дивная, совсѣмъ лѣтняя, и не только днемъ, но и вечеромъ.

Вернулись великій князь Николай Николаевичъ Младшій и Галлъ, ѣздившіе на Мраморное море выбирать мѣсто для главной квартиры. Къ большому моему удовольствію оказалось, что удобнаго мѣста нѣтъ. Помѣщеній очень мало и всѣ „безпечныя". Съ продовольствіемъ трудно, а фуража вовсе нѣтъ. Дороги (отъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій) къ Родосто, Селиври и Эрекли невозможно плохи. Эти свѣдѣнія значительно охладили стремленіе къ переѣзду: дастъ Богъ, ничего изъ этого не выйдетъ.

Вечеромъ получена отъ Сервера-паши (министра иностранныхъ дѣлъ) изъ Константинополя очень серьезная телеграмма, возвѣщающая начало англійскаго вмѣшательства въ наши дѣла. По настоящему, на эту телеграмму слѣдовало бы отвѣтить движеніемъ нашихъ войскъ впередъ къ Константинополю, но понятно, что послѣ состоявшагося перемирія Великій Князь этого не можетъ сдѣлать. Пришлось ограничиться донесеніемъ Государю. На шифровку депешъ ушелъ весь вечеръ.

Прежде всего Государю была послана предупредительная

телеграмма слѣдующаго содержанія, составленная Великимъ Княземъ лично:

„Немедленно за симъ посылаю тебѣ депешу, полученную мною отъ Порты, и мой отвѣтъ, составленный въ убѣжденіи, что въ этомъ случаѣ, поддерживая ее, я дѣйствую въ смыслѣ твоихъ намѣреній, и что въ томъ же духѣ ты приказалъ влiять на кабинеты въ Петербургѣ".

Затѣмъ, уже послѣ полуночи, началась передача Государю слѣдующей депеши (помѣченной посему 30-мъ января), составленной по-французски и зашифрованной Нелидовымъ, отъ имени Великаго Князя:

„Получилъ сегодня вечеромъ (т.-е. 29-го) слѣдующую депешу:

„Отъ Сервера-паши: Британское посольство въ Константинополѣ и комендантъ Дарданеллъ увѣдомили насъ вчера вечеромъ (т.-е. 28 января), что шесть судовъ англійскаго флота получили приказаніе пройти проливъ. Черезъ нѣсколько часовъ комендантъ снова телеграфировалъ намъ для свѣдѣнія, что вслѣдствіе его заявленія о неимѣніи отъ Порты приказа на разрѣшеніе пропуска — суда эти возвратились въ Безику. Оттоманскій посолъ въ Лондонѣ телеграфируетъ намъ съ своей стороны, что лордъ Дэрби заявилъ въ парламентѣ объ отданномъ адмиралу Горнби приказаніи идти съ шестью судами къ Константинополю, для защиты англійскихъ подданныхъ, и что о рѣшеніи этомъ сообщено правительствамъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Оставаясь вѣрною духу своихъ обязательствъ, Блистательная Порта считаетъ долгомъ довести вышеизложенное до вашего свѣдѣнія и поспѣшаетъ заявить, что безопасность столицы не оставляетъ ничего желать, и что она будетъ настаивать передъ британскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ упомянутой мѣры".

„*Я отвѣтилъ*: „Благодарю васъ за сообщеніе о попыткѣ англійскаго флота войти въ проливъ. Отвѣтъ Порты тѣмъ болѣе одобряю, что еслибы я опасался за христіанъ и соотечественниковъ нашихъ въ столицѣ султана, то счелъ бы своею обязанностью прибѣгнуть къ подобнымъ же мѣрамъ. Во всякомъ случаѣ, принимая въ соображеніе то стѣсненное положеніе, въ которомъ окажется Порта вслѣдствіе присутствія въ столицѣ иностранной вооруженной силы, попирающей традиціонный принципъ закрытія проливовъ, и имѣя въ виду то прискорбное вліяніе, которое можетъ быть оказано давленіемъ этого рода на ходъ нашихъ переговоровъ,—я счелъ долгомъ донести объ этомъ Государю Императору на случай, если и я буду вынужденъ обезпе-

чить безопасность нашего соглашенія принятіемъ соотвѣтствующихъ гарантій".

Очевидно, англичане заварятъ кашу, расхлебать которую будетъ нелегко.

30 января. — Цѣлый рядъ важныхъ телеграммъ. Настроеніе напряженное. Будущее становится загадочнымъ.

Государь телеграфируетъ отъ 12 ч. 20 м. дня 25-го января (телеграмма эта шла только до Ески-Загры, а оттуда — съ нарочнымъ):

„Всѣ телеграммы твои до 20-го числа включительно до меня дошли. Сегодня (25-го) отправляется къ тебѣ полковникъ Боголюбовъ, а завтра или въ пятницу (27-го)—фельдъегерь съ моимъ письмомъ. Обращаю особенное вниманіе твое на шифрованную телеграмму вчера (24-го) Нелидову. Вчера утромъ, при пріемѣ просителей, одна нигилистка выстрѣлила почти въ упоръ въ бѣднаго Трепова и причинила ему весьма серьезную рану".

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена и та шифрованная телеграмма князя Горчакова Нелидову, отъ 24-го января; эта телеграмма сообщаетъ, что, въ виду грабежей и убійствъ башибузуками въ Эпирѣ и Ѳессаліи, греческій король ввелъ туда свои войска для защиты подданныхъ; но императоръ далъ ему совѣтъ немедленно вывести войска обратно, такъ какъ это можетъ повредить заключенію мира; Турціи же предложено прекратить безпорядки и не вступать въ борьбу съ греками.

Это намѣреніе Греціи пристроиться къ намъ по окончаніи войны—напоминаетъ Крыловскаго зайца, явившагося къ дѣлежу шкуры убитаго медвѣдя. Надо надѣяться, что „инцидентъ исчерпанъ".

Великій Князь отвѣчалъ собственноручно:

„Получилъ твою телеграмму отъ 25-го числа только сегодня ночью. По шифрованной телеграммѣ будетъ все исполнено. Очень жаль бѣднаго Трепова. Все благополучно. Здоровье войскъ покуда хорошо, но очень боюсь весны, потому что по всему краю валяются во множествѣ падаль и мертвыя тѣла, какъ послѣдствіе рѣзни турками болгаръ при уходѣ первыхъ изъ селеній и мести болгаръ туркамъ. Хотя приняты мѣры для уборки и погребенія тѣлъ, но число ихъ такъ велико, что, боюсь, можетъ развиться зараза".

Кромѣ этой телеграммы, Государю послана сегодня еще слѣдующая:

„Войска генерала Циммермана, до полученія приказанія моего

насчетъ перемирія, заняли 22-го января Бальчикъ, Козлуджу и Праводы. Генералъ-адъютантъ Манзей вступившій туда съ кинбурнскими драгунами и бѣлорусскими гусарами, былъ встрѣченъ жителями съ хлѣбомъ-солью. Непріятель передъ нимъ бѣжалъ. По полученіи извѣстія о перемиріи, Циммерманъ послалъ 23-го января въ Варну полковника Повало-Швейковскаго и капитана Гершельмана, которые и были приняты принцемъ Гассаномъ весьма любезно. Несмотря на то, что онъ имѣлъ лишь полуоффиціальное извѣщеніе о перемиріи, принцъ Гассанъ изъявилъ готовность назначить на другой же день офицеровъ для проведенія демаркаціонной линіи. Видѣнныя нашими офицерами, египетскія войска всѣ имѣютъ отличную военную выправку, прекрасно одѣты и строго дисциплинированы.

„25-го января, также еще до полученія извѣстія о перемиріи, генералъ Чернозубовъ съ казанскимъ драгунскимъ и 30-мъ донскимъ полками занялъ Гіумурджину на берегу Эгейскаго моря, въ то время, когда въ сосѣднемъ портѣ Карагачъ садились на суда остатки арміи Сулеймана. Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ съ трубачомъ и двумя казаками въѣхалъ въ Гіумурджину и потребовалъ отъ каймакама сдачи города еще тогда, когда на дворѣ каймакама стояло около полусотни кавалеристовъ конвоя Сулеймана. Каймакамъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ нашего офицера, безпрекословно покорился, а турецкіе всадники ускакали въ Карагачъ. Отрядъ нашъ занималъ Гіумурджину около 24 часовъ, а затѣмъ, получивъ, черезъ Галлиполи и Константинополь, телеграмму генерала Шнитникова, изъ Чорлу, о перемиріи, отошелъ за демаркаціонную линію, въ Местанлы. Самъ Сулейманъ-паша находился въ это время въ Галлиполи.

„Посланные мною въ Черногорію для проведенія демаркаціонной линіи генеральнаго штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ 1-й и ординарецъ мой, поручикъ князь Платонъ Оболенскій, проѣхали туда черезъ Константинополь, гдѣ были встрѣчены чрезвычайно привѣтливо какъ турецкими властями и офицерами, такъ и населеніемъ. На станцію за ними прислали придворные экипажи, показывали городъ, катали ихъ по Босфору на каюкѣ военнаго министра. 27-го января, они выѣхали изъ Константинополя въ Рагузу на пароходѣ, вмѣстѣ съ назначенными для проведенія демаркаціонной линіи турецкими офицерами".

Вечеромъ получена телеграмма князя Горчакова отъ 26-го января; онъ сообщаетъ, что король греческій послѣдовалъ совѣту Государя.

1 февраля. — Вчера, въ 11 час. вечера, прибылъ Савфетъ-паша, уполномоченный султаномъ вести мирные переговоры съ гр. Игнатьевымъ.

Сегодня отправленъ Государю (съ подполковникомъ Сухотинымъ, возвращающимся въ Петербургъ окончательно) слѣдующій отчетъ:

„Немедленно по заключеніи перемирія, я послалъ повсюду телеграммы съ приказаніемъ прекратить военныя дѣйствія и остановиться для отдыха на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кого перемиріе застанетъ. Затѣмъ я далъ приказаніе, чтобы войска расположились на время перемирія слѣдующимъ образомъ [1]...

„Но такое расположеніе не всѣ еще войска занимаютъ: большая часть ихъ находится въ слѣдованіи, но въ концѣ этой недѣли будутъ всѣ на мѣстахъ, кромѣ 2-й бригады 1-й гвард. пѣх. дивизіи, которая придетъ немного позже.

„Генералъ-лейтенанту Скобелеву 2-му, на всякій случай, приказано быть готовымъ захватить линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмедже, по первому моему приказанію.

„Въ заключеніе, считаю долгомъ заявить Вашему Величеству, что турки вездѣ исполняютъ всѣ условія перемирія съ самою педантическою добросовѣстностью, какъ бы желая выказать этимъ свое искреннее желаніе быть съ нами въ дружбѣ".

Отъ Государя получена слѣдующая важная телеграмма (послана 30-го января, въ 5 ч. 40 м. дня).

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галлиполи и Дарданеллъ. Въ случаѣ, еслибы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ, въ такомъ случаѣ, полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ однако же, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно".

Вслѣдъ за этою телеграммою получены еще двѣ:

Отъ Государя, отъ $9^1/_2$ ч. вечера 31-го января:

„Всѣ телеграммы твои, отъ 27-го до 29-го включительно, дошли до меня сегодня. Удостоенныхъ думою Георгіемъ 4-й степени утверждаю, равно и генерала Петрушевскаго — Георгіемъ 3-й степени. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Рыдзевскаго. Прика-

[1]) Слѣдующее засимъ самое подробное изложеніе расположенія войскъ опускаемъ по вышеизложеннымъ соображеніямъ (стр. 7).—*Ред.*

залъ тебѣ сообщить телеграмму султана и мой отвѣтъ отъ сегодняшняго числа".

Отъ князя Горчакова, отъ 30-го января:

„По высочайшему повелѣнію, я послалъ вчера (т.-е. 29-го января) нашимъ пяти посламъ слѣдующую телеграмму:

„Британское правительство, вслѣдствіе донесенія своего константинопольскаго посла, рѣшило воспользоваться недавно полученнымъ фирманомъ для отправки своего флота къ Константинополю, съ цѣлью обезпеченія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Прочія державы приняли ту же мѣру по отношенію къ своимъ подданнымъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ и насъ принять съ своей стороны мѣры для покровительства тѣмъ христіанамъ, жизнь и имущество коихъ могли бы быть угрожаемы, и, для достиженія этой цѣли, имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь. — Горчаковъ".

Время уже упущено: теперь ничего изъ этого не выйдетъ. А можетъ выйти даже что-нибудь очень скверное для насъ же.

Получена еще телеграмма князя Карла изъ Бухареста, отъ 31-го января:

„Командующій виддинскою арміей обложенія представилъ мнѣ сегодня копію телеграммы, посланной оттоманскимъ военнымъ министромъ Реуфъ-пашою виддинскому коменданту Иззетъ-пашѣ объ очищеніи крѣпости. Согласно этой телеграммы, 5-й пунктъ условій перемирія гласитъ будто бы такъ:

„Оставляя крѣпость Виддинъ, оттоманскія войска отступятъ черезъ ущелье св. Николая съ оружіемъ, боевыми и вещевыми запасами и со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который можетъ быть увезенъ на Акпаланку, Нишъ, Лесковацъ и черезъ Вранью или Приштину, смотря по тому, гдѣ легче будетъ дойти до желѣзной дороги. Какъ военный матеріалъ крѣпости, такъ и принадлежащій государству, со всѣмъ, что къ нему относится, можетъ быть, по желанію, или увезенъ съ собой, или оставленъ подъ присмотромъ русскихъ военныхъ властей, которыя примутъ мѣры для его сохраненія впредь до заключенія мира, согласно двойного инвентаря за подписями обѣихъ сторонъ. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, подверженныхъ естественной порчѣ, то они могутъ быть проданы или уступлены русской военной власти, по взаимному соглашенію. Крѣпость должна быть очищена не позже какъ въ семидневный срокъ, считая со дня полученія мѣстнымъ начальствомъ приказанія объ этомъ".

„Не получивъ еще сообщенія о перемиріи, обѣщаннаго мнѣ те-

леграммою Вашего Императорскаго Высочества съ особымъ курьеромъ, прошу мнѣ телеграфировать срочно: вѣрно ли переданъ телеграммою Реуфа-паши пунктъ пятый условій перемирія.—Карлъ".

Отвѣтъ Великаго Князя:

„Пунктъ пятый переданъ вполнѣ точно".

2 февраля. — Внѣшнія затрудненія продолжаютъ наростать. Сегодня получена слѣдующая телеграмма Государя отъ $12^1/_2$ ч. дня 29-го января, т.-е. отправленная почти 30-ю часами раньше полученной вчера:

„Изъ Лондона получено оффиціальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лейардомъ, объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло состояться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царьградъ даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей".

Сопоставляя содержаніе этой телеграммы и вчера полученной съ прежними руководящими указаніями (см. дневникъ 17-го января, телеграмму Государя отъ 12-го, въ отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ 10-го января, о необходимости безостановочнаго движенія къ Константинополю и Галлиполи), очевидно, что потеря трехъ недѣль времени теперь невознаградима. Что можно было сдѣлать съ налету раньше, теперь уже нельзя. Повѣривъ англичанамъ, мы ихъ не предупредили, а теперь, владычествуя на морѣ, они будутъ господами положенія. Да и турки, имѣя за собою англійскій флотъ, уже не будутъ такъ сговорчивы, какъ прежде. По соглашенію съ ними занять Константинополь не удастся, а занять его силою—теперь мудрено: сила наша вѣдь только призрачная, у насъ почти вовсе нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ. Слава Богу, что этого никто, кромѣ насъ, не знаетъ.

Сегодня цѣлый день шли мирные переговоры между нашими и турецкими уполномоченными.

3 февраля. — Тяжелый день во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ.

Во-первыхъ, получены копіи депешъ, которыми обмѣнялись Государь и султанъ по поводу рѣшенія Государя ввести наши войска въ Константинополь (см. дневникъ 1-го февраля).

Отправлены изъ Петербурга 1-го февраля. Вотъ онѣ:

Телеграмма султана отъ 12-го февраля (31-го января) Государю Императору:

„Депеша Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го (т.-е. 30-го января) сего мѣсяца произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я принялъ на себя обязательства по отношенію къ вашимъ уполномоченнымъ съ цѣлью возстановленія мира. Всѣ народы, подвластные моему скипетру, имѣютъ одинаковое право на покровительство и живутъ въ совершенной безопасности. Права моей имперіи поддерживаются, какъ Вашему Величеству несомнѣнно уже извѣстно, даже въ послѣднемъ дарданельскомъ инцидентѣ, ибо англійскій флотъ удалился тотчасъ же по полученіи напоминанія моего правительства, что вступленіе его противно договорамъ. Посему я не могу ни на одну минуту предположить, чтобы Ваше Величество, будучи уже, конечно, освѣдомлены о дѣйствительныхъ подробностяхъ инцидента, могли привести въ исполненіе мѣры, указанныя въ вашей депешѣ“.

Телеграмма Государя Императора султану отъ 31-го января:

„Только-что получилъ телеграмму вашего величества отъ полудня сего числа. Остаюсь въ томъ же дружелюбномъ и миролюбивомъ настроеніи, но мнѣ трудно согласовать ваше желаніе съ тѣмъ сообщеніемъ, которое я получилъ отъ англійскаго правительства. Оно дало мнѣ знать, что, несмотря на отказъ въ фирманѣ, часть англійскаго флота все-таки вступитъ въ Босфоръ для огражденія жизни и имущества британскихъ подданныхъ. Если англійская эскадра вступитъ въ Босфоръ, мнѣ невозможно не приказать части моихъ войскъ вступить временно въ Константинополь. Ваше величество въ слишкомъ высокой степени обладаете чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы не сознавать: если вышесказанное вступленіе осуществится, то и мнѣ невозможно дѣйствовать иначе“.

Султанъ отвѣчалъ Государю Императору сегодня, 15-го (т.-е. 3-го февраля):

„Я получилъ отвѣтъ Вашего Величества 12-го, вечеромъ, и рѣшился написать королевѣ англійской, настаивая на отмѣнѣ мѣры, влекущей за собою неисчислимыя несчастія для человѣчества. Я все еще надѣюсь, что Ваше Величество соблаговолите содѣйствовать результату, достойному возвышенныхъ чувствъ ва-

шихъ, къ которымъ я взываю. Я прошу только отсрочки, достаточной для полученія отвѣта на мою депешу".

Государь отвѣчалъ султану:

„Я получилъ телеграмму вашего величества отъ 13-го. Я всегда готовъ содѣйствовать огражденію человѣчества отъ несчастій. Я обожду результата сношеній вашихъ съ королевою англійскою".

Получены еще три телеграммы Государя:

Отъ 1-го февраля, 2 ч. 30 м. дня: „Присутствіе Тотлебена здѣсь признаю необходимымъ. Прикажи ему сдать командованіе Дондукову и отправиться немедленно сюда.

„Телеграммы мои султану должны служить руководствомъ и тебѣ".

Отъ 2-го февраля, 12 ч. 50 м. дня: „По свѣдѣніямъ изъ Лондона, англійской эскадрѣ предписано во всякомъ случаѣ идти къ Константинополю, хотя бы и безъ согласія султана. Сообразно сему и намъ слѣдуетъ дѣйствовать, какъ мною приказано на этотъ случай".

Рядъ этихъ телеграммъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Великій Князь, серьезно озабоченный, отвѣчалъ нижеслѣдующими телеграммами, посланными одна за другою: 1-я—около 2-хъ ч. дня, 2-я—въ 5 ч. 40 м. дня.

1) „Телеграммы твои всѣ получилъ, до 1-го числа включительно. Также и князя Горчакова—до 31-го включительно. Все будетъ исполнено. Все пока спокойно; переговоры съ Савфетомъ идутъ пока хорошо. Для принятія Рущука сегодня отправляется коммиссія".

2) „Получилъ сейчасъ твою телеграмму отъ сегодня 2 час. 40 м. дня. Все будетъ исполнено, какъ тобою приказано. Сейчасъ получилъ извѣстіе, будто англійская эскадра прошла Дарданеллы, но въ Босфоръ еще не вступала. Турецкимъ уполномоченнымъ повторилъ предупрежденіе. Они очень взволнованы и опечалены нахальствомъ англичанъ, понимаютъ въ этомъ вопросъ дружества съ нами, послали объ этомъ извѣстить султана. Переговоры идутъ безостановочно и хорошо. Рущукъ и Силистрія принимаются нашими коммиссіями. Вездѣ учтивы и привѣтливы, и въ Силистріи, у турокъ за обѣдомъ, пили твое здоровье".

Сегодня вечеромъ за чаемъ, когда зашла бесѣда о натянутомъ, обостренномъ положеніи дѣлъ, я не задумался высказать Великому Князю свой взглядъ въ присутствіи князя Евгенія Максимиліановича (сегодня пріѣхавшаго), Скобелева 1-го, Чингисхана, Струкова и Скалона. По моему, запоздалое занятіе

Константинополя неминуемо приведетъ къ разрыву съ Англіей, а быть можетъ и съ Австріей. Въ послѣднемъ случаѣ будемъ имѣть противъ себя и Румынію, представители которой глубоко оскорблены недопущеніемъ ихъ къ участію въ мирныхъ переговорахъ и предстоящимъ отторженіемъ отъ Румыніи устьевъ Дуная. Мы не можемъ доводить дѣло до европейской войны: флота у насъ нѣтъ, большая часть нашихъ войскъ въ Турціи, тылъ—въ Румыніи, обращенный къ сторонѣ Австріи. Въ Россіи осталось всего 17 дивизій, которыхъ не хватитъ даже для обороны береговъ и австрійской границы. А Польша? вѣдь подъ вліяніемъ зарубежныхъ польскихъ и венгерскихъ эмиссаровъ она можетъ возстать, если Австро-Венгрія станетъ во враждебное къ намъ положеніе.

Великій Князь возражалъ, что достоинство Россіи требуетъ нашего вступленія въ Константинополь, разъ что передъ нимъ явятся эскадры англійская и другихъ державъ. Я отстаивалъ свое мнѣніе: это погоня за призракомъ. Если Турція будетъ на нашей сторонѣ, то наше присутствіе въ Константинополѣ безполезно; если она будетъ противъ насъ, то насильственное занятіе Царьграда будетъ сигналомъ къ европейской войнѣ. Если вдуматься хорошенько, то всѣ разсчеты наши на соглашеніе съ Турціей ни на чемъ не основаны, кромѣ голословныхъ, сомнительно-искреннихъ жалобъ турецкихъ уполномоченныхъ на англичанъ. Они говорятъ теперь, что имъ самимъ не разсчетъ пускать англичанъ въ Дарданеллы, а такъ какъ намъ пріятно этому вѣрить, то мы и вѣримъ. А если это только дипломатическая комедія? Можетъ быть, турки даже нарочно согласились на предварительныя условія мира и на перемиріе, чтобы выиграть время; можетъ быть, даже приходъ англійской эскадры—результатъ англо-турецкаго соглашенія, а протестъ Порты противъ пропуска въ Дарданеллы — притворный? Вѣдь туркамъ нѣтъ резона искать нашей дружбы, нечего отъ насъ и ждать: мы ихъ разгромили, разорили, придушили и, наступя на горло, заставили подписать мирныя условія, почти стирающія Турцію съ карты Европы. Ради чего же турки пойдутъ теперь рука объ руку съ нами? что они могутъ этимъ выиграть? Очевидно, они насъ обманываютъ.

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ же Великій Князь сегодня разсказывалъ, какъ хитро турки повели переговоры. Они безпрекословно согласились очистить всѣ придунайскія крѣпости навсегда, но съ тѣмъ, чтобы границею Болгаріи были Балканы и чтобы всѣ забалканскіе болгары переселились въ сѣверную Бол-

гарію, а турки оттуда—въ южную. Предложеніе несообразное и неисполнимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ дающее поводъ къ затяжкѣ переговоровъ, если только оно не будетъ безусловно отвергнуто.

Мысль о занятіи Константинополя лучше бросить, ибо занять его еще можно, но удержать нельзя. А скоро даже нельзя будетъ и занять безъ боя, когда подойдутъ войска изъ очищаемыхъ турками крѣпостей. У насъ ничего не подготовлено. Боевые запасы далеко позади, и неизвѣстно, когда подтянутся, а интендантской части вовсе нѣтъ. Жили мы до сихъ поръ, со дня перехода черезъ Балканы, исключительно мѣстными средствами, пользовались ими безсистемно и безпорядочно, а теперь и этого источника не предвидится. Мѣстность между Адріанополемъ и Константинополемъ рѣдко населена и средствами бѣдна: чѣмъ питаться будемъ, если война возобновится? Связи съ тыломъ у насъ не существуетъ, да и тылъ-то нашъ въ хаотическомъ состояніи. Дрентельнъ, на организаторскій талантъ котораго возлагались такія надежды, оказался совершенно безсиленъ, тѣмъ болѣе, что его начальникъ штаба Черкасовъ, главная его опора,—канцелярскій буквоѣдъ, хотя и честнѣйшій человѣкъ.

Однимъ словомъ, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, турки, имѣя за спиною англійскій флотъ, непремѣнно ободрятся. Имъ достаточно оказать пассивное сопротивленіе, чтобы поставить насъ въ очень тяжелое положеніе. Сразу обнаружится, что мы пришли подъ Константинополь почти съ голыми руками.

Нѣтъ! если не захватили Царьграда и Галлиполи сразу, пока еще турки не опомнились и англичане не подошли, то теперь лучше и не пробовать: ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Въ виду появленія англійской эскадры намъ выгоднѣе не занимать ни одной береговой позиціи, ибо вдали отъ берега мы для англичанъ неуязвимы.

Великій Князь выслушивалъ всѣ мои разсужденія не только терпѣливо, но вполнѣ милостиво. Сперва возражалъ, а потомъ только слушалъ, и когда я замолкъ, обратился къ присутствующимъ со словами: „Бѣдный Газенкампфъ! какъ онъ взволновался и встревожился!“ Я отвѣтилъ: „Какъ не встревожиться, когда намъ угрожаетъ европейская война, къ которой мы не готовы? Вѣдь это страшное дѣло!“

На это никто ничего не отвѣчалъ: всѣ, не исключая Великаго Князя, примолкли и призадумались. Минутъ пять еще посидѣли молча, затѣмъ всѣ встали и разошлись.

4 февраля, суббота.—Напряженно-тревожный день.

Утромъ Великій Князь послалъ за мной и передалъ для зашифрованія депешу Государю, которую самъ составилъ, приказавъ мнѣ сперва показать ее Непокойчицкому. Старикъ, прочитавъ ее, добродушно предложилъ мнѣ помочь зашифровать депешу, чтобы поскорѣе ее отправить. Вотъ ея содержаніе.

„Съ каждымъ днемъ занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что численность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ, войсками, привозимыми изъ оставляемыхъ ими крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы ты не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто бы европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ“.

Во время шифрованія этой телеграммы Непокойчицкій сказалъ мнѣ, что на самомъ дѣлѣ Великому Князю положительно извѣстно, что мирный договоръ нашъ пойдетъ на разсмотрѣніе общеевропейской конференціи. Но такъ какъ онъ не извѣщенъ объ этомъ оффиціально, то и называетъ „слухомъ“. Очевидно, слѣдовательно, что нашъ мирный договоръ ничего не будетъ стоить, пока его не признаютъ всѣ великія державы. Хороша перспектива!

Когда я представилъ Великому Князю вышеприведенную телеграмму къ подписи, онъ тотчасъ же далъ мнѣ для отправки уже составленную имъ самимъ вторую телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ получено извѣстіе, что четыре англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ въ часѣ разстоянія хода до Царьграда. Порта дала мнѣ знать, что желаетъ соглашенія съ нами по жгучему вопросу, но формальнаго приглашенія нѣтъ. Напротивъ: упрашиваютъ по возможности не входить. Мои войска находятся въ двухъ переходахъ отъ Царьграда. Испрашиваю: какъ желаешь смотрѣть на стояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ. Жду скорѣйшаго отвѣта“.

Тотчасъ послѣ обѣда Великій Князь опять призвалъ меня и передалъ только-что полученную депешу Государя и уже готовый свой отвѣтъ, для отправки.

Телеграмма Государя, отъ сего 4 февраля, гласила:

„Всѣ донесенія твои и протоколы о переговорахъ прочелъ

я съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Изъ сегодняшняго отвѣта моего султану [1]) ты увидишь, что я ни въ чемъ не измѣняю данныхъ тебѣ приказаній, въ шифрованной вчерашней моей телеграммѣ изложенныхъ [2]). Депеша Порты, о которой ты упоминаешь въ шифрованной телеграммѣ твоей отъ 29-го января [3]), была ли отправлена тобою по телеграфу или съ курьеромъ? Прошу тебя отвѣчать положительно на мои вопросы, а то я остаюсь въ недоразумѣніи".

Отвѣтъ Великаго Князя, отправленный въ 8 ч. 30 м. вечера, былъ слѣдующій:

„Большая телеграмма моя шифрованная, о которой упоминалъ, пошла не 29-го, а 30-го числа и отправлена по телеграфу, а не съ курьеромъ. Пока на всѣ дошедшія ко мнѣ отъ тебя телеграммы отвѣчалъ немедленно. Телеграммы твои сегодняшняго 4-го числа султану еще не получалъ, равно какъ и шифрованная твоя ко мнѣ отъ вчерашняго, т.-е. 3-го числа, еще не дошла. Многія депеши приходятъ непослѣдовательно: отправленныя позже—приходятъ раньше предыдущихъ, въ особенности шифрованныхъ, что̀ иногда сбивчиво. Происходитъ это отъ частой порчи линіи и перерыва сообщенія. Теперь кабель въ Дунаѣ положенъ и дѣйствуетъ".

Только-что была отправлена эта депеша, какъ пришла шифрованная Государя, отъ 10 ч. 40 м. вечера 3-го февраля. Великій Князь приказалъ мнѣ расшифровать ее сейчасъ же, при немъ. И вотъ что̀ мы прочли:

„Англійское министерство утверждаетъ, что эскадра, вступившая въ Босфоръ и Дарданеллы, имѣетъ мирное назначеніе; не допускаетъ, однако, что и съ нашей стороны вступленіе части войскъ въ Константинополь имѣло бы такой же характеръ. На это объявлено черезъ графа Шувалова, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же мирною цѣлью, сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но въ виду послѣдней уступки обѣщано Англіи, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ, ни на европейскій, ни на азіатскій. Сообщаю тебѣ объ этомъ"...

---

[1]) Ничего еще не получено.

[2]) Эта депеша тоже еще не получена.

[3]) Очевидно, Государь получилъ предупреждающую русскую депешу Великаго Князя (см. 29-го января) и не получилъ шифрованную французскую, въ которой сообщался текстъ телеграммы Сервера-паши о намѣреніи англійской эскадры Горнби пройти черезъ Дарданеллы—и текстъ отвѣта Великаго Князя Серверу.

На этихъ словахъ депеша обрывалась [1]).

Но и этого достаточно. Изъ сказаннаго въ телеграммѣ Государя ясно, что періодъ „недоразумѣній“ съ Англіей близится къ концу и переходитъ въ періодъ „пререканій“, изъ коихъ назрѣютъ „усложненія“, разрѣшатся „разрывомъ“ и наконецъ—новою войной.

Государь, очевидно, полагалъ, что вступленіе англійской эскадры въ турецкія воды налагаетъ на насъ обязанность занять Константинополь. Великій Князь того же мнѣнія. А по моему, разъ мы не заняли Константинополя и Галлиполи во время турецкой паники и до прибытія англійской эскадры, то дѣлать это теперь — не только безцѣльно, но и очень рискованно. Если же занимать что-либо теперь, то именно Галлиполи, а не Константинополь, такъ какъ первый—ключъ къ послѣднему.

Я не удержался, чтобы не высказать это мнѣніе Великому Князю. Онъ выслушалъ ласково, но остался при своемъ мнѣніи, что Константинополь занять слѣдуетъ, риска тутъ нѣтъ, Англія намъ войны не объявитъ.

Вернувшись къ себѣ, я засталъ Гурко у Левицкаго и сообщилъ о полученномъ извѣстіи. Гурко полагаетъ, что идти теперь на Константинополь—значитъ лѣзть въ ловушку, подставленную англичанами, которые насъ же обвинятъ въ томъ, что такимъ насиліемъ мы вызываемъ европейскую войну. Но, не входя даже въ чуждую намъ, военнымъ, область политики—наступленіе на Константинополь есть очень серьезный шагъ, который нельзя дѣлать, не подготовивъ его успѣха. А между тѣмъ у насъ нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ, ни хлѣба, ни сухарей. Сторонники наступленія, на вопросъ, откуда все это возьмется, отвѣчаютъ: подвезутъ моремъ изъ Одессы. Отвѣтъ безсмысленный: англійскій флотъ уже въ Мраморномъ морѣ, а у насъ флота нѣтъ и негдѣ взять. Развѣ мыслимъ при такихъ условіяхъ какой-либо морской подвозъ и вообще морскія сношенія съ Россіей? Тѣмъ болѣе, что разрывъ съ Англіей неизбѣжно повлечетъ за собою и разрывъ съ Турціей, флотъ которой цѣлъ.

Гурко прямо отъ насъ пошелъ къ Непокойчицкому, чтобы

---

[1]) Окончаніе этой депеши, задержанное порчею телеграфа въ Казанлыкѣ во время передачи,—было получено на другое утро, 5-го февраля. Вотъ оно:

„...для руководства. Что же касается до Босфора, то надобно зорко слѣдить, чтобы не допускать англійскія суда, и въ случаѣ какой-либо попытки ихъ въ эту сторону—постараться занять, если можно съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега“.

переговорить серьезно. Едва ли только выйдетъ толкъ: Непокойчицкій всегда соглашается съ Великимъ Княземъ.

Одна надежда на Бога. Возобновленіе войны можетъ привести только къ потерѣ всего уже пріобрѣтеннаго.

5 февраля, воскресенье. — Сегодня былъ въ церкви. Меня очень успокоила и подкрѣпила проповѣдь на текстъ, какъ Спаситель на Геннисаретскомъ озерѣ повелѣлъ бурѣ утихнуть, и когда она утихла, обратился къ ученикамъ своимъ съ кроткимъ укоромъ: „Гдѣ вѣра ваша?"

Этотъ величавый евангельскій эпизодъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ теперешнему положенію и глубоко запалъ мнѣ въ душу. Надо вѣрить несокрушимою вѣрою и умѣть претерпѣть до конца, чтобъ заслужить спасеніе.

Съ умиротворенною душою я засѣлъ за составленіе всеподданнѣйшаго отчета, и къ обѣду кончилъ его, несмотря на частые отрывы отъ работы. Но поздно вечеромъ, при чтеніи Великому Князю, въ немъ пришлось многое измѣнить и передѣлать, въ зависимости отъ полученныхъ сегодня извѣстій. А потому изложу сперва содержаніе сегодняшняго телеграфнаго обмѣна сношеній.

Прежде всего получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 40 м. пополудни 3-го февраля, шедшая почти двое сутокъ, несмотря на помѣтку: „экстренно":

„Шифрованная телеграмма твоя отъ 29-го января дошла до меня 1-го февраля, но заявленной въ ней другой телеграммы отъ того же числа не получалъ доселѣ, тогда какъ слѣдующія твои телеграммы, до 3-го февраля включительно, уже дошли. Еще разъ повторяю, что сообщаемыя тебѣ телеграммы къ султану должны служить руководствомъ и тебѣ. Необходимо поспѣшить пріемомъ крѣпостей и потребовать того же и въ Малой Азіи".

На это Великій Князь отвѣчалъ немедленно, въ 12 ч. дня: „Телеграммы твои всѣ получены, но по причинѣ неоднократнаго перерыва линій онѣ дошли непослѣдовательно. До сихъ поръ англійская эскадра въ Босфоръ не вступала и даже удалилась отъ Принцевыхъ острововъ, оставаясь въ Мраморномъ морѣ, а потому и я демаркаціонной линіи не переступалъ. Но войска готовы и стягиваются. Переговоры съ турками о дружественномъ вступленіи въ Константинополь продолжаю, но султанъ отъ вчерашняго числа просилъ меня подождать твоего отвѣта на его послѣднюю телеграмму, въ которой онъ обѣщаетъ дѣйствовать въ согласіи съ тобою и увѣдомлять тебя о случающемся. Имѣть же отсюда постоянное наблюденіе за англичанами

какъ на морѣ, такъ и на азіатскомъ берегу, и въ особенности предупредить ихъ въ Босфорѣ, какъ указано въ твоей шифрованной телеграммѣ отъ 3-го числа,—мнѣ при настоящемъ расположеніи войскъ физически невозможно, что и высказалъ тебѣ въ шифрованной депешѣ отъ 4-го числа".

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, была получена шифрованная князя Горчакова, отъ 3-го февраля, сообщавшая телеграмму Государя къ султану, съ предупрежденіемъ, что проходъ англійской эскадры чрезъ Дарданеллы къ островамъ Принцевъ уполномочиваетъ и насъ ввести временно въ Константинополь отрядъ нашихъ войскъ.

Въ 6 час. 10 мин. Великій Князь отправилъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Только сегодня въ 5 часовъ вечера получилъ отъ князя Горчакова копію съ телеграммы твоей султану отъ 3-го числа, о необходимости вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь, въ виду прохода англійской эскадры черезъ Дарданеллы и къ Принцевымъ островамъ. Поэтому сообщаю Савфету, что нахожусь вынужденнымъ сговориться съ султаномъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Царьградъ. Депеша Горчакова ко мнѣ опоздала потому, что шла черезъ Константинополь и, по всей вѣроятности, была тамъ умышленно задержана. Прошу, если возможно, въ случаѣ посылки телеграммъ черезъ Одессу, приказать пересылать для большей вѣрности дубликатъ черезъ Кишиневъ—Зимницу".

Эта депеша была послана во время совѣщанія, созваннаго Великимъ Княземъ и продолжавшагося болѣе двухъ часовъ. Участвовали въ совѣщаніи только Непокойчицкій, Игнатьевъ и Нелидовъ. Одновременно шли и переговоры съ Савфетомъ-пашей. Результатомъ этого совѣщанія была слѣдующая шифрованная телеграмма Государю:

„Сейчасъ заявилъ Савфету, который немедленно послалъ съ нашимъ драгоманомъ Ону въ Константинополь Портѣ мое слѣдующее предложеніе: въ виду переполненія Царьграда бѣжавшими переселенцами и страшной болѣзненности въ столицѣ,—занять отрядомъ въ 10.000 человѣкъ не самый городъ, но Санъ-Стефано на берегу Мраморнаго моря, Кучукъ-Чекмедже и ближайшія деревни и казармы. Въ первое мѣсто переѣду самъ, гдѣ будутъ продолжаться переговоры, которые въ Адріанополѣ затрудняются большимъ разстояніемъ. Изъ Санъ-Стефано, составляющаго предмѣстье Константинополя, будетъ мнѣ возможно слѣдить за англійскимъ флотомъ. Есть надежда на принятіе Портою этого моего предложенія".

Вслѣдъ за окончаніемъ совѣщанія, закончившагося отправкою этой телеграммы, я пошелъ къ Великому Князю съ черновикомъ всеподданнѣйшаго отчета, но до чтенія его не дошло: Великій Князь отложилъ до завтра, ибо былъ, очевидно, слишкомъ всецѣло поглощенъ мыслью о переселеніи изъ Адріанополя въ Санъ-Стефано. Подошли еще князь Евгеній Максиміліановичъ, Струковъ, Чингисханъ и Скалонъ. Всѣхъ насъ Великій Князь угостилъ устрицами и артишоками, затѣмъ подали чай. Шла оживленная бесѣда, вертѣвшаяся исключительно на созданномъ англійскою наглостью осложненіи. Великій Князь разсказалъ, что въ виду настойчиваго требованія Государя занять Константинополь путемъ мирнаго соглашенія съ султаномъ и невозможности достигнуть этого соглашенія въ виду англійской эскадры—графъ Игнатьевъ придумалъ компромиссъ занятія Санъ-Стефано. Конечно, ни Великій Князь, ни мы даже не знали о существованіи такого „предмѣстья Константинополя“, но Игнатьевъ увѣряетъ, что это—чудное мѣстечко на берегу Мраморнаго моря, что тамъ мы будемъ все равно что въ Константинополѣ, а между тѣмъ англичанамъ придраться не къ чему. Посмотримъ. Великій Князь очень доволенъ Игнатьевскимъ изобрѣтеніемъ, и уже рѣшилъ, что введетъ въ Санъ-Стефано л.-гв. преображенскій и семеновскій полки съ частью л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, л.-гв. саперный баталіонъ и л.-гв. уланскій полкъ.

Сверхъ того, Великій Князь сообщилъ намъ: 1) англійскій флотъ отошелъ отъ Принцевыхъ острововъ въ бухту Муданія, на азіатскій берегъ Мраморнаго моря; дессантныхъ войскъ на судахъ нѣтъ; однимъ изъ судовъ эскадры командуетъ герцогъ Эдинбургскій, мужъ великой княгини Маріи Александровны. 2) Имѣется свѣдѣніе, что всѣ иностранныя эскадры, находящіяся въ водахъ Греціи и Леванта, спѣшатъ вслѣдъ за англичанами въ Мраморное море. 3) Султанъ, не возражая уже противъ вступленія нашихъ войскъ даже въ самый Константинополь, проситъ только обождать полученія имъ отвѣта на телеграмму, посланную королевѣ Викторіи. 4) Скобелевъ 2-й сообщаетъ изъ Чаталджи, что константинопольское населеніе подготовлено уже къ возможности появленія тамъ нашихъ войскъ и относится къ этому совершенно спокойно.

Пока шелъ этотъ разговоръ, получилось извѣстіе, что англійская эскадра вернулась къ Принцевымъ островамъ и что адмиралъ Горнби уже съѣзжалъ на берегъ въ Константинополѣ, а зачѣмъ — неизвѣстно.

Всѣ мы дали волю накопившемуся противъ англичанъ озлоб-

ленію. Великій Князь замѣтилъ, что по тону телеграммъ Государя видно, что онъ крайне раздраженъ англійскимъ лукавымъ вѣроломствомъ. Онъ повѣрилъ англійскому обѣщанію не вступать въ Босфоръ, если мы не займемъ Галлиполи и Константинополя, и остановилъ насъ, когда мы могли вступить туда съ разбѣгу и безъ выстрѣла. А теперь, по заключеніи перемирія, англичане прошли въ Мраморное море и говорятъ намъ: —Мы слово держимъ, въ Босфоръ не вступаемъ; поэтому и вы не имѣете права вступать въ Константинополь. А если вступите, то это будетъ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи, а слѣдовательно и мы тогда свободны отъ даннаго обязательства не вступать въ Босфоръ.

Надо быть англичанами, чтобы придумать такую подлую дипломатическую передержку. Настоящіе политическіе шулеры!

Въ исходѣ 11-го часа разошлись по домамъ, страшно озлобленные противъ Англіи.

6 февраля. —Великій Князь, когда я явился съ черновымъ отчетомъ, сказалъ, что надо повременить впредь до выясненія результата переговоровъ съ турками, а теперь посылать не стоитъ.

Единственная извѣстная мнѣ телеграмма, отправленная Государю сегодня утромъ, была слѣдующая:

„Флигель-адъютантъ Шильдеръ былъ посланъ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ къ командиру Рущука Ахмету-пашѣ съ предложеніемъ вывести турецкія войска пятью эшелонами, начиная съ 4-го февраля, по шумлинской дорогѣ, заранѣе очищенной нашими войсками. Комендантъ принялъ всѣ эти условія, и первый эшелонъ рущукскаго гарнизона уже выступилъ 4-го февраля утромъ. Наша телеграфная станція Левантъ-табія открыта въ тотъ же день вечеромъ. Нашъ гарнизонъ можетъ занять Рущукъ 8-го февраля. Штабъ восточнаго отряда выступаетъ изъ Брестовца въ Рущукъ 7-го февраля. Князь Дондуковъ еще не пріѣхалъ на смѣну Тотлебену".

Полученныхъ телеграммъ—масса. Сегодня отъ нихъ отбою не было. Привожу длинный рядъ мнѣ извѣстныхъ:

1) Отъ Государя, отъ 9 ч. 30 м. вечера 4-го февраля (получена сегодня утромъ):

„Въ шифрованныхъ телеграммахъ моихъ отъ 29-го и 30-го января, 1-го и 3-го февраля ясно указано, какъ тебѣ слѣдуетъ дѣйствовать. Открытыя телеграммы мои къ султану также должны служить тебѣ руководствомъ, какъ я тебѣ неоднократно повторялъ объ этомъ. Удивляюсь твоему вопросу въ телеграммѣ твоей

отъ сегодняшняго числа. Отвѣчай: доходятъ ли къ тебѣ копіи съ моихъ телеграммъ султану?"

Высочайшее неудовольствіе, столь ясно и категорически высказанное, очевидно вызвано вопросомъ Великаго Князя въ телеграммѣ отъ 4-го февраля: „испрашиваю, какъ желаешь смотрѣть на стояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ?"

Что отвѣчалъ Великій Князь Государю—я не знаю.

2) Отъ князя Горчакова, отъ 4-го февраля:

„Телеграмма его величества султана Его Величеству Государю Императору 3 (15) февраля 1878 г. — Справедливо, что часть англійской эскадры, пройдя Дарданеллы, не взирая на протестъ моего правительства, стала на якорь у Принцевыхъ острововъ. Но, не получивъ еще отвѣта отъ ея величества королевы, я считаю появленіе англійскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ временнымъ. Во всякомъ случаѣ, я не премину, какъ уже обѣщалъ Вашему Императорскому Величеству, сообщить вамъ ея отвѣтъ немедленно по полученіи, дабы мы могли, по взаимному соглашенію, принять необходимыя соотвѣтствующія мѣры. Въ ожиданіи отвѣта, англійскій адмиралъ и англійская эскадра покинутъ Принцевы острова съ цѣлью избрать якорную стоянку, значительно болѣе удаленную отъ Босфора. Посему надѣюсь, что Ваше Императорское Величество изволите согласиться отказаться отъ мѣры, указанной въ концѣ вашей телеграммы. Заключаю увѣреніемъ, что сочту долгомъ постоянно сообщать Вашему Величеству о каждомъ моемъ шагѣ, съ цѣлью предотвратить всякое недоразумѣніе, могущее повлечь за собою гибельныя послѣдствія какъ для интересовъ человѣчества, такъ и для интересовъ моей имперіи".

„Телеграмма Его Величества Государя Императора его величеству султану. Петербургъ, 4-го февраля 1878 г. — Получилъ телеграмму вашего величества отъ 3-го. Теоретическій протестъ не помѣшалъ британской эскадрѣ пройти черезъ Дарданелльскій проливъ насильно. Прямое обращеніе вашего величества къ королевѣ не повлечетъ за собою удаленія эскадры. Посему предоставляю чувству вашей справедливости взвѣсить, возможно ли мнѣ отказаться отъ временнаго вступленія моихъ войскъ въ Константинополь. Ихъ присутствіе только облегчитъ вашему величеству поддержаніе общественнаго порядка".

3) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

„Султанъ телеграфировалъ вчера (т.-е. 4-го февраля) Государю: „Я получилъ телеграмму Вашего Величества отъ 16-го. Сейчасъ узналъ, что англійскія суда уже удаляются въ Муданію,

за 50 миль отъ города, и что отвѣтъ изъ Лондона будетъ завтра вечеромъ (т.-е. 5-го) или послѣ-завтра (т.-е. 6-го). Довѣріе, оказанное мнѣ Вашимъ Величествомъ, не дозволяетъ мнѣ запаздывать обѣщаннымъ отвѣтомъ". Шуваловъ также телеграфируетъ отъ вчерашняго числа (т.-е. 4-го): „Англійская эскадра оставила Принцевы острова и удалилась въ заливъ Муданію".

4) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

„Шуваловъ проситъ разрѣшенія сдѣлать заявленіе насчетъ Галлиполи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подтверждаемъ обѣщаніе не занимать его и не вступать на линію Булаира, съ условіемъ, чтобы ни одна часть англійскихъ войскъ не была высажена ни на азіатскомъ, ни на европейскомъ берегу". Смыслъ, говоритъ онъ, тотъ же, но эта редакція успокоитъ насчетъ безопасности флота и предотвратитъ разрывъ, который безъ этого будетъ очень близокъ. Государь его уполномочилъ на это".

Изъ всѣхъ этихъ телеграммъ ясно, что Государь очень разгнѣванъ, а несчастный султанъ очень встревоженъ англійскою наглостью и, попавъ между двухъ огней, не знаетъ, какъ быть, и старается оттянуть наше вступленіе въ его столицу. Что же касается до предложенія нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, то оно совсѣмъ непонятно, ибо клонится къ успокоенію англичанъ, а не къ нашему. Довольно оригинально: англичане нагло нарушили трактаты, насильно пройдя въ Мраморное море, а мы имъ же обѣщаемъ не занимать ни Галлиполи, ни Булаирскія укрѣпленія. Я понялъ бы еще, еслибъ на этомъ условіи они совсѣмъ удалили свой флотъ и обѣщали больше не входить въ Дарданеллы. Но дѣлать такую уступку только за то, чтобы англичане не свозили на берегъ дессанта, который намъ совсѣмъ не страшенъ и котораго у нихъ даже и нѣтъ,—это что-то непостижимое.

5) Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 40 м. дня 5-го февраля: „Шифрованная телеграмма твоя отъ 30-го января дошла до меня только сегодня утромъ. Отвѣтъ твой одобряю. Но необходимо строго изслѣдовать причину столь непростительнаго замедленія. Прошу извѣщать меня всякій разъ о полученіи моихъ шифрованныхъ телеграммъ. Куда направляешь ты гвардейскій экипажъ и какимъ путемъ? Завтра ожидаю трехъ моихъ сыновей [1]".

7) Отвѣтъ Великаго Князя:

„Телеграмма моя шифрованная, отъ 30-го января, за неимѣ-

---

[1]) Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, изъ дѣйствующей арміи.

ніемъ тогда телеграфнаго сообщенія, была отправлена по казачьимъ постамъ на разстояніе болѣе 150 верстъ, въ самую грязь. Когда открылся телеграфъ въ Эски-Загрѣ, случилось поврежденіе на Шипкинскомъ перевалѣ, черезъ который проходитъ нашъ единственный телеграфный путь. Такъ что небрежности или умысла въ замедленіи этой телеграммы я не допускаю. Такъ какъ дипломатическіе переговоры исключительно передаются на французскомъ языкѣ, то прошу приказать немедленно выслать ко мнѣ черезъ Одессу, пароходомъ, телеграфистовъ, знающихъ французскій языкъ основательно, а то телеграммы приходятъ страшно искаженныя. Получилъ сегодня въ 10 ч. утра отъ Горчакова четыре телеграммы: двѣ отъ четвертаго, №№ 673 и 674, и двѣ отъ пятаго, №№ 807 и 837. Гвардейскій экипажъ идетъ черезъ Тырновъ, Твардицу, Іени-Загру и по желѣзной дорогѣ сюда. Все благополучно. Эскадра англійская, по слухамъ, вчера пришла опять къ Принцевымъ островамъ".

7 февраля.—Утромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня 6-го февраля:

„Двѣ шифрованныхъ телеграммы твои отъ 5-го февраля получилъ сегодня утромъ. Распоряженія твои одобряю [1]). Запоздалыя телеграммы твои отъ 4-го также получилъ. Сыновья мои благополучно воротились".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Благодарю за депешу, отъ 6-го числа, № 77. Радуюсь пріѣзду всѣхъ твоихъ трехъ молодцовъ. Пока изъ Константинополя отвѣта не получилъ. Погода чудная, весенняя".

Въ 11 ч. утра была получена отъ Государя вторая телеграмма, отъ 4 ч. 50 м. дня 6-го февраля:

„Миша телеграфируетъ, что турки не соглашаются очистить Батумъ. Я отвѣчалъ брату, что мы не можемъ настаивать на томъ, что не вошло въ условія перемирія, и что необходимо установить демаркаціонную линію сообразно дѣйствительному расположенію обѣихъ сторонъ; уступка же намъ Батума должна войти въ окончательныя условія мира".

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 11 ч. 30 м. утра:

„Получилъ твою телеграмму отъ 6-го числа, № 78. Миша меня уже давно спрашивалъ о Батумѣ, и я ему положительно сообщилъ, что въ предварительныхъ условіяхъ мира о Батумѣ ничего не выговорено".

---

[1]) Т.-е.—рѣшеніе занять Санъ-Стефано вмѣсто Константинополя и заявленіе Савфету-пашѣ объ этомъ.

Кромѣ того, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Состояніе здоровья войскъ весьма удовлетворительно. Никакихъ болѣзней, слава Богу, нѣтъ. 6-го февраля выѣхалъ изъ Рущука муширъ [1]) Ахмедъ-Кейсерли-паша; сегодня 7-го выступаетъ оттуда послѣдній эшелонъ турецкаго гарнизона и сегодня же должны вступить въ Рущукъ наши войска, а 8-го вступитъ Тотлебенъ съ штабомъ. Я приказалъ навести Новогеоргіевскій мостъ у Рущука, дополнивъ его Петрошанскимъ, который снять совсѣмъ. Желѣзный же мостъ, части котораго находятся въ пути на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Бухарестомъ, я приказалъ вернуть и собрать въ Новогеоргіевскѣ, такъ какъ на Дунай онъ все равно своевременно поспѣть не можетъ. Князь Дондуковъ до 8-го февраля долженъ остаться въ Разградѣ: раньше этого выѣхать на смѣну Тотлебена не можетъ. Очищеніе Дуная отъ минъ ниже Силистріи оказывается весьма труднымъ. Всѣ мины поставлены были при низкомъ уровнѣ воды, поэтому снять ихъ при полной водѣ весьма трудно, а до очищенія Дуная отъ льда даже невозможно. Вообще, свободное плаваніе по Дунаю, какъ полагаетъ Алексѣй, можетъ открыться нескоро.

„Подполковникъ генеральнаго штаба Шуруповъ, посланный Циммерманомъ въ Силистрію для переговоровъ о сдачѣ ея на основаніи условій перемирія, доноситъ, что комендантъ обѣщалъ очистить Силистрію въ семидневный срокъ, считая съ 4-го февраля, т.-е. къ 11-му февраля. Орудія, снаряды, порохъ турки могутъ увезти на судахъ по Дунаю. Продовольственные припасы, которые они не могутъ взять съ собой, будутъ проданы или уступлены намъ. Въ Силистріи находится 500 тысячъ окъ галетъ и 200 тысячъ кило ячменя и кукурузы. Турецкій гарнизонъ выступитъ въ Варну. Боголюбовъ еще не пріѣзжалъ".

Вечеромъ получена еще телеграмма Струкова изъ Чаталджи:

„Его высочество сынъ вашъ благополучно прибылъ въ часъ дня и немедленно выѣхалъ въ Селиври. Пребываніе всей главной квартиры въ Селиври почти невозможно".

Что, впрочемъ, было очевидно и раньше.

8 февраля. — Что насъ ждетъ: новая война, или скорый миръ? Вотъ вопросъ, пока неразрѣшимый. Отвѣта на предложеніе впустить насъ въ Санъ-Стефано все еще нѣтъ: ожидается сегодня вечеромъ. Турки умышленно затягиваютъ переговоры: вѣроятно, у нихъ опять какая-нибудь каверза на умѣ, внушенная

[1]) Полный генералъ.

англійскими интригами. Ведутъ нескончаемые споры о границѣ Болгаріи, торгуются насчетъ суммы вознагражденія за военныя издержки. Оспариваютъ многіе пункты, на которые уже согласились при заключеніи перемирія. Когда это было замѣчено Савфету-пашѣ, то онъ весьма откровенно отвѣчалъ: „Тогда было другое положеніе, тогда мы подписали бы все, что вамъ угодно. Ну, а теперь еще поговоримъ: обстоятельства уже не тѣ".

Было бы лучше, еслибъ мы вовсе не затѣвали сепаратнаго мира и не ставили бы его своимъ вопросомъ чести. Подобный миръ имѣетъ значеніе лишь въ борьбѣ между равными; Турція же — открытое поле для общеевропейскихъ интригъ. Вѣдь если заключимъ сепаратный миръ, непріятный Европѣ,—Турція будетъ мѣшкать выполненіемъ его условій до тѣхъ поръ, пока не вмѣшаются другія державы. А безъ англійскаго и австрійскаго вмѣшательства не обойдется. Австрію еще можетъ сдержать старикъ Вильгельмъ I, единственный нашъ другъ. Но и эта заручка подъ вопросительнымъ знакомъ: дѣло можетъ такъ запутаться, что и Вильгельму будетъ неудобно открыто поддерживать насъ.

11 ч. вечера.—Переговоры въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ я думалъ. Изъ вечерняго разговора съ Великимъ Княземъ узналъ, что Савфетъ-паша, подписавъ вчера уступку намъ Карса, Баязета и Батума и условія, опредѣляющія границы Болгаріи и Черногоріи,—сегодня отъ всего этого отказался. Въ отвѣтъ на требованіе объяснить причину,—очень развязно заявилъ, что вчера онъ былъ утомленъ шестичасовымъ непрерывнымъ засѣданіемъ до потери сознанія, а сегодня очувствовался и передумалъ. Истинная причина—конечно, въ разсчетѣ на энергическую поддержку англичанъ: не даромъ же онъ получилъ сегодня изъ Константинополя четыре шифрованныхъ телеграммы.

Великій Князь послалъ Государю въ 7 ч. 20 м. вечера слѣдующую шифрованную телеграмму.

„*Экстренно.* Турецкое правительство имѣетъ намѣреніе теперь же послать къ тебѣ чрезвычайнаго посла, не кончивши дѣла здѣсь со мною. Игнатьевъ и я убѣдительно просимъ тебя отказать султану въ этомъ, ибо это только интрига и желаніе продлить переговоры. Могу ли заявить, что послѣ заключенія мира ты съ удовольствіемъ примешь посла? Прошу скорѣйшаго отвѣта".

Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ, но на мой профанскій взглядъ—мирные переговоры ведутся крайне легкомысленно.

Игнатьевъ началъ переговоры съ турками, какъ о перемиріи,

такъ и теперь о мирѣ, не обмѣнявшись полномочіями, съ цѣлью скрыть свои, и, пользуясь этимъ, вымогать съ турокъ возможно бо́льшія уступки. Но, по моему, онъ самъ попался въ свою же ловушку какъ въ январѣ, такъ и теперь. Намыкъ и Серверъ паши, какъ это стало извѣстно теперь, имѣли неограниченныя полномочія. Но такъ какъ обмѣна полномочіями до начала переговоровъ не было, то оба они имѣли возможность торговаться съ 8-го по 19-е января, безпрестанно ссылаясь на необходимость испрашивать приказанія изъ Константинополя.

Но тогда затяжка переговоровъ на неопредѣленное время была невыгодна для самихъ турокъ, потому что мы продолжали подвигаться впередъ.

Теперь обстановка иная. Имѣя за спиной Лейарда и англійскій флотъ, турки могутъ только выиграть отъ затяжки мирныхъ переговоровъ. А сегодняшнюю нахальную выходку Савфета-паши можно было даже предвидѣть, ибо онъ еще 4-го февраля отказался отъ нѣкоторыхъ статей предварительныхъ условій мира, подписанныхъ 19-го января.

Игнатьевъ тогда же, 4-го февраля, далъ туркамъ срокъ для подписанія мира до 12-го (почему именно до 12-го—не знаю), а сегодня—потребовалъ безусловнаго подтвержденія вчерашняго согласія на уступку намъ Карса, Баязета и Батума и на новыя пограничныя черты Болгаріи и Черногоріи. Это требованіе, облеченное въ форму ультиматума, не имѣетъ, однако, главнаго его признака: назначенія крайняго срока исполненія. Слѣдовательно, турки сохраняютъ и впредь полную возможность отказаться завтра отъ уступокъ, подписанныхъ сегодня. Могутъ подписать хоть весь мирный договоръ, а затѣмъ отъ него отказаться. Что тогда дѣлать? возобновить военныя дѣйствія? Но тогда тотчасъ вмѣшаются Англія и Австрія. Турки же могутъ только выиграть отъ ихъ вмѣшательства, ибо тяжелѣе тѣхъ условій, которыя мы ставимъ имъ теперь—быть не можетъ. И выходитъ, что не стоило и задаваться сепаратнымъ миромъ, а лучше самимъ внести мирныя условія въ европейскій ареопагъ. Вѣдь хуже будетъ для насъ же, если намъ потомъ навяжутъ уступки противъ мирныхъ условій, которыя будутъ выговорены теперь.

Вотъ еслибъ мы могли покончить войну съ Турціей безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, тогда—другое дѣло. Но мы этого не можемъ: сами заранѣе обѣщали, еще до войны, что не будемъ передѣлывать карту Турціи безъ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ.

9 февраля. — Получено извѣстіе, что турки, подъ вліяніемъ англичанъ, перемѣнили министерство и послали Намыкъ-пашу прямо къ Государю. Великій Князь немедленно принялъ самыя энергическія мѣры: 1) приказалъ задержать Намыка въ Одессѣ и не пускать оттуда впредь до высочайшаго повелѣнія; 2) объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что если къ 6 час. утра 11-го февраля не получитъ приглашенія вступить въ Санъ-Стефано, то займетъ его самъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣ тѣ пункты, какіе найдетъ нужнымъ; 3) войскамъ приказано быть готовыми къ немедленному переходу въ наступленіе; 4) Гуркѣ—сегодня же ѣхать въ Чаталджу съ экстреннымъ поѣздомъ.

Великій Князь хотѣлъ-было выѣхать самъ туда завтра же, но Непокойчицкій убѣдилъ его подождать до 11-го. Это хорошо, но вотъ что худо: стоя здѣсь съ 14-го января, мы не позаботились притянуть изъ-за Балканъ свободныя войска. Даже вчера, когда Левицкій сказалъ Непокойчицкому: „если есть основаніе ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій, то надо теперь же распорядиться притянуть войска изъ-за Балканъ“,—Непокойчицкій отвѣтилъ: „Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо!“

Это было вчера, а что случится сегодня? Что будетъ дальше? Одному Богу извѣстно.

Во всякомъ случаѣ, жребій брошенъ.

Вотъ какія телеграммы получены и отправлены въ сегодняшнее тревожное утро.

1) Телеграмма Государя, отъ 11 ч. 35 м. утра 6-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

„Въ виду справедливыхъ опасеній, высказанныхъ тобою въ телеграммѣ отъ 4-го февраля, полученной мною только сегодня, нахожу необходимымъ ускорить исполненіе сдѣланнаго тобою Портѣ предложенія относительно занятія ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій. Для сего нужно назначить кратчайшій по возможности срокъ для полученія согласія султана, и на случай его отказа приготовить достаточныя силы. По твоему сообщенію вообще предоставляю тебѣ дѣйствовать, не ожидая особыхъ моихъ разрѣшеній“.

2) Отъ Государя, отъ 2 ч. 18 м. пополудни 7-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

„Всѣ телеграммы твои отъ сегодняшняго утра включительно получилъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшній отвѣтъ мой султану и на шифрованную телеграмму князя Горчакова къ тебѣ“.

3) Князя Горчакова отъ 7-го февраля:

„Секретными путями узнали, что султанъ ищетъ соглашенія съ англичанами противъ насъ, и что его наружная любезность имѣетъ лишь цѣлью выиграть время“.

4) Князя Горчакова, отъ 1 ч. пополудни 7 февраля, получена сегодня, въ 1 ч. дня:

„Султанъ телеграфировалъ Государю отъ 6-го:

„Спѣшу увѣдомить Ваше Величество, что британское правительство приказало своему флоту отойти въ Муданію, за 50 миль отъ Константинополя, въ Мраморномъ морѣ, и рѣшило не вступать въ Босфоръ; окончательный отвѣтъ обѣщало мнѣ дать ко вторнику. Я отправляю, черезъ Одессу, особаго посла съ порученіемъ представить Вашему Величеству о грозящихъ мнѣ личныхъ опасностяхъ, и я надѣюсь на пріостановку до тѣхъ поръ предположеннаго вступленія императорскихъ войскъ. Я также отдалъ приказаніе, чтобы Савфетъ-паша постарался возможно скорѣе достигнуть заключенія предварительнаго мира, пребывая въ надеждѣ, что воля Вашего Величества дозволитъ уполномоченнымъ оставаться въ предѣлахъ принятыхъ основаній мира и въ предѣлахъ возможнаго. Я узналъ подробности, заставляющія меня предполагать непреодолимыя затрудненія. Устраненіе ихъ зависитъ отъ великодушія Вашего Величества“.

Государь отвѣчалъ султану сегодня (т.-е. 7 февраля):

„Какъ только Савфетъ-паша окончитъ переговоры съ графомъ Игнатьевымъ на принятыхъ вашимъ величествомъ еще до заключенія перемирія основаніяхъ и по утвержденіи результата этихъ переговоровъ санкціею вашего величества—отъ васъ будетъ зависѣть отправить ко мнѣ, черезъ Одессу, особаго посла. До тѣхъ поръ оно было бы безцѣльно. Что касается до временнаго вступленія въ Константинополь части моихъ войскъ, то оно не можетъ быть ни отмѣнено, ни отсрочено, въ виду того, что англійская эскадра осталась въ Мраморномъ морѣ, а не удалилась за Дарданеллы. Я одобряю соглашеніе, предложенное моимъ братомъ по этому вопросу“ [1]).

Великій Князь телеграфировалъ сегодня:

1) Государю, въ 11 ч. утра, шифромъ:

„Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, о которыхъ сказано въ сегодняшней телеграммѣ Игнатьева Горчакову, я рѣшился объявить уполномоченнымъ, что если я не получу до 6-ти часовъ утра 11-го числа приглашеніе вступить въ Санъ-Стефано, то

---

[1]) Т.-е. занятіе Санъ-Стефано.

займу самъ его и тѣ мѣста, которыя найду нужнымъ. Телеграмму твою, шифрованную отъ 6-го числа, № 87, получилъ только сейчасъ. Ты видишь, что я предугадалъ твое приказаніе и дѣйствую согласно твоему желанію".

2) Государю, въ 11 ч. утра:

„Твою телеграмму отъ 7-го числа, № 39, получилъ сегодня".

3) Государю, въ 1 ч. дня:

„Только-что получилъ копіи съ депеши султана и твой отвѣтъ ему. Англійская эскадра не ушла, а крейсируетъ у Принцевыхъ острововъ. Турки послали еще 7-го числа Намыка-пашу въ Одессу и далѣе, въ Петербургъ. Далъ знать Семекѣ: его далѣе не пропускать безъ твоего приказанія. Турки медлятъ, сошлись съ Лейардомъ, учиняютъ намъ различныя козни. Я дѣйствую на Савфета-пашу энергично, съ угрозою".

4) Генералъ-адъютанту Семекѣ, въ Одессу, отъ 11 ч. 30 м. утра, шифромъ:

„Прошу посланнаго турецкаго, Намыка-пашу или какого другого турка, изъ Одессы въ Петербургъ не пропускать ранѣе, чѣмъ получите на то особое приказаніе отъ Государя".

Вечеръ провелъ у Великаго Князя. Онъ совершенно убѣжденъ, что турки покорятся и спокойно пропустятъ насъ въ Санъ-Стефано. Онъ разсказывалъ, что, принимая сегодня Савфетъ-пашу, прямо объявилъ ему, что Санъ-Стефано мы должны занять во что бы ни стало; что это еще уступка, которую онъ взялъ на себя, ибо Государь приказалъ занять Константинополь. Затѣмъ сказалъ Савфету, что увольненіе Сервера-паши принимаетъ за личное себѣ оскорбленіе. Въ „Daily-News" напечатано Макъ-Гахономъ, что Серверъ въ Казанлыкѣ говорилъ, что Англія втравила Турцію въ войну съ нами, продолжаетъ натравливать на насъ, и что все это можно доказать документами. За это его теперь и смѣнили. Но Великій Князь считаетъ это придиркой, ибо истинная причина смѣны, конечно, не газетная статья, а фактъ подписанія Серверомъ главныхъ основаній мира. А такъ какъ и онъ, Великій Князь, тоже подписалъ эти основанія, то и считаетъ увольненіе Сервера-паши обидою себѣ, тѣмъ болѣе, что оно состоялось по наущеніямъ Лейарда. Вліянію того же Лейарда Великій Князь приписываетъ и миссію Намыка-паши къ Государю, состоявшуюся безъ его вѣдома и вопреки ясно выраженной волѣ Государя не принимать никакихъ пословъ до заключенія мира. „Что же, — сказалъ Великій Князь Савфету, —

я долженъ думать о вашемъ правительствѣ, которое сегодня говоритъ одно, а завтра отказывается отъ своихъ словъ по наговору Лейарда?" Въ заключеніе Великій Князь объявилъ Савфету, для передачи султану, что онъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ, и 11-го февраля, въ 6 часовъ утра, выѣзжаетъ самъ, а его, Савфета, со всѣмъ посольствомъ, беретъ съ собою: вмѣстѣ поѣдемъ въ Чаталджу, и оттуда—въ Константинополь. „Отъ васъ зависитъ, какъ принять меня: я иду безъ намѣренія начинать военныя дѣйствія и самъ стрѣлять не буду; но если ваши начнутъ, то будемъ драться".

На это Савфетъ-паша съ жаромъ возразилъ: „Что касается до нашихъ, то увѣряю, что они стрѣлять не станутъ". Великій Князь отвѣтилъ: „Я васъ ловлю на словѣ. Вы говорите, что ваши стрѣлять не будутъ—очень радъ. Я сдѣлаю вотъ что̀: ваши офицеры пусть ѣдутъ во главѣ моихъ колоннъ, а вы поѣдете рядомъ со мною, верхомъ". Савфетъ поспѣшилъ увѣрить, что готовъ грудью заслонить Великаго Князя отъ всякой опасности, на что онъ отвѣтилъ, что ни въ какомъ заслонѣ не нуждается. Послѣ этого разговора турецкое посольство переполошилось: сегодня весь день посылали одну телеграмму за другою въ Константинополь. Будемъ надѣяться, что энергическая рѣчь Великаго Князя произведетъ и тамъ надлежащее впечатлѣніе.

Въ заключеніе, Великій Князь высказалъ, что не вѣритъ англійскимъ угрозамъ, убѣжденъ, что Англія намъ войны не объявитъ, и рѣзко бранилъ князя Горчакова за то, что онъ заранѣе согласился на европейскую конференцію. По словамъ Великаго Князя, конференцію предположено собрать въ Баденъ-Баденѣ.

Отъѣздъ нашъ назначенъ на 11-е февраля, въ 6 ч. утра, въ Чаталджу. Если, ко времени нашего прибытія туда, получимъ приглашеніе султана занять Санъ-Стефано, то поѣдемъ туда по желѣзной дорогѣ; если приглашенія не будетъ—двинемся обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

10 февраля.—Великій Князь получилъ отъ Савфета увѣреніе, что приглашеніе ему отъ султана вступить въ Санъ-Стефано непремѣнно будетъ.

Около 5 ч. дня получена телеграмма на франц. языкѣ изъ Константинополя отъ нашего перваго драгомана Ону, отъ 1 ч. 45 м. дня:

„Порта согласилась. Полковникъ князь Кантакузинъ, въ сопровожденіи Османа-паши, выѣхалъ сегодня въ Санъ-Стефано, для указанія тѣхъ сосѣднихъ мѣстностей, въ которыхъ располо-

жатся войска, сопровождающія Ваше Высочество. Подробности—съ особымъ курьеромъ, отправляемымъ сегодня вечеромъ къ Савфету-пашѣ. Относительно чисто-военныхъ вопросовъ полковникъ князь Кантакузинъ донесетъ прямо штабу. Санъ-Стефано вполнѣ готово къ пріему Вашего Высочества".

Игнатьевъ увѣряетъ, что миръ будетъ окончательно подписанъ 19-го февраля.

11 февраля.—Встали въ четыре утра, а въ шесть, еще въ совершенной темнотѣ, отошелъ изъ Адріанополя нашъ поѣздъ. Ѣхали очень медленно, такъ какъ поѣздъ былъ и очень великъ, и сильно перегруженъ. Въ Чорлу была остановка для обѣда, заказаннаго по телеграфу. Въ Чаталджу прибыли около 6 ч. вечера. Тамъ уже былъ выстроенъ весь корпусъ Скобелева. Великій Князь объѣхалъ его и поблагодарилъ. Тутъ мы узнали, что два передовыхъ поѣзда, отправленные еще вчера, со сводною гвардейскою ротою, конвоемъ Великаго Князя и багажемъ,—были остановлены турками на демаркаціонной линіи, за неполученіемъ приказанія о пропускѣ изъ Константинополя. Великій Князь разсердился. Подозвавъ къ себѣ турецкаго полковника Таиръ-бея, состоящаго при Скобелевѣ (къ которому онъ былъ присланъ Мухтаръ-пашою уже нѣсколько дней тому назадъ),—Великій Князь распекъ его и приказалъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ подполковникомъ Соллогубомъ и корнетомъ Галломъ, на дежурномъ паровозѣ, на демаркаціонную линію и распорядиться пропускомъ обоихъ передовыхъ поѣздовъ; предупредить при этомъ, что онъ, Великій Князь, тотчасъ ѣдетъ слѣдомъ и требуетъ безотговорочнаго и безотлагательнаго пропуска. Это приказаніе Великій Князь заключилъ слѣдующими словами: „Quand j'ordonne quelque-chose, j'aime être obéis sur le champ. Dites leurs cela. Allez!" Бѣдный турокъ сконфузился и немедленно полетѣлъ впередъ со своими конвоирами, а мы усѣлись въ вагоны и, по полученіи телеграммы о прослѣдованіи черезъ демаркаціонную линію головныхъ поѣздовъ—тронулись вслѣдъ за ними, уже поздно вечеромъ. Прибыли въ Санъ-Стефано часовъ около 4-хъ утра, при чудномъ лунномъ свѣтѣ. На станціи уже ожидали Великаго Князя: военный министръ Реуфъ-паша, бывшій главнокомандующій Мехмедъ-Али-паша и мѣстное греческое духовенство. Великій Князь сѣлъ на коня и въѣхалъ въ Санъ-Стефано, предшествуемый греческимъ духовенствомъ съ иконами, хоругвями, зажженными свѣчами и хоромъ пѣвчихъ. Бѣдные паши, не имѣвшіе верховыхъ лошадей, должны были плестись за Великимъ Кня-

земъ пѣшкомъ. Къ ихъ счастію, приготовленный для Великаго Князя домъ оказался очень недалеко отъ станціи. Домъ великолѣпный, хотя не очень большой, но трехэтажный. Отдѣланъ и меблированъ роскошно: гармоническая смѣсь восточнаго и европейскаго стилей и комфорта. Домъ этотъ принадлежитъ богачу-армянину Дадіани. Въ столовой уже были приготовлены чай и закуска, что было очень кстати. Реуфъ и Мехмедъ-Али-паши побыли недолгое время и, откланявшись, уѣхали въ Константинополь: Великій Князь былъ съ ними обаятельно-милъ и привѣтливъ.

Левицкому и мнѣ отвели большую и хорошо меблированную комнату въ нижнемъ этажѣ прекраснаго дома, на набережной Мраморнаго моря, всего въ 2-хъ минутахъ ходьбы отъ дома Великаго Князя. При домѣ—чудный садъ.

Только въ 7 ч. утра 12-го февраля мы могли улечься спать, но уже въ 10 ч. утра встали.

12 февраля.—Еще ночью я любовался, при лунномъ сіяніи, чарующимъ видомъ Мраморнаго моря, а сегодня окончательно осмотрѣлся въ Санъ-Стефано. Чудный городокъ, сильно напоминающій итальянскіе и болѣе всего — Палланцу. Вдали на горизонтѣ синѣетъ малоазіатскій берегъ, и среди Мраморнаго моря выдаются три горы съ бѣлѣющими на нихъ домиками: это Принцевы острова. Константинополь съ набережной не виденъ, но если выйти на мысъ, занятый теперь 16-ю орудіями л.-гв. 1-ой артилл. бригады, то сразу открывается восхитительный видъ: весь Царьградъ, Скутари и Босфоръ. Прелесть зрѣлища усугубляется темною зеленью громадныхъ кипарисовъ, лавровъ и миртовъ. Совершенно забываешь, что теперь еще зима.

Всѣ дома Санъ-Стефано принадлежатъ грекамъ, армянамъ, левантинцамъ и отчасти европейцамъ разныхъ націй. Это—дачное мѣсто константинопольцевъ. Большинство домовъ — отельнаго типа, т.-е. въ каждомъ этажѣ центральная зала и изъ нея — двери въ отдѣльныя комнаты. Домъ, гдѣ мы живемъ, трехъ-этажный, и въ каждомъ этажѣ по такой залѣ: вездѣ мебель, есть даже билліардъ и піанино, а въ бель-этажѣ—большой балконъ, откуда чудный видъ на Мраморное море.

Сегодня съ утра набралась въ Санъ-Стефано масса любопытной публики и разные торговцы изъ Царьграда. На улицахъ — нетолченая труба. У пристани, которая приходится наискосокъ противъ нашей квартиры, одни пароходы смѣняются другими: пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ любопытные. Въ числѣ ихъ

есть и турецкіе офицеры, но нашимъ офицерамъ строжайше воспрещено ѣздить въ Константинополь въ военномъ платьѣ, впредь до заключенія мира. Многіе, впрочемъ, уже раздобылись здѣсь статскимъ платьемъ и сегодня отправились смотрѣть Царьградъ.

Великій Князь донесъ Государю о своемъ прибытіи слѣдующею телеграммою:

„Прибылъ сегодня, 12-го февраля, въ 4 часа ночи въ Санъ-Стефано, съ согласія султана, по желѣзной дорогѣ. Сегодня вступаетъ преображенскій полкъ. Казаки съ Жуковымъ и конвойная рота со мною. Турки очистили намъ мѣсто. Встрѣчали меня на станціи греческое духовенство, Реуфъ и Мехмедъ-Али паши. Все обстоитъ благополучно. Войска въ отличномъ видѣ и здоровьи".

Эта телеграмма дошла необычайно быстро, такъ что спустя нѣсколько часовъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Радуюсь твоему благополучному прибытію съ согласія султана и хорошему состоянію здоровья въ войскахъ. Каковъ ты самъ? Отправилъ къ тебѣ письмо сегодня съ Бибиковымъ" [1]).

Великій Князь тотчасъ же отвѣчалъ:

„Благодарю очень за письмо твое отъ 26-го января и за сегодняшнюю телеграмму. Здоровье мое все по прежнему: не могу долго стоять и ходить, но вообще порядочно себя чувствую".

Сегодня же получена слѣдующая телеграмма князя Горчакова отъ 10-го февраля:

„Шуваловъ телеграфируетъ отъ 9-го: Лейардъ сообщаетъ, что 30.000 русскихъ готовы вступить насильно. Условія мира оглушительны: сдача флота, изгнаніе всего мусульманскаго населенія. Султанъ подписать не можетъ, проситъ англійской помощи. Британскій кабинетъ очень встревоженъ. Если русскія войска войдутъ въ Константинополь безъ согласія султана, то британское правительство будетъ вынуждено отозвать своего посла изъ Петербурга и предложить созывъ конференціи. Дерби добавилъ, что создаваемое нами положеніе равносильно разрыву перемирія, но если султанъ согласится, то положеніе измѣнится".

Это извѣщеніе такъ возмутило Великаго Князя, что онъ немедленно телеграфировалъ прямо графу Шувалову въ Лондонъ:

---

[1]) Адъютантъ главнокомандующаго. Скончался въ должности начальника 2-ой гвард. пѣхотной дивизіи въ 1899 или 1900 г.

„Канцлеръ сообщилъ мнѣ содержаніе вашей телеграммы отъ 9-го. Сообщеніе Лейарда объ условіяхъ мира тенденціозно-ложное. Я прибылъ въ Санъ-Стефано съ согласія султана".

Вслѣдъ за симъ получены еще двѣ телеграммы князя Горчакова:

1) Отъ 10-го февраля:

„По высочайшему повелѣнію я телеграфировалъ Шувалову: „Мы еще не знаемъ въ точности условій адріанопольскихъ переговоровъ, вслѣдствіе перерыва телеграфнаго сообщенія съ 8-го февраля, но объявляемъ вполнѣ ложнымъ сообщеніе Лейарда, будто мы требуемъ изгнанія изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія. Рѣчь идетъ только о турецкихъ чиновникахъ и войскахъ. Британская эскадра прошла черезъ Дарданеллы, не взирая на протестъ Турціи. Между тѣмъ, въ случаѣ вступленія части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью защиты христіанъ, но безъ согласія султана, британское правительство сочтетъ себя вынужденнымъ отозвать своего посла изъ Петербурга. Пусть дѣлаетъ, что̀ хочетъ. Исторія, а быть можетъ и современники, произнесутъ свой приговоръ надъ столь полнымъ отсутствіемъ логики и надъ такимъ презрѣніемъ ко всеобщему миру".

2) Отъ сего 12-го февраля:

„Шуваловъ телеграфируетъ отъ 10-го: „Дерби выразилъ желаніе, чтобы вчерашній меморандумъ остался секретомъ обоихъ кабинетовъ. Декларація насчетъ Дарданеллъ принята къ свѣдѣнію". Я отвѣчалъ, что въ виду важности дѣла уже посланы сообщенія великимъ державамъ".

13 февраля. Въ 2 ч. 20 м. дня получена телеграмма Государя отъ сего числа, 11 ч. утра (рѣдкая быстрота передачи!):

„Поздравленія твои, телеграммы отъ 12-го получилъ. Благодарю за письмо отъ 31-го января съ полковникомъ Сухотинымъ, пріѣхавшимъ вчера вечеромъ. Всѣ распоряженія твои одобряю. Дошла ли шифрованная моя телеграмма отъ 9-го февраля? Передай моимъ уланамъ поздравленіе мое съ полковымъ праздникомъ и мое спасибо за молодецкую службу".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Телеграмму твою отъ 13-го сегодня получилъ. Шифрованную отъ 9-го также получилъ своевременно. Реуфъ-паша былъ у меня сегодня: условился съ нимъ объ отводѣ всѣхъ турецкихъ войскъ съ бывшей демаркаціонной линіи, къ утру

четверга 16-го февраля. Тогда Скобелевъ перейдетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ на линію Перенджикіой до Агачи, близъ Чернаго моря. У насъ погода чудная, на берегу моря играетъ музыка и гуляетъ публика, пріѣзжающая изъ Царьграда. Доѣзжалъ сегодня до турецкихъ форпостовъ, гдѣ разговаривалъ съ турецкимъ офицеромъ. Все благополучно.

Въ Санъ-Стефано необычайное оживленіе, вѣрнѣе—непротолкная. Наши офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, пріѣзжіе зѣваки изъ Константинополя, уличные торговцы, пѣвцы и музыканты, международныя дѣвицы легкаго поведенія,—все это съ утра до вечера толпится на улицахъ. Не только греки и армяне, но и сами турки относятся къ нашимъ войскамъ съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ: выражаютъ открытую радость нашему приходу и даже сами спрашиваютъ, когда мы придемъ въ Константинополь? Греки и левантинцы изъ Перы и Галаты заговариваютъ по-французски съ нашими офицерами и дѣлаютъ подчасъ самые наивно-невѣжественные вопросы. Сегодня одинъ весьма элегантный господинъ, за которымъ слѣдовали разряженныя дѣти, остановилъ Сухомлинова на улицѣ вопросомъ: пришелъ ли уже нашъ „одноглазый“ полкъ,—и былъ очень разочарованъ, узнавъ, что такого полка нѣтъ. Ему передавали за вѣрное, что полкъ этотъ долженъ придти сегодня, и онъ нарочно привезъ своихъ дѣтей показать имъ эту диковинку.

На турецкихъ дипломатовъ нашъ быстрый переѣздъ въ Санъ-Стефано произвелъ благодѣтельное впечатлѣніе: они стали гораздо сговорчивѣе и уступчивѣе. Посмотримъ, что будетъ дальше.

М. А. Газенкампфъ.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

„Я покинулъ эти мѣста страданія, но еще и теперь мною овладѣваетъ ужасъ, когда я случайно вспоминаю о нихъ“.

Дюма.

I.

Въ Рамцахъ—поселкѣ, раскинутомъ въ верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи того же названія,—царила тишина. Утро начиналось теплое, но по небу бродили тучи, мѣшавшія пробиваться солнечнымъ лучамъ, которые наканунѣ въ это же время заливали весь поселокъ и придавали каждой избушкѣ, каждому кустику зелени радостный, праздничный видъ. Теперь сѣрый тонъ лежалъ на всемъ, отчего проигрывали не только скромные маленькіе домики, но и „дворецъ“ мѣстнаго богача лѣсопромышленника Простоквашина, дѣти котораго учились уже въ гимназіи и обижались, когда имъ напоминали о дѣдѣ, ходившемъ въ лаптяхъ и сермягѣ.

Наискось отъ Простоквашинскаго дворца, черезъ шоссейную дорогу, стоялъ небольшой домикъ съ мезониномъ, принадлежавшій охотнику Герману Фрейману. Самъ Фрейманъ былъ почти всегда въ отлучкѣ, и въ роли хозяйки оставалась его племянница, золотокудрая Рита, выписанная изъ Риги Фрейманомъ для завѣдыванія хозяйствомъ и для присмотра за двумя двоюродными сестрами-сиротами. При дядѣ Рита сидѣла дома; когда же дяди не было, Рита предпочитала ходить по гостямъ, гулять или читать ро-

маны, предоставивъ все хозяйство наймичкѣ Марѳѣ, которая сама себя называла „находной работницей“. Но такъ какъ она часто была пьяна, то сиротки также часто оставались совсѣмъ безъ обѣда или ѣли бурду, которая предназначалась для собакъ, получавшихъ, по ошибкѣ Марѳы, дѣтскій супъ. Узнавъ про такой „казусъ“, Рита смѣялась, говорила: „ну, это ничего!“—и шла обѣдать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чаще же всего наверхъ къ жильцамъ, которые обыкновенно кормили и сиротокъ, плакавшихъ отъ голода.

Мезонинъ нанималъ Ювеналій Никандровичъ Малаховъ. Онъ былъ писатель по профессіи, но бѣжалъ изъ столицы и поселился въ Рамцахъ. Въ мезонинѣ было всего три комнаты—одна большая и двѣ маленькія — и кухонка. Въ одной изъ комнатъ Ювеналій Никандровичъ работалъ, то-есть писалъ и столярничалъ; другая служила спальней для него и жены, которую звали Натальей Павловной,—а самая большая комната исполняла роль залы, гостиной и столовой. Здѣсь же работала на машинкѣ Наталья Павловна, умѣвшая шить и платья, и бѣлье. Большая комната была обставлена лучше другихъ: здѣсь стоялъ мягкій диванъ, два кресла, нѣсколько буковыхъ стульевъ и піанино. Обѣденный столъ, съ опускавшимися половинками, помѣщался обыкновенно у стѣны и лишь „по надобности“ водворялся на середину. Въ этой же комнатѣ находился и шкафъ съ книгами, которому не было мѣста въ кабинетѣ. Въ спальнѣ обстановка состояла изъ двухъ простыхъ кроватей, платяного шкафа, сундука и крошечнаго столика съ зеркаломъ, что, шутя, Малахова называла своимъ „будуарнымъ туалетомъ“. Кабинетъ Ювеналія Никандровича походилъ на комнату рабочаго или—если хотите—на келью инока. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Передъ образомъ всегда теплилась лампадка. У одной стѣны стоялъ длинный, даже не выкрашенный, сосновый столъ,—на немъ Малаховъ писалъ. У другой стѣны помѣщалась кушетка изъ ивовыхъ прутьевъ,—на ней онъ отдыхалъ послѣ писанія или послѣ работы за верстакомъ, стоявшимъ въ простѣнкѣ между окнами. Надъ верстакомъ, на стѣнѣ, въ простой рамѣ, сдѣланной самимъ Малаховымъ, висѣлъ портретъ Достоевскаго съ надписью: „Смирися, гордый человѣкъ! Потрудися, праздный человѣкъ!“ Надъ кушеткой висѣлъ портретъ Пушкина. Обоихъ писателей Малаховъ „обожалъ“, какъ выражался онъ самъ, и произведенія ихъ перечитывалъ чуть не ежедневно. Какъ-то жена спросила его:

— А котораго ты больше любишь?

— Право, не рѣшу,—отвѣтилъ Малаховъ,—оба дороги.

— Я думаю, все-таки Достоевскаго?

— Пожалуй, потому что я его зналъ лично и цѣню не только какъ писателя.

Прислуги Малаховы сначала не держали совсѣмъ; на кухнѣ помогала Натальѣ Павловнѣ находомъ вдова-солдатка, носившая воду во многіе дома. Потомъ Малаховы взяли крестьянскую дѣвочку-сиротку, которая болѣе нуждалась въ хозяевахъ, чѣмъ они въ ней. Но Катя оказалась дѣвочкой способной и хорошей. Она скоро многое переняла у барыни и стала ей помогать. Все-таки Наталья Павловна сама готовила, убирала комнаты, и только когда чувствовала себя слабой или несовсѣмъ здоровой—уборкой занималась Катя. Зато дѣвочка уже исключительно наблюдала за чистотой кухни и посуды. Дрова кололъ самъ Малаховъ. Онъ же носилъ воду изъ колодца, а съ рѣки—водоноска. Сначала и хозяинъ, и сосѣди удивлялись „скупости Малахова", но потомъ поняли, что это дѣлалось по другой причинѣ.

— Хочется вамъ, баринъ, самимъ воду носить, да дрова колоть,—сказалъ какъ-то кузнецъ Андрей.

— Хочется, не хочется, а надо.

— Да чего же стоитъ, рубль какой-нибудь...

— Дѣло, братецъ, не въ рублѣ. За столомъ сидя, деньги достаю, а здѣсь да за верстакомъ аппетитъ добываю.

— Э-э, вотъ оно что... смекаю! А мы положили было всѣ...

И кузнецъ, не закончивъ фразы, засмѣялся.

Ради же здоровья Малаховъ ежедневно утромъ ходилъ гулять, какая бы погода ни случилась. Онъ принялъ за правило: дойти до станціи и обратно, если погода неважная, а въ хорошую—до мельницы Софрона, въ трехъ верстахъ отъ Рамцевъ. Ювеналій Никандровичъ шелъ обыкновенно ровнымъ шагомъ, „вольготно", по его выраженію, и, отдохнувъ на лавочкѣ у мельницы, такъ же неспѣшно возвращался домой.

Вставалъ Малаховъ зимой почти всегда въ шесть часовъ, а лѣтомъ въ пять, ложась въ десять и ни въ какомъ случаѣ не позже одиннадцати. Конечно, исключительные случаи бывали, но такъ рѣдко, что даже сосѣди удивлялись, если видѣли огонь въ комнатѣ Малахова позже одиннадцати.

Въ то сѣренькое утро, съ описанія котораго начался настоящій разсказъ, Малаховъ проснулся въ половинѣ пятаго. „Рано еще",—мелькнуло у него въ умѣ. Но спать ему не хотѣлось, и онъ всталъ, всунулъ ноги въ туфли, накинулъ парусинный халатъ и отправился въ сѣни, гдѣ лѣтомъ всегда умывался, об-

тирая себя всего холодной водой. Умывшись и облекшись въ легкую парусиновую пару, Малаховъ отправился колоть дрова. За колкой его застала Марѳа, пришедшая доить хозяйскую корову. Марѳа не была сегодня пьяна, и на лицѣ ея свѣтилась какая-то особенная радость.

Она поздоровалась съ Малаховымъ, который замѣтилъ выраженіе ея лица и промолвилъ шутливо:

— Ты сегодня именинница, Марѳа?

— Нѣтъ, баринъ. А почему вы такъ думаете?

— Да у тебя лицо такое веселое.

— А это потому, что у меня радость большая. Я теперь пить больше не буду.

— Дѣло хорошее! Да вѣдь ты и раньше бросала... да не удерживалась.

— Не могла все, а теперь брошу, потому нельзя теперь иначе: дала обѣщаніе на цѣлые три мѣсяца. Я вѣдь къ отцу Нилу ѣздила, тамъ насъ много было.

— Ну, дай Богъ!—сказалъ Малаховъ.

Марѳа подоила корову; Малаховъ, по обыкновенію, выпилъ кружку парного молока, снесъ наколотыя дрова наверхъ въ сѣни, принесъ два ведра воды изъ колодца и отправился на прогулку.

Поселокъ уже пробуждался. Отворялись ворота, и хозяйки выгоняли громко мычавшихъ коровъ; гдѣ-то невдалекѣ пастухъ наигрывалъ на рожкѣ, оповѣщая хозяекъ о своемъ приближеніи. На улицѣ появились бабы съ ведрами. Тихонько поплелся въ кузницу Андрей. По шоссе тянулись телѣги-одноколки съ корой,—ее везли крестьяне на станцію. Но Простоквашинскій дворецъ былъ еще погруженъ въ сонъ. Всѣ сторы въ окнахъ были спущены и балконная дверь наверху затворена. Самъ Простоквашинъ вставалъ въ шесть часовъ, но „барышни" любили понѣжиться и въ позднемъ вставаніи видѣли несомнѣнный признакъ благородства.

Малаховъ, выйдя изъ калитки палисадника, постоялъ съ минуту на мостикѣ, перекинутомъ черезъ канаву, отвѣтилъ на поклонъ старика Андроныча, шедшаго мести „шоссею", и направился на желѣзнодорожную станцію, чтобы прогуляться и заодно купить марокъ на утреннемъ почтовомъ поѣздѣ.

Облака рѣдѣли, открывая доступъ солнечнымъ лучамъ. „А денекъ-то разгуляется",—подумалъ Малаховъ, поправляя соломенную шляпу.

II.

На половинѣ дороги ему попался мѣстный мясоторговецъ, Илья Ильичъ Ильинъ. Онъ поздоровался съ Малаховымъ.

— Прогуливаться изволите? Али на поѣздъ?

— Къ поѣзду,—отвѣтилъ Малаховъ.—Марокъ купить надо.

— Такъ-съ... И прогуляться, и по дѣлу... А за книжку очень благодаренъ... Можетъ быть, еще снабдите?

— Пора вамъ, Илья Ильичъ, свои покупать. Слава Богу, при капиталахъ...

— Дѣла не важны, Ювеналій Никандровичъ... А тутъ постройка... Вотъ газету рѣшилъ-съ... Съ іюля подписываюсь на „Свѣтъ"... Романы тамъ интересны... Дочь докучаетъ очень... Ну, а мнѣ политика... Тамъ ежели что... и книжку можно... Вы укажете... А все-таки, покамѣстъ, не откажите...

— Хорошо.

— Премного благодарны...

Черезъ нѣсколько шаговъ Малахову встрѣтился сапожникъ Абрамовичъ, „философствующій іудей", какъ называлъ его Ювеналій Никандровичъ. Абрамовичъ съ обычной улыбкой поклонился „господину Малахову" и освѣдомился насчетъ работы.

— Кажется, нѣтъ пока... а впрочемъ, это—вѣдомство жены,—отвѣтилъ Малаховъ.—Зайдите, спросите... Кстати, мы докончимъ давній разговоръ... Я кое-что подыскалъ для васъ въ книгахъ...

— Очень благодарю васъ, господинъ Малаховъ,—сказалъ Абрамовичъ, осклабляясь.—Какъ выйдетъ свободная минута... А какъ здоровье вашей супруги?

— Ничего, вашими молитвами здорова...

— Ну, слава Богу... Вы шутите, а что вы думаете? И развѣ я не желаю ея здоровья? Я всегда говорю: пошли Богъ ей здоровья... такая славная дама, ваша супруга... Я не забылъ, какъ она ласково обошлась съ моей дочкой... И кто о ней скажетъ дурное? Ха!

Онъ приподнялъ картузъ и пошелъ быстро, помахивая сапогами, которые держалъ въ лѣвой рукѣ.

Миновавъ поселокъ и выйдя на дорогу, упиравшуюся прямо въ желѣзнодорожное полотно, Малаховъ взглянулъ на часы и невольно воскликнулъ:

— Э, да я опоздаю!

Онъ ускорилъ шаги.

Ему попалось нѣсколько крестьянъ изъ поселка и ближайшихъ деревень. Они кланялись ему, и онъ отвѣчалъ имъ, снимая шляпу. Одному изъ нихъ онъ крикнулъ, не останавливаясь:

— Семенъ, зайди ко мнѣ потомъ! Я досталъ книгу, какую ты просилъ. Кстати, и женѣ ты зачѣмъ-то нуженъ.

— Хорошо, Ювеналій Никандровичъ,—промолвилъ крестьянинъ:—А Манька моя сегодня ягоды къ вамъ принесетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Малаховъ подходилъ къ станціи. Шлагбаумъ былъ опущенъ.

— Скоро поѣздъ?—спросилъ Малаховъ у сторожа.

— Поопоздалъ что-то, Ювеналій Никандровичъ. А на вокзалѣ Митрій Алексѣичъ сидятъ, о васъ спрашивали.

— А-а! Мнѣ онъ тоже, кстати, нуженъ,—сказалъ Малаховъ, поднимаясь по лѣсенкѣ на платформу, по которой важно расхаживали жандармы въ ожиданіи поѣзда. Въ дверяхъ вокзала Малаховъ столкнулся съ начальникомъ станціи, толстякомъ съ добродушной физіономіей. Иванъ Григорьевичъ Горшковъ—такъ звали начальника станціи—сначала очень боялся Малахова, какъ писателя. Когда онъ узналъ, что сочинитель поселился у Фреймана, онъ произнесъ, махнувъ рукой: „Теперь бѣда! Начнетъ насъ критиковать, только держись! Помню я, жилъ тутъ одно лѣто корреспондентъ изъ „Листка“—всѣхъ „раскастилъ“... Но время шло, а Малаховъ никого не „пробиралъ“. Начальникъ удивлялся. „Да что же онъ: не умѣетъ, что-ли?..“ Воспользовавшись какимъ-то случаемъ, Горшковъ познакомился съ Малаховымъ, и они скоро сдѣлались добрыми пріятелями. Въ одну изъ откровенныхъ минутъ Горшковъ во всемъ признался Малахову, тотъ засмѣялся и сказалъ въ успокоеніе: „И не бойтесь! Я не для того живу здѣсь: у меня есть другое дѣло“. Горшковъ окончательно успокоился.

— Ба! Вотъ кстати!—воскликнулъ онъ, здороваясь съ Малаховымъ.—Въ первомъ классѣ пьетъ чай Нееловъ: спрашивалъ о васъ... Идите туда.

Нееловъ обрадовался неожиданной встрѣчѣ съ Малаховымъ.

— Вотъ прекрасно! Ѣду въ Питеръ! Садитесь! Хотите чаю?

— Спасибо! Утромъ не пью.

— Ахъ, да, я и забылъ! Какао или солодовый кофе? да?

— Да.

— Ну, такъ садитесь и слушайте! Дѣло, кажется, выгоритъ. Я получилъ письмо отъ кузена. Въ министерствѣ проектъ въ принципѣ одобренъ. Я былъ на дняхъ въ Новшинскѣ,—губернаторъ также ничего противъ не имѣетъ.

— Отлично,—произнесъ Малаховъ, снимая шляпу и вытирая лобъ платкомъ:—значитъ, можно надѣяться, что дѣти будутъ спасены?

— Да, да... А я вотъ ѣду въ банкъ. Заверну опять къ кузену... А вы-то когда же ко мнѣ? Жена сердится... Ну, что вашъ романъ?

— Помаленьку подвигается.

— Я въ Петербургъ только дня на два. Знаете: возвращаясь, я заѣду за вами и вмѣстѣ ко мнѣ. Идетъ?

— Пожалуй.

Раздался звонокъ.

— Что это: уже поѣздъ?—спросилъ Нееловъ, обращаясь къ лакею.

— Да-съ, вышелъ изъ Ямокъ.

Нееловъ бросилъ на столъ рублевку, всталъ и промолвилъ, взявъ подъ руку Малахова:

— Пойдемте на платформу... Такъ вотъ-съ, наше дѣло, то-есть, собственно, ваше, точнѣе,—на ходу. То-то будетъ злиться Патрикѣевъ! Упрямый старикъ! Да это вздоръ! Вѣдь въ сущности онъ добрякъ. Но упрямъ...

Поѣздъ несся стремительно, словно хотѣлъ промчаться мимо станціи. Но вотъ онъ весь вздрогнулъ и остановился, какъ вкопаный. Раздался свистокъ паровоза о дребезжащіе звуки станціоннаго колокольчика. Оберъ-кондукторъ лихо соскочилъ на платформу еще на ходу поѣзда и, дѣлая подъ козырекъ, подошелъ къ начальнику станціи.

— Мнѣ надо купить марокъ!—сказалъ Малаховъ.

— Пойдемте! У меня нѣтъ никакого багажа... Не люблю,— съ улыбкой произнесъ Нееловъ.

Вдругъ кто-то окликнулъ Малахова.

— Ювеналій Никандровичъ?!

Восклицаніе было сдѣлано въ формѣ вопроса.

Малаховъ, не оставляя руки Неелова, оглянулся. На платформѣ, шагахъ въ двухъ, стоялъ высокій, худощавый господинъ въ сѣрой пиджачной парѣ, въ шолковой шапочкѣ безъ козырька. Въ одной рукѣ онъ держалъ папиросу, а другая лежала на ремнѣ дорожной сумки. Малаховъ сразу узналъ въ немъ бывшаго товарища по газетѣ, Авенира Львовича Рощина.

— Откуда это?—воскликнулъ въ свою очередь Малаховъ.

Нееловъ отошелъ въ сторону. Малаховъ и Рощинъ обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ. Они оба были рады встрѣчѣ.

— Откуда и куда?—повторилъ свой вопросъ Малаховъ.

— Изъ Одессы въ Питеръ.

— Надолго?

— Да какъ сказать... Возвращаюсь на старыя мѣста, съ югомъ покончено. Эхъ, какая досада: не зналъ я, что ты здѣсь! Мнѣ писали, что ты на Волгу уѣхалъ.

— Собирался.

— Ну вотъ... А то бы я взялъ билетъ до Рамцевъ и завернулъ бы къ тебѣ... Котиковъ писалъ, что ты здѣсь совсѣмъ осѣлъ и что будто бы...

— Погоди,—перебилъ Малаховъ:—да что тебѣ теперь-то мѣшаетъ остаться? Ну, брось билетъ, разсчетъ небольшой.

— Конечно... а багажъ?.. Я вѣдь ѣду совсѣмъ: пудовъ десять...

— Пустяки! Что нужно—возьми... я это устрою, а остальное пусть себѣ идетъ... До меня всего верста.

— Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такъ сдѣлать...—въ нерѣшительности произнесъ Рощинъ.

— Нечего думать и терять время. Давай квитанцію. Что тебѣ необходимо? Чемоданъ? Отлично! Герасимъ!—подозвалъ Малаховъ носильщика съ бляхой.—Вотъ тебѣ квитанція, возьми изъ багажа чемоданъ, пусть сдѣлаютъ отмѣтку на квитанціи, и найми лошадь.

Малаховъ обернулся къ пріятелю и произнесъ довольнымъ тономъ:

— Ну, значитъ, все устроено. Ахъ, да! Дмитрій Алексѣевичъ,—произнесъ онъ, обращаясь къ Неелову, продолжавшему стоять невдалекѣ:—позвольте васъ познакомить съ моимъ пріятелемъ, Авениромъ Львовичемъ Рощинымъ. Вѣроятно, читали?

— Какъ же-съ,—произнесъ Нееловъ, протягивая руку.— Вѣдь это вашъ романъ „Чужія дѣти“?

— Мой,—отвѣтилъ Рощинъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Читали вмѣстѣ съ женой... Очень пріятно! Однако, мнѣ надо садиться. Можетъ быть, мы еще увидимся,—обращаясь къ Рощину, добавилъ Нееловъ:—вы погостите у Ювеналія Никандровича?

— Конечно. Да мы къ вамъ вмѣстѣ и пріѣдемъ,—отвѣтилъ за пріятеля Малаховъ.

— Вотъ и отлично!

Раздался звонокъ. Нееловъ раскланялся и поспѣшилъ въ вагонъ, а пріятели отправились въ вокзалъ.

— Я умираю отъ жажды!—сказалъ Рощинъ.—Пива, что-ли, выпить?

— Съ утра-то, Господь съ тобой! Пей лучше чай или кофе.

— Все равно!

Они прошли къ свободному столику у окна. Рощинъ велѣлъ подать стаканъ чаю съ лимономъ.

— Неужели ты меня сразу не узналъ?—проговорилъ Малаховъ, когда они сѣли на диванчикъ.—Ты такъ неувѣренно окликнулъ меня.

— Ты ужасно измѣнился,—промолвилъ Рощинъ, сдвигая на затылокъ шапочку:—Батюшки! А мои вещи въ вагонѣ? Я и забылъ...

Онъ полетѣлъ, какъ стрѣла, изъ вокзала и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ пледомъ, подушкой и небольшимъ ручнымъ чемоданчикомъ.

— Вотъ бы чудесно-то было, если бы я все забылъ!—сказалъ онъ, кладя вещи на окно.—Впрочемъ, я уже потерялъ два пледа дорогой.

Онъ засмѣялся, сѣлъ возлѣ пріятеля и, отхлебывая изъ стакана чай, продолжалъ:

— Да, ты очень измѣнился за эти годы.

Онъ внимательно обвелъ взоромъ Малахова.

Пріятели совсѣмъ не походили другъ на друга. Малаховъ былъ мужчина за сорокъ лѣтъ, широкій въ кости, хотя и не изъ полныхъ. Лицо дышало свѣжестью, здоровьемъ; сѣрые глаза смотрѣли бодро, увѣренно; черные, коротко остриженные волосы, съ едва замѣтными серебринками, и большая борода такого же цвѣта еще болѣе оттѣняли свѣжесть лица, которое было хотя и неправильно, но симпатично; на немъ лежала печать спокойствія, силы, независимости. Рощину было не больше тридцати-пяти. Его нервное лицо съ землистымъ, нездоровымъ оттѣнкомъ ни на минуту не оставалось спокойнымъ. Линіи носа, рта—мягкія. Голубые глаза глядѣли грустно, или скорѣе—устало. Ничто не говорило о силѣ воли. Рощинъ весь былъ, такъ сказать, комокъ нервовъ. Это шло къ его худощавой фигурѣ съ длинными каштановыми волосами, волнообразно падавшими на плечи. Его движенія были быстры и нѣсколько суетливы.

— Что, постарѣлъ, скажешь?—спросилъ Малаховъ съ улыбкой.—Да, братъ, серебро показывается.

— Какое постарѣлъ!—воскликнулъ Рощинъ не то съ удивленіемъ, не то съ завистью:—Пожалуй, ты помолодѣлъ, сталъ свѣжѣе, возмужалъ, оплотнѣлъ, если только можно такъ выразиться. Ты сильно измѣнился... Я вѣдь сколько лѣтъ тебя не видалъ? Больше пяти?

— Сказалъ! Около десяти...

— Батюшки, въ самомъ дѣлѣ! И ты все здѣсь? А я гдѣ-гдѣ не былъ! Въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Казани, въ Харьковѣ, и вотъ опять ѣду въ Питеръ.

— А ты все такой же.

— Неужели не постарѣлъ?

— Да у тебя настоящей старости и не будетъ. Ты просто станешь вянуть, линять, уничтожаться...

— Ха, ха, ха!.. Выдумалъ тоже! Я, братъ, нервный — и очень, а вотъ ты...

— А что̀ я? Развѣ старое забылъ?

— Это правда. Такъ неужели ты здѣсь такъ измѣнился, благодаря деревнѣ? Котиковъ писалъ мнѣ о тебѣ, да такъ сбивчиво, но и восторженно... Онъ, братъ, тоже собирается покинуть Петербургъ и забиться въ глушь.

— И соберется тогда, когда его повезутъ на Волково.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Измотался хуже твоего. Не мудрено! У него три дочери избалованныя, да жена—этакое сокровище. Весь изсохъ. Одни только кудри русыя остались... Да вѣдь это не жизнь, а каторга.

— Ну, а ты?—спросилъ Рощинъ.

— Я? Да вотъ смотри!

— Любопытно. Мнѣ надо съ тобой обо многомъ поговорить... Давно хотѣлъ...

— Это и видно... За девять лѣтъ чуть ли не всего два письма.

— Ну, ужъ это ты врешь, не два! Голубчикъ! Да я совсѣмъ замотался! Я разошелся съ женой. Ты это знаешь?

— Ты не писалъ, а слухи шли...

— Да, братъ, она осталась въ Москвѣ, а я укатилъ въ Кіевъ, и тамъ чуть новой семьей не обзавелся.

— Это какъ: жениться хотѣлъ?

— Ну, гдѣ тутъ!.. Одна вдовушка встрѣтилась... у нея дочь и сынъ, но она еще молодая, всего двадцать-восемь лѣтъ...

— Ну, и что же?

— Да испугался... Сдѣлалъ было объясненіе, да тутъ расплевался съ издателемъ и сбѣжалъ. А жаль, ей Богу!

— Ну, а что твой романъ съ телеграфисткой?

— Развѣ ты и это знаешь?

— Еще бы, слухомъ земля полнится. Вѣдь это было еще при женѣ, кажется?

— Да, да... Все покончилъ! Знаешь, не въ моемъ вкусѣ... Такъ увлекся... глаза больно хороши... что-то безумное такое,

захватывающее... Ну, да что объ этомъ толковать... Все кончено! Я теперь, братъ, все бросаю и засаживаюсь за рядъ романовъ. Чортъ побери! Года идутъ, а я еще ничего почти не выполнилъ изъ задуманнаго. Разсказы, разсказы! Нѣтъ, пора! Удивляюсь Рапотецкому: каждый годъ новая любовь, и каждый годъ романъ, а то и два! И свѣжъ, молодъ... Ни одной сѣдинки!

— Ну, братъ, и ты этого можешь добиться. Только обратись къ любому куаферу. Не завидуй Рапотецкому,—въ недалекомъ будущемъ это разбитый конь на всѣ ноги. Форситъ, но кончитъ скверно...

— Вѣдь могъ бы быть богачомъ!

— Конечно, а кончитъ, чего добраго, подъ заборомъ, если не возьмется за умъ, пока не поздно. Да едва ли, очень ужъ онъ большой бабникъ,—пожалуй тебя за поясъ заткнетъ.

Подошелъ носильщикъ.

— Все готово-съ, Ювеналій Никандровичъ. Чемоданъ взялъ и лошадь приведена, только извините—телѣга. Такъ рано нельзя ничего найти.

— Все равно! Или ты не привыкъ къ телѣгѣ?—проговорилъ Малаховъ, обращаясь къ пріятелю.

— Да зачѣмъ ѣхать? Ты говоришь, всего верста... пусть вещи везутъ, а мы пройдемся.

— Отлично,—согласился Малаховъ.—Тогда Герасимъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ сторожу,—и лошади не надо: эту мелочь ты привезешь на ручной телѣжкѣ.

III.

Небо почти совсѣмъ очистилось отъ тучъ, и солнечные лучи залили своимъ животворнымъ свѣтомъ поселокъ. Все оживилось и приняло веселый видъ. Воробьи радостно чирикали, порхая по деревьямъ садика и садясь на перила балкона. Они были такъ приручены Малаховымъ, что садились нерѣдко на самый край столика, за которымъ работалъ Ювеналій Никандровичъ. Если онъ вставалъ и шелъ за хлѣбомъ—они спокойно дожидались его возвращенія, прыгая по столу.

— Зачѣмъ ты ихъ пріучаешь?—говорила Наталья Павловна мужу:—вездѣ накрошено, напачкано... Бросай лучше прямо въ садъ.

— Что за важность! Хочешь, я самъ подмету. Вѣдь это прелесть—такая милая дружба!—возражалъ мужъ.

Наталья Павловна пожимала плечами и, уходя съ балкона, демонстративно говорила Катѣ:

— Подмети, пожалуйста, за друзьями барина!

Воробьи уже сидѣли на перилахъ балкона и чирикали, какъ бы вызывая своего друга. Но вмѣсто него въ дверяхъ показалась Наталья Павловна.

Это была полная, средняго роста, темнорусая женщина, съ карими живыми глазами и круглымъ, румянымъ лицомъ. Слегка вздернутый носъ придавалъ веселое выраженіе лицу. Волосы были причесаны гладко, съ проборомъ по срединѣ, а густая коса свернута узломъ на затылкѣ. Малахова была одѣта въ синюю сатинетовую юбку и въ такую же свободную кофту, обшитую по вороту и по краямъ узенькой бѣленькой тесемочкой въ нѣсколько рядовъ.

Наталья Павловна остановилась на порогѣ. Она замѣтила „друзей“ мужа, и улыбка скользнула на ея полныхъ розовыхъ губахъ. Зато воробьи, обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ, съ шумомъ разсыпались по саду, оглашая его какъ бы недовольнымъ, протестующимъ крикомъ.

Малахова засмѣялась, обнаруживъ при этомъ крѣпкіе бѣлые, но неровные зубы.

— Что, воришки, не того ждали?—произнесла она, и начала съ наслажденіемъ вдыхать теплый воздухъ, напоенный запахомъ липъ, насаженныхъ въ саду.

— Барыня, а гдѣ будете пить кофе: на балконѣ или въ комнатѣ?

— Давай, Катя, сюда. Погода совсѣмъ разгулялась.

Наталья Павловна прищурилась, вглядываясь во что-то.

— Да, это Ювеналій, но съ кѣмъ онъ?—прошептала она, стараясь узнать спутника мужа. Но вотъ они оба подошли къ Простоквашинскому дворцу.

— Неужели это...

Въ этотъ мигъ Малаховъ что-то сказалъ спутнику, и тотъ, снявъ свою шапочку, раскланялся съ Натальей Павловной.

— Да это Рощинъ,—рѣшила она;—но откуда онъ взялся? Вотъ чудеса!

— Наташа, принимай гостя!—крикнулъ мужъ, отворяя калитку сада.

Рощинъ снова раскланялся съ Малаховой.

— Здравствуйте, да откуда вы?—смѣясь, проговорила она, привѣтливо отвѣчая на поклонъ.

— Блудный сынъ возвращается въ отчій домъ!—отвѣтилъ Рощинъ.

Они шли уже по саду.

— Наташа, не пить ли намъ кофе въ саду?—предложилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, Ювеналій, я уже велѣла Катѣ подавать здѣсь.

— Ну, быть посему! Если женщина захочетъ...

— То мужчина долженъ ей повиноваться,—докончилъ Рощинъ.

— А ты это всегда дѣлаешь?

— Всегда! Потому что, если хочешь знать, въ любви самое лучшее... ты думаешь, власть? Нѣтъ! А подчиненіе женщинѣ изъ любви, по своей волѣ. Представь: левъ и маленькая дѣвочка, его укротительница, онъ ей и повинуется...

— Пока не разсвирѣпѣетъ и не разорветъ ее на куски,—засмѣявшись, досказалъ Малаховъ.—Ну, идемъ наверхъ, покорный левъ! Только ты, братъ, на льва-то мало похожъ.

— Всякіе бываютъ. Посмотрѣлъ бы ты на льва въ зоологическомъ саду... Больно становится—до того его замучили въ неволѣ. Вотъ и я...

Громадный песъ выскочилъ откуда-то и съ лаемъ бросился на незнакомаго человѣка. Рощинъ попятился.

— Ха, ха, ха! Левъ струсилъ передъ собакой! Полканъ, молчи!—прикрикнулъ Малаховъ.—Видишь—левъ, какъ ты смѣешь лаять!

— Это твой?—спросилъ Рощинъ, глядя на собаку, которая смолкла и привѣтливо завиляла хвостомъ.

— Нѣтъ, хозяйская, но онъ вѣренъ и мнѣ. Славный песъ! Стражъ на рѣдкость!

Обыкновенно серьезный, Малаховъ теперь былъ въ веселомъ настроеніи подъ вліяніемъ встрѣчи съ пріятелемъ, котораго хотя и называлъ безпутнымъ, но любилъ за искренность и открытый характеръ. Онъ всегда говорилъ про Рощина: „грѣховъ и недостатковъ у Авенира много, но одно хорошо: не ломается и не рисуется, весь нараспашку: каковъ есть, такимъ и бери!“

Пока Катя накрывала на столъ, Малаховъ показалъ пріятелю всѣ комнаты, не исключая и спальни, потому что тамъ уже все было прибрано.

— Да когда же вы встаете?—спросилъ Рощинъ, обращаясь къ Натальѣ Павловнѣ.

— Ювеналій лѣтомъ въ пять часовъ, а я не позже шести. Сегодня я встала раньше, точно знала, что будетъ гость.

— И эта „барышня“ успѣла все уже прибрать!—сказалъ Рощинъ, показывая головой на проходившую Катю.

— Комнату я убрала и вымела сама,—отвѣтила Малахова,

которая не нашла нужнымъ переодѣться для гостя и осталась въ томъ же простомъ костюмѣ.

— Сами? А кто же готовитъ кушанье, — тоже сами?

— Конечно, сама, не Катя же!

— Ну, а...

— А черныя работы—я!—досказалъ Малаховъ: — Я колю дрова, ношу воду...

Рощинъ пожалъ плечами.

— Удивительно! Зачѣмъ это? Вѣдь ты получаешь не мало. Послѣ этого, пожалуй, ты самъ и бѣлье стираешь?

Рощинъ захохоталъ, но сейчасъ же смутился, сообразивъ, что, можетъ быть, стираетъ Наталья Павловна, и потому смѣхъ неприличенъ.

— Стираетъ тутъ одна женщина,—отвѣтилъ спокойно Малаховъ, — у Наташи и такъ много дѣла, да и на это она неспособна, руки не выносятъ стирки.

— Ничего не понимаю, хоть убей! Что же это: толстовщина что-ли?

— Ничуть; и къ чему непремѣнно ярлыкъ. Да вотъ погоди, ты все поймешь, а теперь пойдемъ пить кофе. Или, можетъ быть, ты хочешь какао?

— Все равно,—отвѣтилъ Рощинъ разсѣянно, видимо пораженный всѣмъ, что слышалъ.

Онъ пошелъ за хозяиномъ на балконъ, и когда они вошли въ кабинетъ, произнесъ снова, оглядывая всю его обстановку:

— И здѣсь у тебя совсѣмъ не то, что раньше, въ Питерѣ. Куда ты дѣвалъ мебель?

— Лишнюю продалъ.

— Да что: ты, въ аскетизмъ ударился что-ли? Столъ этотъ...

— Моей работы,—не безъ гордости сказалъ Малаховъ.

— А сапоги не шьешь?

— Нѣтъ, не шью. Это занятіе нездоровое.

— А печки кладешь?

— Не кладу и печекъ,—не умѣю. Зато вотъ гряды копаю, деревья сажаю и вообще съ этого года огородничаю, потому что хозяинъ раздобрился и далъ уголокъ въ огородѣ.

— Этакъ ты, пожалуй, изъ писателей въ огородники перейдешь,—съ улыбкой сказалъ Рощинъ, садясь противъ Натальи Павловны.

— Зачѣмъ?—возразилъ Малаховъ.—Я потому все это и дѣлаю, что хочу остаться настоящимъ писателемъ. Да я имъ здѣсь только и сталъ.

— Вотъ какъ! А что же мы всѣ... Напримѣръ я, по твоему, не писатель?... Благодарю васъ, Наталья Павловна!

Рощинъ принялъ отъ Малаховой стаканъ, поставилъ его противъ себя и повторилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Я-то писатель, или нѣтъ, по твоему?

— Ты? Ты..., какъ и многіе, пишущій аппаратъ. Ну, скажи, можешь ты не писать полгода, т.-е. не поставлять извѣстнаго количества строкъ?

— Конечно, не могу,—отвѣтилъ Рощинъ.—Нужно же мнѣ manger et boire. А моя семья? Я вѣдь, братъ, добросовѣстно исполняю всѣ обязанности.

— Ну, вотъ видишь. Значитъ, ты долженъ писать, и пишешь потому, что долженъ.

— А ты?

— А я—потому что хочу.

Рощинъ отхлебнулъ кофе и, получивъ разрѣшеніе у Натальи Павловны курить, досталъ портсигаръ изъ кармана пиджака.

— Да чѣмъ же ты будешь жить, если не будешь писать?—спросилъ онъ, закуривая папиросу.—Не отъ огорода же своего, надѣюсь?

— Мнѣ надо немного,—отвѣтилъ Малаховъ.—Это немногое я достану легко, если буду писать только тогда, когда хочу.

— А если у тебя желанія не явится цѣлый годъ?

— Этого не можетъ случиться,—промолвилъ Малаховъ, намазывая на хлѣбъ масло.—Вообрази: теперь я работаю почти ежедневно, именно потому, что могу работать и не работать. Всегда такъ! Это фактъ и психилогически объяснимый. А еслибы и такъ, какъ ты говоришь, то я могу смѣло прожить годъ. Ты сколько въ годъ тратишь?

— Всего? какъ тебѣ сказать... точно не подсчитывалъ, но тысячъ пять... Меньше не обернешься!

— А я самое большое—тысячу. Это максимумъ. Вѣрнѣе—рублей восемьсотъ, и тутъ уже все.

— Значитъ, ты себѣ во многомъ отказываешь?

— Нѣтъ, что надо, все есть. Ты видишь, я голода не испытываю; но я могу еще урѣзать расходы и, еслибы обстоятельства потребовали, жить на пятьсотъ рублей. Ну, а такую-то сумму я легко достану въ годъ.

Рощинъ ничего не отвѣтилъ. Задумавшись, онъ слегка барабанилъ пальцами по столу и пускалъ колечки дыма.

— А вотъ и твой багажъ прибылъ,—сказалъ Малаховъ, и, перегнувшись черезъ перила, крикнулъ:

— Герасимъ, въѣзжай во дворъ! Я сейчасъ скажу Катѣ...

Онъ всталъ и направился въ комнаты.

— Вы въ самомъ дѣлѣ въ Петербургъ совсѣмъ?—спросила Наталья Павловна у Рощина.

— Да, да! Я совсѣмъ разошелся съ издателемъ. Скотина! И то много терпѣлъ, давно бы надо было бросить, да нельзя.

— Чего нельзя?—спросилъ входившій Малаховъ.

— Я это насчетъ издателя. Говорю, давно бы нужно было бросить, да сразу оборвать не могъ. Куда бы дѣлся? А вотъ какъ только удалось мнѣ продать выгодно повѣсть, я и расплевался съ этимъ мерзавцемъ. Нѣтъ, братъ, какъ ни говори, а литератору можно жить только либо въ Петербургѣ, либо въ Москвѣ. Провинція — это яма! Писателю вдали отъ столицы— крышка!

— Только не беллетристу,—поправилъ Малаховъ.

— Да развѣ одной беллетристикой проживешь?—запальчиво возразилъ Рощинъ. — Тогда придется писать Богъ знаетъ что. Поневолѣ катаешь разныя статьи. Попробую опять пристроиться къ какой-нибудь газетѣ.

— Но этимъ ты размѣниваешься, — сказалъ Малаховъ.—Я не спорю, у тебя статьи горячія, но вѣдь согласись, что все-таки ты сильнѣе какъ поэтъ и беллетристъ, и все, что ты дѣлаешь въ этой области, имѣетъ больше значенія.

— Можетъ быть, но пока пишешь повѣсть, въ это время...

— Въ Петербургѣ нельзя, а здѣсь можно. Вотъ же я устроился.

— Хотите еще?—обратилась къ Рощину Наталья Павловна.— Да вы ничего не кушаете?

— Нѣтъ, благодарю. Я съ утра не могу ѣсть. У меня, должно быть, катарръ желудка. Да чего у меня нѣтъ! Желудокъ варитъ скверно, нервы никуда не годятся, глаза шалятъ, сердце... чортъ знаетъ, что такое! Что, Наталья Павловна, я очень измѣнился?—вдругъ закончилъ Рощинъ, обращаясь къ Малаховой.

— Такъ, съ виду, вы какъ будто не измѣнились,—отвѣтила она;—но вы похудѣли сильно, и мнѣ совсѣмъ не нравится цвѣтъ вашего лица. Вы жили на югѣ, а, право, въ Петербургѣ смотрѣли лучше.

— Моложе былъ, Наталья Павловна. На югѣ! Да я тамъ какъ въ котлѣ кипѣлъ. Непріятности... А разъѣздъ съ женой— вѣдь тоже чего-нибудь стоилъ. Вы вѣдь знаете, что я разошелся съ Олей?

— Да, слышала и пожалѣла васъ.

— Меня?

— По моему, Ольга Николаевна чудная женщина. Положимъ, я ее знала недолго, но это было видно. Я васъ во всемъ обвиняю.

Рощинъ махнулъ рукой и вскочилъ со стула.

— Простите, если я...—начала Малахова.

— Э, полноте, Наталья Павловна! Да я съ вами согласенъ: Ольга хорошій человѣкъ, но ей бы... вотъ бы ей замужъ за Ювеналія выйти... А у меня другая натура. Я не могу обудниться.

— Да вѣдь Ольга Николаевна васъ и не тащила въ деревню.

— Нѣтъ, но... но мы вообще разныхъ характеровъ. Ну, да, я безпутный, а она ужъ очень путная.

Рощинъ засмѣялся, но смѣхъ его вышелъ нѣсколько дѣланный. Онъ снова сѣлъ на стулъ и заговорилъ быстро:

— Одинъ знакомый докторъ мнѣ сказалъ: „Вы, Рощинъ, не стоите мизинца вашей жены". Можетъ быть! Я въ святые не лѣзу: знаю, что грѣшникъ. Я женину добродѣтель признаю и цѣню; мы не пара и—разстались. Но мы не враги. Я у нея бываю.

— А ваша дочь и сынъ?

— Безъ нихъ скучаю! Такая тоска возьметъ порой... Да вотъ было какъ: затосковалъ, захотѣлъ ихъ увидать и на одинъ день прискакалъ изъ Одессы въ Москву. Да я и по Ольгѣ тоскую... Да, да... Она хорошая! Но я ничего не могу подѣлать съ собой. Ужъ такой исковерканный я человѣкъ!

— Это вздоръ,—увѣренно сказалъ Малаховъ.—Никогда не поздно взять себя въ руки.

— Ты все по себѣ судишь. Другъ мой, у тебя другая натура, ты идеальный семьянинъ.

— Благодарю, — съ улыбкой промолвилъ Малаховъ. — Но вѣдь у меня было немало привычекъ, которыя я поборолъ. Правда, по твоему за бабами я не бѣгалъ, и въ этомъ отношеніи Наталья Павловна на меня претендовать не можетъ. Но по клубамъ и разнымъ избраннымъ кабачкамъ и я ѣздилъ. Курилъ я чертовски много, и если не пьянствовалъ, какъ покойный Линяевъ, или какъ твой пріятель Зудинъ, который пьетъ водку вмѣсто чаю и ругается вмѣсто молитвы, то все же я покучивалъ.

— Ну и что-жъ такое? Это все вздоръ! Это даже нужно для художника, это освѣженіе!—сказалъ Рощинъ.

— Опять все ложь, мой милый! Ни для кого такое освѣженіе не нужно. Всѣ эти кутежи и весь вашъ флиртъ даже съ эпилогами—просто поэтическій развратъ, и никогда онъ для ху-

— Хорошо-съ.

Юноша снялъ фуражку, раскланялся и сталъ подыматься на горку.

— Какой это хоръ? — спросилъ Рощинъ.

— Обыкновенный церковный хоръ. Вѣдь я регентировалъ еще въ гимназіи. Сначала въ хоръ пошли немногіе, особенно барышни стѣснялись, ну, а дальше да больше,—такъ, мало-по-малу, дѣло наладилось, и вотъ мы теперь поемъ въ церкви.

— Кто же поетъ?

— Преимущественно молодежь обоего пола. Впрочемъ, есть одинъ пожилой машинистъ... И Рита поетъ...

— Нѣмка-то?

— Что-жъ такое? У насъ въ хорѣ дочь еврея Абрамовича поетъ.

— Въ православной церкви?

— Ну, да! И какой голосъ, лучшій въ хорѣ!

— Но какъ же позволяетъ отецъ?

— Онъ философъ. Погоди, вотъ я тебя познакомлю съ нимъ. Интересный экземпляръ.

— Да ты ужъ не хочешь ли его съ дочерью обратить въ православіе?

— Не имѣю въ виду, да его и не обратишь... А дочь... право, мнѣ сдается, что она когда-нибудь крестится, только я тутъ ни при чемъ. Это вообще странная дѣвушка: она любитъ читать, беретъ у меня книги, сама попросила Евангеліе. Впрочемъ, Евангеліе и отецъ читалъ, и мы съ нимъ потомъ долго спорили. Рахиль не любитъ спорить. Она больше молчитъ. Но это не овечка покорная, это — огонекъ подъ пепломъ.

— Э, да у васъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ немало интереснаго,—сказалъ Рощинъ.—Златокудрая нѣмочка, философъ еврей, дочь его... вѣдь тоже, должно быть, хорошенькая?

— Красавица—жгучая брюнетка... Однако, что же это мы съ тобой: раздѣлись и въ такомъ интересномъ видѣ сидимъ и философствуемъ! Надо купаться. Догоняй... Ну!

Малаховъ вскочилъ и побѣжалъ къ рѣкѣ. Черезъ минуту онъ съ шумомъ бросился въ воду и поплылъ, дѣлая широкіе взмахи.

— Чудная вода! Бросайся, Авениръ!

Рощинъ тихо вошелъ въ воду и окунулся.

— Плыви! Давай гоняться на саженки! — крикнулъ Малаховъ.—Я днемъ не купаюсь, я люблю къ вечеру... Это я только съ тобой.

Его голосъ гулко разносился по водѣ.

Рощинъ поплылъ за пріятелемъ, но скоро вернулся обратно.

— Что же ты? — крикнулъ Малаховъ, который плылъ на спинѣ вдоль рѣки.

— Не могу, усталъ, — откликнулся Рощинъ и, поплескавшись еще немного, вышелъ на берегъ.

Онъ ужъ совсѣмъ одѣлся, когда подплылъ Малаховъ.

— Развѣ такъ купаются, — сказалъ онъ, выходя изъ воды.

— У меня сердце забилось... Эти проклятые перебои! Я ужасно ихъ боюсь.

За кустомъ послышались шаги. Малаховъ оглянулся. Къ рѣкѣ, со стороны поселка, подходилъ мужчина лѣтъ пятидесяти, одѣтый въ шаравары, забранные въ сапоги, и въ пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлась ситцевая рубаха.

Онъ поклонился Малахову, снялъ фуражку съ большимъ околышемъ и промолвилъ:

— А я у васъ былъ... Супруга сказали, что вы въ огородѣ: я туда, а васъ и тамъ нѣтъ... Ну, вотъ я и пошелъ купаться.

— Вамъ зачѣмъ же надо меня? — спросилъ Малаховъ.

— Надо поговорить насчетъ каланчи... Вѣдь послѣ-завтра собраніе.

— Къ чему каланча, это ерунда, — сказалъ Малаховъ, застегивая жилетъ.

— Я того же мнѣнія, Ювеналій Никандровичъ, да вотъ Простоквашинъ со становымъ...

— А мы провалимъ ихъ предложеніе!

— Да удастся ли? Надо бы сговориться хорошенько.

— Ну, что же? Собирайте у себя. Я приду и поговоримъ.

Малаховъ одѣлся и всталъ.

— Такъ ужъ я буду на васъ надѣяться, Ювеналій Никандровичъ!

— Можете. До свиданія, Макаръ Ивановичъ!

— Что это у васъ за заговоръ? — спросилъ Рощинъ, когда пріятели отошли на нѣсколько шаговъ: — бунтъ противъ станового?

— Вотъ видишь, братъ, какіе мы радикалы: противъ начальства идемъ!

Малаховъ засмѣялся.

— Вотъ въ чемъ дѣло, друже, — продолжалъ онъ: — у насъ уже два года вольная дружина, и я въ ней состою.

— И тутъ?

— И тутъ, да я еще, братъ, во многихъ должностяхъ состою. Такъ, вотъ, Простоквашинъ, такъ сказать, нашъ брандмейстеръ и начальникъ, задумалъ устроить каланчу. Такъ какъ онъ

начальникъ дружины, носитъ штаны съ красными лампасами, то и воображаетъ себя генераломъ и хочетъ поставить на своемъ. Становой его поддерживаетъ... Каланча намъ не нужна: пускай ставитъ на свои средства, если желаетъ. И вотъ предстоитъ бурное собраніе, потому что многіе—противъ устройства каланчи.

Они вышли на старую полянку. Риты уже не было. Рощинъ выразилъ сожалѣніе.

— Увидишь, увидишь, не безпокойся!—въ утѣшеніе сказалъ Малаховъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Однако,—заговорилъ Рощинъ,—ты такъ много тратишь времени на то и на другое, что тебѣ некогда писать.

— На все хватаетъ, друже! Это-то разное, постороннее, и помогаетъ мнѣ писать.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Какъ бы иначе я могъ сблизиться со всѣми? Наблюдать со стороны—это не то. Вы, вотъ, со стороны-то наблюдаете, и что же выходитъ? Либо пуделяете, либо бьете ворону вмѣсто рябчика, либо лжете отличнымъ манеромъ въ одну и другую сторону. Вы продолжаете изучать народъ по Серебрянскому и Преображенскому, а онъ куда ужъ не тотъ... мысли, думы, порывы—все другое. Броженіе и на немъ отразилось. Говорятъ, что прежде писатели лучше знали народъ. Еще бы! Они какъ помѣщики жили съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ дѣлали дѣло, были свои люди, а не посторонніе наблюдатели. Ихъ не боялись, имъ вѣрили... А вы хотите, чтобы вамъ мужикъ всю душу выложилъ на ладонь... Шалите, милые!

— А тебѣ выкладываетъ?

— Да, но, думаешь, какъ писателю? Нѣтъ, а какъ человѣку, который ему нуженъ, какъ вотъ члену дружины, какъ письмоводителю ссуднаго товарищества, какъ секретарю попечительства, какъ хорошему знакомому; выкладываетъ не нарочно, между дѣломъ, а не какъ пріѣхавшему отмѣтчику. У насъ общія цѣли, нужды, интересы, заботы. Я въ гостяхъ у нихъ бываю, и они у меня; въ деревняхъ у меня живутъ кумы, кумовья,—это дѣло иное.

— Вотъ Красильниковъ купилъ-было тоже имѣніе, чтобы лучше узнать крестьянъ, да и бросилъ,—замѣтилъ Рощинъ.

— И глупость сдѣлалъ! Впрочемъ, онъ не беллетристъ, а передовикъ по натурѣ, деревни не любитъ, всѣ его увѣренія—только фразы. Землевладѣльцу, конечно, легче всего узнать, чѣмъ налетному бытописателю. Помѣщикъ—свой человѣкъ, хотя и ба-

ринъ. Много общихъ дѣлъ, въ которыхъ правда обнаружится противъ воли.

— Что же ты не купишь себѣ имѣнія?

— Денегъ еще нѣтъ такихъ, да и опытности мало. А ты думаешь, я объ этомъ не мечтаю? Сильно мечтаю! Вотъ отдѣлю плевелы отъ пшеницы, соберу всю пшеницу, удастся ее хорошо продать на книжномъ рынкѣ, тогда я куплю клочокъ земли и начну хозяйничать. Вотъ когда я осуществлю вполнѣ то, о чемъ думаю!

— Да ты про что? — спросилъ Рощинъ.

— Насчетъ полной независимости, которая дастъ возможность не жить литературнымъ трудомъ. Да, Авениръ: жить литературой — это ужасная ненормальность.

— Ты это что же — такъ же стыдишься брать деньги, какъ и Жуковъ? Помнишь, писалъ онъ гдѣ-то? Извини, по моему это сентиментальность и маленькое лицемѣріе.

— Я не стыжусь,—возразилъ Малаховъ,—ибо сказано: „трудящійся да ястъ“, но скверно продавать литературу, какъ теперь ее продаютъ литераторы, живя исключительно на свой литературный трудъ. А тогда можно будетъ отдавать туда, куда хочешь, куда надо, не справляясь, гдѣ больше дадутъ. А если нужно, то и даромъ отдать. Впрочемъ, я и теперь уже могу кое-что въ этомъ отношеніи, гораздо больше, чѣмъ живя въ Питерѣ. Да, Авениръ, мнѣ это очень нравится: апостолъ Павелъ дѣлалъ палатки и этимъ жилъ, а слово свое и проповѣдь не продавалъ. Не надо, чтобы пастырь былъ въ тягость паствѣ содержаніемъ себя. Также и писатель — пусть онъ не будетъ въ тягость обществу, и тогда его слово получитъ болѣе силы, потому что его слово будетъ истекать изъ чистаго источника.

— Въ этомъ случаѣ ты сходишься съ Парѳеновымъ. Онъ для того и поступилъ на государственную службу, чтобы не жить литературнымъ трудомъ.

— Нѣтъ, Авениръ, это не то. Конечно, лучше такъ, чѣмъ вытягивать изъ себя строчки, но все-таки такое совмѣстительство я не одобряю. Надо себя всего отдать литературѣ, и уже ничему другому не служить и не подчиняться, а тѣмъ болѣе не подслуживаться.

— Но вѣдь и ты не можешь отдавать себя всего литературѣ, хозяйничая на землѣ,—возразилъ Рощинъ.

— Другъ мой, во-первыхъ, моя земля будетъ не столь велика, она не потребуетъ много моихъ силъ, и жена будетъ помогать, а въ самой черной работѣ, конечно,—тотъ же мужичокъ;

затѣмъ, зима вся въ моемъ распоряженіи, а главное—я независимъ. Живу только одними интересами, ничто меня не стѣсняетъ, не ограничиваетъ въ работѣ. Послѣ работы въ полѣ или въ огородѣ я буду съ наслажденіемъ писать; ну, а послѣ канцелярщины писать трудно. Нѣтъ, служба—это не то! Она отнимаетъ уже у писателя и время, и свободу, и силы. Я могъ бы служить, мнѣ предлагали недавно, но я хочу осуществить мечту, имѣть свой клочокъ земли.

— Покупай, и я къ тебѣ пріѣду,—сказалъ Рощинъ.

— Милости просимъ; только сбѣжишь вѣдь.

— Ну, тогда не сбѣгу, къ старости и я угомонюсь.

— Какъ сказать! Да и почему ты думаешь, что я такъ долго не соберусь купить? Я уже присматриваю... Постой: куда же мы теперь, домой или по шоссе еще пройдемся?

— Пойдемъ лучше домой, я что-то усталъ, ночь я спалъ плохо...

— Такъ иди, ложись до обѣда, отдохни. Впрочемъ, вѣдь скоро и обѣдъ. Мы рано обѣдаемъ—въ двѣнадцать часовъ, по-деревенски.

Они повернули къ дому.

VI.

Наталья Павловна хлопотала въ кухнѣ, черезъ которую надо было проходить въ комнаты.

— Не мясное?—спросилъ съ улыбкой мужъ.

— Да, вѣдь гость согласился. Предупреждаю, рыбы достать не могла.

— Все равно, все равно,—поспѣшно заявилъ Рощинъ.

— На третье—блинчики съ вареньемъ, хорошо?—отнеслась опять Малахова къ мужу.

— Отлично!

— А вамъ, Авениръ Львовичъ, подарокъ есть, — сказала Наталья Павловна вслѣдъ уходившимъ.—Рита принесла вѣнокъ... Онъ въ комнатѣ мужа.

Малаховъ посмотрѣлъ на Рощина. Этотъ отвѣтилъ довольнымъ смѣхомъ и поспѣшилъ въ кабинетъ.

— Какой изящный!—сказалъ Рощинъ, любуясь вѣнкомъ.—Она—со вкусомъ! Наталья Павловна!—крикнулъ онъ, вбѣгая въ кухню.—Вѣнокъ прелесть! Я пойду, поблагодарю ее.

— Ея нѣтъ дома. Это не уйдетъ, вы успѣете.

Рощинъ вернулся въ кабинетъ.

— Знаешь, Ювеналій, вѣдь надо ей что-нибудь подарить! Найдутся у васъ тутъ конфекты?

— Конечно, найдутся, хотя, можетъ быть, и не важныя. Но лучше не дари ничего... Право, ты повредишь Ритѣ.

— Какой вздоръ!—возразилъ Рощинъ, махнувъ рукой.—Это просто долгъ вѣжливости.

— Во всякомъ случаѣ—успѣется. Ложись и отдыхай. На балконѣ удобное кресло, въ немъ можно лежать.

— Прелестная дѣвушка! — произнесъ Рощинъ, выходя на балконъ.

Съ балкона открывался прекрасный видъ на поселокъ, на рѣку. Вдали краснѣла крыша вокзала. По прямому шоссе глазъ различалъ даже ближайшее село Ямки съ церковью, крестъ которой ярко блестѣлъ на солнцѣ. Ароматный воздухъ пріятной волной вливался въ грудь, глаза отдыхали на зелени.

— Чортъ побери, а у тебя здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, не дурно!— сказалъ Рощинъ, принимая удобную позу въ креслѣ.—Пожалуй, ты благую часть избралъ, Ювеналій.

— Которая доступна и тебѣ.

Малаховъ сѣлъ на стулъ и облокотился на перила.

— Конечно,—отозвался Рощинъ.—Вотъ я лежу и наслаждаюсь, но... но я привыкъ къ городскому шуму, суетѣ... Отдохнуть въ деревнѣ три-четыре дня, ну, недѣлю—это хорошо, но жить— нѣтъ, это скучно. Гдѣ люди?

— А по твоему, здѣсь не люди живутъ что-ли?

— Это—*народъ*. Онъ хорошъ въ книгѣ, его надо изучать, онъ нуженъ для повѣстей, ну, и вообще безъ него жить нельзя, потому что Щедринъ правъ: мужикъ генерала кормитъ... но что я съ нимъ буду дѣлать, о чемъ разсуждать?

— О чемъ угодно. Конечно, фразерничать онъ не умѣетъ, но онъ интереснѣе всякихъ столичныхъ говоруновъ. Да и почему ты полагаешь, что здѣсь только одинъ *народъ*? Здѣсь есть и твоя возлюбленная интеллигенція. На самой станціи живетъ желѣзнодорожный докторъ, два инженера; верстахъ въ двухъ— земскій пунктъ, тамъ опять врачъ. Затѣмъ, учитель—неглупый малый, учительница—превосходная дѣвушка, немного не въ вашемъ вкусѣ и некрасивая, прибавлю; аптекарь Вейнтраубе— человѣкъ интеллигентный; его жена—прекрасная женщина: образованная, симпатичная и очень недурно поетъ... Ну, кто еще? Да, забылъ главную—акушерку: это уже совсѣмъ вашего прихода. Изъ духовенства отецъ Михаилъ—человѣкъ простой, но думающій; жена его—славная женщина, пересудовъ не любитъ,

разсуждаетъ дѣльно, по-своему, а не съ чужого голоса... Дьяконъ... Это добрый малый, больше молчитъ... Но до чтенія охотникъ... Вотъ видишь, сколько интеллигентныхъ, не считая окрестныхъ помѣщиковъ.

— Да, но это все не то,—другая профессія, не тѣ интересы...

— Ахъ, вотъ что!—съ усмѣшкой промолвилъ Малаховъ.— Тебѣ близки интересы только твоего журнальнаго муравейника, его волненіями ты и живешь. Всѣ вы таковы. Въ сущности, къ жизни вы совершенно безучастны, индифферентны. Вы только кричите о широкихъ запросахъ, а живете узенькими интересами своего прихода, своей редакціи, да развлекаетесь романами съ похотливыми бабенками—вотъ и вся ваша жизнь, и внѣ ея вамъ скучно.

— Ты очень строгъ, Ювеналій,—отвѣтилъ Рощинъ, зѣвая.— Все на своемъ мѣстѣ. Прекрасны щи, жаркое, но надо и пирожное. Нѣтъ, ты забываешь комфортъ. Въ деревнѣ хорошо лѣтомъ, а осенью, зимой? Вѣдь здѣсь непролазная грязь, сугробы,—это чортъ знаетъ что такое! Кромѣшная тьма! Ну, что ты дѣлаешь зимой?—спросилъ Рощинъ, оживляясь и даже приподымаясь на креслѣ.

— То же, что и лѣтомъ.

— Ну, какъ то же: вѣдь не сидишь же ты на балконѣ?

— Конечно, но это не суть важно, какъ говорилъ нашъ гимназическій учитель-французъ. Конечно, лѣтомъ хожу въ легкомъ пиджакѣ, а зимой—въ тулупѣ.

— У тебя прекрасная шуба. Развѣ не цѣла?

— Цѣла, но я ее надѣваю только для Петербурга, или когда въ морозы ѣду къ кому-нибудь изъ помѣщиковъ, а такъ я хожу въ романовскомъ тулупѣ.

— Подъ мужичка?

— Нѣтъ, просто потому, что удобнѣе. Кажется, ты не можешь заподозрить меня въ заигрываніи.

— Ну, хорошо, продолжай. Встанешь ты, наколешь себѣ дровъ, наносишь воды, ну, а дальше?

Рощинъ опять легъ въ кресло и вытянулся.

— Дальше? Дальше я гуляю, зимой такъ же, какъ и лѣтомъ, потомъ пью кофе, а тамъ—сажусь писать, если является желаніе, или отдѣлываю старое, а не то—читаю, столярничаю. Потомъ *народъ* ко мнѣ ходитъ съ просьбами, за совѣтами. Кого-кого не бываетъ! Вотъ одинъ крестьянинъ пришелъ ко мнѣ со своимъ произведеніемъ, цѣлую комедію написалъ; являлся ко мнѣ

даже штундистъ для диспута. Евреи бываютъ, споримъ... Приходится писать и прошенія, чтобы избавить темныхъ людей отъ „аблокатовъ"... Не видишь, какъ время летитъ. Вотъ и обѣдъ. Послѣ обѣда приносятъ газеты со станціи, я ихъ пробѣгаю; жена побрянчитъ; иногда она вслухъ читаетъ,—я слушаю; или я читаю,—она слушаетъ. Не забывай, что я состою въ разныхъ должностяхъ, къ намъ ходятъ гости, я хожу въ гости. Возьму иногда у кузнеца лошадь, прокатимся. Ты видишь—дня-то мало: чего же думать о томъ, чѣмъ его наполнять?

— А что же дѣлаете въ гостяхъ, винтите?—не безъ ироніи спросилъ Рощинъ.

— Да, раза три въ годъ я винчу, но не больше, потому что картъ вообще не люблю. А вотъ мы задумали здѣсь устроить оркестръ изъ балалаечниковъ. Новое развлеченіе.

— Такъ что ты вполнѣ доволенъ? И Наталья Павловна не жалуется на скуку, и ей всего этого довольно?

— Не жалуется. Да вѣдь у нея же—дѣла. Во-первыхъ—хозяйство: то, другое надо пошить. Она дѣтей учитъ еще. Въ августѣ открывается здѣсь читальня отъ общества трезвости: два раза въ недѣлю, отъ четырехъ до шести часовъ, ея дежурство. Вотъ Нееловъ мечтаетъ устроить народныя чтенія... à propos,—жена его очень хорошая женщина, немолодая, но видно, что была красавица. Ну-съ, такъ вотъ видишь, сколько дѣла. Но вѣдь Наташа ѣздитъ въ Петербургъ, къ знакомымъ, въ оперу.

— Ага!—радостно воскликнулъ Рощинъ.—Не обходится же безъ столицы, тянетъ!

— Во-первыхъ,—добродушно засмѣявшись, сказалъ Малаховъ,—Наталья Павловна—не я, а во-вторыхъ, тутъ нѣтъ ничего страннаго. Конечно, потянетъ иногда въ столицу, но для чего?—вотъ вопросъ. А все-таки переселиться туда я не соглашусь.

— Не вѣрится мнѣ, Ювеналій, что ты сразу привыкъ къ здѣшней жизни. Неужели ты не втянулся въ городскую?

— Конечно, не сразу, ты правъ. Но вѣдь я тебѣ говорилъ уже, что я такъ усталъ, что на первыхъ порахъ Петербургъ совсѣмъ къ себѣ не тянулъ, т.-е., если хочешь, онъ и влекъ, но какъ только я пріѣзжалъ въ Петербургъ, мнѣ сейчасъ дѣлалось не по себѣ, все раздражало. Я чувствовалъ себя больнымъ и мчался скорѣй опять сюда. Теперь я спокойнѣе переношу его шумъ, суету, но все-таки я къ нему равнодушенъ. Конечно, повторяю тебѣ, Петербургъ остается умственнымъ центромъ и въ него приходится наѣзжать, но это—другое дѣло.

Въ столовой послышался шумъ.

— Идите, идите, нечего ломаться!—раздался голосъ Натальи Павловны.

Черезъ минуту на балконъ вошла Малахова, ведя подъ руку Риту, которая притворно сопротивлялась. Рита была разодѣта, на поясѣ висѣли на цѣпочкѣ золотые часики.

— Вотъ вамъ, Авениръ Львовичъ, та, которую вы хотѣли благодарить за подарокъ!

Рощинъ вскочилъ съ кресла и разсыпался въ благодарностяхъ передъ дѣвушкой. Она покраснѣла.

— Ну, что̀ вы, Наталья Павловна... я зашла только спросить у васъ...

Рита путалась, хотя въ глазахъ у нея бѣгали „бѣсенки“.

— И вы для этого такъ разрядились?—смѣясь, сказала Малахова.—Нечего, нечего, оставайтесь и обѣдайте съ нами.

Она съ улыбкой посмотрѣла на мужа. Тотъ неодобрительно покачалъ головой.

— Что̀ за важность! — вполголоса возразила Наталья Павловна и добавила:—Господа, у меня все готово, не будемъ ли мы обѣдать? Авениръ Львовичъ, у васъ аппетитъ пробудился послѣ прогулки?

— Мнѣ все равно... Если вамъ угодно...

Онъ подсѣлъ къ Ритѣ и заговорилъ съ нею.

Катя накрыла на столъ и принесла миску съ борщомъ.

— Ну, господа, — сказала шутливо Малахова, принимаясь разливать:—за вкусъ не берусь, а горячо будетъ.

Постный борщъ оказался очень вкуснымъ. Рощинъ съѣлъ всю полную тарелку, хотя ранѣе увѣрялъ, что ему налили слишкомъ много.

— Вотъ что̀ значитъ въ деревнѣ-то, да прогулка,—замѣтила Малахова.

— О, нѣтъ, Наталья Павловна! У васъ замѣчательно вкусный борщъ. Клянусь, я не могъ предполагать, что постный борщъ можетъ быть такимъ вкуснымъ. Онъ лучше мясного. Еслибы вы мнѣ еще немного дали...

— Сдѣлайте одолженіе, очень рада.

Рита тоже похвалила борщъ.

— Вотъ и васъ заставили постничать, — сказалъ ей Рощинъ.

— Такъ что же! Все хорошо, что̀ вкусно.

— А вы сумѣете сварить такой борщъ?—спросилъ Рощинъ.

— Нѣтъ. Я умѣю только...

— Кушать, да?

Рита залилась громкимъ смѣхомъ.

— Риточка, это неладно, — сказала серьезно Малахова: — какъ же вы будете хозяйничать? И отчего вы не учитесь, когда я предлагаю вамъ?

— Я не люблю, Наталья Павловна; ну, право, скучно...

Она сдѣлала такую гримасу, что Малахова невольно улыбнулась.

Рощинъ заступился за Риту.

— Наталья Павловна, хозяйство—дѣло хорошее, но барышня создана не для этого.

— А вы полагаете, что я создана для кухни?—спросила Малахова.

— Накажи меня Богъ, если я такъ думаю!—съ шутливымъ ужасомъ воскликнулъ Рощинъ:—но у васъ въ натурѣ есть хозяйственныя наклонности, а мадемуазель Гретхенъ... Вы разрѣшите васъ такъ называть?—отнесся онъ къ Ритѣ.

— Пожалуйста,—отвѣтила та кокетливо.

— Позвольте, Авенирь Львовичъ, наклонности создаются, когда *надо*,—промолвила Малахова, подчеркивая послѣднее слово. —Въ Петербургѣ и я многаго не дѣлала, но если надо — дѣлаешь. Вѣдь и Рита выйдетъ не за графа, какъ говорится; ну, а какой-нибудь телеграфистъ не въ состояніи нанять и кухарку.

— Вы выходите развѣ за телеграфиста?—спросилъ Рощинъ съ улыбкой свою сосѣдку.

— Ни за что! Наталья Павловна, откуда вы это взяли?

— Я это къ примѣру, Рита.

Макароны съ грибнымъ соусомъ оказались также прекрасными.

— У васъ положительно геніальныя кулинарныя способности,—сказалъ Рощинъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Геній—вездѣ геній. Благодарю и за это.

Малахова была польщена, какъ хозяйка, но въ ея тонѣ прозвучало что-то похожее на обиду за признаніе ея способностей только въ области кухни. Рощинъ уловилъ это.

„О, женщина всегда останется женщиной!“ —подумалъ онъ и произнесъ:

— Наталья Павловна, я вовсе не хотѣлъ сказать, что у васъ только способности хозяйки. Я помню вашу чудную игру, ваши мѣткія сужденія о литературѣ...

— Не нужно комплиментовъ, Авениръ Львовичъ. Я музыку

люблю, но я играю посредственно, а мои сужденія о литературѣ...

Она не кончила и улыбнулась.

Подали блинчики съ вареньемъ.

— Вотъ, попробуйте лучше блинчиковъ. Мое геніальное поэтическое произведеніе.

Рощинъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на пріятеля, клавшаго въ это время блинчикъ себѣ на тарелку, и подумалъ: „Ну, братъ, ты немножко ошибаешься. Твоя Наташа совсѣмъ не такъ довольна деревенской жизнью, какъ ты, и если все дѣлаетъ и переноситъ, то, вѣроятно, только изъ любви къ тебѣ“.

Его дальнѣйшимъ размышленіямъ помѣшала Рита, обратившаяся къ нему съ вопросомъ:

— Вы все ужъ осмотрѣли здѣсь?

— О, нѣтъ, мадемуазель Гретхенъ, мы были только на рѣкѣ.

— Ахъ, какъ я люблю кататься на лодкѣ!

— Да? Мы поѣдемъ съ вами! Лодку достать можно?

— Сколько угодно.

— А вы развѣ на спѣвку не придете?—спросилъ Малаховъ.

Рита по-дѣтски надула губки и посмотрѣла на Рощина.

— Да мы недолго, Ювеналій,—сказалъ онъ.—Я самъ хочу послушать пѣніе. Гдѣ будетъ спѣвка?

— Въ школѣ.

— Отлично. Прокатимся и вмѣстѣ съ мадемуазель Гретхенъ придемъ туда. Не безпокойся, мы не опоздаемъ.

Онъ подмигнулъ Ритѣ. Та засмѣялась.

— Рита, Рита!—раздался дѣтскій голосъ изъ сада.

— Что тебѣ, Мина?

— Когда же мы будемъ обѣдать?

— Ахъ, эта Марѳа!

— Развѣ она опять напилась?—спросилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, но она ушла къ кому-то стирать и забыла приготовить обѣдъ

— Такъ что же вы церемонитесь? — промолвила Наталья Павловна.—Развѣ такъ можно? Ведите сюда сестеръ!

Рита въ припрыжку побѣжала съ балкона.

— Чай послѣ обѣда будете пить? — спросила Малахова у гостя.

— Стаканъ—съ удовольствіемъ!

Въ саду залаялъ Полканъ.

— Вѣрно, кто-нибудь чужой!

Малахова встала и подошла къ периламъ. Въ калиткѣ стоялъ

низенькій, горбатый мужиченко, съ мѣшкомъ черезъ плечо, и отмахивался отъ собаки длинной палкой.

— Кого тебѣ? Молчи, Полканъ!

Собака притихла, но продолжала подозрительно смотрѣть на мужика.

— Писарь-то дома? Мнѣ яво нужно.

— Какой писарь?

— Да вотъ что тутъ живетъ,—Малаховымъ что-ли называли!

— Ювеналій, это онъ тебя такъ величаетъ. Спроси его, что ему надо,—со смѣхомъ промолвила Наталья Павловна.

Малаховъ перегнулся черезъ перила и крикнулъ:

— Я—Малаховъ. Тебѣ что надо?

— До тебя я, стало быть, за помощью. Идолы-то ничего не даютъ!

— Какіе идолы?

— А вотъ въ попечительствѣ которые. У попа былъ—никакого толку, къ земскому не допущаютъ, становой чуть въ шею не выгналъ, а этотъ толстомясый (мужикъ указалъ на домъ Простоквашина) обругалъ, да и говоритъ: „тебѣ помирать давно пора"... Чаво я ему помѣшалъ,—пущай самъ издыхаетъ! Гдѣ же я правду найду? Говори!

— Ты здѣшній?

— То-то и есть, что нѣтъ. Я издалека. Коли бы здѣшній, что и толковать.

— Попечительство помогаетъ только здѣшнимъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Значитъ, мнѣ съ внучкой-то околѣвать съ голоду? Христіанская душа я или нѣтъ?

Тонъ мужика дѣлался все задорнѣе,—видимо, неудачи и нужда его сильно озлобили.

— Это недурно,—промолвилъ Рощинъ, заинтересовавшійся мужикомъ, и перегнулся черезъ перила, чтобы хорошенько разсмотрѣть его.

А мужикъ продолжалъ:

— Нѣтъ, это не законъ! Нельзя христіанской душѣ погибать какъ псу. Да вотъ и песъ-то у тебя, гляди, какой откормленный, а я голодаю. Это какъ же? Я и попу это говорю.

— А что же онъ?—вмѣшался Рощинъ.

Мужикъ взглянулъ на него и точно еще больше обозлился на что-то.

— А ему что? ему тепло! Самъ пироги жретъ, а мнѣ говоритъ: „иди, иди, ты—чужой"! Какой я чужой, если такой же

христіанинъ, какъ и всѣ! Нѣтъ, я не пойду, а ты меня накорми, подай мнѣ мое,—на что же тогда попечительство? Я и жалиться буду...

Рощинъ, видимо, былъ доволенъ такимъ протестомъ мужика и промолвилъ:

— Это отлично! Ювеналій, вѣдь онъ правъ!

Не слушая пріятеля, Малаховъ обратился къ мужику:

— Зачѣмъ ты говоришь вздоръ? Жаловаться некому, потому что попечительство не можетъ всѣхъ накормить, у него небольшія средства, ихъ едва хватаетъ на своихъ, здѣшнихъ; да и ты долженъ просить, а не требовать.

— Я и прошу. Вотъ, слышалъ, не даютъ мнѣ! Ты писарь, такъ и запиши мою просьбу.

— Гдѣ ты живешь и какъ твоя фамилія?

— Я живу въ Дрябовѣ, а зовутъ меня Хведоръ Лапа.

— Хорошо, я переговорю съ о. Михаиломъ и Простоквашинымъ и постараюсь что-нибудь сдѣлать для тебя.

— Безпремѣнно сдѣлай! Такъ и напиши... Какой же ты писарь, если не умѣешь написать? Все обскажи.

— Ты чего же бы хотѣлъ?

— Пущай на фатеру дадутъ, ну и на харчи воспособленіе. Я сбираю, да ноги болятъ, и глаза вотъ плохи, а Манька мала.

— Рубля три-четыре въ мѣсяцъ довольно?

— Четыре довольно.

— Ну, ладно, это, можетъ быть, и устрою.

— Ужъ сдѣлай милость—устрой. Я потому къ тебѣ, что, какъ мнѣ обсказывали, ты добёръ до бѣдныхъ,—ну, вотъ я и пошелъ.

Мужикъ повернулся, чтобы уходить.

— Погоди немного, дѣдъ!

Малаховъ досталъ изъ кошелька цѣлковый и хотѣлъ его бросить мужику.

Рощинъ остановилъ пріятеля:

— Присоедини, Ювеналій, и мою лепту.

Онъ досталъ изъ кармана брюкъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и, не глядя, передалъ ихъ пріятелю. Ювеналій Никандровичъ завернулъ ихъ вмѣстѣ съ рублемъ въ бумажку и кинулъ старику.

Мужикъ поднялъ бумажку, развернулъ ее, и радостное удивленіе изобразилось на его лицѣ.

— Ну, вотъ, спаси васъ Богъ!—произнесъ онъ.—Меня по-

жалѣли, и васъ пожалѣетъ Богъ! Прости Бога-для, если что грубо я тебѣ отвѣчалъ, потому обидно!—уже со смущеніемъ добавилъ мужикъ.

Онъ низко поклонился и пошелъ изъ сада, не надѣвая шапки.

— Вотъ мы и добродѣтель проявили,—сказалъ Рощинъ съ улыбкой.—А теперь чайку.

Въ комнату вбѣжала Рита съ соломенной шляпой и зонтикомъ.

— Готовы?

— Сейчасъ, мадемуазель Гретхенъ!

— А гдѣ же сестры?—спросила Наталья Павловна.

— Онѣ на кухнѣ.

— Надо же ихъ накормить,—сказала Малахова и пошла въ кухню.

VII.

Въ большой классной комнатѣ церковно-приходской школы собралось уже человѣкъ тридцать—взрослыхъ и дѣтей. Здѣсь были и нарядно одѣтыя „желѣзнодорожныя барышни", какъ зовутъ въ Рамцахъ дочерей служащихъ на желѣзной дорогѣ, и дочери мѣстныхъ жителей поселка, и даже двѣ крестьянскія дѣвушки изъ ближайшей деревни—Находное. Мужчины были одѣты по-деревенски: кто въ пиджакахъ, кто просто въ рубашкахъ-косовороткахъ; только сынъ мѣстнаго бакалейщика, первый франтъ въ поселкѣ, былъ въ крахмаленной сорочкѣ, въ цвѣтномъ галстучкѣ и даже въ чесунчовомъ пиджакѣ. Дѣти были одѣты какъ попало: большинство мальчиковъ—въ ситцевыхъ рубашкахъ, а дѣвочки—въ ситцевыхъ платьицахъ.

Съ Малаховымъ любители-пѣвчіе держались просто, какъ съ человѣкомъ, котораго считали своимъ. Явились охотники поболтать, но Ювеналій Никандровичъ поспѣшилъ приступить къ спѣвкѣ.

— А что же Рита не пришла?—обратилась съ вопросомъ къ Малахову Рахиль Абрамовичъ, черные жгучіе глаза которой сегодня отчего-то необычайно блестѣли и въ лицѣ дѣвушки было замѣтно особенное оживленіе.

— Она вздумала прокатиться съ моимъ гостемъ, но она скоро придетъ,—отвѣтилъ Малаховъ и добавилъ громче:—Ну-съ, господа, къ дѣлу!

Всѣ обступили регента тѣснымъ полукругомъ. Ювеналій Никандровичъ пропѣлъ имъ сначала самъ мелодію „Херувим-

ской“—Бортнянскаго, нумеръ шестой, потомъ заставилъ пѣвчихъ пѣть вмѣстѣ съ собою, для того, чтобы они запомнили мотивъ. Они пропѣли нѣсколько разъ, въ унисонъ съ нимъ и потомъ одни.

Послѣ этого онъ роздалъ ноты тѣмъ, которые ихъ уже знали, раздѣлилъ всѣхъ пѣвчихъ на партіи и пропѣлъ отдѣльно съ каждой партіей.

Пришла Рита съ Рощинымъ и заняла свое мѣсто, обмѣнявшись дружескимъ поклономъ съ Рахилью. Рощинъ сѣлъ на табуреткѣ у окна и впился взглядомъ въ красавицу-еврейку. Онъ нѣсколько разъ переводилъ свои глаза съ нея на Риту, и на его лицѣ выражалось явное недоумѣніе. Онъ даже пожалъ плечами. Видимо, онъ не могъ рѣшить: которая изъ нихъ лучше. У одной златокудрая головка и глаза-незабудки, а другая—чисто библейская красавица. „Конечно, еврейка красивѣе лицомъ,—рѣшилъ онъ наконецъ,—но у нея такое строгое выраженіе, и эти глаза... о, съ ней шутить нельзя! дорого поплатишься! Да, если еврейка героиня драмы, или, можетъ быть, даже трагедіи, то Рита какъ-разъ годится для веселой оперетки. Это удобнѣе и безопаснѣе!“—подумалъ онъ.

Партіи порознь были повторены, и тогда всѣ запѣли вмѣстѣ.

— Ахъ!—досадливо воскликнулъ Малаховъ, когда дисканты опередили всѣхъ на цѣлый тактъ.

Восклицаніе Малахова заставило вздрогнуть замечтавшагося Рощина. Онъ посмотрѣлъ на пріятеля и спросилъ:—Что такое?

— Снова, господа... не торопитесь!—проговорилъ Малаховъ, оставляя вопросъ Рощина безъ отвѣта.

Но теперь альты неожиданно смолкли, сбившись на серединѣ.

— Да что же это такое?—произнесъ регентъ и подумалъ: „Неужели ихъ стѣсняетъ Рощинъ?“

Онъ взглянулъ мелькомъ на пріятеля. Тотъ смотрѣлъ на Риту, которая словно почувствовала его взглядъ на себѣ, обернулась и улыбнулась.

— Не разсѣивайтесь, барышня, — замѣтилъ ей Малаховъ серьезно.

Рита вспыхнула и потупилась.

Запѣли снова.

Словно нарочно басы не взяли бемоля на *си*, въ словѣ „животворящій“, на слогѣ *тво*.

Малаховъ начиналъ волноваться, но онъ побѣдилъ себя и, остановивъ пѣніе, указалъ на ошибку. Но басы ее повторили.

— Господа, что же это такое? такъ никогда не бывало!— не выдержавъ, воскликнулъ Малаховъ.

— Это господинъ Рощинъ сглазилъ насъ всѣхъ,—вполголоса замѣтила Рита, улыбаясь.

— Тебя, можетъ быть, только сглазилъ, — отвѣтила Ритѣ сестра вѣсовщика.

— Ну да! Это вотъ тебя фельдшеръ сглазилъ давно...

— Барышни, тише!—возвышая голосъ, строго сказалъ Малаховъ.

Онъ заставилъ пѣть однихъ басовъ подъ аккомпаниментъ фисгармоніи.

— Ну-съ, теперь всѣ! Пожалуйста внимательнѣе!—проговорилъ онъ, утирая платкомъ потъ, катившійся у него съ лица.

Хоръ пропѣлъ дружно и стройно.

— Ну вотъ, хорошо!—проговорилъ Малаховъ, облегченно вздыхая.

Теперь онъ былъ не прочь пошутить.

— Авениръ, въ самомъ дѣлѣ, это ты всѣхъ сглазилъ,— прежде никогда этого не случалось.

Малаховъ представилъ хору своего пріятеля. Рощинъ сдѣлалъ общій поклонъ и подошелъ къ Рахили. На комплиментъ ея голосу еврейка молча наклонила голову. Рита уже стояла рядомъ.

— Ахъ, Рахиль, какъ мы сегодня прекрасно прокатились на лодкѣ! Господинъ Рощинъ отлично правитъ!—съ восторгомъ произнесла она.

Рахиль еще не успѣла отвѣтить, какъ Малаховъ пригласилъ всѣхъ снова приступить къ пѣнію.

— У меня голова болитъ что-то,—сказала Рита Рощину:— пойдемте, прогуляемтесь.

— А спѣвка?

— Ну вотъ! я скажу сейчасъ...

Она подошла къ Малахову и объявила ему:

— Я ухожу, Ювеналій Никандровичъ, у меня заболѣла голова...

— Да, я вижу, что она у васъ кружится,—отвѣтилъ Малаховъ, не сдерживая улыбки, и, обратясь къ Рощину, добавилъ:

— Ты, конечно, пойдешь провожать Риту?

— Да, да! Мадемуазель Гретхенъ нездоровится...

Сестра вѣсовщика шепнула стоящей съ ней рядомъ рябоватой дѣвушкѣ, дочери семафорщика:

— Фу, какая безстыдная эта нѣмка! Такъ прямо при всѣхъ и уходитъ съ незнакомымъ мужчиной гулять.

— Точно это диво! Она давно потеряла стыдъ,—язвительно отвѣтила подруга, не любившая Риту за ея злой язычокъ.

Пѣніе началось снова.

Рита имѣла намѣреніе дойти съ Рощинымъ до Семеновской мызы, нарвать въ генеральскомъ саду розъ и вернуться домой. Но судьба безжалостно разбила ея планы.

При поворотѣ на шоссе, ее окликнулъ парень, ѣхавшій въ одноколкѣ, и передалъ письмо отъ дяди. Фрейманъ временно жилъ у барона Витберга, дрессируя его собакъ. Дядя въ формѣ приказа писалъ Ритѣ: „Немедля же нисколько поѣзжай въ сельцо Высокое, спроси у сторожа ключъ отъ барскаго дома, найди въ библіотекѣ эти двѣ книги (далѣе слѣдовало названіе двухъ нѣмецкихъ книгъ) и отправь завтра же съ Ильей сюда. Смотри, исполни точно и немедля". Дѣвушка знала, что дядя не любилъ шутить, и потому не посмѣла нарушить его приказаніе.

— Намъ нельзя идти на мызу,—сказала она грустно, обращаясь къ Рощину:—я должна сейчасъ ѣхать въ Высокое, за двадцать верстъ.

— На чемъ же вы поѣдете, на этой одноколкѣ?—спросилъ Рощинъ.

— Придется на ней.

Рита пожала плечами и сдѣлала гримасу.

— Да ужъ со мной, такъ и Германъ Дольфовичъ приказалъ,— сказалъ парень, услыхавшій вопросъ Рощина.

— Мнѣ надо переодѣться,—сказала Рита, и велѣла Ильѣ подъѣхать къ дому и подождать ее тамъ.

Дѣвушка была крайне недовольна приказаніемъ дяди и, не удержавшись, промолвила вслухъ:

— Зачѣмъ понадобились эти книги барону? Удивляюсь... Противный уродъ!

Прогулка разстроилась. Возвращаться въ школу Рощину не захотѣлось. Онъ пошелъ домой. Наталью Павловну онъ засталъ на балконѣ.

— Что же, понравилось вамъ пѣніе?—спросила она, откладывая въ сторону газету.

— Есть голоса недурные, а у еврейки положительно дивный голосъ. Но у мадемуазель Гретхенъ разболѣлась голова, и мы пошли прогуляться. Къ сожалѣнію, дорогой она получила письмо отъ дяди и сейчасъ уѣзжаетъ въ Высокое.

— А правда вѣдь, Рахиль очень хороша?—спросила Малахова.

— Это красавица въ полномъ смыслѣ слова, но она хочетъ казаться какой-то недоступной.

— Это не Рита,—съ улыбкой промолвила Малахова,—но она не рисуется, она очень серьезная дѣвушка. Не правда ли, вы не скажете, что это дочь сапожника?

— Да,—согласился Рощинъ, садясь противъ Малаховой.—У нея очень интеллигентное лицо, и она держится...

— Какъ настоящая барышня, — докончила Наталья Павловна.—Въ ней проглядываетъ что-то аристократическое. Я всегда любуюсь ею.

— Да-а,—задумчиво протянулъ Рощинъ и добавилъ, пытливо взглядывая на собесѣдницу: — А вы, Наталья Павловна, кажется, не такая демократка, какъ вашъ мужъ? И, вообще, вы многаго не раздѣляете съ нимъ...

— Однако, вы очень увѣренно рѣшаете,—засмѣявшись, промолвила Малахова, и Рощину показалось, что ей была досадна его догадка.

— Простите, если я...

— Тутъ нѣтъ ничего обиднаго ни для меня, ни для Ювеналія,—перебила Малахова.—Убѣжденія у всѣхъ могутъ быть свои, и нельзя же быть мужу и женѣ непремѣнно сколкомъ одного съ другого.

— Не сколкомъ, но... не знаю, помните ли вы любимое выраженіе Мерцалова: мужъ и жена—это двѣ половинки орѣха... Нельзя же, чтобы одна была отъ миндальнаго, а другая—отъ кедроваго. Это остроумно.

— Я не совсѣмъ согласна съ этимъ и не нахожу въ такомъ сравненіи ничего остроумнаго. Натуры разныя иногда сходятся даже лучше и счастье при такихъ условіяхъ прочнѣе. Конечно, разныя — до извѣстной степени. А потомъ сила чувствъ и, конечно, принципы все же общіе...

— Pardon, Наталья Павловна, значитъ, я угадалъ: вы больше изъ чувства къ Ювеналію соглашаетесь на многое?

Она откинулась на спинку стула и промолвила медленно, какъ бы что-то припоминая или обдумывая каждое слово:

— Видите: на литературу и на обязанности писателя я смотрю совершенно одинаково съ мужемъ. Но я люблю столицу, ея шумную жизнь, или, правильнѣе,—любила. Теперь что же: мои года...

— Что же ваши года?..

— Вы хотите, кажется, опять сказать мнѣ комплиментъ,—остановила Малахова:—я не охотница до нихъ. Конечно, я не

старуха, но все-таки же въ мои годы жизнь, полная шума, веселья, уже влечетъ не такъ, какъ раньше,—немножко и я устала. Однако, если бы все зависѣло отъ меня только, я и теперь жила бы въ Петербургѣ. Это правда.

— Значитъ, Ювеналій поступаетъ деспотически, — сказалъ Рощинъ съ улыбкой.

— Нисколько, — серьезно отвѣтила Малахова. —Еслибы я захотѣла, мы теперь жили бы въ Петербургѣ, но я этого не хочу.

— Любя ту жизнь больше?

— Да, любя ту жизнь больше,—повторила Наталья Павловна, подчеркивая слова.—Но вѣдь я же вижу, что та жизнь вредна Ювеналію, какъ писателю. Какъ же я буду настаивать? Онъ и самъ любилъ шумную жизнь. Въ первые годы нашей брачной жизни мы, буквально, „кружились", по его выраженію. Онъ—больше, чѣмъ я. И я видѣла, что онъ, какъ писатель, много теряетъ, что эта жизнь отражается на его талантѣ и здоровьѣ, я мучилась за него. Если хотите знать, я первая намекнула ему о необходимости отдохнуть въ глуши. Но сначала онъ не хотѣлъ этого и слышать; только ужъ крайность заставила его переѣхать въ Рамцы. И вотъ когда эта глушь оказалась для него такой цѣлебной во всѣхъ отношеніяхъ, когда онъ ее полюбилъ,—могу ли я его звать назадъ въ столицу?

— Но вѣдь здѣсь вы страдаете сами?

— Ужъ и страдаете,—зачѣмъ такъ сильно?! У меня немало дѣла, которое мнѣ нравится, которое я даже люблю. Правда, сначала я уставала физически, но теперь привыкла. Я здѣсь окрѣпла. Вѣдь наша жизнь вполнѣ гигіеническая.

— Но васъ вѣдь тянетъ въ Петербургъ, Наталья Павловна?

— Временами—да, очень. Такъ я же и ѣзжу: иногда съ Ювеналіемъ, иногда одна. Каждое лѣто мы путешествуемъ; здѣшняя дешевизна даетъ намъ возможность дѣлать поѣздки. Ныньче намъ пока не удалось, потому что Ювеналій ждетъ сестру съ дѣтьми. Она проживетъ у насъ до августа, а потомъ мы съѣздимъ недѣли на двѣ на югъ. Нѣтъ, вы преувеличиваете, Авениръ Львовичъ, воображая, что я—какая-то мученица.

Малахова улыбнулась.

— О, что вы! Я этого не говорю. Но все же... вотъ я бы, напримѣръ, совершенно не могъ жить, какъ вы,—закончилъ Рощинъ.

— А вамъ это было бы полезно.

— Для здоровья—можетъ быть.

— Не только, а и какъ писателю.

— Не думаю. Мужичокъ не играетъ большой роли въ моихъ произведеніяхъ. Я—пѣвецъ города и, преимущественно, нашей мятущейся и нервной интеллигенціи. И въ стихахъ, и въ прозѣ я говорю о ней. Я и самъ плоть отъ плоти ея и кость отъ кости.

— А ваша повѣсть „Силантій"?

— Что же? Менѣе удачная, чѣмъ всѣ остальныя. Критика давно признала, что мнѣ удаются всего болѣе интеллигентные типы, и это вѣрно. Развѣ плохъ мой романъ „Честные безумцы"?

— Да, это лучшая ваша вещь.

— Вотъ видите! И вы правы. Но въ деревнѣ отдохнуть мнѣ было бы недурно. Я согласенъ. Я ужасно усталъ, переутомился. Мозгъ иногда отказывается работать. Просто, боишься за будущее.

— Вы много тратите денегъ, простите меня.

— А какъ же иначе? Семьѣ надо... А затѣмъ...

Малахова посмотрѣла на гостя внимательно и проговорила нерѣшительнымъ тономъ:

— Простите, Авениръ Львовичъ, я хотѣла бы сказать, но боюсь...

— Пожалуйста, Наталья Павловна! Я вѣрю въ ваше дружеское расположеніе ко мнѣ.

— При мужѣ я не хотѣла, а теперь безъ него...

— Говорите, пожалуйста!

— Отчего вы не сойдетесь съ женой? Вѣдь вы уже не юноша. Не все же вамъ такъ... летать отъ розы къ розѣ, простите за откровенность! Наконецъ, дѣти. Эти разломы отзываются на нихъ. Ольга Николаевна васъ любитъ. Вѣдь по душѣ вы—хорошій...

— Но безпутный, какъ говоритъ Ювеналій.

— Да, есть такой грѣхъ. Ну, такъ видите ли: вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ...

Она какъ бы затруднилась подыскиваніемъ подходящей фразы и остановилась.

— Блаженны миротворцы,—сказалъ Рощинъ шутливо.

Но шутка ему не удалась, да и видимо онъ ею хотѣлъ только замаскировать то грустное чувство, которое проснулось въ душѣ.

И онъ продолжалъ уже серьезнымъ тономъ:

— Вы правы, Наталья Павловна. Можетъ быть, и относительно Ольги правы. Мнѣ кажется, что она любитъ меня и все проститъ... но...

— Вамъ неловко примиряться, стыдно?

— Дѣло не въ этомъ! А для чего? Сойдемся, а совладаю ли я съ собой? Что, если я не удержусь и опять полечу къ другой

розѣ? Ольгѣ новыя страданія. Эти слезы... я вѣдь ихъ видѣлъ и, думаете, для меня женскія слезы—вода? Нѣтъ, онѣ мнѣ жгли сердце. Наталья Павловна, вы хорошая женщина, и я не стану передъ вами скрываться. Да, Ольга немало выстрадала. Я ее любилъ (и люблю, это не ложь), и заставлялъ ее страдать... Я рабъ своей натуры, но я мучился, болѣлъ... Бывали случаи, что я среди пирушки летѣлъ домой, терзаемый угрызеніями совѣсти. Я старался бороться съ собой—и не могъ. Не забыть мнѣ одного вечера. Съ одной барышней, довольно глупенькой, но очень хорошенькой, я отправился въ театръ. Я просидѣлъ два акта и ничего не слышалъ, не видѣлъ. Передъ глазами у меня стояла Оля, и точно кто клещами сжималъ мнѣ сердце. Нужно было бы уѣхать, но и барышню оставить было трудно. Нельзя же ее было бросить одну! И вотъ, въ слѣдующій антрактъ, я пошелъ въ буфетъ и залпомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ коньяку. Ну, конечно, затуманило, закружилось все... Вернулся домой въ пятомъ часу утра, бросился въ кровать и, зарывшись въ подушки, старался заглушить рыданія. Значитъ, такова ужъ натура!

— Мнѣ жалко васъ!—проговорила искренно Наталья Павловна.

— Говорите прямо: жалкій вы человѣкъ, Авениръ Львовичъ. Это правда. Вотъ я говорю съ вами теперь, все сознаю,—явись сейчасъ Оля, я готовъ броситься передъ ней на колѣни и умолять простить и сойтись снова, а тамъ... Э, да что тутъ говорить!

Рощинъ всталъ и зашагалъ по балкону.

Малахова долго на него глядѣла молча, грустными глазами, наконецъ проговорила:

— Чѣмъ же все кончится? Неужели вы никогда не измѣнитесь?

— Должно быть такъ. Конечно, еслибы дожить до старости, тогда... ну, да вѣдь это не случится: раньше околѣю. И хорошо. Я страшно усталъ. А что будетъ дальше, когда станешь разбитой клячей? Вѣдь издатели выбросятъ, какъ выжатый лимонъ. На шею „Литературному фонду“ садиться? Благодарю покорно! Да нѣтъ, не доживу, славу Богу. При такой каторгѣ не вытянешь. А-а! Вотъ и нашъ регентъ идетъ!—воскликнулъ Рощинъ, какъ бы обрадовавшись, что появленіе пріятеля положитъ конецъ невольно вызванному тяжелому разговору.

И онъ крикнулъ Малахову:

— Что, усталъ?

— Физически—да.

— А духовно?

— Освѣжился! Эхъ, жалко, что ты ушелъ! Какъ мы славно „Достойную“ спѣли! Вотъ гдѣ освѣженіе-то, братъ!

— Счастливецъ! — со вздохомъ произнесъ Рощинъ.

Наталья Павловна поднялась съ кресла.

— Надо скорѣе самоваръ, — промолвила она. — Послѣ спѣвки мужъ всегда пьетъ чай.

VIII.

За чаемъ, который пили на балконѣ, просидѣли болѣе двухъ часовъ. Малаховъ съ увлеченіемъ говорилъ о своемъ хорѣ, радуясь тому, что дѣло укрѣпляется. Онъ не смотрѣлъ на него только съ личной точки зрѣнія. Конечно, оно ему доставляло удовольствіе, но устройство хора было важно главнымъ образомъ для жителей поселка и ближайшихъ деревень. Пѣніе развивало въ молодежи эстетическій вкусъ, задѣвало лучшія струны души, знакомило ихъ съ церковной музыкой, приближало къ церкви. Наконецъ, внося высшіе интересы въ жизнь, хоровое пѣніе освѣжало, облагораживало, отвлекало молодежь отъ всего дурного. Разумѣется, нельзя все сдѣлать сразу, да вѣдь сразу ничего и не дѣлается, постепенно — лучше, прочнѣе. Уже примѣръ дѣйствуетъ: слышно, что въ селѣ Бабкинѣ молодой торговецъ, кончившій городское училище, также устраиваетъ хоръ.

— Да, — произнесъ убѣжденно Малаховъ, — пора понять, что церковное пѣніе — могучая сила въ дѣлѣ просвѣщенія народа, и возставать противъ него могутъ только люди ничего не понимающіе. Кто обладаетъ хоть сколько-нибудь музыкальнымъ чутьемъ, тотъ не станетъ отрицать красоту церковныхъ напѣвовъ. Ты вѣдь любишь музыку, Авениръ?

— Очень! Я хотѣлъ-было просить Наталью Павловну...

— Я сыграю съ удовольствіемъ вамъ завтра, — промолвила Малахова. — Мнѣ надо посѣтить одну больную старушку, и я сейчасъ ухожу, а вернусь, вѣроятно, нескоро.

Она отдала приказаніе Катѣ и пошла одѣваться.

— Да, я знаю, что ты любишь музыку, — продолжалъ Малаховъ, — но не духовную...

— Напрасно ты такъ думаешь; я люблю церковное пѣніе.

— Мало любить, — перебилъ Малаховъ, — надо окунуться въ этотъ міръ несравненныхъ звуковъ, полныхъ строгаго величія, и тогда ты будешь любить эту дивную музыку. Нашъ народъ — музыкальный народъ. Я въ этомъ на ребятахъ убѣдился. И народъ любитъ церковную музыку... но у насъ не развиваютъ, а заглушаютъ эту любовь. Вѣдь пѣніе — одинъ изъ самыхъ необходимыхъ камней въ зданіи просвѣщенія.

— А народный театръ? Развѣ это не воспитательное средство?

— Но вѣдь въ представленіяхъ могутъ участвовать очень немногіе, большинство будетъ смотрѣть только,—а этого мало. Важно активное участіе,—это сильнѣе захватываетъ человѣка. Театръ театромъ—онъ нуженъ... но и пѣніе важно.

— А развѣ пѣть могутъ всѣ?

— Почти всѣ. Тѣмъ и хорошо хоровое пѣніе. Въ хорѣ можетъ всякій пѣть, у кого ѣсть только какой-нибудь голосъ, хотя самыя посредственныя музыкальныя способности. Онъ за другими пойдетъ и надо добиться общаго пѣнія, всей церковью, помимо хора. О. Михаилъ согласенъ, и мы добьемся. Пусть какъ можно больше людей будутъ введены въ музыкальныя сферы. Вѣдь мы собираемся для пѣнія и свѣтскихъ пѣсенъ... Я—врагъ всего узкаго и однобокаго! Однако пойдемъ въ садъ, пока еще не сыро. Здѣсь скоро опускаются туманы.

— Тебѣ не пора спать?—спросилъ Рощинъ, поднимаясь со стула.

— Посидимъ съ часокъ. Я дождусь жены. Катя сдѣлаетъ тебѣ постель въ моемъ кабинетѣ. Да ты что думаешь: я развѣ не могу иногда и просрочиться? Не заведенные же часы. Когда кто пріѣзжаетъ...

— А къ тебѣ часто пріѣзжаютъ?

— Не скажу. Сначала чаще пріѣзжали, теперь связи поослабли. Знаешь: съ глазъ долой и изъ сердца вонъ. Да и что это за связи, строго говоря? Торчишь въ одной редакціи, вмѣстѣ пьешь, шляешься по ресторанамъ,—ну, и близки. А если не такъ—глядишь, чужіе. Все это фразы объ единеніи, солидарности,—однѣ фразы. Можно съ голода умереть, и никто не поможетъ изъ такихъ единомышленниковъ. Вообрази: у меня есть три друга...

— Въ числѣ ихъ, конечно, я?

— Ну, присутствующихъ исключимъ,—усмѣхнувшись, промолвилъ Малаховъ,—такъ вотъ у меня три друга. Одинъ совсѣмъ красный, я его такъ Робеспьеромъ и зову; другой—лѣсопромышленникъ, простой мужикъ, а башка министерская, какъ говоритъ о. Михаилъ; ну, а третій—еврей. Но это просто друзья, а не партійные соратники. Они бываютъ у меня чаще другихъ. Вотъ покойный Вороновъ заѣзжалъ незадолго передъ смертью...

— Славный былъ человѣкъ,—искренно промолвилъ Рощинъ:—вѣдь вы были близки?

Они спускались по лѣстницѣ, и Рощинъ чуть не поскользнулся на узкой ступенькѣ:

— Ты осторожнѣе,—предупредилъ его Малаховъ:—привыкъ къ столичнымъ широкимъ лѣстницамъ, а у насъ ходъ-то что на каланчу.

Они вышли въ садъ. Деревья стояли не шелохнувшись, точно замерли. Въ кузницѣ еще шла работа, и звуки стучавшихъ молотовъ ясно доносились въ садъ; слышались звонки бубенцовъ и колокольчиковъ, мычаніе коровъ, возвращавшихся съ поля. Гдѣ-то мужской голосъ тянулъ заунывную пѣсню. На крылечкѣ нижней террасы сидѣли двѣ дѣвочки и играли.

— Вотъ сиротки, двоюродныя сестры Риты,—замѣтилъ Малаховъ вскользь только потому, что онѣ попались на глаза, но, очевидно, занятый совсѣмъ другой мыслью.

И онъ перешелъ къ этой мысли, опускаясь на скамью у высокаго тополя.

— Да, когда-то мы были съ Петромъ Семеновичемъ очень близки. Мы не расходились, но послѣднее время Вороновъ держался какъ-то странно, точно таился чего-то. Ты правъ, онъ былъ славный человѣкъ—и вотъ сгорѣлъ до времени. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ.

— Жаль мнѣ его, — сказалъ Рощинъ: — работникъ былъ хорошій!

— Да, очень жаль,—согласился Малаховъ,—а по правдѣ сказать, самъ виноватъ. Я его какъ звалъ сюда; потребности у него небольшія, жена на все согласна; взяли бы мы побольше домикъ и зажили бы вмѣстѣ отлично. Такъ нѣтъ, привыкъ къ городу, къ ярму журнальному, прельстился на полтораста рублей какіе-то и запрегся въ кабалу.

— Говорятъ, онъ одинъ весь журналъ наполнялъ,—правда?

— Одинъ, не одинъ, а почти такъ. Онъ все тамъ дѣлалъ: и редактировалъ, и писалъ, и корректуру правилъ, да, кажется, и личную переписку за Палаузова велъ; только-что его гардеробомъ не завѣдывалъ. Укатитъ Палаузовъ въ апрѣлѣ въ имѣніе на Волгу и охотится тамъ до октября, а Вороновъ одинъ отдувается за все. Какъ-то я заѣхалъ къ нему лѣтомъ. Двадцатиградусная жара. Сидитъ онъ въ какомъ-то подвалѣ, окна у самой панели—и пишетъ статью. Кругомъ—корректуры... Зову въ садъ пообѣдать. „Нельзя, говоритъ, работы по горло. Приду въ семь часовъ, жди меня". Жду. Является въ одиннадцать часовъ ночи, утомленный, желтый, еле дышитъ.—Ѣдемъ, говорю, за городъ. Куда! Опять нельзя; пришелъ на часъ только, а тамъ снова въ типографію. Выпилъ чайку, надымилъ и, кряхтя, поплелся обратно. Да, это былъ вѣрный слуга, только кто же цѣнилъ его?

— Какъ же теперь жена и сынъ?

— Кажется, обѣщали помочь. Кое-что и мы сдѣлали...

— А Палаузовъ?

— Что Палаузовъ? Онъ говоритъ: Вороновъ работалъ, я платилъ, мы—квиты. Захотѣлъ ты у купца спрашивать сердца! Тутъ, братъ, все на аршинъ мѣряется.

— И вѣдь не одинъ Вороновъ такъ погибъ, — произнесъ Рощинъ со вздохомъ.—Мало ли ихъ!

Они начали припоминать погибшихъ, которые хотѣли въ храмъ славы попасть, а попали до срока на кладбище. Что сгубило ихъ? Каторжная жизнь: нервный трудъ, тяжелыя матеріальныя условія и ко всему этому у многихъ пристрастіе къ разгулу.

— Ужели и меня ждетъ такая участь?—въ раздумьи промолвилъ Рощинъ.

— Спасайся, пока не поздно,—отвѣтилъ Малаховъ.

— Неужели только въ деревнѣ спасеніе, Ювеналій? Вѣдь нельзя же всѣмъ уйти въ деревню, посуди самъ. Просто, надо жить скромнѣе въ Петербургѣ. Вѣдь вотъ Каранцевъ живетъ. Говорятъ, что онъ съ женой и двумя ребятами проживаетъ не больше семидесяти-пяти рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, едва ли. Но что это за жизнь? Онъ никуда носа не показываетъ. Пишетъ, пишетъ, а гдѣ же наблюденія? И что такое онъ пишетъ? Послѣдняя повѣсть—изъ аристократическаго быта. Да вѣдь онъ и въ передниxъ-то у аристократовъ не бывалъ! Все это по книжкамъ... Вѣдь такъ же нельзя! Его графиня—чистая кухарка. Чтобы наблюдать эту жизнь въ Петербургѣ, надо иначе и жить.

— Ты правъ. Конечно, жить такъ нельзя, какъ Каранцевъ. Да вѣдь и ты живешь не такъ, какъ надо, — промолвилъ Рощинъ.—И у тебя, и у другихъ, у всѣхъ насъ хорошія картинки, но вѣдь это все уголки картинъ, а гдѣ же большая картина? Читаешь современныхъ беллетристовъ: все это этюды, иногда прелестные этюды; ну, а гдѣ же большое полотно? у кого, такъ сказать, всероссійская жизнь, грандіозное изображеніе всего общества? Этого нѣтъ. А отчего? Потому что нѣтъ такого широкаго знанія жизни. Вотъ ты забрался въ деревню, ее и знаешь; другой знаетъ желѣзнодорожный мірокъ... Нѣтъ, нужно такъ, чтобы писатель былъ свой человѣкъ и въ избѣ мужика, и во дворцѣ сановника. Нельзя безъ деревни и мужика, но нельзя и безъ столицы, безъ аристократіи умственной и сословной.

Рощинъ оживился и всталъ со скамейки.

— Все это вѣрно,—спокойно отвѣтилъ Малаховъ,—и для меня не новость. Но вѣдь ни мнѣ, ни тебѣ, ни Каранцеву это недоступно.

— Почему?

— Потому что для этого надо прежде всего такой громадный талантъ, которымъ мы, къ сожалѣнію, не обладаемъ, а затѣмъ нужны и такія условія, чтобы быть вездѣ своимъ человѣкомъ. Для этого надо обладать большими средствами и жить широко, не насилуя ни таланта, ни своихъ физическихъ силъ. Будь у меня необходимыя условія и почувствуй я себя талантомъ, которому такой полетъ подъ силу,—конечно, я не сталъ бы жить только въ деревнѣ, а жилъ бы вездѣ. Вѣдь прежніе писатели, наши колоссы, такъ и дѣлали. Отчего нѣтъ большого полотна? Тутъ много еще причинъ. Прежде писатели выходили по большей части изъ той среды, которая открываетъ доступъ въ верхніе слои, и кромѣ того, что они обладали матеріальными средствами, они всѣ были широко образованы. Они могли путешествовать, много заниматься, а теперешніе—въ большинствѣ разночинцы, учились мало, а доучиваться некогда, потому что обратили литературу въ хлѣбный заработокъ... Тутъ не до образованія, не до работы надъ собой. Дай Богъ, чтобы маленькую-то картину написать какъ слѣдуетъ. Многіе такъ устроились, что и для этого нѣтъ возможности. Вспомни Левитова: зачастую онъ продавалъ даже не очеркъ, а отрывокъ изъ очерка... Некогда было ждать, надо ѣсть... Когда же тутъ писать большую картину? Конечно, хорошо бы дать большое полотно,—ну, а если нѣтъ для этого силъ и подходящихъ условій, то лучше спасать то, что есть, и служить имъ на пользу родинѣ.

— А вотъ Ладовъ. У него большое состояніе. Опять Клишинъ. Тотъ совсѣмъ чуть не милліонеръ. А гдѣ у нихъ большія картины?

— Ну, отъ Ладова ждать нечего. У него талантъ жидокъ для такого громаднаго произведенія, о которомъ ты говоришь. Денегъ однѣхъ мало,—безъ таланта никакія условія не помогутъ. Возьми Дилакторскаго. Онъ въ молодости прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Знаетъ онъ и бытъ „нищихъ и бродягъ", такъ же, какъ и образованныхъ классовъ. Теперь онъ по своему положенію бываетъ чуть не въ верхахъ. А большого полотна онъ не дастъ: талантъ малъ, да и безпутничаетъ сильно... А этюды его яркіе, потому что въ нихъ сама жизнь. Клишинъ — дѣло другое, но онъ еще молодъ. Можетъ быть, онъ и дастъ большое полотно, это вопросъ будущаго: только ему надо серьезно заняться собой.

— Говорятъ, онъ кутитъ.

— Ну вотъ! Недолго и весь свой талантъ прокутить. На этомъ скользкомъ пути многіе погибли. Большая ошибка думать, что однимъ талантомъ все можно взять. Нѣтъ! надо много работать, усидчиво работать, постоянно совершенствоваться, учиться, тогда будетъ толкъ. Вся наша бѣда, что мы не умѣемъ беречь свои таланты: мы или ихъ прокучиваемъ, или губимъ, какъ губятъ призовыхъ лошадей. Вѣдь это не только касается писателей, а и художниковъ, и артистовъ. Какіе у насъ чудные голоса гибли, только потому, что ихъ не берегли! У насъ артистъ какъ купеческій сынокъ живетъ: кутитъ, безобразничаетъ... И писатель такъ же. На Западѣ—не то. Тамъ пѣвецъ бережетъ свой голосъ, писатель работаетъ надъ собой,—и выходитъ другой коленкоръ, какъ говорилъ Лейкинъ. Да, братъ, мы еще мало культурны. Впрочемъ, есть и у насъ,—но такихъ мало,—которые не знаютъ обычной лѣни по мѣсяцамъ и работы наспѣхъ. Они серьезно относятся къ своему таланту и держатся девиза—nulla dies sine linea. Нельзя писать—можно подготовлять работу, набрасывать планы... Но не лѣниться, не прожигать жизнь.

— Но я увѣренъ, Ювеналій,—произнесъ убѣжденно Рощинъ,—что долженъ народиться у насъ богатырь-писатель, который и явится, такъ сказать, всестороннимъ, полнымъ отголоскомъ стремленій не одного сословія или прихода, а всей... ну, какъ бы сказать... всей совокупности народныхъ стремленій что-ли... Онъ и выразитъ тогда всю душу народа. И онъ долженъ быть самъ изъ народа... Помнишь, Достоевскій намекалъ на это въ своей рѣчи при гробѣ Некрасова.

— Я самъ хочу вѣрить, что такой великій писатель—выразитель народной мысли и думы—явится... Я вѣрю въ мощь народа... Но не смѣшивай, Авениръ, слова „народъ" съ „простонародьемъ". Это ошибка! Такой писатель не можетъ выйти изъ среды простонародной... А скорѣе изъ культурной... даже непремѣнно изъ нея... Но онъ окунется въ *народную жизнь*, въ жизнь массы... Это такъ...

Въ садъ вошла Наталья Павловна. Она приблизилась къ разговаривающимъ пріятелямъ.

— Ну что,—спросилъ ее мужъ:—какъ тамъ?

— Да ничего... ей лучше.

— Посидишь съ нами?

— Нѣтъ, я немного повожусь въ кухнѣ и лягу.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора и тебѣ спать,—сказалъ Рощинъ пріятелю,—да и я усталъ съ дороги.

— Ну, что же, пойдемъ, — согласился Малаховъ. — Ты будешь спать на кровати моей работы, на той самой кровати, па которой спалъ великій критикъ Яблонскій, когда ночевалъ у меня.

— Фу ты, какая честь!

Въ кабинетѣ стояла приготовленная кровать, покрытая легкимъ пикейнымъ одѣяломъ.

— Только, предупреждаю, — не матрацъ, а сѣнникъ, — сказалъ Малаховъ.

— Это ничего... А я не упаду? — спросилъ Рощинъ, пробуя крѣпость кровати.

— Не бойся, ручаюсь, какъ мастеръ. Да ужъ если Яблонскаго выдержала, такъ тебѣ чего бояться. А лампадка тебѣ не помѣшаетъ? Можетъ быть, загасить?

— Нѣтъ, зачѣмъ, оставь. Въ дѣтствѣ я любилъ спать съ лампадкой.

Пріятели простились, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Александръ Кругловъ.

П. І. ШАФАРИКЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ НАУКИ, ПОЛВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ.

„Въ земной семьѣ съ небесъ переселенцы,
Они средь насъ страдальцы и младенцы
Съ божественной отмѣткой на челѣ!“
Кн. Вяземскій.

I.

Въ общемъ ходѣ исторической жизни, полъ-вѣка—крохотный промежутокъ времени. Но въ жизни отдѣльныхъ группъ людей и отдѣльныхъ обществъ это — уже значительная сумма годовъ. Вспомнимъ только, что время, которому посвященъ настоящій очеркъ, и центральную фигуру его, изъ нашихъ современниковъ, изъ дѣятелей русской науки, помнятъ уже весьма немногія единицы.

Хотя еще недавно, но между нами нѣтъ уже академика А. Н. Пыпина, который съ особенно теплымъ чувствомъ любилъ, въ частной бесѣдѣ, воскрешать свое пражское время, т.-е. конецъ пятидесятыхъ годовъ въ Прагѣ, свои отношенія къ мѣстнымъ людямъ, съ В. Ганкою во главѣ. Но еще бодрствуетъ старшій современникъ Пыпина и его однополчанинъ по литературной дѣятельности, М. М. Стасюлевичъ, который и сейчасъ, въ недавнемъ случайномъ письмѣ къ автору настоящихъ строкъ, съ тѣмъ же интересомъ вспоминаетъ свое время въ Прагѣ. „Я у Ганки былъ

въ 1856 или 57 году, и теперь помню, какъ онъ встрѣтилъ меня: въ халатѣ, съ приколотымъ къ нему Станиславомъ или Анной — не помню... Впрочемъ, славный былъ онъ старикъ и интересный человѣкъ".

Но чувства того же уваженія былъ полонъ Стасюлевичъ, когда въ Прагѣ, прочтя замѣтку у Ганки своего стараго учителя, Мих. Куторги, отъ 6-го августа 1834 года, писалъ тому же чешскому дѣятелю на память: „Прошло 23 года, и къ вамъ явился ученикъ Куторги свидѣтельствовать, что и новое поколѣніе воодушевлено тѣмъ же уваженіемъ къ вамъ, которое привлекаетъ въ старую Прагу всякаго русскаго, всякаго, кому—nihil humani alienum".

Остальные, такъ сказать, русскіе сверстники ученика Куторги уже совсѣмъ далече... Конечно, и тамъ, на мѣстѣ, среди земляковъ Ганки и Шафарика, весьма жидкіе ряды: Томекъ, Иречекъ, Главка, Ранкъ, Патера... Но, естественно—бо́льшее число, чѣмъ у насъ, бѣдныхъ образованными людьми. Явились и поколѣнія, здѣсь и тамъ, о которыхъ нельзя еще повторить признанія Стасюлевича, особенно среди чеховъ, которые прямо издѣваются надъ памятью Ганки, конечно,—это извѣстная группа.

Съ молодыми годами дѣятельности Шафарика, съ его безкорыстными планами и надеждами—усвоить себя Россіи — русскій читатель познакомится въ нашей монографіи: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія" (1889). Настоящій очеркъ посвященъ закату дѣятельности того же историческаго человѣка въ кругу русскихъ отношеній. Мѣстами, будетъ рѣчь и о Ганкѣ, своеобразномъ соратникѣ Шафарика, для оттѣненія фигуры главнаго дѣйствующаго лица.

II.

Ганка и Шафарикъ, сверстники и однополчане (одинъ—библіотекарь земскаго музея, другой — университета), въ одномъ и томъ же году (1861) изъ пражской юдоли переселившіеся *туда*,—какъ въ своей личной жизни, такъ и въ своей научной дѣятельности, мало имѣли между собою общаго.

Коренастый, съ надеждой на Маѳусаиловъ вѣкъ,—какъ, шутя, выражался иногда въ пріятельскихъ письмахъ болѣзненный, высокій и худой, какъ настоящій словацкій пасторъ въ Венгріи, Шафарикъ о Ганкѣ,—практическій отъ первыхъ дней юности, съ момента появленія въ Прагѣ, въ началѣ прошлаго вѣка, въ жилищѣ бездомнаго учителя Добровскаго промѣнявшій посохъ на

славянскую указку, Ганка былъ человѣкомъ жизни и, обыкновенно, съ удачными экскурсіями въ нее. Въ извѣстной мѣрѣ добродушный и жизнерадостный, Ганка, озирая пройденную свою жизнь, могъ сказать о себѣ: — „младенцемъ“ не былъ. Его младшій современникъ, Рыбичка, хорошо знавшій пражскаго библіотекаря, довольно мѣтко сказалъ о немъ, что онъ умѣлъ прекрасно соединять извѣстную голубиную простоту со всяческою осторожностью змія [1]). Его „телѣга жизни“ катилась болѣе или менѣе плавно, по ровному пути.

Осторожный Ганка въ то же самое время не боялся (а это — цѣлый подвигъ) полиціи, съ нею не считался. Онъ въ своемъ музеѣ былъ предметомъ вниманія всѣхъ русскихъ путешественниковъ — отъ Михаила Бакунина и до императора Николая. Особенно онъ любилъ посѣщенія генераловъ. Мы однажды говорили въ юбилейной статьѣ о Ганкѣ, что не быть въ чешскомъ музеѣ, не быть у Ганки — для русскаго было невозможностью. Всѣхъ онъ принималъ просто, открыто, съ нѣкоторымъ подчеркиваніемъ. Храбро Ганка перенесъ опасные дни мятежа въ Прагѣ, въ іюнѣ 1848 года, устроеннаго рукою Бакунина, былъ въ своемъ музеѣ подъ пулями, но, какъ вѣрный стражъ, не отходилъ отъ него. „Не далеко было, — писалъ онъ черезъ годъ А. С. Норову на своемъ русскомъ языкѣ, — что меня пуля засягла“ [2]). Послѣ капитуляціи музея и Ганки, 12-го іюня, военный патруль пять разъ осматривалъ музей, копалъ въ немъ, пять разъ перекапывалъ дворовый садикъ, погреба, стучали въ стѣны — нѣтъ ли пустоты, и только подъ конецъ нашли — штыкъ. Еще тщательнѣе былъ осмотръ черезъ нѣсколько дней: перебрали всѣ рукописи, бумаги Ганки, а въ городѣ пошли толки, что найденъ цѣлый складъ посуды съ ядомъ: да, въ собраніи минераловъ были куски съ надписью: „арсеникъ“ [3]). Еще храбрѣе съ полиціей былъ Ганка при торжественной встрѣчѣ императора Николая, въ 1852 году, въ воротахъ музея. Но Ганка затѣвалъ и нѣчто бо́льшее, болѣе смѣлое — на станціи желѣзной дороги встрѣтить императора рус-

---

[1]) Přední křisitele, I, 114. Гдѣ источникъ не указанъ, тамъ данныя взяты изъ *нашихъ матеріаловъ*, въ оригиналѣ (немногіе) или въ копіи, собранныхъ нами большею частью въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Конечно, копіи, обыкновенно, въ отрывкахъ.

[2]) Чтенія И. Моск. Общ., 1881, I, отт. 10.

[3]) Rittersberg, Kapesní slovníček novinářský..., I, Praha 1850, s. v. „Hanka“. Весьма любопытное изданіе; но, по вмѣшательству цензуры, далѣе перваго тома не выходило.

скимъ гимномъ, для чего собралъ своихъ учениковъ на Гибернскую улицу [1]).

Итакъ, въ стойкости, въ характерѣ Ганкѣ отказать нельзя: онъ смѣло, открыто и неизмѣнно, отъ перваго своего русскаго письма къ Бибикову въ Карлсбадъ еще въ 1821 году, исповѣдывалъ, не боясь нашептываній и доносовъ по пражской полиціи, чувства любви и преданности къ Россіи, любви ко всему русскому. Допущенный, въ 1849 году, въ университетъ, онъ открылъ свой курсъ церковно-славянскимъ языкомъ и грамматикой *великорусскаго* языка [2]). Въ этихъ чувствахъ Ганка воспитывалъ и воспиталъ плеяду учениковъ. Напомнимъ русскимъ читателямъ еще здравствующаго лексикографа Іос. Ранка (род. 1831), автора извѣстныхъ русскихъ словарей, который за порогъ Праги почти не переступалъ.

Ганковская наука — это уже совсѣмъ иное дѣло. О ней мы не будемъ говорить много. Еще въ 1836 году Шафарикъ, въ интимномъ письмѣ къ Погодину, несмотря на всю свою мягкость, откровенно отмѣтилъ, что Ганка блаженъ въ своемъ невѣдѣніи [3]).

Изданія старочешскихъ и церковно-славянскихъ памятниковъ были полны ошибокъ, и потому неудовлетворительны. Теоретическія свѣдѣнія въ области славянскаго языка были путанныя, поверхностныя, хотя авторъ „Карманнаго газетнаго словарчика“ и увѣряетъ, что Ганка зналъ 18 языковъ [4]). Образчикъ его русскаго языка мы имѣли выше. Какъ ни рѣзки до неприличія были отзывы о научной стоимости Ганки со стороны извѣстнаго вѣнскаго ученаго Копитара, а, по смерти, его ученика въ Вѣнѣ, Миклошича, но они подъ собою всегда имѣли фактическую подкладку. Его своеобразныя теоретическія построенія въ области языка головою выдаютъ и тѣ памятники, которыми онъ разсчитывалъ поднять уровень родной литературной старины. Припомнимъ классическое „ze vsia“. Недавно скончавшійся профессоръ М. Гаттала, ученикъ и продолжатель славянскихъ студій Шафарика въ Прагѣ, немало останавливался надъ этимъ выраженіемъ, чтобы спасти глашатая старины; но едва ли многіе пошли на его объясненія. А ужъ совсѣмъ наивенъ былъ пріемъ Ганки для извѣстнаго фальсификата „Жива“ въ „Mater Verborum“, когда-то, лѣтъ

[1]) Письма къ Норову, 7 окт. 1853 г.

[2]) Rittersberg, op. c., 572.

[3]) Письма къ Погодину изъ слав. земель, № 8.

[4]) Можно принять, но по счету à la Бодянскій въ первомъ письмѣ изъ Праги къ Погодину (Письма, стр. 9). Ср. отчаянныя ц.-слав. этимологіи еще въ 1857 г. (*кладязь* вм. *хладязь*) въ письмѣ къ Кеппену 11-го ноября, 22-го янв. 1858.

тридцать назадъ, достаточно объясненнаго нами въ нашихъ „Отчетахъ", въ „Запискахъ Имп. Новоросс. Университета". Позже и на мѣстѣ сняли печать молчанія: таить нельзя было уже больше фабрикатовъ.

Пожалуй, намѣренія были добрыя—ad majorem gloriam; только средства—совсѣмъ примитивныя [1]).

III.

Но совсѣмъ иначе катилась „телѣга жизни" другого пражскаго библіотекаря, Шафарика. Тотчасъ послѣ первыхъ немногихъ лѣтъ молодости и до конца дней она катилась, словно по осенней колоти русской грунтовой дороги — съ кочки на кочку.

Сухой, высокій, съ болѣзненной организаціей, непрактическій человѣкъ, къ которому вполнѣ примѣнимы строки русскаго поэта (кн. Вяземскаго)—„въ земной семьѣ съ небесъ переселенецъ, съ божественной отмѣткой на челѣ", Шафарикъ всю свою жизнь бился изъ-за куска, и, притомъ, самаго черстваго, хлѣба [2]). То оскорбляемый, то унижаемый, вольно или невольно, открыто или въ корректной формѣ (коллекта отъ друзей по переселеніи въ Прагу, но подъ условіемъ писать по-чешски), Шафарикъ въ своей личной жизни былъ мученикъ. Безъ умиленія нельзя читать его поздняго признанія предъ русскимъ другомъ въ мо-

---

[1]) Понять совсѣмъ нельзя, какимъ образомъ профессора пражскаго университета въ 1852 году, послѣ смерти Челаковскаго, могли выставить на каѳедру церковно-славянскаго языка кандидатуру Ганки противъ знаменитаго знатока дѣла, Авг. Шлейхера, кандидата министра гр. Л. Туна... (Такъ, по крайней мѣрѣ, какъ новинку дня, сообщалъ изгнанному въ Тироль знаменитому чешскому публицисту К. Гавличку, знакомцу Ганки, его пріятель Краса въ окт. 1852 года (см. ниже). (Quis Lad., Korespondence K. Havlíčka Borovského, Praha, 1903, p. 708). Ср. ниже, сообщеніе Шафарика Погодину, изъ того же времени, о „новыхъ" профессорахъ.

[2]) Извѣстно впечатлѣніе, которое вынесъ Погодинъ при первомъ, въ 1836 г., знакомствѣ съ Шафарикомъ: вдохновенный мужъ временъ апостольскихъ! Извѣстно также, какъ пораженъ былъ Грановскій въ 1837 году величіемъ и бѣдностью Шафарика. Онъ участвовалъ въ коллектѣ Бодянскаго въ пользу Шафарика (Письма къ Погодину, стр. 50). Подъ вліяніемъ Грановскаго, его другъ, московскій гегеліанецъ, Станкевичъ, изъ Берлина заѣхалъ въ Прагу, чтобы познакомиться съ Шафарикомъ. „Вчера,—пишетъ онъ 12-го сентября 1837 г.,—прибыли мы въ Прагу... Дождь... не далъ мнѣ видѣть ничего, кромѣ Шафарика и оперы Меербера... Шафарикъ совсѣмъ не таковъ, какимъ я его себѣ представлялъ. Онъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, имѣетъ довольно (!) умное лицо..., простъ и обходителенъ" (Переписка, 219). Чрезъ два года, почти умирающій, Станкевичъ осенью 1839 г. еще разъ былъ въ Прагѣ и у Шафарика (ib. 304).

ментъ, когда старикъ свою единственную, высоко образованную дочь выдавалъ замужъ: „А моя Божена такая бѣдная дѣвушка“... [1]) Въ этихъ немногихъ словахъ сколько тяжелаго горя!.. Всю жизнь побираться крохами, и отъ чужого стола...

Старые друзья, какъ Палацкій, вполнѣ обезпеченный благодаря богатой женѣ и пріязни высшихъ чиновъ на сеймѣ, бьются всячески предъ правительствомъ—создать сколько-нибудь сносное матеріальное положеніе для Шафарика. Въ началѣ 1846 года Палацкій, въ дополненіе къ предположенію Шафарика, недавно возвратившагося изъ Берлина, куда онъ былъ вызываемъ для организаціи въ Пруссіи занятій по славяновѣдѣнію, объ устройствѣ славянской каѳедры въ Прагѣ, предъ тогдашнимъ намѣстникомъ Чехіи, эрцгерцогомъ Стефаномъ, прямо требовалъ назначить на новую каѳедру Шафарика—„необыкновеннаго человѣка“. „Знаніе,—писалъ Палацкій эрцгерцогу,—есть сила, и для нашей монархіи не можетъ быть безразлично—подымается или падаетъ у нея эта сила, особенно если она на своего сѣвернаго сосѣда, въ рукахъ котораго—гегемонія славянскихъ изученій—моментъ значительный и важный. Министръ Уваровъ уже нѣсколько разъ дѣлалъ блестящія предложенія Шафарику, желая пріобрѣсти его Россіи; а какія предложенія Шафарику изъ Пруссіи, извѣстно и при дворѣ“.

Какъ ни ехидно было указать на сѣвернаго сосѣда,—повидимому, козырь крупный; но и онъ на вѣнское правительство не подѣйствовалъ. Изъ Вѣны указывали одно: 400 гульденовъ, за-

---

[1]) Къ Погодину, отъ 1-го марта 1853 года (Письма, № 109). Дочь выходила замужъ за І. Иречка, тогда некрупнаго чиновника. Жила недолго, оставивъ дочь и сына, Константина, извѣстнаго южно-славянскаго историка, теперь профессора въ вѣнскомъ университетѣ, достойно воскресившаго собою дѣятельность своего безсмертнаго дѣда.—Нашъ Погодинъ, по обычаю, отличился въ своемъ отношеніи тогда къ Шафарику: самъ вызвалъ пражскаго друга на откровенность, чтобы за симъ отмолчаться... Онъ забылъ совѣтъ Шафарика еще отъ 1837 года, что, сидя въ Москвѣ, а не тратясь на заграничные разъѣзды въ погонѣ за наукой, и онъ, Погодинъ, могъ бы сдѣлать что-нибудь крупное (отъ 25-го октября, Письма, № 17). Прибавимъ, что однимъ изъ искреннихъ благодѣтелей Шафарика, но скромныхъ, былъ старый одесситъ, М. Кирьяковъ, рано умершій (27-го окт. 1839 г.). Познакомившись въ Карлсбадѣ, въ августѣ 1838 года, посѣтивъ затѣмъ Шафарика въ Прагѣ, давъ отчетъ о своемъ путешествіи среди южныхъ славянъ, сообщивъ нѣкоторые этнографическіе матеріалы о югѣ Россіи, Кирьяковъ, 13 (25-го) февраля 1839 г., изъ Одессы пишетъ Шафарику: „Не откажите принять прилагаемый вексель и употребить деньги, полученныя по оному, на изданіе трудовъ вашихъ, которые такъ близки къ сердцу насъ, русскихъ“. Узнавъ о смерти „благороднаго“ Кирьякова, Шафарикъ писалъ Погодину: „Слишкомъ рано для литературы, которую онъ любилъ столь преданно и которой столь *споспѣшествовалъ*... Честь его памяти!“ (Переписка, стр. 250).

требованныхъ Шафарикомъ при занятіи славянской каѳедры въ Прагѣ,—сумма чрезмѣрная, невозможная [1]). Иначе относились чины чешскаго сейма къ научнымъ потребностямъ своего исторіографа, Палацкаго [2]). Для Палацкаго все было готово къ услугамъ, и тотчасъ.

Многосемейный, вѣрный своему словацкому происхожденію, Шафарикъ, при воспоминаніи о своей протекшей жизни отъ береговъ нижняго Дуная и до убогой квартирки въ три комнатки на Стефанской улицѣ въ Прагѣ, и при взглядѣ на своихъ дѣтей, падалъ духомъ, былъ близокъ къ отчаянію: семья, семья... Что ждетъ впереди его дѣтей, которыми онъ жилъ? И они повторятъ его, его жизнь?.. И черныя думы тѣмъ реальнѣе выступали предъ нимъ, что и дѣти, какъ онъ, были лютеранскаго исповѣданія, слѣдовательно, безъ правъ на вниманіе, безъ правъ на права, могли быть выключены изъ сколько-нибудь выдающихся должностей на государственной службѣ [3]) и просто изъ службы.

Профессура не состоялась, а скромная должность цензора, прежде всего для жалкаго литературнаго сметья — ничтожныхъ чешскихъ книгъ, была часто источникомъ тяжелыхъ душевныхъ волненій. Приведемъ одинъ примѣръ изъ воспоминаній сына Войтѣха.

Чиновникъ табачной монополіи въ Галиціи, Запъ, напечаталъ въ 1846 году въ Прагѣ по-чешски свои „Прогулки по Галиціи". Авторъ родомъ былъ чехъ. Его служебныя обязанности давали ему возможность познакомиться близко съ жизнью польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Свои наблюденія онъ и помѣстилъ въ чешской книгѣ, а книгу одобрилъ къ печати Шафарикъ. Когда же книга попала во Львовъ (а Запъ былъ женатъ

---

[1]) Яр. Адамекъ, въ журналѣ „Česká Revue", 1901, октябрь, II, 129. Ср. Quis Lad., Korespondence K. Havlicka Borovského, Praha, 1903, p. 756.

[2]) Ср. V. Nováček, Fr. Palackého Korrespondence a zápisky, I (изданіе Чешской академіи, Sbìrka prumenův, II, 4), напр., подъ тѣмъ же 1846 годомъ. Ср. въ мемуарахъ Томка, въ разныхъ мѣстахъ. Авторъ былъ учителемъ дѣтей Шафарика. Тамъ же о квартирѣ.

[3]) Изъ своихъ младенческихъ лѣтъ старшій сынъ Войтѣхъ припоминалъ, что изъ дома ихъ въ Новомъ Садѣ, съ большимъ дворомъ, былъ виденъ Дунай; помнитъ, къ служанкѣ бѣгали за водой и стирать. Воспоминанія того же Войтѣха о душевномъ настроеніи отца въ 40-хъ годахъ въ Прагѣ — отчасти въ нашей статьѣ: „Miklosich und Safarik", въ юбилейномъ, 25-мъ томѣ „Archiv für slav. Philologie". „Чѣмъ хочешь будь, — говорилъ Шафарикъ сыну, — только не филологомъ, не учителемъ". „Когда я былъ,—припоминалъ однажды въ бесѣдѣ съ нами Войтѣхъ Шафарикъ,— стипендіатомъ въ Берлинѣ и учился химіи, я какъ-то заболѣлъ. Отецъ, узнавъ о моей болѣзни, былъ убѣжденъ, что меня отравили. Такъ потомъ передавали мнѣ мои. Манія преслѣдованія никогда не оставляла моего отца".

на励 полькѣ), она вызвала цѣлую бурю среди шляхты: оскорбленіе поляковъ, ложь, клевета, а гр. Дунинъ-Барковскій принесъ жалобу въ Вѣну, требуя преданія суду цензора, пропустившаго книгу. Намѣстникъ (бургграфъ) Хотекъ потребовалъ отъ Шафарика объясненія. Тотъ написалъ обширную промеморію. Прошло нѣсколько времени. Шафарикъ какъ-то повстрѣчался съ главнымъ цензоромъ [1]). „Ну, — привѣтствовалъ тотъ Шафарика, — бургграфъ читалъ вашу промеморію и сказалъ, что она сильнѣе самой книги Запа". Впрочемъ, кляузное дѣло далѣе не пошло [2]).

Быть призваннымъ для великаго дѣла науки, быть вполнѣ вооруженнымъ для этой великой цѣли, а въ дѣйствительности едва прозябать среди оскорбительныхъ условій реальной жизни; для жалкаго гроша на хлѣбъ тратить время на цензированіе цѣлыхъ громадъ жалкихъ литературныхъ шпаргаловъ, плевелъ и сметья [3]), идти по этому „устланному терномъ пути" затѣмъ только, чтобы, говоря словами самого Шафарика къ старѣйшему русскому другу, П. Кеппену, не умереть съ голоду, „vor dem Hunger geschützt sein" [4]), — положеніе это становилось для него тѣмъ болѣе ощутительно, чѣмъ ближе подходила немощная старость.

Если еще въ 1843 году Шафарикъ признавался другу юности, Я. Коллару, что онъ уже полуглухой, неспособный къ умственному труду (k duchovním pracem neschopný), то каждая новая серія лѣтъ это состояніе только ухудшала. „Я, — писалъ онъ Кеппену 24-го октября 1847 года, — работаю медленно, все еще въ старомъ положеніи — intra spem et metum".

Правда, революціонный 1848-й годъ улыбнулся-было Шафа-

---

[1]) Вѣроятно, Фр. Янко.

[2]) Среди бумагъ Шафарика въ Чешскомъ музеѣ этой любопытной промеморіи нѣтъ. По словамъ сына Войтѣха, въ началѣ 50-хъ годовъ польскій кляузникъ изъ Галиціи посѣтилъ Прагу. „Вы, чехи, — объяснялъ гр. Дунинъ-Барковскій одному изъ чешскихъ патріотовъ, — погибли, если не забудете вашего проклятаго Гуса". — И какъ чиновникъ, Шафарикъ былъ честный служака, но съ симпатіями къ обездоленной массѣ, къ народу. Онъ поддерживалъ первые серьезные шаги на полѣ чешской публицистики знаменитаго Гавличка; по возвращеніи его изъ Москвы (Ср. признанія Гавличка въ письмѣ къ невѣстѣ, 25-го ноября 1845 года — Quis, Korespondence, p. 316; „Шафарикъ и Палацкій меня посѣтили на дому, а надо знать, что это большая честь", ib. 324; вообще, Шафарикъ былъ близокъ къ новоявившемуся мощному и гордому критику и поэту, ib. 335; ср. упрекъ невѣсты, ib. 337). Ср. только-что вышедшіе мемуары Томка о поддержкѣ автора противъ юродствующей духовной цензуры, 217 (ср. ниже объ авторѣ). Лѣтомъ 1846 года Бодянскій проситъ Шафарика усмирить Гавличка, который и москвичей не щадилъ.

[3]) См. письмо къ Бодянскому въ 1854 году. Письма, изд. Лаврова, стр. 212.

[4]) Отъ 2-го мая 1847 года.

рику. Шафарикъ (раньше—только „кустосъ") сталъ библіотекаремъ пражскаго университета, ему увеличено содержаніе и дана казенная квартира. Пособія со стороны, въ поддержку его ученыхъ трудовъ и печатныхъ изданій, не были уже настоятельны, какъ это было недавно, раньше [1]). Шафарикъ выступилъ даже на политическое поприще, произнеся свою смѣлую рѣчь на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ. Но улыбка жизни была мимолетнымъ явленіемъ. Наступившая вслѣдъ за революціей реакція могла только заставить Шафарика сожалѣть объ откровенности въ произнесенной рѣчи, и, уже прежде замкнутый, сторонившійся отъ текущей жизни, теперь онъ сталъ еще болѣе душевно-одинокимъ. „Я,—признавался онъ Погодину,—стою одинокій и изолированный". Раньше, въ ноябрѣ 1850 г., онъ писалъ ему: „ученыя и литературныя работы должны спать и ожидать лучшихъ временъ" [2]).

Наконецъ, измѣнившіяся внѣшнія условія въ жизни Шафарика, подъ старость его лѣтъ, оказались, съ извѣстной стороны, совсѣмъ не въ пользу его. „Гнилой воздухъ университетскаго зданія и стараго города,—пишетъ онъ Погодину,—это—мой смертельный врагъ" (отъ 27-го февраля 1854 г.). Если еще въ началѣ 70-хъ годовъ нельзя было равнодушно проходить между Прикопами и Думскою площадью—зловоніе одуряло,—то за двадцать лѣтъ раньше условія были еще хуже. Университетское зданіе, съ

[1]) Припомнимъ любезное вниманіе нашей Академіи Наукъ. 17-го (29-го) сентября 1842 года она писала Шафарику: „Die Classe der K. Akademie der Wissenschaften für russische Sprache und Literatur hat mir auf Befehl S. Exc. des Herrn Ministers des off. Unterrichts 500 R. S. zugestellt, mit dem Auftrage diese Summe Ew. Hochwohlg. als Beitrag der Akademie *zur Herausgabe Ihrer Karte* der Verbreitnng der Slaven in Europe zu übersenden.—Indem ich mich dieses Auftrags durch Einschluss eines Wechsels von sieben hundert neun und zwanzig Gulden und sechs und zwanzig Kreuzer Conv. Mze aüf die Herren J. M. Müller et C. in Wien entledige, habe ich die Ehre... Fuss. № 1221. Иниціатива—Бодянскій—Погодина. Ср. Барсуковъ, Погодинъ, XII, 375.

[2]) Въ письмѣ къ Погодину, № 105. Для характеристики политическихъ воззрѣній Шафарика не лишены интереса слѣдующія воспоминанія сына Войтѣха въ бесѣдѣ однажды съ нами объ отцѣ: „Я,—говорилъ старикъ,—не сомнѣваюсь, что мы, чехи, еще долго и долго будемъ держаться противъ германизаціи; но весь вопросъ—каково намъ придется жить? Несчастіе наше, что Прага—между Берлиномъ и Вѣной. Современная жизнь чеховъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ трудная. Впрочемъ, болѣе ограниченные среди чеховъ находятъ утѣшеніе, что славяне выше другихъ, что они всегда „руководились болѣе чувствомъ и совѣстью, чѣмъ разсудкомъ и авторитетомъ", какъ выразился ихъ добродушный писатель, Мелихаръ, въ своей „Къ исторіи нашего пробужденія" (III, 128, Таборъ, 1889). Но проще: славяне—этнографическій матеріалъ.

лѣвой стороны, выходило въ темный, грязный проулокъ, а тутъ и была казенная квартира Шафарика. Самъ старикъ признается своимъ друзьямъ, что за работой онъ и не выходитъ на воздухъ. Къ довершенію испытаній, темная дыра, т.-е. казенная квартира Шафарика, сдѣлалась сейчасъ же предметомъ алчности профессоровъ. Скверна была она,—стѣны жилища темнаго духа, по его выраженію,—но все же освобождала отъ многихъ заботъ: „этотъ ударъ,—признается онъ Погодину,—былъ бы для меня жестокъ" (отъ 8-го сент. 1850 года, № 104).

IV.

Итакъ, и въ послѣднее десятилѣтіе жизни Шафарика, десятилѣтіе старости († 1861), мы видимъ ту же картину: неуютную душевную жизнь, тѣ же тревоги, волненія, какъ и раньше. Чувство одиночества, безспорно, тяготило его. Онъ готовъ былъ думать, что и старые друзья, т.-е. русскіе, забываютъ его. Иначе было съ Ганкою: онъ былъ засыпаемъ русскими письмами, но, обыкновенно, безъ содержанія. Дѣйствительно, отъ нѣкоторыхъ изъ друзей, напр. Кеппена, цѣлые годы ни звука. Зато, насколько почувствовалъ себя обрадованнымъ Шафарикъ, когда въ іюлѣ или августѣ 1852 года, т.-е. спустя пять лѣтъ послѣ послѣдняго письма, онъ получилъ отъ Кеппена новое письмо. Съ этимъ письмомъ ранній старикъ пережилъ цѣлый рой воспоминаній изъ старины, рядъ минутъ, которыя оживили его падающій духъ.

„Высокочтимый дорогой другъ,—писалъ Кеппенъ изъ Петербурга 4-го (16-го) мая 1852 года.—Послѣ многихъ лѣтъ я вынужденъ снова привести себя вамъ на память. Это обусловливается посылкой вамъ моей, теперь наконецъ оконченной, этнографической карты Европейской Россіи. Пусть она, время отъ времени, напоминаетъ вамъ о нашихъ многолѣтнихъ дружескихъ отношеніяхъ и говоритъ о томъ, что время и пространство не могли потрясти моего почитанія васъ (nicht rüttern durften)". Далѣе Кеппенъ сообщаетъ, что по совѣту врачей онъ оставляетъ Петербургъ, гдѣ жизнь его въ опасности, сдѣлаетъ экскурсію въ Подолію и Бессарабію, а на зиму—на свою дачу на южномъ берегу Крыма, Карабагъ. „Какъ радъ былъ бы я,—продолжаетъ Кеппенъ,—получить тамъ, по старому обычаю, обстоятельное письмо отъ васъ. Скажите мнѣ, гдѣ и какъ вы живете, какъ велика ваша семья и съ кѣмъ вы чаще и охотнѣе всего общае-

тесь. Я услышалъ бы также охотно что-либо о вашихъ нынѣшнихъ работахъ".

На конвертѣ петербургскаго письма Кеппена рукою Шафарика отмѣчено: „NB. Я писалъ 22-го августа 1852 г. Надо писать другой разъ и послать образцы азбукъ". Августовское письмо предъ нами на лицо; что же касается предполагавшагося второго письма, то, кажется, оно не вышло далѣе предположенія, такъ что то письмо—финальное въ перепискѣ двухъ друзей на пространствѣ почти трехъ десятилѣтій. Въ бумагахъ Шафарика сохранилось еще письмо Кеппена, изъ Петербурга, отъ 12-го (24-го) января 1858 года. Но Шафарикъ уже не отвѣчалъ. Что же касается упоминанія объ азбукахъ, то еще съ конца сороковыхъ годовъ, до революціи, Шафарикъ былъ занятъ изготовкой новаго, „изящнаго" церковно-славянскаго шрифта, какъ кирилловскаго, такъ и глагольскаго [1]).

„Многоуважаемый другъ,—отвѣчалъ Шафарикъ 22-го (10-го) августа,—ваше драгоцѣнное письмо отъ 4-го (14-го) мая текущаго года, вмѣстѣ со всѣми приложеніями, именно, большой этнографической картой и напечатанными объясненіями, я исправно получилъ, нѣсколько времени назадъ, обыкновеннымъ путемъ, чрезъ академическаго коммиссіонера въ Лейпцигѣ, Л. Фосса. Примите же мою искреннюю сердечную благодарность за все, но болѣе всего за ваше, для меня безконечно дорогое, письмо, исполненное неоцѣнимыхъ живыхъ дружескихъ чувствъ.

„Я не могу достаточно изобразить предъ вами тѣхъ грустно-дружескихъ чувствъ, которыя пробудило ваше письмо во мнѣ и пробуждаетъ каждый разъ, когда я взгляну на него и читаю. Я думаю тогда о тѣхъ немногихъ часахъ, въ которые мы свидѣлись и лично сблизились, о томъ громадномъ протяженіи времени, которое лежитъ между, о тѣхъ чудовищныхъ разстояніяхъ, которыя съ тѣхъ поръ насъ раздѣлили и раздѣляютъ. Да, все это способно настроить мой духъ идиллически". Трудъ Кеппена корреспондентъ ставитъ высоко. „Я,—продолжаетъ Шафарикъ,—поздравляю васъ съ окончаніемъ вашего громаднаго и нелегкаго труда—этнографической карты. Насколько я знаю,—а извѣстны мнѣ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія работы этого рода,—ни одна страна не можетъ похвалиться столь основательной работой, обязанной такимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ и изученіямъ. У васъ, при громадномъ протяженіи и при большомъ количествѣ народностей, трудности были несравненно большія, чѣмъ гдѣ-

[1]) Ср. письмо его къ Бодянскому отъ 27-го декабря 1847 года, Письма, № 64.

либо. Кто, тридцать или двадцать лѣтъ тому назадъ, могъ сколько-нибудь предчувствовать, что мы въ изобразительной этнографіи (in der darstellenden Ethnographie) пойдемъ такъ далеко!"

Переходя къ своей дѣйствительности, къ своему „нынѣшнему положенію и семьѣ", Шафарикъ указываетъ, что, „благодаря милости августѣйшаго монарха", онъ съ іюня 1848 года библіотекарь въ Клементинѣ, а въ непосредственной близости съ библіотекой пользуется „въ высшей степени удобной (!) казенной квартирой", при содержаніи, которое, „при столь ограниченныхъ потребностяхъ и желаніяхъ, какъ наши", было бы вполнѣ достаточно, еслибы не дороговизна [1]). Далѣе идетъ обстоятельный отчетъ о дѣтяхъ: „въ общемъ мы всѣ пользуемся лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ въ прежніе годы".

„Правда, я часто страдаю болѣзнями находящей старости, хронически-нервными болѣзнями, но тѣмъ не менѣе я продолжаю работать съ неослабною энергіей (mit ungeschwächter Rührigkeit). Многоразличныя причины виною того, что я, послѣ столькихъ приготовительныхъ работъ, послѣ такой борьбы и усилій, былъ и остался столь мало плодовитъ. Въ болѣе ранніе годы я долженъ былъ принять на себя работы, которыя похищали время, а мало вознаграждали [2]). 1848-й годъ принесъ мнѣ также новыя работы и споры. Я былъ много разъ членомъ и руководителемъ ученыхъ коммиссій въ Вѣнѣ и здѣсь въ Прагѣ. Въ 1849 году мы сочинили словарь юридическо-политической терминологіи для австрійскихъ славянъ. Въ 1851—52 годахъ работали мы надъ нѣмецко-чешской научной терминологіей для чешскихъ гимназій и высшихъ реальныхъ училищъ: въ рукописи она готова и выйдетъ въ концѣ этого года". Теперь авторъ переходитъ къ своимъ настоящимъ занятіямъ.

„Несмотря на ежедневное, по должности, пятичасовое сидѣніе въ библіотекѣ, я отнюдь не оставляю безъ вниманія моихъ излюбленныхъ и дорогихъ slavica (meine erkorenen und erkiesenen Slavica). Я приготовляю особенный трудъ, состоящій изъ введенія въ общеславянское изученіе языка (in das gesammtsslavische Sprachstudium)—нѣкоторый родъ теоріи этимологизированія—и сравнительнаго словаря по корнямъ (Stammwörterbuch). Между прочимъ, я, кромѣ статеекъ въ журналъ Музея, издалъ

---

[1]) Авторъ письма, очевидно, былъ увѣренъ, что оно пройдетъ чрезъ мѣстный черный кабинетъ, почему и употребляетъ извѣстныя выраженія и прямо скрываетъ истину, называя свою темную дыру въ смрадномъ проулкѣ „äusserst bequem".

[2]) Конечно, имѣются въ виду работы по цензурѣ, да и по редакціи „Журнала Чешскаго Музея", до половины 40-хъ годовъ.

въ 1851 г. пробный выпускъ въ 13 листовъ большого формата, но только 125 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: „Památky dřevního písemnictvé Jigoslovanův“... (слѣдуетъ перечень содержанія). Я могъ недавно послать въ Петербургъ пока два экземпляра; бо̀льшее же число держу въ готовности для будущаго. Сейчасъ я приготовляю къ печати глагольскую христоматію: новый шрифтъ уже готовъ, и печатаніе начнется около новаго 1853 года. Но объ этомъ и тому подобномъ послѣдуетъ въ ближайшемъ времени отдѣльное письмо, съ коротенькими образцами“.

Сообщивъ о смерти Юнгмана, Коллара и Челаковскаго, что для славянской науки особенно дѣятеленъ теперь Миклошичъ въ Вѣнѣ [1]), а Ганка прилежно печатаетъ дальше, теперь—Остромирово Евангеліе, Шафарикъ свое обстоятельное письмо заключаетъ грустнымъ аккордомъ—скромной укоризною по адресу своихъ русскихъ друзей, что изъ Россіи пишутъ ему рѣдко и мало, что и другія отношенія того же рода вялы, безжизненны: „редакція посылаетъ мнѣ „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, академія наукъ—свои „Bullet.“, равно какъ и „Извѣстія“ [2])—чрезъ г. Срезневскаго; но это и все“.

Дѣйствительно, русскія отношенія едва-едва уже теплились. Видимо, старикъ Шафарикъ приглашалъ своего корреспондента еще изъ Новаго Сада (Neusatz), отъ 1825 года, не забывать его, писать по-старому; старуха Шафарикова всегда, до послѣднихъ дней († въ 70-хъ годахъ), хорошо помнила Кеппена, называя его „настоящимъ русскимъ“, какъ бѣлокураго. Но Кеппенъ, полжизни проведшій въ почтовой телѣжкѣ, занимаясь то тѣмъ, то другимъ, менѣе всего могъ быть способнымъ выйти теперь навстрѣчу желанному оживленію русскихъ отношеній Шафарика: было отмѣчено, что послѣдующее, и послѣднее, письмо отъ Кеппена относится къ 1858 году, т.-е. имѣло мѣсто черезъ шесть лѣтъ.

Но у Кеппена былъ другъ и также академикъ, но съ интересами сосредоточенными, лично не знавшій пражскаго библіотекаря, но цѣнившій его давно, изрѣдка и письмами сносившійся съ нимъ. Этотъ другъ и рѣшился на попытку серьезно оживить русскія отношенія Шафарика, именно тогда, когда послѣдній такъ сѣтовалъ на свое забвеніе со стороны русскихъ. Но чтобы

---

[1]) О тепломъ, радушномъ отношеніи старѣющаго знаменитаго слависта къ подымающейся звѣздѣ славянской науки, Миклошичу въ Вѣнѣ, см. нашъ небольшой очеркъ въ юбилейномъ, 25-мъ, томѣ „Archiv für slavische Philologie“.

[2]) Т.-е. „Извѣстія 2-го Отдѣленія“, тогда, въ 1853 году, начавшія издаваться. Ср. ниже.

не дать повода къ недоразумѣнію, мы должны оговориться и объяснить, чего, какихъ русскихъ отношеній искалъ Шафарикъ?

Въ декабрѣ 1860 года Ганка, извѣщая Погодина о несчастной, въ минуту нервнаго разстройства, попыткѣ Шафарика на днѣ Волтавы (Молдавы) найти смерть, замѣчаетъ: „онъ—неслыханный трусъ; вы не повѣрите, какъ онъ *боялся* вашихъ писемъ" (№ 25). Изъ контекста письма Ганки можно, пожалуй, вывести заключеніе, что Погодинскія писанія и были поводомъ къ попыткѣ на самоубійство. Но они прекратились въ 1858 году. Клепалъ ли Ганка? Нѣтъ, но онъ не понималъ Шафарика, ибо не могъ.

Мы видѣли, крайняя осторожность всегда сопутствовала Шафарику; въ вопросахъ политики эта осторожность шла до того, что въ стилистизаціи писемъ въ Россію онъ позволялъ себѣ уклоняться въ сторону отъ истины, чтобы только не дать повода къ какимъ-либо запросамъ, при перлюстраціи. Какъ примѣръ этого, мы видѣли на письмѣ къ Кеппену [1]. Эпоха, о которой идетъ рѣчь,—разгаръ реакціи, или, говоря языкомъ кн. Одоевскаго, эпоха „свинцоваго десятилѣтія", когда люди изъ лагеря патріотовъ въ Чехіи гибли одинъ за другимъ. Вспомнимъ арестъ и ссылку въ Тироль великаго поэта-публициста Гавличка. Самъ могущественный Палацкій, недавно кандидатъ въ министры, имѣлъ крупныя непріятности по Чешскому музею съ полиціей. И вотъ, въ эту трудную эпоху, Шафарикъ получаетъ отъ Погодина письмо, гдѣ одна политика: Севастополь, надежды, получаетъ книги въ родѣ встрѣчи Кокоревымъ черноморцевъ въ Москвѣ (конечно, онѣ такъ и остались неразрѣзанными; мы ихъ перебрали въ музеѣ). Шафарикъ прямо заявлялъ въ своихъ письмахъ къ Погодину, что онъ не знаетъ политики; она—безъ пользы, а надо работать, заниматься наукой. Исключеніе—моментъ 1848 года, когда, въ пражскую революцію, онъ къ членамъ славянскаго съѣзда произносилъ съ энтузіазмомъ рѣчь. Ясно, что московскій ученый изъ своего Дѣвичьяго-Поля не различалъ Праги отъ Разгуляя, а потому, естественно, не одинъ разъ былъ виновникомъ непріятныхъ минутъ въ жизни Шафарика. Закаленный въ бояхъ Ганка съ своей точки зрѣнія былъ правъ, поклепа не дѣлалъ. Погодинъ не только Шафариковской, но вообще науки предложить Шафарику былъ не въ состояніи: онъ былъ начетчикъ въ

[1]) Еще въ 1831 году, на полѣ одной рукописи Шафарикъ замѣтилъ: „sed Шафарикъ cauponatur veritatem, nunc timens C. C. (!), mox timiturus H. П." (Николая Павловича?). См. бумаги въ Чешскомъ музеѣ, купленныя послѣ Шафарика отъ земства.

наукѣ и себѣ-на-умѣ. Другой москвичъ, нѣкогда ученикъ, былъ тяжелъ для Шафарика въ письмахъ своимъ семинарскимъ самомнѣніемъ, нѣкоторою отсталостью отъ движенія европейской науки, которою Шафарикъ всецѣло жилъ, наконецъ самымъ языкомъ своимъ [1]). Мы разумѣемъ Бодянскаго, въ другихъ отношеніяхъ заслуженнаго дѣятеля русскаго просвѣщенія.

Итакъ, Шафарикъ чувствовалъ и объявлялъ себя забытымъ потому, что не могъ получить того, за чѣмъ протягивалась его рука... Ему, вмѣсто науки, преподносилась политика. Зато, какъ искалъ онъ образованнаго В. И. Григоровича, даровитаго слависта изъ Казани; но тотъ былъ, благодаря своей изломанной натурѣ, неискрененъ, вѣчно на ходуляхъ, трудно уловимъ, слѣдовательно,—опять праздное исканіе. Что касается Срезневскаго, то онъ неуклонно держался Ганки, сначала какъ заискивающій ученикъ, позже—что-то вродѣ покровителя; Шафарика же не совсѣмъ долюбливалъ.

Издавъ, въ 1837 году, первый отдѣлъ своихъ классическихъ „Славянскихъ Древностей“ и, согласно обѣщанію предъ друзьями, на чешскомъ языкѣ, съ разрѣшеніемъ вопросовъ: кто и, отчасти, что мы, славяне, съ какого времени въ Европѣ, т.-е. внѣшнихъ вопросовъ изъ нашего давно-минувшаго,—авторъ тогда же напечаталъ и проспектъ второго отдѣла или тома—о внутренней или духовно-бытовой исторіи славянъ [2]). Но извѣстныя намъ тяжелыя условія пражской жизни (матеріальная необезпеченность, заваленность работой) вынуждали откладывать выполненіе обѣщаннаго, не говоря уже о томъ, что первый отдѣлъ (томъ) вышелъ изъ печати такъ быстро потому, что вчернѣ онъ былъ готовъ еще въ Новомъ-Садѣ, а для бытовой исторіи, напримѣръ для миѳологіи, юридическаго быта и пр., необходимо было и собирать, и провѣрять матеріалъ. Труды Гримма были на лицо. Они должны были быть масштабомъ.

Но, отстраняя, по неволѣ, себя отъ выполненія цѣликомъ обѣщаннаго труда, авторъ „Древностей“ не могъ обѣречь себя отъ запросовъ со стороны, отъ лицъ, неравнодушныхъ къ заявленному обѣщанію, и это было тѣмъ болѣе естественно, что Шафарикъ серіей разновременно появлявшихся въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ статей въ журналѣ Чешскаго Музея

[1]) Ср. письмо къ Погодину 2-го марта 1845 года, въ изв. изданіи.

[2]) Послѣ первой части Шафарикъ предполагалъ издать еще двѣ части: 1) бытъ и 2) языкъ и письмо. Для краткости обѣ неизданныя части мы обозначаемъ этимъ именемъ *второй* части.

и въ трудахъ Королевскаго Общества Наукъ, и прямо относящихся къ предположенному отдѣлу „Древностей“, поддерживалъ это общее приподнятое чувство. А главное, онъ—признанный авторитетъ науки въ предѣлахъ всего образованнаго міра.

Правда, другой библіотекарь, Ганка, не только былъ готовъ, но уже и выступалъ давно, исподоволь, чтобы раздѣлить съ собою имя Шафарика.

Еще 13-го февраля 1831 года Сперанскій, близко познакомившись съ Ганкой въ Прагѣ лѣтомъ 1830 года, писалъ ему изъ Петербурга: „Государь императоръ, принявъ съ благоволеніемъ поднесенную отъ вашего имени грамматику богемскаго языка и доставленные прежде отъ васъ списки древнихъ славянскихъ законовъ, кои могутъ служить матеріалами для составляемой здѣсь „Исторіи древняго россійскаго законодательства“, во изъявленіе высочайшаго его благоволенія къ *отличнымъ трудамъ вашимъ по части славянскихъ древностей* и письмянъ, всемилостивѣйше пожаловать васъ соизволилъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени“... Конечно, это признаніе было дѣломъ рукъ Сперанскаго [1]).

Подъ вліяніемъ того же чарующаго впечатлѣнія отъ Ганки, его „авторитета“ и „по части славянскихъ древностей“, и „древнихъ славянскихъ законовъ“, Сперанскій, отправляя обѣ экспедиціи семинаристовъ въ Берлинъ, въ 1831 и 1833 годахъ, „обучаться юриспруденціи“, препоручалъ ихъ вниманію Прагу, а въ Прагѣ—Ганку. Эпигоны Сперанскаго пошли еще дальше, какъ глашатаи его славы.

Племянникъ Сперанскаго, Алексѣй Андреевичъ Благовѣщенскій, благодаря Ганку, 6 іюля 1832 года, изъ пражской больницы, за его о немъ заботы, 6 сентября того же года пишетъ ему изъ Теплица: „Въ сообщеніи всего достопримѣчательнаго въ области чехской литературы или въ литературѣ другихъ славянскихъ поколѣній, я питаю сладкую надежду на васъ, какъ на такого мужа, который *обладаетъ всеобщимъ и непосредственнымъ познаніемъ всѣхъ явленій въ мірѣ славянскаго просвѣщенія;* прошу покорнѣйше токмо, при сообщеніи извѣстій мнѣ, обращать особенное вниманіе на *исторію, юриспруденцію*, богословію, философію, словесность—

[1]) Послѣ перваго знакомства съ Ганкой въ Прагѣ, лѣтомъ 1830 года, Сперанскій изъ Маріенбада, 17-го августа 1830 года, пишетъ ему: „...примите искреннюю мою благодарность за всѣ знаки доброй вашей пріязни, оказанной мнѣ въ бытность мою въ Прагѣ. *Никогда я ихъ не забуду*“. Это письмо сопровождалъ листикъ съ книжными desiderata Сперанскаго, для его кабинетныхъ работъ, главнымъ образомъ юридическаго содержанія: Ганка какъ бы знатокъ въ области законовъ.

поэзію и прозу—и на языкоученіе въ филологическомъ и историко-философскомъ отношеніи“. Онъ обѣщаетъ доставить Сперанскому книги отъ Ганки: первое изданіе этимологикона Добровскаго и „драгоцѣнное твореніе — „Исторія Чехіи“ — ничего не потерпитъ въ переплетѣ“ [1]).

Въ томъ же очарованномъ духѣ относился къ Ганкѣ и второй питомецъ Сперанскаго, Василій Знаменскій. Послѣ экскурсіи къ Ганкѣ, онъ пишетъ ему изъ Берлина, 25/13 августа 1832 года: „Мы ожидаемъ со дня на день прибытія сюда М. М. Сперанскаго, на пути его изъ Карсбада въ С.-Петербургъ... Если мы должны будемъ, по волѣ начальства, возвратиться въ С.-Петербургъ, въ такомъ случаѣ надѣюсь, что вы позволите мнѣ возобновить корреспонденцію съ вами, особенно по тому предмету, котораго вы касались при личномъ моемъ свиданіи съ вами, для меня незабвенномъ“—надо полагать—по древнимъ славянскимъ законамъ.

Извѣстный позже московскій романистъ, Н. И. Крыловъ, не отставалъ отъ товарищей. Въ письмѣ изъ Франценсбада (у автора уже „Францовы вари“, почти по-чешски) отъ 14 іюля 1834 года, Крыловъ извиняется въ молчаніи—болѣзнь: „Теперь я наслаждаюсь здоровьемъ; богемскія воды, какъ родныя, очищаютъ славянскую кровь, заросившуюся отъ сухого нѣмецкаго воздуха и гнилыхъ припасовъ,... могу начать съ вами письменную бесѣду“,— и открываетъ предлинную бесѣду, согласно обѣщанію, „съ любителемъ славянской литературы“ о состояніи ея въ Россіи. Но Крыловъ извиняется: „Три года уже прошло, какъ я не дышу отечественнымъ воздухомъ; окруженный нѣмцами, я и вижу, и слышу, и читаю, и мечтаю — все чужое, нѣмецкое. Посему я не могу вамъ дать вѣрнаго и полнаго отчета... Даже самый предметъ, которому я намѣренъ посвятить жизнь мою, препятствуетъ мнѣ свободно слѣдить за ходомъ развитія слова человѣческаго. Изрѣдка заноситъ петербургскій вѣтеръ кой-какія литературныя извѣстія въ Берлинъ“. Весь отчетъ въ приподнятомъ тонѣ, причемъ „писателей—бездна“, но на первомъ мѣстѣ Булгаринъ; Пушкинъ не различается отъ Сенковскаго и пр.

---

[1]) Письмо изъ Маріенбада, 7 августа 1832, къ Ганкѣ Сперанскій, при посылкѣ 60 талеровъ для Благовѣщенскаго, заключаетъ по-латыни: „Convenias, velim, Dm. Friccium et meo nomine agas illi gratias pro collatis in *patruelem meum* (т.-е. Благовѣщенскому) beneficiis; nullus dubito quin cura eius et arte restitutus, feliciter caeterum convalescat. Vale et me tui semper studiosissimum tene. Сперанскій“. Докторъ, извѣстный чешскій патріотъ, Фричъ, оперировалъ Благовѣщенскаго въ пражской больницѣ.

„Но и изъ сего обозрѣнія вы можете видѣть, что литература наша идетъ исполинскими шагами къ совершенству. За нею начинаютъ шевелиться и другія отрасли наукъ“. Въ конечной припискѣ Крыловъ увѣдомляетъ, что генеральша Адлербергъ уѣхала; что „о Михайлѣ Михайловичѣ (Сперанскомъ) не слышно, гдѣ онъ теперь находится; я читалъ марьенскій (маріенбадскій) каталогъ гостей и его имени не нашелъ“; что книгу для Балугьянскаго о „Чешскомъ горномъ правѣ“ Ганка можетъ прислать къ нему вмѣстѣ съ книгою Мацѣёвскаго, т.-е. съ свѣжею славянскою новинкою въ области *права* [1]).

V.

Но уже настоящимъ учителемъ, а не полуруководителемъ, сдѣлался Ганка, именно въ той же области права, правовыхъ древностей, когда въ 1837 году являлся въ Прагу одинъ изъ студентовъ Главнаго педагогическаго института, Иванишевъ. Пріемъ Сперанскаго—посылать на выучку семинаристовъ для русскихъ юридическихъ каѳедръ въ университетахъ—министръ просвѣщенія Уваровъ замѣнилъ своимъ—посылать изъ института (Иванишевъ, Лешковъ и др.). Срокъ первой отправки студентовъ кончался лѣтомъ 1838 года.

19/31 іюля 1838 года, Ганка пишетъ, не безъ нѣкоторой гордости, П. И. Кеппену въ Петербургъ: „При семъ рекомендую вамъ подателя сего письма, г. Иванишева, который подъ моимъ руководствомъ научился славянскимъ языкамъ и *изучилъ древніе памятники славянскихъ законодательствъ*. Я предполагаю вмѣстѣ съ нимъ издать сравнительный кодексъ древнихъ чеш-

[1]) Въ 1832—1835 г. извѣстный польскій романистъ и славянофилъ, Вацлавъ Мацѣёвскій, издалъ въ Варшавѣ: „Historya prawodawstw słowiańskich“, 4 тома. А. И. Куницынъ, Ѳедотовъ-Чеховичъ и Я. И. Баршевъ имѣли также отношенія къ Ганкѣ. Въ 1837 г. Крыловъ чрезъ отъѣзжавшаго въ Прагу Бодянскаго, перваго славянскаго магистра, пишетъ Ганкѣ: „Три года прошло, какъ я оставилъ славянскую землю, Прагу, со всѣмъ для меня милымъ, и вотъ уже два года, какъ я въ московскомъ университетѣ, представитель русскаго элемента. Я ни разу не писалъ къ вамъ; дѣлъ и хлопотъ по новому званію—бездна. Г. Бодянскій разскажетъ вамъ обо всемъ подробно и вѣрно. Съ нашей стороны есть до васъ просьба—ввести этого человѣка во всѣ славянскія тайны и доставить намъ классическаго профессора для чести всѣхъ славянъ и въ посрамленіе нѣмцевъ. Вы понимаете цѣну этой просьбѣ. Можетъ быть, черезъ годъ и я буду за границею; тогда не премину быть въ Прагѣ и у васъ... Прага и Вѣна для меня незабвенны; помню всѣхъ знакомыхъ... М. М. Сперанскій и М. А. Балугьянскій теперь вдалекѣ отъ меня, но полгода назадъ я ихъ видѣлъ“...

скихъ, моравскихъ и сербскихъ юридическихъ памятниковъ". Такимъ образомъ, ученикъ становился въ уровень съ учителемъ.

Въ видахъ предположеннаго сравнительнаго кодекса Ганка испросилъ у Уварова для Иванишева право остаться при немъ въ Прагѣ еще лишніе мѣсяцы. „Я,—писалъ Ганкѣ Уваровъ,—считаю долгомъ принести вамъ искреннюю мою благодарность за попеченіе ваше о дальнѣйшемъ образованіи находящагося въ Прагѣ студента Иванишева. Что-жъ касается до ходатайства вашего о дозволеніи ему участвовать въ изданіи памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ, то, принявъ съ удовольствіемъ таковое предложеніе ваше, я разрѣшилъ Иванишеву, чрезъ состоящаго при берлинской миссіи нашей ген.-адъют. Мансурова, остаться для сего еще на нѣсколько времени въ Прагѣ".

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла, задуманное Ганкою грандіозное изданіе памятниковъ внутренняго быта славянъ запада и юга не состоялось: и времени было мало, да и учитель едва ли годился. Иное дѣло—нашумѣть. Изъ всего сравнительнаго кодекса былъ готовъ переводъ чешскихъ (моравскихъ) законовъ—такъ называемая „Книга Товачовская" и др. Уже профессоръ въ университетѣ св. Владиміра, Иванишевъ 7-го марта 1840 года свидѣтельствуетъ о полномъ своемъ отказѣ. „Я,—пишетъ онъ Ганкѣ,—долженъ былъ совершенно прекратить свои занятія по части славянскихъ законодательствъ, и всѣ мои рукописи и *переводы богемскихъ законовъ* лежатъ запыленные неприкосновенно". Въ будущемъ, въ Россіи нѣтъ для задуманнаго дѣла никакихъ шансовъ: „Сколько я могу судить,—продолжаетъ Иванишевъ,—о нашей публикѣ, изданіе богемскихъ памятниковъ было бы совершенно неумѣстно и не нашло бы никакого участія"; и публика была бы права, такъ какъ только вчера услышала о появленіи какихъ-то своихъ законовъ: къ чему же ей еще заморскіе, да еще ветхозавѣтные. Иванишевъ оставилъ своего пражскаго „правовѣда" и благоразумно ограничился скромною домашнею задачею. „Я думаю прежде издать древности русскаго права, въ которыхъ можно ясно показать единство славянскихъ законодательствъ въ древнѣйшее время, ихъ внутреннюю связь и необходимость изучать всѣ, для объясненія одного изъ нихъ. Тогда можно бу-

[1]) Въ 1869 году мы встрѣтили старика Иванишева въ Прагѣ, именно въ Чешскомъ музеѣ, за чешскими юридическими рукописями. Мы же занимались тогда „Любушинымъ Судомъ", который вмѣстѣ съ „Всякъ отъ..." лежалъ во главѣ угла Ганковскихъ правовыхъ древностей, слѣдовательно и Иванишева. Старыя свои симпатіи Иванишевъ сохранилъ навсегда.

детъ приступить и къ изданію памятниковъ богемскихъ для русской публики".

Наука для Россіи была еще лишнею роскошью. Отношеніе „русской публики" къ наукѣ не могло не отражаться и на самихъ жрецахъ послѣдней. Въ противность увлекающемуся Н. Крылову, Иванишевъ, въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ изъ Кіева. признается, что „наука въ Россіи, особенно у насъ въ Кіевѣ, *ползетъ медленно*, несмотря на все усиліе правительства; большая часть профессоровъ работаетъ только для класса, не обнимая вполнѣ своей науки и не заботясь объ усовершенствованіи". Университеты 30-хъ годовъ вполнѣ подтверждаютъ грустное наблюденіе Иванишева [1]). Оно и естественно, если только выдающіеся умы держали тогда сторону науки, были въ тревожной заботѣ о лучшихъ условіяхъ для нея впереди.

Мы видѣли, какъ заботливо направлялъ Сперанскій своихъ семинаристовъ заграницу и, между прочимъ, въ Прагу, къ другу Ганкѣ. Грандіозная затѣя Ганки о сравнительномъ кодексѣ славянскаго права, объ изданіи его вмѣстѣ съ Иванишевымъ, нашла въ послѣднемъ редакторѣ университетскаго устава 1835 года сочувствіе, одобреніе. Лѣтомъ 1838 г., изъ Берлина, по пути въ Петербургъ на смотрины къ Уварову, Иванишевъ пишетъ своему ментору въ славянскомъ правѣ: „Письмо ваше, въ которомъ вы пишете о вниманіи Сперанскаго къ нашему труду, чрезвычайно меня обрадовало. Мои надежды встрепенулись и родили новыя намѣренія. На сихъ дняхъ я отправляюсь изъ Берлина въ Волфенбитель, гдѣ, говорятъ, есть много славянскихъ рукописей, оттуда поѣду въ область Познанскую, осмотрю тамошнія библіотеки". Но Иванишевъ былъ въ вѣдомствѣ лично Уварова. Разрѣшая остаться при Ганкѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, министръ поставилъ условіе: чтобы Иванишевъ непремѣнно возвратился въ Россію, вмѣстѣ съ прочими его товарищами, къ назначенному сроку, т.-е. къ осени 1838 года. Встрепенувшіяся-было надежды не пошли далѣе, а въ Кіевѣ наткнулись на затхлую дѣйствительность. Прося у Ганки новостей, которыя для него тоже, что лучъ солнца для заключеннаго въ темницу, говоря, что никакъ нельзя отыскать пути, при помощи котораго можно бы получить изъ Праги какую-нибудь газету,—Иванишевъ изъ Кіева заключаетъ свою грустную исповѣдь признаніемъ: „изъ

[1]) Ср. нашу книгу: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія", о московскомъ университетѣ, и статью „Гр. Сперанскій и унив. уставъ 1835 года" („Вѣстн. Европы", 1894, май).

заграничныхъ газетъ мы только и получаемъ прусскую на *весь университетъ*". Скудость умственнаго спроса безспорная.

Но тотъ человѣкъ, который, при уваженіи вообще къ чехамъ, такъ высоко поставилъ-было научный авторитетъ своего пражскаго друга въ области славянскихъ древностей, въ частности—права, онъ же его и развѣнчалъ, лишь только ближе познакомился съ научною стоимостью Шафарика. Къ сожалѣнію, это знакомство имѣло мѣсто уже незадолго до смерти знаменитаго государственнаго человѣка Россіи, почему скромнаго Шафарика едва коснулось. Но для насъ интересенъ самый фактъ отличія ученаго „съ божественной отмѣткой на челѣ", не со словъ другихъ, а послѣ самостоятельнаго знакомства съ его трудами [1]). Свидѣтельство того мы имѣемъ въ словахъ того же Иванишева, который, по возвращеніи въ Петербургъ, благодаря рекомендаціи Ганки (Иванишевъ привезъ для высокаго русскаго друга послѣднюю тетрадь извѣстнаго чешскаго Словаря старика Юнгмана), сталъ духовно-близкимъ человѣкомъ къ Сперанскому.

„Въ Петербургѣ,—пишетъ Иванишевъ Ганкѣ изъ Кіева, вспоминая свое послѣднее пребываніе тамъ,—я встрѣтилъ людей, которые весьма интересуются славянизмомъ и славянами. Покойный Сперанскій († февраль 1839) долго перебиралъ листки Юнгманова Словаря, котораго тетрадь, какъ вы помните, я передалъ ему отъ васъ. *Онъ очень интересовался Шафарикомъ* и весьма жалѣлъ, что переводъ его ученаго сочиненія [2]) такъ плохъ, что *отбиваетъ охоту читать*. „Какой-то московскій профессоръ,—говорилъ онъ,—не зная ни русскаго, ни чешскаго языка, вздумалъ переводить довольно тяжелое по языку сочиненіе Шафарика" [3]). Онъ даже хотѣлъ помочь Шафарику деньгами, „*под-*

[1]) Въ трудѣ бар. Корфа славянскія симпатіи Сперанскаго пройдены вскользь и съ крупными ошибками. Давно желательна новая біографія на мѣсто этого выхолощеннаго, чиновничьяго труда. Благодаря заботамъ И. А. Бычкова, кое-какія новыя страницы изъ труда Корфа появились въ свѣтъ.

[2]) Т.-е., первый томъ его „Славянскихъ Древностей". Переводъ, безобразный, Бодянскаго, и изданъ Погодинымъ на скверной бумагѣ. Оба Погодина, московскій и украинскій, сошлись во вкусахъ.

[3]) Сужденіе правильное: языкъ точный, безъ лишняго слова, но тяжелый. Погодинъ съ Бодянскимъ оказали медвѣжью услугу труду Шафарика. Извѣстно, какъ убѣждалъ авторъ не торопиться, какою ехидною замѣткой встрѣтилъ Сенковскій переводъ: повторилъ отзывъ Сперанскаго. Вѣроятно, Сперанскій зналъ чешскій языкъ. Вспомнимъ требованіе отъ Ганки, еще въ 1830 году, чешской библіи. Прибавимъ, что тогдашній нашъ посолъ въ Вѣнѣ, умный Татищевъ, устраняя обвиненіе Ганки въ сообщеніи яко бы ему неприличнаго мѣста изъ пражской официальной газеты Челаковскаго и рѣчи имп. Николая въ Варшавѣ, писалъ тому: „газету прагскую я получаю и *языкъ ческой разумѣю*".

писавшись на нѣсколько сотъ экземпляровъ его сочиненія". Конечно, эти сотни были излишни; но Сперанскій остановился на этомъ пріемѣ, какъ на приличномъ средствѣ матеріально помочь нуждавшемуся автору. Сперанскій пошелъ далѣе: „Онъ,—продолжаетъ Иванишевъ,—велѣлъ мнѣ сходить къ секретарю Россійской Академіи, Языкову, и предложить, чтобы Академія съ своей стороны присоединила что-нибудь; Языковъ сказалъ, что у нихъ отобрали сумму, но что онъ сдѣлаетъ предложеніе Академіи. Но изъ этого ничего не вышло. Сперанскій заболѣлъ, и я, сколько разъ ни ходилъ къ нему, не могъ его видѣть". Поддержка послѣдовала позже со стороны министра Уварова. Въ февралѣ того же 1839 года, Иванишевъ увѣдомлялъ Ганку, что, по увѣренію чиновниковъ министерства просвѣщенія, онъ и Шафарикъ получатъ денежное вознагражденіе „за усердіе къ русскимъ молодымъ ученымъ"; что онъ, по требованію Уварова, описалъ обстоятельства ихъ жизни. Замѣтимъ, что продажа „Славянскихъ Древностей" шла туго. А. Терещенко, „ученый" фланёръ на казенныя деньги, по возвращеніи изъ Галиціи въ Берлинъ, жалуется Ганкѣ, что глубоко сожалѣетъ,—онъ не имѣетъ „Славянскихъ Древностей" Шафарика: „здѣсь (т.-е. въ Берлинѣ) негдѣ купить" (октябрь 1838 г.). Конечно, знаменитая книга была малодоступна по языку. Кое-кто изъ современныхъ польскихъ писателей предпочелъ бы видѣть ее изданной на родномъ языкѣ автора, т.-е. по-словацки, такъ какъ языкъ венгерскихъ словаковъ много ближе къ польскому языку, чѣмъ къ чешскому [1]).

VI.

Дѣло съ славянскимъ правомъ у Ганки не выгорѣло. Новыя ученыя его предпріятія въ области литературной старины, какъ изданія только-что открытаго Реймскаго Евангелія и Славянская Грамматика („Начала св. языка"), по меньшей мѣрѣ, не прибавили къ его ученому имени ничего. Молодой тогда акад. Куникъ встрѣтилъ новое Ганкинское изданіе „невѣжливой статьей" въ „С.-Петербургскихъ нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ", и Ганка счелъ

[1]) Напр., усердный корреспондентъ Ганки, Росцишевскій во Львовѣ, въ письмѣ отъ 18-го іюня 1836 года, при подпискѣ на книгу Шафарика, говоритъ: „Сочиненіе Шафарика о славянствѣ будетъ, конечно, какъ все, что только выходитъ изъ-подъ его пера, совершеннымъ, и мы завидуемъ вамъ..." Ѳ. Булгаринъ рекомендуетъ Терещенку Стороженкѣ въ Варшавѣ: „онъ ѣдетъ собирать по Европѣ матеріалы для исторіи нашей святой Руси". („Кіевская Старина", 1886, окт., 316).

нужнымъ жаловаться министру Уварову: „Куникъ—грубый нѣмецъ, и Богъ съ нимъ! — какъ говорятъ русскіе въ подобныхъ случаяхъ; въ другихъ отношеніяхъ онъ, можетъ быть, лучшій человѣкъ, но я его знаю только по этой статьѣ". Вина же этого „грубаго нѣмца" заключалась въ томъ, что онъ указалъ негодность историческихъ комбинацій Ганки, да и послѣдній самъ признается въ жалобѣ своей Уварову, что онъ никого не принуждаетъ вѣрить тому, что въ книгѣ его стоитъ: „мнѣ не посчастливилось найти указанія въ лѣтописяхъ, а впрочемъ скажу свое мнѣніе; я это сказалъ *простосердечно*..."

Но въ наивной борьбѣ съ Куникомъ Ганка находилъ одно утѣшеніе—въ сознаніи, что якобы русскіе приняли и принимаютъ его книгу совсѣмъ иначе, чѣмъ „невѣжливый" Куникъ, и „вопреки неучтиваго тщанія г. Куника".

Дѣйствительно, неудачливый авторъ имѣлъ право заблуждаться на свой счетъ и пренебрегать Куникомъ [1]). Прежде всего его искушалъ и соблазнялъ другъ-ученикъ Срезневскій. „Какъ бы хорошо было, — пишетъ онъ ему въ началѣ 1842 года по поводу новыхъ отрывковъ Реймскаго Евангелія,—еслибы Остромиръ печатался у васъ",—другими словами, еслибы старикъ Востоковъ, эта гордость русской науки, тогда именно приготовлявшій свое классическое изданіе знаменитаго новгородскаго кодекса XI вѣка, былъ замѣненъ Ганкою. Срезневскій торопитъ друга: „Реймскіе отрывки не медлите печатать; ваше новое открытіе чрезвычайно важно; и какъ бы сдѣлать, чтобы эта ваша книга могла быть подана Академіи для Демидовской преміи—не напишете ли вы объ этомъ Кеппену?" Засимъ, утѣшителемъ Ганки явился нѣкто А. Яновскій.

Сообщая о критикѣ не въ его пользу въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.", октябрь, 1846, онъ указываетъ, что критики пишутъ часто для того только, что и они-молъ кое-что смыслятъ, а о справедливости не заботятся. Правда, тотъ же корреспондентъ передаетъ печальную новость, что въ виду того, что адъюнктъ Куникъ „раскритиковалъ" изданіе Ганки, министерство болѣе 60 экземпляровъ взять не можетъ, несмотря на все настояніе акад. Устрялова; но иное заботливый издатель о своемъ праж-

---

[1]) Впрочемъ, 22-го ноября 1847 года, извѣстный казанскій славистъ, В. И. Григоровичъ, благодаря Ганку за его „милостивое письмо" и сообщая о мнѣніи Востокова, что Реймское Евангеліе можетъ быть древнѣйшимъ памятникомъ кирилловскаго письма, писалъ ему: „признаюсь, я несогласенъ теперь съ этимъ мнѣніемъ; но все-таки удивляюсь, что г. К. (т.-е. Куникъ) послѣ сего мнѣнія выразился, какъ извѣстно", т.-е. рѣзко.

скомъ дѣтищѣ могъ слышать изъ русской провинціи: и деньги будутъ, нечего горюниться!

Извѣстный впослѣдствіи своимъ краснорѣчивымъ пусторѣчіемъ профессоръ университета св. Владиміра, А. И. Селинъ, начало 1845 года проведшій въ Прагѣ надъ чешскимъ языкомъ [1]), въ ноябрѣ 1846 года, уже изъ Кіева, благодаритъ Ганку за присланныя „Начала священнаго языка". Профессоръ въ нѣкоторомъ восторгѣ отъ новаго труда Ганки: „заглавіе весьма умѣстно и значительно, особенно у насъ, въ дому св. Владиміра, гдѣ долго существовало невѣжественное равнодушіе къ святому языку; я роздалъ ихъ и русскимъ, и полякамъ; буду имѣть удовольствіе написать вамъ объ этомъ подробнѣе, ибо намѣренъ скоро склонить студентовъ къ тому, чтобы они купили эту прекрасную книжечку". Но, кромѣ „дома св. Владиміра", была еще оброчная статья; это — среднія учебныя заведенія, и на нихъ было обращено вниманіе Селина. „Я,—продолжалъ Селинъ,—говорилъ съ Иванишевымъ, который прежде соглашался просить попечителя разослать эти „Начала" по гимназіямъ цѣлаго округа и ввести въ руководство при изученіи священнаго языка; но онъ на первый случай былъ остановленъ примѣрами изъ Остромирова Евангелія и сказалъ, что это не тотъ языкъ, слишкомъ древній, а ученикамъ нуженъ языкъ новѣйшаго евангелія". Но профессоръ обѣщалъ лично говорить съ попечителемъ, а экземпляры Реймскаго Евангелія раздать сейчасъ же,—какъ раздаютъ въ Кіевѣ иконки отъ св. Варвары, пока же указалъ поправки для второго изданія: „я примусь и за Реймское Евангеліе, и за „Начала"; Богъ дастъ, васъ отъ души будутъ благодарить русскіе славяне, когда въ ихъ рукахъ будетъ приличное количество экземпляровъ".

Еще ранѣе Селина, тотъ же ободряющій тонъ пронесся изъ Харькова. „Я,—пишетъ Срезневскій,—получилъ ваше Реймское Евангеліе и грамматику. Хотѣлъ было предложить университету и округу; но, къ сожалѣнію, министръ уже предупредилъ меня; остается предлагать знакомымъ и студентамъ. Я возьму ихъ въ

---

[1]) Буслаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, припоминаетъ, что Селину была отъ природы дана способность оригинальничать, вѣчно играть роль, всегда позировать, съ голосомъ замогильнымъ („Вѣстн. Европы", 1890, октябрь). Но къ чести Селина надо замѣтить, что онъ съ любовью учился чешскому языку, такъ что въ Прагу Ганкѣ, Франтѣ Шумавскому писалъ длинныя письма по-чешски. Правда, этотъ чешскій языкъ правописанія былъ ужаснаго; но все же понимать можно. Иначе давался чешскій языкъ сослуживцу Селина, кіевскому оффиціальному слависту, Яроцкому: въ Прагѣ еще помнятъ, какъ онъ зубрилъ грамматику.

слѣдующемъ академическомъ году въ руководство для себя и, разумѣется, нѣсколько экземпляровъ сбуду, но навѣрно не всѣ. Покамѣстъ продалъ только одинъ".

Но изданіе Реймскаго Евангелія Ганки стало сейчасъ же и излишнимъ: почти одновременно кодексъ выходилъ въ Парижѣ, въ роскошномъ литографированномъ видѣ, подъ наблюденіемъ Сильвестра; 300 экземпляровъ его было предоставлено министерству народнаго просвѣщенія, для учебныхъ заведеній. Благодаря Ганку за экземпляръ „Царедворской рукописи", Уваровъ, въ маѣ 1843 года, извѣщалъ его, что къ концу настоящаго года, при пособіи, дарованномъ государемъ императоромъ, должно быть приготовлено въ Парижѣ самимъ Сильвестромъ палеографическое изданіе этого церковно-славянскаго памятника. Дѣйствительно, уже въ іюнѣ 1844 года Уваровъ послалъ по экземпляру парижскаго изданія Ганкѣ и Шафарику, а въ библіотеку музея въ Прагѣ черезъ австрійскаго посла, Коллоредо - Валдзее. Впрочемъ, позже гр. Уваровъ, вѣроятно подъ вліяніемъ настойчивыхъ ходатайствъ акад. Устрялова, заступника Ганки въ Петербургѣ, смилостивился и надъ изданіями Ганки, и въ мартѣ 1846 года извѣщалъ его, что онъ далъ циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ пріобрѣсть для своихъ учебныхъ заведеній и Реймское Евангеліе, и „Начала священнаго языка славянъ", перваго—92 экземпляра, второго—150, по курсу за 180 р. 64 коп.

VII.

Если къ половинѣ сороковыхъ годовъ замыкалась для Ганки дѣятельность издательская, т.-е. лично для него болѣе или менѣе механическая, то дѣятельность строго научная была для него уже давно закрытой: его „Начала" наложили послѣднюю печать на нее. Но естественный недочетъ въ одной области обильно возмѣщался въ другой. Мы имѣемъ въ виду обширное поле общественно-политическихъ отношеній и всегда въ одномъ направленіи — съ широкими всегда симпатіями къ Россіи. Мы слышали сочувственное припоминаніе стараго Стасюлевича. Припомнимъ признаніе юнаго племянника Хомякова, извѣстнаго, рано умершаго, Д. Валуева. „Вы,—пишетъ онъ *нашему* Ганкѣ въ февралѣ 1844 года,—неизгладимо врѣзаны въ мое воспоминаніе и сердце". Панъ Вацлавъ, по Востокову, „почтеннѣйшій Іацисла въ Іацислафовичь",— такъ протитуловалъ его нѣкто гр. Сергій Сумароковъ (письмо 6 августа 1860 года), — Ганка былъ каждую

минуту къ услугамъ русскихъ,—почему онъ среди русскихъ друзей упоминался съ почетной прибавкой: „нашъ“,—шло ли дѣло о покупкѣ элегантныхъ перчатокъ на фешенебельной улицѣ Праги (Прикопы) для русской дамы, или о поставкѣ изъ чеховъ недостающаго профессора для все вдовствующей славянской каѳедры въ кіевскомъ университетѣ, по настоятельной просьбѣ русскаго министра просвѣщенія, который лѣтомъ 1844 года благодаритъ Ганку за готовность, съ которою онъ взялъ на себя трудъ—пріискать изъ числа своихъ соотечественниковъ ученаго слависта для Кіева [1]). Съ полною готовностью Ганка шелъ на встрѣчу сокровеннымъ просьбамъ наивныхъ славянофиловъ изъ Москвы по политической пропагандѣ — по раздачѣ московскихъ изданій „по библіотекамъ въ Венгріи“, по возможно большему распространенію тамъ же стиховъ Хомякова, съ прибавкой и Черногоріи (почему?), и — „славянскихъ облатокъ“, которыхъ, какъ удостовѣрялъ въ довольно наивномъ письмѣ извѣстный намъ Д. Валуевъ, отъ 23 іюля 1844 года, „за разъ было заказано въ Москвѣ на 500 рублей“. Надо полагать, заказчики разсчитывали, что эти дѣтскія облатки въ Австріи сыграютъ роль іерихонской трубы. Конечно, юный Валуевъ не былъ герольдомъ исканій своего дяди Хомякова, а дѣятелемъ самостоятельнымъ, такъ какъ наиболѣе яркія проявленія политической, въ панславянскомъ духѣ, музы Хомякова имѣли мѣсто уже послѣ смерти племянника († въ ноябрѣ 1845 года) [2]).

[1]) Изъ русскихъ дамъ писала къ Ганкѣ Лидія Шевичъ, рожден. граф. Блудова. Ср. о ней „Дневники Жуковскаго“, изд. Бычкова, 509.—Для славянской каѳедры въ Кіевѣ Ганкою былъ предложенъ докторъ медицины Подлипный, близкій знакомый посольскаго протоіерея Раевскаго въ Вѣнѣ. Подлипный тогда собирался поступить домашнимъ врачомъ къ Галагану въ кіевской губерніи. „Что касается моего кандидата въ Кіевъ, доктора Подлипнаго,—писалъ Уварову Ганка въ ноябрѣ 1844 года,—который, оставивъ медицину, теперь уже почти полъ-года занимается усовершенствованіемъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, я бы покорнѣйше просилъ милостиво рѣшить это дѣло“. Въ петербургскомъ университетѣ славянскимъ профессоромъ былъ высокодаровитый Прейсъ, московскомъ — Бодянскій, харьковскомъ — Срезневскій, казанскомъ—Григоровичъ. Дѣло о Подлипномъ не пошло: ужъ очень смѣшно было. Въ 1847 г. былъ предназначенъ для славянской каѳедры, Кіева или Харькова, П. А. Кулѣшъ, который еще въ 1846 году писалъ Ганкѣ: „чуючи про васъ, чехôвъ, якъ вы щиро працюете, радуемось мы серцемъ; разложили вы середъ Славянщины таке огнище, що за вами да й насъ стало трохи виднѣйше“.

[2]) Имѣемъ въ виду пьесы: „Не гордись“ и „Беззвѣздная“. Обѣ написаны одновременно, въ 1847 году, въ сѣверной Чехіи, въ чешскомъ мѣстечкѣ Обржиствѣ, около города Мельника, какъ ясно изъ берлинскаго письма Хомякова къ Ганкѣ отъ 7 сентября 1847 г. Издатель Полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, томъ VIII, М. 1900, стр. 465, указанное *чешское* мѣстечко находитъ въ Познани, въ Пруссіи—Obrzysko. Вообще, изданіе съ ошибками. На стр. 322 того же VIII-го тома ини-

Итакъ, широкая столбовая дорога общественной дѣятельности, особенно въ области практическихъ русско-чешскихъ отношеній, всегда заботливо, какъ было замѣчено уже раньше, прокладывалась и поддерживалась Ганкой. Эта задача вполнѣ соотвѣтствовала живому характеру юркаго и себѣ на умѣ Ганки. Практическая общественная дѣятельность требовала, въ порядкѣ вещей, для себя массу времени отъ ея представителя. Уже въ виду этого неумолимаго условія вполнѣ понятно, что сфера научныхъ интересовъ должна значительно отодвигаться въ сторону, а если она еще проявляла себя, то ея выходы, естественно, должны были сопровождаться ошибками, быть отмѣчены малою стоимостью. Но Ганка не понималъ своего положенія, не признавалъ своего мѣста въ текущей жизни и шелъ въ соперничество съ Шафарикомъ, который былъ однимъ воплощеніемъ науки, науки строгой и застѣнчивой. Шафарикъ, именно, былъ неспособенъ къ тому, на что былъ такъ тароватъ Ганка — къ практической жизни. Мы видѣли, Ганка выступилъ не въ свойственной ему роли научнаго дѣятеля въ области славянскихъ древностей, въ области права, при занятіяхъ съ Иванишевымъ; но изъ всего, кромѣ праздныхъ словъ, не вышло ничего. Не та подготовка, да и не та голова, помимо всего другого, нужна была для выполненія очередной научной задачи.

VIII.

Явившіяся въ 1837 году „Славянскія Древности“, въ границахъ начальной внѣшней исторіи славянскихъ народовъ, усвоили за авторомъ ихъ непререкаемое право на имя — авторитетное. Мы слышали Сперанскаго; видѣли, какъ, послѣ знакомства съ новымъ историческимъ трудомъ въ славянской западной литературѣ, знаменитый старикъ своими симпатіями обратился къ незнакомому до того Шафарику; какъ больно было ему видѣть дурной русскій переводъ. Чувства Сперанскаго къ скромному ученому въ Прагѣ немного позже вполнѣ раздѣлялъ Уваровъ, но уже не безъ участія тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесли посланные имъ профессорскіе кандидаты на славянскую, утвержденную Сперанскимъ, каѳедру, съ неудачнымъ переводчикомъ „Древностей“ во главѣ, т.-е. Бодянскимъ [1]).

ціалы „Пр. и Ав.“, т.-е. Пруссіи и Австріи, прочтены такъ: „*Православіи* и Австріи“!!!

[1]) Если довѣрять Сербиновичу, редактору „Журн. Министер. Народн. Просв.“, въ письмѣ его къ Шафарику отъ 15 ноября 1839 года, то будущій петербургскій сла-

Съ особенною рельефностью это чувство высокаго уваженія къ авторитету Шафарика со стороны русскихъ людей высказалъ тотъ же Д. Валуевъ въ одномъ изъ своихъ откровенныхъ писемъ къ Ганкѣ. 17 февраля 1847 г. онъ писалъ ему изъ Москвы: „мой низкій поклонъ и почтеніе г. Шафарику и Палацкому и всему вашему блестящему созвѣздію, *освѣщающему путь намъ, еще темнымъ странникамъ на землѣ*". Этимъ словамъ нельзя отказать въ глубинѣ мысли, въ правильности пониманія дѣла. Чѣмъ была наша наука по древностямъ до Шафарика? Мечтаніями, наукой безъ научной подкладки. Вспомнимъ хоть Погодина, чтобы не ходить далеко [1]). Отъ человѣка, который въ современномъ движеніи исторической науки занялъ вполнѣ опредѣленное мѣсто учителя науки [2]), общество, неравнодушное къ начальному тому „Славянскихъ Древностей", неравнодушно ожидало выхода въ свѣтъ изъ-подъ пера того же авторитетнаго историка и послѣдующаго или послѣдующихъ томовъ. Извѣстенъ, какъ нами указано, былъ и планъ. Но прошелъ годъ-другой, а продолженія не было. Слышались просьбы; но прямого отвѣта не было.

Извѣстный кіевскій Максимовичъ, по выпускѣ первой книги своего „Кіевлянина", проситъ о помощи. „Не знаю,—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1840 года изъ Кіева, — дошла ли посланная мною вамъ и г. Ганкѣ 1-я часть моей „Исторіи Русской Словесности", въ которой многимъ я воспользовался изъ вашихъ древностей, сколько я моими слабыми глазами и недостаточнымъ знаніемъ чешскаго языка могъ прочесть ихъ... Кое-какъ напечаталъ первую книгу „Кіевлянина". Понемногу приготовляю и вторую. Каково ваше здоровье теперь и скоро ли мы увидимъ вторую часть вашего труда, который, по истинѣ, всѣ славяне мо-

---

вистъ, Прейсъ, до отъѣзда своего въ славянскія земли, приготовлялся было къ новому переводу „Славянскихъ Древностей". Можно только сожалѣть, что дѣло не пошло.

[1]) Имѣемъ въ виду его вступительную лекцію въ 1832 г. Если въ послѣднее время харьковскій славистъ Безсоновъ и генералъ Риттихъ оставили пріемы Шафарика, въ своихъ историческихъ домыслахъ доходили до крайнихъ предѣловъ, то на это можно только замѣтить, что пути фантазіи неизслѣдимы. О г. Риттихѣ см. „Труды рязанской ученой архивной коммиссіи", 1894 г., стр. XXXVIII.

[2]) Въ 1840 году умирающая Россійская Академія съ умирающимъ своимъ президентомъ Шишковымъ почтила Шафарика избраніемъ въ свои члены. По поводу этого почета знаменитый чешскій лексикографъ, старикъ Юнгманъ, писалъ (мартъ 1840 г.) другу Марку (оба—друзья Россіи): „это ему такъ же мало поможетъ, какъ мнѣ крестишка; подобныя вещи относятся къ пустячкамъ нашего столѣтія..." („Журналъ Чешскаго Музея", за 1886 г., 435). Мы видѣли, иначе желалъ было организовать вниманіе къ творцу „Славянскихъ Древностей" Сперанскій, помочь ему матеріально; онъ ткнулся было и въ академію Шишкова; но отвѣтъ былъ: „денегъ нѣтъ". Всегда сытый голоднаго не понимаетъ.

гутъ назвать своею *сокровищницею*? Въ ожиданіи его я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбою. Наша русско-славянская миѳологія такъ мало воздѣлана, что мы не имѣемъ еще яснаго понятія даже о семи богахъ кіевскихъ. О первыхъ четырехъ кое-что еще извѣстно; но о Хорсѣ, Мокошѣ, Симарглѣ вовсе неизвѣстно,—*и только вы можете дать свѣтъ намъ объ этомъ предметѣ*. Изъясненіе семи боговъ, коимъ поставлены были шесть кумировъ Владиміромъ Великимъ на храмѣ Перуновомъ, прямо относится къ кіевской древности; поэтому мнѣ пришла мысль просить васъ покорнѣйше удѣлить нѣсколько часовъ вашихъ собственно для насъ и сообщить нашей публикѣ, посредствомъ моего изданія, результаты вашихъ изысканій надъ славянской миѳологіей относительно семи боговъ кіевскихъ, хотя въ краткой статьѣ. Симъ весьма обязали бы вы насъ всѣхъ" [1]). Но что было отвѣчать автору „Славянскихъ Древностей" на это милое, но нѣсколько наивное приглашеніе редактора русскихъ „Древностей"? Вѣдь въ томъ же своемъ письмѣ Максимовичъ извиняется предъ Шафарикомъ, что онъ не могъ выслать ему, необходимыхъ для „изысканій", такихъ русскихъ книгъ, какъ Сахарова и Снегирева („Русскіе въ своихъ пословицахъ"), вышедшихъ недавно, такъ какъ ссудилъ ихъ, во Львовъ, Вагилевичу, но заказалъ ихъ въ Москвѣ. Ясно, что Шафарику предлежала одна непосредственная задача—пополнять и пополнять матеріалы для предстоящаго воскрешенія былой духовной и матеріальной жизни славянъ, прежде чѣмъ дать имъ литературную форму; но за простой русской книжкой проходили годы, раньше чѣмъ онъ могъ получить ее [2]). Въ иномъ положеніи былъ онъ при работѣ

---

[1]) Въ 1840 г. вышло „Начертаніе славянской миѳологіи" Касторскаго. Книга не глубокая, но судъ о ней Гоголя (V, 370), въ письмѣ къ Погодину, рѣзокъ и поверхностный. Серьезный опытъ Костомарова и обстоятельный трактатъ Срезневскаго о святилищахъ, въ предѣлахъ внѣшняго богопочитанія, относится къ половинѣ 40-хъ годовъ.

[2]) Изъ бумагъ Шафарика мы видимъ, что онъ пользовался, за неимѣніемъ русскихъ книгъ, посѣщеніемъ Праги со стороны того или другого изъ русскихъ путешественниковъ, чтобы выудить у нихъ кое-что для себя. Такъ, въ 1835 году, на основаніи словъ Погодина онъ составилъ для себя списокъ современныхъ русскихъ писателей и ученыхъ, съ біографическими данными и указателемъ трудовъ, расположивъ ихъ по городамъ. Характерное явленіе; такъ примитивны были средства „для умственнаго между нами и Шафарикомъ употребленія", говоря языкомъ Валуева въ письмѣ къ Ганкѣ. Въ 1839 г., въ началѣ, былъ въ Прагѣ изъ Полтавы извѣстный фантастъ П. Лукашевичъ, но хорошій этнографъ. Онъ для Шафарика составилъ статью о „баснословныхъ преданіяхъ малороссіянъ" и „систему рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ въ странѣ кривичей". Обѣ въ особой тетради. Въ концѣ этой тетради уже рукою Шафарика написанъ „указатель именъ, извлеченныхъ изъ Подробной карты".

надъ внѣшнею начальной исторіей славянъ или первою частью „Славянскихъ Древностей“: западная ученая литература была вся подъ рукой. Одновременно, нѣсколько аналогичная просьба поступила изъ Одессы: „нѣтъ ли, — пишетъ пр. Мурзакевичъ Шафарику, — какихъ сочиненій касательно славянской миѳологіи и нумисматики; свѣдѣніе о нихъ очень хочется имѣть“. Мѣсто очеркнуто краснымъ карандашомъ.

Мы видѣли, Ганка пытался-было проконкуррировать съ Шафарикомъ въ разработкѣ права у славянъ, при занятіяхъ съ Иванишевымъ. Но, строго говоря, и въ этомъ эпизодѣ изъ начальной дѣятельности будущаго кіевскаго юриста, виновникомъ занятій, опытнымъ руководителемъ былъ собственно Шафарикъ: онъ далъ матеріалъ, надъ которымъ самъ работалъ, готовилъ для будущаго. Объ этомъ мы имѣемъ интересное письмо Шафарика къ Ганкѣ (переписка между ними была рѣдка), отъ 22-го марта 1838 года. Шафарикъ разрѣшаетъ Иванишеву, для будущаго, затѣяннаго Кодекса, дѣлать выписки изъ рукописей извѣстнаго Законника сербскаго царя Душана, половины XIV в., вывезенныхъ еще изъ Новаго Сада, и употреблять для своихъ работъ; „но, — пишетъ радушный владѣтель, — мнѣ было бы непріятно, если бы Иванишевъ сдѣлалъ копіи съ тѣхъ рукописей и напечаталъ ихъ въ Россіи“. Почему? „Навѣрное, я самъ, еще въ этомъ году, на счетъ новаго сербскаго митрополита [1]) эти сербскіе законы съ переводомъ и комментаріемъ дамъ напечатать. Поэтому я усердно прошу васъ — эти рукописи благоволите прочесть возможно скорѣе съ г. Иванишевымъ и мнѣ возвратить. Вполнѣ довѣряю и полагаюсь на васъ, что вы не откажете удовлетворить мою просьбу. Если же г-ну Иванишеву окажется необходимымъ объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ, я охотно къ его услугамъ — пусть обратится ко мнѣ. Помимо этихъ законовъ среди всего сербскаго народа, нѣтъ болѣе ничего для права. Тутъ альфа и омега“.

Выясненіе темныхъ мѣстъ стоило немало труда. Онъ ищетъ ключа и кое-что находитъ въ Черногоріи. Русскій консулъ въ Дубровникѣ (Ragusa), сербъ Ер. Гагичъ, еще въ 1832 году, на запросъ Шафарика о словѣ „меропхъ“ указываетъ въ одномъ старомъ петербургскомъ словарѣ (1794) на слово „меропшена“, слобода, хуторъ. Другой разъ, тотъ же корреспондентъ объясняетъ, что слова: старъ, глотина и ступъ, до сихъ поръ употребляются въ Черногоріи, какъ мѣра для зерна, ячмень съ овсомъ и очи-

[1]) Вѣроятно, Бѣлградскаго.

щенный отъ камня кусокъ земли. О словѣ же „сокя“ Гагичъ говоритъ, что теперь его никто не знаетъ, но архимандритъ черногорскій, Петръ Петровичъ, будущій митрополитъ-государь, полагаетъ, что оно значитъ сочиво, чечевица.

Ясно, что вездѣ мы видимъ заботливую заготовку матеріала для будущей части „Древностей“, предположенной въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не исключая и языка, характера жизни, въ названіяхъ. Но особенно затруднительна была заготовка матеріала относительно Россіи.

Правда, сношенія Шафарика къ сороковымъ годамъ сдѣлались живѣе; его имя пріобрѣтало извѣстность и далѣе кабинета Сперанскаго. Особенно ревностнымъ глашатаемъ его имени былъ въ Петербургѣ профессоръ М. М. Касторскій. Еще въ началѣ 1839 года онъ хвалится предъ Ганкой о своихъ славянскихъ успѣхахъ среди студентовъ въ университетѣ, благодаря Шафарику. По его увѣренію, симпатіи къ славянству растутъ видимо; онъ для перваго опыта, подлѣ исторической каѳедры, занимаетъ еще каѳедру славянскихъ древностей и литературы, въ количествѣ одной лекціи въ недѣлю: „ее я всегда умѣю сдѣлать интересною, благодаря книгѣ Шафарика, *котораго я благословляю* ежечасно; все шевелится; студенты со мною спорятъ, шумятъ и все-таки ходятъ въ большомъ количествѣ на лекціи, несмотря на то, что оффиціальныхъ слушателей по бѣдности отдѣленія только семь человѣкъ“. Для указанія роста этихъ симпатій Касторскій ссылается на двухъ „записныхъ любителей славянщины“, какъ онъ выражается—на министра Уварова и попечителя кн. Дондукова-Корсакова.

Черезъ Касторскаго Шафарикъ сталъ близокъ „Журналу Мин. Нар. Просвѣщенія“, его редактору, К. Сербиновичу. Благодаря впередъ за статьи, которыми „украсятся книжки Журнала“, лукавый Сербиновичъ († 1874) извиняется за вынужденное молчаніе (сентябрь 1839 г.), самъ же онъ „можетъ истинно назваться однимъ изъ самыхъ искреннихъ почитателей“. „Достигнувъ, — поясняетъ далѣе редакторъ, — заслугами своими первенства между учеными дѣятелями на обширномъ поприщѣ исторіи и литературы славянскихъ племенъ, вы давно уже привлекли къ себѣ общее вниманіе и пріобрѣли общее уваженіе вашихъ *сѣверныхъ соплеменниковъ*, и несмотря на разстояніе мѣста вы очень, очень близки къ нашему сердцу. Съ умиленіемъ взираемъ на труды, приносимые вами на алтарь общаго

славянскаго просвѣщенія, и столь же живо сочувствуемъ тому одушевленію, съ какимъ и прочіе чешскіе писатели подвизаются па одномъ съ вами поприщѣ, къ славѣ и чести земли своей". Это мотивированное признаніе русскаго редактора могло быть пріятно. Пріятна была и посылка черезъ посольскаго протоіерея въ Вѣнѣ, Меглицкаго, полнаго экземпляра „Журнала Министерства", съ основанія, съ обѣщаніемъ дальнѣйшей высылки. Но не могло не затруднить и безъ того обремененнаго работами приглашеніе быть постояннымъ его сотрудникомъ.

„Всегдашнее мое желаніе,— продолжаетъ Сербиновичъ,— было—раскрывать въ министерскомъ журналѣ картину всей литературной дѣятельности славянскихъ племенъ. Этого старался я достигнуть разными путями; но достигнуть во всей полнотѣ невозможно безъ содѣйствія западныхъ нашихъ соплеменниковъ". Онъ проситъ Шафарика принять на себя трудъ поручить кому-либо, но подъ своимъ руководствомъ, составлять для журнала библіографическій указатель по нарѣчіямъ славянскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ изъ всѣхъ славянскихъ типографій, съ рецензіей болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ для „Журнала Чешскаго Музея", „откуда мы можемъ сами переводить", и обозрѣніе болѣе любопытныхъ статей во всѣхъ славянскихъ журналахъ и газетахъ. Лѣтъ пять тому назадъ, въ 1834—1835 годахъ, Шафарикъ, изъ-за куска хлѣба, издавалъ въ Прагѣ иллюстрированный журналъ „Свѣтозоръ", отчасти съ подобными обозрѣніями; но возвращаться ему назадъ, при новыхъ условіяхъ дѣла,—такая перспектива едва-ли была возможна. Въ другомъ письмѣ, чрезъ отъѣзжавшаго въ Прагу Срезневскаго, Сербиновичъ повторяетъ предложеніе, что, по указанію, статьи могутъ печататься и безъ подписи,—„или сообщите намъ иной способъ, чтобы мы могли печатать ваши новости, никогда ни въ чемъ не компрометируя васъ".

Очень поздно, лѣтомъ 1840 года, отвѣчалъ Шафарикъ Сербиновичу съ оттисками статей изъ музейнаго журнала и изъ „Древностей", какъ отмѣчаетъ Сербиновичъ; но старая просьба повторяется. „Для перевода статей съ разныхъ славянскихъ нарѣчій, — писалъ онъ, въ послѣдній день 1840 года,—редакція журнала имѣетъ сотрудникомъ адъюнкта с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Касторскаго". Но насколько этотъ сотрудникъ былъ силенъ въ своемъ предметѣ, видно изъ просьбы редактора—перекладывать заглавія съ латинскимъ шрифтомъ на русскій шрифтъ, иначе „можетъ легко

вкрасться немалая ошибка", — чистосердечно пояснялъ Сербиновичъ [1]).

Итакъ, изъ отношеній къ Сербиновичу одна польза: у Шафарика свой экземпляръ „Журнала Мин. Нар. Просв.", да нѣкоторый гонораръ. Но русскихъ необходимыхъ изданій все нѣтъ, матеріалъ по старому случайный, отъ случайныхъ русскихъ путешественниковъ или знакомыхъ на мѣстѣ, т.-е., примѣняя удачное выраженіе Ганки относительно библіотеки Чешскаго музея,— все русско-славянское у Шафарика по милости Божіей: книжка, карта, кто что дастъ [2]).

IX.

Не великъ (если не меньше) былъ заработокъ Шафарика отъ обновленныхъ сношеній съ необновленною Россійской Академіей дряхлаго Шишкова.

Въ октябрѣ 1836 года, Шафарикъ получилъ отъ князя А. М. Горчакова, тогда совѣтника посольства въ Вѣнѣ, извѣщеніе, за № 418, что Академія препроводила къ нему для доставленія въ Прагу письмо и золотую медаль, при просьбѣ подписаться на одинъ экземпляръ „издаваемаго сочиненія подъ заглавіемъ: Slowanske Starizitnosts", т.-е. на извѣстныя „Древности". Конечно, 50 червонцевъ представляли хоть нѣкоторую матеріальную цѣнность (медаль и Ганка получилъ); но полученныя затѣмъ ученыя изданія Академіи мало стоили, какъ Словарь Академіи въ шести частяхъ, или на нѣмецкомъ языкѣ Сравнительный Словарь двухъ сотъ языковъ самого Шишкова. Впрочемъ, отъ самого слѣпого президента Шафарикъ вмѣстѣ съ его трудомъ получилъ и ученое письмо, съ изложеніемъ его взгляда на значеніе „словенскаго" языка: каждый другой языкъ, съ знаніемъ его, „почерпнулъ бы многія свѣдѣнія" и о себѣ; Аделунгъ напрасно занимался ошибочными словопроизводствами, тогда какъ могъ черпать изъ *нашего* языка „ближайшее и вѣрнѣйшее". Предъ нами совсѣмъ XVIII-ый вѣкъ, вѣкъ Аделунга и имп. Екатерины. „Я, — заключаетъ свое исповѣданіе Шишковъ, — упраж-

---

[1]) О Сербиновичѣ пишетъ Срезневскій въ 1839 году: „милый и обходительный, даже очень вѣжливый человѣкъ; но это—олицетворенная хитрость, если не болѣе...; самъ онъ величиною немногимъ болѣе мыши" („Путевыя письма", стр. 24).

[2]) Ганка пріятелю Арношту Высокому, 12 мая 1855 г.: „вообще, что касается славянскихъ книгъ въ музеѣ, то все это отъ милости Божіей, когда кто туда что пожертвуетъ". (Письмо, по-чешски, оригиналъ, изъ нашего собранія).

няюсь въ томъ давно, и хотя привелъ многія тому доказательства, но нашелъ бы ихъ еще болѣе, еслибы болѣзни и лишеніе зрѣнія не отняли у меня возможности упражняться въ сихъ, требующихъ великаго труда, изслѣдованіяхъ". Это письмо, отъ 27-го декабря 1838 года, было подписано собственноручно слѣпымъ президентомъ—крупными каракулями черезъ всю страницу. При всей нелѣпости воззрѣнія на связь языковъ въ эпоху Боппа, Гримма, Шафарика, тѣмъ не менѣе нельзя безъ нѣкотораго сердечнаго умиленія читать эту исповѣдь почти столѣтняго старца († 1841 г.), умиравшаго съ своимъ „словенскимъ" языкомъ на устахъ. Научный интересъ для Шафарика представили лишь немногія изданія, посланныя отъ Академіи, какъ-то: второе изданіе Книги большому чертежу, Путешествія къ татарамъ (изданія секретаря Д. Языкова), Акты археографической экспедиціи (по первому разу, съ недостающими страницами), Оборона лѣтописи Буткова, Влахо-болгарскія грамоты со снимками Венелина. Пославъ Венелина, секретарь Академіи, Языковъ, долженъ былъ извиняться предъ Шафарикомъ, т.-е. извинять свою неопытность, чтобы не сказать больше: „ваша правда, — отвѣчаетъ Языковъ на письмо отъ 4-го апрѣля 1838 года; — нѣсколько литографованныхъ листовъ съ Влахоболгарскихъ грамотъ, собранныхъ Венелинымъ, не суть полные, а только fac-simile; полные же печатаются, и когда изданіе кончится, я поспѣшу доставить вамъ одинъ экземпляръ". Но кусочки грамотъ такъ и остались кусочками, во вкусѣ покойнаго Венелина. Ясно, что когда настоящая, европейская наука, въ лицѣ Шафарика, дотронулась до русской Академіи, послѣдняя не устояла.

Болѣе полезныя отношенія установились тогда же у Шафарика съ только-что открытою археографическою коммиссіей въ Петербургѣ.

Уже въ сентябрѣ 1839 года Шафарикъ былъ утвержденъ корреспондентомъ коммиссіи.

„Ваша любовь къ славянскимъ древностямъ, ваши постоянные ученые труды по части славянской археологіи и намѣреніе издать собранныя вами „Monumenta Illyrica" даютъ мнѣ, — писалъ предсѣдатель коммиссіи въ октябрѣ 1839 года, князь Ширинскій-Шихматовъ,—право думать, что вы не затруднитесь принять на себя званіе корреспондента и сообщать ей свѣдѣнія, которыя могли бы быть для нея полезны".

Толчкомъ къ избранію, повидимому, была присылка книжки „Monumenta Illyrica", съ предложеніемъ издать самые сербскіе

памятники, которые хранились въ архивѣ похороненной нами на вѣнскомъ конгрессѣ югославянской республики—въ Дубровникѣ (Ragusa) и копіи которыхъ прошли къ Шафарику чрезъ посредство нашего консула Гагича (о немъ упомянуто было раньше). Правда, изъ предложенія вышло одно—неожиданное поученіе со стороны главнаго редактора коммиссіи, протоіерея І. Григоровича (еще изъ кружка канцлера Румянцева), какъ надо издавать; коммиссія должна удостовѣриться, гдѣ хранятся тѣ памятники и, при невозможности ихъ получить, „имѣть, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствованіе отъ кого-либо изъ *извѣстныхъ ученыхъ* о вѣрности каждаго списка". Письмо о. протоіерея пошло почти одновременно (15-го октября) съ извѣщеніемъ князя. Какъ видно изъ послѣдующаго, Шафарикъ вопросъ отложилъ въ сторону, а академикъ Бередниковъ, изъ тверскихъ купцовъ, тогда же спокойно издавалъ лѣтописи, не всегда умѣя правильно прочесть ихъ [1]).

Сношенія на нѣсколько лѣтъ прервались. Только съ возвращеніемъ въ Россію преданнѣйшаго ученика Шафарика, Бодянскаго, они возобновились и именно въ желанномъ для истомленнаго отъ бѣдности русскихъ матеріаловъ чешскаго ученаго направленіи. Желанныя русскія изданія посыпались. „По отзыву проф. Бодянскаго о желаніи вашемъ, для окончанія *второй* части сочиненія о Славянскихъ Древностяхъ, къ полученнымъ уже изданіямъ археографической коммиссіи, имѣть и продолженіе ихъ, я, — пишетъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, теперь товарищъ министра просвѣщенія, 30-го ноября 1842 года,—сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи вамъ указателя къ юридическимъ актамъ, трехъ томовъ актовъ историческихъ, перваго тома актовъ на иностранныхъ языкахъ и третьяго тома Собранія лѣтописей". Секретарь Озеровъ изъ Вѣны препроводилъ книги въ Прагу „дилижанцомъ" (правописаніе подлинника), но уже въ августѣ

[1]) Изъ переписки Шафарика съ сербскимъ литераторомъ въ Пештѣ, Іос. Миловукомъ, видно, что еще въ концѣ 1833 и въ началѣ 1834 годовъ Шафарикъ носился съ мыслью объ изданіи „Сербскихъ памятниковъ": Миловукъ, 5 января 1834 г., проситъ прислать нѣсколько экземпляровъ на случай изданія. Извѣстно, что позже австрійское правительство сербскія грамоты изъ архива Дубровника перевело въ вѣнскій, и въ Вѣнѣ, въ 1858 г., извѣстный славистъ, Ф. Миклошичъ, ихъ, вмѣстѣ съ другими, издалъ—„Monumenta Serbica". Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Шафарика (теперь въ Чешскомъ музеѣ), есть два тома: съ сербскими надписями, грамотами, а во второмъ—отдѣльная папка и на ней рукою Шафарика—„Srbské listiny". Онѣ начинаются грамотою бана Кулина 1189 года. 6 февраля 1832 г., Гр. Гагичъ пишетъ Шафарику (по-сербски), что онъ постарается вскорѣ послать еще кое-что для его „Monumenta Serbica".

1843 года. Въ мартѣ 1843 года, послѣдовала новая посылка „для собственной Вашей библіотеки“ (Акты историческіе 4 и 5 т.т., два тома Актовъ на иностранныхъ языкахъ), въ 1844 г. — двѣ посылки (Выходныя книги русскихъ царей), въ 1845 г.—Остромирово Евангеліе, въ 1846 г.—опять одна посылка (Дополненія къ Актамъ историческимъ и др.). Въ отвѣтъ на это любезное вниманіе Шафарикъ выписалъ цѣлый рядъ статей, по указанію коммиссіи, изъ латинской, такъ называемой Дзиковской рукописи [1]. Прибавимъ, что въ 1843 году виленскій губернаторъ А. Семеновъ послалъ свое собраніе древнихъ документовъ по исторіи Литвы, при любезномъ французскомъ письмѣ, „какъ ученому, который столь преданно занимается историческими изысканіями и которому мы столько обязаны въ этомъ отношеніи“.

Такъ собирались матеріалы для славянскаго права, для славянскаго духовнаго быта,—съ трудомъ и весьма медленно. Но вторая часть „Славянскихъ Древностей“ своею широкой программою захватывала и вопросы языка, нарѣчій, и область мѣстныхъ именъ, съ значеніемъ историческаго источника для славянской психологіи, славянскаго искусства и художества, наконецъ, вопросъ о письмѣ [2]. И здѣсь надо было собирать матеріалы и разбираться среди нихъ.

X.

Живя среди сербовъ въ Новомъ-Садѣ (Uj-Videk), тогда почти чисто сербскомъ городѣ, образованный словакъ Шафарикъ (раньше подписывался Шафари) сталъ скоро настоящимъ сербомъ. Жена, хотя и словачка, но изъ южной Венгріи, внесла въ домашнюю жизнь сербскій языкъ; и даже въ Прагѣ, въ семьѣ,

---

[1]) Въ бумагахъ Шафарика осталась замѣтка, что другая рукопись изъ Дзикова, Кормчая XVI в., въ іюлѣ 1842 г. отослана на время въ археологическую коммиссію; что собственникъ обѣихъ рукописей—гр. Тарновскій въ Галиціи; что обѣ рукописи разсмотрѣлъ клерикъ Вагилевичъ, извѣстный позже галицко-русскій дѣятель, который, послѣ смерти Прейса, мечталъ быть даже его преемникомъ на каѳедрѣ, весьма лестно рекомендуя самого себя предъ Погодинымъ („Письма къ Погодину“, стр. 650).

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ пришлось побывать на островѣ Рюгенѣ, нѣкогда у славянъ—Руяна. Среди массы интересныхъ для историка мѣстныхъ именъ, какъ Цирквицъ, Сасницъ, встрѣтилось и *Долгемостъ*, т.-е. долгій мостъ, по произношенію у мѣстныхъ нѣмцевъ. Эти славянскія имена—отъ XII—XIII столѣтій. Ясно, что искусство строить мосты было хорошо извѣстно тогдашнимъ славянамъ острова.

разговорнымъ языкомъ былъ всегда сербскій. Но практическое знаніе не удовлетворяло, и его научная пытливость уже очень рано была направлена въ самыя темныя и спорныя области сербской этнографіи; таковы пограничныя полосы между сербами и болгарами на востокѣ, или вопросъ македонскій. Не будучи въ состояніи предпринимать лично экскурсіи (скудость средствъ, должность) онъ искалъ поученія на сторонѣ.

Сохранились любопытныя письма, еще отъ половины двадцатыхъ годовъ, къ Шафарику отъ извѣстнаго знатока сербской этнографіи, Вука Караджича, съ матеріаломъ для разрѣшенія недоумѣній Шафарика.

По знаменитой аккерманской конвенціи 1826 года (причина турецкой войны у насъ 1828 года), Турція обѣщала возвратить Сербіи отторгнутые раньше округа (отдѣльный актъ), т.-е. на границѣ съ Болгаріею и Старой Сербіей (Лесковацъ). Объ этихъ частяхъ и обратился Шафарикъ съ вопросомъ къ Вуку—каковъ ихъ этнографическій характеръ? Равнымъ образомъ, онъ просилъ сообщить и названія поселеній.

Изъ Вѣны, 10 іюня 1827 года, Вукъ отвѣчалъ присылкой пѣсни и названій, съ просьбой—ни то, ни другое никому не сообщать, но—„сохраните у себя для вашихъ надобностей". Въ другомъ письмѣ, 4-го сентября, Вукъ посылаетъ добавочный списокъ названій и заключаетъ просьбой-указаніемъ: „теперь я хочу обратить ваше вниманіе на одну вещь — не обращать сербовъ *въ болгаръ* (не мојте ви србе бугарити); не только жители Лесковца и Приштины не болгаре, но даже жители Видина, Кипрова и Пирота по языку ближе къ сербамъ, чѣмъ къ болгарамъ, хотя правильно не говорятъ ни на одномъ языкѣ; не дайте себя въ обманъ кое-какимъ болгарскимъ лавочникамъ (тьифтама), которые, какъ и всякій человѣкъ, рады увеличить свой народъ".

Еще труднѣе было разобраться въ этнографическомъ характерѣ Македоніи—сербы тамъ, или болгары? И теперь этотъ вопросъ—жгучій. Мы видѣли, какъ заботливо Вукъ оберегалъ Шафарика не увеличивать число болгаръ на счетъ сербовъ. Но Вукъ не заходилъ въ Македонію и дать указаній не могъ. Въ розыскахъ же своихъ Шафарикъ наткнулся на любопытный этнографическій мемуаръ, отъ второй половины XVIII вѣка. Это—„Описаніе провинцій Турецкія державы, оныхъ наипаче, яже около Адріатическаго моря находятся, по взору якоже географическому, тако и политическому, чрезъ патріарха сербскаго Василія Бркича, послѣдняго въ Пекской патріаршіи, на

вопросы россійскаго адмирала Орлова, лѣта 1777-го, въ Ливорнѣ сочиненное". Знаменитый позже православный патріархъ въ Карловцахъ, Степанъ Стратиміровичъ, получилъ этотъ мемуаръ въ Вѣнѣ, для снятія копіи, отъ директора Буяновскаго, въ послѣднихъ годахъ XVIII-го столѣтія.

Вотъ главнѣйшія показанія пекскаго патріарха о составѣ населенія бывшей его епархіи. О скопльскомъ краѣ онъ говоритъ, что по селамъ весьма мало турокъ, населеніе—болгаре и сербы; о вельбуджскомъ—„по деревнямъ мало турковъ находится, но все сербы и болгаре"; о Македоніи,—что въ селахъ болгаре и турки; но „такъ какъ болгаровъ много больше чѣмъ турковъ, то во всей Македоніи всѣ турки болгарскій языкъ умѣютъ"; въ частности объ Охридѣ,—что албанцевъ и грековъ мало, но „большая часть болгары и влахи" (румыны).

О сербскомъ сотрудничествѣ русскаго консула Гагича была рѣчь выше. Здѣсь же мы отмѣтимъ, что онъ былъ посредникомъ въ мѣстныхъ научныхъ интересахъ между Шафарикомъ и черногорскимъ владыкой Петромъ Петровичемъ. Въ письмѣ 4 января 1834 г. онъ сообщаетъ Шафарику, что владыка очень сожалѣлъ, что, возвращаясь изъ Россіи чрезъ Прагу, онъ, по незнанію, не посѣтилъ его. Но свое вниманіе къ научнымъ интересамъ Шафарика нѣсколько позже митрополитъ выразилъ тѣмъ, что въ началѣ 1840 года чрезъ Гагича послалъ ему брошюрку: „Названія поселеній въ Черногоріи". Самъ Шафарикъ отмѣтилъ на ней, что черногорскій владыка приказалъ напечатать этотъ указатель въ своей типографіи въ Цетиньѣ „собственно для меня".

Не съ меньшею готовностью Шафарикъ получалъ матеріалы и отъ словинскихъ патріотовъ, изъ Штиріи, Краины, Каринтіи: отъ проф. Метелка, Враза и др. Отъ послѣдняго онъ получилъ цѣлую тетрадь съ топографическимъ и этнографическимъ обозрѣніемъ славянъ Штиріи, вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ сообщаются названія рѣкъ и потоковъ на пути изъ Клагенфурта (Целовецъ) въ Целье, который былъ совершенъ авторомъ пѣшкомъ, и съ замѣчаніемъ о языкѣ, что его весьма нелегко понимать остальнымъ словинцамъ, чтò на равнинѣ.

Въ болѣе затруднительномъ положеніи былъ Шафарикъ относительно матеріаловъ для Польши и Россіи, гдѣ предполагалъ онъ его почему-то въ массахъ. Намѣреніе молодого Шемберы въ Ольмюцѣ заняться этнографіей Моравіи Шафарикъ встрѣтилъ съ восторгомъ. „Предпріятіе ваше,—я разумѣю этнографію и географію Моравіи,—писалъ онъ Шемберѣ, въ декабрѣ 1840 г.,

—какъ бы вышло прямо изъ моего сердца. Мною всегда овладѣваютъ жалость и скорбь, когда я вспомню, какая масса этнографическихъ и географическихъ трудовъ выходитъ у поляковъ и русскихъ, въ то время, какъ наша чешская литература тонетъ въ мизерныхъ повѣстушкахъ. А между тѣмъ Моравія и край словаковъ въ Венгріи, менѣе Чехія, хранятъ въ себѣ безцѣнныя сокровища для географа и этнографа. Дай вамъ Богъ здоровья и силъ для выполненія такого труда" [1]). Замѣтимъ, что когда Шафарикъ, по переселеніи изъ Новаго-Сада въ Прагу, изъ-за куска хлѣба сталъ издавать „Свѣтозоръ" (совсѣмъ наше „Живописное Обозрѣніе" Плюшара), то въ немъ съ особенною охотою онъ давалъ мѣсто историко-этнографическимъ статьямъ, напр. извѣстнаго Антона Марка (ср. „Журналъ Чешскаго Музея" 1890, стр. 349).

Но въ своемъ представленіи о богатствѣ польской и русской этнографической литературы Шафарикъ глубоко ошибался: и у поляковъ, и у насъ она была въ зачаточномъ состояніи; нѣсколько живѣе она проявляла себя на югѣ, у малороссовъ (зъ-Олеска, Жегота, Максимовичъ, Лукашевичъ, Головацкій и др.). Вспомнимъ только, что о бѣлорусскомъ нарѣчіи онъ не могъ добиться свѣдѣній у Погодина въ Прагѣ, будучи предоставленъ въ распоряженіе фальшивымъ вымысламъ извѣстнаго

[1]) Кромѣ повѣстушекъ и разной поэтической дребедени, второю язвою развитія чешской литературы были непрерывные споры о *правописаніи*, à la проф. Брандтъ у насъ, и объ улучшеніи языка. „Что касается правописанія *au*—должно ли писать *ou* или ů, то я,—пишетъ Шафарикъ, въ 1841 г., Шемберѣ,—самъ еще не рѣшилъ. Я не скрываю, что ни еврейское *au*, ни волчье *ou* мнѣ не нравятся"... Въ современныхъ чешскихъ грамматикахъ склоненіе собственныхъ *иностранныхъ* именъ—верхъ нелѣпости и тупости: по правиламъ того языка, откуда имя. Чешскимъ ученымъ неизвѣстны слова ихъ знаменитаго учителя, произнесенныя имъ еще болѣе 60 лѣтъ назадъ въ наставленіе юному Шемберѣ, при назначеніи его профессоромъ. Напомнимъ ихъ. „Съ сужденіемъ вашимъ,—пишетъ ему Шафарикъ 10 января 1840 года,—о состояніи и нуждахъ нашего языка совершенно согласенъ и отъ всего сердца хвалю вашу умѣренность и осторожность. Вообще я бы желалъ, чтобы мы всегда болѣе смотрѣли на дѣло, на нужды нашей бѣдной литературы, чѣмъ на одну форму, на постоянное грамматическое мудрованіе. Языки англійскій, французскій и нѣмецкій въ грамматическомъ отношеніи, навѣрное, стоятъ далеко ниже нашего; но это, однако, нимало не вредитъ ихъ литературѣ. У насъ же все, не безъ нашей вины, навыворотъ. Языкъ, и помимо воли нашей, будетъ совершенствоваться (brausiti) и облагораживаться, если только мы будемъ идти впередъ въ просвѣщеніи и наукахъ, въ словесности и въ реальныхъ знаніяхъ: это—единственная естественная дорога. Одно теоретическое, по извѣстнымъ апріорнымъ идеямъ, *выворачиваніе* языка введетъ насъ всегда въ новые безконечные споры, и литература наша затормозится при самомъ возникновеніи. Такъ я понимаю дѣло". Золотыя слова, и для насъ нелишнія, когда пошелъ дѣтскій споръ о правописаніи.

Греча, и только съ появленія въ Прагѣ, и на продолжительное время, Бодянскаго, онъ могъ почувствовать себя нѣсколько обезпеченнымъ со стороны нарѣчій русскаго языка. Немного позже явился на подмогу Максимовичъ, съ своей „Исторіей русской словесности“.

Благодаря своимъ старымъ и новымъ отношеніямъ въ различныхъ славянскихъ краяхъ, Шафарикъ былъ въ состояніи собрать столько нужнаго и надежнаго этнографическаго матеріала, въ видѣ устныхъ и письменныхъ сообщеній, въ видѣ книгъ, что къ началу сороковыхъ годовъ могъ разсматривать себя достаточно оснащеннымъ, чтобы приступить и къ обработкѣ, т.-е. къ выполненію одной изъ задачъ второй части „Древностей“. Но задержка была отъ болгаръ. Относительно ихъ давно уже предостерегалъ Шафарика Вукъ. Какъ быть съ ихъ этнографическою границею? Страна глухая, путешественники были рѣдки. Тутъ нѣкоторую помощь оказала старая Одесса.

Помимо болгаръ-колонистовъ нашего юга, въ Одессѣ 30-хъ годовъ было много болгаръ-торговцевъ, выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ Турціи (и по сейчасъ здравствуетъ г. Рашеевъ). О нихъ вспомнилъ Шафарикъ, и чрезъ пріятеля своего Бодянскаго, проф. Мурзакевича, въ Одессѣ, попытался опросить ихъ и тѣмъ помочь себѣ.

„По просьбѣ вашей, — отвѣчаетъ Мурзакевичъ, 5-го мая 1839 года, на осеннее письмо Шафарика 1838 года, — о повѣркѣ болгарскихъ названій на вашей картѣ, я обращался къ нѣкоторымъ болгарамъ, живущимъ въ Одессѣ; все, что они могли исправить, при семъ письмѣ посылаю вамъ. Многое неисправлено, потому что одесскіе болгаре иныхъ мѣстъ сами не знаютъ. Писали въ свою Болгарію; но, по трудности и медленности сношеній, отвѣта и до сихъ поръ нѣтъ. Если пришлютъ исправленное, я немедленно представлю вамъ“. Осенью Мурзакевичъ предлагаетъ снова свои услуги. „Если время, — пишетъ онъ 23 ноября,—позволяетъ промедлить, не благоугодно ли будетъ копію вашей карты переслать ко мнѣ; я покажу ее болгарамъ, моимъ знакомымъ. Конечно, и они что-либо въ ней пополнятъ“.

Такимъ путемъ, и болгарская часть была приведена къ коекакому концу [1]). Въ началѣ 1841 года, болтливый Мурзакевичъ

[1]) Нелѣностнымъ помощникомъ Шафарика по выработкѣ этнографическихъ отношеній юга Россіи или Новороссійскаго края былъ больной Кирьяковъ. „По желанію вашему и по обѣщанію моему, я,—писалъ онъ къ Шафарику 13-го февраля 1839 г.,—собиралъ свѣдѣнія для этнографической карты славянъ, вами составлен-

еще разъ спрашиваетъ: „каково спѣетъ трудъ вашъ надъ картою Болгаріи?“ Правда, это мѣсто письма отмѣчено было Шафарикомъ и, по обычаю, краснымъ карандашомъ; но едва ли былъ отвѣтъ на сдѣланный вопросъ, такъ какъ уже 17 февраля онъ писалъ Шемберѣ: „моя этнографическая карта хотя уже и *готова*, но не можетъ быть издана, такъ какъ я еще не готовъ съ печатью сочиненія къ ней“.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ была готова и печать. Тяжело собирался матеріалъ, тяжело рождалась и самая книга—классическая „Славянская Этнографія“, причинивъ ея знаменитому автору массу заботъ и хлопотъ.

„Непреодолимая судьба,—жалуется Шафарикъ своему этнографическому ученику Шемберѣ,—привела меня къ тому, что я, на старости лѣтъ (na stará kolena), долженъ не только сочинять книги, но и ими торговать. Настоящая моя работа стоила мнѣ столько и труда, и издержекъ (я вошелъ въ долги), что охотно желалъ бы, какъ можно скорѣе и путемъ самымъ короткимъ, освободиться отъ долговъ, но при этомъ безъ акушерской помощи книгопродавцевъ. Вотъ почему я и осмѣливаюсь просить и васъ, многоуважаемый патріотъ, не вмѣнить себѣ въ трудъ собирать въ вашемъ кругу, лично или чрезъ посредство другихъ, выразившихъ на то желаніе, подписку на сочиненіе, которое, по минованіи срока на подписку, не только будетъ много дороже, но и нельзя будетъ его достать и за большія деньги. Деньги, собранныя до 1-го іюня, благоволите прислать по почтѣ не позже 15-го іюня; тѣмъ же путемъ вы немедленно получите и книги

ной. Вамъ уже извѣстны мѣста, по которымъ живутъ нѣмецкіе колонисты въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ. Остальное все пространство, отъ р. Днѣстра на востокъ до береговъ моря, исключая Крымскаго полуострова, т.-е. до Перекопа, занято роднымъ словенскимъ племенемъ. Весь Крымскій полуостровъ занятъ татарами, мѣстами—деревни русскія, но ихъ очень мало. По берегу Азовскаго моря, между Молочными-Водами и Бердою живутъ ногайцы и поселены знаменитыя менонитскія колоніи. Въ Таганрогѣ и Маріуполѣ, а также въ ихъ окрестностяхъ, поселены большею частью греки, въ Нахичевани и Ростовѣ—армяне. По лѣвому берегу Днѣстра, отъ моря до Ягорлыка, много уже молдаванъ; но они живутъ такъ смѣшанно съ русскими, что число ихъ трудно опредѣлить. Это—переходъ къ Бессарабіи, которая, начинаясь у праваго берега Днѣстра, населена въ сѣверной части почти исключительно (!) молдаванами, а въ южной, такъ-назыв. Буджакѣ, многими болгарскими и отчасти русскими деревнями или слободами. Вотъ все, что я могу вамъ сообщить для вашихъ этнографическихъ занятій“. Свѣдѣнія не вполнѣ точныя,—они пробрались и въ карту,—наприм., массы грековъ у Азовскаго моря.

съ картами. Такъ какъ книга идетъ по самой дешевой цѣнѣ, поэтому, при значительной подпискѣ, пересылка не будетъ тягостна. Я барыша отъ этой книги не ищу, но хлопочу лишь о томъ, чтобы наши люди получили въ свои руки „на память" книгу, пріятную имъ и ихъ потомкамъ, а дастъ Богъ,—и въ доброе воспоминаніе обо мнѣ".

Но скромный авторъ напрасно жаловался на свою непривѣтливую судьбу, наградившую его на старость лѣтъ новыми, незнакомыми раньше, коммерческими заботами: онъ могъ обойтись совсѣмъ безъ грошовой коммерціи и быть спокойнымъ въ виду денежныхъ затратъ на изданную книгу: „Славянская Этнографія",—то-есть, исполненная въ извѣстномъ смыслѣ одна изъ статей второй части „Славянскихъ Древностей",—превзошла всѣ ожиданія. Впечатлѣніе отъ нея было огромное, и книга сейчасъ же по выходѣ въ свѣтъ была распродана. Но послушаемъ разсказъ самого, все же нѣсколько осчастливленнаго, автора. „Помимо всѣхъ надеждъ и ожиданій,—пишетъ онъ Шемберѣ 29 іюня 1842 г.,—случилось то, что моя „Этнографія" сейчасъ же по выходѣ разобрана, и ея не хватило для всѣхъ абонатовъ; говорю, сверхъ ожиданій, потому что, правда, я не сомнѣвался, что предназначенные къ продажѣ 550 экземпляровъ быстро разойдутся; но, право, я и не предчувствовалъ, чтобы дѣло пошло такъ быстро и путемъ подписки". Онъ успокаиваетъ, что послѣдуетъ вскорѣ второе, безъ перемѣнъ, изданіе, фактъ—довольно крупный въ исторіи только-что подымавшейся чешской ученой литературы. Второе изданіе могло удовлетворить всѣхъ, и черезъ два года осталось на рукахъ у автора всего нѣсколько десятковъ. „У меня,—пишетъ онъ въ началѣ іюня 1844 г. тому же корреспонденту,—лежитъ еще 60—70 экземпляровъ „Этнографіи". Книгопродавцамъ охотно я не даю, а у меня рѣдко кто спрашиваетъ. Не могъ ли бы я послать вамъ экземпляровъ 5?"

Мы не будемъ говорить объ ученой сторонѣ книги. Во всякомъ трудѣ есть недочеты, и тогда же вышедшая критика молодого И. И. Срезневскаго, въ „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія", могла бы указать ихъ и безъ приподнятаго тона. Иначе поступилъ Бодянскій, который поспѣшилъ перевести ее, а чрезъ „Москвитянинъ" бросить въ обращеніе русской публики нѣсколько сотенъ этнографической карты Шафарика. Для насъ, русскихъ, книжка могла быть полезна тѣмъ, что разсѣивала наше этнографическое невѣжество, нашедшее свой пріютъ даже въ популярномъ, въ свое время, учебникѣ географіи акад. К. Арсеньева (въ 1835 г. — 12-е изданіе, а всего — 20 изданій). Арсеньевъ

утверждалъ († 1865), что славянское населеніе имперіи составляютъ: русскіе (господствующій народъ), *казаки* (донскіе, черноморскіе, уральскіе и сибирскіе) и поляки, составляющіе *главное* населеніе въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ, отъ Польши *присоединенныхъ*. Книжка вполнѣ отвѣчала настроенію минуты славянскихъ народностей, ихъ стремленію къ взаимности, къ культурному подъему, особенно тамъ, гдѣ жизнь исподоволь давно приготовляла почву для умственнаго броженія на Западѣ. Она говорила имъ: „Смотрите, вотъ это вы; правда, вы пока великаны на картѣ; но будущее ваше можетъ быть обезпечено". Книга предлагала массы полезныхъ свѣдѣній, лингвистическихъ, географическихъ, статистическихъ, историко-литературныхъ [1]), объединенныхъ одною гуманною цѣлью — сблизить людей, поднять ихъ нравственное сознаніе. Въ извѣстномъ смыслѣ она стала „vade-mecum" для славянъ, ихъ дѣятелей. Наоборотъ, сторона противниковъ, давно слѣдившая за ученою дѣятельностью Шафарика, еще въ періодъ подготовительныхъ его работъ, уже давно затрубила объ опасности отъ него и отъ его картъ, по однимъ слухамъ.

Извѣстный Мицкевичъ, еще только готовясь занять славянскую каѳедру въ Парижѣ, созданную министромъ Кузенемъ въ подражаніе и противодѣйствіе намъ, получаетъ въ Лозаннѣ изъ Рима совѣтъ и напутственное предостереженіе отъ одного изъ учредителей будущаго монашескаго ордена воскрешенія Польши (змартвыхвстанцы), Кайсевича. „Теперь,—пишетъ тотъ въ апрѣлѣ 1840 г., — когда ты долженъ сильнѣе заняться славянщиной, совѣтую тебѣ достать все, что написалъ Копитаръ" [2]). Кайсевичъ рекомендуетъ только-что изданную имъ книжку (Glossarium), именно тѣ страницы въ ней, гдѣ онъ говоритъ о Шафарикѣ, Палацкомъ, которымъ онъ въ глаза тыкаетъ то, что они образовали антикатолическую и политическую *конспирацію*, постоянно въ

[1]) Сколько легкомысленно-притязательный, столько и несвѣдущій въ исторіи и литературѣ славянъ, Гоголь проситъ у Погодина, по возвращеніи его отъ славянъ, книгъ „относительно славянской исторіи и литературы: „очень обяжешь и если можешь—въ двухъ, трехъ словахъ означить достоинство, какъ и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезно". Погодинъ послалъ цѣлый каталогъ книгъ, сдѣланный Шафарикомъ, о славянскихъ племенахъ (Барсуковъ, „Погодинъ", IV, 333). Но книжки Шафарика по этнографіи еще не было: она какъ-разъ удовлетворила бы Гоголя, была бы ему полезна.

[2]) Замѣчательный славистъ въ Вѣнѣ, также извѣстный своимъ католическимъ фанатизмомъ, умеръ въ 1844 г. Высокій талантъ и жалкій скряга. Ссылаемся на письма его къ Добровскому въ изданіи академика Ягича—„Матеріалы для исторіи славяновѣдѣнія".

сношеніяхъ съ сѣверными „журавлями" и получаютъ отъ нихъ посылки. „Шафарикъ издаетъ теперь большой историческій славянскій атласъ и пишетъ всѣ мѣстности, олатыненныя, онѣмеченныя, на языкѣ *каждой страны*" [1]).

Дѣйствительно, можно сказать, что небольшая книжка съ картой, выпущенная изъ молчаливой лабораторіи великаго рабочаго въ Прагѣ, была иллюстрированнымъ обоснованіемъ панславизма, пожалуй, „панмедвѣдизма", какъ любилъ выражаться немного позже язвительный Гавличекъ, чешскій Гейне, имѣя въ виду насъ, „сѣверныхъ журавлей" [2]). Мы видѣли, съ критикой книжки поспѣшилъ выступить только-что оперившійся Срезневскій, изъ своего Харькова. Но онъ самъ сейчасъ же остановился на своемъ шагѣ, и, извиняясь передъ своимъ „незабвеннымъ и навсегда незабвеннымъ" Ганкой по поводу одной клеветы въ газетѣ „Ausland", признаетъ, что гораздо болѣе правъ сердиться на него имѣетъ Шафарикъ за статью его о „Славянской Этнографіи", но „и въ его благородствѣ я вполнѣ увѣренъ". Безспорно, подъ дѣйствіемъ книжки Шафарика Срезневскій тогда же носился съ мыслью издать нѣчто подобное, но въ своемъ вкусѣ, т.-е. нѣчто высшее. Извѣщая, въ началѣ 1843 года, о славянскихъ новостяхъ, что больной Прейсъ въ Петербургѣ работаетъ надъ Остромировымъ Евангеліемъ, что Казань посылаетъ въ славянскія земли „какого-то Григоровича, преподающаго армянскій языкъ" [3]), Срезневскій сообщаетъ Ганкѣ, что онъ съ Бодянскимъ хотѣлъ-было издавать славянскій журналъ, но отложилъ: Бодянскій за-

---

[1]) Smolikowski P., Historya zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego, II, 286—287. Шафарикъ, издавъ I-й томъ „Слав. Древностей", собирался издать къ нему историческій атласъ по эпохамъ, почему такъ занятъ былъ получкой отовсюду географическихъ названій, дѣлалъ самъ списки и приготовилъ для себя Словарь изв. Ходаковскаго. Но далѣе опытовъ дѣло не пошло; гравировка остановилась (ср. письмо къ Погодину, 1839). Но не невѣроятно, что Кайсевичъ слышалъ объ изготовленіи славянской этнографической карты: ср.—названія „на языкѣ каждой страны", какъ это на картѣ 1842 года, почему карта и была для читателя, напр. русскаго, нѣсколько затруднительна при употребленіи.

[2]) Въ началѣ 1844 г., изъ Харькова, Срезневскій пишетъ Ганкѣ, что „святая Русь" не охладѣла къ нему, что съ возвращенія славистовъ лучше поняли „заслуги западно-славянскихъ ученыхъ и болѣе стали уважать"; что „называть васъ *Россіяниномъ* мнѣ въ голову не приходило". Но мы увидимъ, что именно такъ называлъ себя самъ Шафарикъ—въ 50-хъ годахъ.

[3]) Конечно, это небылица. Но и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ посылали Григоровича тогда же въ Римъ, снабдивъ его ореоломъ какого-то ясновидѣнія. Любопытно, что Григоровичъ хорошо помнилъ Срезневскаго еще въ бытность свою студентомъ харьковскаго университета, называя его въ частныхъ бесѣдахъ—украинскій щеголь. Какъ извѣстно, во внѣшнемъ нарядѣ своемъ Григоровичъ былъ довольно невзыскателенъ.

нялся составленіемъ грамматикъ, а онъ—приготовленіемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. „Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ изданіи *подробно* охарактеризовать нарѣчія и въ *топографико-историческомъ* порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями“. Въ маломъ видѣ это мы имѣемъ у Шафарика, съ прибавкой статистики и литературныхъ очерковъ [1]).

Между тѣмъ книжка Шафарика у безстрастныхъ людей стороны вызывала на новыя мысли, на новые запросы. Преемникъ о. Меглицкаго при посольствѣ въ Вѣнѣ, популярный позже дѣятель, протоіерей М. Раевскій († 1884), писалъ Ганкѣ въ іюлѣ 1834 года изъ Вѣны: „кланяйтесь отъ меня всѣмъ добрымъ славянамъ, если можно — г. Шафарику. Я никогда себѣ не прощу того, что, бывъ въ Прагѣ, не познакомился съ нимъ. Теперь, получивъ отъ книгопродавца Венедиктова, я читаю его „Славянскую Народопись“. Вы смотрите на славянскіе народы глазомъ историка; мнѣ интересно посмотрѣть глазомъ служителя вѣры православной. Не знаю только, изъ какихъ источниковъ лучше можно будетъ почерпнуть свѣдѣнія, напр., касательно церковной исторіи южныхъ славянъ, ихъ церковнаго управленія и т. п. Впрочемъ, эта мысль едва только родилась у меня, и то при чтеніи Славянской Народописи“.

XI.

Позволительно думать, что „Славянская Этнографія“ менѣе, чѣмъ у другихъ славянъ, имѣла дѣйствіе въ Россіи. Славянская аудиторія Бодянскаго, Срезневскаго, хотя и встрѣчала симпатіями своихъ профессоровъ (вспомнимъ воспоминанія Депуле о Харьковѣ), но для самостоятельной работы—одного чувства было мало. Уже Гавличекъ подъ Сухаревкой въ Москвѣ покупалъ чешскія изданія, получаемыя студентами отъ Бодянскаго. Первое препятствіе—языкъ книги Шафарика.

---

[1]) Журналъ долженъ былъ называться: „Новости словесности русской и инославянской“, для взаимнаго знакомства славянъ и русскихъ, почему въ двухъ отдѣленіяхъ, въ каждомъ—литературныя обозрѣнія, библіографія съ критикой, стихи и, въ подлинникѣ, письма; отдѣленіе—книга въ 20 листовъ. Тогда же, въ началѣ 1843 года, Гавличекъ, тогда воспитатель у проф. Шевырева въ Москвѣ, сообщаетъ своему другу Запу во Львовѣ, что Бодянскій собирается для своихъ студентовъ создать *всеславянскую христоматію*, одинъ томъ народный, другой—высшій, что онъ желалъ бы отъ Головацкаго во Львовѣ получить галицкихъ пѣсенъ для этого изданія. Только черезъ 25 лѣтъ пѣсни Головацкаго были изданы Бодянскимъ въ изв. „Чтеніяхъ“.

Извѣстный странствующій библіофилъ, Бецкій, получивъ отъ Ганки книжку Шафарика, благодаритъ его изъ Парижа (6 янв. 1845 г.), но сердечно извиняется, что онъ не достоинъ чести, ему оказанной, потому что онъ „еще долженъ учиться надъ сочиненіемъ славнаго Шафарика, учиться *языку*, чтобы вполнѣ оцѣнить его достоинства". Подтвержденіемъ того же мы находимъ и въ письмахъ Гавличка изъ Москвы: вначалѣ онъ могъ говорить съ однимъ Бодянскимъ, какъ знавшимъ его языкъ. Но главное — общій характеръ нашей жизни, и спеціально московской.

„О славянствѣ я,—пишетъ тотъ же воспитатель у Шевырева,—и не говорю: крику много, толку мало (malo vlny). Если бы не было Бодянскаго, давно бы я уже думалъ о томъ, какъ бы убраться въ Австрію съ тою же радостью и желаніемъ, съ какою летѣлъ я изъ Бродъ до Радзивилова. Единая моя утѣха—Бодянскій, и я весьма радъ тому, что, имѣя о немъ изъ Праги лишь посредственное мнѣніе, нашелъ больше, чѣмъ ожидалъ". Потомъ они разошлись, и Гавличекъ сейчасъ же побѣжалъ изъ Москвы назадъ, въ Австрію.

Но что же и гдѣ же славянофилы? Послушаемъ разсказъ или трудную повѣсть объ „оппозиціи" того же даровитаго наблюдателя изъ Праги.

„Я,—пишетъ Гавличекъ,—имѣлъ счастіе попасть между лучшихъ людей. Въ нашемъ домѣ и у Погодина—средоточіе всего народнаго и искреннихъ стараній объ усовершенствованіи русской литературы. Хомяковъ, Павловъ, Кирѣевскій, Снѣгиревъ постоянно у насъ". Но, тѣмъ не менѣе, онъ свидѣтельствуетъ, что ученыхъ работъ очень мало, ибо „мало кто изъ русскихъ писателей имѣетъ, когда посидѣть и внимательно поработать: обѣды, вечера, собранія, визиты не даютъ имъ, бѣднякамъ, даже опомниться".

Въ другомъ, болѣе позднемъ, письмѣ Гавличекъ дѣлаетъ, между прочимъ, весьма рельефную характеристику славянофиловъ. „Здѣшняя славянская, т.-е. русская, или антипетербургская, партія сильно патріотствуетъ à la Rus; но по сю пору это патріотничанье выражается только въ продолжительныхъ и частыхъ рѣчахъ и спорахъ, на которые собираются, и эти споры такъ обширны, что оставляютъ имъ мало времени и силъ для дѣла. Между тѣмъ, ихъ патріотизмъ проявляется только въ томъ, что 1) приказываютъ себѣ шить фантастическія русскія платья и сами ихъ крестятъ, напр., святославка; и 2) что заказываютъ облатки для запечатанья и визитныя кар-

точки съ церковно-славянскими буквами, желая тѣмъ импонировать Петербургу—*соблазнять славянщиной Петербургъ*". Впрочемъ, подобными же пустяками отмѣчена была и современная эпоха чешскаго возрожденія, за порогомъ вліянія Шафарика. Дѣлая планы изъ Москвы на 1845 годъ, Гавличекъ обѣщаетъ заглянуть въ Прагу на два—три дня, послушать новыя патріотическія сплетни, узнать—сколько дѣвицъ уже выучилось чешскому правописанію, сколько студентовъ начинаетъ кропать стихи, „короче говоря—какъ *роятся патріоты*". Въ только-что вышедшихъ запискахъ высокоуважаемаго Нестора чешскихъ историковъ, когда-то учителя дѣтей Шафарика, В. Томка, не одна страница иллюстрируетъ замѣтки Гавличка. Но для нѣкоторыхъ, напр. для Д. Валуева, Гавличекъ дѣлаетъ исключеніе, что они кое-что и полезное дѣлаютъ, посылаютъ на коммиссію въ Прагу русскія книги, несмотря на крупные расходы по пересылкѣ, и др. [1])

Срезневскій, сообщая въ Прагу о скоромъ прибытіи туда изъ Казани мѣстнаго слависта, Григоровича, того, котораго онъ раньше сдѣлалъ армяниномъ, рекомендуетъ его Ганкѣ, какъ ученаго, который „уже прекрасно понимаетъ многія славянскія нарѣчія, уже написалъ два сочиненія о славянской литературѣ, между тѣмъ какъ мы (т.-е. авторъ и Прейсъ) и до сихъ поръ остаемся при мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ". Григоровичъ, по матери полякъ, какъ правильно назвалъ его тогда же Гавличекъ, притомъ изъ начальной базиліанской школы, сотоварищъ Еловецкаго, одного изъ первыхъ „змартвыхвстанцевъ", зналъ польскій языкъ, конечно, безукоризненно. Чешскія книги читалъ, ибо съ каѳедры объяснялъ такого труднаго чешскаго поэта, какъ Воцелъ († 1871), о чемъ и говоритъ Срезневскій. Но Срезневскій сейчасъ же дѣлаетъ логическій скачокъ и неправильное, поспѣшное заключеніе. „Сравнивая Григоровича съ нами,—пишетъ онъ,—въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что славянство у насъ fait de progrès pas endormant" [2]).

---

[1]) Какъ вездѣ, мы пользуемся и здѣсь, въ письмахъ Гавличка, своими выписками изъ оригиналовъ, что́ въ Пражскомъ Музеѣ. Молодой Ѳ. В. Чижовъ, послѣ славянскаго путешествія, въ октябрѣ 1847 года пишетъ Гоголю: „молодые москвичи сильно мнѣ нравятся; одно меня въ нихъ немного отклоняетъ, это ихъ вражда къ европейскому... На враждѣ не выѣдешь"... („Русск. Старина", 1889, августъ, 378).

[2]) Странно утвержденіе Жихарева, въ его воспоминаніяхъ, что славянофильское ученіе распространялось съ удивительными, почти невѣроятными быстротою и повсемѣстностью („Вѣстн. Европы", 1871 г., сентябрь, 28). Въ самой Москвѣ онъ тяготѣлъ къ двумъ точкамъ: на углу Петровки и Газетнаго переулка, и у Красныхъ воротъ.

Но если спеціалисты только при мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ, то какъ далеко общество должно было быть отъ славянской реальности!.. Припоминаются слова Гавличка изъ Москвы — „много крику". Не безъ основанія и язвительныя замѣчанія Гавличка о лекціонной проповѣди, о постоянномъ выкрикиваніи съ каѳедры: „мы, славяне, уже тогда дали міру то и то", дѣлая небольшой подмѣнъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ *тогда* кое-кто изъ нихъ, славянъ, по его, нѣсколько гиперболическому выраженію, грызъ еще желуди.

Нужны средства, нужны *знанія*. Это могло бы быть только впереди, въ будущемъ, такъ какъ каждое, и самое малое, знаніе требуетъ труда, не дается однимъ хотѣніемъ [1]). Гдѣ же этотъ быстрый прогрессъ, какъ онъ представлялся харьковскому другу Ганки? Славяне—какое-то привилегированное сословіе на землѣ; они всегда запаздываютъ своимъ появленіемъ въ лабораторіи человѣческаго труда, легко относятся къ этой первой задачѣ жизни: за нихъ-де кто-то другой сдѣлаетъ. Отсюда такая малая стоимость ихъ на міровомъ рынкѣ. „Хотѣть и дѣлать, особенно у русскихъ патріотовъ,—замѣчаетъ Гавличекъ въ одномъ изъ своихъ московскихъ писемъ разсматриваемаго времени,—большая разница". Одно исключеніе составляютъ чехи: они безъ разлада между мыслью и дѣломъ. Суровая нянька-дѣйствительность, добрый примѣръ нѣмецкихъ сосѣдей — выработали у земляковъ Шафарика, исподоволь, привычку къ накопленію труда, къ образованію запасовъ его, которымъ они и дѣлятся съ тѣми, которые — въ положеніи дѣвъ евангельской притчи, оставшихся безъ елея, по своему неряшеству, нерадѣнію, безпечности [2]). Мы

---

[1]) Прекрасное стихотвореніе Хомякова „Беззвѣздная полночь" съ крупнымъ анахронизмомъ: на горѣ Петринъ, что надъ Прагой, поэтъ видитъ храмъ св. Меѳодія, а на дѣлѣ, на вершинѣ этой горы, рубили головы преступникамъ. Поэтому на этой горѣ и такъ называемая „кальварія".

[2]) Въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка Мацѣевскій освѣжилъ въ наукѣ вопросъ о православіи у славянъ Запада. На этомъ вопросѣ тотчасъ же, именно въ 1840 году, остановился знаменитый епископъ Иннокентій Борисовъ, тогда ректоръ кіевской академіи. Чрезъ Иванишева онъ ищетъ *въ Прагѣ* полнаго списка необходимыхъ сочиненій. „Я думаю,—пишетъ Иванишевъ Ганкѣ 3-го ноября 1840 г.,—что г. Шафарикъ не откажется также сообщить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, для составленія полнаго реэстра сочиненіямъ и памятникамъ. Онъ препоручилъ мнѣ также спросить васъ о трехъ церквахъ краковскихъ"... Чрезъ немного лѣтъ тотъ же вопросъ остановилъ вниманіе славянофиловъ. Другъ Валуева, В. Елагинъ, проситъ у Ганки такого же реестра, особенно изъ времени Гуса, съ выписками, возможно полной библіографіей: „всякое извѣстіе весьма важно для насъ, бродящихъ во мракѣ невѣдѣнія по этому предмету". Самъ же Валуевъ приписалъ объ условіяхъ: „если бы

видѣли выше примѣры обращенія съ нашей стороны къ Шафарику, по тому или другому вопросу; но они могли быть значительно увеличены. Да наконецъ вся огромная ученая дѣятельность Шафарика есть одинъ отвѣтъ на одинъ грандіозный вопросъ со стороны славянъ,—слѣдовательно, и со стороны насъ, русскихъ. Таково его учительское значеніе.

Александръ Кочубинскій.

кто изъ *настоящихъ* ученыхъ взялся разрабатывать этотъ предметъ или что другое, соприкасающееся съ нимъ, то 30 и болѣе гульденовъ"—за листъ. Думается, что деликатный Валуевъ имѣлъ въ виду Шафарика, говоря о *настоящихъ* ученыхъ и приглашая къ содѣйствію ему.

ЧЕЛОВѢКЪ ПОРЯДКА

РАЗСКАЗЪ.

Все, что я предсказывалъ—сбылось. Эта дѣвочка принесла намъ только одно горе. Конечно, странно было разсчитывать на благодарность. Развѣ теперь кто-нибудь считаетъ нужнымъ быть благодарнымъ? А, кажется, нашей-то Панѣ было бы за что.

„Паня!“ Все это выдумки жены. Окрестили ее Степанидой. Мать была прачкой—поденщицей; простудилась, умерла, а дѣвочку принесли къ намъ на кухню. Почему именно къ намъ—не знаю. И все бы обошлось прекрасно, еслибы, случайно, жена не услыхала крика ребенка и не узнала о всей этой исторіи. Я никогда не жалѣлъ, что у насъ не было дѣтей; жена тоже относилась къ этому обстоятельству довольно равнодушно,—но тутъ, въ одну ночь, съ ней совершился какой-то переворотъ. Ребенокъ былъ еще совсѣмъ крошечный, всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ; что-то у него болѣло, и жена принялась лечить, кормить, рвать ему на пеленки какія-то старыя простыни. Я едва добился, чтобы она въ эту ночь легла спать. На другой день дѣвочка все еще была у насъ, а жена къ обѣду вышла съ красными, заплаканными глазами.

— Ни за что не отдамъ ее, пока она не выздоровѣетъ,—заявила она.—Въ воспитательномъ, говорятъ, и здоровыя дѣти мрутъ, какъ мухи,—гдѣ же выжить такой слабенькой? Не могу, не могу! Мнѣ все будетъ казаться, что я виновата въ ея смерти.

Прошло еще три-четыре дня, а дѣвочку и не думали увозить. У жены почему-то все болѣла голова, и она отказывалась

ѣхать куда-либо вечеромъ; а когда и я оставался дома, то не могъ не замѣчать, какъ она постоянно срывалась съ мѣста, бѣгала въ кухню, а возвратившись, къ чему-то тревожно прислушивалась и разсѣянно отвѣчала на мои вопросы.

— Когда же ее отправятъ?—спросилъ я, наконецъ.

Жена не то испугалась, не то разсердилась.

— Неужели она тебѣ мѣшаетъ? Вѣдь говорю же тебѣ, что она очень слабенькая и болѣзненная. И такая крошка! Вѣдь это надо быть жестокимъ, безсердечнымъ...

— Позволь! — но если ждать, когда она будетъ сильной и здоровой,... сколько же это придется ждать?

Жена поблѣднѣла и упрямо сжала губы.

Сколько я ни говорилъ, и сколько я ни убѣждалъ, я не могъ добиться отъ нея ничего, кромѣ слезъ и короткихъ восклицаній: „Боже мой! да кому она мѣшаетъ?“ — „Да вѣдь это ребенокъ, а не щенокъ!“ — „Да ты поди, взгляни на нее! взгляни!“

Черезъ недѣлю у ребенка была уже собственная комната, гдѣ прежде помѣщались гардеробы и сундуки жены; черезъ мѣсяцъ у него была собственная няня и самъ онъ ползалъ по свѣтлому ковру нашей гостиной... Ни одного дня не проходило, чтобы я не пробовалъ убѣдить и облагоразумить жену. Когда я говорилъ кротко, она молчала и поджимала губы; когда я сердился и грозилъ—она плакала. Она до такой степени измѣнилась, что я началъ опасаться, не больна ли она? Она была въ постоянной тревогѣ, точно въ постоянномъ испугѣ. Одинъ разъ, когда мы вмѣстѣ вернулись изъ театра, она быстро прошла въ комнату ребенка, но сейчасъ же бросилась бѣжать въ мой кабинетъ и остановилась передо мной блѣдная, какъ платокъ, съ трясущимися, тоже побѣлѣвшими губами. Я сильно испугался.

— Что съ тобой?

— Гдѣ Паня? —прошептала она.—Гдѣ? Это ты?.. ты?

— Я не знаю, какая Паня? что—Паня?

— Моя Паня! Моя дѣвочка... Отдай! Не будетъ ея, не будетъ и меня. О, я все время этого боялась! Я знала!

Я видѣлъ, что она близка къ обмороку или къ истерическому припадку, и серьезно растерялся, тѣмъ болѣе, что я понялъ, въ чемъ она подозрѣваетъ меня, но, на самомъ дѣлѣ, ни въ чемъ не былъ виноватъ. Къ счастью, это недоразумѣніе сейчасъ же разъяснилось: оказалось, что дѣвочку взяла къ себѣ горничная, такъ какъ новая нянька убѣжала куда-то изъ дома, какъ только мы уѣхали въ театръ. Боже мой! какъ обрадовалась жена! И въ этотъ вечеръ она уже не молчала. Ласкала и

умоляла меня простить ее за ея опрометчивое обвиненіе; она призналась, какъ мучилась все время боязнью, что у нея могутъ отнять ея дѣвочку, что я не захочу оставить ее совсѣмъ. Она увѣряла, что не можетъ жить безъ нея, и все плакала, плакала... „Оставить ее совсѣмъ“! Эта мысль нисколько не улыбалась мнѣ, но отказать женѣ въ такомъ горячемъ ея желаніи у меня не хватило духу. Я опять сталъ разсуждать и увѣщевать, хотя уже отлично видѣлъ, что все, что я говорю, не имѣетъ для нея никакого значенія. Она уже поняла, что отказать я ей не могу, и что если она будетъ продолжать настаивать, то дѣвочка останется у насъ совсѣмъ. И дѣвочка осталась.

Удивительная женщина—моя жена! Она маленькая, худенькая, бѣлокуренькая, и лицо у нея кроткое, даже какъ будто робкое по выраженію. Стоитъ на нее взглянуть, чтобы увидѣть, до чего она слаба, безпомощна, безвольна. На самомъ дѣлѣ трудно найти человѣка настойчивѣе ея. У нея какая-то особенная покорная настойчивость. Она не споритъ, не возражаетъ, но она борется за свою цѣль нѣмой, терпѣливой, скрытной борьбой, въ важныхъ случаяхъ продолжающейся цѣлыми годами. Въ первые годы послѣ женитьбы я не подозрѣвалъ въ ней этой черты и узналъ ее хорошо, увы, слишкомъ поздно! Потомъ я понялъ и увѣрился, что жена рѣшила оставить у себя Паню въ ту же первую ночь, когда ее принесли въ кухню; тогда же она намѣтила и всю ея послѣдующую судьбу, и съ тѣхъ поръ не переставала лелѣять свою мечту и дѣлать все возможное и невозможное для ея осуществленія. Надо сказать, что мнѣ она оказала слишкомъ мало довѣрія. Она никогда не говорила со мной о своихъ планахъ насчетъ дѣвочки, а я не разъ развивалъ при ней ту мысль, что воспитывать дочь прачки, какъ бы мы воспитали собственную дочь, вполнѣ нелѣпо и неблагоразумно, и что если мы не хотимъ сдѣлать ее несчастной и непригодной къ жизни, то не надо портить ее баловствомъ, излишними нѣжностями, а напротивъ, съ дѣтства пріучать ее къ труду, къ покорности, къ мысли о необходимости зарабатывать свой хлѣбъ собственными руками.

— Пусть сперва доростетъ до того, чтобы что-нибудь понимать,—смѣясь, сказала жена.—Пока ей нуженъ только физическій уходъ, а онъ ни нашей дочери, ни дочери прачки повредить не можетъ.

Появилась новая степенная няня. Появилась полная обстановка дѣтской комнаты: кроватка, ванночка, игрушки. Нерѣдко, въ гостиной, или даже у себя въ кабинетѣ, я поднималъ съ пола какую-нибудь резиновую куклу, кошку, крошечный вязаный баш-

мачокъ или даже цѣлую пеленку. Иногда это раздражало меня. Особенно было мнѣ непріятно то, что жена вдругъ разлюбила выѣзжать и стала замѣтно тяготиться самыми элементарными обязанностями свѣтской женщины. Она забывала отдавать визиты, отказывалась отъ приглашеній, которыя необходимо было принять. Одинъ разъ я не выдержалъ.

— Такъ нельзя!—замѣтилъ я.—Я не могу допустить, чтобы наши отношенія къ людямъ, наши личные вкусы, привычки, словомъ, вся наша жизнь ставилась въ зависимость отъ подкидыша, отъ дочери нашей поденщицы. Я требую, чтобы этого не было!

Жена стала осторожнѣе, но, тѣмъ не менѣе, я не могъ не замѣтить, какъ ребенокъ все сильнѣе и сильнѣе захватывалъ мой домъ въ свою власть. Случилось какъ-то такъ, что мы переѣхали на другую квартиру, и въ этой новой квартирѣ ему отвели большую, свѣтлую комнату. Въ швейцарской стояла колясочка, въ которой дѣвочку катали по улицамъ. На мой вопросъ, дома ли барыня, прислуга отвѣчала мнѣ:—„онѣ въ комнатѣ барышни", или: „онѣ ушли гулять съ барышней". Знакомыя дамы говорили мнѣ: „ваша прелестная малютка"... и, какъ я узналъ, привозили моей „малюткѣ" игрушекъ и конфетъ.

— Что ты хочешь сдѣлать изъ дѣвчонки?—спрашивалъ я жену.—Ты держишь ее такъ, будто ты совершенно забыла, кто она. Впослѣдствіи у нея будетъ фальшивое положеніе. Не думаешь же ты воспитать ее барышней, пріучить ее къ довольству, скажу даже—къ богатству, а затѣмъ предоставить ей зарабатывать кусокъ хлѣба.

— Но какъ же она будетъ зарабатывать, если я не позабочусь о томъ, чтобы она была здоровой, образованной?

— Однако, ея мать обошлась безо всякаго образованія.

Жена поджала губы. Она дѣлала это каждый разъ, какъ я упоминалъ о матери ребенка.

— Хорошо обошлась!—тихо сказала она.—Да и, наконецъ, не все ли равно, кѣмъ была мать Пани? Ея нѣтъ, а вмѣсто нея—я. Мать Пани сдѣлала бы для дочери все, что могла бы, а я сдѣлаю, что я могу.

— Нѣтъ, это неправильно!—возразилъ я.—Совсѣмъ не все равно, кѣмъ была мать дѣвочки. Ея происхожденіе должно руководить тобой въ дѣлѣ воспитанія ребенка. Сдѣлай изъ своего пріемыша честную прислугу, хорошую работницу—и ты исполнишь добровольно взятый на себя долгъ. Но если ты привьешь ей вкусы и привычки барышни, если ты будешь учить и разви-

вать ее, ты принесешь ей вредъ, одинъ несомнѣнный и непоправимый вредъ.

Когда дѣвочка была еще очень мала, я только случайно и мелькомъ видѣлъ ее; когда она стала ходить и бѣгать, ее уже трудно было удержать въ одной комнатѣ, и наши встрѣчи стали болѣе частыми и продолжительными. Тутъ я услыхалъ, что она называетъ мою жену „мамой“.

— Зачѣмъ это?—возмутился я.—Какъ это нетактично!

— А кто же ей больше мать, чѣмъ я? — заволновалась жена.—И чѣмъ она мнѣ не дочь? Богъ не далъ мнѣ собственныхъ дѣтей, но послалъ мнѣ эту. И кто знаетъ, кто кому больше нуженъ: я ли ей, или она мнѣ?

Я понялъ, что повліять на жену, при ея страстной привязанности къ дѣвочкѣ, я не въ силахъ, и хотя и продолжалъ дѣлать необходимыя, по моему мнѣнію, замѣчанія, но уже ни во что̀ не вмѣшивался и предоставилъ женѣ полную свободу дѣйствій. Она дѣлала одну глупость за другой. Сперва къ дѣвочкѣ была взята гувернантка, потомъ ее отдали приходящею въ частную гимназію.

— А какъ ея фамилія?—спросилъ я какъ-то.

Жена нахмурилась.

— Гимназія частная!—нéхотя отвѣтила она.—Тамъ ея фамилія—наша.

Каждый день я видѣлъ Паню за обѣдомъ. Когда я входилъ въ столовую, она всегда стояла за своимъ стуломъ, присѣдала мнѣ издали, а я кивалъ ей головой и иногда шутилъ съ ней. Она была хорошенькая и, кажется, очень веселая и шаловливая, но при мнѣ она всегда держала себя очень сдержанно, какъ будто стѣснялась или побаивалась меня. Мнѣ нравилось, что у нея совсѣмъ черные волосы, смуглый цвѣтъ лица и при этомъ голубые глаза. Это—рѣдкое сочетаніе. Черты лица ея были очень неправильны, но не рѣзки, и общее впечатлѣніе получалось пріятное. Я иногда любилъ ее подразнить, и тогда она краснѣла и смущалась. Я зналъ, что училась она очень хорошо, но увѣрялъ, что до моего свѣдѣнія дошло, что она не знала урока и была наказана. Или я просилъ ее не оглушать меня своей болтовней, тогда какъ она молчала, какъ обыкновенно молчала при мнѣ. Вообще, я всегда былъ съ ней ласковъ, но никогда не удавалось мнѣ вызвать ни ея смѣха, ни отвѣтной шутки. Она или робѣла, или поднимала на меня такіе серьезные вдумчивые глаза, что мнѣ даже становилось любопытно: что̀ она думаетъ обо мнѣ? какъ она относится ко мнѣ? Одинъ разъ, тоже за обѣдомъ, она

долго, пристально глядѣла на меня, думая, что я не замѣчаю этого, потомъ перевела свой взглядъ на жену, потомъ опять на меня. Она будто что-то искала понять, разрѣшить. Я окликнулъ ее, и она покраснѣла до слезъ. Въ концѣ концовъ, не скрываю, я привязался къ ней, привыкъ къ ея присутствію въ домѣ, и мнѣ было бы скучно, еслибы ея молодое, привлекательное лицо не оживляло нашего однообразнаго обѣденнаго часа. Жена уже давно начала прихварывать и гости въ нашемъ домѣ стали большой рѣдкостью. У меня вошло въ привычку ѣздить по вечерамъ въ клубъ, а такъ какъ днемъ я сидѣлъ на службѣ, мнѣ было некогда, да и не было желанія поддерживать прежнее многочисленное знакомство. Послѣ обѣда я любилъ отдыхать, и поэтому всегда обѣдалъ дома. Присутствіе Пани было мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что, признаюсь, мнѣ было немного тяжело глазъ на глазъ съ моей женой. Что сдѣлалось съ ней—я не знаю, но она такъ измѣнилась по отношенію ко мнѣ, что еслибы не постепенность этой перемѣны, я бы, конечно, постарался узнать о ея причинѣ и основаніи. Но эта постепенность такъ сгладила впечатлѣніе, что, по совѣсти, я долго ничего не замѣчалъ, а когда замѣтилъ, то уже почти привыкъ къ нашимъ новымъ отношеніямъ и понялъ, что стараться измѣнить ихъ было бы уже поздно. Почему-то мы стали совсѣмъ чужіе другъ другу. Намъ даже не о чемъ стало говорить. Ее не интересовало то, что интересовало меня, и ея равнодушіе отбивало у меня всякую охоту дѣлиться съ ней моими служебными впечатлѣніями, надеждами, мечтами. Когда я передавалъ ей какой-нибудь сенсаціонный слухъ, или даже достовѣрную новость изъ той области, которая по моему общественному положенію больше всего занимала меня, она говорила: „а!“—и по лицу ея я видѣлъ, что она думаетъ о чемъ-то другомъ, о своемъ. Но о чемъ о своемъ? Я всегда былъ убѣжденъ, что это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить: какія-нибудь хозяйственныя распоряженія, какія-нибудь заботы о модныхъ тряпкахъ. Словомъ, женскія мелкія будничныя мысли, несомнѣнно необходимыя, но незначительныя. Допытываться о нихъ мнѣ казалось совершенно лишнимъ. Мы стали молчать. Свою болѣзнь она тоже долго скрывала отъ меня, и я узналъ о ней случайно, замѣтивъ, что она принимаетъ за обѣдомъ лекарство. Это даже обидѣло меня! На мои упреки она промолчала, но когда я выразилъ опасеніе, что она недостаточно заботится о своемъ леченіи, у нея вдругъ покраснѣли вѣки и она отвѣтила съ непонятной горечью:

— О, нѣтъ! я слишкомъ хочу жить! слишкомъ! На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ.

Говорятъ, что подъ старость годы идутъ необычайно быстро. Это вѣрно. Я почти не замѣтилъ, какъ прошло настолько много лѣтъ, что жена стала едва не старушкой, а Паня—молодой, красивой дѣвушкой. Впрочемъ, жену состарили не столько годы, сколько болѣзнь. Она очень похудѣла, и поэтому лицо ея избороздилось морщинами, волосы порѣдѣли, а глаза приняли усталое, разсѣянное выраженіе. Паня стала еще болѣе серьезной и сдержанной. Я уже не дразнилъ ее, какъ прежде, и она уже не впивалась въ меня своимъ пристальнымъ вопросительнымъ взглядомъ. Неожиданно я нашелъ въ ней умненькую, внимательную собесѣдницу. Правда, что сама она очень мало высказывалась, но жадно слушала всѣ слухи и толки, которые я ей передавалъ. Время настало такое живое и горячее, что я не удивлялся, что такая молоденькая дѣвушка, какъ Паня, не чужда и общественнымъ и политическимъ вопросамъ, что она за всѣмъ слѣдитъ, все читаетъ и даже старается найти какую-то собственную точку зрѣнія. Я опасался, что, по своей крайней молодости, она увлечется слишкомъ распространенными опасными и вредными идеями, и старался повліять на ея умъ и дать ему надлежащее направленіе. Меня всегда раздражало отсутствіе благоразумія, возбужденность и, вообще, все безпокойное и неуравновѣшенное въ человѣкѣ. Я нахожу, что для жизни прежде всего необходимъ порядокъ, а для порядка необходимо, чтобы люди знали свое мѣсто, свое дѣло и свою цѣль. Изъ безпорядка никогда ничего не выйдетъ и не можетъ выйти, кромѣ того же безпорядка, и поэтому его надо устранять. Я люблю людей и жалѣю ихъ, когда имъ плохо, но не приведу нищаго въ свой кабинетъ и не буду угощать его сигарами, потому что это прежде всего глупо. Не менѣе глупо увлекаться идеями и дѣлать изъ-за нихъ непоправимыя ошибки, потому что идеи мѣняются, а потребность человѣка пользоваться возможно бо̀льшими благами жизни остается неизмѣнной. Я съ удовольствіемъ излагалъ всѣ эти трезвыя мысли опытнаго и уравновѣшеннаго человѣка, а она слушала и предлагала мнѣ иногда очень забавные, неожиданные вопросы:

— Кто опредѣляетъ мѣсто человѣка? Что̀ такое порядокъ?

Я спокойно и терпѣливо отвѣчалъ ей на все, и мнѣ даже было пріятно, что она еще такъ наивна и искренна. Я могъ разсчитывать оказать на нее немалое вліяніе. Это всегда лестно, а Паня, такая красивая и оригинальная, положительно начинала не на шутку нравиться мнѣ. Правда, меня иногда затрудняло

объясненіе какого-нибудь вопроса, потому что моя ученица не удовлетворялась моими доводами и отказывалась признать извѣстныя положенія. Такъ было, когда мы обсуждали, правы ли или неправы тѣ, кто рискуетъ жизнью изъ-за увлеченія идеей.

— Когда рискуютъ жизнью укротители звѣрей или воздушные гимнасты въ циркѣ, я ихъ понимаю и жалѣю,—сказалъ я;—ихъ толкаетъ нужда. Когда это дѣлаютъ студенты, курсистки и т. д., я ихъ тоже жалѣю, по человѣчеству, но я не сочувствую имъ. Нѣтъ! Я вижу въ нихъ тотъ элементъ безпорядочности, возбужденности, неосмысленности, который мнѣ уже потому противенъ, что онъ нарушаетъ порядокъ жизни безъ всякой пользы.

— Всякій протестъ безполезенъ?—спросила Паня.

— Отчего же?—нѣтъ! Если протестъ разуменъ, если протестующіе заслуживаютъ довѣрія...

— А кто заслуживаетъ довѣрія?

— Люди, уже зарекомендовавшіе себя. Не какіе-нибудь юнцы, или неудачники, или Богъ знаетъ кто.

— Значитъ, только тѣ, кому не изъ-за чего протестовать?

— Нѣтъ, Паня, тѣ, которые не будутъ этого дѣлать изъ-за невозможнаго.

— А развѣ юнцы, неудачники и тѣ, кого вы назвали „Богъ знаетъ кто", требуютъ только невозможнаго?

— Дѣло въ томъ, что они не имѣютъ права ничего требовать, и поэтому то, что они требуютъ, пожалуй невозможно.

— А имъ дадутъ это право, если они не будутъ протестовать? Кому же оно и нужно, какъ не тѣмъ, кто во всемъ нуждается и ничего не имѣетъ? Пусть возможное перестанетъ для нихъ быть невозможнымъ.

Какъ я ни бился, доказывая ей, что давать людямъ право требовать хотя бы возможное можетъ разрушить весь порядокъ жизни, она не поняла.

— Я думала, что порядокъ въ жизни—это то, когда въ ней все хорошо, справедливо,—когда нѣтъ обиженныхъ, лишенныхъ правъ.

— Порядокъ—это прежде всего то, когда призванные къ власти—властвуютъ, а обреченные повиноваться—повинуются.

— Кто же ихъ призвалъ? Кто обрекъ?

Я съ недоумѣніемъ замѣчалъ, что у взрослой дѣвушки нѣтъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ основныхъ положеніяхъ строя жизни. Ей казались страннымъ и невозможнымъ то, что было вполнѣ обыкновенно и даже неизбѣжно, и наоборотъ, ей пред-

ставлялось необходимымъ то, что въ практикѣ жизни считалось недопустимымъ. Я не могъ не обвинить жену въ такой непростительной небрежности къ ея внутреннему міровоззрѣнію. Она должна была понять это изъ моихъ взглядовъ и заключеній, но никогда не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ, и только, почему-то, принимала такой угнетенный и страдающій видъ, будто я каждымъ словомъ своимъ причинялъ ей невыносимую боль.

Отъ Пани не было скрыто ея происхожденіе. Я настоялъ на этомъ, да женѣ и трудно было бы скрыть, еслибы она даже и захотѣла этого. Тѣмъ не менѣе, дѣвушка продолжала звать ее „мамой", и я видѣлъ въ ихъ отношеніяхъ близость и нѣжность настоящаго кровнаго родства. Удивляло меня то обстоятельство, что жена моя, располагавшая собственными средствами, какъ будто и не собиралась обезпечить ими свою пріемную дочь и, вообще, совсѣмъ не заботилась объ этомъ вопросѣ. Когда здоровье ея значительно ухудшилось, я ожидалъ, что она пожелаетъ сдѣлать духовное завѣщаніе, но ей какъ будто никогда и не приходила въ голову эта мысль. Такая беззаботность въ отношеніи къ ея любимицѣ даже удивила меня. Столько любви, щепетильности, сентиментальности, и такая небрежность къ самому главному! Я тогда же рѣшилъ, что непремѣнно буду помогать Панѣ. Пусть и она пойметъ, что въ жизни трезвое отношеніе къ людямъ—самое правильное отношеніе.

Въ одинъ осенній день жена слегла и уже не вставала.

Близость роковой развязки была очевидна. Я старался чаще бывать дома и заѣзжалъ иногда въ такое время, когда меня никто не ждалъ. Паня въ этотъ годъ кончала курсъ гимназіи, но въ это время перестала посѣщать классы и неотлучно ходила за больной. За обѣдомъ мы оставались съ ней съ глазу на глазъ.

— Паня!—сказалъ я какъ-то:—не хорошо, что ты пренебрегаешь своими уроками. Мамѣ, я увѣренъ, это тоже непріятно. Чего же проще, какъ взять сидѣлку? Тогда жизнь не будетъ выбита изъ колеи и все придетъ въ порядокъ.

Дѣвушка вспыхнула, и я невольно залюбовался ею,—такъ она сдѣлалась красива.

— Я, Петръ Егоровичъ, больше въ гимназію не пойду,—сказала она.

— Какъ такъ? почему?

— Мамѣ плохо. Очень плохо. Когда ея не станетъ—я уѣду.

Меня это заявленіе серьезно взволновало.

— Да что ты, сумасшедшая! Куда? Зачѣмъ?

— Я могу получить мѣсто сельской учительницы. И мнѣ уже обѣщано.

— Да ты сумасшедшая! Какое тебѣ мѣсто? Тебѣ прежде всего надо кончить курсъ,—тогда у тебя будетъ дипломъ. У тебя будетъ возможность устроиться иначе: лучше, выгоднѣе. Неужели ты думаешь, что я допущу... позволю?

Она вскинула на меня свои странные серьезные глаза и пристально поглядѣла мнѣ въ лицо.

— Мы такъ рѣшили съ мамой. Такъ надо. Такъ будетъ.

Я швырнулъ салфетку. Я ужасно вспылилъ.

— Твоя мама... твоя мама всю жизнь жила фантазіями, сентиментами. Я называю это сентиментами, когда человѣкъ въ своемъ чувствѣ руководится не разумомъ, не практическими правилами жизни, а поэтическими выдумками, мечтами... Смыслъ этой послѣдней выходки для меня совершенно непонятенъ. Въ чемъ дѣло? Объясни, будь добра!

— Дѣло въ томъ, что мнѣ не на что будетъ жить, нечѣмъ платить.

Я нарочно сдѣлалъ испуганное лицо.

— Боже мой, какое несчастіе! А еслибы обратиться за помощью къ Петру Егоровичу? Нѣтъ? Нельзя? Ну, а если онъ самъ предложитъ, попроситъ даже?

Она опустила глаза и поблѣднѣла.

— Не будемъ говорить, пожалуйста. Я знала, что вы предложите. Но я не могу... Мнѣ не надо...

Она замолчала, и я тоже молчалъ и глядѣлъ на нее, ожидая какого-нибудь объясненія. Въ эту минуту, да проститъ меня Богъ, я ненавидѣлъ свою умирающую жену, я ненавидѣлъ ея вліяніе на эту дѣвушку, я ненавидѣлъ весь ея духовный, скрытый, жалкій міръ...

— Благодарю васъ!—наконецъ, съ горькой насмѣшкой, сказалъ я.—Благодарю васъ за ваше отношеніе.

Паня выпрямилась и опять въ упоръ поглядѣла на меня.

— Но почему бы я стала разсчитывать на васъ? Я, дочь прачки, могу быть учительницей. Развѣ это мало для меня? Развѣ я нуждаюсь въ сожалѣніи?—въ помощи? Развѣ это было бы въ порядкѣ вещей, еслибы я достигла еще бо́льшаго, лучшаго?

Опять начались эти несносные вопросы! Я невольно поморщился.

— Однако, насколько я понимаю, ваше положеніе, какъ дочери прачки, было до сихъ поръ довольно исключительное,— замѣтилъ я.

— Оно было исключительно благодаря мамѣ. Оно и будетъ такъ, благодаря ей. Съ нея все началось для меня и съ нею все кончается. Все, что я приняла бы отъ другихъ, было бы милостыней. Я не хочу. Мнѣ не надо.

Только тутъ я понялъ, что такое я былъ въ глазахъ Пани, въ глазахъ моей жены, и точно молнія на мигъ освѣтила все прошлое и показала мнѣ въ немъ такія картины, мимо которыхъ я прежде проходилъ, не замѣчая ихъ. Такъ вотъ она была какова, моя кроткая, молчаливая, безпомощная жена! Насколько постепенно и упрямо она сперва отстаивала положеніе Пани въ нашемъ домѣ, настолько же постепенно и упрямо она возстановляла дѣвочку противъ меня, изъ личной непріязни, изъ мести за то, что я, когда-то, протестовалъ противъ этого положенія. Она предпочла исковеркать всю судьбу дѣвушки, лишь бы не дать мнѣ возможности стать въ свою очередь полезнымъ и необходимымъ для нея. Она — все, я — ничто. Она — другъ, мать, я — врагъ, чужой, лишній.

Мы кончили обѣдъ въ тяжеломъ молчаніи, и я, по обыкновенію, ушелъ отдыхать, но заснуть мнѣ не удалось. То мнѣ хотѣлось пойти и сказать Панѣ при женѣ, что я не желаю больше ея присутствія въ домѣ; то, наоборотъ, мнѣ хотѣлось позвать Паню къ себѣ, пристыдить ее, растрогать и взять съ нея обѣщаніе, что она не уйдетъ на это дурацкое мѣсто учительницы, не обидитъ меня отказомъ принять отъ меня то, что принимала отъ жены. Я не сдѣлалъ ни того, ни другого, и, очень разстроенный, уѣхалъ въ клубъ.

Когда я вернулся, горничная сообщила мнѣ, что барынѣ плохо и что меня просятъ зайти къ ней. Я направился къ спальнѣ, очень встревоженный и огорченный, но когда я поспѣшно шелъ по корридору, дверь комнаты Пани быстро отворилась и сама Паня пошла ко мнѣ навстрѣчу.

— Она заснула теперь... Не ходите...— шепнула она.— Но, пожалуйста, Петръ Егоровичъ... Нѣсколько словъ.

Со свѣчой въ рукахъ, она быстро пошла впереди меня, завернула въ столовую и поставила свѣчу на столъ. Я никогда раньше не видалъ ее въ такомъ небрежномъ нарядѣ: на ней былъ какой-то узенькій, вѣроятно старенькій, застиранный капотъ, волосы ея были заплетены въ одну тяжелую косу, но не приглажены спереди, и поэтому все лицо ея было какъ бы оттѣнено безпорядочными, но очень живописными прядями естественныхъ завитковъ. Руки ея были немного красноваты, немного широки, и именно онѣ напомнили мнѣ въ эту минуту, что эта дѣвушка

не нашего круга, что ея происхожденіе не изгладится никакими заботами о ея воспитаніи. И тѣмъ не менѣе, въ эту минуту она нравилась мнѣ, какъ никогда.

— Ну, разскажи мнѣ,—началъ я,—что̀ такое съ ней было? Звали доктора? Она сильно страдала?

Я сѣлъ, а она продолжала стоять и, отвѣчая на мои вопросы, ни разу не взглянула мнѣ въ лицо. И тонъ у нея былъ такой, будто то, что̀ она говоритъ, очень мало интересно и важно, а если я спрашиваю, а она отвѣчаетъ, то дѣлается это только для соблюденія какой-то формальности. Меня это задѣло.

— А знаешь ли ты, — сказалъ я, — что ты меня сегодня очень обидѣла? Знаешь ли ты, что я не могъ не думать объ этомъ весь вечеръ?

Она слегка нахмурилась и отвернулась, а я взялъ ея руку, удержалъ ее въ своихъ силой, и продолжалъ говорить:

— Паня!—ты уже взрослая дѣвушка. Ты не можешь не наблюдать, не дѣлать своихъ заключеній. Что̀ ты видишь? Ты видишь, что я и жена — люди чужіе другъ другу. Мою жену ты называешь матерью, ты многимъ обязана ей, ты любишь ее, и поэтому ты всецѣло на ея сторонѣ. Про меня ты думаешь: „онъ безсердеченъ, онъ эгоистъ“, быть можетъ даже: „онъ самодуръ“. Но прежде всего, Паня, я—благоразумный, опытный, мало увлекающійся человѣкъ. Я гляжу въ корень вещей. Я не могу позволить себѣ ни одного важнаго шага, не опредѣливъ предварительно, какія послѣдствія онъ можетъ повлечь за собой въ будущемъ. Я не позволяю себѣ увлекаться одной внѣшней красотой поступка, потому что я знаю, что эта красота, потѣшивъ мое тщеславіе, можетъ впослѣдствіи имѣть горькіе плоды. Я человѣкъ дѣла, Паня. Но зато на меня можно положиться, зато мои друзья никогда не имѣли повода сѣтовать на меня. Твоя названная мать никогда не хотѣла понять этого. У нея всегда была слишкомъ восторженная, слишкомъ возбужденная душа. И если ты видишь нашу отчужденность, то—видитъ Богъ!—не я создалъ ее, а она, и, вѣрь мнѣ, вѣрь!—эта отчужденность тяжела мнѣ и горька, и обидна...

Она, все-таки, вырвала у меня руку и отодвинулась отъ меня.

— Не надо мнѣ этого говорить, — холодно сказала она.— Зачѣмъ? Все равно.

— Затѣмъ, чтобы ты поняла... Затѣмъ, чтобы ты чувствовала, что ты обидѣла меня.

Тогда она повернулась ко мнѣ и взглянула мнѣ прямо въ лицо.

— Я обидѣла васъ тѣмъ, что отказалась принять отъ васъ помощь? Но, Петръ Егоровичъ, я отказалась не только потому, что предлагали ее именно вы, а потому, что она мнѣ вообще не нужна.

— Не говори пустяковъ!

— Она мнѣ не только не нужна, она мнѣ была бы тяжела, невыносима, ненавистна! — вдругъ, точно внезапно охваченная какимъ-то порывомъ, заговорила она, и лицо ея внезапно поблѣднѣло, и голосъ прозвучалъ сдержанными, вздрагивающими нотами.

— Паня!

— Развѣ вы знаете меня? Развѣ вы хотите помочь мнѣ изъ любви ко мнѣ, къ моимъ мечтамъ, къ моимъ идеаламъ? Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Ахъ, да равѣ вамъ даже когда-нибудь приходило въ голову, что у меня могутъ быть свои мысли, свои убѣжденія, что у меня есть своя гордость?.. Вы видѣли меня каждый день и говорили при мнѣ, какъ говорятъ при попугаѣ, надѣясь, что онъ будетъ повторять заученныя на слухъ слова. Вы, кажется, вѣрили, что развиваете меня, ограждаете отъ пагубныхъ вѣяній и вліяній. Петръ Егогоровичъ!— вы сами много заботились о томъ, чтобы я не забыла своего происхожденія, чтобы я не заняла чужого мѣста. И я не забыла. Я—дочь прачки, вы — для меня баринъ. Когда я еще была въ пеленкахъ, вы уже презирали во мнѣ мое плебейство. Помощи отъ васъ?.. Нѣтъ! Я хочу быть свободной въ своемъ личномъ отношеніи къ вамъ. Въ свою очередь я презираю всѣ ваши права и преимущества... Я хочу быть тѣмъ, что я есть. Я хочу быть свободной и самостоятельной, и никакія подачки не смутятъ и не прельстятъ меня.

Я слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Быть можетъ, я бы даже разсердился, еслибы не видѣлъ, что говоритъ все это ребенокъ, да еще такой красивый, оригинальный ребенокъ. И вмѣсто того, чтобы разсердиться, я разсмѣялся.

— Дорогая моя, ты очень наивна...

— Менѣе, чѣмъ вы думаете,—отвѣтила она мнѣ и серьезно, и насмѣшливо. — Вы навели меня на то, чтобы я высказалась. Теперь, не правда ли, все ясно? Но мнѣ надо обратиться къ вамъ съ просьбой...

— Вотъ какъ! — удивился я. — Послѣ вашей исповѣди это уже неожиданность, Степанида Андреевна. Но я такъ мало злопамятенъ, что мнѣ эта неожиданность даже доставляетъ удовольствіе. Приказывайте!

Она нахмурила брови, и я могъ наблюдать на ея выразительномъ лицѣ слѣды несомнѣнной внутренней борьбы.

— Хоть бы вы обманули ее! — прошептала она. — Ну, хоть бы обманули! Теперь это такъ легко!

— Не понимаю, Паня. Не понимаю. Кого мнѣ обмануть? Зачѣмъ?

Она неожиданно заплакала; тихо, трогательно.

— Ее... Вашу жену. Развѣ вы не видите? Она теперь точно довѣрчивый ребенокъ. Она всю жизнь любила васъ и ужасно мучилась. Еслибы не любила, то зачѣмъ бы она все это стала терпѣть? Вѣдь вы связали ее, скрутили на всю жизнь своими взглядами, вкусами, стремленіями. Она, „восторженная, возбужденная душа", какъ вы сейчасъ опредѣлили ее, она была обречена на сушь и холодъ вашего карьеризма. Она, отзывчивая, чуткая, честная, она всю жизнь просидѣла въ тюрьмѣ и только слѣдила за тѣмъ, какъ гдѣ-то яснѣетъ и загорается небо новой зарей, какъ летятъ весеннія птицы. О, какъ бы она сама пожила и порадовалась этой весной! Нѣтъ! Она прежде всего была ваша жена. Ей надо было оборвать слишкомъ прочную цѣпь, чтобы выйти на свободу. Не болѣзнь убила ее, а горе, пренебреженіе къ самой себѣ, безнадежность. А какъ бы она могла быть счастлива именно въ наше время! И вотъ она умираетъ. И ничего!.. никакого утѣшенія!.. Она знаетъ, что и вамъ она была ненужна. Господи! — до чего же это ужасно! Да разубѣдите вы ее хоть въ этомъ. Ну, притворитесь... Ну, я не знаю... Вѣдь говорю я вамъ: она теперь всему повѣритъ. Понимаете вы? Ласки ей надо, ласки! — чтобы жалѣли вы ее... Чтобы... ну, чтобъ поплакали вы, что-ли, съ ней.

— О, какъ мнѣ противно вамъ это говорить! — шопотомъ, съ настоящей злобой заключила она.

Никогда я не видалъ, чтобы женщина, а тѣмъ болѣе дѣвушка, такъ рѣзко и красиво переходила отъ одного настроенія къ другому, изъ одного тона въ другой. Я былъ искренно взволнованъ.

— Полно, Паня! — сказалъ я, и опять положилъ свою руку на ея. — Ты, ей-Богу, считаешь меня какимъ-то извергомъ. А вотъ, видишь... я и самъ готовъ заплакать. Я — тюремщикъ! Да, да! — вотъ то понятіе, которое составило обо мнѣ слишкомъ возбужденное воображеніе моей жены. Вотъ понятіе, которое она постаралась навязать тебѣ. Я — тюремщикъ. Я — извергъ. Теперь мнѣ все ясно. Теперь мнѣ ясно, почему ты съ такимъ отвращеніемъ отказалась отъ моей помощи. Но... будь покойна! Я

еще разъ докажу, что я незлопамятенъ. Если кому-нибудь нужно мое доброе, сердечное слово, я не откажу въ немъ и врагу. А ей, бѣдной... Да проститъ ей Богъ!

На прощаніе Паня протянула мнѣ руку, а я привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ первый разъ въ жизни. Она вспыхнула, вздрогнула. Одну минуту мнѣ казалось, что она или ударитъ меня, или сдѣлаетъ что-нибудь еще болѣе неожиданное. Но она схватила свѣчу и быстро ушла къ себѣ. Я еще остался въ столовой. Я сидѣлъ въ темнотѣ и переживалъ странное чувство: мнѣ казалось, что еслибы Паня захотѣла, я бы могъ сдѣлаться ея слугой, ея рабомъ...

Черезъ два дня жена умерла. Все это время я почти безотлучно провелъ около нея, и она это оцѣнила. Прерывая свою болѣзненную дремоту, она звала меня и спрашивала:

— Ты здѣсь?

И когда я подходилъ, она улыбалась жалкой благодарной улыбкой и глядѣла на меня до тѣхъ поръ, пока глаза ея не закрывались сами собой. Я отъ души простилъ ей все и старался только объ одномъ, чтобы ея послѣдніе часы были какъ можно менѣе болѣзненны и какъ можно болѣе счастливы. Паня не могла бы меня упрекнуть ни въ чемъ. Она тоже не отходила отъ больной и двѣ ночи подъ рядъ даже не ложилась спать. Личико ея осунулось, поблѣднѣло. Я замѣтилъ одну ея манеру, которая удивительно шла къ ней: она стискивала руки и зубы, сдвигала брови и глядѣла впередъ неподвижнымъ, пристальнымъ, ничего не видящимъ взглядомъ. Съ такимъ выраженіемъ она была похожа на умнаго, упрямаго ребенка, который не хочетъ, чтобы кто-нибудь замѣтилъ его слабость, который борется съ этой слабостью и уже не можетъ преодолѣть ее. Слабость Пани было ея горе, ея одиночество. Ея пріемная мать была еще жива, но было слишкомъ очевидно, что ея духовнаго существа уже не стало, что ея сознаніе теряется и гаснетъ. Вспыхивали еще отдѣльныя искры, прорывались еще мгновенныя просвѣтленія... Одинъ разъ она раскрыла глаза и долго глядѣла попеременно, то на меня, то на Паню.

— Я сдѣлала все, что могла,—вдругъ тихо сказала она.

Я понялъ, что она говоритъ о своей пріемной дочери, и, желая порадовать и успокоить ее, высказалъ то, что уже было тогда моимъ твердымъ намѣреніемъ.

— Да, другъ мой, ты сдѣлала все, что могла. И я благо-

даренъ тебѣ, что заботу о ея матеріальномъ обезпеченіи ты предоставила мнѣ. Будь увѣрена, что я оправдаю твое довѣріе.

Она глядѣла на меня широко раскрытыми глазами, какъ бы не понимая смысла моихъ словъ.

— Наша Паня никогда не будетъ нуждаться ни въ чемъ,— пояснилъ я.—Обѣщаю тебѣ это.

Она почему-то встревожилась.

— Нѣтъ, все твое... Все твое,—торопливо зашептала она.— Она ничего чужого не взяла и не возьметъ... Пусть теперь живетъ, какъ можетъ. У нея все... все, что по праву принадлежитъ... каждому человѣку. Она это понимаетъ. Она такъ хочетъ. У нея все: здоровье, умъ... образованіе. Надо бы еще... учиться. Не изъ-за правъ... Нѣтъ!—не изъ-за правъ... Но что жъ дѣлать?..

Она устала говорить и замолчала, но замѣтно было, что мысль ея продолжаетъ работать и напрягаться.

— Такъ—все въ порядкѣ, —вдругъ громко сказала она.— Мы были нужны другъ другу. Она мнѣ еще больше, чѣмъ я ей. У другихъ мы ничего не взяли. Пусть теперь, какъ можетъ... Я ей вѣрю.

Это были ея послѣднія вполнѣ сознательныя слова. Позже она какъ будто забыла о нихъ; забыла и всѣ вычурныя, надуманныя идеи, которыя такъ искажали всю жизнь ея умъ и сердце, и тогда каждое ея слово, произнесенное въ полубреду, стало мнѣ понятнымъ. Цѣлыми годами окружала она себя какимъ-то непроницаемымъ туманомъ скрытности, сентиментальности и возвышенныхъ бредней, но насталъ роковой часъ, и она инстинктивно, безсознательно отказалась отъ собственныхъ, всей жизнью взлелѣянныхъ мечтаній.

— Петруша!—не оставь Паню!—теперь просила она.—Не оставь!..

Она тосковала, металась и слезы лились по ея лицу.

— Маленькая, слабенькая... Петруша!—оставимъ ее у себя... совсѣмъ!.. Ты взгляни на нее!

Иногда она ненадолго успокаивалась и лицо ея принимало величественное, почти гордое выраженіе. Это уже было выраженіе смерти. Тогда она уже ничего не сознавала, ни о комъ и ни о чемъ не думала.

Паня тоже стала болѣе простой и понятной. Она плакала, цѣловала руки умирающей и иногда много разъ подъ рядъ тоскливо и трогательно звала ее:

— Мама! мама! мама!..

Меня она какъ будто не замѣчала, не видѣла; а когда,

черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти жены, я подошелъ къ ней и протянулъ ей руки, она, съ какимъ-то испугомъ, отшатнулась отъ меня и въ ея глазахъ промелькнуло выраженіе ненависти.

— И еще теперь ты не вѣришь мнѣ?—съ упрекомъ спросилъ я.—Не вѣришь?—не вѣришь, что ты теперь единственный близкій, дорогой мнѣ человѣкъ?

— У меня теперь нѣтъ близкихъ, дорогихъ мнѣ людей,—жестко сказала она.—Мы были чужіе и будемъ. Зачѣмъ лгать?

Но развѣ я лгалъ? И даже эта ненависть, которую я въ первый разъ ощутилъ на себѣ, ненависть взрослой, красивой, гордой дѣвушки, не оттолкнула меня отъ нея, не разсердила, а наполнила всю мою душу новымъ, почти торжествующимъ чувствомъ. Я былъ убѣжденъ, что Паня не можетъ обойтись безъ моей помощи. Я былъ убѣжденъ, что рано или поздно она должна будетъ смириться, покориться силѣ вещей. И тогда, я зналъ, не останется больше сомнѣній въ томъ, что возбужденная, хорохорящаяся идейность — только жалкое явленіе жизни, готовящее своимъ сторонникамъ гибель и пораженіе. Тогда, я надѣялся, Паня оцѣнитъ по достоинству духовное вліяніе ея пріемной матери и тотъ здравый смыслъ, о которомъ я ни на минуту не забывалъ въ своемъ личномъ отношеніи къ ней.

У моей жены не было друзей, но послѣ ея смерти о ней вспомнили всѣ, кто уже годами не бывалъ въ нашемъ домѣ. На панихиды съѣзжалось столько народу, что я былъ удивленъ и польщенъ. И почему-то всѣхъ, въ особенности дамъ, интересовала Паня.

— А гдѣ же ваша пріемная дочь? Вѣдь она съ вами?

— Какое счастье, что у васъ есть дочь! Вы не будете такъ одиноки.

— А ваша барышня останется при васъ? Вѣдь она уже взрослая дѣвушка? Бѣдняжка!—она, должно быть, ужасно огорчена?

Всѣ спрашивали о ней, всѣ хотѣли ее видѣть.

Паня сидѣла въ своей комнатѣ и выходила только тогда, когда никого изъ постороннихъ не было. Какъ я ни убѣждалъ ее, что это не принято, что это прямо неприлично, она упрямо молчала и качала головой.

— Паня! — убѣждалъ я: — изъ одного уваженія къ твоей пріемной матери...

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить объ уваженіи къ ней!—вдругъ закричала она...

Я только пожалъ плечами. Конечно, естественно, что она чувствовала себя нервной, раздражительной.

Вечеромъ, передъ похоронами, она неожиданно вошла ко мнѣ въ кабинетъ.

— Вѣдь мнѣ же нужно имѣть какой-нибудь паспортъ? — спросила она. Есть онъ у васъ? Я знаю, что въ гимназію меня приняли безъ всякихъ бумагъ.

— Дѣточка! — улыбнулся я: — въ гимназіяхъ не требуютъ паспортовъ. Въ гимназіяхъ учатся дѣти...

— Петръ Егоровичъ! Ну, я не знаю... Однимъ словомъ: мнѣ нужно, чтобы у меня были какіе-нибудь документы.

— Вотъ то-то и есть, что совсѣмъ этого не надо.

— Не надо?—удивилась она.

— Конечно, потому что все останется по прежнему. Моя дѣвочка будетъ ходить въ гимназію, а когда кончитъ курсъ, тогда мы вмѣстѣ подумаемъ, обсудимъ...— Она опять упрямо покачала головой.

— Я завтра же хочу уѣхать. Завтра же! Я только пришла узнать: есть у васъ?..

Я всталъ, взялъ ее за руки и посадилъ на диванъ.

— Паня, поговоримъ серьезно. Я выслушалъ тебя, когда ты тогда, ночью, бредила о самостоятельности, свободѣ, гордости, ненависти... Да, дружокъ, это былъ бредъ! Бредъ разстроенной, наивной, неопытной души. Чего ты только не наговорила! Вы, говоритъ, презираете мое происхожденіе, а я презираю всѣ ваши права и преимущества. Голубчикъ мой!—прежде всего ты, конечно, ошибаешься, что я презираю тебя за что бы то ни было, потому что ты мнѣ дорога и близка; а затѣмъ ты ошибаешься, что красиво и гордо— презирать какія бы то ни было права и преимущества! Нѣтъ, это прежде всего глупо, потому что когда они у меня есть, то я ничего не теряю, а пріобрѣтаю. Это логично? Вся жизнь—борьба за права, и преимущества. Никто не ищетъ, гдѣ хуже, а всякій—гдѣ лучше. Ты говоришь, что хочешь быть свободной и самостоятельной. Такъ вотъ тутъ-то, именно тутъ-то и нужны всѣ права и преимущества, потому что безъ нихъ человѣкъ—ничто, человѣкъ—рабъ. У тебя есть гордость. Это прекрасно. Я тоже гордъ. Я не понимаю человѣка безъ гордости. Такъ пусть же она ведетъ тебя вверхъ, а не внизъ. Пусть она поможетъ тебѣ, а не мѣшаетъ. Ну, не такъ ли? — не такъ ли?

Паня пристально смотрѣла на меня. Я рѣшилъ воспользоваться ея вниманіемъ.

— Ты упрекнула меня за то, что я, будто бы, настаивалъ

на томъ, чтобы тебя воспитывали не такъ, какъ бы я воспиталъ родную дочь, а сообразно твоему положенію. А развѣ я не былъ правъ? Развѣ я не доказалъ, что знаю свою жену лучше, чѣмъ она сама себя знала? Она отдала тебѣ все свое сердце. Прекрасно! А позаботилась ли она о существенномъ?—о существенномъ? Ничуть не бывало! Ну, а я...

Паня вдругъ поднялась рѣзкимъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Вотъ вы какъ все понимаете! — задыхаясь, заговорила она. — Вотъ какъ!.. И вы-то предлагаете остаться, жить, пользоваться вашими благодѣяніями. И тогда вы скажете, что это „вы“ все для меня сдѣлали. Мама — ничего, потому что она даже не оставила мнѣ денегъ, а вотъ вы... вы!

Она взялась обѣими руками за спинку кресла и, слегка перегнувшись, глядѣла на меня блестящими злыми глазами.

— Я вамъ сейчасъ скажу въ послѣдній разъ. Я знаю, что вы меня считаете глупенькой и наивной, но, видите ли, быть такой умной и опытной, какъ вы — это умереть и разложиться заживо. О, не дай Богъ! И ваша жена, связанная съ вами и скрученная вами, понимала это, и не могла не понимать, такъ какъ она была слишкомъ чутка, чтобы вѣрить вамъ. Она вѣрила въ другую жизнь, она чувствовала ея приближеніе. Деньги! Зачѣмъ мнѣ деньги? Развѣ онѣ были бы у меня, если бы я выросла въ моей настоящей семьѣ, въ прачешной, среди нищеты? Развѣ у меня были бы какія-нибудь права и преимущества, которыя я не завоевала бы силой, трудомъ, горбомъ? Вы находили бы это достаточнымъ для меня. Вы находили бы это справедливымъ. Вы бы считали, что это—въ порядкѣ вещей. Ваша дочь... О, да!—ваша дочь имѣла бы и права, и преимущества, и „мѣсто“ въ жизни. Помните, какъ вы часто толковали, что человѣкъ долженъ знать свое мѣсто? Мы съ мамой рѣшили, что я останусь на своемъ. Мы рѣшили, что намъ ничего не надо чужого. И знаете, почему?—знаете? А вотъ, чтобы имѣть право независимо, гордо смотрѣть вамъ въ лицо и говорить вамъ правду, какъ я сейчасъ говорю. И презирать васъ, какъ я сейчасъ презираю. И видѣть въ васъ врага. И смѣяться, что вы ничего не можете противъ насъ, ничего, ничего!..

Я былъ такъ пораженъ, что сразу даже не нашелся, что сказать. И сейчасъ же я понялъ, что Паня внѣ себя, что у нея истерика. Но, все-таки, я былъ раздраженъ, озлобленъ.

— Ну, довольно,—сказалъ я, плохо владѣя собой.—Совершенно достаточно. Прекрасно. Очень хорошо.

— И мы примкнемъ къ другой жизни, враждебной вамъ.

Мы укрѣпимся на мѣстахъ, которыя вы не въ силахъ будете отбить у насъ, какъ отбивали все. Мы вооружимся оружіемъ, котораго нѣтъ у васъ.. Что будетъ ваше „право" противъ нашего, жизненнаго, неотъемлемаго? Что будетъ ваша сила, противъ нашей, противъ силы правоты? Развѣ вы правы? развѣ вы справедливы? Развѣ не вы стали нашими врагами и вооружили насъ противъ себя? Мы были вашими жертвами, теперь мы тоже враги...

— Довольно! Прекрасно!

— Такъ поймите же вы все это...

— Степанида Андреевна!—возмущенно замѣтилъ я:—черезъ комнату отъ насъ тѣло вашей пріемной матери. Ея гробъ... Вашей пріемной матери и въ то же время моей жены. Я обѣщалъ ей, я поклялся передъ ея смертью заступить для васъ ея мѣсто, не оставить васъ. Она просила...

Паня отшатнулась и протянула передъ собой руки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Она не просила. Вы лжете. Она не могла бы просить васъ. Она уже не сознавала...

— Однако, она это сдѣлала. Ея тѣло еще здѣсь... И я нахожу страннымъ, что вы избрали этотъ вечеръ для объясненій. Я думалъ бы...

Паня закрыла лицо руками и выбѣжала. Я слышалъ, какъ хлопнула дверь ея комнаты. Я слышалъ, какъ черезъ мою открытую дверь доносился невнятный, тягучій голосъ читальщика. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Ни на одну минуту мнѣ не приходило въ голову считаться со словами этой дѣвочки, но, признаюсь, я былъ ошеломленъ ея ненавистью, страстностью этой ненависти. И я тутъ же рѣшилъ, что не отпущу ее. Ни за что!

На похоронахъ всѣ опять справлялись о ней, удивлялись, что ея нѣтъ. Мнѣ пришлось объяснять, что дѣвочка — крайне нервная, что эта утрата такъ потрясла ее, что я вынужденъ былъ запретить ей присутствовать при такой печальной, потрясающей церемоніи. Но въ душѣ я самъ былъ возмущенъ. Передъ самымъ выносомъ я видѣлся съ Паней и убѣждалъ ее, что элементарное приличіе требуетъ ея присутствія, что ея образъ дѣйствій оскорбляетъ и память покойной, и меня. Она слушала меня съ какимъ-то каменнымъ, застывшимъ лицомъ, качала головой и только повторяла:

— Нѣтъ... нѣтъ...

Вотъ ея любовь и благодарность къ женщинѣ, которая замѣнила ей мать! Вотъ плоды воспитанія этой женщины, раз-

вившей въ ввѣренной ей молодой душѣ сѣмена неуравновѣшенности, мечтательности и возбужденности, съ которыми я такъ упорно воевалъ, когда я замѣчалъ ихъ въ ея собственномъ духовномъ существѣ. Можно было предвидѣть, что справиться съ Паней будетъ не такъ легко, но того, что̀ случилось — я не ожидалъ. Возвратившись съ похоронъ, я не засталъ Паню дома: она куда-то ушла. Прошелъ день, но она не вернулась. На слѣдующее утро ко мнѣ пожаловалъ какой-то субъектъ въ формѣ, которая по нынѣшнимъ временамъ, кажется, служитъ эмблемой свободы и прогресса. Онъ потребовалъ отъ меня документы Пани, а когда я отказалъ, онъ осмѣлился пригрозить мнѣ какими-то неблаговидными обличеніями. О, какъ я жестоко ошибался, думая, что Паня—наивная, неопытная дѣвочка! Неужели я заразился хотя отчасти идеализмомъ моей жены? Какъ же я упустилъ изъ виду, что уже въ ту ночь, когда эту дѣвочку принесли изъ подвала въ нашу кухню, она уже была пропитана всѣми инстинктами, всѣми пороками своей среды! Она не могла быть „нашей", какъ змѣнышъ не можетъ стать ни менѣе ядовитымъ, ни болѣе благороднымъ, на чьей бы груди его ни отогрѣвали. Только низменная душа могла взвести такую возмутительную клевету на мои чувства и намѣренія. И все изъ-за одного поцѣлуя, въ ту ночь, когда она сама пожелала переговорить со мной. Какъ я былъ правъ! Какъ я былъ правъ, когда я говорилъ, повторялъ, утверждалъ, что нельзя игнорировать происхожденіе человѣка, что необходимо считаться и сообразоваться съ нимъ! Еслибы Паня осталась въ своей средѣ, еслибы жена не употребила всѣ усилія, чтобы развить и облагородить ее, съ ея стороны не было бы и рѣчи о такихъ щепетильностяхъ. Она считала бы счастьемъ нравиться мнѣ... И развѣ, въ сущности, она не была бы права?

Документы я отдалъ. Но какъ я объясню исчезновеніе Пани своимъ друзьямъ и знакомымъ? Не поднимутся ли толки, предположенія, сплетни? Кто повѣритъ, что эта сумасбродная дѣвчонка ушла изъ моего дома только изъ-за какой-то идейной гордости? И откуда у нихъ теперь эта гордость, и дерзость, и смѣлость? Мнѣ вспоминаются слова Пани: „мы будемъ смѣяться, что вы ничего не можете противъ насъ. Ничего! ничего!" Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что это дѣйствительно такъ; что они уже смѣются. Мнѣ начинаетъ казаться, что, дѣйствительно, надвигается какая-то новая, непонятная жизнь, ненавистная мнѣ, какъ молчаливый, упорный протестъ жены; возмутительная— какъ неблагодарность и ненависть Пани, несправедливая, какъ

мое одиночество. Гдѣ же теперь мѣсто достойныхъ, зарекомендовавшихъ себя людей? Гдѣ привилегіи выслугъ и чиновъ? Гдѣ гарантіи порядка, столь необходимаго для нормальнаго теченія жизни?

Въ моей квартирѣ тихо и темно. Одна — умерла, другая — ушла. Я одинъ. У меня разстроены нервы. И когда до моего слуха доносятся звуки чужой внѣшней жизни, мнѣ чудится въ нихъ то угроза, то насмѣшка, то ликованіе.

Неужели она не вернется? Неужели тотъ порядокъ жизни, въ который я такъ вѣрилъ, не смиритъ и не покоритъ ее? Неужели, дѣйствительно, уже настало что-то новое, незнакомое, — и эти маленькіе, когда-то такіе робкіе и безотвѣтные людишки нашли возможность независимо поднять головы и объявить себя нашими врагами?

Въ моей квартирѣ тихо и темно. А мнѣ все кажется, что гдѣ-то тамъ... смѣются...

Л. Авилова.

ПАЛАТА ЛОРДОВЪ

ВЪ

АНГЛІИ

Историко-политическій этюдъ

ПО ВОПРОСУ:—ОДНА ИЛИ ДВѢ ПАЛАТЫ?

Вопросъ о числѣ палатъ представляетъ для рѣшенія не мало трудностей, и самое обсужденіе его приводило до сихъ поръ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Какъ характерны, напримѣръ, слова Ламартина въ національномъ учредительномъ собраніи 1848 г., въ концѣ длинной рѣчи, произнесенной имъ въ пользу одной палаты: „Когда я взошелъ на трибуну, я колебался между одной и двумя палатами; я хотѣлъ, собственно говоря, выложить предъ вами мои сомнѣнія; теперь я убѣждаюсь, что нужна одна палата". Очень возможно, что подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій поэтъ отъ убѣжденія, созданнаго потокомъ собственнаго краснорѣчія, вернулся къ первоначальнымъ колебаніямъ. Какъ замѣчательна, съ другой стороны, рѣчь Антони Турѐ, въ томъ же національномъ собраніи, гдѣ онъ свои возраженія защитнику двухпалатной системы, Дювержье де-Гораннь, началъ такъ: „У меня нѣтъ, конечно, остроумія предыдущаго оратора, но я утѣшаюсь тѣмъ — qu'on peut se passer d'esprit quand on a des principes"... Надобно думать, что догматическаго рѣшенія вопроса о преимуществахъ той или другой системы не можетъ быть, а возможно только приблизительное угадываніе того, что̀ лучше для данной страны. Невозможность такого догматиче-

скаго рѣшенія побудила насъ приступить къ изученію практической дѣятельности отдѣльныхъ верхнихъ палатъ. Предлагаемый очеркъ написанъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ по каталогамъ Британскаго музея, при любезномъ содѣйствіи секретаря „National Reform Union", M-r Arthur Symonds.

I.

По своему государственному устройству Англія въ началѣ XIX в., сто лѣтъ тому назадъ, была еще аристократичною. Законодательная власть принадлежала парламенту, т.-е. королю и двумъ палатамъ, но въ нихъ одинаково господствовали крупные землевладѣльцы: въ палатѣ лордовъ—непосредственно, въ палатѣ общинъ—чрезъ депутатовъ, избраніе которыхъ зависѣло отъ владѣльцевъ гнилыхъ мѣстечекъ и большихъ помѣстій.

Нынѣ же англійскій государственный строй вполнѣ демократиченъ. Крупные землевладѣльцы не распоряжаются болѣе выборами въ палату общинъ. Здѣсь представлены, кромѣ собственниковъ недвижимостей, всѣ квартирохозяева (householders и lodgers); имущественный цензъ хотя и остался, но представительствомъ пользуется столь обширный кругъ населенія, что практически избирательное право приближается ко всеобщему. Городскіе и сельскіе рабочіе настолько хорошо представлены, что до 1906 г. не составляло вопроса дня введеніе всеобщаго избирательнаго права, которое, однако, стояло на знамени „чартистовъ" въ 1848 г. Въ 1902 году 6.891.093 гражданина могли имѣть своихъ представителей въ палатѣ общинъ.

Между тѣмъ палата лордовъ осталась по своему составу тѣмъ же, чѣмъ была въ XVII вѣкѣ. Въ 1902 г. ее составляли 590 пэровъ [1]). Изъ нихъ только 4 лорда—судьи (Law Lords, Lords of Appel in Ordinary) вошли въ составъ палаты въ силу судебной реформы 1876 г.; имъ дано было въ 1887 г. званіе пожизненныхъ членовъ (а не только на время судейской дѣятельности). 26 духовныхъ лордовъ (Lords Spiritual), въ томъ числѣ 2 архіепископа и 24 епископа англиканской церкви, си-

[1]) Термины „лордъ" и „пэръ" употребляются здѣсь какъ синонимы. Это не совсѣмъ точно, но и установить точную терминологію невозможно. Такъ, пэры—собственно говоря—наслѣдственные лорды; потому судебные лорды не пэры; однако, епископовъ также называютъ пэрами. Вѣрно только, что не всѣ пэры суть парламентскіе лорды; такъ, шотландскіе и ирландскіе пэры, не выбранные въ палату лордовъ, суть только пэры.

дятъ въ палатѣ потому, что при самомъ ея возникновенiи въ XIII в. въ ней участвовало духовное сословiе (estate). Всѣ остальные 560 свѣтскихъ лордовъ (Lords Temporal) являются наслѣдственными членами законодательнаго собранiя; одни сами получили свое званiе по наслѣдству, другiе вновь назначены короною, но послѣ тѣхъ и другихъ право на законодательное кресло перейдетъ вмѣстѣ съ званiемъ пэра къ старшему сыну. Впрочемъ, изъ этого общаго числа 16 шотландскихъ пэровъ попали въ палату не просто по личному праву, а какъ представители по избранiю отъ всѣхъ остальныхъ шотландскихъ пэровъ; при созывѣ новаго парламента послѣднiе могутъ на ихъ мѣсто прислать другихъ 16 лордовъ. И, наконецъ, изъ того же общаго числа 28 ирландскихъ пэровъ пожизненно представляютъ по избранiю всѣхъ прочихъ пэровъ Ирландiи. Изъ числа 560 нужно исключить нѣсколько малолѣтнихъ и женщинъ, которые носятъ пэрское званiе, но въ палатѣ не засѣдаютъ. Ничѣмъ не ограничено ни число пэровъ, которыхъ король можетъ вновь назначить, ни кругъ лицъ, откуда могутъ быть взяты эти новые пэры; обыкновенно это бывшiе чиновники, депутаты, военные, моряки, иногда выдающiеся ученые и литераторы, но и просто разбогатѣвшiе дѣльцы. Всѣ—болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. Въ 1893 г. изъ 67.500.000 акровъ земли Соединеннаго Королевства пэры владѣли 14.250.000 и получали ежегодную ренту почти въ 12.000.000 фунтовъ стерлинговъ [1]).

Участiе въ законодательномъ собранiи пэровъ наслѣдственно, какъ королевское право на престолъ. Но участiе короля въ законодательствѣ уже 200 лѣтъ какъ сводится къ одной формальности; король утратилъ право противопоставлять свое veto закону, принятому обѣими палатами. Между тѣмъ наслѣдственная палата лордовъ сохранила такое же прямое участiе въ изданiи законовъ, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ; безъ ея согласiя ни одинъ билль не можетъ стать закономъ.

---

[1]) Король ограниченъ только въ правѣ увеличенiя числа шотландскихъ и ирландскихъ пэровъ. Въ 1719 г. лорды хотѣли разъ навсегда закрыть число пэровъ на 178; это имъ не удалось. Еслибы эта мѣра прошла, корона того времени лишилась бы возможности подкупать депутатовъ возведенiемъ ихъ въ пэры и чрезъ посредство новыхъ пэровъ давить на выборы въ палату общинъ; но тогда пэрство превратилось бы въ замкнутую касту, которая была бы достаточно сильна, чтобы бороться и съ короной, и съ народомъ. Реформу 1832 г. оказалось бы невозможнымъ провести путемъ угрозы назначить новыхъ пэровъ. Единственный случай, когда къ массовому назначенiю пэровъ прибѣгли съ цѣлью получить большинство въ палатѣ лордовъ, относится къ царствованiю Анны (1712 г.); назначено было 12 пэровъ, чтобы получить согласiе на Утрехтскiй миръ.

Девятнадцатый вѣкъ далъ много новыхъ данныхъ для сужденія о преимуществахъ двухъ- или однопалатной системы. Палату лордовъ не обходитъ ни одно разсужденіе объ этомъ вопросѣ. Сперва она служила для творцовъ писанныхъ конституцій образцомъ. Когда въ первую половину XIX в. во Франціи и Бельгіи создавали верхнія палаты, то въ подражаніе палатѣ лордовъ считали необходимымъ дать во французской палатѣ пэровъ или въ бельгійскомъ сенатѣ представительство богатымъ классамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ссылка на палату лордовъ служила обычнымъ аргументомъ въ пользу верхнихъ палатъ по соображеніямъ законодательной техники. Позже палату лордовъ стали сопоставлять съ новыми верхними палатами, пожизненными и выборными; ее стали оцѣнивать, поскольку она удовлетворительно исполняетъ функціи верхней палаты. Но въ то время, какъ все кругомъ мѣнялось, палата лордовъ осталась по своему составу чѣмъ была: уцѣлѣвшею отъ среднихъ вѣковъ организаціею сословія пэровъ съ участіемъ въ законодательной власти.

Положеніе палаты, какъ сословной организаціи, становится все болѣе затруднительнымъ. Еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка аристократія, какъ классъ, была въ глазахъ англійскихъ массъ символомъ ума; ея престижъ былъ такъ великъ, что массы принимали на вѣру мнѣнія, которыя иначе не нашли бы въ нихъ отклика; и этотъ культъ знати выставлялся, какъ преимущество англійскаго общества, какъ спасеніе отъ болѣе низменнаго культа денегъ и отъ болѣе опаснаго фетишизма чиновничества. Но съ тѣхъ поръ массы сами получили доступъ къ власти; дѣятельность парламента стала непосредственно опредѣляться тѣми теченіями общественнаго мнѣнія, которыя господствуютъ въ массахъ. По мѣрѣ роста демократіи лорды становились все болѣе изолированными въ своей палатѣ. Если въ началѣ XIX в. еще можно было не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и открыто защищать свои классовые интересы, то теперь такая защита становится все менѣе возможной; становится прямо неловко противопоставлять интересамъ массъ выгоды кучки людей, власть которыхъ можетъ быть только объяснена исторически, но не оправдывается ничѣмъ мистическимъ. Доколѣ была возможность внушать массамъ, что интересы землевладѣнія суть интересы націи, палата лордовъ могла считать свое положеніе прочнымъ; но по мѣрѣ того, какъ стали выступать сперва интересы торговаго класса, потомъ интересы рабочихъ, все труднѣе становилась защита организаціи узкихъ классовыхъ интересовъ, все менѣе терпѣливою и послушною становилась демократія. Отри-

цательныя заслуги пэрства,—то, что оно спасло націю отъ господства привилегированнаго дворянства въ континентальномъ смыслѣ и отъ господства плутократіи,—стали казаться недостаточными. Явилась новая идеологія для оправданія палаты лордовъ, и какъ разъ слабыя ея стороны оказались ея достоинствами: она наслѣдственна,—но зато она независима; она не представляетъ избирателей,—но зато она представляетъ націю въ цѣломъ. Однако, не вся демократія охотно признаетъ эту идеологію; призваніе къ отправленію законодательной дѣятельности въ порядкѣ наслѣдованія старшихъ въ родѣ кажется многимъ нелѣпостью, которая, по увѣренію одного агитаціоннаго памфлета, дѣлаетъ англичанъ смѣшными въ глазахъ всего свѣта.

Когда палата лордовъ возникла, она не была ни верхняя, ни вторая; она была одна. Теперь званіе члена палаты лордовъ есть преимущество; первоначально же явка по зову (writ of summons) короля для присутствія въ парламентѣ была для бароновъ и епископовъ обязательна; когда бароны требовали, чтобы Великая хартія гарантировала имъ этотъ призывъ, они желали только оградить себя отъ произвольнаго обложенія. Въ XIII и XIV вв. привилегія состояла не въ томъ, чтобы сидѣть въ парламентѣ, а чтобы освободиться отъ присутствія въ немъ. При первыхъ двухъ Эдуардахъ (1272—1327) барону посылалось приглашеніе на одинъ парламентъ и не посылалось при созывѣ слѣдующихъ; то королю могло быть нежелательно присутствіе даннаго барона или его потомства, то самъ баронъ не всегда желалъ являться; бывало, что потомки барона, засѣдавшаго въ парламентѣ, готовы были отрицать свое баронство. Еще при Эдуардѣ III (1327—1377) встрѣчаются примѣры, что явка въ парламентъ считается обузою, а при Ричардѣ II (1377—1399) парламентскій актъ объявилъ явку обязательною. Только когда короли стали злоупотреблять раздачею патентовъ на званіе герцоговъ, маркизовъ и даже бароновъ, старинные бароны начали отстаивать свое старшинство, а для этого пригодилась ссылка на мѣсто въ палатѣ лордовъ; это мѣсто стало видимымъ знакомъ мѣста пэра въ королевствѣ; получить призывъ короля въ парламентъ стало тогда правомъ. При Генрихѣ VIII (1509—1547) пэръ уже гордится тѣмъ, что его имя стоитъ на должномъ мѣстѣ въ протоколахъ палаты, а при Карлѣ I (1625—1649) лорды уже успѣли забыть, что предки ихъ могли уклоняться отъ явки въ парламентъ; тогда, по поводу одного частнаго случая, комитетъ палаты лордовъ объявилъ даже, что не было примѣра, чтобы пэру могли не послать призыва; однако,

еще при Карлѣ I существовали штрафы за неявку или даже опозданіе. Только въ 1868 г. палата лордовъ отмѣнила право пэровъ вотировать чрезъ повѣренныхъ; первоначально можно было замѣнять себя повѣреннымъ, назначеннымъ на всю жизнь или для отдѣльныхъ случаевъ, и только въ XV в. стали требовать, чтобы повѣренный былъ самъ пэромъ.

Впервые общины—горожане вмѣстѣ съ рыцарями (мелкопомѣстными дворянами)—были призваны въ національное собраніе въ 1264 г., т.-е. почти на пятьдесятъ лѣтъ позже бароновъ. При Эдуардѣ I общины участвуютъ въ изданіи статутовъ, но встрѣчаются статуты и безъ ихъ участія; они только вотируютъ налоги, а на право иниціативы ихъ нѣтъ никакихъ указаній. Впервые ихъ инициатива упоминается въ 1327 г., но и то лишь въ смиренной формѣ петиціи. Только при Генрихѣ V (1413—1422) общины добились того, чтобы въ акты, составляющіе отвѣтъ на ихъ петиціи, не вносилось ничего помимо ихъ согласія; такъ установилось право инициативы палаты общинъ и необходимость согласія обѣихъ палатъ для изданія парламентскаго акта. Тогда исчезли и парламентскіе „ордонансы", которые отъ „актовъ" отличались тѣмъ, что изданы были не королемъ и всѣми тремя сословіями (духовными и свѣтскими лордами и общинами), а королемъ съ лордами или королемъ съ общинами. Неизвѣстно, когда лорды и общины стали засѣдать въ двухъ разныхъ палатахъ; несомнѣнно только, что оба собранія никогда не смѣшивались, но нельзя показать, когда между ними была проведена фактическая грань; отдѣльные протоколы палаты лордовъ начинаются при Генрихѣ VIII.

Палата лордовъ была сперва собраніемъ двухъ сословій (estate)—высшаго духовенства (епископовъ и аббатовъ) и свѣтскихъ бароновъ. При Генрихѣ IV (1399 — 1413) установился для обозначенія палаты терминъ — Lords Spiritual and Lords Temporal. Духовные лорды сидѣли въ палатѣ не въ силу своего духовнаго званія, а также только какъ держатели земель; оттого при Генрихѣ VIII могли утверждать, что составъ парламента состоитъ изъ трехъ частей: короля, какъ головы, лордовъ, какъ главныхъ органовъ тѣла, и общинъ, какъ второстепенныхъ органовъ. При Карлѣ I (1640) епископы были исключены изъ палаты лордовъ. Во время революціи (1649—1660) вмѣстѣ съ монархіей исчезла и палата лордовъ; чрезъ недѣлю послѣ казни короля (6 февраля 1649), палата общинъ приняла единогласно резолюцію, что „палата пэровъ въ парламентѣ безполезна и опасна и должна быть уничтожена".

Вторая палата была возстановлена Кромвелемъ 20 января 1658 г.; онъ самъ назначилъ ея членовъ, но это не были пэры упраздненной въ 1649 г. палаты. При военномъ переворотѣ въ маѣ 1659 г. исчезла и реформированная палата лордовъ. Когда рѣшено было возстановить монархію и на 25 апрѣля 1660 г. созванъ былъ новый парламентъ, то одновременно съ палатою общинъ съѣхались безъ зова, но и безъ препятствій 10 старыхъ пэровъ; такъ воскресла и палата лордовъ. Въ 1661 г. въ нее возвратились и епископы.

Уже въ XVIII в. взглядъ эпохи Генриха VIII на конституціонное значеніе каждой изъ трехъ частей парламентскаго тѣла является анахронизмомъ. Въ теоріи обѣ палаты считаются равными вѣтвями законодательной власти. Каждая изъ палатъ имѣетъ право иниціативы, каждая можетъ поправить или отвергнуть мѣру, принятую другою, и ни одна не имѣетъ конституціонной власти, чтобы принудить другую принять какую-либо мѣру. Правда, существуютъ вопросы, въ которыхъ одна изъ палатъ считаетъ себя болѣе компетентною; такъ, въ силу парламентскаго обычая, билли, касающіеся сословія пэровъ, должны вноситься сперва въ палату лордовъ и не могутъ быть измѣнены палатою общинъ, которая можетъ, однако, вовсе ихъ отвергнуть; такъ, съ другой стороны, палата общинъ въ теченіе второй половины XVII в. не разъ принимаетъ резолюціи, чтобы настоять на своемъ исключительномъ правѣ рѣшать всѣ вопросы о налогахъ (1661, 1671, 1678). Но за этими исключеніями обѣ палаты въ XVIII в. теоретически равноправны.

Въ дѣйствительности палата лордовъ уже въ XVIII в. играла въ парламентской жизни второстепенную роль, и это не смотря даже на преобладаніе аристократіи въ тогдашнемъ обществѣ. Уже тогда палата, какъ учрежденіе, была менѣе популярна и вліятельна, чѣмъ индивидуальные лорды. Первыя мѣста въ ней, какъ и во всякомъ собраніи, гдѣ идетъ свободный обмѣнъ мнѣній, занимали не люди съ громкими именами, а таланты, и потому представители родовитой аристократіи предпочитали не показываться въ палатѣ, чтобы не стушевываться предъ новыми лордами; имъ было удобнѣе дѣйствовать за кулисами въ палатѣ общинъ, гдѣ они располагали множествомъ депутатскихъ мѣстъ. Эта второстепенная роль палаты лордовъ вводила даже государственныхъ людей въ заблужденіе насчетъ ея долговѣчности; такъ, Питтъ находилъ, что палата лордовъ—наименѣе устойчивая часть конституціи, а Бёркъ отзывался о лордахъ: „fuerunt; имъ приходитъ конецъ". Тѣмъ не менѣе, въ теоріи равноправіе обѣ-

ихъ палатъ въ сферѣ законодательства не подвергалось сомнѣнію.

Конституціонную роль палаты лордовъ въ корнѣ измѣнила реформа 1832 г., которая, однако, имѣла своимъ предметомъ только организацію палаты общинъ и палаты лордовъ не касалась. Послѣ этой реформы и теорія разстается съ представленіемъ о равноправіи обѣихъ палатъ. Палата лордовъ становится простымъ придаткомъ къ палатѣ общинъ; ея право иниціативы осуществляется все рѣже и рѣже; оно всецѣло переходитъ къ нижней палатѣ и къ кабинету. Палата лордовъ становится ревизіонной инстанціей съ только отсрочивающимъ veto. „Она,—какъ говоритъ Бэджготъ,—можетъ отвергать или измѣнять билли, принятіе которыхъ не требуется настойчиво палатою общинъ, и относительно которыхъ общественное мнѣніе еще колеблется. Veto лордовъ какъ бы условно. Когда они противятся какой-нибудь мѣрѣ, это все равно, какъ если бы они сказали: мы отвергнемъ билль разъ, и два, и даже три раза, но если вы будете настаивать, мы въ концѣ концовъ его примемъ. Палата лордовъ не вліяетъ болѣе, даже скрытымъ образомъ, на направленіе законодательства, но она можетъ только измѣнять предложенныя мѣры или на время ихъ отвергать“. Роль палаты лордовъ, по словамъ Фримэна, сводится къ обструкціи. Нѣтъ такого писаннаго правила, которое мѣшало бы ей отвергать билль безконечное число разъ; но практика установила, что она вправѣ пользоваться своимъ правомъ обструкціи разумно и въ извѣстныхъ предѣлахъ, — доколѣ страна не высказалась совершенно опредѣленно въ пользу извѣстной реформы; когда за палатою общинъ стоитъ воля народа, лорды обязаны уступить. „Функція палаты лордовъ,—какъ выразился въ одной изъ своихъ рѣчей лордъ Сольсбери,—не въ томъ, чтобы противиться зрѣлому убѣжденію націи въ ея цѣломъ; въ англійскомъ обществѣ такое положеніе вещей не только неправдоподобно, но и невозможно“. „Никто не осмѣлится обвинять палату лордовъ въ стремленіи доставить преобладаніе другому мнѣнію, кромѣ мнѣнія самой націи“. „Выраженная въ одной фразѣ, функція палаты лордовъ, или, точнѣе, долгъ ея,—въ томъ, чтобы представлять постоянныя, въ отличіе отъ преходящихъ, чувства англійскаго народа“.

Итакъ, когда страна настойчиво и несомнительно требуетъ реформы, палата лордовъ обязана уступить общественному мнѣнію и принять то, что приняла палата общинъ. Но когда именно палата лордовъ обязана признать, что пора уступить? На этотъ вопросъ партійные вожди отвѣчаютъ каждый по своему. Лордъ

Сольсбери находилъ, что „палата лордовъ должна слѣдить за тѣмъ, чтобы окончательныя и безповоротныя измѣненія въ учрежденіяхъ страны совершались не прежде, чѣмъ народъ имѣлъ возможность всесторонне ознакомиться съ предложенною реформою и высказать свое зрѣлое и торжественное рѣшеніе о предметѣ". Сообразно съ этимъ, когда въ 1893 г. палата лордовъ отвергла второй билль объ ирландскомъ Home Rule, она находила, что это ея право—отвергать билли, которые не были въ виду избирателей, требовать, чтобы страна при новыхъ выборахъ высказалась по новому вопросу. Другими словами, странѣ палата лордовъ уступить обязана, палатѣ общинъ—нѣтъ. Это равносильно тому, что палата лордовъ вправѣ вынудить распущеніе нижней палаты, если министерство непремѣнно желаетъ провести отвергнутый лордами билль. Наоборотъ, Гладстонъ рѣшительно утверждалъ, что это—противная конституціи теорія. Распущеніе можетъ быть сдѣлано короною по совѣту отвѣтственнаго министерства; оно можетъ быть сдѣлано въ силу вотума палаты общинъ. Но распущеніе въ силу вотума палаты лордовъ—случай небывалый въ исторіи. „Это было бы грубое и чудовищное нововведеніе; самая мысль объ этомъ столь же нова, сколь и ненавистна; это — измѣна національному самоуправленію", потому что тогда палата лордовъ могла бы регулировать любой вопросъ и направлять ходъ законодательной политики. Палата общинъ выбирается на семь лѣтъ; лорды же претендуютъ на то, чтобы становиться между общинами и страною и возвращать депутатовъ къ избирателямъ, вмѣсто того, чтобы оставлять палату общинъ спокойно дѣлать свое дѣло. Если большинство въ палатѣ общинъ неправильно истолковало голосъ и мнѣніе страны, то призвать депутатовъ къ отвѣту вправѣ только народъ, приглашенный къ этому короною и министрами, а отнюдь не палата лордовъ. Дѣйствительно, нѣтъ прецедентовъ въ пользу полномочія палаты лордовъ отвергать билли подъ предлогомъ, что о нихъ не было сужденія во время выборовъ; напротивъ, въ рядѣ случаевъ мѣры первостепенной важности принимались палатою лордовъ безъ апелляціи къ странѣ. Такъ, актъ уніи между Англіей и Ирландіей былъ принятъ безъ обращенія къ голосу страны (1798); напротивъ, въ 1831 г. лорды хотѣли помѣшать распущенію нижней палаты, какъ разъ для того, чтобы голосъ страны не могъ быть услышанъ. Въ болѣе новыя времена, напримѣръ въ 1867 г., палата лордовъ приняла радикальную реформу избирательнаго права, предложенную консервативнымъ министерствомъ Дэрби-Дизраэли, не спрашивая, что думаетъ объ этомъ страна; наоборотъ, ре-

прессивный актъ для Ирландіи въ 1881 г. палата лордовъ приняла, хотя многіе въ странѣ были противъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи. Такимъ образомъ конституціонная практика не даетъ палатѣ лордовъ права требовать, чтобы о неугодныхъ ей билляхъ высказалась сперва вся страна [1]). Вопросъ этотъ остается, однако, спорнымъ; такъ, Гатчекъ полагаетъ, что veto палаты лордовъ отнюдь не только отсрочивающее (суспенсивное), и что она обязана уступить палатѣ общинъ только когда по данному вопросу былъ спрошенъ народъ; но и это не юридическая норма, а политическая максима. Если это вѣрно, то отсюда вытекало бы, что въ отношеніи билля, который не былъ въ виду избирателей на общихъ выборахъ, палата общинъ уже совсѣмъ не вправѣ настаивать; нельзя, слѣдовательно, считать достаточнымъ показателемъ мнѣнія страны даже частичные дополнительные выборы, и такимъ образомъ юридически палата лордовъ вправѣ отвергать билли, о которыхъ не былъ спрошенъ народъ, безконечное число разъ. Обращаясь къ палатѣ лордовъ 18-го іюля 1905 г., лордъ Halsbury предлагалъ ей отвергнуть билль о трамваяхъ чрезъ лондонскіе мосты „такимъ большинствомъ, чтобы сдѣлать повтореніе такихъ попытокъ изъ года въ годъ невозможнымъ“; очевидно, по мнѣнію лорда, настойчивость палаты общинъ должна сдерживаться внушительностью большинства верхней палаты. Такимъ образомъ, доктрина, по которой палата лордовъ обязана въ концѣ концовъ подчиниться нижней палатѣ, не взирая на то, что къ народу по данному вопросу не обращались, не соотвѣтствуетъ какому-нибудь общепризнанному конституціонному соглашенію, а только апеллируетъ къ такту самой верхней палаты. Этотъ тактъ часто побуждалъ дѣлать изъ нужды добродѣтель. Исторія конфликтовъ между обѣими палатами съ 1832 г. до 1895 г. научила палату лордовъ умѣрять свое упорство.

До 1832 г. конфликты были рѣдки и не принципіальны; аристократіи принадлежало господство въ обѣихъ палатахъ, какъ и въ обществѣ; у нея не было ни стремленія, ни повода еще расширять свой авторитетъ. Возможность столкновенія устранялась уже тѣмъ, что въ нижней палатѣ лорды имѣли своихъ же ставленниковъ. 1831 — 32 гг. нанесли палатѣ лордовъ большой ударъ. Противясь реформѣ, лорды возстановили противъ себя націю; въ странѣ начиналась революція; они сдались только въ

---

[1]) Общіе выборы стоютъ странѣ 2 милліона фунтовъ, и уже по этой причинѣ нельзя часто прибѣгать къ нимъ.

виду угрозы назначенія новыхъ пэровъ. Это расшатало престижъ палаты. Независимо отъ этого, въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка совершился переломъ въ англійской законодательной политикѣ. XVIII-ый вѣкъ и первыя три десятилѣтія XIX-го вѣка отличались въ Англіи господствомъ въ правящихъ сферахъ націоналистическаго самодовольства и оптимизма; подъ вліяніемъ крайностей французской революціи безобидное самодовольство перешло въ страхъ предъ всякимъ новшествомъ. Это была, такимъ образомъ, эпоха полнаго застоя въ законодательствѣ, сперва потому, что не видѣли надобности поправлять то, что и такъ великолѣпно, а затѣмъ потому, что „перемѣны приводятъ не къ добру". При законодательной спячкѣ, откуда было явиться конфликтамъ между обѣими палатами? Но послѣ реформы 1832 г. политическая власть перешла къ среднимъ классамъ, идеалами которыхъ были индивидуализмъ и либерализмъ; благодаря пропагандѣ ученій Бентама, англійскими законодателями овладѣло горячее стремленіе къ реформамъ, и неизбѣжно начались столкновенія между обѣими палатами. Уже въ 30-хъ — 60-хъ годахъ бой былъ неравенъ. Въ 1846 г. кучка представителей землевладѣльческихъ интересовъ стояла лицомъ къ лицу противъ всей націи, требовавшей отмѣны хлѣбныхъ законовъ; только благодаря своему громадному авторитету среди лордовъ, Веллингтону удалось убѣдить ихъ не противиться реформѣ; такъ устраненъ былъ конфликтъ, послѣдствія котораго могли бы быть для палаты лордовъ гибельны. Въ 1860 г. палата лордовъ отвергла билль Гладстона объ отмѣнѣ налога на бумагу; въ результатѣ этой неосмотрительности она навсегда утратила возможность вліять на бюджетъ. Съ 1867 г., а еще болѣе съ 1885 г., борьба стала еще опаснѣе. Съ одной стороны 500—600 человѣкъ, въ большинствѣ пожилыхъ, мирныхъ и робкихъ; съ другой стороны — палата, говорящая отъ имени 6.000.000 полноправныхъ гражданъ. Ясно, что столкновенія не могли оканчиваться иначе, какъ капитуляціей палаты лордовъ. Въ 1884 г. она попробовала провалить билль Гладстона о расширеніи избирательнаго права, но предпочла не раздувать пламени и пошла на компромиссъ, сдѣлавшій начавшуюся въ странѣ агитацію излишнею. Такъ, обструкція, осуществляемая палатою лордовъ въ силу конституціи, вызывала въ странѣ раздраженіе и агитацію; обязанная, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, сдаваться, палата выходила изъ борьбы съ умаленнымъ престижемъ, всегда какъ побѣжденная сторона. Когда она упорствовала, на нее сердились или надъ ней издѣвались; „она годится только какъ помѣха

дѣлу", сказалъ о ней Рёскинъ; а когда она уступала, говорили, что запоздалое раскаяніе не заслуживаетъ благодарности. Словомъ, до 1895 г. казалось, что конституція обрекаетъ палату лордовъ на роль, которую не разъ добровольно играли въ исторіи представители умирающихъ режимовъ.

Чтобы имѣть ясное представленіе о томъ, что вправѣ дѣлать палата лордовъ, нужно знать, чего она не вправѣ дѣлать. Она лишена всякаго вліянія на исполнительную власть, которая, однако, вопреки ученію Монтескьё о раздѣленіи властей, находится въ непосредственной зависимости отъ законодательной власти въ лицѣ палаты общинъ. Она не можетъ выразить недовѣрія министерству, чтобы тѣмъ вызвать министерскій кризисъ [1]); она не вліяетъ на образованіе новаго министерства. Отсюда ни внутреннее управленіе, ни внѣшняя политика, ни колоніальныя дѣла, ни армія и флотъ, ни война и миръ ея не касаются. Относительно финансовыхъ биллей права ея всегда были спорны. У общинъ были денежныя дѣла съ казною—торгъ о размѣрѣ вспособленія королю — раньше, чѣмъ онѣ получили парламентское представительство, и даже раньше, чѣмъ возникла палата лордовъ. Очевидно, не дѣло было лордовъ говорить, сколько должны платить общины. Съ другой стороны, и лорды, въ качествѣ феодаловъ, помогали казнѣ согласно съ условіями, на которыхъ они держали землю, и не дѣло было общинъ вмѣшиваться въ счеты короны съ лордами; они несли военную службу, но помогали казнѣ и деньгами. Отмѣна феодализма послѣ реставраціи Стюартовъ означала конецъ обязанности крупныхъ землевладѣльцевъ выставлять армію; всѣ повинности стали взиматься въ формѣ налоговъ. Лордовъ было немного; изъятіями отъ обложенія англійская аристократія не пользовалась никогда; общины представляли главную массу плательщиковъ налоговъ. Ясно, что лордамъ не было повода спорить противъ налоговъ, которымъ готовъ былъ подчиниться весь народъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всякій билль долженъ былъ проходить чрезъ обѣ палаты, лорды имѣли голосъ и въ вопросахъ бюджетныхъ. Но они его утратили въ 1861 г., когда палата общинъ придумала посылать въ верхнюю палату бюджетъ въ формѣ единаго билля; внести хотя бы малѣйшую поправку въ билль — значитъ разстроить всю финансовую схему и рисковать, что государство останется на слѣдующій годъ безъ утвержденнаго бюджета. Предъ такою вѣроятностью всякая оппозиція со стороны группы на-

---

[1]) Недовѣріе, выраженное лордами, можетъ быть уравновѣшено довѣріемъ общинъ.

слѣдственныхъ законодателей, считающихъ себя къ тому же выразителями высшихъ, надъ-партійныхъ интересовъ страны, была бы безуміемъ. Такъ, хотя формально палата лордовъ имѣетъ право veto и въ финансовыхъ вопросахъ, но на дѣлѣ Англія съ 1861 г. управляется въ этомъ отношеніи только одною нижнею палатою. Роль палаты лордовъ окончательно свелась къ тому, чтобы ревизовать и задерживать не-финансовые законопроекты, принятые палатою общинъ.

II.

Какъ же функціонируетъ палата лордовъ на дѣлѣ? представляетъ ли она гарантіи тщательнаго, компетентнаго, безпристрастнаго пересмотра биллей? Обезпечиваетъ ли она отъ принятія поспѣшныхъ, незрѣлыхъ рѣшеній?

Лордовъ упрекаютъ, что ихъ сужденія при пересмотрѣ законопроектовъ страдаютъ односторонностью. За немногими исключеніями, это—богатые землевладѣльцы; они смотрятъ на вещи съ точки зрѣнія интересовъ крупнаго землевладѣнія и вносятъ въ сужденія чувства и предразсудки своего класса. Это откровенно призналъ, напр., и лордъ Сольсбери въ 1888 г., обращаясь къ палатѣ: „мы всѣ принадлежимъ слишкомъ уже къ одному классу, и потому по многимъ вопросамъ думаемъ всѣ одинаково; классы, богатство и сила которыхъ зависятъ отъ торговли и промышленности, здѣсь слабо представлены“. Это отсутствіе представительства разныхъ воззрѣній, этотъ недостатокъ антагонизма—отражаются на дебатахъ: они слабы, апатичны, безжизненны; ораторы, прежде блиставшіе въ нижней палатѣ, здѣсь молчатъ, потому что никто не вызываетъ ихъ на возраженія; правда, что и говорить предъ пустою аудиторіей, какую обыкновенно представляетъ палата, нѣтъ охоты. Есть среди пэровъ немало людей, имѣющихъ спеціальныя познанія въ силу прежней государственной службы или политической дѣятельности, но у нихъ нѣтъ побужденія говорить. Масса же лордовъ не имѣетъ ни подготовки, ни расположенія къ законодательной работѣ. Молодые лорды чаще съ чисто-британскою серьезностью занимаются какимъ-нибудь спортомъ, и имъ не до законодательства. Въ общемъ это—собраніе свѣтскихъ людей средняго образованія и средняго ума. Нѣкоторые, впрочемъ, видятъ какъ разъ преимущество палаты въ томъ, что въ ней преобладаютъ просто образованные и свѣтскіе люди; въ противоположность профессіональнымъ поли-

тикамъ лорды могутъ имѣть кругозоръ пошире, отражать взгляды націи въ обширномъ смыслѣ, стоять выше интересовъ людей партіи и судить о дѣлахъ безъ всякой предвзятости.

Но именно это-то отсутствіе предвзятости и отрицаютъ противники палаты лордовъ, т.-е. вся либеральная партія. Дѣйствительно, всѣ пэры принадлежатъ къ той или другой изъ двухъ большихъ партій, къ консерваторамъ или къ либераламъ, причемъ первыхъ приблизительно девять противъ одного. Замѣчательно, что даже лорды, вновь назначенные при либеральныхъ министерствахъ, также большею частью примыкаютъ къ консерваторамъ. „Конечно,—говорилъ лордъ Розбери въ 1894 г.,—идея Сольсбери, что пэры приносятъ свѣжесть, невинность, непредубѣжденность сужденій къ разсмотрѣнію биллей, очень привлекательна; но вѣдь политическимъ овцамъ нуженъ и пастухъ, пастухъ же этотъ—не кто иной, какъ самъ лордъ Сольсбери; поэтому когда онъ ихъ рекомендуетъ за невинность и готовность слушаться убѣжденія, то мы знаемъ, чье убѣжденіе они готовы принять. Если же ихъ ведутъ и направляютъ, то безразлично, такъ ли они невинны и непредубѣждены, какъ говоритъ Сольсбери, или они—собраніе политическихъ наемниковъ". Другой писатель, графъ Денрэвенъ, также невысоко цѣнитъ непредубѣжденность лордовъ; „большое и явное зло—въ томъ, что важные вопросы часто рѣшаются большинствомъ, составленнымъ изъ людей, мало интересующихся общественными дѣлами и рѣдко посѣщающихъ палату, — изъ людей, у которыхъ нѣтъ времени, здоровья или склонности посвящать себя общественному служенію, и которые сами никогда не мечтали бы о пріобрѣтеніи кресла въ парламентѣ,—но которые отправляютъ свою наслѣдственную привилегію по командѣ политическаго вождя". Для законности засѣданія палаты достаточно присутствія трехъ лордовъ; фактически въ палатѣ сидитъ обыкновенно человѣкъ 10—20. Но когда нужно произвести впечатлѣніе, лидеръ консервативной партіи подаетъ сигналъ, whips (бичи) разсылаютъ приглашенія, и пэры съѣзжаются на торжественное засѣданіе; увѣряютъ, будто при этомъ происходятъ смѣшные qui pro quo, потому что привратники не знаютъ этихъ наѣзжихъ гостей въ лицо. Подавъ голосъ, пэры разъѣзжаются. Такъ, билль о гомрулѣ въ 1893 г. провалился при большинствѣ 419 противъ 41. Неужели,—спрашиваютъ,—эта иррегулярная армія, эта необученная орда, врывающаяся въ такихъ случаяхъ въ палату, способна оказывать благодѣтельное вліяніе на ходъ законодательства? Въ обыкновенное время масса лордовъ дѣлами не интересуется, а тѣ,

которые бываютъ на засѣданіяхъ, работаютъ съ поспѣшностью, которая также не доказываетъ ихъ любви къ дѣлу. Напримѣръ, въ 1890 г. 91 засѣданіе заняло всего 129 часовъ; самое длинное продолжалось восемь часовъ, самое короткое—пять минутъ, и только семь засѣданій были по два часа. Тамъ, гдѣ палата общинъ работаетъ недѣли, лордамъ довольно нѣсколькихъ дней; не оттого ли, говорятъ, что лорды одарены способностью быстрѣе соображать? Напримѣръ, въ 1871 г., билль о тайной подачѣ голосовъ занялъ въ палатѣ общинъ 26 дней, а лорды исчерпали предметъ и провалили билль въ одинъ вечеръ; билль о гомрулѣ въ 1893 г. палата общинъ обсуждала 82 дня, палата лордовъ провалила его черезъ четыре. Эта поспѣшность и малый составъ присутствующихъ стоятъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что большинство пэровъ — тори: они просто раздѣляютъ мнѣніе своихъ единомышленниковъ въ нижней палатѣ и слѣдуютъ указаніямъ лидера партіи. Отсюда, жалуется Розбери, когда у власти консервативное министерство, палата лордовъ вовсе не пересматриваетъ биллей, и потому торійскія мѣры обезпечены отъ искаженія; „дѣло идетъ гладко и весело, словно подъ звонъ свадебнаго колокола“; когда же власть въ рукахъ либераловъ, палата искажаетъ билли поправками или отвергаетъ ихъ. Либеральному министерству приходится проектировать свои мѣры скорѣе примѣнительно къ тому, какъ отнесется къ нимъ палата лордовъ, а не палата общинъ; „оно,—выражается образно лордъ Розбери,—должно подносить реформы въ гомеопатическихъ дозахъ, не потому, чтобы сильныя были опасны, а потому что леченіе должно происходить подъ наблюденіемъ врага прописаннаго лекарства“. Словомъ, палата лордовъ не только не выноситъ независимыхъ и непредубѣжденныхъ рѣшеній, а напротивъ, ея рѣшенія заранѣе составлены въ духѣ и въ пользу консерваторовъ.

Въ этой партійности палаты лордовъ либеральные обличители ея усматриваютъ серьезную опасность для государственной жизни Англіи. По мнѣнію графа Денрэвена, благодаря этому безсмѣнному господству въ палатѣ лордовъ одной партіи, нѣтъ конституціонныхъ ограниченій власти палаты; для того, чтобы либеральное правительство могло функціонировать, палатѣ приходится стираться или быть непослѣдовательной; она должна соглашаться на законодательство, которое ей не нравится, потому что иначе остановился бы весь правительственный механизмъ; ей приходится дискредитировать или себя самое, или конституцію. Такое положеніе вещей не только унижаетъ достоинство палаты лордовъ, но и деморализуетъ націю. Народъ знаетъ, что для

того, чтобы парламентъ санкціонировалъ мѣры, одобренныя избранными представителями, необходимо агитировать. Агитація же есть обращеніе къ физической силѣ. Но сознаніе, что агитація есть существенный элементъ правительственной системы, что она, а не какая-либо конституціонная преграда, сдерживаетъ абсолютную власть палаты лордовъ и консервативной партіи, — это сознаніе не содѣйствуетъ воспитанію въ народѣ уваженія къ законности и піэтета къ конституціи. Народъ правитъ, но на своемъ пути онъ встрѣчаетъ ненужное препятствіе въ палатѣ, гдѣ неизмѣнно господствуетъ только одна форма политическаго мнѣнія; народъ искушается править такъ, какъ правитъ деспотъ, — обращеніемъ къ физической силѣ. Ту же конституціонную опасность отмѣчаетъ и лордъ Розбери (1894): „палата лордовъ является призывомъ къ безпокойству и волненію; когда-нибудь чаша переполнится и произойдетъ революція. И могутъ ли либералы быть спокойны, когда законодательство, котораго они являются иниціаторами, подвигается впередъ только путемъ угрозы революціей. Торійское законодательство нисходитъ, какъ благодатный дождь съ неба, какъ плодоносное наводненіе Нила, какъ благосклонный даръ природы; либеральное приходитъ съ вѣтромъ и бурей, какъ ураганъ, какъ катастрофа и потрясеніе природы. Либералы не могутъ провести ни одной мѣры безъ угрозы громомъ и молніей; иначе нельзя убѣдить палату лордовъ, что нація не шутитъ. Выходитъ, что покойнѣе было бы ликвидировать вовсе либеральную партію и отдать всю законодательную власть въ руки тори или юніонистовъ“.

Изъ этихъ жалобъ необходимо выбросить картины надвигающихся революціи и деспотизма; ихъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ области реторики, такъ какъ у министерства всегда есть въ рукахъ мирное средство, испытанное въ 1832 г., — угроза назначить новыхъ пэровъ; опасность всегда угрожаетъ не народу, а лордамъ. Еще Бэджготъ замѣтилъ, что палата лордовъ не только отправляетъ свою ревизіонную функцію не съ тѣмъ совершенствомъ, какъ это возможно было бы въ странѣ, столь богатой талантами, какъ Англія, — но она еще отличается робостью; она боится страны; она много лѣтъ привыкла въ важныхъ вопросахъ поступаться собственными мнѣніями, и потому не умѣетъ пользоваться случаями, когда можно дѣйствовать по своей волѣ; да и стоитъ ли хлопотать, думаютъ многіе лорды, когда по важнымъ вопросамъ нельзя настоять на своемъ. Эту робость палаты порицаютъ, однако, не только тѣ, кто хотѣлъ бы видѣть ее болѣе мужественной, но даже тѣ, кому отъ этой

пассивности палаты только легче, укоряютъ ее въ трусливости и лицемѣріи, этихъ обычныхъ спутникахъ слабости. Дѣйствительно, помня опасность, которой она подвергалась въ 1832 г., палата лордовъ рѣдко отваживалась на открытую борьбу съ палатою общинъ; отвергая билли, она всегда обезпечивала себѣ линію отступленія. Обличители сравниваютъ ея пріемы съ хитростью птички, которая притворяется раненою, дабы отвлечь вниманіе охотника отъ своего гнѣзда. Отвергая мѣру, которая ей не нравится, но достоинствъ которой она не смѣетъ оспаривать, палата придумываетъ какой-нибудь предлогъ или приличное объясненіе для своей обструкціи. То она заявляетъ, что билль внесенъ поздно, черезуръ близко къ концу сессіи, такъ что она не можетъ подвергнуть его тщательному разсмотрѣнію; и это объясненіе производитъ на публику впечатлѣніе, что палата, дѣйствительно, добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Такъ, подъ этимъ предлогомъ она провалила въ 1871 г. билль о тайной подачѣ голосовъ; между тѣмъ лордамъ просто непріятна была отмѣна открытаго голосованія. Въ слѣдующемъ году они, ссылаясь на любовь англичанъ къ свободѣ и независимости, внесли въ билль поправку, что тайная подача голосовъ не обязательна, а факультативна; но это значило подорвать въ корнѣ смыслъ всего закона, ибо кто голосуетъ тайно, когда всѣ голосуютъ открыто, очевидно, не хочетъ, чтобы знали, за кого онъ подалъ голосъ. Или лорды заявляютъ, что нельзя разсматривать билль отдѣльно отъ другихъ, которые только еще намѣчены въ палатѣ общинъ; напр., въ 1884 г. они провалили билль о расширеніи избирательнаго права подъ предлогомъ, что правительство не внесло также и билля о новомъ распредѣленіи мѣстъ. Или они говорятъ, что въ предложенномъ биллѣ мѣстнаго значенія содержится новый принципъ, который слѣдуетъ разрѣшить по поводу билля болѣе общаго характера; напр., въ 1893 г. они отвергли мѣстный для Лондона билль о меліораціяхъ, требуя, чтобы новый принципъ вознагражденія арендатора за улучшенія былъ обсужденъ въ связи съ мѣрою общаго значенія; между тѣмъ какъ все англійское законодательное творчество развивается постепенно, начинаясь обыкновенно съ мѣръ частнаго свойства. Или лорды вносятъ въ билль поправку, которую палата общинъ уже отвергла, т.-е. завѣдомо такую, которой послѣдняя не приметъ. Или они говорятъ, что не могутъ разсмотрѣть частной мѣры, не зная, какова вообще схема будущихъ реформъ въ данной области,—напр., въ 1871 г. они отклонили билль объ отмѣнѣ покупки мѣстъ въ арміи, въ дѣйствительности потому, что

мѣста занимаются ихъ сыновьями, а какъ предлогъ выставили то, что имъ нужно видѣть сперва всю схему предполагаемыхъ военныхъ реформъ. На этотъ разъ реформа была осуществлена королевскимъ распоряженіемъ; королева здѣсь воспользовалась своею прерогативою, и такъ какъ она въ этомъ случаѣ дѣйствовала за-одно съ палатою общинъ, то на вопросѣ о конституціонности мѣры не стали останавливаться, и тѣмъ только лишній разъ была подчеркнута второстепенная роль палаты лордовъ.

Итакъ, лорды, какъ законодатели, въ массѣ индифферентны, поверхностны, небрежны; ихъ сужденія односторонни, ихъ рѣшенія партійны, ихъ пріемы свидѣтельствуютъ о недостаткѣ мужества. Обличители идутъ еще дальше въ нагроможденіи обвиненій: лорды,—говорятъ они,—смѣлы только когда дѣло идетъ о малочисленномъ меньшинствѣ, о слабыхъ и обездоленныхъ. Впрочемъ, доказательства этого обвиненія берутся изъ временъ давно прошедшихъ. Такъ, палата лордовъ отвергла билль, который долженъ былъ прекратить возможность ограбленія женыкатолички мужемъ, скрывшимъ при вступленіи въ бракъ, что онъ протестантъ; достаточно было ему доказать, что онъ въ теченіе года до брака былъ однажды въ протестантской церкви, чтобы его бракъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Но это случилось въ 1835 г. Палата лордовъ отвергла билль, по которому отецъ лишался права отказывать матери въ свиданіи съ дѣтьми, хотя бы отнятіе дѣтей сдѣлано было ради шантажа; палата нашла, что не стоитъ останавливаться на этой мелочи, когда нормы супружескаго права представляютъ такую массу другихъ злоупотребленій. Но въ палатѣ засѣдало въ тотъ разъ всего 22 лорда, и случилось это въ 1838 г. Или палата дважды отклоняла билль, который долженъ былъ дать подсудимому, обвиняемому въ „felony“, право имѣть защитника; такъ, распространеніе фальшивой монеты въ 6 пенсовъ составляло „misdemeanour“, и защита здѣсь допускалась, а по дѣлу о 2-хъ шиллингахъ защита не допускалась. Но и это было въ 1835 г. Изъ болѣе свѣжихъ фактовъ противъ лордовъ приводятъ ихъ поведеніе въ еврейскомъ вопросѣ. Билли о предоставленіи евреямъ политическихъ правъ палата лордовъ отвергала и въ 1833, и въ 1834, и въ 1836, и въ 1841, и въ 1848, и въ 1853 гг.,—и только въ 1858 г. пропустила, но и то не прямо: она приняла законъ, измѣнившій форму присяги такъ, что ее могли произносить и евреи. Мотивы, по которымъ лорды отказывали евреямъ въ равноправности, правда, не блещутъ остроуміемъ: евреи-де надѣются вернуться въ Палестину; ихъ нравственныя и умственныя качества не опра-

вдываютъ устраненія ограниченій; не будучи христіанами, они не должны участвовать въ управленіи христіанскою страною; они вообще лишены естественныхъ чувствъ, одушевляющихъ истинно-британскихъ людей. Но и это все говорилось болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, и для сужденія о теперешней палатѣ лордовъ это матеріалъ мало пригодный. Наиболѣе серьезнымъ и на первый взглядъ хорошо обоснованнымъ является упрекъ, что палата лордовъ постоянно задерживала самыя благодѣтельныя реформы и мѣшала устраненію многихъ злоупотребленій. Въ памфлетной литературѣ распространены длинные списки законовъ, которые вошли въ жизнь по милости лордовъ на много лѣтъ позже, чѣмъ этого желалъ народъ. Всего больше такихъ задержанныхъ реформъ — въ области ирландскихъ земельныхъ отношеній, церковнаго и муниципальнаго управленія; но и въ области гражданскаго и уголовнаго права и процесса, въ сферѣ соціальнаго законодательства и народнаго образованія палата тормозила работу народныхъ представителей, становясь поперекъ дороги стремленіямъ улучшить жизненныя условія народа. Обструкція оказывалась такимъ мѣропріятіямъ, которыя, войдя въ жизнь, не вызывали ни разу желанія вернуться назадъ. Но вслѣдствіе обструкціи или приходилось самой нижней палатѣ идти на компромиссъ и соглашаться на искаженія, лишь бы спасти главное; или же въ концѣ концовъ проходила мѣра болѣе радикальная, чѣмъ какая предполагалась сначала.

Чтобы правильно оцѣнить обвиненіе палаты лордовъ въ томъ, что она часто замедляла темпъ законодательнаго творчества, нужно имѣть въ виду, что въ Англіи вся законодательная работа, не одной палаты лордовъ, но и палаты общинъ, отличается крайнею медленностью. Напримѣръ, палату лордовъ упрекаютъ, что она тормозила реформу уголовной защиты. Но рядомъ съ вышеуказанными несообразностями существовала такая странность, какъ запрещеніе истцу или отвѣтчику давать лично предъ присяжными засѣдателями показаніе по своему дѣлу; но это запрещеніе отмѣнено было сперва только въ судахъ въ графствахъ въ 1846 г. и только въ 1869 г. относительно всѣхъ гражданскихъ дѣлъ; въ то же время въ канцлерскомъ судѣ дозволялось вызвать противника къ допросу, но самый допросъ допускался только въ письменной формѣ; и эта аномалія отмѣнена была окончательно только въ 1875 г., и не видно, чтобы въ этой медленности повинна была именно палата лордовъ. Въ Англіи законодательство стоитъ въ прямой зависимости отъ общественнаго мнѣнія, т.-е. отъ мнѣнія большинства англичанъ, пославшихъ въ палату

общинъ своихъ представителей. Это общественное мнѣніе въ Англіи измѣняется и наростаетъ медленно; въ его развитіи нѣтъ скачковъ, но нѣтъ и возврата назадъ; прогрессъ совершается медленно, но зато не бываетъ и реакціи. Англійское законодательство вообще подвигается впередъ преимущественно путемъ частныхъ поправокъ стараго, а не путемъ коренныхъ и принципіальныхъ реформъ. Такъ, разные процессуальные недостатки, на которые указывалъ еще Бентамъ въ 1827 г., отмѣнены только въ 1898 г. Начало фабричнаго законодательства было положено въ 1802 г., систематизировано оно только въ 1901 г. Только въ исключительныхъ случаяхъ и подъ давленіемъ какого-нибудь кризиса англійскіе законодатели рѣшаются однимъ взмахомъ пера провести широкій принципъ до его логическихъ и необходимыхъ выводовъ. Такъ, несомнѣнно образованные англичане уже въ XVIII в. не могли думать, что католицизмъ есть преступленіе и можетъ оправдывать ограниченіе политическихъ правъ; однако, уголовные законы противъ католиковъ смягчались только постепенно, — сперва въ 1778 г., потомъ въ 1791 г.; только въ 1829 г. католикамъ дано было политическое равноправіе, но и затѣмъ потребовалось еще нѣсколько парламентскихъ актовъ, чтобы устранить остатки старыхъ ограничительныхъ законовъ. Послѣднія ограниченія политическихъ правъ по религіознымъ основаніямъ пали только въ 1888 г. Вслѣдствіе предпочтенія къ частичнымъ поправкамъ вмѣсто принципіальнаго творчества современное рабочее законодательство есть плодъ болѣе чѣмъ 40 парламентскихъ актовъ. Для смягченія уголовныхъ законовъ потребовался длинный рядъ отдѣльныхъ актовъ объ отдѣльныхъ преступленіяхъ; такъ, смертная казнь со 160 случаевъ уменьшена теперь до двухъ, но для этого понадобился рядъ актовъ съ 1827 до 1861 гг. Въ 1882 г. была сдѣлана кодификація муниципальнаго законодательства, и при этомъ отмѣнено 68 старыхъ законовъ, остававшихся въ силѣ послѣ муниципальной реформы 1836 г., которая сама уже уничтожила много злоупотребленій.

При такой особенности англійскаго законодательнаго творчества позволительно сомнѣваться, чтобы дѣло обстояло существенно иначе, еслибы палата лордовъ не была наслѣдственною, еслибы въ ней не преобладали консерваторы и т. д. Когда все законодательство подвигается впередъ черепашьимъ шагомъ, то справедливо ли подымать столько шума изъ-за нѣсколькихъ десятковъ законовъ, которые въ концѣ концовъ все-таки приняты? Ясно, что въ глубинѣ всѣхъ обвиненій, можетъ быть и безсознательно для обличителей, лежитъ нетерпѣніе ростущей демократіи по

поводу обструкціи со стороны второй палаты вообще. Нетерпѣніе понятное, потому что еслибы вопросъ могъ быть поставленъ такъ, существуетъ ли въ Англіи надобность въ учрежденіи, котораго назначеніе—*предупреждать поспѣшность законодательства*, то на этотъ вопросъ не могло бы быть двухъ отвѣтовъ: отсрочивающее veto палаты лордовъ—то̀ же, что золотить золото; нечего замедлять то, что̀ и безъ того движется медленно. Въ Англіи, какъ это показалъ Дайси въ своей послѣдней книгѣ „Law and public opinion", больше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, больше чѣмъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ или во Франціи, законодательство есть прямой результатъ общественнаго мнѣнія; палата общинъ, со времени избирательныхъ реформъ 1832, 1867 и 1885 гг., вѣрно отражаетъ это общественное мнѣніе, и притомъ уже сложившееся, зрѣлое, скорѣе даже нѣсколько устарѣлое, чѣмъ только-что формирующееся мнѣніе. Отсрочивающее veto палаты лордовъ, какъ средство для того, чтобы общественное мнѣніе успѣло созрѣть, предполагаетъ, что законодатели въ нижней палатѣ ведутъ общественное мнѣніе за собою, тогда какъ въ дѣйствительности, напротивъ, общественное мнѣніе подталкиваетъ законодательство. Для того, чтобы какая-нибудь реформа была предложена въ палатѣ общинъ, нужно, чтобы въ странѣ образовалось теченіе общественнаго мнѣнія, достаточно сильное, чтобы найти себѣ парламентское представительство; для того, чтобы реформа была принята, нужно, чтобы данное теченіе стало господствующимъ. Никакое англійское министерство не въ силахъ навязать странѣ мѣру, которой не одобряетъ господствующее теченіе общественнаго мнѣнія. Сдерживать реформаторскіе порывы англійскихъ законодателей не приходится; опасности, что будетъ принятъ законъ, идея котораго еще не воспринята большинствомъ англійскаго общества, не существуетъ. Въ палату общинъ вступаютъ люди тридцати-сорокалѣтняго возраста, которые составили себѣ міровоззрѣніе прежде, чѣмъ получили доступъ къ законодательству; они проводятъ свои воззрѣнія въ жизнь въ качествѣ законодателей, когда въ обществѣ народились новые взгляды, которыми увлекается пока болѣе молодое поколѣніе и съ которыми законодатели, можетъ быть, и незнакомы; они проводятъ въ жизнь то, что̀ въ сферѣ идей, быть можетъ, уже устарѣло, и что̀ чрезъ нѣкоторое время будетъ затоплено новой идейной волной. Такъ, идеи Адама Смита о свободѣ торговли восторжествовали въ парламентѣ только въ 1846 г.; такъ, въ 60-хъ годахъ XIX в., въ палатѣ общинъ господствовалъ еще промышленный либерализмъ, когда въ обществѣ уже начинали

склоняться къ идеѣ государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, и прошло еще двадцать лѣтъ прежде чѣмъ и парламентъ сталъ на почву „соціализма безъ доктринъ". При такомъ положеніи дѣлъ отсрочивающее veto палаты лордовъ, безспорно, ни на что не нужно: палата общинъ и сама не спѣшитъ. Исключеніе подтверждаетъ правило: приводятъ случай, когда палата общинъ заспѣшила; но тогда и палата лордовъ не оказалась болѣе разсудительной. Въ 1850 г. папа назначилъ католическихъ епископовъ съ тѣми же титулами, какъ и англиканскіе прелаты; появился вдругъ католическій архіепископъ кентерберійскій. Палатою общинъ овладѣлъ паническій страхъ; она увидала призракъ возстановленнаго господства католицизма, и немедленно приняла билль противъ католическихъ церковныхъ титуловъ. Палата лордовъ еще больше испугалась: тамъ билль прошелъ также немедленно и при болѣе значительномъ большинствѣ, чѣмъ въ нижней палатѣ. Между тѣмъ этотъ законъ былъ настолько произведеніемъ минуты, что его даже не стали приводить въ дѣйствіе, а въ 1871 г. его отмѣнили и формально. Итакъ, какъ учрежденіе для пересмотра законопроектовъ, палата лордовъ мало удовлетворительна по своему составу; какъ учрежденіе, обезпечивающее отъ поспѣшности въ изданіи законовъ, она безполезна. Стало быть, не лучше ли ее уничтожить совсѣмъ? На самомъ дѣлѣ вопросъ о значеніи палаты лордовъ въ англійской конституціи и о реформѣ ея гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

III.

Больное мѣсто въ организаціи палаты лордовъ—наслѣдственность. Англичане упражняютъ свой humour насчетъ этой особенности: только въ сказкѣ или въ оперѣ можно встрѣтить что-нибудь подобное, говорятъ они. Наслѣдственность составляетъ проклятіе для самихъ лордовъ,—по крайней мѣрѣ, для наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ. Они не могутъ быть народными представителями въ палатѣ общинъ; исключеніе сдѣлано только для ирландскихъ пэровъ, которые могутъ быть депутатами отъ англійскихъ избирателей въ нижней палатѣ, если не состоятъ членами верхней по избранію отъ другихъ ирландскихъ пэровъ. Всѣ же англійскіе пэры [1]) могутъ быть только членами палаты лордовъ. Въ виду ея второстепенной роли, въ этомъ видятъ ущербъ для

[1]) Хуже всѣхъ положеніе тѣхъ изъ шотландскихъ пэровъ, которые не попали въ число 16-ти; они вовсе лишены возможности участвовать въ парламентѣ.

политической жизни страны: многіе таланты вовсе пропадаютъ; государственные дѣятели, блиставшіе въ нижней палатѣ, сходятъ со сцены, когда переходятъ въ палату лордовъ; и такой переходъ дѣлается не добровольно: старшій сынъ лорда обязательно, по смерти отца, теряетъ свое депутатское кресло.

Однако, ни насмѣшки, ни интересы талантовъ не могутъ побудить палату лордовъ разстаться съ принципомъ наслѣдственности. Въ 1856 г. сдѣлана была попытка назначить новаго пэра *пожизненно*; назначили бездѣтнаго старика. Но палата лордовъ рѣшительно возстала противъ такого новшества, отвергла ссылки на прецеденты и отказалась признать лорда Wensleydale; пришлось дать ему обычный наслѣдственный патентъ.

Въ 1867 г. пропасть между наслѣдственною палатою и народнымъ представительствомъ стала еще глубже: въ нижней палатѣ стали засѣдать депутаты отъ городскихъ рабочихъ, а верхняя продолжала оставаться нереформированной. Естественно было возобновить попытку реформы. Въ 1869 г. лордъ Россель предложилъ усилить пожизненный элементъ въ палатѣ; для этого слѣдовало бы предоставить коронѣ право назначать пожизненныхъ пэровъ, но числомъ всего не болѣе 28-ми и не свыше 4-хъ въ годъ. Но даже эта, по выраженію Брайта, „ребяческая заплата на законодательствѣ" осталась только проектомъ; послѣ третьяго чтенія въ палатѣ лордовъ билль былъ отвергнутъ. Это упорство лордовъ вызвало сожалѣніе въ друзьяхъ мирнаго развитія англійской конституціи; въ то время реформа могла совершиться спокойно, по иниціативѣ самихъ лордовъ; послѣ того, положеніе стало сложнѣе. Въ лицѣ усилившейся демократіи у палаты лордовъ выросъ противникъ, котораго нельзя удовлетворить простою заплатою.

Начало демократическихъ требованій относится къ 1884 г., когда лорды раздражили народъ своимъ отказомъ принять билль Гладстона, имѣвшій цѣлью распространеніе избирательныхъ правъ на сельскихъ рабочихъ. Раздраженіе особенно понятное, если вспомнить, что въ 1867 г. предоставленіе избирательныхъ правъ городскимъ рабочимъ прошло безъ всякихъ возраженій, потому что реформу проводило торійское министерство. Въ странѣ поднялась сильная агитація. Иниціаторомъ ея былъ Лабушеръ. Образовалась „Лига для уничтоженія наслѣдственной палаты лордовъ". Воззваніе ея къ гражданамъ гласило: „еще недавно вопросомъ дня было предоставленіе права голоса 2.000.000 правоспособныхъ гражданъ; теперь на очереди лишеніе голоса 500 безотвѣтственныхъ наслѣдственныхъ законодателей". Лига выработала проектъ петиціи

въ палату общинъ: „Имѣя въ виду, что въ парламентѣ существуетъ собраніе безотвѣтственныхъ законодателей, извѣстныхъ подъ названіемъ пэровъ; что члены этого собранія большею частью наслѣдственны, вступая другъ послѣ друга на основаніи генеалогіи или естественнаго преемства; что подобная легитимація для серьезнаго дѣла законодательства дѣлаетъ англичанъ смѣшными въ глазахъ всего свѣта; что эта аномальная палата въ теченіе столѣтій тяжко угнетала народъ этихъ острововъ, издавая дурные законы и отвергая или искажая явно полезные для общества; что въ блаженный періодъ республики палата общинъ въ своей мудрости приняла актъ объ уничтоженіи наслѣдственныхъ законодателей, какъ безполезныхъ и опасныхъ, и что вслѣдствіе этого нація получила величайшія нравственныя и матеріальныя выгоды внутри и извнѣ,—просители желаютъ, чтобы палата общинъ воскресила статутъ объ отмѣнѣ и предоставила пэрамъ, которыхъ народъ выберетъ, право засѣдать въ палатѣ общинъ". Лига, однако, успѣха не имѣла и скоро была закрыта. Отчасти это объясняется, вѣроятно, тономъ агитаціи, разсчитаннымъ скорѣе на улицу, чѣмъ на серьезную мысль. Такъ, одинъ изъ пропагандистовъ лиги писалъ, что когда будетъ уничтожена палата лордовъ, то реакціонеры навѣрное потребуютъ представительной второй палаты, но этому надо всячески противиться, ибо, какъ показываетъ-де исторія всѣхъ вторыхъ палатъ, онѣ—не что иное, какъ памятники стаднаго безумія человѣчества. Наряду съ этимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ исторіей въ памфлетѣ, выдержавшемъ, однако, не менѣе девяти изданій, противъ палаты полились рѣчи крупныхъ политическихъ дѣятелей. Тогда-то Чемберленъ далъ характеристику палаты лордовъ, которая теперь неизмѣнно цитируется всѣми ея врагами, словно выписка изъ классика: „палата лордовъ въ теченіе ста лѣтъ ни на іоту не прибавила народныхъ свободъ и ничего не сдѣлала для общественнаго блага; и во все это время она покровительствовала всякому злоупотребленію и защищала всякую привилегію; она отказывала въ правосудіи и откладывала реформы; она безотвѣтственна безъ независимости, упорна безъ мужества, произвольна безъ разсудка и дерзка безъ знанія". Тогда же, не ограничиваясь критикою, поставили на очередь конституціонный вопросъ,—какъ путемъ реформы сдѣлать палату лордовъ безвредною? Брадло откровенно заявилъ, что онъ не видитъ конституціоннаго средства уничтожить палату лордовъ, что для этого нужна революція. Но революція въ Англіи можетъ быть оправдана только если зло не просто невыносимо, но и не можетъ быть устранено другимъ

путемъ; агитація въ пользу уничтоженія палаты лордовъ—не шутка; не слѣдуетъ легкомысленно вызывать тѣнь революціи. Конечно, невыносимо, чтобы люди глупые, лѣнивые и порочные могли наравнѣ съ умными и порядочными наслѣдовать въ правѣ творить или тормозить законодательство. Положить этому конецъ нужно,—но не отмѣняя палату; нужно только лишить ее права veto или же превратить въ собраніе народныхъ представителей, въ выборный сенатъ. Тѣмъ хуже для лордовъ, если они и на это не пойдутъ; если они будутъ отвергать всякую реформу, ихъ безуміе усилитъ сторонниковъ уничтоженія палаты, и тогда уже ни за что отвѣчать нельзя. „Я—за реформу, если это возможно, и противъ революціи, если это въ моихъ силахъ". Джонъ Брайтъ также опредѣленно высказался, что уничтожить палату лордовъ невозможно, но можно ограничить ея право veto. Королевское veto исчезло, но корона осталась и пользуется уваженіемъ и популярностью; то же можетъ быть и съ палатою лордовъ. Она должна сохранить право исправить билль и даже отвергнуть его, если палата общинъ не согласилась на ея поправки; но если въ слѣдующую сессію палата общинъ вторично приняла билль безъ поправки палаты лордовъ, то послѣдняя уже не вправѣ не принять его. Очевидно, что при такомъ условіи палата лордовъ и въ первую сессію не станетъ задерживать билль, потому что онъ все равно пройдетъ въ слѣдующую сессію. Тогда въ палатѣ лордовъ будутъ участвовать только тѣ, кто подготовленъ къ законодательной дѣятельности,—человѣкъ сто, не болѣе; тѣ же, которыхъ теперь созываютъ для голосованія, будутъ сидѣть по домамъ. Но какъ осуществить реформу и ограничить право veto лордовъ противъ ихъ воли,—на это Брайтъ отвѣта не даетъ. Тогда же появились и летучіе проекты учрежденія новой верхней палаты на мѣсто уже упраздненной въ воображеніи реформаторовъ палаты лордовъ; такъ, авторъ серіи памфлетовъ „Мысли для мыслящихъ", подъ псевдонимомъ Hinc Solon, рекомендовалъ учредить „палату сенаторовъ" изъ 150-ти членовъ, изъ которыхъ 106 выбирались бы палатою общинъ, 24 назначались бы короною и 20 представляли бы разныя правительственныя учрежденія. Но прежде всего надо уничтожить палату лордовъ, ибо сколько ни распѣвать пѣснь: „Никогда британцы не будутъ рабами", но пока британцы не въ силахъ сами сочинять для себя законы, надо поменьше хвастать свободой.

Но вся эта агитація противъ палаты лордовъ очень скоро улеглась. Въ слѣдующемъ году между Гладстономъ и лордами состоялось соглашеніе, и билль о расширеніи избирательнаго

права былъ палатою лордовъ принятъ. Она вышла изъ столкновенія съ уменьшеннымъ престижемъ, но все же невредимою. Отнынѣ она имѣла противъ себя еще 2.000.000 новыхъ избирателей. Въ 1885 г. вышла книжка, озаглавленная: „Радикальная программа", съ предисловіемъ Чемберлена; въ ней палата лордовъ трактуется уже не какъ врагъ, а какъ своего рода quantité négligeable: „Послѣднее, о чемъ думаютъ радикалы, это о реформированіи палаты лордовъ. Ея недостатки нераздѣльны отъ ея существованія. По существу она не вліяетъ на ходъ законодательства; она можетъ оттянуть принятіе важныхъ мѣръ, но не больше. Она—источникъ непріятностей и нетерпѣнія для серьезнаго реформатора; но она никогда не можетъ быть постояннымъ препятствіемъ на пути реформъ. Народное нетерпѣніе сдерживается сознаніемъ, что въ худшемъ случаѣ вторая палата можетъ только замедлить прогрессъ законодательства. Но еслибы явилось сознаніе, что палата лордовъ можетъ безконечно задерживать законодательство, тогда простая терпимость перешла бы въ дѣятельное недовольство ею. При такихъ условіяхъ нѣтъ надобности включать уничтоженіе палаты лордовъ въ радикальную программу. Если палата будетъ и впредь проявлять тѣ же качества, какъ и до сихъ поръ, радикаламъ нечего ею заниматься. Но, конечно, если она будетъ упорствовать въ отстаиваніи своей индивидуальности, то своимъ поведеніемъ она вызоветъ свою собственную гибель". Такъ, вопросъ о палатѣ лордовъ на время сошелъ со сцены. Только неугомонный Лабушеръ внесъ, въ 1886 г., въ нижнюю палату предложеніе резолюціи, что „несовмѣстимо съ представительнымъ правленіемъ, чтобы члены одной изъ палатъ имѣли право творить законы въ силу наслѣдованія". Но предложеніе провалилось. Ту же неудачу потерпѣлъ Лабушеръ вторично въ 1888 г.

Ничто извнѣ не побуждало болѣе лордовъ къ реформѣ своей палаты, и потому въ отвѣтъ на новые проекты изъ ихъ же среды они стали неизмѣнно отстаивать status quo. Въ 1888 г. лордъ Розбери предложилъ имъ избрать комитетъ для изслѣдованія устройства палаты; онъ взывалъ, между прочимъ, и къ интересу самихъ лордовъ, лишенныхъ доступа въ нижнюю палату. Но пэры отвергли самое предложеніе учредить комитетъ. Затѣмъ лордъ Денрэвенъ внесъ билль объ устройствѣ палаты лордовъ; онъ предлагалъ возстановить право короны назначать пожизненныхъ пэровъ; предоставить ей назначать пэровъ на срокъ по рекомендаціи совѣтовъ графствъ (органовъ мѣстнаго самоуправленія); предоставить нынѣшнимъ лордамъ выбрать изъ своей среды деле-

гацію изъ 180 пэровъ для законодательныхъ функцій; соотвѣтственно уменьшить число духовныхъ лордовъ. Билль не прошелъ. Наконецъ, лордъ Сольсбери въ томъ же году внесъ два билля—одинъ о созданіи пожизненныхъ пэровъ, другой—о правѣ короны не посылать приглашеній въ парламентъ лордамъ, осужденнымъ за позорное поведеніе,—но взялъ оба билля назадъ.

Съ тѣхъ поръ палата лордовъ не возобновляла попытокъ реформы хотя бы въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какъ намѣчали нѣкоторые изъ лордовъ, и, повидимому, нѣтъ надежды, чтобы она сама взяла на себя иниціативу реформы. Но въ 1893 г., когда она отвергла второй билль о гомрулѣ, агитація со стороны либеральной партіи поднялась съ новой энергіей. На этотъ разъ походъ повелъ „National Reform Union"; это—организація либеральной партіи для литературной пропаганды ея идей; ея главная квартира—въ Манчестерѣ, и она имѣетъ болѣе четырехъ-сотъ отдѣленій въ странѣ. Она выпустила рядъ памфлетовъ и летучихъ листковъ. Лозунгомъ борьбы взята была формула палаты общинъ 1649 г.: „палата лордовъ безполезна и опасна и должна быть уничтожена". Листокъ № 110 заявляетъ, что уничтоженіе палаты лордовъ есть первая, главная и непосредственная задача либеральной партіи, потому что эта палата не исполняетъ вовсе своихъ независимыхъ законодательныхъ функцій; когда у власти консервативное правительство, она только проводитъ мѣры, на которыя уже послѣдовало согласіе вождей; а когда у власти либералы, она пользуется своими законодательными функціями, чтобы мѣшать принятію мѣръ, за которыя стоитъ большинство избирателей; въ первомъ случаѣ палата безполезна, во второмъ она опасна, потому что лишаетъ народъ права самоуправленія чрезъ своихъ представителей. Какъ практическое средство листокъ рекомендуетъ, если билль будетъ искаженъ или отвергнутъ палатою лордовъ, — чтобы палата общинъ простою резолюціею постановила игнорировать этотъ поступокъ лордовъ и послать билль въ той формѣ, какъ его окончательно выработаетъ палата общинъ, на утвержденіе короны. Листокъ не даетъ, однако, отвѣта на то, какъ быть, если корона не признаетъ такое дѣйствіе конституціоннымъ. Листокъ № 112 цитируетъ только нѣсколько строкъ изъ талантливаго памфлета Демоса: „Пэры или народъ: кому управлять?", изданнаго тѣмъ же союзомъ,—чтобы показать богатство пэровъ; разсказавъ, сколько у нихъ земли, выписка добавляетъ, что они располагаютъ 4.800 церковными должностями и получаютъ въ видѣ пенсій и т. п. около 662.700 фунтовъ. Около 1.500.000 акровъ принадлежатъ родственникамъ

пэровъ, засѣдающимъ въ палатѣ общинъ. Листокъ № 113 содержитъ квинтъ-эссенцію отзывовъ о палатѣ лордовъ: „она просто вѣтвь торійскаго каукюса [1]); просто орудіе торійской организаціи; клубъ торійскихъ лэндлордовъ; механическое большинство торійскаго каукюса" (Чемберленъ); „флигель карлтонскаго клуба" (Г. Джемсъ); „мертвецкая большинства либеральныхъ мѣръ" (Розбери); „подавляющее господство предразсудковъ, лицемѣрія, слѣпого классоваго и партійнаго духа; непроницаема для аргументовъ, непреклонна предъ разсужденіемъ, недоступна для разсудка; и выгнать ее изъ ея наслѣдственной и устарѣлой траншеи можно не аргументомъ, не разумомъ, не разсужденіемъ, а только силой" (Джонъ Морлей). Въ листкѣ № 118 доказывается, что палата лордовъ вовсе не функціонируетъ, какъ вторая палата или сенатъ; что это только одно изъ сословій феодальнаго королевства, которое теперь ослаблено вслѣдствіе паденія феодализма; что она никогда не дѣйствуетъ, какъ воображаютъ европейскіе политическіе архитекторы, какъ верхняя палата, ревизующая съ болѣе зрѣлымъ умомъ и въ безпристрастномъ духѣ поспѣшное или ультра-демократическое законодательство народнаго собранія. Листокъ № 120 содержитъ перечень отвергнутыхъ за 60 лѣтъ мѣръ и озаглавленъ: „Чаша несправедливости". Памфлеты того времени, рѣчи Гладстона, Розбери,—все кипитъ негодованіемъ противъ лордовъ. На одномъ памфлетѣ на обложкѣ изображены Сольсбери и какой-то епископъ, вооруженные дубинами, ожидающими изъ-за угла приближенія двуногой фигуры, на туловищѣ которой надпись: „либеральный билль"; нѣсколько мертвыхъ „биллей" валяется уже у ногъ свирѣпыхъ убійцъ. На оборотѣ—собраніе идіотскихъ физіономій съ надписью: „портреты нашихъ наслѣдственныхъ законодателей".

Къ либеральной агитаціи присоединились протесты рабочихъ союзовъ. Въ томъ же 1893 г. палата лордовъ внесла въ билль объ отвѣтственности предпринимателей поправку, допускающую право сторонъ договариваться о непримѣненіи закона (contracting out); трижды палата общинъ отвергала эту поправку, и трижды палата лордовъ вносила ее вновь. Лордъ Сольсбери при этомъ имѣлъ еще неосторожность назвать трэдъ-юніоны, какъ и вообще радикальныя ассоціаціи, „жестокими организаціями". Рабочіе выпустили тогда пламенный манифестъ: „13 лѣтъ сряду конгрессъ трэдъ-юніоновъ ежегодно единогласно высказывается противъ си-

[1]) Caucus—терминъ сперва насмѣшливый для обозначенія мѣстныхъ организацій либеральной партіи, возникшихъ въ срединѣ 80-хъ г.г.

стемы отмѣны договоромъ сторонъ парламентскаго акта. Правительство доказало свое желаніе исправить законодательство согласно съ требованіями рабочихъ. Однако, всѣ его труды уничтожены собраніемъ наслѣдственныхъ законодателей, дѣйствующихъ къ выгодѣ нѣсколькихъ промышленныхъ компаній, въ которыхъ многіе изъ нихъ лично заинтересованы. Мы приглашаемъ васъ сказать, позволите ли вы и впредь палатѣ лордовъ стоять на пути вашего промышленнаго прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать опасности вашу жизнь и здоровье въ то время, какъ вы изо дня въ день работаете для обогащенія ихъ и націи? На что служитъ вамъ избирательное право? Какой для васъ толкъ отъ того, что большинство избранныхъ народныхъ представителей вотируетъ въ вашу пользу, когда привилегированный классъ имѣетъ возможность издѣваться и надъ избирательнымъ правомъ, и надъ правительствомъ? Теперь вамъ необходимо рѣшить, подчинитесь ли вы покорно этому презрительному обращенію, или же вы покажете палатѣ лордовъ, что она не можетъ безнаказанно противиться вашей волѣ. Вы имѣете случай теперь показать примѣръ противодѣйствія наглой и произвольной власти. Если палата лордовъ можетъ и впредь издѣваться надъ голосомъ избирателей и отвергать всякую мѣру, которая не согласуется съ ея интересами и симпатіями, то нужно уничтожить палату общинъ, какъ учрежденіе безполезное для выраженія національной воли". За манифестомъ послѣдовала колоссальная демонстрація въ Гайдъ-Паркѣ, гдѣ делегаты отъ союзовъ всей страны постановили требовать отъ правительства „принятія мѣръ къ полному уничтоженію палаты лордовъ и лишенію ея такимъ образомъ возможности противодѣйствовать народной волѣ".

Однако, и на этотъ разъ никакой революціи въ странѣ не произошло, и дальше энергичныхъ словесныхъ угрозъ дѣло не пошло. Острый періодъ возбужденія противъ палаты лордовъ скоро прошелъ, особенно послѣ того, какъ въ 1895 году страна на общихъ выборахъ, въ отвѣтъ на лозунгъ: „долой палату лордовъ", дала большинство... консервативной партіи. Торійское министерство провело рядъ реформъ, которыя провели бы сами либералы, еслибы власть была въ ихъ рукахъ; они могли досадовать, что палата лордовъ теперь реформамъ не противодѣйствуетъ, но осуждать ее не было уже возможности. Въ 1897 г. прошелъ новый законъ объ отвѣтственности предпринимателей, въ которомъ содержалось уже воспрещеніе contracting out, и такъ исчезъ тотъ поводъ къ недовольству рабочихъ, который вызвалъ ихъ возмущеніе въ 1893 г. Правда, нѣсколько позже

рабочій міръ получилъ новое основаніе для недовольства лордами, когда послѣдовало нѣсколько судебныхъ рѣшеній, понесшихъ чувствительный ущербъ свободѣ рабочихъ союзовъ; но то были рѣшенія, постановленныя судебными лордами, а не палатою лордовъ, какъ органомъ законодательной власти, и потому вопросъ о законодательномъ veto палаты лордовъ при этомъ оставался въ сторонѣ. Затѣмъ, при томъ же консервативномъ министерствѣ въ 1896 и 1903 г., сдѣланы были важные шаги для разрѣшенія ирландскаго земельнаго вопроса; въ 1898 г. проведена въ Ирландіи муниципальная реформа. Такимъ образомъ, многіе старые грѣхи палаты лордовъ были заглажены при ея же содѣйствіи противниками либераловъ. Въ настоящее время новое движеніе въ пользу реформы палаты лордовъ надо было бы создать искусственно; но для этого англійскій избиратель слишкомъ уравновѣшенъ. Теперь весь вопросъ о палатѣ лордовъ интересуетъ только профессіональныхъ политиковъ; жизненныхъ интересовъ націи онъ не касается. Въ 1905 г., когда палата лордовъ отвергла билль о трамваяхъ чрезъ лондонскіе мосты, газеты вытащили изъ грознаго словеснаго арсенала нѣсколько энергичныхъ выраженій, напомнили лордамъ, что отъ нихъ требуется mending or ending, т.-е. или исправиться, или исчезнуть, но вскорѣ опять все успокоилось, и палатою лордовъ перестали заниматься.

Не перестаютъ ею заниматься политическія организаціи либеральной партіи; для нихъ вопросъ о палатѣ лордовъ остается тлѣющимъ подъ пепломъ уголькомъ, который когда-нибудь можно будетъ раздуть въ яркое пламя. Еще въ началѣ 1894 г. въ Портсмутѣ состоялся съѣздъ делегатовъ отъ либеральныхъ организацій для обсужденія вопроса,—что сдѣлать съ палатою лордовъ? Что она не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя можно предъявлять ко второй палатѣ; что она ничего не дѣлаетъ, когда у власти тори; что она смѣла только, когда знаетъ, что ей не грозитъ опасность быть уничтоженной (напр., она долго съ упорствомъ и безъ страха отвергала билль о дозволеніи жениться на сестрѣ умершей жены); что она не внушаетъ уваженія,—обо всемъ этомъ много разъ говорилось, все это стоитъ для либераловъ внѣ сомнѣнія; вопросъ только въ томъ, какъ съ нею справиться? Всѣ сошлись на томъ, что необходимо внести билль, воспрещающій или ограничивающій право veto. Но, какъ замѣтилъ лордъ Розбери въ одной изъ своихъ рѣчей, уничтожить veto — все равно, что уничтожить палату; она сама предпочтетъ послѣднее, потому что тогда пэры, по крайней мѣрѣ,

получать возможность засѣдать въ нижней палатѣ. Поэтому дѣло не въ томъ, что одну реформу провести трудно, а другую легко,— а въ томъ, чтобы провести реформу вообще, когда сами лорды реформы не желаютъ. Портсмутскій съѣздъ ограничился выраженіемъ увѣренности, что при настойчивомъ желаніи избирателей реформа будетъ проведена. Въ томъ же 1894 г. собралась въ Лидсѣ конференція представителей отъ союзовъ, входящихъ въ составъ „Національной либеральной федераціи", для обсужденія четырехъ возможныхъ направленій реформы: полное уничтоженіе палаты лордовъ; переустройство на избирательномъ основаніи; ограниченіе veto; полное уничтоженіе права veto. Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ на съѣздахъ „Національной либеральной федераціи" выносилась слѣдующая резолюція: „Собраніе остается при твердомъ убѣжденіи, что парламентъ не сдѣлается представительнымъ въ истинномъ смыслѣ, доколѣ палата лордовъ не будетъ лишена власти препятствовать прохожденію билля, одобреннаго нижнею палатою, а для этого у верхней палаты надлежитъ отнять право veto, которымъ она пользуется только, чтобы уничтожать или искажать законы, проведенные чрезъ нижнюю палату либеральнымъ правительствомъ".

„Отнять" право veto, „ограничить" его, „уничтожить" самое палату,—все это легко сказать, но какъ это сдѣлать? По конституціи для всякаго парламентскаго акта требуется согласіе трехъ частей парламента, — общинъ, лордовъ и короля; какъ провести реформу палаты лордовъ противъ воли самихъ лордовъ? Существуетъ только одно безспорное конституціонное средство: корона можетъ назначить новыхъ пэровъ, согласныхъ вотировать за реформу. Въ 1832 г. угроза прибѣгнуть къ этой мѣрѣ заставила лордовъ уступить. Думаютъ, что и для реформы палаты лордовъ въ духѣ либераловъ можно бы съ успѣхомъ испробовать то же средство. Но уже одно то обстоятельство, что дѣло идетъ о нѣсколькихъ стахъ назначеній заставляетъ сомнѣваться въ осуществимости средства. Надо бы прежде всего найти нѣсколько сотъ, можетъ быть даже 600 человѣкъ, которые согласились бы сыграть роль наемниковъ и палачей относительно учрежденія, членами котораго они вступятъ туда. Но если бы въ Англіи и нашлось 600 человѣкъ, способныхъ на такую мало почетную миссію, то надо бы еще получить согласіе короны на такое массовое назначеніе, а вынудить это согласіе безъ революціи нельзя. Поэтому мѣру эту слѣдуетъ считать неосуществимой, а потому и угроза ею лордовъ не испугаетъ. Одно изъ самыхъ новыхъ предложеній состояло въ томъ, чтобы либеральный лидеръ, ко-

тораго корона призоветъ для образованія министерства, согласился приступить къ составленію кабинета не прежде, чѣмъ король подпишетъ напередъ согласіе на назначеніе стольких новыхъ пэровъ, сколько понадобится для образованія большинства. Однако, Кемпбелль-Баннерманъ, призванный въ концѣ 1905 г. составить либеральный кабинетъ, какъ извѣстно, не послѣдовалъ этому совѣту бойкотировать короля. Все, что предлагается помимо угрозы назначеніемъ новыхъ пэровъ, было бы еще и формально противно конституціи. Такъ, передъ созывомъ новаго парламента секретарь короны могъ бы воздержаться отъ посылки лордамъ writs of summons, и тѣмъ самымъ молчаливо палата лордовъ была бы упразднена; или приглашенія можно бы послать только тѣмъ, которые завѣдомо согласны провести реформу. Но какъ заставить короля пойти на это? И затѣмъ, сами лорды могли бы заявить, собравшись и безъ writs of summons, что корона была по конституціи обязана пригласить каждаго изъ пэровъ, и что безъ этого парламентъ не парламентъ, и законъ— не законъ. Совсѣмъ никуда не годится предложеніе, чтобы палата общинъ отказала въ вотированіи бюджета, пока палата лордовъ не согласится на самоубійство или членовредительство; отказъ въ бюджетѣ ударитъ прежде всего по министерству; придется распустить нижнюю палату, тѣмъ временемъ управленіе будетъ парализовано, жизнь въ странѣ разстроится; предложеніе равносильно приглашенію къ революціи. Такъ же мало цѣны имѣетъ предложеніе включить въ билль о бюджетѣ резолюцію объ уничтоженіи veto лордовъ, дабы они убоялись оставить страну безъ бюджета,—и менѣе радикальное предложеніе—отказать въ вотированіи средствъ на содержаніе палаты лордовъ; самъ лордъ Кольриджъ, предлагающій послѣднюю мѣру, тутъ же добавляетъ, что это была бы политика, чуждая инстинктамъ британскаго народа.

Такимъ образомъ, никакими хирургическими средствами нельзя справиться съ палатою лордовъ, если желать оставаться на почвѣ конституціи. Остается давленіе со стороны общественнаго мнѣнія. Лордъ Розбери въ 1894 г. описалъ „процедуру путемъ резолюціи“: палата общинъ, по иниціативѣ министерства, должна принять торжественную резолюцію объ ограниченіи права veto лордовъ; эта резолюція, означающая, что исполнительная власть совмѣстно съ палатою общинъ требуютъ пересмотра конституціи, „останется на вѣки въ протоколахъ палаты; ни одно правительство, какъ бы оно ни было смѣло или цинично, не рѣшится предложить ее вычеркнуть; и если эта резолюція будетъ

поддержана народомъ, то, несомнѣнно, лорды сдадутся". Другими словами, въ концѣ концовъ рѣшитъ или патріотизмъ самихъ лордовъ, ихъ уваженіе къ общественному мнѣнію страны, — или страхъ лордовъ предъ революціей, предполагая, что англичанъ удалось бы до такой степени возбудить вопросомъ о правѣ veto палаты лордовъ.

Въ дѣйствительности нужно думать, что либеральная партія, несмотря на колоссальную побѣду свою на выборахъ 1906 года, останется, относительно палаты лордовъ, при своихъ вожделѣніяхъ, и что ей также мало удастся ограничить какимъ-нибудь парламентскимъ актомъ veto лордовъ, какъ и уничтожить самое палату. Безнадежны стремленія либераловъ прежде всего потому, что они сами еще не уяснили себѣ конечной цѣли реформы. Они готовы „оставить лордамъ ихъ титулы, ихъ костюмы, ихъ гербы, ихъ говорильню (debating club)", только бы отнять у нихъ законодательное veto. Но въ такомъ случаѣ они желаютъ установленія законодательной власти единой палаты? На самомъ дѣлѣ они или и этого не желаютъ, или и сами не знаютъ, чего хотятъ. Такъ, Джонъ Брайтъ, выступившій въ 1884 г. съ наиболѣе умѣреннымъ предложеніемъ—*ограничить* право veto одною сессіею, говоритъ: „когда я былъ молодъ и читалъ книги по этому вопросу, я былъ рѣшительно за двѣ палаты; сознаюсь, что теперь у меня нѣтъ рѣшительнаго мнѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону, но я не такъ твердъ въ убѣжденіи, что необходимы двѣ палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что масса мыслящихъ людей въ странѣ не только не высказалась, но и не обнаружила никакого расположенія требовать единой палаты и полнаго уничтоженія второй". „Не будемъ тратить время,— говоритъ авторъ памфлета, требующаго *уничтоженія* veto,—„на праздное разсужденіе о необходимости или полезности второй палаты. Лично я не вижу надобности во второй палатѣ. Но не всѣ такъ думаютъ, и потому пока возьмемъ то, что взять можно". Авторъ другого памфлета требуетъ полнаго *уничтоженія палаты* лордовъ; а потомъ? „Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на мѣсто уничтоженной палаты лордовъ создать другую палату, не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Возможно, что въ Англіи необходима вторая палата, на подобіе сената, и я даже думаю, что она необходима. Во всякомъ случаѣ, можно принять только сенатъ, основанный на представительномъ началѣ". Самъ лордъ Розбери, который такъ торжественно описываетъ, какъ добиться уничтоженія veto, говоритъ: „Я откровенно сознаюсь, что я въ принципѣ сторонникъ двухъ палатъ; я всецѣло за вторую па-

лату; я такъ же мало стою за безконтрольное правленіе единой палаты, какъ и за безконтрольное правленіе одного человѣка. Я рѣшительно думаю, что опытъ подтверждаетъ необходимость второй палаты. Но если я колеблюсь между моимъ нерасположеніемъ къ единой палатѣ и сомнѣніемъ, лучше ли палата лордовъ, чѣмъ отсутствіе вовсе второй палаты, то это потому, что, по моему, палата лордовъ не есть вторая палата, а партійное собраніе". Это говорилось въ Брадфордѣ 27-го октября 1894 г., а 11-го декабря тотъ же лордъ Розбери говорилъ въ Девонпортѣ: „я слышу всякаго рода аргументы отъ сторонниковъ единой палаты и двухъ палатъ, но мы не можемъ уничтожить вторую палату безъ согласія этой самой второй палаты, и потому весь споръ объ одной или двухъ палатахъ я считаю однимъ изъ тѣхъ отвлеченныхъ разсужденій,—вродѣ того, слѣдовало ли казнить Карла I,—которыми могутъ заниматься въ литературныхъ кружкахъ нашихъ сельскихъ центровъ, но это не тема для практическихъ политиковъ". И даже авторъ одной изъ самыхъ послѣднихъ формулировокъ требованій либеральной партіи въ сборникѣ „Воззрѣнія либераловъ" (the Liberal view) куда-то торопится, и потому „не хочетъ здѣсь останавливаться на вопросѣ о необходимости второй палаты; какъ бы ни было желательно уничтоженіе палаты лордовъ, оно не входитъ въ сферу практической политики". Когда люди не могутъ не понимать послѣдствій той реформы, къ которой они стремятся, но въ то же время сами сомнѣваются въ желательности этихъ послѣдствій, или даже прямо не желаютъ ихъ, то они, очевидно, обречены на то, чтобы топтаться на мѣстѣ. Со стороны либераловъ палатѣ лордовъ опасность не угрожаетъ; имъ не удастся ни уничтожить ее самое, ни отнять у нея право veto, потому что вмѣстѣ съ водою они готовы выплеснуть и ребенка, насчетъ котораго они далеко не увѣрены, что имъ не станетъ его жаль.

Но если путемъ парламентскаго акта нельзя уничтожить палату лордовъ или даже только ея право veto, то отчего же не вступить на путь внутренней реформы палаты и не добиваться улучшенія ея состава? Можно бы уменьшить число наслѣдственныхъ пэровъ, распространивъ систему представительства шотландскихъ и ирландскихъ пэровъ на всѣхъ вообще, такъ чтобы въ палатѣ сидѣли не всѣ, а только достойнѣйшіе; можно бы постепенно, считаясь съ присущимъ народу уваженіемъ къ традиціямъ, перейти отъ наслѣдственнаго начала къ пожизненному, можно бы начать теперь уже вводить пожизненныхъ лордовъ и тѣмъ подготовить полное исчезновеніе наслѣдственности. Труднѣе

было бы сдѣлать дальнѣйшій шагъ—ввести въ палату выборный элементъ, въ видѣ ли представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія или отъ иныхъ группъ населенія; но и такая реформа—въ предѣлахъ возможнаго. Направленіе, въ которомъ можно вести реформу, намѣчено, и въ проектахъ преобразованія нѣтъ недостатка, но оказывается, что какъ разъ тѣ, кто больше всего негодуютъ противъ палаты лордовъ, менѣе всего хотятъ внутренней реформы ея. Для нихъ ясно, что реформа, въ результатѣ которой изъ палаты изгнаны были бы бездѣльники и спортсмены, и въ ней остались бы только люди, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ заслуживающіе уваженія народа,—что такая реформа должна поднять авторитетъ палаты. Если же въ палатѣ появятся еще въ большемъ числѣ назначенные пожизненно лорды, выдвинувшіеся своими талантами и знаніями, то съ такимъ авторитетнымъ собраніемъ дѣловыхъ людей палатѣ общинъ будетъ труднѣе ладить, чѣмъ съ лордами, которые не чувствуютъ подъ собою иной почвы, кромѣ уваженія народа къ старымъ учрежденіямъ и случайной индивидуальной популярности нѣкоторыхъ изъ пэровъ. Тогда начнутся столкновенія между обѣими палатами, которыя уже не будутъ такъ легко кончаться, какъ теперь, когда верхняя палата, поспоривъ, въ концѣ концовъ всегда уступаетъ. Члены реформированной палаты не будутъ мириться со своею второстепенною ролью и будутъ стараться такъ или иначе проявить себя; они будутъ претендовать на бóльшую компетентность, чѣмъ у рядовыхъ народныхъ представителей; они будутъ больше работать, больше вникать въ работу нижней палаты, и уже въ этомъ одномъ будетъ лишній поводъ для столкновеній. Возникнутъ споры о томъ, которая изъ палатъ ближе выражаетъ мнѣніе избирателей. Словомъ, если теперь безспорнымъ властителемъ страны является палата общинъ, а не лорды и король, то послѣ реформы палаты лордовъ нижней палатѣ пришлось бы поступиться своею властью и, быть можетъ, вновь раздѣлить ее съ верхнею палатою. Кто же можетъ этого желать въ демократической палатѣ общинъ? Какъ можетъ демократія, которая достигла освобожденія отъ контроля высшихъ классовъ, стремиться къ тому, чтобы снова надѣть на себя ярмо? Многихъ пугаетъ примѣръ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ федеральный сенатъ является оплотомъ плутократіи; кто знаетъ, не создастъ ли преобразованіе палаты лордовъ въ учрежденіе съ выборными представителями новую классовую организацію, которая будетъ относиться къ массамъ враждебнѣе, чѣмъ относились пэры? Оправдаются ли эти

послѣднія опасенія или нѣтъ, но уже одной перспективы будущихъ конфликтовъ между обѣими палатами достаточно, чтобы послѣдовательные радикалы менѣе всего желали такой реформы, которая способна только поднять авторитетъ палаты лордовъ; и потому они предпочитаютъ, чтобы все оставалось по старому, въ надеждѣ, что палата лордовъ сама атрофируется отъ дряхлости. Къ числу такихъ послѣдовательныхъ людей принадлежитъ Чарльзъ Дилькъ. Онъ—сторонникъ единой палаты, хотя не отрицаетъ, что контроль надъ нею можетъ быть нуженъ, но только лучше, по его мнѣнію, организовать его въ формѣ плебисцита или референдума. Онъ откровенно предпочитаетъ, чтобы палата лордовъ оставалась, какъ она есть. Въ концѣ концовъ выходитъ, что для демократіи удобнѣе, чтобы палата лордовъ не реформировалась. Теперь она имѣетъ второстепенное значеніе; это еще Бэджготъ считалъ однимъ изъ преимуществъ англійской конституціи; двѣ равноправныя палаты тѣмъ, по его мнѣнію, опасны, что каждая изъ нихъ можетъ затормозить дѣятельность другой. Этой опасности теперь не существуетъ; она явилась бы въ результатѣ всякой реформы, которая улучшила бы составъ палаты лордовъ.

Все это либералы отлично понимаютъ, но вслѣдствіе того-то они и оказываются въ заколдованномъ кругу. Уничтожить право veto палаты лордовъ—то же, что уничтожить самое палату, а это равносильно тому, чтобы осталась безконтрольнымъ властелиномъ одна нижняя палата, но этого либералы или совсѣмъ не хотятъ, или хотятъ очень умѣренно. Въ такомъ случаѣ надо бы улучшить составъ верхней палаты; однако, и это опасно, потому что тогда можно очутиться въ положеніи лягушекъ, просившихъ себѣ царя. Изъ этого круга выхода нѣтъ, и такъ все должно оставаться по старому. Въ обществѣ нѣтъ теченія достаточно сильнаго, чтобы внутренняя реформа палаты лордовъ стала лозунгомъ на выборахъ и чтобы какая-нибудь партія стала добиваться осуществленія ея законодательнымъ путемъ. И потому всѣ проекты переустройства палаты не идутъ дальше кабинетовъ ихъ составителей; самихъ лордовъ, которымъ должна бы принадлежать иниціатива билля, касающагося привилегій ихъ палаты, реформа не интересуетъ, а внѣ палаты лордовъ, въ странѣ, нѣтъ достаточно многочисленнаго класса людей, заинтересованныхъ въ такой реформѣ. Это не значитъ, что палата лордовъ останется навсегда въ роли ревизіонной палаты; возможно, что когда-нибудь она и утратитъ свое veto, но это можетъ случиться такъ, какъ утратила свое veto корона, безшумно, молчаливо, путемъ конституціоннаго подразумѣванія или соглашенія. Парламентскій же актъ,

который измѣнилъ бы составъ палаты или ея законодательныя функціи, пока представляется такъ же мало возможнымъ, какъ и актъ о полномъ ея уничтоженіи.

Однако, палата лордовъ сильна пока не только слабостью своихъ враговъ, которые разсчитываютъ на ея медленную, но вѣрную, по ихъ мнѣнію, смерть. Выборы 1895 г. показали, что у нея есть и друзья; страна прислала тогда въ нижнюю палату консервативное большинство, и тѣмъ доказала, что палата лордовъ въ 1893 г. предугадала ея настроеніе. Этимъ надолго обезпечено было сохраненіе status quo, котораго желаетъ прежде всего большинство самихъ лордовъ. Консерваторы никогда не считали аргументы противъ палаты лордовъ неотразимыми. Даже нападки на „наслѣдственность“ палаты лордовъ кажутся имъ преувеличенными. Тамъ сидятъ, говорятъ они, не только праздные сыновья своихъ отцовъ,—туда вступаютъ и новые члены, бывшіе государственные дѣятели, вооруженные опытомъ и знаніями. Болѣе одной трети лордовъ или вновь назначены, или сидятъ по праву избранія, или наслѣдственны только по имени, потому что фактически не имѣютъ наслѣдниковъ. Особенно несправедливыми кажутся консерваторамъ возраженія противъ участія въ палатѣ епископовъ англиканской церкви; эти вѣдь не наслѣдственны; они скорѣе составляютъ демократическій элементъ въ палатѣ. Противники епископовъ возмущаются тѣмъ, что послѣдніе неизмѣнно вотируютъ заодно съ тори, и спрашиваютъ, почему, если дано представительство англиканской церкви, не представлены также и нонконформисты? Но и на это отвѣчаютъ, что въ англійской религіозной жизни такъ развито сектантство, что пришлось бы, считая хотя бы по одному представителю отъ секты, имѣть 150—200 лордовъ-сектантовъ. Что же касается дѣятельности палаты лордовъ въ сферѣ законодательства, то на обычныя обвиненія консерваторы возражаютъ: пусть, дѣйствительно, дѣлами въ палатѣ интересуется только небольшая группа лордовъ; пусть остальные только номинально состоятъ членами палаты; какой отъ этого ущербъ? Пусть въ важныхъ случаяхъ консервативное министерство созываетъ лордовъ, которые въ дѣлахъ ничего не смыслятъ, и заставляетъ ихъ вотировать по командѣ; какая отъ этого разница, если во всякомъ случаѣ, и безъ такого торжественнаго созыва, большинство всегда за тори? Вы хотите, чтобы тѣ 300—400 человѣкъ, которые играютъ роль статистовъ, были замѣнены дѣйствительными законодателями, людьми, близко интересующимися политикой? Но нужно ли, чтобы засѣданія ревизіонной палаты были такъ многолюдны? Пусть, дѣйствительно,

палата лордовъ пропускаетъ безъ возраженій консервативные билли и тормозитъ либеральные; но это оправдывается тѣмъ, что первые не порываютъ рѣзко съ прошлымъ; всякій разъ, когда палата задерживала либеральные билли, она знала, что ей сочувствуетъ значительная часть палаты общинъ и страны; но затѣмъ весь рядъ либеральныхъ биллей съ 30-хъ годовъ все-таки вѣдь прошелъ чрезъ палату лордовъ; слѣдовательно, въ концѣ концовъ она не помѣшала ихъ принятію. Консервативные лорды всегда поступались своими партійными предразсудками и даже убѣжденіями во имя того, что они считали своимъ патріотическимъ долгомъ; когда они соглашались на реформу, они знали, что отвѣчаютъ обдуманному и окончательному рѣшенію народа; вслѣдствіе этого никогда не бывало реакціи; прогрессъ былъ медленный, но прочный. Лордовъ упрекаютъ, наконецъ, что, противясь реформамъ, они защищали свои классовые интересы; но вѣдь и тѣ, которые въ палатѣ общинъ проводили извѣстныя мѣры, также, въ свою очередь, часто отстаивали какіе-нибудь неудобоназываемые интересы.

Объ этой апологіи можно быть разнаго мнѣнія, но безспорнымъ останется то, что, при всѣхъ ея недостаткахъ, у палаты лордовъ есть одно рѣдкое преимущество—безусловная независимость ея членовъ. Вспомнимъ, что палата лордовъ—учрежденіе не законодательное, а ревизіонное; на ней лежитъ не выработка законовъ, а пересмотръ законодательныхъ работъ нижней палаты. Въ этой послѣдней не можетъ не быть борьбы интересовъ, но ревизіонная палата была бы идеальна, еслибы въ ней не было борьбы партій, и законы пересматривались бы съ тѣмъ же спокойствіемъ и безпристрастіемъ, какъ (предполагается) судебныя рѣшенія въ кассаціонномъ судѣ. Создать такую ревизіонную палату, однако, такъ же мудрено, какъ подобрать тѣхъ философовъ, которымъ Платонъ поручалъ управленіе республикой. Палата же лордовъ представляетъ ту особенность, что ее не создавали для ревизіи, а она сама превратилась въ ревизіонное учрежденіе и принесла для своихъ новыхъ задачъ вмѣстѣ со своими отрицательными свойствами одно положительное—свою независимость. Эту независимость высоко цѣнилъ уже Бэджготъ, писатель 60-хъ годовъ, когда еще не было и помину о тѣхъ сильныхъ партійныхъ организаціяхъ, которыя выросли въ 80-хъ годахъ. Бэджготъ находилъ, что палата лордовъ потому и возможна, и достаточно авторитетна, что она независима. Мнѣніе лордовъ можетъ быть ошибочно, но оно всецѣло ихъ собственное мнѣніе. Они недоступны никакимъ приманкамъ въ видѣ соціальныхъ отличій, но имъ

же не приходится и прислуживаться, и льстить избирателямъ. Они лучше кого другого могутъ составить себѣ незаинтересованное и обдуманное мнѣніе, и могутъ высказываться такъ, какъ имъ диктуетъ ихъ убѣжденіе. Нѣкоторые консервативные писатели увѣряютъ даже, что принадлежность большинства лордовъ къ тори есть также доказательство ихъ независимости; чѣмъ иначе объяснить, спрашиваютъ они, что лорды, назначенные либеральными министерствами, также становятся консерваторами, какъ не тѣмъ, что, вступивъ въ палату лордовъ, вчерашній членъ нижней палаты вновь пріобрѣтаетъ свою независимость и слушается своей совѣсти, вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ мнѣніямъ своихъ избирателей. Нѣтъ надобности настаивать, что въ такомъ объясненіи много наивнаго, хотя нельзя отрицать и того, что теперь все затруднительнѣе становится пересмотръ законовъ съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ и все обязательнѣе онъ съ точки зрѣнія интересовъ массъ и народа въ цѣломъ. Но это, хотя бы и хромающее, объясненіе показываетъ, какъ высоко цѣнится то качество, которымъ лорды могутъ отличаться въ высшей степени,— независимость ихъ воззрѣній. Цѣнить же это качество научили особенно послѣднія двадцать лѣтъ, когда вслѣдъ за расширеніемъ избирательнаго права выросла система caucus'овъ. Слѣдствіемъ всемогущей организаціи партій являлось измѣненіе роли депутата въ палатѣ общинъ. Раньше считалось аксіомой, что депутатъ— представитель интересовъ народа, а не своихъ избирателей; никакимъ мандатомъ онъ не позволялъ себя связывать и ни къ какому отчету въ томъ, какъ онъ вотировалъ по тому или другому вопросу, онъ не считалъ себя обязаннымъ. Теперь все это перевернулось; депутатъ потерялъ свою самостоятельность и превратился въ ставленника своего избирательнаго комитета, который, въ свою очередь, подчиняется лидеру партіи. Изъ независимаго борца депутатъ сдѣлался строевымъ, послушнымъ партійной дисциплинѣ; выборы же стали такъ же мало свободны, какъ они были до 1832 г., съ тою лишь разницею, что тогда на избраніе депутата вліяли министерство и мѣстный лордъ, а теперь вліяютъ партійныя организаціи и партійные вожди; тогда—правительственные, теперь—общественные органы. При такомъ положеніи дѣла не безразлично имѣть группу людей, которые никого не боятся, никуда не стремятся, никого, кромѣ своей совѣсти, надъ собою не знаютъ, и могутъ, при желаніи, посвятить все свое время законодательной работѣ. Если этому идеалу удовлетворяютъ 2—3 десятка изъ 600, то этого совершенно достаточно, чтобы ревизіонное учрежденіе функціонировало, какъ

слѣдуетъ, особенно если некомпетентныя сотни тѣмъ не мѣшаютъ. Отъ палаты лордовъ не требуется ни инициативы въ постановкѣ законодательныхъ цѣлей, ни разрѣшенія законодательныхъ задачъ; ея дѣло только наблюдать, чтобы вопросы были разсмотрѣны всесторонне, чтобы коренныя измѣненія въ государственномъ и общественномъ порядкѣ происходили не въ угоду внезапнымъ проявленіямъ народныхъ чувствъ, которыя могутъ быстро уступить мѣсто другимъ воззрѣніямъ; она обязана устанавливать нѣкоторое равновѣсіе между партіями въ палатѣ общинъ, чтобы обезпечивать устойчивость въ законодательныхъ измѣненіяхъ и непрерывность прогресса. Все это способны дѣлать тѣ нѣсколько десятковъ лордовъ, которые занимаются дѣломъ, и это въ концѣ концовъ понимаетъ и народъ,—и вотъ въ чемъ, быть можетъ, тайна того удивительнаго явленія, что теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ вышеописанной агитаціи, палата лордовъ, хотя и имѣетъ противниковъ среди профессіональныхъ политиковъ, но въ массахъ она популярнѣе и можетъ считать свою позицію болѣе сильною, чѣмъ когда-либо съ половины XVII в.; во всякомъ случаѣ отъ атрофіи, которой для нея боялся Бэджготъ лѣтъ 50 тому назадъ, и которой съ злорадствомъ ожидали радикалы, писавшіе лѣтъ 10—15 тому назадъ, палата лордовъ обезпечена надолго. Англичане знаютъ, что въ человѣческихъ дѣлахъ идеалъ не достигается; можно желать, чтобы верхняя палата была совершеннѣе, чѣмъ палата лордовъ; но старая машина—хорошо ли, дурно ли, но работаетъ, и потому пускай ее работаетъ и дальше. Оглядываясь назадъ на періодъ англійской исторіи за послѣднія сто лѣтъ, самый радикальный представитель трудящагося класса, любой изъ новыхъ депутатовъ новой парламентской рабочей партіи, долженъ спросить себя: чему помѣшала эта дряхлая на видъ и отчасти смѣшная палата? Помѣшала ли она тому, чтобы изъ аристократической страны Англія сдѣлалась демократической,—чтобы отъ законодательства начала XIX в. ничего не осталось безъ измѣненій къ началу XX вѣка, и чтобы эти измѣненія, сдѣланныя сперва въ духѣ индивидуализма, смѣнились затѣмъ законодательствомъ, которое насквозь проникнуто идеей государственнаго вмѣшательства въ соціальныя и экономическія отношенія и ограничиваетъ индивидуализмъ во имя интересовъ народа въ цѣломъ? Если же палата лордовъ ничему этому не помѣшала, то стоитъ ли изъ-за разныхъ второстепенныхъ недочетовъ и промаховъ ломать старое учрежденіе и пускаться въ эксперименты съ новымъ и неизвѣстнымъ? Вотъ что должны думать разсудительные люди, образующіе въ рядахъ демократіи то

громадное большинство, которое не занимается политикой, какъ профессіей; и эти соображенія, вѣроятно, и дѣлаютъ положеніе палаты лордовъ прочнымъ. Измѣнится ли это отношеніе къ ней, если кругъ избирателей станетъ еще шире вслѣдствіе уничтоженія остатковъ имущественнаго ценза? Окажется ли менѣе терпѣливой и болѣе стремительной демократія, пополненная неимущими классами, болѣе пролетарскими, чѣмъ рабочіе, которые теперь платятъ за квартиру не менѣе 10 фунтовъ въ годъ? Безплоднымъ занятіемъ было бы отвѣчать на вопросъ, который пока представляетъ только академическій интересъ; но что Англія не можетъ отказаться отъ учрежденія, играющаго въ ея конституціи роль контрольнаго аппарата, за это говоритъ прежде всего особенность этой конституціи, — то, что она живетъ въ самихъ своихъ учрежденіяхъ, а не написана въ видѣ какого-нибудь устава съ раздѣлами, главами и параграфами. Въ Англіи нѣтъ законовъ, которые были бы неприкосновенны для законодателя, призваннаго дѣйствовать въ рамкахъ этихъ законовъ; въ каждую данную минуту законодательная власть можетъ измѣнить тѣ самые законы, которые ее же призвали къ жизни и работѣ. Мы уже видѣли, что еслибы вся польза отъ верхней палаты въ Англіи сводилась къ тому, чтобы сдерживать торопливость нижней палаты, то ее давно уже можно было бы упразднить, потому что никогда палата общинъ не спѣшила, а напротивъ, вырабатывала законы съ тѣмъ же медленнымъ темпомъ, съ какимъ назрѣвало требованіе реформъ въ общественномъ мнѣніи. Не потребности законодательной техники имѣютъ значеніе въ этомъ вопросѣ.

Въ Англіи нѣтъ различія между учредительною и законодательною властью. Вся полнота верховной власти принадлежитъ парламенту, т.-е. палатѣ общинъ, палатѣ лордовъ и коронѣ. Эта власть не знаетъ никакихъ ограниченій; нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ и которому кто-либо въ государствѣ, судъ или частное лицо, рѣшились бы не подчиниться подъ предлогомъ, что онъ противенъ конституціи. Парламентъ можетъ въ одну сессію сломать всю конституцію, уничтожить монархію, учредить республику, организовать военную диктатуру, уничтожить всѣ свободы; онъ можетъ продлить полномочія наличнаго состава палаты общинъ на рядъ лѣтъ дальше конституціоннаго семилѣтняго срока, можетъ объявить его безсмѣннымъ. Нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ, буде только это возможно по природѣ вещей. Юридически между парламентомъ и индивидуальнымъ деспотомъ нѣтъ

различія. Нужды нѣтъ, что палата общинъ состоитъ изъ народныхъ представителей; юридически народъ власти не имѣетъ; онъ призывается въ лицѣ своихъ избирателей разъ въ семь лѣтъ,—или чаще, но также только когда его позовутъ,—подать записки съ именами депутатовъ, и только. Затѣмъ, вплоть до новыхъ выборовъ онъ становится пассивнымъ объектомъ воздѣйствія парламента. Мы знаемъ уже, какъ неравномѣрно распредѣлена власть между тремя òрганами парламента. Когда говорятъ о юридическомъ деспотизмѣ парламента, нужно имѣть въ виду тотъ òрганъ, которому принадлежитъ иниціатива мѣропріятій,—палату общинъ. Палата лордовъ ей противорѣчитъ слабо, король всегда согласенъ съ тѣмъ, на что согласны обѣ палаты. Можно ли вообразить что-нибудь опаснѣе для народа? Но это еще не все.

Палата общинъ не есть что-либо однородное; тамъ представлены разныя мнѣнія, и все рѣшается согласно съ мнѣніемъ большинства. Юридически большинство—это половина + 1. То, чтò постановила эта половина плюсъ одинъ, признается за постановленіе нижней палаты. Голоса другой половины минусъ одинъ молчаливо присоединяются къ голосамъ бòльшей половины, и хотя они были несогласны съ большинствомъ, въ итогѣ говорятъ: „палата приняла“, съ той же увѣренностью, какъ еслибы палата было одно лицо. Между тѣмъ, меньшинство въ палатѣ не всегда говоритъ то, чтò думаетъ только меньшинство въ странѣ; и потому иногда бываетъ, что большинство въ палатѣ объявляетъ за постановленіе палаты то, противъ чего большинство въ странѣ. И если нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ, буде только этому не препятствуетъ природа вещей, то юридически нѣтъ того ужаса, въ который не могла бы ввергнуть страну половина + 1 народныхъ представителей въ палатѣ общинъ, если предположить, что верхней палаты нѣтъ, а король по старому обыкновенію не возражаетъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности нѣтъ основанія бояться парламента; извѣстно, что и восточный деспотъ дѣлаетъ не все, чтò ему вздумается; и онъ знаетъ, что есть предѣлы человѣческому послушанію; да и въ немъ самомъ, если онъ не сумасшедшій, есть достаточно задерживающихъ центровъ, чтобы самому не хотѣть дѣлать вещи, которыя, пожалуй, и можно было бы сдѣлать. Вслѣдствіе этого даже подъ властью восточнаго деспота можно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувствовать себя покойнымъ; тѣмъ болѣе можно быть убѣжденнымъ, что парламентское большинство, даже и безъ законнаго контрольнаго аппарата, не совершитъ тѣхъ безразсудныхъ дѣйствій, которыя юридически оно сдѣлать

вправѣ. Депутаты стоятъ въ такомъ тѣсномъ общеніи съ народомъ, что они и не могутъ постановлять ничего такого, чего не хотятъ избиратели; и еслибы когда-нибудь и случился разладъ между палатою и народомъ, то все же дальше ближайшихъ выборовъ онъ продолжаться не можетъ; это—прямое послѣдствіе представительнаго правленія. И тѣмъ не менѣе, разъ дѣло идетъ о конституціонномъ устройствѣ, о нормахъ дѣятельности верховной власти, вопросъ о гарантіяхъ не можетъ быть разрѣшаемъ иначе, какъ по соображеніямъ юридическимъ, а не только политическимъ. Лучшее средство противъ злоупотребленія властью со стороны отдѣльнаго лица или собранія—въ томъ, чтобы не давать имъ возможности злоупотреблять ею, и потому разъ въ Англіи нѣтъ писанной конституціи, которая ограничивала бы всевластіе парламента, контрольное учрежденіе составляетъ потребность первой необходимости. Контроль могъ бы быть организованъ и иначе, но въ Англіи онъ уже есть въ видѣ палаты лордовъ, и англичанамъ нужно было бы перестать быть самими собою, чтобы на ея мѣсто заводить у себя референдумъ или еще что-нибудь другое. Могутъ замѣтить, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ податное обложеніе, палата лордовъ не имѣетъ голоса; но это вѣрно только въ политическомъ смыслѣ; не можетъ быть, чтобы палата общинъ ввела налоги, противъ которыхъ—большинство избирателей, а потому палатѣ лордовъ нечего тутъ провѣрять; но еслибы такая невѣроятная вещь случилась, палата лордовъ вправѣ будетъ воспользоваться своимъ veto, которое юридически у нея вовсе не отнято въ отношеніи финансовыхъ биллей; сознавая себя болѣе правильною выразительницею воли народа, она не усомнится отвергнуть билль, хотя бы изъ-за этого разстроился бюджетъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, гдѣ палата лордовъ осуществляетъ еще свое veto, она избавляетъ страну отъ законодательныхъ колебаній, какъ неизбѣжныхъ спутниковъ смѣны у власти разныхъ партій; всесильное консервативное большинство не можетъ простою резолюціею отмѣнить законъ, принятый въ свое время либеральнымъ большинствомъ, и наоборотъ. На ряду съ устойчивостью въ законодательствѣ упрочивается и то господство законности, которое такъ характеризуетъ англійскій строй; всякій понимаетъ разницу между постановленіемъ, за которое высказалась половина + 1 въ нижней палатѣ, и закономъ, который выражаетъ это же постановленіе, но проконтролированное другимъ, вполнѣ независимымъ собраніемъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки необходимость второй палаты для охраны народа отъ деспотизма законодатель-

ной власти составляетъ одинъ изъ символовъ политической вѣры. Во Франціи вопросъ объ уничтоженіи сената сошелъ со сцены; радикалы настолько примирились съ этимъ учрежденіемъ, что сами занимаютъ въ немъ кресла, и развѣ только въ мутныхъ слояхъ, представляемыхъ Рошфоромъ и еще нѣкоторыми націоналистами, можно встрѣтиться съ требованіемъ установленія власти одной палаты; не только для прогрессистовъ вообще, но и для радикаловъ-соціалистовъ и для соціалистическихъ партій разныхъ оттѣнковъ, вопроса о сенатѣ какъ бы больше не существуетъ. Между тѣмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, и во Франціи существуютъ писанныя конституціи, и строго различается власть законодательная отъ власти учредительной, которая вправѣ пересмотрѣть конституцію. Въ Англіи потребность въ охранѣ народной свободы усугубляется отсутствіемъ писанной конституціи. Правда, нижняя палата въ Англіи не повинна въ такихъ заблужденіяхъ, какъ буланжизмъ или націонализмъ во Франціи; не возникало опасеній, что нижняя палата въ Англіи бросится въ объятія военнаго диктатора или авантюриста. Но примѣры того, что нижняя палата не выражала собою истиннаго мнѣнія большинства въ странѣ, бывали; повтореніе этого всегда возможно, а въ предѣлахъ возможнаго—и все дурное, чего на практикѣ ожидать не слѣдуетъ. При такихъ условіяхъ палата лордовъ,—старая машина, которую нельзя выбросить, не сломавъ всего зданія, но которая все еще работаетъ,—имѣетъ шансы на то, чтобы еще долго стоять на своемъ мѣстѣ.

Такъ исторія осиливаетъ доктринерскія построенія. Что можетъ быть болѣе противно истинному демократизму, чѣмъ сословная организація, аристократическое собраніе, синдикатъ землевладѣльцевъ? А между тѣмъ демократическая Англія не могла бы уничтожить эту организацію, не поставивъ на карту гарантій народной свободы. Интересы законодательной техники въ Англіи не требуютъ вовсе существованія верхней палаты, а конкретная, исторически сложившаяся верхняя палата не можетъ быть уничтожена безъ опасности для народной свободы. Если мы нѣсколько обобщимъ это наблюденіе, то должны будемъ сказать: верхняя палата можетъ быть не нужна тамъ, гдѣ ее обыкновенно считаютъ необходимою, и наоборотъ, она можетъ оказаться неустранимою тамъ, гдѣ она, казалось бы, совсѣмъ неумѣстна.

М. Брунъ.

ПОДЪ КОЛЕСОМЪ

ЭСКИЗЪ

по роману Германа Гессе: „Unter' m Rad". Berlin. Fischer, 1906 г.

I.

Іозефъ Гибенратъ, маклеръ и агентъ по торговымъ дѣламъ, не выдѣлялся среди своихъ согражданъ никакими особыми качествами и преимуществами. Подобно имъ онъ обладалъ плотною, широкоплечею фигурою, нѣкоторой торговою сметкой, связанною съ искреннимъ почитаніемъ денегъ, маленькимъ домомъ съ садомъ и семейною могилою на кладбищѣ. Еще у него имѣлись за душою весьма повывѣтрившееся религіозное чувство, достодолжное уваженіе къ Богу и властямъ и слѣпое преклоненіе передъ желѣзными законами буржуазныхъ приличій. Внутренній міръ его былъ чисто филистерскимъ: онъ гордился, какъ полагается, своимъ единственнымъ сыномъ, обдѣлывалъ дѣла; умственныя его потребности ограничивались чтеніемъ газеты и посѣщеніемъ разъ въ годъ общественнаго клуба или цирка. Словомъ, онъ могъ обмѣняться именемъ и жилищемъ съ любымъ изъ сосѣдей, и ничто не измѣнилось бы отъ этого. Какъ и у нихъ, въ глубинѣ души его смутно дремало недовѣріе ко всему незаурядному, болѣе тонкому, свободному и одухотворенному. Но у него былъ сынъ.

Гансъ Гибенратъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу богато одаренныхъ дѣтей, какія рѣдко попадаются въ захолустномъ шварцвальдскомъ мѣстечкѣ. Богъ знаетъ, отъ кого онъ унаслѣдовалъ свои глубокіе глаза, умный лобъ и изящную походку.

Отъ матери, быть можетъ? Она скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, по общему мнѣнію, въ ней не было ничего особеннаго; она часто хворала и казалась печальной. Кто же заронилъ свѣтлую искру въ это старое гнѣздо, изъ котораго за восемь столѣтій вышло много достойныхъ бюргеровъ, но ни одного геніальнаго или даже талантливаго человѣка? Ни у кого не было сомнѣній относительно даровитости Ганса; учитель, ректоръ, сосѣди, городской священникъ, товарищи — всѣ соглашались съ тѣмъ, что онъ—не такой, какъ всѣ; сообразно этому и жизненный путь его былъ заранѣе намѣченъ. Для способныхъ дѣтей въ Швабіи полагается одна дорога—въ семинарію, а оттуда—на амвонъ или на каѳедру.

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ состояться пріемный экзаменъ — ежегодная гекатомба, для которой избирался цвѣтъ школьниковъ. Изъ отдаленныхъ мѣстечекъ и деревень много возносилось за это время вздоховъ и молитвъ. Гансъ Гибенратъ былъ единственнымъ кандидатомъ своего городка, но эта честь не даромъ досталась ему. Помимо кончавшихся къ четыремъ часамъ классныхъ занятій, онъ занимался съ ректоромъ по-гречески, а въ шесть часовъ городской священникъ по добротѣ своей не отказывался прорепетировать съ нимъ латынь и законъ Божій. Кромѣ того, онъ дважды въ недѣлю занимался по вечерамъ со своимъ учителемъ математики; а для того, чтобы среди этихъ мірскихъ наукъ не пострадало и религіозное начало, Гансъ готовился по утрамъ къ конфирмаціи, и между страницъ его катехизиса зачастую можно было найти листки съ отрывками греческихъ и латинскихъ упражненій. Хотя отецъ и ворчалъ на чрезмѣрную трату керосина, но Гансу приходилось просиживать надъ письменными работами часовъ до двѣнадцати, если не позже. Въ рѣдкіе свободные часы Гансу рекомендовалось кое-что почитать и подзубрить грамматику. Въ мѣру, конечно! Одинъ-два раза въ недѣлю можно и погулять, въ хорошую погоду удобно захватить съ собою книжку: на вольномъ воздухѣ наука легче усвоивается. А главное—нужно не вѣшать головы.

Гансъ старался придерживаться этой программы и не вѣшать головы, но лицо у него было блѣдное, измученное, а подъ глазами синіе круги и онъ казался запуганнымъ.

— Гибенратъ выдержитъ экзаменъ, достаточно взглянуть на его лицо, оно—совсѣмъ одухотворенное,—торжествовалъ ректоръ, къ которому Гансъ зашелъ проститься наканунѣ отъѣзда въ Штутгартъ, и вмѣсто кучи наставленій получилъ благосклонное на-

путствіе и совѣтъ—пораньше лечь спать. Сегодня онъ можетъ не заниматься и погулять съ часокъ на сонъ грядущій.

Выйдя изъ школы, мальчикъ глубоко перевелъ духъ. Высокія липы отливали матовымъ блескомъ въ лучахъ заходящаго солнца; на площади журчали и сверкали два большихъ фонтана; надъ неправильною линіей крышъ поднимались ближайшія черно-синія, поросшія сосною горы. Мальчику показалось, что онъ давнымъ-давно ничего этого не видалъ, и все это явилось въ его глазахъ необычайно прекраснымъ и заманчивымъ. Правда, у него болѣла голова, но вѣдь сегодня ему уже не нужно учиться. Онъ медленно прошелъ по площади мимо старинной ратуши къ мосту и въ концѣ концовъ усѣлся на перила. Ему вспомнилось, сколько времени онъ проводилъ раньше на рѣкѣ за катаньемъ на лодкѣ, плаваньемъ и уженьемъ рыбы! Какъ онъ ревѣлъ въ прошломъ году, когда изъ-за экзаменовъ ему запретили удить! Уженье было лучшимъ его воспоминаніемъ за всѣ годы школьной жизни: сидѣть въ тѣни ивы, прислушиваться къ шуму мельничныхъ колесъ, глядѣть въ глубокую тихую воду... А игра свѣтотѣни на поверхности рѣки, колебаніе длинной удочки, волненіе при вытаскиваніи ея, своеобразное торжество, которое испытываешь, чувствуя въ рукѣ холодную, трепещущую, скользкую рыбу... Гансъ машинально вытащилъ изъ кармана кусочекъ хлѣба и принялся бросать въ воду хлѣбные шарики: сначала на поверхности ея появились увертливые ерши, плотва и всякая мелочь, жадно хватавшая хлѣбъ; затѣмъ выплыла медленно и осторожно большая уклейка, широкая темная спина которой слабо поблескивала. Она описала большой кругъ и потомъ, разинувъ круглый ротъ, сразу проглотила самый большой кусокъ. Отъ воды поднималась вечерняя прохлада, мельничный жерновъ скрипѣлъ,—Гансу вспомнились экзамены, разсѣянность, все чаще овладѣвавшая имъ за послѣднее время. Онъ поднялся съ мѣста и побрелъ домой. По дорогѣ ему встрѣтился сапожникъ Флейгъ, съ которымъ онъ, бывало, любилъ поговорить по вечерамъ,—человѣкъ неглупый, но подсмѣивавшійся иногда надъ „учеными“, изъ-за чего Гансъ отчасти избѣгалъ его за послѣднее время. Нѣсколько далѣе мальчику попался навстрѣчу городской священникъ, слывшій за „прогрессиста“,—говорили, что онъ будто бы отрицаетъ воскресеніе мертвыхъ. Священникъ выразилъ полную увѣренность въ томъ, что Гансъ выдержитъ экзаменъ. Но мальчику почему-то вдругъ сдѣлалось грустно. Тѣни облаковъ уже набѣгали на долину, солнце склонялось къ горамъ, и у Ганса явилось желаніе броситься въ траву и заплакать. Тоскливо пробрался онъ въ

садикъ при домѣ, гдѣ уже давно не бывалъ; прежде всего ему кинулся въ глаза домикъ, въ которомъ онъ раньше держалъ кроликовъ. Онъ самъ смастерилъ его, также какъ и водяное колесо на прудѣ, и все это доставляло ему въ давно прошедшія времена—два года тому назадъ—безконечное удовольствіе. Гансу вспомнился товарищъ его игръ — Августъ, поступившій ученикомъ къ механику: вѣроятно, и ему теперь не до забавъ. Съ тѣхъ поръ какъ ему запретили держать кроликовъ, мѣшавшихъ его научнымъ занятіямъ, онъ сюда не заглядывалъ, и теперь имъ вдругъ овладѣло такое сожалѣніе о прошломъ, что, схвативъ ручной топорикъ, онъ изо всей силы своихъ слабыхъ рукъ принялся рубить домикъ въ щепки, словно желая убить свою тоску по Августѣ и кроликамъ.

— Что ты такое дѣлаешь? — крикнулъ ему изъ окошка отецъ.

— Колю дрова!—отвѣтилъ Гансъ и, не прибавивъ ни слова, убѣжалъ на улицу. Онъ долго бродилъ по берегу, думая о томъ времени, когда онъ еще могъ удить, приносить капусту кроликамъ, когда у него еще не было ни головныхъ болей, ни заботъ. Къ ужину онъ вернулся усталый и сердитый, ѣдко отвѣчалъ на вопросы и скоро пожелалъ отцу покойной ночи.

Въ своей комнатѣ онъ долго просидѣлъ въ потьмахъ на постели, мечтая, строя неопредѣленные планы. Въ этой комнатѣ его впервые охватило гордое сознаніе своего превосходства надъ другими толстощекими, добродушными мальчуганами; въ немъ пробудилось честолюбіе, но теперь онъ объ этомъ не думалъ. Наконецъ, онъ улегся; медленно опустились вѣки надъ большими утомленными глазами, блѣдная голова склонилась къ худому плечу, тонкія руки устало вытянулись вдоль тѣла. Сонъ материнскою рукою утишилъ волненіе его дѣтскаго сердца и сгладилъ морщинки на красивомъ бѣломъ лбу.

Это было неслыханно! Самъ г. ректоръ, несмотря на ранній часъ, изволилъ пожаловать на вокзалъ. Гибенратъ-отецъ, одѣтый въ черный парадный сюртукъ, отъ гордости, радости и волненія не могъ устоять на мѣстѣ; онъ топтался по платформѣ, перекладывалъ ручной чемоданчикъ изъ правой руки въ лѣвую, ронялъ зонтикъ, такъ что можно было подумать: не ѣдетъ ли онъ въ Америку? Сынъ казался спокойнымъ, но тайное опасеніе сжимало ему горло.

Въ столицѣ Гибенратъ повеселѣлъ и пріободрился; зато на

Ганса произвела удручающее впечатлѣніе непривычная обстановка: чужія лица, высокіе дома, конки, уличный шумъ—пугали его и причиняли ему прямо физическую боль. Они остановились у тетки; отъ ея ласковости и словоохотливости, отъ долгаго безцѣльнаго сидѣнія въ гостиной съ пестрыми обоями и картинами на стѣнахъ, отъ постоянныхъ подбадриваній со стороны отца онъ окончательно впалъ въ удрученное состояніе; ему казалось, что прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ дома, и онъ успѣлъ за это время позабыть все, что онъ выучилъ съ такимъ трудомъ.

Послѣ обѣда онъ намѣревался еще разъ просмотрѣть латинскія вокабулы, но тетка предложила идти гулять, чему вначалѣ Гансъ обрадовался. Ему пришлось, однако, убѣдиться въ томъ, что городскія прогулки совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя онъ любилъ предпринимать. Началось съ того, что тетка простояла двадцать минутъ на лѣстницѣ, разговаривая съ какою-то знакомою дамой, между тѣмъ какъ собачонка этой дамы все время скалила зубы на Ганса. Затѣмъ, тетка зашла въ магазинъ и пробыла тамъ очень долго, а Гансъ ожидалъ ее на троттуарѣ, гдѣ прохожіе толкали его, а мальчишки издѣвались надъ нимъ. Переполненный людьми вагонъ конки дотащилъ ихъ, наконецъ, до садика, въ которомъ билъ фонтанъ, красовались за рѣшеткою цвѣточныя клумбы и чинно расхаживала публика всѣхъ сортовъ, вдыхая пыльный, душный воздухъ. По счастью, Гансу удалось незамѣтно бросить въ траву купленный для него теткою шоколадъ, котораго онъ терпѣть не могъ, но не рѣшался въ этомъ сознаться. Изъ разговора тетки съ какимъ-то знакомымъ онъ узналъ, что къ пріемному экзамену прибыло сто-восемнадцать кандидатовъ, между тѣмъ какъ вакансій имѣется всего шестьдесятъ-пять; это извѣстіе такъ его поразило, что у него разболѣлась голова, и онъ заснулъ уже довольно поздно тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

На слѣдующее утро, покуда Гансъ пилъ кофе, не спуская глазъ съ часовой стрѣлки, дома многіе вспоминали о немъ. Сапожникъ Флейгъ, піэтистъ, читая молитву передъ завтракомъ въ кругу своей семьи и двоихъ подмастерьевъ, не забылъ помолиться о Гансѣ Гибенратѣ. Городской священникъ хотя и не молился о немъ, но сказалъ женѣ:

— Изъ этого мальчика навѣрно будетъ прокъ; я радъ, что могъ подсобить ему при изученіи латыни.

Классный учитель, передъ началомъ занятій, даже произнесъ передъ учениками маленькую рѣчь, съ пожеланіемъ успѣха Гансу

Гибенрату, „который заткнетъ за поясъ десятерыхъ такихъ лѣптяевъ, какъ они“.

Должно быть, Гансъ чувствовалъ, что о немъ вспоминаютъ, такъ какъ, войдя со страхомъ въ большой, наполненный блѣдными мальчиками залъ, онъ понемногу успокоился и, получивъ отъ профессора текстъ письменнаго латинскаго упражненія, нашелъ его легкимъ до смѣшного. Онъ сдѣлалъ работу быстро и почти весело, аккуратно переписалъ ее и оказался однимъ изъ первыхъ, подавшихъ сочиненіе. Домой онъ вернулся въ веселомъ настроеніи и пообѣдалъ съ аппетитомъ. У знакомыхъ, къ которымъ потащилъ его отецъ, онъ встрѣтилъ мальчика, тоже пріѣхавшаго держать экзаменъ. Они съ любопытствомъ оглядѣли другъ друга.

— Какъ ты нашелъ латинское упражненіе? Легко, не правда ли?—спросилъ Гансъ.

— Страшно легко, но, пожалуй, все-таки къ чему-нибудь придерутся.

— Ты думаешь? А текстъ у тебя съ собой?

Мальчикъ изъ Гённингена притащилъ свою тетрадку, и они вдвоемъ, слово за словомъ, провѣрили всю работу. Новый знакомецъ Ганса оказался отличнымъ латинистомъ; онъ употребилъ два-три неизвѣстныхъ Гансу оборота.

Онъ освѣдомился: многіе ли изъ товарищей Ганса по школѣ экзаменуются вмѣстѣ съ нимъ?

— Никого больше нѣтъ, — отвѣтилъ Гансъ, — я — одинъ.

— А насъ, гённингенцевъ, цѣлыхъ двѣнадцать человѣкъ. Трое — совсѣмъ толковыхъ, они надѣются быть изъ первыхъ. Въ прошломъ году „примусъ“ былъ также изъ Гённингена. А въ случаѣ, если провалишься, ты будешь держать экзаменъ въ гимназію?

— Не знаю... Не думаю...

— Вотъ какъ? Нѣтъ, я буду во всякомъ случаѣ продолжать ученіе. Мать отвезетъ меня въ Ульмъ.

Гансъ почувствовалъ себя уничтоженнымъ. Двѣнадцать гённингенцевъ—и въ ихъ числѣ трое толковыхъ—прямо напугали его. Дома онъ принялся за глаголы. Въ латыни онъ былъ увѣренъ, но съ греческимъ языкомъ у него были осложненія. Гансъ очень его любилъ, восхищался имъ до тѣхъ поръ, покуда дѣло касалось чтенія. Ксенофонтъ былъ такъ прекрасенъ, свѣжо написанъ, звучалъ такъ весело, мощно и красиво, въ немъ ощущался такой свободный духъ, что его легко было понимать и усвоивать. Но когда Гансъ принимался за грамматику или переводъ съ нѣмецкаго на греческій, онъ чувствовалъ себя заблудившимся въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ правилъ и формулъ.

На слѣдующій день былъ какъ-разъ экзаменъ изъ греческаго. Тема для сочиненія попалась сложная и длинная; съ десяти часовъ утра въ залѣ чувствовалась жара и духота; у Ганса оказалось плохое перо, и онъ испортилъ два листа бумаги, прежде чѣмъ переписалъ работу на-бѣло. При этомъ его мучилъ приставаньями назойливый сосѣдъ, подсовывавшій ему листокъ съ вопросами и толкавшій его локтемъ въ бокъ, требуя отвѣта. Общеніе съ сосѣдями было на-строго запрещено и влекло за собою исключеніе. Дрожа отъ страха, онъ написалъ: „оставь меня въ покоѣ!“—и повернулся къ вопрошавшему спиною.

Жара не уменьшалась; даже шагавшій по залѣ классный надзиратель то-и-дѣло утиралъ лицо платкомъ. Гансъ потѣлъ въ своемъ суконномъ, сшитомъ для конфирмаціи костюмѣ; у него разболѣлась голова, и онъ вручилъ свое сочиненіе съ сознаніемъ, что оно полно ошибокъ, и экзаменъ для него—дѣло конченное.

За завтракомъ онъ ничего не ѣлъ, а въ отвѣтъ на вопросы—только пожималъ плечами и дѣлалъ несчастное лицо. Отецъ и тетка тщетно пытались его утѣшить; но хуже всего было то, что въ два часа ему предстоялъ устный экзаменъ. Этого онъ больше всего боялся. Покуда онъ шелъ по раскаленнымъ улицамъ, ему дѣлалось худо; отъ боли, головокруженія и страха онъ ничего не видѣлъ передъ собою.

Цѣлыхъ десять минутъ просидѣлъ онъ передъ тремя экзаменаторами за зеленымъ столомъ; онъ перевелъ нѣсколько латинскихъ фразъ и отвѣтилъ на заданные вопросы. Другія десять минутъ онъ просидѣлъ передъ другими тремя экзаменаторами, также переводилъ и отвѣчалъ на вопросы, но уже по-гречески; въ заключеніе его спросили о какомъ-то неправильномъ аористѣ, но онъ промолчалъ.

— Можете идти, дверь направо.

Гансъ пошелъ къ двери, и по дорогѣ вспомнилъ аористъ. Онъ остановился.

— Идите же!—крикнули ему.—Или вамъ дурно?

— Нѣтъ, но я сейчасъ вспомнилъ аористъ.

Онъ прокричалъ его и увидѣлъ, какъ одинъ изъ профессоровъ разсмѣялся. Гансъ выбѣжалъ съ пылающимъ лицомъ. Дорогою онъ старался припомнить свои отвѣты, но все путалось у него въ головѣ; онъ видѣлъ лишь зеленую поверхность стола, серьезныя лица экзаменаторовъ и свою собственную дрожащую руку. Ему казалось, что онъ живетъ здѣсь уже цѣлыя недѣли и никогда ему отсюда не выбраться; родной домъ, садикъ, горы и рѣка представлялись ему чѣмъ-то безконечно отдаленнымъ.

Онъ купилъ себѣ булку и долго бродилъ по улицамъ для того, чтобы избѣжать разспросовъ. Когда онъ явился къ теткѣ, оказалось, что о немъ безпокоились; его накормили и пораньше отправили спать.

На слѣдующій день были экзамены по математикѣ и Закону Божію; все шло гладко, и Гансу это казалось жестокою ироніей судьбы: нужно же ему было оскандалиться вчера въ самомъ главномъ!

— Экзамены кончены, можемъ ѣхать домой,—объявилъ онъ по возвращеніи.

Отецъ пожелалъ остаться еще на день, съѣздить въ Каннштадтъ и напиться кофе въ курзалѣ, но Гансъ такъ молилъ отца отпустить его сегодня же домой, что тотъ согласился. Его проводили на вокзалъ, вручили ему билетъ, онъ получилъ отъ тетки поцѣлуй и провизію на дорогу и выѣхалъ изъ Штуттгарта совершенно измученный, безъ единой мысли въ головѣ. Лишь при видѣ черносинихъ горъ имъ овладѣло чувство радости и освобожденія. Онъ радовался старой служанкѣ, своей комнаткѣ, ректору, знакомой классной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, словомъ—всему.

На вокзалѣ не оказалось, по счастію, никого изъ знакомыхъ, и онъ со сверткомъ подъ мышкою незамѣтно прошелъ домой, гдѣ старая Анна встрѣтила его вопросомъ: хорошо ли ему было въ столицѣ?

— Хорошо? Неужели ты воображаешь, что въ экзаменахъ можетъ быть что-нибудь хорошее? Я радъ, что вернулся домой... Отецъ пріѣдетъ завтра.

Онъ выпилъ кружку парного молока, схватилъ купальные панталоны и побѣжалъ,—но не туда, гдѣ купались другіе, а за городъ, гдѣ рѣка глубока и медленно течетъ среди высокаго кустарника. Тамъ онъ раздѣлся, попробовалъ воду рукою, вздрогнулъ отъ ощущенія прохлады и сразу кинулся въ воду. Онъ медленно поплылъ противъ слабаго теченія, чувствуя, какъ тѣло его омывается отъ пота и трепета, а душа снова свободно стремится къ небу надъ его головою. Онъ плылъ то быстрѣе, то медленнѣе, объятый благотворною истомою и свѣжестью. Лежа на спинѣ, онъ прислушивался къ слабому жужжанію мошкары, рѣявшей золотистыми кругами, любовался рдѣвшимъ въ лучахъ заката небомъ, которое прорѣзывали въ своемъ полетѣ быстрыя черныя ласточки. Одѣвшись, онъ медленно побрелъ домой среди вечернихъ сумерекъ.

Отецъ пріѣхалъ на слѣдующій день къ полудню, очень довольный своимъ пребываніемъ въ столицѣ.

— Если ты выдержалъ экзаменъ, можешь попросить чего хочешь, и я исполню твое желаніе. Чего бы тебѣ хотѣлось?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я навѣрно провалился!

— Вздоръ. Лучше скажи, покуда я не раздумалъ.

— Мнѣ хотѣлось бы снова удить рыбу.

— Хорошо, если только окажется, что ты выдержалъ экзаменъ.

На слѣдующій день въ воскресенье шелъ дождь, и Гансъ просидѣлъ все время въ своей комнатѣ, проникаясь убѣжденіемъ, что ему не повезло изъ-за глупой головной боли. Возростающее чувство опасенія погнало его къ отцу.

— Послушай, отецъ, я хотѣлъ бы спросить тебя... относительно желанья. Ужъ я лучше откажусь отъ уженья...

— Почему же ты вдругъ раздумалъ?

— Потому что я... хотѣлъ спросить: нельзя ли мнѣ...

— Говори скорѣе. Что̀ это еще за комедія?

— Нельзя ли мнѣ поступить въ гимназію, если я тутъ провалюсь?

Гибенратъ въ первую минуту онѣмѣлъ.

— Что̀ такое? Въ гимназію? Ты — въ гимназію? — Да кто тебѣ это вбилъ въ голову?

— Никто. Я самъ.

Гансъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, — отецъ этого не замѣтилъ.

— Убирайся вонъ! — натянуто разсмѣялся онъ. — Ишь, какія у него фантазіи! Что я — коммерціи совѣтникъ, по твоему?

Гансъ просидѣлъ цѣлыхъ полчаса на подоконникѣ, стараясь представить себѣ, что̀ съ нимъ будетъ, если ему не суждено продолжать ученіе? Его отдадутъ ученикомъ въ сырную лавку или въ контору и всю жизнь онъ проведетъ среди обыкновенныхъ жалкихъ людей, которыхъ онъ презиралъ и надъ которыми мечталъ возвыситься. Его красивое, умное личико исказилось гнѣвною гримасою; онъ схватилъ латинскую хрестоматію и изо всей силы швырнулъ ее объ стѣну. Затѣмъ онъ выбѣжалъ на дождь.

Въ понедѣльникъ онъ отправился въ школу. Ректоръ подалъ ему руку и спросилъ, какъ сошли экзамены? Гансъ повѣсилъ голову.

— Терпѣніе! — утѣшилъ его ректоръ: — по всей вѣроятности, мы еще сегодня получимъ извѣстіе изъ Штутгарта.

Время тянулось мучительно длинно; за обѣдомъ Гансъ давился каждымъ кускомъ, готовый расплакаться. Когда около двухъ

часовъ онъ снова явился въ школу, классный учитель уже былъ тамъ.

— Гансъ Гибенратъ!—громко окликнулъ онъ, и когда мальчикъ подошелъ, подалъ ему руку.

— Поздравляю тебя, Гибенратъ. Ты выдержалъ пріемный экзаменъ вторымъ.

Наступила торжественная тишина. Дверь отворилась и вошелъ ректоръ.

— Поздравляю. Ну, что ты на это скажешь?

Мальчикъ былъ словно парализованъ отъ радости и неожиданности.

— Что же ты молчишь?

— Если бы я зналъ!—вдругъ вырвалось у Ганса:—я бы могъ выдержать первымъ!

— Ну, ступай,—заключилъ ректоръ, — и скажи отцу... Въ школу тебѣ незачѣмъ ходить,—тѣмъ болѣе, что черезъ недѣлю наступятъ каникулы.

У мальчика кружилась голова, когда онъ вышелъ на улицу. Липы, освѣщенная солнцемъ площадь—все было прежнее, но все показалось ему красивѣе, значительнѣе, привѣтливѣе. Онъ выдержалъ! Онъ былъ вторымъ! Послѣ перваго порыва радости онъ преисполнился чувствомъ горячей благодарности. Теперь ему незачѣмъ бѣгать отъ городского священника! Нечего бояться прилавка или конторы! Онъ можетъ учиться. И удить рыбу ему тоже можно.

Въ дверяхъ ему встрѣтился отецъ, спросившій мимоходомъ:

— Ну что?

— Ничего. Меня отпустили изъ школы.

— Почему это?

— Потому что я теперь семинаристъ.

— Какъ? Развѣ ты выдержалъ? Удачно?

— Вторымъ ученикомъ.

Этого старикъ не ожидалъ. Онъ не зналъ, что сказать, хлопалъ сына по плечу, смѣялся, раскрывалъ ротъ, качалъ головою и все не находилъ словъ...

— Громъ и молнія!—вырвалось у него наконецъ:—громъ и молнія!

Гансъ кинулся въ домъ, взбѣжалъ по лѣстницѣ на чердакъ, распахнулъ дверцы стараго шкафа и принялся рыться въ немъ, вытаскивая старыя коробки, пробки, веревки. Это были его рыболовные снаряды. Теперь ему только нужно вырѣзать хорошую

уду. Онъ побѣжалъ къ отцу за ножемъ, но тотъ, сіяя великодушіемъ, запустилъ руку въ карманъ.

— Вотъ тебѣ двѣ марки, можешь купить себѣ ножъ, только не ходи къ Ганфриду, а лучше возьми въ мастерской.

Гансъ помчался галопомъ. Хозяинъ мастерской, узнавъ о результатѣ экзаменовъ, выбралъ самый лучшій ножъ.

На берегу, гдѣ росли стройныя ольхи и орѣшники, Гансъ вырѣзалъ безукоризненную гибкую вѣтвь и, вернувшись съ нею домой, засѣлъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и сіяющими глазами за изготовленіе снарядовъ, которые онъ любилъ почти не меньше, чѣмъ самую ловлю. Онъ сортировалъ, осматривалъ, распутывалъ узлы на цвѣтныхъ шнуркахъ, стругалъ и прикрѣплялъ пробки, подвязывалъ куски свинца, прикрѣплялъ крючки, которыхъ у него еще сохранился порядочный запасъ. Къ вечеру все было готово, и Гансъ зналъ, что ему нечего опасаться скуки за все время предстоящихъ каникулъ, такъ какъ съ удочкой въ рукахъ онъ могъ проводить на водѣ цѣлые дни.

II.

Такими и должны быть каникулы! Надъ горами—безоблачно голубое небо, цѣлыми недѣлями — одинъ лучезарно яркій день за другимъ, и время отъ времени—короткія сильныя грозы. Рѣка такъ нагрѣвалась, что можно было купаться поздно вечеромъ. Въ эту пору года городокъ принималъ совершенно сельскій видъ: вездѣ двигались возы съ сѣномъ, благоуханіе сѣна наполняло улицы, и еслибы не двѣ фабрики, можно было бы счесть себя въ деревнѣ.

Въ слѣдующій праздничный день Гансъ всталъ рано поутру и съ нетерпѣніемъ ждалъ на кухнѣ, покуда Анна приготовитъ кофе. Онъ помогъ ей растопить плиту, сбѣгалъ за хлѣбомъ и, наскоро напившись кофе, сунулъ кусокъ хлѣба въ карманъ и убѣжалъ. Покуда онъ ловилъ мухъ, которыхъ сажалъ въ жестяную коробку, мимо него пробѣжалъ поѣздъ съ раскрытыми настежь окнами и немногими пассажирами, оставивъ за собою весело развѣвавшійся въ видѣ знамени бѣлый дымокъ. Какъ долго онъ всего этого не видѣлъ! Гансъ вдыхалъ воздухъ жадными глотками, словно стараясь наверстать потерянное время. Сердце его билось и замирало отъ сладостнаго охотничьяго чувства, когда съ удочкою на плечѣ онъ подошелъ къ самому глубокому мѣсту рѣки, гдѣ, сидя подъ ивою, можно было удить

на свободѣ, не опасаясь помѣхи. Онъ отвязалъ шнурокъ, прикрѣпилъ приманку и широкимъ движеніемъ забросилъ лесу на самую середину рѣки. Началась обычная игра, мелкая рыба завертѣлась вокругъ нея, стараясь сорвать приманку съ крючка, затѣмъ осторожно клюнула и первая крупная рыба—Гансъ въ качествѣ опытнаго удильщика ощутилъ сотрясеніе въ кончикахъ пальцевъ. Ловкимъ движеніемъ онъ подался назадъ и принялся вытаскивать рыбу, оказавшуюся плотвой, которую легко узнать по широкому желтобѣлому сверкающему туловищу и по треугольной головѣ. Но покуда Гансъ соображалъ, какой можетъ быть въ ней вѣсъ, рыба, очевидно плохо клюнувшая, сдѣлала отчаянный прыжокъ и послѣ двухъ - трехъ всплесковъ исчезла подъ водою... Инстинктъ охотника пробудился въ Гансѣ. Глаза его уже не отрывались отъ шнура, щеки раскраснѣлись, движенія его были увѣренны, быстры... Вскорѣ онъ поймалъ еще плотву, потомъ — карпа и наконецъ—трехъ пискарей. Солнце поднялось высоко; надъ горою застыли маленькія ослѣпительно бѣлыя облачка. Ничто такъ не подчеркиваетъ жару свѣтлаго лѣтняго дня, какъ эти спокойныя облачка, застывшія по срединѣ синяго неба, до того пронизанныя насквозь свѣтомъ, что на нихъ больно смотрѣть. Безъ нихъ ни по яркой лазури небесъ, ни по блеску зеркальной поверхности рѣки нельзя было бы замѣтить, до какой степени жарко, и лишь при видѣ этихъ бѣлоснѣжныхъ полуденныхъ облаковъ невольно спѣшишь укрыться въ тѣни и проводишь рукою по влажному лбу...

Къ полудню рыба стала лѣнивѣе клевать. Гансъ стащилъ сапоги и опустилъ ноги въ воду. Было очень тихо; порою слышался стукъ проѣзжавшаго по мосту экипажа и отдаленный мельничный шумъ. Рядомъ съ Гансомъ стояло ведро, въ которомъ плавали и плескались пойманныя рыбы, отливавшія при каждомъ движеніи бѣлымъ, коричневымъ, зеленымъ, серебристымъ, блѣдно-золотымъ и другими оттѣнками. Греческій и латынь, грамматика и математика, всѣ мученія долгаго учебнаго года—словно канули куда-то въ этотъ дремотно-теплый часъ. Вдругъ Гансу вспомнилось, что онъ выдержалъ экзаменъ вторымъ,—онъ радостно заболталъ ногами въ водѣ, засунулъ руки въ карманы панталонъ и принялся пасвистывать. Другіе сидятъ тѣмъ временемъ въ классѣ на урокѣ географіи! Онъ почувствовалъ такое презрѣніе къ этимъ „тупоголовымъ", что даже перестталъ свистать для того, чтобы скривить ротъ въ пренебрежительную гримасу. Однако пора было идти обѣдать. За ѣдою онъ обмѣнялся съ

отцомъ лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу рыбной ловли,— было слишкомъ жарко для разговоровъ.

Около четырехъ часовъ, отправившись купаться, Гансъ встрѣтилъ шумную толпу возвращавшихся изъ школы товарищей.

— А, Гибенратъ! Тебѣ нынче хорошо!

— Да, ничего себѣ...

— Когда же ты въ семинарію?

— Не ранѣе сентября. Теперь каникулы.

Ему было пріятно возбуждать ихъ зависть, и насмѣшливыя замѣчанія и смѣшки — не трогали его. Тѣмъ временемъ мальчики раздѣлись; нѣкоторые прямо бросались въ воду, другіе валялись сначала по травѣ.

Среди нихъ оказался искусный ныряльщикъ, а также—трусишка изъ новенькихъ, котораго сзади подталкивали въ воду и онъ вопилъ: „Убиваютъ"! Мальчики боролись, гонялись другъ за другомъ, плавали, брызгали водою въ сидѣвшихъ на берегу. Надъ рѣкой стоялъ плескъ и гулъ и вся она сверкала влажными обнаженными тѣлами.

Вернувшись домой, Гансъ узналъ, что въ теченіе дня заходила съ поздравленіемъ масса знакомыхъ. Ему показали сегодняшнюю газету, гдѣ въ отдѣлѣ мѣстной хроники значилось:

„На пріемный экзаменъ въ семинарію низшаго разряда явился на этотъ разъ отъ нашего города лишь одинъ кандидатъ—Гансъ Гибенратъ. Къ нашему удовольствію, мы только-что узнали, что онъ выдержалъ экзаменъ вторымъ".

Гансъ сложилъ листокъ, сунулъ его въ карманъ и ничего не сказалъ, но сердце его переполнилось гордостью и восторгомъ. Вечеромъ онъ снова отправился на рыбную ловлю, а когда въ десять часовъ вечера онъ ложился спать, то чувствовалъ въ головѣ и во всѣхъ членахъ давно уже не испытанную имъ блаженную усталость. Онъ видѣлъ передъ собою длинный рядъ дней, въ которые предстоитъ купаться, ловить рыбу, бродить, мечтать. Только одно точило его: почему онъ выдержалъ экзаменъ не первымъ?

Часть пойманной рыбы Гансъ отнесъ въ подарокъ священнику. Тотъ увидѣлъ его изъ окна и позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, мало походившій на кабинетъ провинціальнаго пастора. Среди богословскихъ книгъ виднѣлись въ большомъ количествѣ книги научно-философскаго характера, сочиненія новыхъ авторовъ. Чувствовалось, что за этою конторкою много работалось, но не столько надъ составленіемъ проповѣдей, сколько надъ

статьями для научныхъ журналовъ и матеріалами для собственныхъ сочиненій. Мечтательный мистицизмъ былъ изгнанъ изъ этихъ мѣстъ вмѣстѣ съ наивною теологіей сердца, которая склоняется въ любви и милосердіи къ жаждущей вѣры народной душѣ. Вмѣсто нея здѣсь практиковалась критика Библіи и поиски „историческаго Христа“, который проскальзываетъ у современныхъ богослововъ между пальцевъ.

Священникъ, усадивъ Ганса на кожаный диванчикъ между окномъ и конторкою, заговорилъ съ нимъ объ изученіи Евангелія на ново-греческомъ языкѣ. Это откроетъ ему цѣлый новый міръ знанія; вначалѣ будетъ, конечно, трудновато, но затѣмъ дѣло пойдетъ легче, и это послужитъ Гансу большимъ подспорьемъ для его занятій въ семинаріи. За время каникулъ они успѣли бы прочесть двѣ главы Евангелія отъ Луки.

— Такимъ образомъ можно шутя изучить языкъ. Словарь я могу тебѣ дать. Позаймешься часокъ-другой, — не болѣе, конечно,—такъ какъ ты долженъ воспользоваться своимъ лѣтнимъ отдыхомъ. Разумѣется, это съ моей стороны только предложеніе,—я не хотѣлъ бы испортить тебѣ каникулы.

Гансъ согласился, хотя мысль о Лукѣ явилась легкимъ облачкомъ на безоблачной лазури его свободы.

Впрочемъ, при ближайшемъ обсужденіи, онъ остался доволенъ. Въ семинаріи ему придется работать еще настойчивѣе, если онъ желаетъ быть первымъ. Почему собственно онъ этого желаетъ— онъ и самъ не зналъ. Уже три года, какъ на него обратили вниманіе, и всѣ пришпориваютъ его и не даютъ вздохнуть. Все время изъ класса въ классъ онъ переходилъ первымъ, и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что иначе оно и быть не можетъ.

Конечно, каникулы все-таки лучше всего! Какъ удивительно хорошъ былъ лѣсъ въ эти утренніе часы! Стволъ къ стволу стояли сосны, какъ безконечный рядъ колоннъ. Роса уже высохла и подъ вѣтвями ощущалась та особая утренняя лѣсная прохлада, которая создается изъ солнечной теплоты, росистыхъ испареній, аромата сосновыхъ иглъ и мховъ, и дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ. Гансъ кинулся на мохъ; онъ прислушивался къ стуку дятла, къ кукованію ревнивой кукушки. Между исчерна-темными вершинами деревъ безоблачно синѣло небо и кое-гдѣ скользили по вѣтвямъ солнечные блики.

Давно уже Гансу хотѣлось предпринять дальнюю прогулку. Прежде онъ безъ устали могъ ходить часа три-четыре,—но теперь онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ! Пройдя съ сотню шаговъ, онъ снова повалился въ траву. Это — отъ воздуха...

Къ обѣду у него опять разболѣлась голова, и онъ сердито просидѣлъ дома; только купанье освѣжило его, но уже пора была идти къ священнику. Дорогою его окликнулъ сапожникъ Флейгъ.

— Куда, сынъ мой? Тебя совсѣмъ не видно.

— Я къ священнику.

— Какъ? Ты все еще къ нему ходишь? Развѣ экзамены не кончились?

Гансъ объяснилъ, въ чемъ дѣло; сапожникъ сдвинулъ шапку на затылокъ и собралъ лобъ въ толстыя морщины.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Гансъ. До сихъ поръ я изъ-за экзамена все молчалъ, но теперь я хочу тебя предупредить. Ты долженъ знать, что пасторъ—невѣрующій; онъ станетъ тебѣ доказывать, что священныя книги—подложны, и ты кончишь тѣмъ, что утратишь вѣру.

— Но, г. Флейгъ, вѣдь рѣчь идетъ только объ изученіи новогреческаго языка.

— Зачѣмъ же ему учиться у невѣрующаго? Обѣщай мнѣ одно: что если у тебя явятся какія-нибудь сомнѣнія, ты придешь ко мнѣ, и мы потолкуемъ. Хорошо?

— Хорошо, г. Флейгъ.

Гансъ и ранѣе слышалъ подобные отзывы о священникѣ, но они не такъ пугали его, какъ Флейга, твердаго въ своей установившейся годами вѣрѣ и слывшаго знатокомъ и истолкователемъ текстовъ священнаго писанія. Собранія, на которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, сильно посѣщались, но все же онъ былъ скромнымъ ремесленникомъ и человѣкомъ, по мнѣнію Ганса, ограниченнымъ.

Священникъ былъ, наоборотъ, не только краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, но и настоящимъ ученымъ, и Гансъ съ почтеніемъ смотрѣлъ на его книгохранилище, чувствуя и себя пріобщеннымъ къ настоящей наукѣ.

Но, изучивъ грамматику и лексиконъ, онъ проработалъ цѣлый вечеръ, и вскорѣ занятія совсѣмъ захватили его: съ каждымъ урокомъ наука являлась ему все прекраснѣе, труднѣе и все болѣе достойной достиженія. Но утромъ онъ ловилъ рыбу, послѣ обѣда купался, остальное же время почти не выходилъ изъ дома. Пробудившееся честолюбіе не давало ему покоя. Снова онъ ощущалъ въ головѣ нѣчто особое — не боль, но какое-то напряженіе, торжествующее біеніе ускореннаго пульса и неудержимое стремленіе впередъ. Головная боль являлась уже позднѣе, но покуда длилась эта горячка, чтеніе и работа быстро подвигались: онъ шутя читалъ трудныя мѣста изъ Ксенофонта и безъ

словаря переводилъ цѣлыя страницы, вдохновенно угадывая ихъ смыслъ. За этою напряженною работою слѣдовалъ легкій, прерывистый сонъ съ удивительно ясными сновидѣніями. Когда онъ просыпался по ночамъ съ легкою головною болью, имъ овладѣло нетерпѣливое желаніе продолжать работу и гордость при мысли, что самъ ректоръ относится къ нему съ извѣстнымъ уваженіемъ.

Ректору доставляло истинное удовольствіе руководить этимъ благороднымъ честолюбіемъ, которое онъ сумѣлъ пробудить. Пусть не говорятъ о безсердечіи учителей и ихъ сухомъ педантизмѣ! Когда учитель видитъ, какъ подъ вліяніемъ серьезныхъ занятій изъ неуклюжаго увальня вырабатывается серьезный, почти аскетическаго вида мальчикъ, какъ лицо его становится все старше и осмысленнѣе, рука — все бѣлѣе и спокойнѣе, у него отъ радости и гордости занимается духъ. Долгъ его, порученная ему правительствомъ обязанность—обуздывать вложенную въ мальчика природою грубую стихійную силу и насаждать на ея мѣсто средніе, благонамѣренные идеалы. Безъ этихъ усилій со стороны школы многіе довольные судьбою бюргеры и старательные чиновники превратились бы въ безплодныхъ мечтателей или безудержныхъ новаторовъ.

Однажды вечеромъ и ректоръ самолично явился въ домъ Гибенрата и засталъ Ганса за чтеніемъ Евангелія отъ Луки. Похваливъ его за прилежаніе и посовѣтовавъ воспользоваться каникулами, онъ завелъ рѣчь о семинаріи, гдѣ Гансу предстоитъ изучать новые предметы. Пожалуй, ему придется трудновато: многіе ученики—особенно изъ среднихъ—успѣютъ за лѣтнее время подготовиться и какъ разъ обгонятъ тѣхъ, которые успокоились на лаврахъ.

Онъ вздохнулъ и пощипалъ свою рѣдкую бородку. Затѣмъ онъ предложилъ Гансу почитать съ нимъ Гомера, который откроетъ ему новый міръ; это будетъ хорошею подготовкою для семинаріи. Они займутся часъ-другой,—не болѣе, конечно.

Разумѣется, Гансъ выразилъ согласіе ознакомиться съ новымъ міромъ и поблагодарилъ ректора, но заключеніе было еще впереди. Ректоръ дружески замѣтилъ, что Гансъ—не дурной математикъ, но въ семинаріи ему придется проходить алгебру и геометрію, и нѣсколько подготовительныхъ уроковъ—не помѣшаютъ.

— Ко мнѣ милости просимъ — во всякое время. Для меня твой успѣхъ—дѣло чести, относительно же математики — пусть отецъ твой переговоритъ съ учителемъ. Три-четыре раза въ недѣлю...

— Да, г. ректоръ.

Работа снова пошла полнымъ ходомъ, и если Гансъ выходилъ на часокъ погулять или поудить рыбу, онъ уже чувствовалъ, что совѣсть у него неспокойна. Его обычный купальный часъ былъ избранъ самоотверженнымъ учителемъ математики для своего урока. Гибенратъ смотрѣлъ съ гордостью на прилежаніе Ганса; эта вѣтвь отъ его ствола должна была высоко подняться и прославить его.

Въ послѣднюю недѣлю каникулъ ректоръ и священникъ проявили вдругъ необычайную доброту и заботливость: они отсылали мальчика на прогулку, прекратили уроки и все время ставили ему на видъ, какъ важно явиться въ семинарію отдохнувшимъ, со свѣжею головою. Раза два Гансъ попробовалъ ловить рыбу, но голова у него болѣла, и онъ удивлялся: почему это онъ такъ радовался каникуламъ? Теперь онъ скорѣе радовался ихъ окончанію. Онъ ничего не поймалъ, и когда отецъ подшутилъ надъ этимъ, Гансъ снова забросилъ свои рыболовные снаряды на чердакъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ ему вспомнилось, что онъ такъ и не побывалъ у Флейга. Сапожникъ сидѣлъ на подоконникѣ, а на колѣнѣ у него помѣщался ребенокъ. Несмотря на открытое окно, комната была насквозь пропитана запахомъ кожи. Не безъ смущенія Гансъ вложилъ свою руку въ широкую жесткую руку мастера. Тотъ попрекнулъ его, что онъ все время не показывался. Развѣ онъ такъ много работалъ?

— Порядочно, г. Флейгъ. Ежедневно часъ у священника, два часа — у ректора и четыре раза въ недѣлю я еще ходилъ къ учителю математики.

— Теперь? Во время каникулъ? Но вѣдь это безуміе!

— Не знаю. Учителя находили, что такъ надо. А учиться мнѣ не трудно.

— Можетъ быть, — сказалъ Флейгъ, и схватилъ руку мальчика, — но посмотри, что у тебя за палочки вмѣсто рукъ? И почему лицо у тебя такое худое? Ты все еще страдаешь головными болями?

— Время отъ времени.

— Это безуміе, Гансъ, и сверхъ того — грѣхъ. Въ твоемъ возрастѣ необходимы воздухъ и движеніе, нужно хорошенько отдохнуть. Для чего же существуютъ каникулы? Не для того, чтобы торчать въ углу и зубрить. Вѣдь ты — кожа да кости.

Гансъ разсмѣялся.

— Смѣйся, смѣйся. А какъ насчетъ священника? Онъ не говорилъ съ тобою непочтительно о Библіи?

— Ни разу.

— Ну, это хорошо. Лучше пусть гибнетъ тѣло, но не душа. Ты самъ хочешь быть впослѣдствіи священникомъ. Это—великая и трудная обязанность. Тутъ требуются особые люди, не такіе, какъ большинство нашей молодежи. Быть можетъ, ты—избранъ для нея. Тебѣ предстоитъ быть пастыремъ душъ. Этого я желаю тебѣ отъ всего сердца, и объ этомъ стану молиться. Да благословитъ тебя Богъ. Аминь.

Онъ торжественно положилъ ему руки на плечо, но Гансъ ощутилъ лишь чувство стѣсненія; священникъ, прощаясь съ нимъ, не говорилъ ему ничего подобнаго.

Среди сборовъ и прощаній быстро и тревожно прошло еще два дня. Ящикъ съ бѣльемъ, платьемъ, книгами былъ отправленъ впередъ, и однажды прохладнымъ утромъ отецъ съ сыномъ выѣхали въ Маульброннъ. Было странно и жутко покидать родной городъ и переселяться изъ отцовскаго—въ чужой домъ.

III.

На сѣверѣ страны лежитъ среди лѣсистыхъ холмовъ и тихихъ озеръ монастырь Маульброннъ, съ чудно сохранившимися великолѣпными старинными постройками. Ворота въ высокой стѣнѣ ведутъ во дворъ, гдѣ бьетъ, окруженный старыми задумчивыми деревьями, родникъ воды; по сторонамъ высятся каменныя строенія, а въ глубинѣ — главный фасадъ церкви съ притворомъ въ позднѣйшемъ романскомъ стилѣ, чарующемъ необыкновенною граціей и красотою линій. На кровлѣ храма высится острая, какъ игла, башенка, до того воздушная, что даже непонятно: какъ она могла служить колокольней? Чудный крытый ходъ заключаетъ въ себѣ капеллу источника. Живописныя стѣны, ворота, закоулки, сады—оживляютъ строгую красоту зданій. На обширномъ дворѣ обыкновенно царитъ тишина; онъ оживляется лишь за часъ до обѣда, когда изъ монастыря высыпаетъ толпа молодежи, которая съ говоромъ и смѣхомъ разсыпается по лужайкѣ, порою—играетъ въ мячъ и черезъ часъ быстро и безслѣдно исчезаетъ за стѣнами.

Въ своей любвеобильной заботливости о гражданахъ, правительство отвело этотъ монастырь подъ протестантскую семинарію. Здѣсь, вдали отъ городскихъ впечатлѣній, вліянія семьи и развращающаго зрѣлища дѣйствительной жизни, молодые люди могутъ безъ помѣхи посвятить себя достиженію возвышенныхъ

чистыхъ идеаловъ, поставивъ себѣ цѣлью жизни — изученіе древнихъ языковъ. Этому способствуетъ жизнь въ интернатѣ, необходимость обуздывать свои порывы. Правительство, на счетъ котораго живутъ и учатся семинаристы, вселяетъ въ своихъ питомцевъ тотъ особый духъ, по которому ихъ легко бываетъ узнать впослѣдствіи: это своего рода неуловимое клеймо, символъ добровольнаго самозакрѣпощенія. Люди бываютъ различными по природѣ, но правительство сглаживаетъ эти различія, снабжая ихъ одинаковою духовною ливреей или мундиромъ.

Всякій изъ новичковъ, привезенный сюда матерью, всю жизнь будетъ съ признательностью и растроганною улыбкой вспоминать прощаніе съ нею въ дортуарѣ семинаріи. У Ганса матери не было, и онъ наблюдалъ за чужими матерями.

Въ громадномъ, уставленномъ нумерованными шкафами корридорѣ стояли ящики и корзины, надъ разборкою которыхъ хлопотали родители. Тутъ же прогуливался классный надзиратель, дававшій порою добрые совѣты. Бѣлье и платье разглаживались, книги встряхивались, сапоги и туфли разставлялись рядами. Появились на сцену туалетныя принадлежности, которыя сейчасъ же отправлялись въ умывальную. Мальчики были возбуждены; отцы поглядывали на часы, но душою дѣла были матери. Онѣ старательно вынимали каждую вещь, разглаживали складки, поправляли тесемки и аккуратно убирали „приданое“ въ шкафъ, сопровождая все это совѣтами, увѣщаніями, ласками...

— Береги новыя рубашки, — онѣ обошлись по три марки пятьдесятъ пфениговъ штука...

— Бѣлье посылай домой каждый мѣсяцъ... Черную шляпу носи только по воскресеньямъ.

Какая-то толстуха, усѣвшись на высокомъ сундукѣ, учила своего мальчика искусству пришивать пуговки; другая, красивая, еще молодая дама гладила по щекѣ своего сына, широкоплечаго увальня. Онъ, видимо, конфузился и, смущенно улыбаясь, уклонялся отъ ея ласки, засунувъ обѣ руки въ карманы штановъ. Другіе, наоборотъ, растерянно глядѣли на матерей, какъ будто имъ хотѣлось вернуться съ ними домой. Инымъ хотѣлось бы разревѣться, но они удерживались и строили равнодушныя физіономіи. А матери улыбались.

Отецъ Ганса живо разобрался въ его вещахъ; затѣмъ, чувствуя необходимость въ напутствіи, онъ безсвязно заговорилъ о томъ, что сынъ „долженъ сдѣлать честь ихъ фамиліи“, и Гансъ, видя, что стоявшій вблизи священникъ улыбается отцовской рѣчи, сконфузился и поспѣшилъ отвести отца въ сторону. Оба они

скучали и чувствовали себя неловко. Гансъ принялся наблюдать за новичками, изъ которыхъ онъ никого не зналъ; его знакомый гённингенецъ должно быть срѣзался на экзаменѣ. Мальчики, принадлежавшіе преимущественно къ небогатому чиновничьему и промышленному классу, различались между собою такъ же, какъ покрой ихъ курточекъ. Тутъ были худощавые, неповоротливые шварцвальдцы, широкоротые, съ волосами соломеннаго цвѣта уроженцы при-эльбскихъ мѣстностей, живые, веселые нижне-германцы, франтики-штутгартцы съ узкими носками и испорченнымъ, т.-е. утонченнымъ выговоромъ.

Палаты, занимаемыя воспитанниками, носили классическія наименованія: Форума, Аѳинъ, Эллады, Спарты, Акрополиса, и лишь самая маленькая и послѣдняя называлась Германіей. Ганса Гибенрата съ девятью другими помѣстили въ „Элладѣ", и странное ощущеніе овладѣло имъ, когда онъ впервые улегся на узенькую кровать въ громадномъ дортуарѣ, освѣщенномъ спускавшеюся съ потолка масляною лампою, которую надзиратель загасилъ въ десять съ четвертью часовъ. Лунные лучи падали изъ трехъ оконъ и озаряли кровати спящихъ мальчиковъ совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена—ложе монаховъ.

На слѣдующій день, вслѣдъ за торжествомъ открытія, родители уѣхали, и тогда мальчики стали устраиваться по домашнему—раскладывались книги, въ чернильницы наливались чернила, въ лампы—масло. Новички оглядывали другъ друга, завязывали знакомства, кое-гдѣ уже раздавался смѣхъ, и къ вечеру всѣ они ближе знали другъ друга, нежели пассажиры—въ концѣ длиннаго морского пути.

Изъ девяти обитателей „Эллады" Гансъ отмѣтилъ четверыхъ, наиболѣе выдававшихся среди остальныхъ. Первымъ былъ сынъ учителя Отто Гартнеръ, даровитый, спокойный, выдержанный мальчикъ, хорошо сложенный и увѣренный въ себѣ. За нимъ слѣдовалъ Карлъ Гамель, сынъ сельскаго учителя, натура полная противорѣчій. Выйдя изъ спокойнаго состоянія, онъ проявлялъ большую необузданность, но затѣмъ снова прятался, какъ улитка въ свою раковину.

Не менѣе сложною натурою былъ и Германъ Гейльнеръ, шварцвальдецъ изъ хорошей семьи. Въ первый уже день о немъ знали, что онъ—поэтъ и философъ; онъ говорилъ много и оживленно, обладалъ прекрасною скрипкой, но, очевидно, подъ его беззаботной внѣшностью таилось нѣчто болѣе глубокое. Самымъ своеобразнымъ обитателемъ „Эллады" былъ Эмиль Луціусъ, скрытный, свѣтло-бѣлокурый человѣчекъ, упорный, трудолюбивый и

сухой, какъ старый крестьянинъ. Несмотря на свои годы и маленькую фигурку, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то вполнѣ сложившагося, законченнаго; покуда другіе рѣзвились во время рекреацій, онъ, заткнувъ уши обѣими руками, зубрилъ грамматику. Скупость его внушала товарищамъ даже нѣкоторое уваженіе; онъ раньше всѣхъ отправлялся въ умывальную для того, чтобы воспользоваться чужимъ мыломъ и полотенцемъ, сберегалъ кусокъ сахара для того, чтобы обмѣнять его на тетрадку, и учился при свѣтѣ чужихъ лампъ для того, чтобы не тратить денегъ на масло. Онъ былъ абсолютно лишенъ слуха и музыкальныхъ способностей, но, полагая, что музыка полезна въ обиходѣ и ей можно научиться, какъ грамматикѣ, онъ пожелалъ учиться на скрипкѣ, причемъ у учителя музыки отъ ужаса волосы встали дыбомъ. Его отовсюду гоняли съ его скрипкой, но онъ бродилъ по всѣмъ закоулкамъ монастыря, какъ незнающій покоя призракъ, скрипѣлъ и пиликалъ, не смущаясь насмѣшками и бранью.

Гансъ ни съ кѣмъ близко не сходился; онъ прилежно работалъ и заслужилъ уваженіе всѣхъ товарищей, за исключеніемъ поэта Гейльнера. Дружба рисовалась ему въ яркихъ, заманчивыхъ краскахъ, но онъ былъ робокъ по натурѣ и привыкъ къ одиночеству. Карлъ Гамель предлагалъ ему свою, но безуспѣшно. Гейльнеръ тоже не могъ найти себѣ товарища по сердцу и съ записною книжкою бродилъ одиноко по живописнымъ окрестностямъ, читалъ въ тѣни желтѣющихъ деревьевъ, на берегу озера, „Пѣсни въ камышахъ“ Ленау и порою вписывалъ строчку или двѣ въ свою завѣтную книжку. Однажды въ ясный октябрьскій день Гансъ нашелъ его сидящимъ на перекинутомъ черезъ ручей мостикѣ. Сначала онъ сказалъ, что читаетъ Гомера, но затѣмъ сознался, что писалъ стихи, и пригласилъ Ганса сѣсть рядомъ. Было очень тихо; съ дерева безшумно падалъ листъ за листомъ въ темную воду; по блѣдно-голубому небу медленно плыли бѣлыя облака.

— Чудныя облака,—сказалъ Гансъ, любуясь ими.

— Да, Гибенратикъ,—вздохнулъ Гейльнеръ,—еслибы можно было стать облакомъ! Поплыли бы мы съ тобою надъ горами и долами, какъ корабли! Ты видалъ когда-нибудь корабль?

— Нѣтъ, Гейльнеръ, а ты?

— Много разъ! Но, впрочемъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь. Тебѣ бы только учиться и преуспѣвать.

— Ты меня считаешь за осла?

— Я этого не сказалъ.

— Я совсѣмъ не такъ глупъ, какъ ты думаешь. Но разскажи мнѣ о корабляхъ.

Гейльнеръ такъ быстро обернулся, что едва не упалъ въ воду. Подперевъ рукою подбородокъ, онъ заговорилъ:

— Я видѣлъ корабли на Рейнѣ. Въ воскресенье на кораблѣ играла музыка и вечеромъ зажгли разноцвѣтные фонари. Огоньки отражались въ водѣ, и мы подъ музыку плыли внизъ по теченію. Мы пили рейнвейнъ, и на дѣвушкахъ были бѣлыя платья.

Гансъ закрылъ глаза, чтобы яснѣе представить себѣ все это, а Гейльнеръ продолжалъ говорить.

— Здѣсь не то: кругомъ—тупицы, скучняки, для которыхъ нѣтъ ничего выше еврейской азбуки. И ты такой же, какъ всѣ. Вотъ мы читаемъ Одиссею, какъ поваренную книгу—по двѣ строчки въ часъ, разжевывая слово за словомъ, покуда насъ не стошнитъ. А потомъ въ концѣ урока намъ говорятъ: „вы заглянули въ тайну поэтическаго творчества". Да вѣдь такимъ образомъ Гомера крадутъ у насъ. И вообще, къ чему намъ греки? Попробуй кто-нибудь изъ насъ жить по-гречески,—его сейчасъ же бы вышвырнули. Какая насмѣшка въ самомъ названіи нашей комнаты: „Эллада"! Почему не „бумажная корзина", не „клѣтка рабовъ"?

Гейльнеръ еще долго говорилъ на эту тему, и вечеромъ Гансъ много думалъ о немъ. Что это за человѣкъ? То, что интересовало и заботило Ганса—не существовало для него. У него были свои собственныя мысли и слова; онъ жилъ полнѣе и свободнѣе и презиралъ окружающее. Онъ понималъ красоту старинныхъ зданій и стѣнъ и обладалъ таинственнымъ даромъ пѣснопѣній. Онъ былъ независимъ, смѣлъ, острилъ, тосковалъ и наслаждался самымъ ощущеніемъ этой тоски.

Въ тотъ же вечеръ Гейльнеръ проявилъ себя съ особой стороны. Съ нимъ затѣялъ ссору забіяка—нѣкто Венгеръ. Сначала Гейльнеръ сдерживался, но потомъ далъ ему звонкую пощечину, и черезъ секунду, свившись клубкомъ, они уже катались по полу „Эллады", опрокидывая стулья, между тѣмъ какъ товарищи критически ожидали исхода боя. Черезъ нѣсколько секундъ Гейльнеръ поднялся, тяжело дыша, растерзанный, съ покраснѣвшими глазами, но когда противникъ захотѣлъ снова напасть на него, онъ надменно скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Я больше не дерусь,—ударь меня, если хочешь.

Венгеръ отошелъ, ругаясь, а у Гейльнера вдругъ покатились слезы изъ глазъ. Плакать—считалось у семинаристовъ самымъ позорнымъ дѣломъ; но когда Гартнеръ спросилъ: неужели ему

не стыдно?—плачущій отвѣтилъ, словно пробудясь отъ сна, громко и презрительно:

— Стыдно—передъ вами? Нѣтъ, голубчикъ.

Онъ отеръ лицо, сердито усмѣхнулся, загасилъ свою лампу и вышелъ. Гансъ Гибенратъ, молча наблюдавшій за этою сценой, отважился пойти за нимъ и нашелъ его сидящимъ въ корридорѣ въ глубокой оконной нишѣ. Видны были только его плечи и затылокъ. Онъ не шевельнулся, когда Гансъ остановился рядомъ съ нимъ, и только спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Что̀ такое?

— Это я,—робко отвѣтилъ Гансъ.

— Что̀ тебѣ нужно?

— Ничего.

— Вотъ какъ! Можешь уходить.

Гансъ обидѣлся и хотѣлъ уйти, но Гейльнеръ удержалъ его. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза, словно видѣлись въ первый разъ, и каждый старался представить себѣ, что подъ этимъ молодымъ лицомъ скрывается особая человѣческая жизнь, живетъ по особому человѣческая душа.

Гейльнеръ медленно опустилъ руку на плечо Ганса и притянулъ его къ себѣ, покуда ихъ лица не сблизились. Затѣмъ Гансъ съ изумленіемъ и страхомъ почувствовалъ, что губы товарища коснулись его губъ. Сердце его забилось съ непривычною силою. Въ этомъ свиданіи въ темномъ корридорѣ, въ этомъ поцѣлуѣ было что-то новое, „опасное"; ему пришло въ голову: какъ было бы ужасно, еслибы ихъ поймали! Такой поцѣлуй показался бы другимъ школьникамъ еще болѣе постыднымъ, чѣмъ слезы. Взрослый человѣкъ порадовался бы этому наивному объясненію въ дружбѣ, серьезному выраженію дѣтскихъ лицъ, уже принимавшихъ по временамъ выраженіе смѣлаго юношескаго задора и самоувѣренности.

Мало-по-малу всѣ мальчики передружились между собою, вмѣстѣ гуляли, занимались, помогали другъ другу въ работѣ; больше всего дивились, однако, сближенію Гейльнера и Ганса: перваго насмѣшливо называли „геніемъ", второго—„пай-мальчикомъ", и трудно было найти двѣ болѣе несхожихъ натуры. Для поэта дружба эта была роскошью, удобствомъ, капризомъ, для Ганса она являлась то сокровищемъ, то—тяжелымъ бременемъ. По вечерамъ онъ обыкновенно занимался, но приходилъ Гейльнеръ, бралъ у него книгу изъ рукъ—и занятія прекращались. Зачастую Гансъ опасался его прихода и работалъ съ удвоеннымъ рвеніемъ, но еще больнѣе ему было то, что другъ

его потѣшался надъ его прилежаніемъ и называлъ его „поденщиной“, „рабскимъ страхомъ“ передъ учителями. Не все ли равно: быть первымъ или двадцатымъ?

Гансъ содрогался, видя обращеніе друга съ книгами; взявъ у него однажды географическій атласъ, Гейльнеръ исчертилъ его каррикатурами и сатирическими стихами. Иногда Гансу казалось, что Гейльнеръ смотритъ на него какъ на любимую игрушку: нѣчто вродѣ ручного котенка. Какъ бы то ни было, поэтъ нуждался въ немъ; страдая отъ припадковъ безпричинной, не лишенной кокетства меланхоліи, онъ изливалъ передъ нимъ свои жалобы и жаждалъ утѣшенія, сочувствія и восхищенія. Свои Гейневскія и Оссіановскія настроенія, выражавшіяся въ рѣчахъ, вздохахъ и стихахъ, онъ изливалъ на неповинную голову Ганса.

Удрученный, взволнованный этими сценами, Гансъ возвращался къ своей работѣ, стараясь наверстать утраченное время. Головная боль уже не удивляла его, но его не на шутку начинала тревожить охватывавшая его по временамъ апатія: ему трудно было заставить себя сдѣлать необходимое. Гейльнеръ вводилъ его въ чуждый ему до сихъ поръ фантастически прекрасный и обманчиво капризный міръ поэзіи, и Гансъ былъ не въ силахъ устоять противъ этихъ чаръ, но дружба со страннымъ мальчикомъ истощала его, заронивъ въ душу больныя сомнѣнія.

Между тѣмъ наступили темные бурные ноябрьскіе дни, во время которыхъ Гейльнеръ всегда впадалъ въ мрачное настроеніе; однажды, бродя по крытому ходу, онъ наткнулся на пиликавшаго въ углу Луціуса, и когда тотъ, не взирая на его увѣщанія, продолжалъ скрипѣть, Гейльнеръ ударомъ ноги опрокинулъ пюпитръ. Ноты разлетѣлись, а пюпитромъ задѣло скрипача по носу, и онъ, взбѣшенный, закричалъ, что побѣжитъ жаловаться директору.

— И я съ тобой, но раньше дамъ тебѣ на дорогу пинка!

Луціусъ кинулся бѣжать, Гейльнеръ—за нимъ; они вихремъ неслись по корридорамъ и лѣстницамъ, и когда преслѣдователь, догнавъ врага у самой двери величаво-спокойнаго директорскаго жилища, собирался угостить его обѣщаннымъ пинкомъ, тотъ, не удержавшись, растворилъ головою дверь и влетѣлъ, какъ бомба, въ святая-святыхъ директора.

Это былъ неслыханный случай. На другой день директоръ прочелъ рѣчь о развращенности современнаго юношества, а Гейльнеръ былъ присужденъ къ непримѣнявшемуся здѣсь давно уже наказанію: заключенію въ карцеръ. Онъ выслушалъ приго-

воръ съ блѣднымъ лицомъ и вызывающимъ видомъ, не опуская глазъ передъ директоромъ. Втайнѣ многіе восхищались имъ, но никто не дерзнулъ приблизиться къ нему, и онъ остался въ сторонѣ, какъ зачумленный.

Не дерзнулъ подойти къ нему и Гансъ; онъ чувствовалъ, что это было его долгомъ, и стыдился своей трусости, но наказанный заключеніемъ въ карцеръ надолго становится въ семинаріи „отверженнымъ", и общеніе съ нимъ ложится пятномъ на добрую славу другихъ учениковъ. Благодѣянія, оказываемыя правительствомъ его питомцамъ, налагаютъ на нихъ извѣстныя обязательства. Гансъ зналъ это, и въ немъ происходила тяжелая борьба между дружбою и честолюбіемъ.

Гейльнеръ сейчасъ же это замѣтилъ. Онъ ощутилъ боль и гнѣвъ, передъ которыми поблѣднѣли всѣ его прежнія воображаемыя страданія. Остановившись передъ Гибенратомъ, онъ тихо и презрительно проговорилъ:

— Ты—жалкій трусъ, Гибенратъ, и ничего болѣе!

Къ счастью, приближалось Рождество, и мысли молодежи приняли другое направленіе. Выпалъ густой снѣгъ, и деревья стояли разубранныя инеемъ; на озёрахъ образовался твердый, блестящій ледъ; начались игры въ снѣжки и катанье на конькахъ. Даже угрюмый Гейльнеръ нѣсколько оживился, и у самыхъ образцовыхъ профессоровъ замѣчался оттѣнокъ снисходительности и благодушія. Изъ дому получались письма, предвѣщавшія сюрпризы и подарки, сообщалось о предпраздничныхъ приготовленіяхъ.

Передъ отъѣздомъ домой обитатели „Эллады" пережили забавный эпизодъ. Семинаристы рѣшили устроить для учителей музыкально-литературный вечеръ, который долженъ былъ состояться въ „Элладѣ", такъ какъ она была больше другихъ комнатъ. Предложили включить въ программу юмористическій нумеръ, и послѣ долгихъ споровъ пришли къ убѣжденію, что самое веселое было бы соло на скрипкѣ, исполненное Эмилемъ Луціусомъ. Силою просьбъ и убѣжденій у злосчастнаго скрипача выудили согласіе, и на программѣ, разосланной приглашеннымъ, значилось: „Тихая Пѣснь—мелодія для скрипки—исполнитъ г. Эмиль Луціусъ, камеръ-виртуозъ".

Этимъ титуломъ онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что музыкальныя упражненія его происходили обыкновенно въ отдаленнѣйшей изъ камеръ.

Директоръ, профессора̀, репетиторы, учителя музыки и надзиратели—всѣ явились на торжество. У бѣднаго учителя музыки

выступилъ потъ на лбу, когда на эстрадѣ появился завитой, скромно улыбавшійся виртуозъ. Уже первый поклонъ его вызвалъ веселое настроеніе. Дважды онъ начиналъ „Тихую Пѣснь“, обратившуюся подъ его смычкомъ въ раздирающую пѣснь отчаянія; онъ отбивалъ тактъ ногою и вообще работалъ какъ пильщикъ въ морозную погоду. Сбившись въ третій разъ, онъ опустилъ скрипку и извинился передъ слушателями:

— Не идетъ. Но я учусь только съ осени...

— Хорошо, Луціусъ!—воскликнулъ директоръ:—мы благодаримъ васъ за ваши старанія... Поступайте такъ же и впредь. Per aspera ad astra!

Двадцать-четвертаго декабря во всемъ домѣ стоялъ шумъ и гамъ. Морозъ разрисовалъ окна ледяными цвѣтами, по двору носился рѣзкій вѣтеръ, но никто объ этомъ не думалъ. Въ столовой дымились большіе кофейники, и послѣ завтрака, укутанные въ пальто и плэды, семинаристы отправились по снѣжному, слабо мерцавшему полю, черезъ молчаливый лѣсъ къ отдаленной станціи. Они хохотали, острили, но каждый втайнѣ берегъ про себя свои желанія и надежды. По окрестнымъ городамъ и селамъ всюду ждали ихъ въ тепло натопленныхъ, убранныхъ по праздничному комнатахъ отцы, матери и близкіе люди.

Путникамъ пришлось на холоду ждать поѣзда, но никогда имъ не было такъ хорошо вмѣстѣ, никогда они не были такъ дружелюбно настроены, какъ въ этотъ часъ. Только Гейльнеръ, выждавъ, покуда товарищи займутъ мѣста, одинъ вошелъ въ другой вагонъ. И Гансъ, среди чувства радостнаго волненія, ощутилъ мимолетное раскаяніе и стыдъ.

Дома онъ нашелъ улыбающагося, довольнаго отца и много подарковъ, хотя въ домѣ Гибенратовъ не было настоящаго праздника: недоставало присутствія матери, недоставало рождественской елки.

Всѣ нашли, что онъ имѣетъ плохой видъ, и спрашивали, хорошо ли кормятъ въ монастырѣ? Гансъ увѣрялъ, что все отлично, только голова у него часто болитъ. Священникъ замѣтилъ, что онъ самъ страдалъ въ эти годы головными болями, и на этомъ дѣло кончилось.

Рѣка замерзла, и Гансъ цѣлыми днями катался на конькахъ. Въ своемъ новомъ костюмѣ, въ зеленой шапочкѣ семинариста— онъ рисовался себѣ самому головою выше своихъ прежнихъ товарищей по школѣ.

IV.

Январь ознаменовался печальнымъ событіемъ: „Эллада“ потеряла одного изъ своихъ обитателей — скромнаго бѣлокураго мальчика Гиндингера, сына сапожника. Не имѣя коньковъ, онъ отправился посмотрѣть, какъ катаются другіе, озябъ, забрелъ куда-то въ сторону и провалился подъ ледъ. Его нашли къ вечеру и положили на запорошенныя снѣгомъ носилки; семинаристы обступили ихъ, какъ испуганныя птицы; они дрожали и дули на свои посинѣвшіе пальцы, и лишь когда шествіе двинулось по снѣжному полю, ужасъ смерти оледенилъ ихъ смятенныя души.

Въ маленькой, дрожащей отъ холода, жалкой кучкѣ Гансъ оказался случайно рядомъ со своимъ бывшимъ другомъ Гейльнеромъ; повинуясь невольному порыву, онъ заглянулъ въ его блѣдное лицо и взялъ его за руку, но тотъ выдернулъ ее.

У входа въ монастырь всѣ учителя, съ директоромъ во главѣ, встрѣтили покойнаго Гиндингера, который, будь онъ живъ, убѣжалъ бы со страха при одной мысли о подобной чести, но на мертваго ученика учителя смотрятъ совсѣмъ другими глазами, чѣмъ на живого.

Весь этотъ вечеръ и весь слѣдующій день присутствіе маленькаго трупа дѣйствовало на живыхъ умиротворяющимъ образомъ: гнѣвъ, раздоры, шумъ и смѣхъ—все смолкло, все улеглось. Къ погребенію прибылъ отецъ, безпомощно стоявшій за гробомъ, подавляя слезы. Порою онъ съ робкою и неуклюжею ласкою касался крышки гроба.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Гансъ посѣтилъ Гейльнера въ лазаретѣ, гдѣ тотъ лежалъ больной: онъ простудился во время поисковъ товарища. Сначала Гейльнеръ отвернулся къ стѣнѣ и не хотѣлъ съ нимъ говорить, но Гансъ не отставалъ. Онъ знаетъ, что поступилъ подло, но вѣдь его цѣлью было попасть въ первые ученики,—онъ не зналъ другого идеала. Но теперь онъ скорѣе согласенъ стать послѣднимъ въ классѣ, чѣмъ отвернуться отъ него. Они покажутъ другимъ, что не нуждаются въ нихъ.

Тогда Гейльнеръ протянулъ ему руку, и они помирились. Возобновленіе этой дружбы очень поразило всѣхъ въ семинаріи, но друзья наслаждались своею близостью, и имъ никого не было нужно; сознаніе того, что Гейльнеръ никѣмъ не любимъ, придавало чувству Ганса особенную остроту, и онъ все болѣе отда-

лялся отъ школы и ея интересовъ. Превращеніе Ганса изъ образцоваго ученика въ какое-то загадочное существо испугало учителей. Гейльнеръ давно уже былъ отнесенъ ими въ разрядъ „геніевъ“ и кандидатовъ въ карцеръ; настоящій школьный учитель предпочитаетъ имѣть въ классѣ десять ословъ, нежели одного „независимаго“. Между нимъ и педагогомъ завязывается борьба, и кто изъ нихъ сильнѣе заставляетъ страдать другъ друга, въ комъ успѣшнѣе проявляется духъ мучительства—объ этомъ нельзя подумать безъ горечи. Всюду мы видимъ, какъ школа и государство стремятся изъ года въ годъ задушить въ отдѣльныхъ личностяхъ этотъ независимый духъ, но почему-то по преимуществу изъ ненавидимыхъ учителями, изгнанныхъ или сбѣжавшихъ—выходятъ люди, обогащающіе своими умственными сокровищами народъ. Другіе озлобляются и идутъ ко дну. И сколько такихъ—Богъ знаетъ.

Къ Гейльнеру и Гансу начали относиться съ особенною строгостью. Одинъ лишь директоръ, цѣнившій въ Гансѣ лучшаго ученика по еврейскому языку, сдѣлалъ попытку къ его спасенію. Онъ позвалъ его къ себѣ, въ свой удивительный кабинетъ—бывшее жилище настоятеля. Директоръ былъ недурной человѣкъ; онъ даже питалъ извѣстное благоволеніе къ своимъ питомцамъ, но, обладая громаднымъ самолюбіемъ, онъ не допускалъ возможности какой-либо ошибки съ своей стороны, какого-либо сомнѣнія въ непогрѣшимости своихъ сужденій. Роль друга и наставника, преисполненнаго отеческихъ чувствъ, онъ игралъ превосходно и немедленно вошелъ въ нее. Усадивъ Ганса, онъ принялся заботливо разспрашивать его. Почему за послѣднее время онъ занимается съ меньшимъ усердіемъ, особенно—по еврейскому языку? Развѣ онъ охладѣлъ къ нему? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ надо поискать другой причины. Не боленъ ли онъ? Видъ у него не особенно цвѣтущій. Быть можетъ, у него болитъ голова? Болитъ временами? Или ежедневныя занятія ему не подъ силу?

— О, нѣтъ, г. директоръ!

— Ты, можетъ быть, много читаешь?

— Нѣтъ, г. директоръ, я почти ничего не читаю.

— Тогда я не совсѣмъ понимаю, въ чемъ дѣло, мой другъ. Обѣщай мнѣ, что ты подтянешься!

Онъ милостиво протянулъ Гансу руку, и тотъ съ облегченіемъ пошелъ-было къ двери, но директоръ вернулъ его. Не друженъ ли онъ съ Гейльнеромъ? Да? Странно! Они до такой степени непохожи другъ на друга! Что можетъ быть общаго между ними?

— Не знаю, но онъ—мой другъ.

— Ты знаешь, я не особенно люблю твоего друга. Въ немъ живетъ духъ безпокойства и тревоги. Онъ—даровитъ, но изъ этого ничего не выходитъ; на тебя же онъ имѣетъ пагубное вліяніе. Я желалъ бы, чтобы ты держался подалѣе отъ него.

— Это невозможно, г. директоръ.

— Невозможно? Почему?

— Потому что онъ — мой другъ. Не могу же я покинуть его.

— Гмъ! Но ты можешь сойтись еще съ кѣмъ-нибудь другимъ. Вѣдь ты—единственный, подпавшій подъ его вредное вліяніе, и послѣдствія этого уже сказались. Что же, собственно, тебя привязываетъ къ нему?

— Я и самъ не знаю, но мы дружимъ, и было бы недостойнымъ покинуть его.

— Такъ, такъ... Ну, я тебя не принуждаю, но я надѣюсь, что ты постепенно отстанешь отъ него. Я былъ бы этому радъ, я былъ бы очень радъ...

Въ заключительныхъ словахъ уже не слышалось прежняго благодушія. Гансъ вышелъ.

Гансъ снова засѣлъ за работу, но прежде онъ легко обгонялъ другихъ, теперь же ему съ трудомъ удавалось не отставать. Онъ сознавалъ, что отчасти причиною этому была его дружба, но она настолько согрѣвала и скрашивала его жизнь по сравненію съ прежнимъ сухимъ исполненіемъ долга, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на даръ свыше, а не какъ на помѣху. Съ нимъ происходило то же, что съ юными влюбленными: онъ жаждалъ геройскихъ подвиговъ и былъ неспособенъ на малыя дѣла. Въ сущности сердце у него лежало лишь къ Гомеру и къ урокамъ исторіи. Онъ ощупью приближался къ постиженію античнаго міра, а въ исторіи герои переставали быть для него именами и числами: они вдругъ воплощались передъ нимъ и, стоя совсѣмъ близко, глядѣли на него живыми глазами; у каждаго было свое собственное лицо, красныя уста, свои руки, у однихъ— грубыя, толстыя; у другихъ—тонкія, холодныя, словно мраморныя; у третьихъ—узкія, горячія, въ тонкихъ жилкахъ...

Читая Евангеліе на греческомъ языкѣ, онъ бывалъ порою пораженъ и потрясенъ удивительной явственностью и близостью этихъ видѣній. Такъ, при чтеніи шестой главы отъ Матѳея, когда говорится объ ученикахъ, которые, узнавъ Іисуса, идущаго по волнамъ, пошли къ нему, онъ самъ ясно увидѣлъ Сына Человѣческаго и узналъ Его не по лицу и фигурѣ, но по сіяющей

глубинѣ Его полныхъ любви очей, а также—по легкому призывному мановенію прекрасной, стройной, загорѣлой руки Христа, свидѣтельствовавшей о великой и мощной душѣ. На одно мгновеніе передъ нимъ появилось волнующееся озеро и корма тяжелой ладьи, а затѣмъ все исчезло, какъ паръ отъ дыханія на морозѣ...

Эти краткія видѣнія производили на Ганса такое впечатлѣніе, какъ будто земля становилась прозрачною, и самъ Господь являлся ему; такія мгновенія являлись неожиданно; онѣ посѣщали его, незванныя, и исчезали, подобно пилигримамъ и странникамъ, которыхъ нельзя удержать, ибо въ ихъ природѣ есть нѣчто божественное.

Гансъ ничего не говорилъ Гейльнеру о своихъ переживаніяхъ. У поэта меланхолія прежнихъ временъ превратилась въ рѣзкое отрицательное отношеніе ко всему окружающему, выражавшееся иногда въ необдуманныхъ выходкахъ, въ которыя, помимо воли, бывалъ вовлеченъ и Гансъ. Они очутились вдвоемъ на какомъ-то необитаемомъ островѣ, среди враждебныхъ волнъ. Если бы не смутный страхъ передъ директоромъ, Гансу даже нравилось бы такое положеніе; онъ все болѣе утрачивалъ интересъ къ занятіямъ, въ особенности—къ древне-еврейскому языку, любимому предмету директора.

Отношенія съ товарищами обострялись; теперь, когда онъ уже не мѣтилъ въ примусы, они давали ему понять, что его заносчивость ничѣмъ не оправдывается. Однажды, въ отсутствіе Гейльнера, Ганса порядкомъ поколотили; онъ умолчалъ объ этомъ, но проплакалъ всю ночь и съ тѣхъ поръ пересталъ разговаривать съ обитателями „Эллады“.

Къ веснѣ, подъ вліяніемъ дождливой погоды и долгихъ сумерекъ — въ семинаріи образовались новыя теченія. Въ „Акрополисѣ“, гдѣ имѣлись хорошій піанистъ и два флейтиста, начались музыкальные вечера; „Германія“ открыла литературныя чтенія, а нѣсколько юныхъ піэтистовъ устроили „Библейскій кружокъ“. Гейльнеръ предложилъ себя въ члены кружка литературныхъ чтеній, но былъ отвергнутъ и изъ мести пошелъ къ библейцамъ, которые тоже не желали его; онъ внесъ къ нимъ смятеніе своими кощунственными рѣчами, но это скоро ему надоѣло. Впрочемъ, на него мало обращали вниманія; первенствующую роль въ семинаріи игралъ въ это время одинъ изъ „спартанцевъ“, прозванный Дунстаномъ, остроумный малый, прославившійся весьма оригинальномъ образомъ.

Однажды утромъ на дверяхъ умывальной комнаты появился

листъ, на которомъ — подъ заглавіемъ: „Шесть эпиграммъ изъ Спарты“ —были написаны остроумныя двустишія, высмѣивавшія очень зло и язвительно различныя слабости и грѣшки товарищей. Тутъ же фигурировали, конечно, и Гансъ съ Гейльнеромъ.

Въ маленькомъ царствѣ поднялось необычайное волненіе; около двери толпились, какъ у входа въ театръ. На слѣдующій день вся дверь была покрыта отвѣтами, нападками, возраженіями, но виновникъ скандала лишь потиралъ себѣ руки, довольный тѣмъ, что бросилъ искру въ пукъ соломы, доставилъ себѣ развлеченіе и разбудилъ мертвое царство. Впрочемъ, Дунстанъ не успокоился на этомъ, но затѣялъ сатирическій журналъ, подъ названіемъ „Ежъ“, и Гейльнеръ, сблизившись съ нимъ, принялъ живое участіе въ редактированіи этого органа, выходившаго дважды въ недѣлю и получавшагося въ количествѣ двухъ экземпляровъ на каждую комнату. Подписныя деньги шли на „увеселительный фондъ“.

Около этого времени съ Гансомъ произошелъ на урокѣ латинскаго языка странный случай. Учитель вызвалъ его—переводить изъ Тита-Ливія, но онъ не всталъ съ мѣста. Учитель сердито окликнулъ его. Гансъ сидѣлъ съ опущенной головой и полузакрытыми глазами. Окрикъ разбудилъ его, но онъ слышалъ его словно издалека; сосѣдъ толкнулъ его въ бокъ, но и это не подѣйствовало на него. Его окружали другіе люди, онъ слышалъ другіе голоса—тихіе, глубокіе голоса, рѣчи безъ словъ, похожія на журчаніе водъ. На него глядѣли чуждые, большіе, сверкающіе глаза, быть можетъ—глаза римской толпы, о которой онъ прочелъ сейчасъ у римскаго историка...

— Гибенратъ! —крикнулъ учитель:—спите вы что-ли?

Ученикъ открылъ глаза и покачалъ головою, удивленно уставившись на учителя.

— Вы спали! Можете вы сказать: на какомъ мѣстѣ мы остановились? Здѣсь? Вѣрно. Но почему же вы не встаете? Что все это значитъ? Посмотрите на меня.

Гансъ повиновался, но что-то въ его взглядѣ не понравилось учителю, и тотъ въ свою очередь удивленно покачалъ головою.

— Вы больны, Гибенратъ?

— Нѣтъ, г. профессоръ.

— Садитесь, и приходите послѣ урока ко мнѣ.

Гансъ сѣлъ и нагнулся надъ Ливіемъ. Онъ бодрствовалъ и все понималъ, но въ то же время умственный взоръ его слѣдилъ за удаляющимися призраками, покуда тѣ не скрылись мало-по-

малу въ облакѣ тумана. И тогда сейчасъ же голосъ учителя и говоръ въ классѣ—снова приблизились къ нему, сдѣлались вполнѣ реальными. Скамьи, парты, каѳедра—все было на своемъ мѣстѣ, товарищи такъ же сидѣли на мѣстахъ, и многіе изъ нихъ любопытно и дерзко на него косились. Это испугало Ганса. Великій Боже, что случилось?

По окончаніи урока, учитель увелъ его въ свою комнату и сталъ разспрашивать. Что же, въ дѣйствительности, съ нимъ было? Онъ не спалъ, такъ почему же онъ не всталъ, будучи вызванъ?

— Я и самъ не знаю.

— Быть можетъ, вы не слышали? А если слышали, то почему же не встали? У васъ были такіе странные глаза! О чемъ вы думали?

— Ни о чемъ. Я хотѣлъ встать.

— Почему же вы не встали? Вамъ было нехорошо?

— Кажется—нѣтъ. Я не знаю, что было.

— У васъ болитъ голова? Нѣтъ? Хорошо, ступайте.

Послѣ обѣда его снова позвали въ дортуаръ, гдѣ уже были директоръ и старшій врачъ. Снова его разспрашивали, осматривали — и ничего не поняли. Врачъ добродушно усмѣхнулся и отнесся ко всему слегка. Мимолетная слабость, нѣчто вродѣ головокруженія. Нужно молодому человѣку почаще бывать на воздухѣ. Отъ головной боли онъ пропишетъ капли.

Съ этого дня Гансу приказано было ежедневно гулять послѣ обѣда цѣлый часъ, но Гейльнеру настрого запретили сопровождать его. Одинокая прогулка доставляла Гансу удовольствіе. Было начало весны и холмы покрывались блѣдно-зеленою волною пробивавшейся травки; деревья утрачивали свой мертвенный видъ. Въ прежніе годы Гансъ наблюдалъ пробужденіе весны, но по иному. Онъ распознавалъ почки растеній, породы возвращавшихся съ юга птицъ, а въ маѣ его тянуло на рыбную ловлю. Теперь онъ уже не разбирался въ подробностяхъ; онъ только созерцалъ общее обновленіе, вдыхалъ запахъ молодой листвы и бродилъ по полямъ. Но онъ скоро утомлялся, ему хотѣлось лежать, и ему постоянно мерещилось что-то иное, не имѣвшее ничего общаго съ окружающимъ: странные, нѣжные, легкіе сны на яву. Онъ ступалъ словно не по землѣ, вдыхалъ особый прозрачно-чистый воздухъ, напоенный мечтаніями. А иногда его кидало въ жаръ, и онъ ощущалъ неуловимое прикосновеніе мягкой ласкающей руки. При работѣ онъ долженъ былъ дѣлать страшное усиліе надъ собою и съ отчаяніемъ замѣчалъ, что память начинаетъ измѣнять ему. Взамѣнъ этого ему постоянно прихо-

дили на умъ различныя воспоминанія изъ прошлыхъ лѣтъ; онъ мысленно переживалъ эпизоды прошлогодняго экзамена или видѣлъ себя сидящимъ съ удочкою въ рукахъ на берегу рѣки.

Однажды вечеромъ, когда они гуляли вдвоемъ по темному дортуару, Гейльнеръ неожиданно спросилъ его: ухаживалъ ли онъ ранѣе за какою-нибудь дѣвушкою, и затѣмъ признался, что у него самого есть возлюбленная: онъ какъ-то поцѣловалъ ее въ сумеркахъ.

— Что̀ же она сказала?

— Ничего. Она просто убѣжала.

— А что̀ было потомъ?

— Потомъ? Ничего!

Онъ вздохнулъ, и Гансъ посмотрѣлъ на него, какъ на героя, побывавшаго въ очарованномъ мірѣ.

Дѣла въ школѣ шли все хуже и хуже, учителя стали коситься на Ганса, директоръ былъ мраченъ, одинъ лишь Гейльнеръ ничего не замѣчалъ; на зло запрещенію, онъ вздумалъ сопровождать Ганса на прогулку. Вскорѣ это открылось, и, оставивъ Ганса на этотъ разъ въ покоѣ, директоръ всею силою своего негодованія обрушился на главнаго грѣшника. Гейльнеръ дерзко возразилъ, что никто не имѣетъ права воспрещать ему видѣться съ его другомъ. Въ результатѣ его приговорили къ двухчасовому аресту, а на другой день оказалось, что Гейльнеръ исчезъ изъ семинаріи. Его дѣятельно принялись разыскивать, хотя никто не думалъ, чтобы онъ что-нибудь сдѣлалъ надъ собою. Къ вечеру объ исчезновеніи его дали знать мѣстной полиціи, а также отправили телеграмму его отцу. Подозрѣвали, что Гансу извѣстно объ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ другимъ, но у того—потрясеннаго и перепуганнаго—явилось предчувствіе, что онъ уже не увидитъ своего друга. Измученный горемъ, онъ наконецъ заснулъ.

Въ то же время Гейльнеръ лежалъ въ двухъ миляхъ отсюда, въ лѣсочкѣ... Онъ не могъ заснуть, но любовался звѣздами, быстро несущимися облаками, и не думалъ о томъ, что̀ съ нимъ будетъ? Онъ вырвался изъ проклятаго монастыря и показалъ директору, что воля его—сильнѣе приказаній и запретовъ.

Его нашли только на третій день и передали съ рукъ на руки только-что пріѣхавшему отцу его. Учительскій совѣтъ потребовалъ, чтобы онъ извинился, но онъ не пожелалъ, и это переполнило чашу. Его исключили съ позоромъ, дозволивъ проститься съ Гансомъ лишь молчаливымъ пожатіемъ руки, и въ тотъ же вечеръ онъ, въ сопровожденіи отца, навсегда покинулъ семинарію.

Какъ прекрасна и назидательна была рѣчь директора, обращенная къ питомцамъ по случаю этого прискорбнаго событія! Зато отчетъ его, посланный высшему начальству, былъ составленъ въ значительно смягченномъ тонѣ. Семинаристамъ запретили переписываться съ этимъ чудовищемъ развращенности, но онъ и самъ не подавалъ признаковъ жизни. Что же касается Ганса, то учителя окончательно лишили его своего благоволенія, а директоръ глядѣлъ на него съ презрительнымъ состраданіемъ фарисея къ мытарю. Гибенратъ уже не существовалъ для него.

V.

Подобно сурку, питающемуся собственнымъ запасомъ жира, Гансъ поддерживалъ нѣкоторое время свое существованіе, благодаря пріобрѣтеннымъ ранѣе познаніямъ. Затѣмъ началось жалкое прозябаніе, прерываемое безсильными потугами и стараніями, безуспѣшность которыхъ была очевидна до смѣшного. Наконецъ, онъ добровольно прекратилъ свои муки, забросивъ Гомера съ Ксенофонтомъ, древне-еврейскій и алгебру. Онъ уже не волновался, видя свое постепенное паденіе въ глазахъ учителей: изъ хорошаго ученика онъ превратился въ удовлетворительнаго, затѣмъ—въ посредственнаго и наконецъ совсѣмъ сошелъ на нѣтъ. На упреки онъ съ нѣкотораго времени отвѣчалъ добродушно-покорною улыбкою. Видрихъ, недавно поступившій молодой учитель, былъ единственнымъ, кому эта улыбка причиняла истинное страданіе, и онъ старался бережно обходиться съ выбившимся изъ колеи мальчикомъ. Порою преподаватели, стараясь пробудить его самолюбіе, говорили:

— Если вы не спите,—быть можетъ, вы дадите себѣ трудъ перевести этотъ отрывокъ?

Директоръ возмущался. Онъ приписывалъ большое вліяніе своему взгляду, и выходилъ изъ себя, когда, въ отвѣтъ на его грозное вращаніе зрачками, Гансъ улыбался ему своею покорною улыбкой.

— Что за безпричинно глупая улыбка! Вамъ бы скорѣе плакать надо.

Бо́льшее впечатлѣніе произвело на Ганса письмо отца, который съ ужасомъ умолялъ его „исправиться". Письмо его было собраніемъ всевозможныхъ ободрительныхъ и нравоучительныхъ словъ, какія только имѣлись въ его распоряженіи, но подъ ними угадывалось нѣчто жалостное, растрогавшее Ганса.

Всѣ эти преисполненные сознаніемъ долга руководители юношества, начиная съ Гибенрата-отца и кончая директоромъ и педагогами, видѣли въ Гансѣ дурной элементъ, нѣчто упорное и лѣнивое, что необходимо было вернуть силою на правый путь. Никто,—исключая, быть можетъ, сострадательнаго молодого учителя,—не видѣлъ за безнадежною улыбкою на исхудаломъ лицѣ мальчика—погибающую душу, которая съ тоскою и отчаяніемъ оглядывается вокругъ, тщетно ища спасенія. И никто не подумалъ о томъ, что варварское честолюбіе отца и нѣсколькихъ учителей—довели до такого состоянія хрупкое, утонченное существо, душою котораго они такъ безцеремонно распоряжались. Почему въ самые чувствительные, опасные годы развитія его заставляли ежедневно работать до поздней ночи? Почему у него отняли его кроликовъ, съ умысломъ отстраняли его отъ товарищей, запретили ему рыбную ловлю и шумныя игры, оставивъ ему взамѣнъ всего этого лишь узкій, жалкій честолюбивый идеалъ? Почему даже послѣ экзамена ему не дали воспользоваться заслуженными имъ въ полной мѣрѣ каникулами? Въ началѣ лѣта докторъ снова заявилъ, что все дѣло—въ нервномъ ослабленіи, происходящемъ главнымъ образомъ отъ роста; пусть онъ лѣтомъ хорошенько отдохнетъ, выправится — нужно хорошее питаніе и прогулки. Къ сожалѣнію, это не осуществилось. За три недѣли до каникулъ, когда учитель во время послѣобѣденнаго урока сильно разбранилъ Ганса, тотъ началъ дрожать всѣми членами и затѣмъ съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ, послѣ котораго онъ полдня пролежалъ въ постели.

Черезъ нѣсколько дней, на урокѣ математики, Ганса вызвали къ доскѣ, для того, чтобы онъ начертилъ геометрическую фигуру. Онъ вышелъ впередъ, но у доски, почувствовавъ головокруженіе, выпустилъ мѣлъ и линейку изъ рукъ, а когда онъ нагнулся, чтобы поднять ихъ, онъ упалъ на колѣни и уже не могъ встать.

Главный врачъ разсердился на своего паціента, сыгравшаго съ нимъ такую штуку, и посовѣтовалъ пригласить доктора по нервнымъ болѣзнямъ.

— Въ концѣ концовъ онъ еще заболѣетъ пляскою св. Витта,— шепнулъ онъ директору, измѣнившему немилостивое выраженіе своего лица на отечески-сострадательное.

Онъ немедленно написалъ отцу Ганса, совѣтуя ему взять сына домой. Гнѣвъ директора смѣнился озабоченностью. Что скажетъ высшее начальство, уже обезпокоенное происшествіемъ съ

Гейльнеромъ? Въ послѣдніе часы онъ просто ухаживалъ за Гансомъ, хорошо зная, что тотъ уже не вернется въ семинарію, такъ какъ даже въ случаѣ выздоровленія онъ оказался бы черезчуръ отставшимъ отъ товарищей. Правда, директоръ простился съ нимъ ободряющимъ словомъ: „до свиданія!"—но когда, войдя въ „Элладу", онъ увидѣлъ три опустѣвшихъ мѣста, у него сдѣлалось нехорошо на душѣ, и ему съ трудомъ удалось подавить сознаніе того, что въ исчезновеніи двоихъ способныхъ юношей отвѣтственность падаетъ отчасти и на него. Въ качествѣ нравственно сильнаго человѣка, ему удалось, однако, изгнать изъ души это безплодное и мрачное сомнѣніе...

Передъ путешественникомъ исчезали между тѣмъ зданія монастыря съ ихъ башнями, воротами, церквами, исчезали холмы и лѣса, а вмѣсто нихъ начинали развертываться плодоносныя поля баденской пограничной стороны, а затѣмъ — и синевато-черныя горы Шварцвальда. Гансъ зажмурилъ глаза, при видѣ знакомыхъ картинъ; его страшилъ ожидавшій его дома пріемъ. Онъ вспомнилъ прошлогоднюю поѣздку на экзаменъ. Къ чему все это было? Онъ зналъ такъ же хорошо, какъ и директоръ, что онъ уже не вернется туда, что онъ навсегда покончилъ съ семинаріей и всѣми честолюбивыми мечтаніями. Но ему было какъ-то все равно. Его страшилъ только гнѣвъ отца, ожиданія котораго онъ обманулъ; ему хотѣлось отдохнуть, выплакаться, выспаться, и онъ боялся, что именно этого желаннаго покоя онъ и не найдетъ дома. Со страха онъ едва не пропустилъ своей станціи.

Тамъ ждалъ его отецъ. Послѣднее письмо директора превратило его гнѣвъ на сбившагося съ пути сына въ тревогу и безграничный испугъ. Онъ ожидалъ найти въ Гансѣ ужасающую перемѣну, и у него нѣсколько отлегло отъ сердца, когда онъ увидалъ, что тотъ—хотя исхудалый и блѣдный—еще стоитъ на собственныхъ ногахъ. Тѣмъ не менѣе, нервное разстройство, о которомъ писалъ врачъ, было для него настоящимъ пугаломъ: въ ихъ семьѣ никто не страдалъ нервами; надъ этой болѣзнью подсмѣивались или съ презрѣніемъ говорили о неврастеникахъ, какъ о кандидатахъ въ желтый домъ, и вдругъ его Гансъ оказывается однимъ изъ нихъ!

Въ первый день юноша порадовался тому, что его избавили отъ упрековъ, но мало-по-малу онъ сталъ замѣчать тревожные взгляды, исподтишка бросаемые на него отцомъ, фальшивый тонъ его голоса, полный скрытой боязни, и это еще болѣе смутило Ганса, внушивъ ему неопредѣленный ужасъ: онъ самъ сталъ пугаться своего болѣзненнаго состоянія.

Въ хорошую погоду онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ лѣсу, и это приносило ему облегченіе. Слабый отблескъ былыхъ дѣтскихъ радостей озарялъ по временамъ его измученную душу: онъ любовался цвѣтами, жучками, наслаждался вѣяніемъ вѣтерка и пѣніемъ птицъ. По бо́льшей же части онъ лежалъ съ тяжелою головою, ни о чемъ не думалъ или грезилъ на яву. Онъ часто видѣлъ во снѣ своего друга Гейльнера—мертвымъ, лежащимъ на носилкахъ; затѣмъ онъ превращался въ маленькаго Гиндингера. Иногда онъ гонялся за нимъ по лѣсу, но тотъ исчезалъ съ вызывающимъ, задорнымъ смѣхомъ. Грезились также Гансу неправильные глаголы и еврейскія буквы, которыхъ онъ никакъ не могъ запомнить; тщетно бился онъ надъ ними, и холодный потъ выступалъ у него на лбу, а директоръ говорилъ: „Нечего такъ глупо улыбаться! Вамъ болѣе пристало бы плакать"...

Въ общемъ, въ положеніи Ганса оказывалось мало перемѣны къ лучшему, и докторъ, когда-то лечившій его мать, молча покачивалъ головою, не выражая своего мнѣнія. Только теперь юноша спохватился, что у него совсѣмъ не осталось друзей; за послѣдніе годы онъ ни съ кѣмъ изъ товарищей близко не сходился и у него не было съ ними ничего общаго. Раза два ректоръ сказалъ ему мимоходомъ пару дружескихъ словъ; священникъ при встрѣчѣ ласково кивалъ ему, но теперь, когда онъ уже не былъ сосудомъ для вливанія премудрости, они перестали интересоваться имъ. Можетъ быть, было бы хорошо, если бы священникъ принялъ въ немъ участіе, но онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ пастырей, къ которымъ приходятъ люди въ часы испытаній. Гибенратъ-отецъ тоже не годился для роли утѣшителя, какъ онъ ни старался скрывать отъ Ганса свое глубокое разочарованіе...

Мальчикъ чувствовалъ себя одинокимъ и нелюбимымъ. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ на солнцѣ въ своемъ садикѣ или лежалъ въ лѣсу и предавался мечтаніямъ и мучительнымъ мыслямъ. Онъ совсѣмъ не могъ читать, у него ломило голову и глаза: изъ каждой книги глядѣли на него призраки пережитыхъ имъ за послѣднее время страховъ и мученій.

Однажды въ сумеркахъ онъ сидѣлъ въ саду подъ деревомъ и безотчетно напѣвалъ про себя старинный куплетъ, слышанный имъ еще въ школѣ:

„Ахъ, какъ я усталъ!
Какъ я утомился!
За душою—ни гроша,
Я всего лишился!"

Гансъ мурлыкалъ старинную мелодію, не замѣчая, что̀ поетъ, и повторялъ ее безъ конца. Отецъ его, стоявшій у окна, услышалъ пѣніе и почувствовалъ ударъ прямо въ сердце. Это безсмысленное, безотчетное пѣніе было для его сухой натуры яснымъ показателемъ неизлечимаго ослабленія умственныхъ способностей, и впервые онъ понялъ, что ученая карьера Ганса Гибенрата — безповоротно кончена.

О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Зарница.

Wetterleuchten von M. Bern.

Лучъ зарницы вечерней сверкнулъ
Въ потемнѣвшей небесной лазури
И безшумно навѣкъ потонулъ
Въ черныхъ тучахъ разсѣянной бури.
    Послѣ блеска багряныхъ лучей
    Облака выплывали темнѣе,
    Ночь дохнула еще холоднѣй
    И тьма ночи казалась чернѣе.
Такъ любовь дорогая твоя
Мнѣ зарницею въ жизни сверкнула,
Лишь на мигъ озарила меня
И во мракѣ давно потонула.

Н. К. Мельниковъ.

КИППСЪ

ИСТОРІЯ ПРОСТОЙ ДУШИ.

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906 (Macmillan et C°).

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

До тѣхъ поръ, пока онъ не выросъ, Киппсъ никакъ не могъ понять, почему онъ жилъ и воспитывался у своихъ дяди и тети, а не у родителей, какъ другіе мальчики. Онъ смутно припоминалъ какую-то другую обстановку въ другомъ городѣ, окно, выходившее на бѣлые дома, женщину, которая говорила съ какими-то забытыми людьми; женщина эта была его мать, — это онъ зналъ. Лицо ея онъ забылъ, но ясно помнилъ, что она носила бѣлое платье въ цвѣточкахъ, съ широкимъ бѣлымъ шолковымъ поясомъ. Съ этимъ были связаны смутныя воспоминанія о ея слезахъ, о томъ, что и онъ плакалъ вмѣстѣ съ нею. Какой-то страшный высокій человѣкъ говорилъ что-то очень громкимъ голосомъ, и это имѣло прямое отношеніе къ слезамъ матери. Киппсъ помнилъ также, что или до, или послѣ этихъ сценъ онъ подолгу глядѣлъ изъ оконъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, сидя около высокаго человѣка и матери. Онъ зналъ также, — хотя никто не говорилъ ему, — что портретъ въ плюшевой рамкѣ, стоявшій на каминѣ въ гостиной, былъ портретомъ его матери. Но портретъ не вызывалъ въ немъ никакихъ воспоминаній: на немъ изображена была совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ локонами; такихъ хорошенькихъ и молодыхъ матерей онъ никогда

не видалъ—а женщина въ бѣломъ платьѣ, смутно жившая въ его памяти, была не совсѣмъ такой, хотя онъ и не могъ сказать въ точности, чѣмъ она отличалась отъ этой. Можетъ быть, она была только постарше, или же только иначе одѣта и причесана.

Одно было несомнѣнно — что именно она передала его на попеченіе тети и дяди въ Нью-Ромнэ, съ опредѣленными инструкціями, уплативъ соотвѣтственную сумму денегъ за его содержаніе. Повидимому, она понимала всю важность общественныхъ перегородокъ,—т.-е. того, чему суждено было сыграть потомъ большую роль въ жизни Киппса. Она не хотѣла, чтобы онъ учился въ коммунальной школѣ, какъ „простыя дѣти", опредѣлила его въ частную школу въ Гастингсѣ, въ „академію для дѣтей средняго класса". Ученики этой школы носили особаго фасона шляпы съ плоскими краями и на ихъ внѣшности былъ нѣкоторый отпечатокъ хорошаго тона, причемъ плата за ученіе была необыкновенно дешевая. Мать Киппса, повидимому, хотѣла сдѣлать все, что только было возможно для будущаго благополучія сына, и готова была для него на расходы, превышавшіе ея средства, какъ будто бы сынъ ея принадлежалъ къ болѣе высокому кругу, чѣмъ она сама. Она посылала ему отъ времени до времени деньги на карманные расходы, когда онъ поступилъ въ школу въ Гастингсѣ, но ее самое онъ больше никогда не видалъ.

Дядя и тетя Киппса были уже люди пожилые, когда мальчикъ попалъ къ нимъ. Для него они были сначала смутными фигурами на фонѣ привычныхъ обиходныхъ предметовъ въ домѣ, на дворѣ и на улицѣ, гдѣ стоялъ ихъ домикъ. Жизнь его проходила главнымъ образомъ въ стѣнахъ дома, гдѣ онъ зналъ каждый уголокъ; у него были тамъ любимыя мѣстечки, куда онъ забивался, забывая о всемъ внѣшнемъ мірѣ. Лавку дяди и тети, въ которую вела внутренняя дверь изъ жилыхъ комнатъ, онъ не такъ хорошо изучилъ: это былъ запретный для него міръ. Но все-таки онъ какъ-то умудрялся знать все, что тамъ дѣлалось.

Дядя и тетя были вообще всевластными богами міра, въ которомъ проходило дѣтство Киппса; подобно богамъ древняго міра, они тоже иногда спускались къ простымъ смертнымъ, муча ихъ своими властными приказаніями и чрезмѣрно строгими карами. Къ несчастью, приходилось также подниматься къ нимъ на Олимпъ и пребывать въ ихъ близости за обѣденнымъ столомъ. Нужно было читать молитву, держать ложку и вилку совершенно нелѣпымъ, неудобнымъ образомъ—только потому, что такъ „пола-

талось"; нельзя было ѣсть „слишкомъ скоро" даже сласти. При малѣйшемъ уклоненіи отъ правилъ, тетя больно ударяла по пальцамъ,—а между тѣмъ дядя всегда доѣдалъ остатки соуса ножомъ. Или же иногда, когда мальчикъ предавался самымъ любимымъ играмъ, вдругъ появлялся съ трубкой въ зубахъ дядя—казалось, что онъ былъ гдѣ-то совсѣмъ далеко—и поднималъ неожиданный крикъ: „Да что этотъ дрянной мальчишка затѣялъ, скажите на милость!"—восклицалъ онъ и разстраивалъ игру. Или же у окна или въ дверяхъ появлялась тетя и прекращала самую интересную бесѣду съ дѣтьми, которыя по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ считались „неподходящей компаніей" для Киппса. Боги выходили почему-то изъ себя при малѣйшемъ шумѣ: если Киппсъ выбивалъ мелодію пальцемъ по подносу съ чайнымъ сервизомъ, или трубилъ въ кулакъ, или свисталъ въ ключъ, или побрякивалъ игрушечными жестяными ведрами въ лавкѣ, или барабанилъ по окну—что можетъ быть невиннѣе этого? Иногда, впрочемъ, они становились добрѣе и давали ему разбитыя игрушки,—въ ихъ лавкѣ продавались, кромѣ всего прочаго, и игрушки. А все прочее заключалось въ книгахъ для чтенія, фотографическихъ снимкахъ мѣстныхъ видовъ, въ фарфоровой и стеклянной посудѣ. Можно было также купить въ лавкѣ письменныя принадлежности, галантерейный товаръ, а въ окнахъ и въ разныхъ углахъ разложены были плетеныя подстилки для половъ, табуреты, рамки, каминные экраны, удочки, купальные костюмы, палатки для сидѣнія на морскомъ берегу—и множество другихъ предметовъ, необыкновенно привлекательныхъ для дѣтскихъ глазъ и пальцевъ. Однажды тетя дала ему трубу, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ трубить на ней, но потомъ все-таки отняла ее. Кромѣ того, тетка заставляла его учить катехизисъ и читать безконечныя молитвы по воскресеньямъ.

По мѣрѣ того какъ онъ подросталъ, дядя и тетя старѣли, и представленіе о нихъ незамѣтно мѣнялось у него изъ году въ годъ. Когда онъ выросъ, ему казалось, что они всегда были такими, какими онъ видѣлъ ихъ въ старости. Тетка представлялась ему всегда очень худой, съ слегка трясущейся головой, а дядя—плотнымъ старикомъ съ тройнымъ подбородкомъ и съ оторванными пуговицами на сюртукѣ. Они никогда не ходили въ гости, и у себя никого не принимали, такъ какъ относились съ недовѣріемъ къ сосѣдямъ и ко всѣмъ людямъ вообще. Они сторонились отъ „низшихъ" и относились злобно къ „зазнавшимся", т.-е. къ стоящимъ выше ихъ въ мѣстной іерархіи; поэтому они „держались особнякомъ", согласно національному идеалу англи-

чанъ. У мальчика тоже не было бы товарищей, если бы онъ не грѣшилъ иногда противъ заповѣди повиновенія. Онъ былъ очень общителенъ по природѣ. Выходя на главную улицу, всегда окликалъ проѣзжающихъ мимо велосипедистовъ, показывалъ языкъ дѣтямъ Квoдлингамъ за спиной ихъ няни и вошелъ въ тѣсную дружбу съ Сидомъ Порникомъ, сыномъ сосѣда лавочника. Эта дружба, съ значительнымъ перерывомъ по срединѣ, длилась потомъ всю его жизнь.

Лавочникъ Порникъ былъ, по мнѣнію старика Киппса, несноснѣйшимъ существомъ: онъ не пилъ спиртныхъ напитковъ, принадлежалъ къ сектѣ методистовъ, вѣчно пѣлъ гимны и вообще являлся полной противоположностью идеаловъ стараго Киппса, насколько ихъ понималъ маленькій Киппсъ. Прежде всего, у Порника былъ зычный голосъ, и старикъ Киппсъ выходилъ изъ себя, когда сосѣдъ на весь домъ звалъ сына; кромѣ того, старика Киппса раздражало то, что по воскресеньямъ вся семья Порниковъ громко пѣла хоромъ гимны, что Порникъ разводилъ грибы, что въ воскресенье послѣ обѣда онъ громко стучалъ молоткомъ въ стѣну, раздѣлявшую ихъ два дома, считая ее повидимому своей собственностью, что онъ ходилъ въ тяжелыхъ сапогахъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, не обитой ковромъ, что у него была черная борода, что онъ старался завести пріятельскія отношенія съ сосѣдомъ, и еще множество другихъ причинъ. Словомъ, старикъ Киппсъ очень не любилъ сосѣда. Больше всего Порникъ раздражалъ его своимъ ковромъ передъ дверью въ лавку. Старикъ Киппсъ никогда не выбивалъ свой коверъ, предпочитая не развѣвать по вѣтру пыли. А Порникъ дѣлалъ это очень часто, и Киппсъ увѣрялъ, что онъ всегда выжидаетъ такого направленія вѣтра, чтобы вся пыль летѣла въ лавку сосѣда и садилась тамъ на всѣ предметы. Столкновенія изъ-за этого доходили иногда до крупныхъ ссоръ.

Ихъ ссоры и послужили страннымъ образомъ началомъ дружбы между Киппсомъ и Сидомъ Порникомъ. Однажды оба мальчика стояли у воротъ передъ домомъ доктора и заспорили о козахъ, гулявшихъ тамъ по двору, о томъ, какой изъ козловъ сильнѣе другого. Въ пылу спора, Киппсъ сказалъ, что отецъ Сида—несноснѣйшее существо. Сидъ сталъ возражать, но Киппсъ настаивалъ на своемъ и сослался на авторитетъ дяди, сказавшаго это. Сидъ еще болѣе взбѣсился и пригрозилъ Киппсу, что онъ повалитъ его на земь одной рукой. Киппсъ выразилъ сомнѣніе, хотя и безъ внутренней увѣренности. Они продолжали препираться, но, вѣроятно, не перешли бы отъ словъ къ дѣлу, еслибы

мимо нихъ не прошелъ мальчикъ изъ мясной. Онъ сказалъ, что необходимо провѣрить заявленіе Сида. Поддавшись его убѣжденіямъ, мальчики сбросили куртки и начали правильную борьбу, длившуюся до тѣхъ поръ, пока мальчикъ изъ мясной рѣшилъ наконецъ, что ему пора отнести мясо покупательницѣ. Тогда, слѣдуя опять-таки его указаніямъ, борцы протянули другъ другу руки и помирились. Затѣмъ, со слѣдами слезъ на щекахъ и возбужденные похвалой мальчика изъ мясной (онъ ихъ назвалъ молодцами), они усѣлись въ самомъ концѣ забора, вытерли другъ у друга кровь, пролитую въ честномъ бою, и выразили взаимное уваженіе другъ къ другу. У обоихъ были разбиты до крови носы и подбиты синяки подъ глазами, и больше драться имъ не было охоты. Съ этихъ поръ они стали друзьями, никогда не спорили изъ-за родителей, не состязались въ силѣ своихъ кулаковъ. Еслибы нужно было еще какое-нибудь подкрѣпленіе ихъ дружбы, то такою оказалась бы ихъ общая нелюбовь къ старшему изъ Кводлинговъ. Онъ говорилъ пришепетывая, носилъ смѣшную соломенную шляпу, и у него было противное самодовольное румяное лицо. Они дразнили его, бросали въ него камнями, и когда онъ грозилъ пожаловаться на нихъ, они тѣмъ яростнѣе нападали на него и обращали его въ бѣгство. Потомъ они отбили голову у куклы сестры Сида, Анни Порникъ. Она съ плачемъ побѣжала домой, и когда Киппсъ прошелъ потомъ мимо ихъ лавки, м-ссъ Порникъ высунула быстро голову изъ двери и посмотрѣла на него, сердито грозя ему пальцемъ.

II.

Школа, которую избрала для сына исчезнувшая мать Киппса—Cavendish Academy—занимала старый домъ въ Гастингсѣ, вдали отъ моря. Большинство воспитанниковъ были сыновья родителей, живущихъ въ Индіи или въ другихъ, не менѣе отдаленныхъ мѣстахъ, откуда они не могли слѣдить за воспитаніемъ своихъ сыновей въ Гастингсѣ. Или же туда опредѣляли своихъ сыновей вдовы, которымъ хотѣлось, чтобы дѣти ихъ получили чуточку повыше воспитаніе, чѣмъ въ коммунальной школѣ—и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это стоило не очень дорого. Другихъ же дѣтей посылали въ эту школу для доказательства того, что ихъ родители или опекуны принадлежатъ къ хорошему обществу.

Начальникъ школы былъ худой, высокій человѣкъ, очень раздражительный вслѣдствіе своего желудочнаго страданія. На до-

щечкѣ, прибитой къ дверямъ, значилось золотыми буквами: „Джорджъ Гарденъ Вудроу, д-ръ естественныхъ наукъ“, — что доказывало, что онъ заплатилъ нѣсколько гиней за какой-то дипломъ. Школьная комната съ бѣлыми выштукатуренными стѣнами, старыми скамьями и потертой классной доской имѣла очень унылый видъ. На одной стѣнѣ висѣли двѣ желтыя устарѣвшія карты — одна Африки, другая Вильтшайра — онъ досталъ ихъ гдѣ-то на распродажѣ за дешевую цѣну. Въ его собственномъ кабинетѣ были еще другія карты и глобусы, но ихъ никто изъ учениковъ никогда не видалъ. А въ стеклянномъ шкафу въ корридорѣ стояло на нѣсколько шиллинговъ трубочекъ и химическихъ препаратовъ, треножникъ, стеклянная реторта и испорченная Бунзенова горѣлка — въ доказательство того, что „лабораторія“, упомянутая въ объявленіи, дѣйствительно существуетъ.

Въ этомъ объявленіи, написанномъ очень широковѣщательно, но несовсѣмъ правильнымъ англійскимъ языкомъ, говорилось, что школа даетъ главнымъ образомъ солидную подготовку для коммерческой дѣятельности, но смутно намекалось и на подготовленіе къ военной, флотской и статской государственной службѣ. Упоминалось также въ очень туманныхъ выраженіяхъ объ успѣхахъ учениковъ школы на разныхъ конкурсныхъ экзаменахъ, причемъ, однако, Вудроу заявлялъ, что онъ — противъ „натаскиванія“. Затѣмъ слѣдовало заявленіе о томъ, что въ число предметовъ преподаванія входятъ „искусство, новые языки, техника и естественныя науки“. Большое вниманіе удѣлялось, судя по объявленію, развитію нравственныхъ принциповъ и религіозному преподаванію, „которое теперь въ загонѣ даже въ школахъ, пользующихся громкой репутаціей“. — „Вотъ это непремѣнно подѣйствуетъ“, — подумалъ м-ръ Вудроу, составляя объявленіе, и дѣйствительно, въ соединеніи съ аристократической формой шляпъ, заботы о религіи привлекали многихъ. Въ объявленіи обращалось вниманіе также на „материнскія попеченія“ объ ученикахъ м-ссъ Вудроу; въ дѣйствительности же это была увядшая женщина съ грустнымъ лицомъ; она была такъ возвышенна, что презирала заботы о ѣдѣ. Объявленіе заканчивалось намѣренно-туманной фразой: „Ѣда въ неограниченномъ количествѣ и собственное молоко и продукты“.

Въ воспоминаніяхъ Киппса объ этой школѣ преобладало впечатлѣніе затхлости, полнаго хаоса въ ученьи и скучнаго долбленія непонятныхъ правилъ. Онъ вспоминалъ книги въ разорванныхъ переплетахъ, чернильныя пятна повсюду, потертыя грифельныя доски, игру въ бабки, пинки и удары, мелкія придирки,

несправедливые выговоры и наказанія, когда м-ръ Вудроу былъ не въ духѣ. Ученіе заключалось главнымъ образомъ въ заучиваніи географическихъ названій, причемъ иногда Вудроу въ припадкѣ энергіи настаивалъ на томъ, чтобы отыскивать всѣ эти мѣста на картѣ. А одинъ разъ—только одинъ единственный—состоялся урокъ химіи, приведшій всѣхъ въ неописуемое волненіе: показывали стеклянные сосуды необыкновенной формы, распространился запахъ гнилыхъ яицъ, что-то въ чемъ-то кипѣло, потомъ лопнуло. М-ръ Вудроу произнесъ совершенно отчетливо,—они всѣ это припоминали потомъ въ дортуарѣ:—„Чортъ его побери!“ Послѣ этого онъ былъ еще болѣе строгъ съ учениками на слѣдующемъ урокѣ.

Но среди воспоминаній о тусклыхъ школьныхъ дняхъ были и яркія пятна—воспоминаніе о каникулахъ, когда Киппсъ проводилъ почти все время съ Сидомъ Порникомъ, несмотря на продолжавшуюся ссору между ихъ родителями. Это бывала пора „разбойничьихъ набѣговъ“ вдоль берега, осады воображаемыхъ крѣпостей, приключеній, связанныхъ съ вѣтряными мельницами, экскурсій къ далекому маяку. Мальчики чувствовали себя совершенно отдѣленными отъ дѣйствительности, мысленно преображаясь въ вооруженныхъ разбойниковъ съ той минуты, какъ уходили изъ дому. Небо въ эти дни было или сіяющее, лѣтнее, или покрытое грозными тучами во время весеннихъ и осеннихъ бурь, но всегда одинаково сулило радость маленькимъ „искателямъ приключеній“. А какая радость была купаться въ морѣ—тетя не позволяла этого, но ее можно было и не слушаться,—какъ вкусно было ѣсть взятый съ собой—съ разрѣшенія тети—холодный обѣдъ! А въ перспективѣ, вмѣсто мелкихъ придирокъ м-ра Вудроу, предстояло возвращеніе домой, къ тетѣ, очень доброй, несмотря на свое вѣчное командованіе. Она хоть и заставляла его каждое воскресенье читать катехизисъ, но кормила превкусными обѣдами и ужинами. И дядя въ концѣ концовъ былъ тоже ничего. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но при своей толщинѣ не любилъ трогаться съ мѣста, и потому отъ него всегда легко было удрать.

Но главная прелесть каникулъ была свобода; это больше всего отличало ихъ отъ школьныхъ будней. Потомъ Киппсъ съ нѣжностью, почти со слезами вспоминалъ объ этой порѣ дѣтства, въ которой было столько свободы, столько простора, а также красоты, которой онъ тогда не сознавалъ.

Самымъ яркимъ и свѣтлымъ было послѣднее изъ воспоминаній дѣтства—и въ центрѣ его былъ образъ маленькой дѣвочки:

въ послѣднія каникулы передъ тѣмъ, какъ Киппсъ поступилъ въ большой магазинъ для практическаго обученія торговому дѣлу, онъ сдѣлалъ нѣсколько робкихъ шаговъ къ таинственному алтарю любви. Шаги были очень робкіе, потому что Киппсъ отъ природы былъ сдержанъ и чувства его оставались большей частью въ состояніи невысказываемыхъ порывовъ. Предметомъ его первыхъ сердечныхъ переживаній была та Анни Порникъ, у которой онъ и Сидъ сломали куклу въ раннемъ дѣтствѣ.

III.

Переговоры о поступленіи Киппса ученикомъ въ магазинъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ уже начались и соглашеніе уже состоялось, когда Киппсъ впервые замѣтилъ особый блескъ въ глазахъ Анни Порникъ. Занятія въ гастингской „академіи“ кончились навсегда, и сознаніе, что онъ уже никогда больше не будетъ ходить въ школу, преисполняло радостью сердце Киппса. Въ послѣдній день, какъ полагалось по традиціи, онъ „уплатилъ долгъ чести“, т.-е. отколотилъ всѣхъ своихъ школьныхъ враговъ, роздалъ неисписанныя тетрадки, книги, коллекцію бабокъ и свою форменную шляпу тѣмъ изъ мальчиковъ, съ которыми дружилъ, написалъ въ нѣсколько альбомовъ: „Помни Артура Киппса“, тайкомъ вырѣзалъ свое имя на стѣнѣ спальни и разбилъ окно въ кладовой. Онъ часто говорилъ товарищамъ, что будетъ капитаномъ, и даже самъ этому вѣрилъ. Но теперь онъ вернулся домой, и всякая мысль о дальнѣйшемъ ученіи, для поступленія во флотъ или куда бы то ни было, была сразу оставлена.

На слѣдующій день послѣ возвращенія домой, Киппсъ всталъ еще до шести часовъ и вышелъ во дворъ. Было яркое солнечное утро. Онъ принялся свистать особымъ способомъ на трехъ высокихъ нотахъ. Этотъ звукъ почему-то считался у мальчиковъ гастингской школы, а также у Киппса и Сида, подлиннымъ военнымъ кличемъ краснокожихъ. Потомъ Киппсъ принялъ равнодушный видъ, точно не онъ свисталъ, въ виду неладовъ между дядей и Порниками, и сосредоточился на внимательномъ и восторженномъ разглядываніи мусорнаго ящика, къ которому дядя придѣлалъ, за его отсутствіе, новую крышку. Но, конечно, эта слишкомъ наивная хитрость не обманула бы и только-что оперившагося птенца.

Со двора Порниковъ раздался отвѣтный свистъ. Тогда Киппсъ

запѣлъ: „Въ восемь часовъ—тра-ла-ла—въ переулкѣ за церковью, тра-ла-ли". „Тра-ла-ла" и „тра-ла-ли" вставлялось для того, чтобы сдѣлать фразу непонятной для непосвященныхъ. Для большей конспираціи оба пѣвца, исполнивъ дуэтъ, просвистали еще разъ военный кличъ и, издавъ послѣдній, самый высокій звукъ, побѣжали каждый домой, разводить огонь въ кухнѣ и выполнять другія домашнія работы, какъ полагается мальчикамъ, пріѣхавшимъ домой на каникулы.

Въ восемь часовъ Киппсъ сидѣлъ на освѣщенномъ солнцемъ заборѣ въ концѣ длинной улицы, которая вела къ морю. Онъ раскачивалъ ноги и постукивалъ въ тактъ сапогами, изо всѣхъ силъ насвистывая при этомъ какую-то необыкновенно чувствительную мелодію. Вдругъ у стѣны церковнаго кладбища появилась дѣвочка въ коротенькомъ платьѣ; у нея были темно-каштановые волосы, свѣжій розовый цвѣтъ лица и темно-синіе глаза. Она очень выросла и была выше Киппса. Онъ едва узналъ ее— до того она перемѣнилась съ послѣднихъ каникулъ. Впрочемъ, онъ даже не помнилъ, видѣлъ ли онъ ее тогда. Теперь онъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе при ея появленіи. Онъ пересталъ свистать и взглянулъ на нее, но сконфузился и не рѣшился заговорить.

— Онъ не можетъ придти,—сказала Анни, смѣло подходя къ нему.—Онъ занятъ.

— Сидъ не можетъ придти? Это почему?

— Отецъ велѣлъ ему сметать пыль въ лавкѣ. Отецъ сегодня очень сердитый.

— Вотъ тебѣ нà!

Наступило молчаніе. Киппсъ поглядѣлъ на Анни и опять не могъ рѣшиться заговорить. Она первая прервала молчаніе.

— Ты больше не пойдешь въ школу?—спросила она и, получивъ односложный утвердительный отвѣтъ, прибавила:—Сидъ тоже кончилъ ученіе.

Разговоръ не клеился. Анни положила руки на низкій заборъ и стала прыгать, дѣлая гимнастическія упражненія.

— Ты хорошо бѣгаешь въ запуски?—спросила она.

— Недурно. Тебя-то, во всякомъ случаѣ, обгоню.

— Хочешь, попробуемъ?

— Куда бѣжать?—спросилъ Киппсъ.

Анни подумала и указала на дерево, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Киппсъ принялъ вызовъ, великодушно позволилъ дѣвочкѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы уравнять ихъ шансы, и они пустились бѣжать. Они прибѣжали къ дереву оба вмѣстѣ, раскраснѣвшись и едва дыша.

— Я первая!—крикнула Анни, откидывая рукой волосы съ лица.

— Нѣтъ, я выигралъ!—заспорилъ Киппсъ. Они стали препираться, но очень миролюбиво.

— Давай, побѣжимъ еще разъ,—сказалъ Киппсъ.

Они повернули къ забору, чтобы вторично помѣряться силами.

— Ты, однако, молодецъ,—сказалъ по дорогѣ Киппсъ.—Я вѣдь отлично бѣгаю, а ты не отставала.

Анни энергично отряхнула волосы.

— Ты далъ мнѣ нѣсколько шаговъ впередъ,—честно созналась она.

Въ эту минуту они замѣтили приближавшагося къ нимъ Сида.

— Чего ты тутъ застряла?—спросилъ Сидъ, обращаясь къ Анни безцеремоннымъ братскимъ тономъ.—Ужъ полчаса прошло. Комнаты не убраны. Отецъ сердится, и тебѣ достанется отъ него.

Анни повернулась, чтобы идти домой.

— А когда же бѣжать?—спросилъ Киппсъ.

— Что это значитъ?—спросилъ Сидъ съ явнымъ возмущеніемъ.—Неужели ты бѣгалъ съ ней взапуски?

Анни быстро обернулась къ Киппсу, поглядѣла ему въ глаза и быстро побѣжала домой. Киппсъ проводилъ ее глазами, потомъ обернулся къ Сиду.

— Я, конечно, пустилъ ее на много впередъ,—сказалъ онъ, какъ бы извиняясь.—Это вовсе не былъ настоящій бѣгъ взапуски.

Больше ничего не было сказано по этому поводу, но Киппсъ былъ разсѣянъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и что-то тревожное проснулось въ его душѣ.

IV.

Они стали обсуждать вопросъ, какъ двумъ такимъ храбрымъ воинамъ лучше всего использовать ясное лѣтнее утро. Ясно, что путь имъ лежалъ къ морю.

— На берегъ выкинуло вчера потопленный корабль,—сказалъ Сидъ.—Отъ него страшно несетъ гнилью.

— Гнилью?

— Прямо-таки дурно дѣлается. Тамъ прогнившая пшеница.

Они заговорили о всякаго рода остаткахъ послѣ кораблекрушеній, и рѣчь зашла о броненосцахъ, войнахъ и тому по-

добныхъ чисто мужскихъ интересахъ. По дорогѣ къ морю Киппсъ замѣтилъ между прочимъ:

— Знаешь, сестра твоя — молодецъ.

— Да, ничего дѣвчонка,—скромно отвѣтилъ Сидъ и заговорилъ о чемъ-то другомъ, болѣе интересномъ.

На берегу, дѣйствительно, лежали остатки корабля съ прогнившимъ грузомъ пшеницы. Запахъ гнили былъ ужасающій, но мальчикамъ это было на-руку, такъ какъ никто не оспаривалъ у нихъ ихъ добычи. Они захватили ее силой, по предложенію Сида, и имъ, конечно, пришлось тотчасъ же защищать присвоенную собственность отъ несмѣтныхъ полчищъ воображаемыхъ туземцевъ. Они отогнали ихъ, наконецъ, палками и громкими криками. Затѣмъ, по предложенію Сида, они сѣли на завоеванный корабль, отважно двинулись на встрѣчу соединеннымъ силамъ французско-нѣмецкаго и русскаго флота, и разбили всѣхъ на-голову. Послѣ того, уже подплывая къ берегамъ, они потерпѣли кораблекрушеніе въ страшную бурю. Корабль ихъ былъ разбитъ, и они долго носились по волнамъ на уцѣлѣвшихъ его частяхъ.

Всѣ эти великія событія вытѣснили на время Анни изъ памяти Киппса. Но послѣ того какъ они уже долго носились по волнамъ безъ пищи и воды и глядѣли вдаль блуждающими глазами, тщетно высматривая какое-нибудь приближающеся судно, образъ дѣвочки снова мелькнулъ въ памяти одного изъ погибающихъ моряковъ.

— Недурно, однако, имѣть сестру,—сказалъ Киппсъ.

Сидъ повернулся къ нему, задумался, потомъ сплюнулъ въ сторону особымъ образомъ, какъ дѣлаютъ настоящіе моряки, жующіе табакъ, и сказалъ:

— Вздоръ! Сестры—неинтересный народъ. Вотъ барышни, это—дѣло другое.

— А сестры развѣ не барышни?

— Нѣ-ѣтъ,—сказалъ Сидъ съ невыразимымъ презрѣніемъ.— Впрочемъ, конечно, я не подумалъ. А скажи,—прибавилъ онъ, опять сплюнувъ, какъ морякъ,—ты еще ни за кѣмъ не ухаживалъ?

Киппсъ долженъ былъ сознаться, что нѣтъ, и почувствовалъ огромное превосходство Сида, очевидно уже опытнаго въ этомъ отношеніи.

— Знаешь, за кѣмъ я ухаживаю?—спросилъ Сидъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, почувствовалъ сильное желаніе подѣлиться съ другомъ своей тайной, которой онъ очень гордился. Взявъ съ Киппса торжественное обѣщаніе хранить его призна-

ніе въ секретѣ, — Киппсъ поклялся „молчать до могилы", — онъ разсказалъ, что влюбленъ въ Модъ Чартерисъ, восемнадцатилѣтнюю дочь священника изъ Сентъ-Бавона. Кромѣ всѣхъ другихъ очарованій, у нея былъ еще велосипедъ. Лицо Киппса изобразило величайшее преклоненіе передъ Сидомъ, и онъ даже позволилъ себѣ усомниться въ томъ, что это дѣйствительно истина.

— А... она... знаетъ о твоей любви?—спросилъ онъ, глядя ему изумленно въ лицо и видя передъ собой какой-то новый міръ.

Сидъ густо покраснѣлъ, и лицо его сдѣлалось строгимъ, почти суровымъ.

— Я готовъ умереть за эту дѣвушку,—сказалъ онъ.—Я бы исполнилъ все, что бы она ни потребовала отъ меня,—сказалъ Сидъ.—Все, что угодно. Скажи она, чтобы я бросился въ море, я бы бросился.—И взглянувъ Киппсу прямо въ глаза, онъ повторилъ:—Да, бросился бы.

Они оба замолчали, задумались, и потомъ Сидъ снова заговорилъ о любви. Киппсъ самъ тоже уже думалъ о любви, но ни съ кѣмъ еще не дѣлился своими мыслями. Многія стороны жизни открылись ему подъ кровомъ м-ра Вудроу, но о любви онъ тамъ ничего не узналъ. А Сидъ былъ мальчикъ съ горячимъ сердцемъ и радъ былъ теперь поговорить о своихъ чувствахъ съ другомъ, видимо понимавшимъ его порывы. Онъ вынулъ изъ кармана и показалъ Киппсу книгу—повѣсть, которая, очевидно, содѣйствовала пробужденію его сердечной жизни. Онъ далъ книжку Киппсу, обративъ его вниманіе на то, что герой повѣсти, нѣкій баронъ, удивительно какъ похожъ на него, Сида, по многимъ чертамъ характера. Баронъ этотъ былъ человѣкъ съ вулканическими страстями, которыя онъ скрывалъ подъ маской „ледяного цинизма". Самое бо̀льшее, что̀ онъ себѣ позволялъ, когда въ сердцѣ его бушевали страсти, это—скрежетать зубами, и Киппсъ, дѣйствительно, замѣтилъ теперь, что Сидъ тоже, отъ времени до времени, скрежещетъ зубами. Они прочли вмѣстѣ нѣсколько страницъ, потомъ Сидъ снова заговорилъ о любви. Любовь онъ понималъ какъ нѣчто чрезвычайно возвышенное, состоящее изъ жажды подвиговъ, но въ то время какъ онъ говорилъ туманныя слова, Киппсъ представлялъ себѣ личико дѣвочки съ раскраснѣвшимся лицомъ и откинутыми назадъ волосами.

Такъ они готовились къ жизни, сидя на почернѣвшихъ доскахъ разбитаго корабля, на которомъ люди жили и умерли; такъ, глядя на море, они говорили о другомъ морѣ, по которому имъ предстояло ско̀ро начать плаваніе.

Сидъ пересталъ говорить и снова принялся читать. Но Киппсъ

не умѣлъ читать такъ скоро, какъ онъ, и не хотѣлъ сознаться, что уступаетъ въ бѣглости чтенія Сиду, который учился въ коммунальной школѣ. Онъ, поэтому, бросилъ читать и сталъ мечтать вслухъ.

— Я бы тоже хотѣлъ ухаживать за кѣмъ-нибудь—имѣть подругу, съ которой можно говорить и все такое...

Они увидѣли въ это время плывущій по водѣ мѣшокъ, и это отвлекло наконецъ ихъ мысли отъ таинственнаго вопроса о любви. Они стали бомбардировать мѣшокъ камнями и вытащили его искусными маневрами на берегъ, увѣренные, что въ ихъ рукахъ теперь ключъ къ какой-то романтичной тайнѣ. Но въ мѣшкѣ оказалась мертвая кошка. Наконецъ они почувствовали голодъ и направились домой обѣдать. Весь обратный путь они шли молча, погруженные каждый въ свои мысли.

V.

Воображеніе Киппса сильно разгорѣлось отъ разговоровъ про любовь, и когда послѣ обѣда онъ встрѣтилъ Анни Порникъ на улицѣ, онъ совсѣмъ иначе поздоровался съ нею, чѣмъ при прежнихъ встрѣчахъ. Пройдя дальше, и она, и онъ обернулись назадъ и поймали на этомъ другъ друга. Киппсу очень захотѣлось, чтобы Анни была его подругой.

Потомъ вниманіе его было отвлечено локомобилемъ, который провозили по улицѣ, а послѣ того онъ ужиналъ съ аппетитомъ. Но когда онъ легъ спать, то чувство опять нахлынуло на него волной, и онъ тихо прошепталъ про себя:

— Я люблю Анни Порникъ!

Ему снилось, что онъ бѣгаетъ взапуски съ Анни, что они сидятъ вмѣстѣ на разбитомъ кораблѣ и что волосы падаютъ ей на лицо. Такъ они все сидятъ на разбитомъ кораблѣ, потомъ бѣгаютъ взапуски и очень, очень любятъ другъ друга. И ѣдятъ они только шоколадъ, финики и жареныя рыбки — такія, какъ тетя дала къ ужину.

На слѣдующее утро Киппсъ услышалъ пѣніе Анни изъ кухни Порниковъ, и рѣшилъ признаться ей въ своихъ чувствахъ. Подъ вечеръ того же дня, онъ встрѣтилъ ее у церкви, и хотѣлъ сказать ей очень много, но почему-то не рѣшался. Вмѣсто разговоровъ, они побѣжали вмѣстѣ, ловя жуковъ, и опять добѣжали до своего забора въ концѣ улицы. Анни сѣла на заборъ. Лицо ея раскраснѣлось и глаза блестѣли. Наступило молчаніе, и Киппсъ

почувствовалъ, что теперь непремѣнно долженъ сказать ей о своей любви.

— Анни, — сказалъ онъ, — я люблю тебя. Хочешь быть моей подругой?..

Анни не представилась удивленной. Она только задумалась на минутку, глядя Киппсу въ лицо, и сказала:

— Хорошо, Арти. Я согласна.

— Чудесно! — сказалъ Киппсъ, едва дыша отъ волненія. — Значитъ, рѣшено?

— Да, — сказала Анни.

Что-то странное какъ бы стало между ними въ эту минуту, и они не могли уже свободно взглянуть другъ другу въ лицо.

— Посмотри, что за прелесть! — вдругъ вскрикнула Анни, вскочила и кинулась за жукомъ, который прожужжалъ у самаго ея лица. Они оба снова превратились въ дѣтей...

Ихъ новыя отношенія очень стѣсняли ихъ сначала; въ теченіе нѣсколькихъ дней они не упоминали о нихъ, хотя встрѣчались по два раза въ день. Оба чувствовали, что оставалось еще что-то невыполненное, безъ чего ихъ соглашеніе не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Но какой теперь нужно было сдѣлать шагъ, они въ точности не могли рѣшить. Киппсъ говорилъ ей обо всемъ, что ему приходило въ голову, и разсказывалъ главнымъ образомъ о томъ, что поступаетъ ученикомъ въ магазинъ въ Фолькстонѣ, что ему сшили, въ виду этого событія, два новыхъ костюма. Говоря обо всемъ этомъ, онъ думалъ, однако, о другомъ, и когда оставался одинъ, то становился въ мысляхъ очень предпріимчивъ. Онъ понялъ, что слѣдовало бы теперь взять Анни за руку и подержать ея руку въ своей; въ повѣсти, которую Сидъ давалъ ему читать, тоже говорилось о подобныхъ проявленіяхъ чувствъ.

Но потомъ онъ напалъ на нѣчто лучшее, вычитанное имъ подъ заглавіемъ „Знаки любви“ въ какомъ-то случайно попавшемся ему нумерѣ газеты. Тамъ говорилось о сломанной на-двое шестипенсовой монетѣ. На это какъ-разъ у него хватало смѣлости. Онъ досталъ у тети ея лучшія ножницы, вытащилъ шестипенсовую серебряную монетку изъ копилки и искалѣчилъ себѣ пальцы, стараясь разрѣзать монету пополамъ. Сдѣлать это ему долго не удавалось. Онъ рѣшилъ не говорить Анни, пока ничего не выходило, но все-таки не выдержалъ и сказалъ. Онъ сталъ объяснять ей про сломанную на-двое монету и не могъ не разсказать о своей неудачной попыткѣ.

— Зачѣмъ же ломать?—спросила Анни.—Тогда она не будетъ годиться.

— Это—талисманъ.

— Какъ такъ?

— Половина останется у тебя, половина—у меня, а когда мы разстанемся, ты будешь смотрѣть на свою половинку, а я на свою, и мы будемъ вспоминать другъ о другѣ.

— Вотъ оно что! Такъ знаешь,—сказала она, — дай твою монетку мнѣ. Я знаю, гдѣ у отца лежитъ пила, и я распилю.

Киппсъ передалъ ей монету—и опять наступило молчаніе. Разглядывая монету вдвоемъ, онъ наклонилъ свое лицо къ лицу Анни, и вдругъ ему захотѣлось сдѣлать слѣдующій шагъ въ таинственный міръ любви.

— Анни,—сказалъ онъ, и самъ ужаснулся своей смѣлости,— Анни, я люблю тебя и готовъ ради тебя на все на свѣтѣ.

Она ничего не отвѣтила, но, повидимому, не разсердилась. Онъ подошелъ еще ближе къ ней, и его плечо коснулось ея плеча.

— Анни,—тихо сказалъ онъ,—позволь мнѣ поцѣловать тебя.

Киппсъ сказалъ это такъ робко, что просьба его показалась чѣмъ-то неисполнимымъ. Анни какъ-то почувствовала себя неподготовленной къ поцѣлую.

— Цѣловаться глупо,—сказала она; когда Киппсъ обнаружилъ запоздавшую предпріимчивость, она отбѣжала отъ него. Онъ попробовалъ ее убѣждать, говоря, что если она его подруга, то онъ долженъ имѣть право поцѣловать ее, но она продолжала утверждать, что цѣловаться глупо. Они направились домой, чувствуя нѣкоторое отчужденіе. На главную улицу они пришли и не вмѣстѣ, и все-таки не врозь. Они не обмѣнялись поцѣлуемъ, но грѣхъ поцѣлуя какъ будто бы былъ на ихъ совѣсти. Когда Киппсъ увидѣлъ издали у дверей лавки могучую фигуру дяди, онъ замедлилъ шаги, и разстояніе между нимъ и Анни увеличилось. Надъ лавкой Порниковъ открыто было окно, и у него показалась м-ссъ Порникъ; она высунула голову, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Киппсъ принялъ совершенно равнодушный видъ. Наконецъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ дядей.

— Гдѣ это ты былъ, Арти?

— Гулялъ, дядя.

— Не съ этой вѣдь Порниковской дѣвчонкой?—спросилъ дядя, указывая трубкой на Анни.

— Нѣтъ,—очень тихо сказалъ мальчикъ.

— Иди домой.

Старикъ Киппсъ посторонился, мальчикъ быстро шмыгнулъ мимо него и исчезъ въ темнотѣ лавки. Затѣмъ старый Киппсъ принялся зажигать керосиновую лампу. Онъ всегда дѣлалъ это самъ для того, чтобы не было запаха керосина и копоти. Но старанія его были напрасны: лампа все-таки коптила.

Киппсу не хотѣлось оставаться въ комнатѣ съ теткой, и онъ поспѣшилъ къ себѣ на верхъ.—„Порниковская дѣвчонка",—сказалъ дядя. Киппсу казалось, что произошла истинная катастрофа. Тѣмъ, что онъ сказалъ „нѣтъ", онъ какъ бы сталъ самъ на сторону дяди и навсегда разлучился съ Анни. За ужиномъ у него былъ такой разстроенный видъ, что тетя спросила, здоровъ ли онъ, и только изъ боязни передъ леченіемъ и лекарствами онъ пересилилъ себя и притворился, напротивъ того, необыкновенно веселымъ.

Онъ долго потомъ лежалъ въ постели и не могъ заснуть, увѣренный, что все погибло, потому что Анни не позволила ему поцѣловать себя и потому что дядя обозвалъ ее „дѣвчонкой". Мальчику казалось, что онъ самъ такъ назвалъ ее. Послѣ того Анни на нѣсколько времени совершенно исчезла для него. Прошелъ день, два, три—и онъ ни разу не видалъ ее. Сида онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ; они ходили вмѣстѣ удить рыбу и купаться. Сидъ далъ Киппсу читать еще два романа, но они ни разу не говорили за это время о любви. Киппсу все хотѣлось заговорить съ Сидомъ объ Анни, но онъ не рѣшался. Онъ увидѣлъ ее въ воскресенье вечеромъ; она шла въ методистскую часовню и была необыкновенно красива въ своемъ праздничномъ платьицѣ; но она сдѣлала видъ, что не видитъ его, такъ какъ была съ матерью. Онъ же рѣшилъ, что она нарочно отвернулась и никогда больше не будетъ разговаривать съ нимъ. Конечно, развѣ она могла простить, что ее обозвали „дѣвчонкой"!.. Онъ предался полному отчаянію и пересталъ даже ходить въ мѣста, гдѣ могъ бы встрѣтить ее...

Конецъ наступилъ съ ошеломляющей неожиданностью.

М-ръ Шальфордъ, хозяинъ большого магазина мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ въ Фолькстонѣ — къ нему Киппсъ долженъ былъ поступить въ ученики—выразилъ желаніе взять мальчика сейчасъ же и ознакомить его съ работой до начала осенняго сезона. Только наканунѣ отъѣзда Киппсъ ясно понялъ, что вещи его сложены и что онъ дѣйствительно долженъ уѣхать. Его охватило лихорадочное желаніе хоть одинъ разъ еще повидать Анни. Онъ вышелъ подъ какимъ-то глупымъ предлогомъ изъ дому, прошелъ нѣсколько разъ по улицѣ, уже безъ

всякаго предлога, и сталъ прямо глядѣть въ окна Порниковъ. Анни все не показывалась. Онъ сталъ приходить въ отчаяніе. Прошло съ полчаса, и на улицу вышелъ Сидъ.

— Это ты?—сказалъ Киппсъ.—Знаешь, я уѣзжаю.

— На мѣсто?

— Да.

Наступило молчаніе.

— Послушай, Сидъ,—рѣшился, наконецъ, сказать Киппсъ,—ты идешь теперь домой?

— Да, прямо домой.

— Ну, такъ, пожалуйста, скажи Анни...

— Что̀ сказать?

— Она ужъ будетъ знать.

Сидъ обѣщалъ, но Анни все-таки не вышла. Наконецъ показался дилижансъ, идущій въ Фолькстонъ, и Киппсъ долженъ былъ собраться въ путь. Тетка вышла провожать его; дядя помогъ ему вынести сундучокъ и чемоданъ. Киппсъ украдкой опять поглядѣлъ въ окна къ Порникамъ—Анни все не было видно. Она оставалась непреклонной въ своей жестокости. Кучеръ натянулъ возжи, и копыта лошадей уже застучали по мостовой. Нѣтъ, она не вышла попрощаться. Дилижансъ уже двинулся, и старикъ Киппсъ пошелъ назадъ въ лавку. Киппсъ смотрѣлъ въ пространство, стараясь себя увѣрить, что ему все равно. Вдругъ раздался звукъ быстро открывающейся двери, изъ лавки Порника выбѣжала маленькая фигурка въ розовомъ платьицѣ и бросилась догонять дилижансъ. При видѣ ея сердце Киппса усиленно забилось, но онъ не сразу показалъ, что узналъ ее.

— Арти,—крикнула она, запыхавшись,—Арти, вотъ, вотъ!

Дилижансъ уже ускорилъ движеніе; она оставалась позади, какъ вдругъ Киппсъ понялъ, о чемъ ему кричитъ Анни. Онъ заволновался, собралъ всю свою храбрость и сталъ просить кучера остановиться на одну минуту. Кучеръ заворчалъ, но все-таки исполнилъ его просьбу; дилижансъ остановился, и Анни подбѣжала къ нему. Она вскочила на колесо. Киппсъ увидѣлъ, что лицо у нея какое-то особенное—рѣшительное и серьезное. Онъ только на минуту встрѣтился съ ея взглядомъ, когда взялъ ее за руку. Онъ не умѣлъ читать во взглядахъ. Что-то было передано изъ руки въ руку такъ быстро, что кучеръ, который слѣдилъ за ними, ничего не увидѣлъ. Киппсъ не могъ выговорить ни слова отъ волненія, а она только сказала:—„Я это сдѣлала сегодня утромъ“.—Потомъ она спрыгнула, и дилижансъ поѣхалъ дальше.

Прошло секундъ десять, прежде чѣмъ Киппсъ опомнился.

Тогда только онъ вскочилъ съ мѣста и, размахивая своей новой шляпой, крикнулъ хриплымъ отъ волненія голосомъ:

— Прощай, Анни, не забывай меня!

Она долго глядѣла ему въ слѣдъ и махала рукой. Наконецъ, когда она исчезла изъ виду, онъ сѣлъ и поспѣшилъ прежде всего спрятать зажатую въ рукѣ монету въ карманъ панталонъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на кучера, чтобы судить, видѣлъ ли онъ что-нибудь. Потомъ онъ крѣпко задумался, и рѣшилъ, что когда онъ на Рождествѣ пріѣдетъ въ Нью-Ромнэ, то во что бы то ни стало поцѣлуетъ Анни. Тогда все будетъ чудесно, и онъ будетъ совершенно счастливъ.

VI.

Когда Киппсъ уѣхалъ изъ Нью-Ромнэ съ багажемъ, состоявшимъ изъ желтаго жестяного сундучка, маленькаго чемодана и новаго дождевого зонтика, и съ распиленной на-двое шестипенсовой монетой на память о своей подругѣ, ему было четырнадцать лѣтъ. Онъ былъ худощавый мальчикъ съ мелкими чертами лица и свѣтлыми глазами, которые иногда, впрочемъ, казались очень темными. Школьное воспитаніе внесло только полную путаницу въ его мышленіе, сдѣлало его конфузливымъ и скрытнымъ; онъ даже говорилъ невнятно отъ дикости. По опредѣленію неумолимой судьбы онъ призванъ былъ служить родинѣ на поприщѣ торговли и попалъ для начала въ руки м-ра Шальфорда, собственника „Фолькстонскаго Базара". Въ Англіи все еще принято обучать каждому дѣлу практически, пріучая съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ профессіональной работѣ. Будь Киппсъ нѣмецъ, его бы отдали въ очень дорогую спеціальную школу,—такова нѣмецкая педагогика: онъ бы... но антипатріотическія разсужденія неумѣстны въ повѣсти. Слѣдуетъ только сказать, что м-ръ Шальфордъ далеко не былъ педагогомъ.

Это былъ вспыльчивый и энергичный человѣкъ маленькаго роста, съ руками, сильно обросшими волосами,—онъ ихъ постоянно закладывалъ подъ полы сюртука,—съ сіяющей лысиной во всю голову, съ тонкимъ горбатымъ носомъ и аккуратно подстриженной бородой. Онъ ходилъ легкими увѣренными шагами и всегда напѣвалъ про себя. Онъ отличался большими дѣловыми способностями, сумѣлъ извлечь пользу изъ банкротства, которое потерпѣлъ въ началѣ своей карьеры, потомъ выгодно женился, и теперь его магазинъ былъ самымъ виднымъ въ Фолькстонѣ; онъ занималъ три лавки подъ №№ 3, 5 и 7; на заголовкахъ счетовъ

онъ обозначалъ адресъ № 3—7, и, чтобы поражать прохожихъ размѣрами своего магазина, выкрасилъ фасадъ желтыми и зелеными полосами, видными на далекомъ разстояніи. Принявъ растерявшагося, совершенно подавленнаго Киппса у себя въ кабинетѣ, онъ сейчасъ же сталъ выхваливать свою „систему“ и самого себя. Разсѣвшись съ величественнымъ видомъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ, онъ обратился къ Киппсу съ цѣлой рѣчью:

— Мы надѣемся, молодой человѣкъ,—торжественно началъ онъ,—что вы будете стараться и научитесь служить нашимъ интересамъ.—Для большей важности онъ говорилъ во множественномъ числѣ, отъ лица фирмы.—Наша система—самая лучшая, какую только можно себѣ представить. Я ее составилъ, и потому, конечно, хорошо знаю. Я началъ съ первой ступеньки лѣстницы, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, и знаю каждый шагъ—каждый шагъ. М-ръ Бухъ, который стоитъ вотъ тамъ у конторки, дастъ вамъ табличку съ правилами и обозначеніемъ штрафовъ. Подождите-ка минуту.—М-ръ Шальфордъ сдѣлалъ видъ, что внимательно разглядываетъ запыленный счетъ, который вынулъ изъ-подъ прессъ-папье на столѣ, а Киппсъ стоялъ какъ въ столбнякѣ и смотрѣлъ на лысину своего новаго хозяина.—Двѣ тысячи триста сорокъ семь фунтовъ,—проговорилъ м-ръ Шальфордъ довольно громкимъ шопотомъ, какъ бы забывъ о присутствіи Киппса.—Боже, какіе здѣсь совершаются обороты!

М-ръ Шальфордъ всталъ изъ за-стола и далъ Киппсу понести банку съ чернилами и листъ пропускной бумаги — только какъ знакъ его подчиненности, — такъ какъ никакой надобности въ этихъ предметахъ не было. Потомъ онъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ контору, гдѣ три клерка стали писать съ лихорадочной поспѣшностью какъ только хозяинъ вошелъ въ комнату.

— Бухъ, — сказалъ м-ръ Шальфордъ, — дайте, пожалуйста, таблицу правилъ.

Старичокъ съ очень истомленнымъ лицомъ, державшій въ одной рукѣ линейку, а во рту гусиное перо, протянулъ маленькую книжечку въ зеленой съ желтымъ обложкѣ. Прочтя ее потомъ, Киппсъ убѣдился, что все сводилось въ ней къ чрезвычайно умѣлому назначенію за все штрафовъ. Но онъ не зналъ, какъ ему взять книжку, такъ какъ руки его были заняты и всѣ глядѣли на него. Онъ простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, прежде чѣмъ поставилъ чернильницу на столъ и освободилъ руку.

— Какъ можно быть такимъ неуклюжимъ! — сказалъ м-ръ Шальфордъ, когда Киппсъ наконецъ засунулъ книжечку съ правилами въ карманъ.—У насъ полагается быть проворнымъ. Идемъ,

идемъ.—Онъ приподнялъ полы сюртука, какъ дама подняла бы платье, и повелъ Киппса въ магазинъ. Киппсу показалось, что онъ попалъ въ какой-то лабиринтъ съ безконечнымъ количествомъ конторокъ, множествомъ безукоризненно одѣтыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, имѣвшихъ видъ восточныхъ гурій. Всѣ они, къ ужасу Киппса, оглядывали его. Надъ головами, на протянутыхъ изъ конца въ конецъ прутьяхъ, качались то длинные ряды перчатокъ, то ленты, то дѣтское бѣлье. Молодая женщина маленькаго роста, въ черныхъ полуперчаткахъ, сводила счетъ съ покупательницей и видимо спуталась, почувствовавъ на себѣ орлиный взглядъ хозяина.

Плотный молодой человѣкъ съ лысой головой и круглымъ лицомъ, выражавшимъ большое пониманіе жизни, сосредоточенно и методично разставлялъ всѣ свободные стулья вдоль прилавковъ на совершенно одинаковыхъ разстояніяхъ. Отвлеченный отъ этого дѣла, онъ почтительно отвѣтилъ на нѣсколько совершенно ненужныхъ замѣчаній хозяина, сдѣланныхъ властнымъ наполеоновскимъ тономъ. М-ръ Шальфордъ сказалъ Киппсу, что имя молодого человѣка—м-ръ Буггинсъ, и что Киппсъ долженъ исполнять все, что ему прикажетъ м-ръ Буггинсъ.

Повернувъ за уголъ, Киппсъ почувствовалъ запахъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ сталъ запахомъ, сопровождавшимъ жизнь Киппса,—это былъ не сильный, но опредѣленный запахъ манчестерскаго товара. Очень толстый человѣкъ съ большимъ носомъ выскочилъ—буквально, выскочилъ—имъ навстрѣчу и сталъ разворачивать свертокъ матеріи, какъ заведенный автоматъ.

— Каршотъ,—сказалъ м-ръ Шальфордъ,—займитесь этимъ мальчикомъ съ завтрашняго дня. Онъ еще очень неотесанъ. Пріучите его къ дѣлу.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ Каршотъ, оглянулъ Киппса и продолжалъ свою работу съ неутомимымъ рвеніемъ.

— Слушайтесь м-ра Каршота, исполняйте все, что онъ велитъ,—сказалъ Киппсу м-ръ Шальфордъ и пошелъ дальше. Каршотъ сталъ отдуваться съ чувствомъ облегченія.

Они прошли затѣмъ черезъ большую комнату, наполненную никогда невиданными Киппсомъ предметами. Онъ увидѣлъ пышно разряженныя дамскія фигуры, но вмѣсто головъ у нихъ торчали какія-то черныя деревянныя кнопки.

— Комната готовыхъ костюмовъ,—сказалъ Шальфордъ.

Входя туда, они услышали звуки двухъ женскихъ голосовъ, одинъ изъ которыхъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ: „Неужели вы могли подумать, миссъ Мергль, что я способна поступиться

настолько женскимъ достоинствомъ?"... При входѣ ихъ, разговоръ оборвался; за столомъ сидѣли и писали двѣ молодыя барышни. Онѣ были выше ростомъ и красивѣе другихъ продавщицъ и на нихъ были черныя платья съ длинными шлейфами. Киппсу опять было сказано, что онъ долженъ исполнять распоряженія этихъ барышенъ. Итакъ, онъ долженъ былъ слушаться Буха, Буггинса, Каршота и этихъ барышенъ и быть расторопнымъ.

Они спустились затѣмъ въ погребъ, который назывался „складомъ", и Киппсу показалось, что онъ увидалъ дерущихся двухъ мальчиковъ. Но сверху раздался крикъ: — „Эй вы!" — и картина драки испарилась. Киппсъ увидѣлъ совершенно отчетливо двухъ мальчиковъ, которые дѣловито заворачивали свертки. Было совершенно ясно, что они только этимъ и могутъ быть заняты, и что даже нельзя себѣ представить, какъ бы это они дрались. Потомъ м-ръ Шальфордъ провелъ Киппса въ игрушечное и въ галантерейное отдѣленія и объяснилъ ему разныя ухищренія своей „системы", будто бы составляющія необыкновенную экономію времени и труда. Потомъ они прошли во дворъ, и м-ръ Шальфордъ указалъ на три каретки для развоза товаровъ; всѣ онѣ выкрашены были въ желтую и зеленую краски полосами. „Главное—имѣть систему. Всюду одинаковый цвѣтъ — зеленый, желтый",—продолжалъ похваляться Шальфордъ. Всюду были пристегнуты нелѣпыя надписи: „Эта дверь закрывается въ 7.30. Согласно приказу Эдвина Шальфорда". Эти слова не имѣли въ сущности никакого опредѣленнаго смысла, но Шальфордъ любилъ всякаго рода спеціальныя выраженія. Онъ считалъ, напримѣръ, что тайна умѣлаго веденія дѣла заключается, между прочимъ, въ умѣніи сокращать слова въ корреспонденціи, и проявлялъ въ этомъ отношеніи особую виртуозность. Она совершенно ошеломила Киппса, когда хозяинъ знакомилъ его съ своей „системой" въ подробностяхъ. Зато Шальфордъ никогда не жалѣлъ словъ, когда нужно было выказать почтеніе покупателямъ. На счетахъ онъ всегда „имѣлъ честь" предъявить, или, посылая образчики, „выражалъ свое глубокое почтеніе" и т. д. „Система" Шальфорда допускала также постоянныя ошибки на одинъ—два пенса при сведеніи счетовъ съ оптовыми поставщиками. Въ чекахъ, которыми онъ платилъ, онъ тоже, „ради удобства", пропускалъ пенсы.

Шальфордъ особенно гордился своимъ умѣньемъ писать заказы въ лондонскіе оптовые склады и показывалъ Киппсу письма съ сокращенными словами, которыхъ мальчикъ никакъ не могъ разобрать. Шальфордъ самодовольно смѣялся надъ его недогад-

ливостью, но объясненій не давалъ ему:—зачѣмъ сразу облегчать обученіе дѣлу!

— Ай-ай-ай! — говорилъ онъ только.—Жаль, что вамъ въ школѣ не даютъ коммерческой подготовки, а учатъ всякой книжной ерундѣ. Нужно будетъ теперь это наверстать, молодой человѣкъ, а то вы никогда не сумѣете писать заказы въ Лондонъ. А теперь наклейте-ка марки и отправьте письма. Только наклейте какъ слѣдуетъ и старайтесь воспользоваться случаемъ поучиться дѣлу у меня. Хорошо, что дядя и тетя опредѣлили васъ сюда. А то что̀ бы изъ васъ вышло?

Киппсъ, усталый и голодный, принимался съ яростью приклеивать марки.

VII.

Обязательства, которыя взялъ на себя Киппсъ, поступая къ м-ру Шальфорду, были тяжелыя: они устанавливали родительскую власть хозяина надъ ученикомъ и отдавали Киппса на семь лѣтъ въ полную собственность м-ру Шальфорду. Взамѣнъ этого даны были какія-то туманныя обѣщанія научить мальчика всѣмъ тайнамъ торговаго дѣла; но такъ какъ эти обязательства не были обезпечены никакими неустойками, то м-ръ Шальфордъ, какъ практическій дѣлецъ, считалъ ихъ пустыми словами и рѣшилъ вытянуть изъ Киппса какъ можно больше пользы и дать ему за это какъ можно меньше въ теченіе семи лѣтъ пребыванія Киппса въ его домѣ. То, что̀ онъ давалъ Киппсу, состояло главнымъ образомъ изъ хлѣба и маргарина, настойки изъ цикорія и изъ чайной пыли, солонины по три пенса за фунтъ, картофеля и сильно разбавленнаго водою пива. Но если Киппсъ покупалъ еще что-нибудь самъ въ придачу къ этому, то м-ръ Шальфордъ великодушно предоставлялъ ему возможность варить въ его кухнѣ, въ то время, когда тамъ топилась плита. Киппсу предоставлялось также мѣсто для спанья въ одной комнатѣ съ восемью другими приказчиками. Ему дана была постель, которую можно было — за исключеніемъ очень холодной погоды — болѣе или менѣе согрѣть при помощи пальто, пріобрѣтенныхъ за собственныя деньги простынь и большого количества газетной бумаги. Кромѣ того, Киппса заставили выучить наизусть таблицу штрафовъ, научили его завязывать пакеты, отыскивать товары въ систематически устроенныхъ складахъ м-ра Шальфорда, упираться руками въ прилавокъ и спрашивать:— „Что̀ я могу имѣть честь предложить?“ или „Радъ служить“,— и т. п. Онъ научился раскладывать, скла-

дывать и отмѣривать всякаго рода матеріи, снимать шляпу на улицѣ при встрѣчѣ съ м-ромъ Шальфордомъ и выказывать почтеніе еще множеству другихъ лицъ. Но, конечно, ему ничего не говорили о дѣйствительной стоимости продаваемыхъ въ магазинѣ товаровъ и не давали никакихъ указаній относительно того, какъ покупать товаръ. Никто также не знакомилъ его съ домашнимъ обиходомъ потребителей того, что продавалось въ „Фолькстонскомъ Базарѣ“. Онъ не зналъ, на что употребляется и половина продаваемаго тамъ товара. Матеріи для занавѣсей, кретоны, ситцы, скатерти и всѣ обиходные предметы благоустроеннаго дома, матеріи для дамскихъ платьевъ, подкладки, — на все это отъ начала и до конца своей службы онъ смотрѣлъ какъ на тяжелые тюки, которые нужно было разворачивать, отмѣривать, отрѣзывать, послѣ чего все это исчезало, канувъ въ тотъ таинственный счастливый міръ, гдѣ живетъ покупатель. Сложивъ тюки столоваго бѣлья, тяжелаго какъ свинецъ, онъ шелъ ужинать на клеенчатой скатерти въ освѣщенной газомъ столовой, а потомъ, когда ложился спать, прикрываясь всѣмъ, что только могъ собрать изъ одежды, онъ видѣлъ во снѣ теплыя одѣяла. Это, впрочемъ, давало ему случай вникать отчасти въ философію жизни.

Въ отплату за ту пользу, которую онъ будто бы извлекалъ изъ пребыванія у Шальфорда, Киппсъ работалъ такъ много, что обыкновенно отправлялся спать совершенно измученнымъ, съ распухшими отъ бѣготни ногами. День его начинался въ половинѣ седьмого, когда онъ сходилъ, немытый, въ старой курткѣ, обмотавъ шею шарфомъ, въ магазинъ и, зѣвая, сметалъ пыль съ ящиковъ, снималъ чехлы и протиралъ окна до восьми часовъ. Потомъ онъ въ полчаса кончалъ свой туалетъ, съѣдалъ къ завтраку кусокъ хлѣба съ маргариномъ и выпивалъ чашку цикорія, которую только сторонникъ колоніальной политики могъ бы признать кофеемъ. Послѣ этого онъ спускался въ магазинъ и принимался за дневную работу. Первымъ дѣломъ начиналась бѣготня, тасканіе досокъ, картонокъ и разнаго товара для выставокъ въ окнахъ. Это было дѣломъ Каршота, который, вслѣдствіе своей хронической болѣзни желудка, вѣчно брюзжалъ, какъ бы ни стараться угодить ему. Отъ времени до времени дѣлали перестановку въ окнѣ съ готовыми дамскими костюмами, и тогда Киппсу приходилось носиться черезъ весь магазинъ, изъ костюмнаго отдѣленія къ окнамъ, таская одну за другой дамскія фигуры, которыя онъ хваталъ самымъ безцеремоннымъ образомъ за единственную деревянную ногу. Въ тѣ дни, когда не было уборки оконъ, приходилось носить и поднимать тюки съ товарами и уста-

навливать ихъ въ ряды. Были и другія, еще болѣе трудныя работы: иные товары приходили сложенными, и нужно было дѣлать изъ нихъ свертки, — а многіе изъ нихъ почти не поддавались этому,—или, во всякомъ случаѣ, на это требовалось больше силы, чѣмъ было у Киппса. Иные товары, напротивъ того, принесенные изъ складовъ въ сверткахъ, нужно было развернуть и сложить, и складывать ихъ было очень трудно, и у молодыхъ учениковъ являлось страстное желаніе, чтобы всѣ эти тюки провалились къ чорту. Или же нужно было посылать образцы для новыхъ заказовъ, причемъ Каршотъ изготовлялъ пакеты для отправки съ быстротой фокусника, а Киппсу это давалось гораздо труднѣе. И Каршотъ брюзжалъ и ругался, какъ всегда. У него была къ тому же странная манера ругаться словами, относящимися къ его физическимъ недомоганіямъ:—„Ахъ, ты, сердце и печень, никогда не видалъ такого неповоротливаго мальчишку!“— говорилъ онъ. Часто даже, когда Каршотъ говорилъ съ покупателями, онъ бормоталъ про себя, но достаточно явственно для опытнаго слуха Киппса:—„Ахъ, ты, сердце и печень!“

Бывали блаженныя передышки среди однообразной работы Киппса,—это когда его посылали „подбирать“ что-нибудь, т.-е. восполнять неожиданно изсякшій запасъ пуговицъ, лентъ, тесемокъ и всякаго приклада для шитья платьевъ. Ему давали списокъ, пристегивали къ нему образчики и выпускали его на свободу. Онъ могъ радоваться солнцу и принимать участіе въ жизни улицы до тѣхъ поръ, пока самъ не считалъ нужнымъ вернуться и держать отвѣтъ за долгую отлучку.

Во время этихъ хожденій „по дѣламъ службы“ Киппсъ дѣлалъ замѣчательныя топографическія открытія; напримѣръ, онъ убѣдился, что самый лучшій путь изъ оптоваго склада м-ра Адольфа Дэвиса въ складъ Плумера, Редиса и К° — два главныхъ мѣста, куда его посылали, — вовсе не тотъ, какъ обыкновенно думаютъ, т.-е. внизъ по Сандгэтъ-Родъ, а напротивъ того, вверхъ по этой улицѣ, затѣмъ вокругъ Вестъ-Терэси, вдоль рѣки до элеватора; тамъ остановиться, посмотрѣть, какъ поднимается элеваторъ (два раза и никакъ не дольше,—а то скверно) затѣмъ обратно по берегу до пристани, тамъ простоять очень недолго, затѣмъ обогнуть кладбище и (уже бѣгомъ)—въ Черчь-Стритъ и домой. Если же погода особенно хороша, то путь ведетъ черезъ Рауноръ-Паркъ мимо пруда, гдѣ мальчики пускаютъ корабли, и гдѣ очень интересно наблюдать лебедей.

Когда онъ возвращался въ магазинъ, то уже заставалъ обыкновенно множество покупателей. Сейчасъ же нужно было при-

служивать старшимъ, носить свертки и счета по лавкѣ, убирать матеріи послѣ ухода покупательницъ, держать на рукахъ занавѣси такъ долго, что руки начинали ныть и—это было едва ли не самое трудное—стоять безъ дѣла и не глядѣть при этомъ въ лицо покупателямъ. Киппсъ тогда или мучительно скучалъ, или же уносился мыслями далеко-далеко, мысленно сражался съ врагами отечества или управлялъ фантастическимъ кораблемъ и велъ его въ невѣдомыя воды. И только окрикъ кого-нибудь изъ старшихъ:—„Эй, Киппсъ, возьми-ка это (ахъ, ты, сердце и печень)!" —призывали его къ дѣйствительности.

Въ половинѣ восьмого—изрѣдка, впрочемъ, и позже—начиналось быстрое запираніе магазина, и когда опускались послѣднія ставни, Киппсъ бросался, какъ изъ лука стрѣлы, набрасывать чехлы на разложенные товары, на прилавки, потомъ посыпалъ полъ мокрыми отрубями и выметалъ его.

Иногда публика не уходила еще довольно долго послѣ закрытія магазина. — „У Шальфорда въ магазинѣ не замѣчаешь, какъ проходитъ время", — говорили дамы, а пока онѣ болтали, запрещено было надѣвать чехлы и вообще принимать мѣры къ завершенію рабочаго дня. Нужно было ждать, пока всѣ уйдутъ. Киппсъ глядѣлъ на позднихъ покупательницъ откуда-нибудь изъ-за угла и мысленно насылалъ на нихъ разныя напасти. Обыкновенно все-таки немногимъ позже девяти онъ могъ идти ѣсть ужинъ, состоявшій изъ хлѣба, сыра и разбавленнаго водой пива; послѣ этого остатокъ дня былъ въ его полномъ распоряженіи: онъ могъ пользоваться имъ для чтенія, развлеченій и развитія своихъ умственныхъ способностей... Входная дверь закрывалась въ половинѣ одиннадцатаго, а газъ въ спальняхъ тушился въ одиннадцать.

VIII.

По воскресеньямъ ему полагалось ходить въ церковь одинъ разъ, но обыкновенно онъ ходилъ два раза, такъ какъ другого занятія у него не было. Онъ садился на какое-нибудь свободное мѣсто позади: участвовать въ пѣніи онъ не рѣшался и не умѣлъ слѣдить за богослуженіемъ по молитвеннику, проповѣдь же онъ большей частью не слушалъ. Но ему все-таки казалось, что легче жить, если ходишь въ церковь. Тетя уговаривала его готовиться къ конфирмаціи, но онъ все откладывалъ это.

Въ промежуткѣ между церковными службами онъ ходилъ по Фолькстону и точно искалъ чего-то. Но по воскресеньямъ въ

Фолькстонѣ было не такъ интересно, какъ въ будни, потому что лавки были закрыты. Пріятно было только гулять по берегу днемъ. Иногда товарищъ Киппса, стоявшій на одну ступень выше его въ іерархіи магазиннаго персонала, оказывалъ ему честь и шелъ гулять вмѣстѣ съ нимъ. Но когда тому оказывалъ честь приказчикъ, стоявшій еще на одну ступень выше, и приглашалъ его идти гулять съ собой, то они не звали Киппса съ собой— онъ не считался достойнымъ ихъ общества, такъ какъ носилъ еще готовое, а не сдѣланное на заказъ платье,—и долженъ былъ гулять въ одиночествѣ.

Иногда онъ уходилъ гулять за городъ, но приходилось спѣшить домой къ обѣду или къ чаю. Чаще всего онъ ходилъ слушать духовную музыку, тратя на билетъ въ концертъ почти весь шиллингъ, который выдавался ему на карманные расходы на цѣлую недѣлю старикомъ Бухомъ. Послѣ ужина онъ до изнеможенія ходилъ взадъ и впередъ по морской эспланадѣ, среди разряженной толпы. Ему такъ бы хотѣлось найти товарища, такого же одинокаго мальчика, но онъ никогда не рѣшался ни съ кѣмъ заговорить и не сводилъ ни съ кѣмъ дружбы. Къ концу дня, въ воскресенье, какъ и въ будни, у него болѣли ноги отъ безконечной ходьбы.

Книгъ онъ не читалъ, во-первыхъ, потому, что ихъ у него не было, а затѣмъ и потому, что м-ръ Вудроу не привилъ ему вкуса къ чтенію. Онъ даже не читалъ газетъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда ему попадался подъ руки какой-нибудь юмористическій листокъ. Его интеллектуальныя удовольствія ограничивались тѣмъ, что онъ восторгался возникавшими иногда за столомъ состязаніями въ остротахъ между Каршотомъ и Буггинсомъ. Ихъ шутки казались Киппсу верхомъ ума и остроумія, и онъ тщательно запоминалъ перлы ихъ юмора, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи, когда онъ сдѣлается такимъ, какъ Буггинсъ, и сможетъ такъ смѣло и увѣренно говорить при другихъ.

Иногда монотонная сѣрость будней прерывалась экстренными событіями,—напримѣръ, распродажей въ томъ или другомъ отдѣленіи. Это связано было съ добавочной работой иногда за полночь, но зато къ ужину появлялась жареная рыба и раздавали по нѣскольку шиллинговъ наградныхъ. И каждый годъ—не то чтобы иногда, а именно каждый годъ—м-ръ Шальфордъ, самъ восхищаясь своимъ великодушіемъ и вспоминая поэтому болѣе суровое время своего ученія,—предоставлялъ Киппсу десять дней каникулъ. Цѣлыхъ десять дней каждый годъ! Сколько бѣдняковъ,—говорилъ онъ,—позавидовали бы счастью Киппса!

Разъ въ годъ составлялся инвентарь, а отъ времени до времени происходила отмѣтка новыми пониженными цѣнами товара, предназначеннаго для дешевой распродажи. Въ эти дни м-ръ Шальфордъ бывалъ на высотѣ своей „системы“ и сбивалъ съ ногъ всѣхъ служащихъ своими отрывистыми, несуразными, противорѣчивыми приказаніями. Каршотъ бѣгалъ по магазину совершенно растерянный, весь вспотѣвъ, поднявъ носъ кверху, не сводя своихъ маленькихъ глазъ съ м-ра Шальфорда, сморщивъ лобъ, шевеля губами и машинально повторяя про себя: „Ахъ, ты, сердце и печень!“—Проворный младшій приказчикъ и старшій ученикъ соперничали другъ съ другомъ въ проворствѣ и услужливости. Младшій приказчикъ мѣтилъ на мѣсто Каршота и, въ виду этого, подслуживался къ Шальфорду съ какимъ-то остервенѣніемъ. Всѣ они командовали Киппсомъ. Киппсъ держалъ наготовѣ пропускную бумагу, чернильницу и коробку съ этикетками, и его ежеминутно гнали то за тѣмъ, то за другимъ. Если онъ оставлялъ чернильницу, когда его посылали за чѣмъ-нибудь, то м-ръ Шальфордъ обыкновенно опрокидывалъ ее; если же онъ уносилъ ее съ собой, то м-ру Шальфорду она бывала нужна до его возвращенія.

— У меня положительно зубы болятъ изъ-за васъ,—заявлялъ м-ръ Шальфордъ.—Я чувствую начало невралгіи. Вы неспособны воспринять „систему“.

Иногда Киппсъ уносилъ съ собой чернильницу; м-ръ Шальфордъ весь багровѣлъ отъ злости, вертѣлъ въ рукахъ высохшее перо и ругался. Каршотъ вторилъ ему и кричалъ; расторопный младшій приказчикъ бѣжалъ по магазину и тоже кричалъ, а старшій ученикъ бросался въ догонку Киппсу и кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Эй, скорѣе, Киппсъ! Торопись же, чортъ возьми! Неси скорѣе чернила!

Въ эти бурные дни въ сердцѣ Киппса закипала безграничная ненависть къ Шальфорду и ко всѣмъ ему подобнымъ. Онъ чувствовалъ, что все, что дѣлается вокругъ него, несправедливо и безсмысленно, но не понималъ причинъ. Если онъ и старался угождать старшимъ, то не изъ чувства долга, а съ цѣлью избавиться хоть отчасти отъ криковъ и ругани. Возмущеніе его еще усиливалось отъ боли въ ногахъ, которая входитъ, какъ неизбѣжный элементъ, въ воспитаніе англійскаго лавочника. Его старшій товарищъ, Минтонъ, юноша съ злымъ лицомъ, курчавыми черными волосами, перекошеннымъ ртомъ и черными, какъ чернила, усами, еще болѣе усиливалъ въ немъ злобу, растравляя его душевную боль своими мрачными предсказаніями.

— Когда человѣкъ состарится, — говорилъ онъ, — его выгоняютъ за негодностью. Сколько бывшихъ приказчиковъ становятся бродягами, нищими, или поступаютъ въ кучера омнибусовъ, лишившись употребленія ногъ!

— Почему же они не заводятъ потомъ собственной торговли?

— Откуда взять деньги? Развѣ приказчикъ можетъ скопить пятьсотъ фунтовъ для собственнаго дѣла? Нѣтъ, приходится служить у другихъ, вертѣться въ колесѣ до самой смерти.

У Минтона была только одна мечта—дать какъ-нибудь здороваго тумака Шальфорду и посмотрѣть, какъ онъ тогда поступитъ „по системѣ".

Эта угроза преисполняла Киппса радостными ожиданіями каждый разъ, когда Шальфордъ отправлялся въ отдѣленіе, гдѣ служилъ Минтонъ. Но, по какимъ-то ему одному извѣстнымъ причинамъ, Шальфордъ никогда не придирался къ Минтону такъ, какъ онъ придирался къ Каршоту; интересный опытъ Минтона такъ и не былъ произведенъ.

IX.

Иногда Киппсъ лежалъ въ постели, когда другіе уже давно спали и храпѣли, и не могъ заснуть, думая о будущемъ, какимъ его изображалъ Минтонъ. Онъ смутно чувствовалъ, что его захватили зубцы безсмысленнаго лавочнаго колеса, что онъ теперь въ чьей-то несокрушимой власти, что у него нѣтъ ни возможности, ни силы уйти отъ нея. Вотъ какая будетъ его жизнь до самаго конца—безъ событій, безъ славы, безъ малѣйшей перемѣны, безъ свободы. Мечты о любви и женитьбѣ казались ему несбыточными. Потомъ наступитъ конецъ: его прогонятъ, и онъ будетъ скитаться въ погонѣ за жалкимъ заработкомъ. Лежа безъ сна, Киппсъ каждую ночь рѣшалъ или убѣжать, или поступить въ солдаты, въ матросы, или же поджечь товарный складъ, или утопиться,—и каждое утро онъ вставалъ въ опредѣленный часъ и торопился внизъ, подъ угрозой штрафа въ шесть пенсовъ за опозданіе. И среди этой сѣрой, тоскливой жизни, въ воображеніи его мелькали иногда просвѣты, окошечки, черезъ которыя виднѣлось счастье, еще болѣе обаятельное тѣмъ, что казалось такимъ далекимъ. Во всѣхъ этихъ „окошечкахъ счастья" онъ видѣлъ маленькую фигурку Анни.

Ея жизнь тоже складывалась печально. Когда Киппсъ, въ

первый разъ послѣ того, какъ его отдали въ кабалу, поѣхалъ домой на Рождество, его рѣшимость поцѣловать Анни еще болѣе укрѣпилась въ немъ. Онъ поспѣшилъ на дворъ и свистнулъ. Отвѣта не послѣдовало. Вдругъ онъ услышалъ голосъ дяди, вышедшаго вслѣдъ за нимъ на дворъ:

— Нечего свистать, Артуръ, — сказалъ дядя громкимъ и яснымъ голосомъ, очевидно, желая, чтобы его услышали на сосѣднемъ дворѣ.—Твоихъ пріятелей нѣтъ. „Она" поступила на мѣсто въ Ашфордъ—подгорничной. Въ наше время это называлось батрачкой, но теперь вѣдь народъ сталъ гордый. Удивительно, какъ это они не говорятъ, что камеристкой. Отъ нихъ и этого можно было ожидать.

— А Сидъ?

— Сида тоже нѣтъ. Поступилъ мальчикомъ въ велосипедный магазинъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Киппсъ, и у него больно-пребольно заныло въ груди. Онъ ничего больше не сказалъ, повернулся и быстро пошелъ домой. А старикъ-Киппсъ, не замѣтивъ его ухода, продолжалъ дѣлать ироническія замѣчанія по адресу Порниковъ.

Киппсъ пришелъ къ себѣ въ комнатку, сѣлъ на кровать и сталъ тупо глядѣть передъ собой. Вотъ и ихъ тоже захватило колесо! Всѣ пойманы. Жизнь превратилась въ нескончаемые будни. Краснокожіе навсегда исчезли, навсегда прошли дни на морскомъ берегу, теплые вечера, золотые закаты, игры въ разбойниковъ. Единственнымъ удовольствіемъ остатка праздничныхъ каникулъ было для Киппса сознаніе, что онъ не у Шальфорда въ магазинѣ. Но дни быстро таяли—и вотъ онъ опять въ прежнемъ колесѣ. Первые дни послѣ побывки дома были самыми тяжелыми. Киппсъ даже иногда рѣшался выражать въ письмахъ домой свои чувства и взгляды на безсмысленность своей работы, на печальное будущее, которое его ожидаетъ. Онъ приводилъ слова Минтона, но м-ссъ Киппсъ спросила его въ отвѣтномъ письмѣ, неужели онъ хочетъ дать право Порникамъ говорить, что изъ него не выйдетъ путный лавочникъ. Возможность такого позора имѣла рѣшающее вліяніе. Нѣтъ, конечно, онъ не дастъ имъ права злорадствовать на его счетъ.

Большой нравственной поддержкой были для Киппса проповѣди новаго священника, недавно прибывшаго изъ колоній. Онъ убѣждалъ исполнять какъ можно старательнѣе и лучше всякую работу, которую судьба давала въ руки. Внимательное чтеніе катехизиса передъ конфирмаціей тоже склоняло Киппса къ смиренію передъ волей Божіей, къ стремленію выполнять „свой

долгъ". Киппсъ начиналъ освоиваться съ своимъ положеніемъ; страданія его утратили первоначальную остроту и трагическій періодъ его молодости закончился. Онъ покорился судьбѣ отчасти подъ вліяніемъ церковныхъ назиданій, а главнымъ образомъ потому, что не видѣлъ выхода.

Первымъ облегченіемъ въ его судьбѣ было то, что ноги его освоились съ постояннымъ стояніемъ и бѣготней, и не такъ болѣли, какъ сначала. А затѣмъ неожиданнымъ подаркомъ судьбы было нѣсколько часовъ свободы по четвергамъ. М-ръ Шальфордъ поддался увѣщанію нѣкоторыхъ своихъ покупателей и присоединился къ „лигѣ сокращенія рабочихъ часовъ". Киппсъ могъ гулять цѣлыми часами, уходить куда угодно. Кромѣ того, пессимистъ Минтонъ, приводившій Киппса въ мрачное настроеніе, закончилъ ученіе и оставилъ магазинъ. Онъ поступилъ въ кавалерійскій полкъ, и его новая, тяжелая, но полная интересныхъ приключеній жизнь закончилась рано въ схваткѣ съ непокорными туземцами въ далекихъ колоніяхъ. Прошло еще немного времени, и Киппсъ уже пересталъ мыть окна по утрамъ. Онъ началъ прислуживать покупателямъ (сначала менѣе важнымъ), занялъ болѣе высокое мѣсто среди служащихъ. У него стали пробиваться усы, и подъ его началомъ были уже три младшихъ ученика, которыми онъ могъ полноправно распоряжаться и помыкать.

Затѣмъ наступила пора другихъ развлеченій, свойственныхъ молодости, и они отвлекли Киппса отъ печальныхъ думъ. Онъ сталъ интересоваться своимъ туалетомъ, поглядывалъ часто въ зеркало и обмѣнивался взглядами съ молодыми продавщицами. Въ вопросахъ туалета его руководителемъ сталъ Пирсъ, старшій приказчикъ, который славился своимъ щегольствомъ. Въ свободное время Киппсъ подолгу совѣщался съ нимъ относительно воротниковъ, галстуковъ, покроя панталонъ, фасона ботинокъ. Киппсъ уже не носилъ, какъ прежде, коротенькую курточку: ему заказали настоящій сюртукъ съ фалдами. Это его очень подбодрило, и онъ купилъ ужъ на собственныя деньги три стоячихъ воротника, для замѣны прежнихъ отложныхъ. Они были очень высокіе—въ три вершка,—выше воротниковъ самого Пирса; у Киппса болѣла отъ нихъ шея и сдѣлался красный рубецъ подъ ушами, но зато онъ чувствовалъ себя одѣтымъ по модѣ и не менѣе изящнымъ, чѣмъ самъ Пирсъ.

Лучшимъ лекарствомъ противъ міровой скорби оказалось то обстоятельство, что на него начали обращать вниманіе молодыя продавщицы. Съ тѣхъ поръ какъ онъ надѣлъ настоящій сюр-

тукъ, онъ уже не казался имъ „противнымъ мальчишкой“, какъ прежде. Прежде онѣ надменно кивали ему головой въ отвѣтъ на его поклонъ и держали его на почтительномъ разстояніи. Теперь же онѣ вдругъ стали находить, что онъ „очень милъ“, и видимо благоволили къ нему. Какъ ни грустно, но необходимо сказать, что его вѣрность Анни не устояла противъ этого перваго испытанія. Конечно, повѣсть вышла бы гораздо болѣе трогательной, еслибы Киппсъ остался вѣренъ своей первой любви. Но это была бы совершенно другого рода повѣсть. Впрочемъ, Киппсъ не измѣнялъ первой любви въ томъ смыслѣ, что не питалъ больше ни къ кому такого глубокаго чувства, которое въ любви къ Анни объединяло для него раскраснѣвшееся личико дѣвочки съ радостью и счастьемъ всей жизни. Но и позднѣйшія привязанности имѣли свою привлекательную сторону.

Первые знаки вниманія выказала ему одна изъ продавщицъ въ отдѣленіи дамскихъ костюмовъ. Она стала заговаривать съ нимъ, давала ему книжки для чтенія и обѣщала заботиться о немъ, какъ старшая сестра. Она разрѣшила ему сопровождать ее въ церковь, стала выказывать заботы о спасеніи его души, замѣтивъ въ немъ пагубное равнодушіе къ церкви, и взяла съ него обѣщаніе „исправиться“. Ея поведеніе подзадорило другую продавщицу, которая рѣшила отбить у нея Киппса. Она тоже принялась кокетничать съ нимъ, но ея пріемы были болѣе свѣтскіе. Она пригласила его на прогулку въ воскресенье, объяснила ему, съ какой стороны долженъ ходить кавалеръ, сопровождая даму, дала ему указанія относительно того, когда какія нужно носить перчатки, и посвящала его въ тайны свѣтскихъ приличій и законовъ. Потомъ соперницы поссорились изъ-за Киппса, и это очень подняло его въ глазахъ всего дамскаго служебнаго персонала. Онъ былъ признанъ достойнымъ предметомъ платонической любви, составляющей главный интересъ жизни во всѣхъ такого рода торговыхъ учрежденіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Киппса пустило корни завѣтное желаніе всякаго молодого англичанина: быть или хоть казаться истиннымъ джентльменомъ, т.-е. идеаломъ внѣшней корректности. Онъ вскорѣ постигъ искусство флирта и нѣсколько позже,—благодаря главнымъ образомъ урокамъ Пирса,—сдѣлался настоящимъ сердцеѣдомъ. Вскорѣ у него объявилась невѣста, а въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ былъ шесть разъ женихомъ и кружилъ головы всѣмъ хорошенькимъ продавщицамъ. Впрочемъ, ухаживанія его были самаго невиннаго свойства, а помолвки вовсе не влекли за собой обязательство жениться. Въ кругу, къ которому принадлежалъ Киппсъ,

служа приказчикомъ въ магазинѣ, помолвки не имѣютъ такого практическаго и связывающаго характера, какъ въ богатой буржуазной средѣ. Барышнямъ пріятно и удобно имѣть жениха,—и Киппсъ очень подходилъ къ роли корректнаго, услужливаго кавалера. Женихъ сопровождаетъ невѣсту въ церковь, ходитъ съ ней гулять, — и это болѣе прилично для барышни, чѣмъ ходить съ постороннимъ ухаживателемъ, какъ горничная въ праздникъ. Таково ужъ чувство гуманности и солидарности между людьми, что въ Англіи барышня, служащая въ магазинѣ, такъ же боится походить въ чемъ-либо на горничную, какъ журналистка—на конторщицу или продавщицу, а дѣвица изъ свѣтскаго общества—на женщину, живущую самостоятельнымъ трудомъ.

Но всѣ романы Киппса, связанные съ его пребываніемъ у м-ра Шальфорда, были очень поверхностные, чуждые всякой глубины. Все сводилось къ удовлетворенію тщеславія, къ соперничеству, къ комплиментамъ. Высшей степенью близости между влюбленными было болѣе продолжительное пожатіе руки, называніе другъ друга изрѣдка по имени. Сидя въ сумеркахъ на берегу съ „невѣстой", Киппсъ иногда рѣшался обнять ее за талію и прижать къ себѣ,—ему казалось тогда, что онъ совершаетъ непомѣрную дерзость. „Владычицы его сердца" мѣнялись, какъ пассажиры въ дилижансѣ. Дилижансъ ѣдетъ по дорогѣ; въ него входятъ и выходятъ проѣзжіе совершенно равнодушно. Но все-таки, конечно, эти романтическія переживанія вносили нѣкоторое разнообразіе въ жизнь Киппса и дѣлали болѣе сноснымъ время его службы въ „Фолькстонскомъ Базарѣ".

X.

Вотъ, напримѣръ, картинка, рисующая его настроенія въ это время.

Ясный воскресный день. Дѣйствіе происходитъ въ тѣнистомъ уголку, въ сторонѣ отъ эспланады на морскомъ берегу. Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Киппсъ разстался съ Анни. На его верхней губѣ пробивается пушокъ; костюмъ его очень франтовской. Воротникъ такъ высокъ, что представляетъ опасность для подбородка; шляпа съ приподнятыми полями, галстукъ подобранъ со вкусомъ, сапоги на пуговицахъ. Онъ постукиваетъ палкой по камешкамъ и глядитъ искоса на Фло Батсъ, молодую кассиршу. На ней великолѣпная блуза и свѣтлая шляпа. Изящество ея костюма показалось бы весьма сомнительнымъ дамѣ

съ утонченнымъ вкусомъ, но Киппсъ увѣренъ, что она одѣта лучше всѣхъ, и очень гордится тѣмъ, что онъ ея признанный ухаживатель и что ему разрѣшается называть ее иногда по имени.

Они разговариваютъ, и Фло все время улыбается. Ея обаяніе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она всегда въ хорошемъ настроеніи духа.

— Вотъ видите, вы все-таки не хотите понять, что̀ я хочу сказать,—говоритъ Киппсъ.

— Что̀ же вы хотите сказать?

— Совсѣмъ не то, что̀ вы думаете.

— Ну, такъ скажите.

— А,—это совсѣмъ другой разговоръ.

Молчаніе. Они многозначительно глядятъ другъ на друга.

— Какой вы, однако, хитрый!—говоритъ Фло.

— Ну, и вы тоже не изъ простушекъ.

— Вотъ какъ. Такъ я, по вашему, хитрая?

— Я этого не говорю, но...

Молчаніе.

— Что̀ „но“?

— Вы... вы—хорошенькая.

— Ахъ, ну васъ!—По тону ея, впрочемъ, нельзя предположить, что она разсердилась.

Она ударяетъ его по рукѣ перчаткой, потомъ вдругъ взгляды ихъ обоихъ останавливаются на кольцѣ, которое она носитъ на пальцѣ. Ея улыбка сразу исчезаетъ. Опять короткое молчаніе. Потомъ глаза ихъ встрѣчаются, и она снова улыбается.

— Хотѣлъ бы я знать...—говоритъ Киппсъ.

— Что̀ бы вы хотѣли знать?

— Откуда у васъ это кольцо?

Она поднимаетъ руку съ кольцомъ и начинаетъ сама его разглядывать.

— Вотъ какъ! вы бы хотѣли знать,—медленно говоритъ она и смѣется еще обольстительнѣе; она довольна собой и тѣмъ, что возбудила ревность Киппса.

— Я собственно догадываюсь,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, вы не можете догадаться.

— Неужели?

— Никоимъ образомъ.

— Дайте хоть взглянуть поближе.

Она позволяетъ. Молчаніе. Потомъ слышится сдержанный крикъ; легкая борьба,—она ударяетъ Киппса по рукаву. Издали

показывается прохожій, и она быстро отдергиваетъ руку; оба молчатъ, пока прохожій не исчезаетъ изъ виду.

XI.

Несмотря на флиртъ и заботы о туалетѣ, Киппсъ вовсе не былъ удовлетворенъ своей жизнью. Его охватывало временами острое недовольство,—онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ чего-то самаго существеннаго. Ему казалось,—почему собственно, онъ самъ не зналъ,—что жизнь его не удалась, безнадежно не удалась. Его начинало мучить сознаніе своей необразованности. Онъ понималъ, что недостаточно еще носить перчатки и умѣть занимать барышенъ его круга, — зналъ, что есть нѣчто другое, болѣе нужное и глубокое, безъ чего нельзя достичь довольства. Прежде всего нужно быть образованнымъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ бездны невѣжества, и завидовалъ людямъ высшаго круга, которые знаютъ все, что̀ нужно, и поэтому никогда не смущаются. Къ нимъ поступила въ магазинъ модистка, говорившая по-французски и по-нѣмецки, и отнеслась къ нему свысока. Онъ мстилъ ей тѣмъ, что дразнилъ ее, говоря при каждой встрѣчѣ: „Parlez vous Francey“, и натравилъ на нее младшаго приказчика съ той же неизмѣнной фразой, но внутренно онъ былъ очень пристыженъ и самолюбіе его страдало.

Онъ старался восполнить самоучкой кое-какіе пробѣлы, купилъ нѣсколько книжекъ,—Шекспира, Бэкона, стихи Геррика,—но чтеніе не давалось ему. Онъ не сомнѣвался, что все, что̀ написано въ этихъ книгахъ, замѣчательно хорошо, но не могъ понять, въ чемъ собственно дѣло, о чемъ тамъ говорится. Онъ зналъ, что въ литературныхъ произведеніяхъ есть скрытый смыслъ, но забылъ все, чему его учили въ школѣ, и не могъ понять этотъ скрытый смыслъ. Конечно, подобное недовольство собой вполнѣ понятно въ молодомъ человѣкѣ. Зрѣющій духъ стремится проявить себя. У многихъ начинается въ такихъ случаяхъ тяготѣніе къ религіи,—но Киппсъ не пошелъ по этому пути, такъ какъ никто не вліялъ на него въ этомъ смыслѣ. Иные влюбляются. Другіе даютъ обѣтъ читать по одной серьезной книгѣ въ недѣлю, перечитать Библію отъ начала до конца въ годъ, сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, изучить химію и никогда не произносить ни слова неправды. Киппса же внутреннее недовольство направило на занятія прикладнымъ искусствомъ.

Въ послѣдній годъ ученія у м-ра Шальфорда Киппсъ посту-

пилъ въ фолькстонскій союзъ молодыхъ людей, гдѣ главную роль игралъ нѣкій м-ръ Честеръ Кутъ, очень богатый молодой человѣкъ. Онъ читалъ романы м-ссъ Гемфри Уордъ и интересовался соціальными вопросами. У него было блѣдное лицо съ голубыми глазами и большой, рѣзко очерченный носъ. Онъ былъ дѣятельный членъ разныхъ комитетовъ, организаторъ публичныхъ собраній, и появлялся на трибунѣ въ торжественныхъ случаяхъ. У него была единственная сестра и они жили вмѣстѣ. Онъ прочелъ разъ членамъ союза молодыхъ людей,—въ томъ числѣ, значитъ, и Киппсу,—интересную лекцію „о самопомощи", сказавъ, что стремленіе добиваться всего собственными силами составляетъ самую характерную и цѣнную національную черту англичанъ. При этомъ онъ сильно нападалъ на нѣмцевъ, которыхъ слишкомъ много учатъ и воспитываютъ въ школахъ. Одинъ изъ слушателей, нѣмецъ-парикмахеръ, сталъ было возражать и свелъ вопросъ къ ганноверской политикѣ. Что онъ собственно хотѣлъ сказать, никто такъ и не понялъ; всѣ стали смѣяться надъ его смѣшнымъ англійскимъ языкомъ, и Киппсу было тоже такъ смѣшно, что онъ забылъ свое личное дѣло и не спросилъ Честера Кута, какъ ему заняться самообразованіемъ въ немногіе часы досуга, допускаемые „системой" м-ра Шальфорда. Только поздно ночью, лежа въ постели, Киппсъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи поговорить съ Кутомъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда м-ръ Шальфордъ назначилъ ему первое жалованье въ двѣсти фунтовъ въ годъ, Киппсъ сталъ опять подумывать о самообразованіи: онъ случайно прочелъ статью на эту тему въ случайно попавшейся ему въ руки газетѣ. Статья была написана очень горячо и побудила Киппса навести справки о мѣстныхъ курсахъ естественныхъ наукъ и искусствъ. Посовѣтовавшись почти со всѣми въ магазинѣ и рѣшивъ послѣдовать совѣту тѣхъ, которые сочувствовали его желанію, онъ записался на занятія. Сначала онъ посѣщалъ классъ „рисованія съ натуры", потому что этому учили въ дни ранняго закрытія магазина. Занятія уже шли на ладъ, какъ вдругъ произошла перемѣна въ распредѣленіи часовъ; въ началѣ весны поэтому Киппсъ сталъ учиться рѣзьбѣ по дереву. Вниманіе его сосредоточилось сначала на этомъ полезномъ занятіи, а потомъ еще болѣе на преподавательницѣ, руководившей его занятіями.

XII.

Классъ рѣзьбы по дереву посѣщался наиболѣе избранной публикой; занятіями руководила молодая дѣвица, по имени миссъ Вольшингэмъ, а такъ какъ ей суждено обучить Киппса гораздо большему въ жизни, чѣмъ только рѣзьбѣ по дереву, то читателю слѣдуетъ сразу составить себѣ о ней вѣрное представленіе. Она была на годъ или около того старше Киппса; у нея было блѣдное, очень интеллигентное лицо, темно-сѣрые глаза и черные волосы, которые она оригинально зачесывала, копируя прическу съ картины Росетти въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Она была очень тонка и стройна; руки у нея были красивыя и казались особенно бѣлыми по контрасту съ руками, привыкшими къ грубому труду. Она носила свободныя одежды мягкихъ цвѣтовъ, которыя вошли въ моду въ Англіи въ періодъ соціалистически-эстетическаго движенія, и до сихъ поръ служатъ своего рода вывѣской для женщинъ, которыя читаютъ повѣсти Тургенева, презираютъ банальные модные романы и отличаются возвышеннымъ образомъ мыслей. Она была довольно хороша собой, а Киппсу казалась прямо красавицей. Она сдала экзаменъ при университетѣ и имѣла дипломъ, что казалось Киппсу величайшимъ подвигомъ, а то, какъ она учила превращать хорошіе куски дерева въ какіе-то никому ненужные скучные орнаменты, приводило его въ восторгъ.

Сначала Киппсу было непріятно, что его будетъ учить барышня, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ Буггинсъ высказался очень рѣзко противъ того, что женщинъ принимаютъ всюду на службу.

— Мы должны содержать женъ,—говорилъ Буггинсъ (онъ-то, между прочимъ, никакой жены не содержалъ),—а какъ же это возможно, если женщины отнимаютъ у насъ хлѣбъ?—Потомъ, поговоривъ съ Пирсомъ, Киппсъ измѣнилъ свой взглядъ и рѣшилъ, что, напротивъ того, учиться у молодой барышни—еще гораздо интереснѣе. Когда же онъ увидѣлъ свою учительницу, то былъ пораженъ ея красотой и уже ни о чемъ не разсуждалъ.

На уроки приходили двѣ молодыя дѣвушки и одна дѣвица очень зрѣлаго возраста. Это были пріятельницы миссъ Вольшингэмъ, и онѣ являлись скорѣе изъ желанія поддержать ее въ такомъ интересномъ предпріятіи, чѣмъ дѣйствительно для того, чтобы научиться рѣзьбѣ по дереву. Кромѣ нихъ приходилъ еще

одинъ молодой человѣкъ съ старообразнымъ лицомъ, въ очкахъ и съ черной бородой. Онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ и былъ, очевидно, очень близорукъ; затѣмъ приходили еще маленькій мальчикъ, у котораго будто бы былъ талантъ къ рѣзьбѣ по дереву, и хозяйка меблированныхъ комнатъ; она каждую зиму записывалась на какія-нибудь вечернія занятія, считая это чѣмъ-то вродѣ укрѣпляющаго средства для здоровья.—„Это очень хорошо на меня дѣйствуетъ“,—говорила она Киппсу. Иногда приходилъ м-ръ Честеръ Кутъ—будто бы по комитетскимъ дѣламъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы поговорить съ менѣе привлекательной изъ двухъ молодыхъ барышенъ. Часто въ самомъ концѣ урока являлся за сестрой братъ миссъ Вольшингэмъ, тонкій молодой брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ.

Все это общество смущало Киппса своимъ превосходствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, а сама миссъ Вольшингэмъ казалась ему существомъ изъ высшаго міра. Ихъ разговоры, ихъ увѣренность, за которой онъ чувствовалъ какую-то недосягаемую глубину всякаго рода знаній,—все это казалось ему отголоскомъ жизни высшаго порядка, невѣдомой и недоступной для него. Онъ представлялъ себѣ, что послѣ урока они уходятъ къ себѣ домой, гдѣ всѣ великолѣпно играютъ на роялѣ, гдѣ говорятъ на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, и гдѣ на столахъ лежитъ множество интересныхъ книгъ. Обѣды и ужины у нихъ, вѣроятно, необычайно тонкіе и сложные. Они знаютъ всѣ правила этикета, знаютъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать въ обществѣ, говорятъ правильнымъ языкомъ. Киппсъ покупалъ книги съ правилами свѣтскаго обращенія, а все-таки ничего не зналъ, и, очутившись среди этихъ тонко воспитанныхъ людей, чувствовалъ себя такъ, точно изъ темноты попалъ неожиданно въ ярко освѣщенную комнату. Онъ внимательно слушалъ, какъ они говорили объ экзаменахъ, о книгахъ и картинахъ, „объ академической выставкѣ“—о ней они отзывались съ легкимъ пренебреженіемъ; въ самомъ концѣ урока м-ръ Честеръ Кутъ, молодой Вольшингэмъ и двѣ барышни заспорили о чемъ-то непонятномъ—о „Вагнерѣ“ или „Варгнерѣ“. Киппсъ сначала не могъ ничего разобрать, а потомъ сообразилъ, что рѣчь идетъ о какомъ-то сочинителѣ музыки (онъ никогда не слыхалъ его имени отъ Каршота и Буггинса). Потомъ Вольшингэмъ сказалъ что-то, и всѣ стали смѣяться и хвалить его шутку. Киппсъ ничего не понялъ, и чувствовалъ себя какимъ-то непрошеннымъ гостемъ въ слишкомъ высокопоставленномъ обществѣ. Онъ сначала улыбнулся, чтобы показать, что понялъ шутку, но сейчасъ же сдержалъ улыбку,

чтобы показать, что не слушаетъ, и чувствовалъ себя при этомъ въ высшей степени неловко, хотя никто не обращалъ на него вниманія.

Ясно было, что единственный способъ не выдавать своего бездоннаго невѣжества заключался въ молчаніи, и онъ устремилъ всѣ свои силы на занятія рѣзьбой и безконечное преклоненіе передъ миссъ Вольшингэмъ. Она подходила къ нему, дѣлала ему указанія, и онъ чувствовалъ, что она дѣлаетъ большое усиліе надъ собой, чтобы скрыть свое презрѣніе къ нему. Дѣйствительно, вначалѣ она смотрѣла на него только какъ на неуклюжаго молодого человѣка съ красными ушами. Но первое чувство униженнаго и нѣмого поклоненія миссъ Вольшингэмъ прошло у Киппса черезъ нѣсколько времени главнымъ образомъ благодаря хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ, которой хотѣлось разговаривать во время работы; миссъ Вольшингэмъ и ея друзья были ей не по душѣ, молодой человѣкъ въ очкахъ былъ глухъ, такъ что она естественнымъ образомъ стала обращаться къ Киппсу и вывела его такимъ образомъ изъ состоянія невмѣняемости. И тогда онъ понялъ, что его отношеніе къ миссъ Вольшингэмъ имѣетъ характеръ влюбленности,—какъ ни дерзко было подобное чувство съ его стороны.

Конечно, его новая любовь не имѣла ничего общаго съ обычнымъ флиртомъ,—это Киппсъ почувствовалъ сразу. Блѣдное одухотворенное лицо въ рамкѣ темныхъ волосъ дѣлало миссъ Вольшингэмъ существомъ особаго міра, и всякая мысль объ ухаживаніи исчезала при одномъ ея появленіи. Все, къ чему онъ или вообще кто бы то ни было могъ стремиться—это къ праву приносить ей жертвы, погибнуть на ея глазахъ за нее. Это боготвореніе миссъ Вольшингэмъ поглотило всѣ другіе сердечные интересы Киппса. Онъ думалъ о своей прекрасной учительницѣ, когда складывалъ и отмѣривалъ кретонъ; образъ ея носился передъ его глазами, когда онъ пилъ чай; все другое исчезало изъ его кругозора. Онъ молчалъ, никого не замѣчалъ вокругъ себя и обращалъ общее вниманіе своей разсѣянностью. Онъ утратилъ въ значительной степени свою популярность въ отдѣленіи кружевъ и лентъ; „готовые костюмы“ стали говорить съ нимъ ледянымъ тономъ, а „шляпы“ перестали раскланиваться съ нимъ. Но ему было все равно. Корреспонденція съ Фло Батсъ, которая началась послѣ того, какъ она оставила мѣсто у м-ра Шальфорда и поступила куда-то, „поближе домой“, прекратилась въ виду того, что онъ перестал отвѣчать на письма. А когда онъ узналъ, что Фло—быть можетъ, въ отместку за его равно-

душіе—подружилась съ какимъ-то молодымъ фермеромъ, онъ ничуть не огорчился.

Каждый четвергъ онъ корпѣлъ надъ своимъ кускомъ дерева, вырѣзывая какіе-то круги и завитки, которые почему-то называютъ орнаментами, и поглядывалъ тайкомъ на миссъ Вольшингэмъ, когда она отворачивалась. Круги и линіи вслѣдствіе этого выходили кривыми и неровными. Онъ даже разъ, стругая дерево, порѣзалъ слегка палецъ—и чувствовалъ, что радъ былъ бы порѣзать всѣ пальцы, еслибы можно было этимъ способомъ выразить свои чувства. Высказать ихъ словами онъ не рѣшался, боясь, что въ разговорѣ все его глубокое невѣжество сразу сдѣлается очевиднымъ.

XIII.

Разъ какъ-то она не могла открыть одного окна въ классной комнатѣ. Человѣкъ съ черной бородой продолжалъ стругать, не обращая на нее вниманія. Киппсъ не могъ упустить такого благопріятнаго случая и подскочилъ къ ней. —Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ. Но и онъ не смогъ открыть.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,— сказала она.

— Какое же это безпокойство?—проговорилъ онъ, задыхаясь, и рванулъ окно изо всѣхъ силъ. Вдругъ рама подалась, и рука Киппса высунулась въ пустоту.

— Вотъ тебѣ нà!—сказала миссъ Вольшингэмъ, когда стекло съ оглушающимъ звономъ упало на землю во дворъ. Киппсъ высвободилъ руку и почувствовалъ рѣзкую боль: стекло сильно порѣзало ему руку. Онъ обернулся съ выраженіемъ полнаго отчаянія на лицѣ. —Простите, ради Бога! — сказалъ онъ, видя упрекъ въ глазахъ миссъ Вольшингэмъ.—Я не думалъ, что оно такъ разобьется!—Онъ такъ это сказалъ, точно оно могло разбиться иначе и лучше. Мальчикъ, обладавшій талантомъ къ рѣзьбѣ по дереву, поглядѣлъ на минуту въ лицо Киппсу, потомъ отвернулся, стараясь не расхохотаться.

— Вы порѣзали себѣ руку,— сказала одна изъ барышенъ, болѣе некрасивая, съ лицомъ въ веснушкахъ, и на лицѣ ея выразилась готовность помочь ему и ухаживать за нимъ. Киппсъ посмотрѣлъ на свою руку и увидѣлъ на ней струйку крови.

— Вы дѣйствительно порѣзали себѣ руку,—сказала миссъ Вольшингэмъ, и Киппсъ заинтересовался своимъ порѣзомъ. Всѣ присутствующіе, въ особенности дамы и хозяйка меблированныхъ

комнатъ, и старая дѣва — заволновались и стали суетиться вокругъ него.

— Нужно перевязать,—сказала миссъ Вольшингэмъ, а Киппсъ все продолжалъ извиняться. Кровь не унималась, — необходимо было перевязать рану, и миссъ Вольшингэмъ дала свой платокъ для перевязки. Она вмѣстѣ съ барышней въ веснушкахъ стала перевязывать ему руку, и лицо миссъ Вольшингэмъ, богини Киппса, наклонилось совсѣмъ близко къ его лицу.

— Вамъ не больно? — спросила она.

— Ничуть,—отвѣтилъ Киппсъ, и онъ бы сказалъ то же самое, еслибы она стала отпиливать ему руку.

— Мы вѣдь не спеціалисты по хирургіи, — сказала ея подруга.

— Какой ужасный порѣзъ! — воскликнула миссъ Вольшингэмъ.

— Пустяки,— сказалъ Киппсъ.— Вы слишкомъ добры, что безпокоитесь. Мнѣ такъ совѣстно, что я разбилъ окно. Право, не понимаю, какъ это случилось!

— Нужно перевязать какъ можно крѣпче, чтобы остановить кровотеченіе,— сказала барышня съ веснушками.

— Да это пустяки,—повторялъ Киппсъ.—Больше всего мнѣ непріятно, что я разбилъ окно.

— Продѣньте палецъ въ узелъ, милый другъ, — сказала барышня съ веснушками.

— Что? — сказалъ Киппсъ. — То-есть...

Барышни занялись узломъ, а Киппсъ очень покраснѣлъ и занятъ былъ обѣими барышнями.

— Опасность не въ самомъ порѣзѣ,—пояснила старая дѣва, — а въ зараженіи крови, которое можетъ произойти потомъ. Тогда наступаетъ омертвѣніе и нужно отнять руку.

— Отнять?—спросила съ ужасомъ хозяйка меблированныхъ комнатъ.

— Отнять,—повторила старая дѣва и принялась снова обрабатывать свой кусокъ дерева.

— Ну, вотъ,—сказала барышня съ веснушками.—Кажется, теперь хорошо. Только не слишкомъ ли туго?

— Нѣтъ, — сказалъ Киппсъ.

Онъ встрѣтился глазами съ миссъ Вольшингэмъ и улыбнулся, чтобы показать, что боль и раны ему нипочемъ. — Это сущіе пустяки,—сказалъ онъ. Старая дѣва подошла къ нимъ.

— Нужно было промыть рану, — сказала она. — Я какъ разъ говорила миссъ Колинсъ...—она стала разсматривать повязку

черезъ очки.—Повязка, кажется, сдѣлана неправильно,—сказала она. — Но, авось, и такъ сойдетъ. Вамъ не больно?

— Ничуть,—отвѣтилъ Киппсъ, улыбаясь какъ храбрый солдатъ въ госпиталѣ.

— Я увѣрена, что должно быть больно! — сказала миссъ Вольшингэмъ и прибавила, помолчавъ: — Работать вы ужъ сегодня не сможете.

— Я попробую,—сказалъ Киппсъ.—Мнѣ почти совсѣмъ не больно.

Онъ сталъ героически продолжать рѣзьбу съ перевязанной рукой. Миссъ Вольшингэмъ подошла къ Киппсу, и въ глазахъ ея отразился интересъ къ нему:—Оставьте, вамъ, кажется, очень трудно, — сказала она.

— Я все-таки могу кое-какъ работать,—отвѣтилъ Киппсъ.—Мнѣ жаль терять время. У рабочаго человѣка, какъ я, вѣдь мало досуга.

Миссъ Вольшингэмъ и ея подруга поражены были смиренностью Киппса; миссъ Вольшингэмъ почувствовала желаніе ободрить его, похвалила его работу и спросила, думаетъ ли онъ продолжать учиться. Киппсъ отвѣтилъ, что ничего опредѣленнаго сказать не можетъ, не зная, какъ устроится его жизнь, но что если онъ останется въ Фолькстонѣ и на будущую зиму, то непремѣнно будетъ посѣщать классъ рѣзьбы. Миссъ Вольшингэмъ не пришло въ голову спросить, почему его дальнѣйшія занятія искусствомъ зависятъ отъ пребыванія въ Фолькстонѣ. Она стала разспрашивать его о многомъ другомъ, и между ними завязался оживленный разговоръ, продолжавшійся и тогда, когда въ комнату вошелъ м-ръ Честеръ Кутъ. А когда наконецъ бесѣда кончилась, то Киппсъ не могъ не подумать, что порѣзъ руки былъ прямымъ счастьемъ для него.

Идя спать въ этотъ вечеръ, онъ въ двадцатый разъ сталъ вспоминать весь разговоръ, останавливаясь на самыхъ интересныхъ моментахъ, вставляя то, что онъ могъ бы сказать миссъ Вольшингэмъ о себѣ, съ самыми туманными намеками на свое отношеніе къ ней. Онъ самъ не зналъ, чего желать: чтобы рука его еще продолжала болѣть, — это придало бы ему интересъ въ ея глазахъ, — или чтобы она сразу совершенно излечилась,—что показало бы исключительную чистоту его крови.

XIV.

Исторія съ разбитымъ стекломъ произошла въ концѣ апрѣля, а уроки рѣзьбы кончились въ маѣ. Въ теченіе этого времени было только нѣсколько незначительныхъ инцидентовъ, а чувство Киппса разгоралось все сильнѣе. Если у читателя составилось впечатлѣніе, что Киппсъ скорѣе невзраченъ съ виду, то я виновенъ въ несправедливости къ нему. Напротивъ того, барышня съ веснушками обратила вниманіе Елены Вольшингэмъ на то, что у Киппса интересное лицо. Поговоривъ о немъ, обѣ подруги рѣшили, что въ немъ есть какое-то природное изящество, и что онъ въ общемъ симпатиченъ. Барышня съ веснушками рѣшила „заняться“ Киппсомъ. Ей было девятнадцать лѣтъ; она любила покровительствовать и опекать слабыхъ, и „заняться“ Киппсомъ ей было гораздо интереснѣе, чѣмъ рѣзать по дереву. Она сразу увидѣла, что Киппсъ влюбленъ въ Елену Вольшингэмъ; ей это показалось очень интереснымъ и романтичнымъ, и она рѣшила покровительствовать его любви. Благодаря ея участію, всѣ стали симпатизировать Киппсу. Всѣ знали, что онъ несчастенъ въ своей средѣ, гдѣ его „не понимаютъ“. Онъ сказалъ своей покровительницѣ, что не умѣетъ угождать покупателямъ, а она вывела изъ этого, что „у него слишкомъ возвышенная душа для его профессіи“. Въ немъ все болѣе росло недовольство судьбой, ужасное сознаніе своей невоспитанности и необразованности, но теперь эти чувства были не такъ мучительны. Напротивъ того, они доставляли ему даже нѣкоторое удовлетвореніе тѣмъ, что вызывали симпатіи его новой покровительницы. Однажды, за обѣдомъ, Каршотъ и Буггинсъ стали говорить о писателяхъ и о томъ, какъ легко имъ живется,—конечно, при удачѣ. Приводились знаменитые примѣры: Самуэля Джонсона, который пришелъ въ Лондонъ безъ сапогъ, а потомъ занялъ такое высокое положеніе въ обществѣ.

— И вѣдь какъ имъ легко, — сказала миссъ Мергль.—Попишутъ часокъ-другой, — вотъ и вся работа за день. Совсѣмъ какъ лорды.

— Ну, не такъ-то это легко, какъ вамъ кажется,—сказалъ Каршотъ.

— Я бы съ удовольствіемъ помѣнялся съ ними, — сказалъ Буггинсъ.—Хотѣлъ бы я видѣть, какъ бы эти знаменитые писатели справились здѣсь, провѣряя инвентарь съ хозяиномъ.

— Они, вѣрно, списываютъ много другъ у друга,—сказала миссъ Мергль.

— Еслибы и такъ, все-таки имъ много приходится писать собственными руками,—возразилъ ей Каршотъ.

Они продолжали говорить о литературной дѣятельности, о положеніи, которое она даетъ въ обществѣ, о томъ, какъ много удовлетвореній она доставляетъ для самолюбія.

— Всюду продаются портреты. Какъ только сошьетъ себѣ писатель новый сюртукъ, или писательница—новое платье, такъ ихъ сейчасъ фотографируютъ—почти какъ членовъ королевской семьи,—сказала миссъ Мергль.

Этотъ разговоръ произвелъ сильное впечатлѣніе на Киппса. Вотъ, кажется, возможность перекинуть мостъ черезъ пропасть! Вотъ возможность, выходя даже изъ низшихъ классовъ, подняться на ту высоту общественнаго положенія, которая составляетъ предметъ мечтаній всякаго англичанина,—на ту высоту, когда чувствуешь себѣ ровней всякаго лорда! Онъ думалъ объ этомъ столько, что сталъ мечтать на яву. „Что, еслибы, скажемъ, написать книгу—подъ псевдонимомъ, оставаясь въ то же время приказчикомъ, и книга имѣла бы успѣхъ... Конечно, это невозможно; но что если...“ Онъ долго носился съ этой мечтой.

На слѣдующемъ урокѣ у миссъ Вольшингэмъ онъ сознался—послѣ долгаго допрашиванія,—что его истинное призваніе—быть писателемъ, но что судьба не даетъ ему возможности слѣдовать своему призванію. Послѣ этого Киппсъ замѣтилъ, что ему удалось возбудить интересъ къ себѣ. Всѣ смотрѣли на него какъ на талантъ, страдающій отъ коварства судьбы, и это какъ бы уничтожало пропасть, отдѣлявшую его отъ миссъ Вольшингэмъ. Онъ былъ несчастенъ, жалокъ — но не такой, какъ „простые“. Даже и теперь, если ему помочь...

Обѣ дѣвушки, особенно барышня съ веснушками, старались поднять его энергію, заставить его проявить свой талантъ. Обѣ были еще настолько молоды, что считали все возможнымъ для пріятныхъ молодыхъ людей,—въ особенности если они находятся подъ женскимъ вліяніемъ. Барышня съ веснушками была, такъ сказать, режисеромъ въ этомъ дѣлѣ, а миссъ Вольшингэмъ—божествомъ, во имя котораго все совершалось. Она и смотрѣла на Киппса взглядомъ собственницы. Онъ ей принадлежалъ всецѣло,—и она это знала.

Съ ней самой Киппсъ почти не говорилъ. Все, что онъ намѣревался сказать ей смѣлаго и рѣшительнаго, онъ или совсѣмъ не говорилъ, или съ нѣкоторыми измѣненіями передавалъ ея по-

другѣ. Она тоже проникалась его боготвореніемъ Елены Вольшингэмъ и, возвращаясь съ нею домой, говорила ей, что она очаровательна, изумительна во всѣхъ отношеніяхъ, и что Киппсъ обожаетъ ее.

Всѣ эти сложныя и пріятныя отношенія закончились, однако, съ ошеломляющей быстротой. Киппсъ не думалъ о времени, о календарѣ, — и какъ разъ когда надежда стала расцвѣтать въ его сердцѣ,—пришелъ конецъ всему.

Посреди послѣдняго урока барышня въ веснушкахъ стала спрашивать его, что онъ будетъ дѣлать послѣ окончанія занятій, и выразила надежду, что онъ будетъ и дальше идти по пути самоусовершенствованія. Онъ обѣщалъ, но сказалъ, что не знаетъ, какъ доставать книги. Она научила его, какъ доставать книги изъ публичной библіотеки. Затѣмъ она ему сказала, что уѣдетъ на лѣто въ сѣверный Валлисъ. Это извѣстіе не особенно огорчило его. Онъ сказалъ, что будетъ продолжать учиться рѣзьбѣ по дереву съ осени, если...

Она не настаивала на продолженіи фразы изъ деликатности, и они замолчали, глядя оба на миссъ Вольшингэмъ.

Въ это время всѣ стали подниматься и складывать вещи, потомъ распрощались съ миссъ Вольшингэмъ, и Киппсъ очутился на лѣстницѣ съ учительницей и ея подругой. Онъ только тогда понялъ, что дѣйствительно кончился послѣдній урокъ. Наступило короткое молчаніе, и дѣвушка въ веснушкахъ зачѣмъ-то ушла обратно въ классъ и оставила въ первый разъ Киппса и миссъ Вольшингэмъ наединѣ. У Киппса захватило дыханіе. Она взглянула на него съ сочувствіемъ, отчасти съ любопытствомъ, и протянула ему свою бѣлую руку.

— Прощайте, м-ръ Киппсъ,—сказала она.

Онъ взялъ ея руку и задержалъ въ своей.

— Я готовъ на все,—сказалъ Киппсъ, но не имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы прибавить: „для васъ“. Онъ неловко запнулся, пожалъ ей руку и сказалъ:—Прощайте.

— Желаю вамъ пріятно провести лѣто,—сказала она.

— Я во всякомъ случаѣ вернусь на уроки въ будущемъ году,—храбро сказалъ Киппсъ, и сталъ уже спускаться съ лѣстницы.

— Надѣюсь,—сказала миссъ Вольшингэмъ.

— А вы этого желаете?—взволнованно спросилъ онъ, возвращаясь къ ней.

— Я надѣюсь, что всѣ возобновятъ занятія.

— Я во всякомъ случаѣ вернусь, — сказалъ Киппсъ. — Въ этомъ вы можете не сомнѣваться.

Онъ произнесъ это многозначительнымъ тономъ.

Они нѣсколько времени поглядѣли другъ на друга молча.

— Прощайте,—сказала она.

Киппсъ приподнялъ шляпу. Она повернулась къ дверямъ классной комнаты.

— Ну что?—спросила дѣвушка въ веснушкахъ, возвращаясь къ ней.

— Ничего, — сказала Елена. — Теперь во всякомъ случаѣ ничего.

Она стала энергично собирать разбросанные по столамъ инструменты. Дѣвушка въ веснушкахъ вышла на лѣстницу и постояла тамъ съ минуту. Вернувшись, она въ упоръ поглядѣла на свою подругу. Весь этотъ инцидентъ показался ей значительнымъ. Она видѣла воочію побѣду женскихъ чаръ надъ сердцемъ юноши, и каковы бы ни были обстоятельства, разница положеній—все-таки это казалось очень важнымъ, и она не могла внутренно не упрекнуть Елену въ чрезмѣрной жесткости характера.

Съ англ. З. В.

* * *

Сердце старое свободу ждать устало;
Умъ безсмыслицу разгадывать усталъ;
Позабыться бы душа моя желала;
Кой о чемъ бы я охотно помечталъ...

Но намъ выходы къ отрадамъ всѣ закрыты;
Всюду злобная дѣйствительность грозитъ;
Ею радости на родинѣ убиты,
Духъ довѣрія предательски убитъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

11-го марта 1906 г. Тамбовъ.

ПО ПОВОДУ

АГРАРНАГО ВОПРОСА

Письмо изъ Америки.

Посылаю вамъ нѣсколько страничекъ замѣчаній по поводу аграрнаго вопроса. Вамъ можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ, что я изъ моего „прекраснаго далёка“ рѣшаюсь писать о русскихъ дѣлахъ. Но я думаю, что по нѣкоторымъ, до сихъ поръ чисто теоретическимъ, вопросамъ я достаточно освѣдомленъ, получая *всѣ* крупные русскіе журналы и выписывая *всѣ* относящіяся къ нимъ отдѣльныя изданія и брошюры [1]). Кромѣ того, вопросъ этотъ имѣетъ всемірный характеръ, и мое „западничество“ невольно возмущается той обособленностью, которая придается русскому малоземелью лучшими русскими людьми.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я, между прочимъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ платформу новой у васъ партіи, подъ которой нашелъ имена нѣсколькихъ очень симпатичныхъ мнѣ людей. Я перевожу здѣсь всѣ эти новыя русскія платформы на англійскій языкъ, дабы знакомить съ ними нашу американскую публику. Простите меня великодушно, если и по поводу этихъ платформъ я рѣшусь высказать нѣсколько замѣчаній, прежде нежели перейду къ моему главному предмету.

Во-первыхъ, всѣ онѣ слишкомъ длинны и детальны. Политическій опытъ Америки учитъ насъ, что политическая платформа партіи, дабы быть эффективной, *должна быть коротка*. Дабы партія могла имѣть успѣхъ, нельзя взнуздывать ея членовъ слишкомъ коротко. А это

---

[1]) Съ своей стороны, можемъ сказать, что авторъ, удалившійся 25 лѣтъ тому назадъ въ Америку, новое свое отечество, не только долго передъ тѣмъ жилъ, но и дѣйствовалъ среди насъ, а потому условія нашей жизни ему вполнѣ извѣстны.—*Ред.*

именно то, что̀ дѣлаютъ *всѣ* ваши платформы. Взнузданность вызываетъ разрозненность, расколъ. А русскимъ либераламъ теперь необходимо прежде всего единство. Дѣленіе на группы вслѣдствіе разногласій относительно деталей не слѣдуетъ выносить въ публику. Это должно быть домашнимъ дѣломъ, иначе оно ослабляетъ платформу и по главнымъ пунктамъ. Всѣмъ либеральнымъ фракціямъ слѣдовало бы объединиться на общей, краткой и ясной платформѣ, не превышающей 10—12 пунктовъ. Парламентарная свобода еще не установлена въ Россіи, и вамъ предстоитъ тяжелая борьба прежде всего за ея установленіе. Если вы разрознены изъ-за академическихъ тонкостей, вы сами себя побьете на выборахъ въ Думу. Необходимо отбросить детали, поступиться разногласіями по ихъ поводу и объединить *всѣхъ* либераловъ по тѣмъ главнымъ пунктамъ, по которымъ *должно* добиться соглашенія. Это то, что̀ у насъ называется practical politics, то, безъ чего побѣда оказывается невозможной на опытѣ. А вы съ теченіемъ времени дробитесь все больше и больше. 59 пунктовъ въ политической программѣ—это 59 поводовъ къ дробленію. Опытъ покажетъ вамъ, что такая платформа *непрактична*. Уговоритесь въ главномъ, а компромиссъ въ будущемъ уладитъ детали. Если же вы и эти детали обращаете въ заповѣди, вы умышленно уменьшаете свою силу. Помните „Матреновцевъ“ въ Тургеневскомъ „Дымѣ“? Именно къ этому и приведетъ васъ детальность вашихъ политическихъ платформъ, какъ ни симпатичны онѣ могутъ быть сами по себѣ.

Еще разъ простите за смѣлость, но я пишу все это только потому, что думаю, что теперь вамъ нелишни именно *практическія* соображенія, которыя вырабатываются только опытомъ, котораго у васъ такъ мало; а засимъ—перехожу къ моему дѣлу.

I.

Въ числѣ многихъ жгучихъ современныхъ русскихъ экономическихъ потребностей вопросу о крестьянскомъ малоземельи, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Уже много лѣтъ русская печать занималась его констатированіемъ и описаніемъ, оказываясь, какъ и во всемъ остальномъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; событія послѣдняго времени внезапно перенесли его съ исключительно теоретической почвы на практическую, потребовали положительнаго и немедленнаго отвѣта, и, повидимому, сдѣлаютъ изъ него тотъ краеугольный камень, на которомъ въ политико-экономическомъ отношеніи, а возможно—и въ политическомъ, будетъ основано все будущее Государственной Думы. Самъ по себѣ, вопросъ этотъ, конечно, не только созрѣлъ, но и

давно перезрѣлъ настолько, что, къ сожалѣнію, вызванная этой его перезрѣлостью острая политическая его сторона, въ смыслѣ необходимости быстраго удовлетворенія такъ опаснаго въ настоящее время крестьянскаго недовольства, должна будетъ болѣе или менѣе влять на законодателя и отуманивать его мудрость и безпристрастіе. Острота требованій минуты и „злобы дня“ можетъ повлять крайне существенно на способы его разрѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ. Онъ такъ долго и упорно содержался правительствомъ подъ сукномъ, что правильное и постепенное его разрѣшеніе сдѣлалось чрезвычайно труднымъ, а при общемъ возбужденномъ состояніи умовъ крайне опаснымъ и, можетъ быть, даже недостижимымъ. При нормальныхъ условіяхъ, земельное законодательство какой бы то ни было страны вообще крайне неповоротливо, и воздѣйствіе его медленно,—тѣмъ болѣе необходима осторожность при какихъ-либо радикальныхъ его переустройствахъ. Поэтому всяческія соображенія по его поводу особенно умѣстны именно теперь. Намъ пришлось познакомиться съ крестьянскимъ малоземельемъ на практикѣ еще тридцать-пять лѣтъ тому назадъ до нашего переселенія въ Америку, когда оно уже начало давать себя чувствовать, какъ неизбѣжный результатъ недостаточности надѣловъ по Положенію о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, и съ тѣхъ поръ мы всегда съ особеннымъ интересомъ слѣдили по мѣрѣ возможности за его постепеннымъ развитіемъ и обостреніемъ.

Въ январьской книжкѣ „Журнала для всѣхъ“ за текущій годъ помѣщены г. В. В. чрезвычайно поучительныя „Статистическія таблицы“ о современномъ состояніи землевладѣнія въ 49 губерніяхъ европейской Россіи—безъ царства польскаго и нѣкоторыхъ другихъ окраинъ. Таблицы эти опредѣляютъ все количество удобной къ воздѣлыванію земли на этомъ пространствѣ въ 184 милліона десятинъ, лѣсовъ въ 151 м. д., изъ нихъ около $^2/_3$ въ пяти сѣверныхъ губерніяхъ, такъ что на всѣ остальныя 44 губерніи приходится всего 57 м. д. лѣса—въ томъ числѣ 10 м. д. въ крестьянскихъ надѣлахъ,—и такъ какъ быстрая вырубка лѣсовъ и такъ уже успѣла нанести русскому земледѣлію самый существенный ударъ, то едвали возможно принимать ихъ въ соображеніе; небольшое, сравнительно, оставшееся ихъ пространство должно быть сохранено во что бы то ни стало. Слѣдовательно, обсужденію можетъ подлежать только распредѣленіе удобной къ воздѣлыванію земли въ настоящее время, т.-е. 184 милліона десятинъ. Изъ тѣхъ же таблицъ оказывается, что изъ нихъ находится во владѣніи донского и оренбургскаго казачествъ 15 милліоновъ, въ крестьянскихъ надѣлахъ 110 м., въ частномъ крестьянскомъ владѣніи 15 м., и во всѣхъ остальныхъ родахъ частнаго владѣнія, включая казну и удѣлъ, 44 милліона десятинъ. О малоземельи донскихъ ка-

заковъ было немало самыхъ вѣскихъ свидѣтельствъ въ русской печати послѣднихъ лѣтъ, и, въ общемъ разсужденіи о распредѣленіи земли, казачьи земли ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ крестьянскихъ надѣловъ; причисляя ихъ къ нимъ, оказывается, что въ крестьянскомъ владѣніи уже находится въ настоящее время 140 м. д. изъ общаго пространства въ 184 м., то-есть, нѣсколько болѣе, чѣмъ $^{3}/_{4}$ всего, и только меньше $^{1}/_{4}$ въ пользованіи всѣхъ остальныхъ родовъ частнаго землевладѣнія.

Какъ на одно изъ существенныхъ средствъ къ уменьшенію крестьянскаго малоземелья печать указываетъ на необходимость обращенія удобныхъ къ воздѣлыванію земель казны и удѣла, теперь составляющихъ оброчныя статьи, во владѣніе крестьянъ. Но ихъ оказывается всего 4,6 м. д., и изъ нихъ больше половины—около 2,4 м. д.—въ тѣхъ же 5 сѣверныхъ губерніяхъ и въ 3 заволжскихъ, т.-е. именно тамъ, гдѣ крестьянское малоземелье еще не дошло до острой формы. Остальные 2,2 м. д. составляютъ всего нѣсколько больше 1% всего пространства и значительно меньше 2% уже находящагося въ крестьянскомъ владѣніи, да и распредѣлены они крайне неравномѣрно, преимущественно на окраинахъ, въ центрѣ же, гдѣ малоземелье особенно чувствительно, ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. На 8 среднихъ земледѣльческихъ губерній, съ населеніемъ около 20 милліоновъ душъ, ихъ приходится всего около 175.000 десятинъ—меньше, чѣмъ капля въ морѣ. Кромѣ того, всѣ эти земли и такъ уже находятся цѣликомъ въ пользованіи крестьянъ, правда, какъ оброчныя статьи, т.-е. за извѣстную арендную плату, и передача ихъ въ постоянное крестьянское владѣніе измѣнитъ, слѣдовательно, только форму, а не сущность дѣла. Та же печать серьезно обсуждаетъ вопросъ объ отчужденіи всѣхъ родовъ частнаго землевладѣнія и передачѣ ихъ во владѣніе крестьянъ. Платформы нѣкоторыхъ политическихъ партій предлагаютъ ту же мѣру въ той или другой формѣ. Само собой разумѣется, что такое разрѣшеніе вопроса о крестьянскомъ малоземельи прежде всего потребуетъ радикальной реорганизаціи всего юридическаго положенія о правѣ собственности. Затѣмъ, это будетъ патернализмъ, классовое законодательство,—на нашъ взглядъ, совершенно несовмѣстимое съ самыми основами понятія о равноправности всѣхъ гражданъ страны передъ закономъ. Всякое такое классовое законодательство только продолжитъ и усилитъ обособленность крестьянства какъ сословія, отдѣлитъ его интересы отъ остальныхъ классовъ общества и не только поддержитъ, но и усилитъ сословную рознь, факторъ наименѣе желательный при обновленіи политической организаціи государства на принципахъ права, равенства и справедливости. Уменьшится производительность этихъ 44 м. десятинъ приблизительно на одну треть,

такъ какъ многочисленными свидѣтельствами печати за послѣдніе года доказано, что производительность крестьянскихъ надѣловъ повсемѣстно отстаетъ, въ среднемъ, въ этой пропорціи отъ земель, находящихся въ частномъ владѣніи. Наконецъ, или совершенно остановится, или затормазится въ самой значительной степени всякій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, такъ какъ при настоящемъ положеніи крестьянскаго хозяйства прогрессъ этотъ и происходитъ, и распространяется только по иниціативѣ именно частнаго землевладѣнія. Отсталость и малая производительность русскаго сельскаго хозяйства и такъ уже провербіальны, съ уничтоженіемъ же частнаго землевладѣнія оно совершенно застынетъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторый, довольно значительный періодъ времени, и тогда именно, когда ужасающія потери страны въ разныхъ формахъ за послѣдніе два года требуютъ наивозможнаго напряженія всѣхъ ея производительныхъ силъ.

Допустимъ, однако, что Государственная Дума измѣнитъ существующія теперь политико-экономическія основы государства, установитъ принципъ государственнаго соціализма, отчудитъ всю поземельную собственность, находящуюся въ частномъ владѣніи, и передастъ ее въ пользованіе крестьянъ. Радикальнѣе этого предположенія нельзя ничего и выдумать. Это—maximum того, о чемъ можетъ мечтать современное русское крестьянское малоземелье.

Въ такомъ случаѣ, къ тѣмъ 140 м. д., которыми уже пользуются теперь крестьяне, прибавится еще 44 м., т.-е. нѣсколько меньше одной четверти того, чѣмъ они уже владѣютъ. Если же признать, что они уже и такъ въ сущности владѣютъ оброчными землями казны и удѣла, пропорція эта еще уменьшится, и будетъ 144,6 къ 39,4.

Въ распредѣленіи частновладѣльческихъ земель по районамъ и губерніямъ замѣчается та же крайняя неравномѣрность, что и въ вышеописанномъ уже распредѣленіи удобныхъ къ воздѣлыванію земель казны и удѣла. Отношеніе частно-владѣльческихъ земель къ крестьянскимъ надѣламъ гораздо выше на окраинахъ, въ губерніяхъ прибалтійскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и заволжскихъ, чѣмъ въ центрѣ, въ районахъ среднемъ земледѣльческомъ и промышленномъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это отношеніе въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ въ другихъ. Оно особенно низко именно въ губерніяхъ съ наибольшимъ крестьянскимъ малоземельемъ. Дабы достигнуть хотя бы приблизительной равномѣрности, придется самымъ существеннымъ образомъ перетасовать все крестьянское населеніе европейской Россіи, прибѣгнуть къ массовымъ переселеніямъ изъ одного района въ другой. Мы склонны думать, что въ практическомъ смыслѣ это окажется совершенно неразрѣшимой задачей, если поставить себѣ цѣлью отвѣ-

чающее дѣйствительнымъ потребностямъ равномѣрное распредѣленіе, а не канцелярско-бумажное теоретическое псевдо-рѣшеніе [1]).

Допустимъ, однако, что и этотъ, несомнѣнно крайне трудный въ смыслѣ практическаго осуществленія, вопросъ будетъ удовлетворительно разрѣшенъ. Окажется, что цѣной небывалаго въ лѣтописяхъ всего міра по своей грандіозности и рискованности государственнаго эксперимента настоящій крестьянскій надѣлъ увеличится меньше, чѣмъ на одну четверть. Какъ распредѣлить это увеличеніе? Кому именно дать прибавку? Всему ли крестьянству, или только той его части, которая страдаетъ отъ малоземелья наиболѣе, напр. сидящимъ на минимальныхъ надѣлахъ или на „дарёнкѣ"? Какъ опредѣлить эти границы, и на чемъ основать такое опредѣленіе? Дабы разрѣшить эти вопросы хоть сколько-нибудь основательно, не такъ очевидно поверхностно, какъ было разрѣшено простымъ „быть по сему" раздѣленіе Россіи на полосы и опредѣленіе въ нихъ размѣровъ надѣловъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года, необходима прежде всего обширнѣйшая государственная кадастровая работа, потребующая огромныхъ силъ и многихъ лѣтъ, дабы справиться съ ней хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Правда, въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ уже много лѣтъ существуютъ статистическія бюро, имѣются многія цѣнныя мѣстныя изслѣдованія, но всѣ подобныя работы, отличающіяся строго индивидуальнымъ характеромъ, предпринимались не по одному какому-либо опредѣленному плану, а сообразно различнымъ вѣяніямъ времени и личнымъ взглядамъ руководителей, тормазились всячески въ громадномъ большинствѣ случаевъ неблагосклоннымъ къ нимъ отношеніемъ центральной и мѣстныхъ властей, и потому едвали могутъ оказать въ настоящемъ случаѣ хоть сколько-нибудь существенную помощь. За доказательствами ходить недалеко. Даже для составленія такихъ общихъ „Статистическихъ таблицъ", какъ вышеуказанныя, г. В. В. долженъ былъ обратиться для нѣкоторыхъ ихъ графъ къ даннымъ 1887 и даже 1877 годовъ,—теперь, конечно, совершенно уста-

---

[1]) Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки за послѣднее десятилѣтіе были открыты для заселенія безземельными гражданами одна за другой нѣсколько бывшихъ индѣйскихъ резервацій, суживаемыхъ отъ времени до времени за вымираніемъ индѣйцевъ. Практическія трудности безпристрастнаго распредѣленія земель вызвали примѣненіе очень своеобразнаго и грубаго метода. Резерваціи эти предварительно размежевываются на равные участки извѣстной величины, и въ задолго заранѣе опредѣленный и опубликованный во всеобщее свѣдѣніе день и часъ, по выстрѣламъ на извѣстныхъ пунктахъ границъ, охраняемыхъ дотолѣ войсками, впускаютъ желающихъ занять эти участки, причемъ происходитъ настоящее состязаніе толпы, какъ на бѣгахъ или гонкахъ. Это, въ сущности, право перваго захвата. Но, конечно, государственный соціализмъ не можетъ допустить такого вульгарно-практическаго метода.

рѣлымъ. Ничего систематическаго и хоть сколько-нибудь точнаго, отвѣчающаго настоящей цѣли, русская статистика собою не представляетъ.

II.

Но допустимъ опять, что и всѣ эти, кажущіяся намъ совершенно непреоборимыми, трудности будутъ-таки въ концѣ концовъ такъ или иначе разрѣшены. Окажется на очереди вопросъ о возможномъ минимумѣ крестьянскаго надѣла для различныхъ мѣстностей. Одна исторія голодовокъ хотя бы послѣднихъ 15 лѣтъ доказываетъ безусловно, что ни одинъ районъ 49 губерній европейской Россіи отъ нихъ не застрахованъ, а что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ сдѣлались чуть ли не нормальнымъ періодическимъ явленіемъ. Отъ нихъ, очевидно, не свободны даже мѣстности съ максимумами современныхъ крестьянскихъ надѣловъ. Отсюда ясно, что всякая такая нормировка минимумовъ неизбѣжно будетъ крайне опасной, даже если только поставить себѣ цѣлью одно избѣжаніе голодовокъ; а неужели тотъ потрясающій весь цивилизованный міръ переворотъ, который теперь переживаетъ Россія, неужели тѣ страшныя жертвы, которыя уже поглощены и еще будутъ поглощены имъ, могутъ удовольствоваться только такой цѣлью? Въ Россіи не было періодическихъ народныхъ переписей, но едвали подлежитъ сомнѣнію, что, со времени нарѣзки настоящихъ надѣловъ, произведенной, въ среднемъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, крестьянское населеніе, несмотря на всѣ обуревавшія его за этотъ періодъ хроническія невзгоды, по крайней мѣрѣ удвоилось, и что за то же время потребности его значительно поднялись, тогда какъ производительность земли уменьшилась. Согласно всѣмъ имѣющимся на лицо даннымъ, крестьянское благосостояніе, въ среднемъ, падало и все еще падаетъ почти повсемѣстно. Задачей должна быть не только остановка этого паденія, но и поворотъ въ противоположную сторону. Если въ политико-экономическомъ отношеніи главной причиной этого положенія является малоземелье, дальнѣйшая искусственная нормировка надѣловъ,—то-есть, то же средство, благодаря абсолютной несостоятельности котораго мужикъ обнищалъ,—должна быть безусловно отвергнута. Если и максимумъ надѣла не ограждаетъ его отъ грозящей каждый годъ опасности голодовки, то какъ же рѣшиться опредѣлить минимумъ? Дробленіе крестьянскихъ надѣловъ во многихъ мѣстностяхъ уже дошло до абсурдно мелкихъ предѣловъ, по своей незначительности прямо исключающихъ возможность благосостоянія, хотя они и привязываютъ къ себѣ мужика. Задача, конечно, состоитъ

не въ томъ, чтобы дать каждому клочокъ земли, не обращая вниманія на то, способенъ ли этотъ клочокъ дать средства средней семьѣ вести человѣческое существованіе. Именно благодаря такимъ-то отеческимъ искусственнымъ нормамъ во всей его жизни, мужикъ и былъ обреченъ на вѣчную нищету и невѣжество. Дабы вывести его изъ нихъ посредствомъ радикальной земельной реформы, минимумъ надѣла долженъ не только обезпечить его отъ хроническаго недоѣданія и періодическихъ голодовокъ, а и дать ему возможность умственнаго и нравственнаго роста. А для этого такой минимумъ долженъ быть, очевидно, даже больше настоящихъ максимумовъ. Иначе реформа будетъ мертворожденной, иначе игра не будетъ стоить свѣчъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ и не было такихъ нормировокъ, и въ Россіи онѣ оказались никуда негодными при ихъ недостаточности, а экспериментировать далѣе въ этомъ же направленіи, очевидно, можно только при самомъ существенномъ ихъ увеличеніи.

Тѣмъ не менѣе, допустимъ, что, несмотря на всѣ эти соображенія, Государственная Дума найдетъ-таки основанія къ опредѣленію такихъ минимумовъ. Это будетъ или такое же по существу „быть по сему", какимъ руководствовалось, 45 лѣтъ тому назадъ, Положеніе 19 февраля 1861 г., или, въ лучшемъ случаѣ, компромиссъ, обманчивый палліативъ, ограниченный возможностями всего положенія. Такіе минимумы, дабы имѣть смыслъ, должны будутъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчать возможности веденія на нихъ самостоятельнаго хозяйства; въ то же время, они будутъ ограничены тѣмъ фактомъ, что максимумъ могущаго подлежать распредѣленію пространства удобной къ воздѣлыванію земли ограниченъ 44 м. д., еще находящихся въ частномъ владѣніи. По имѣющимся у насъ даннымъ и свидѣтельствамъ печати, процентъ совершенно безземельныхъ крестьянъ повышался за послѣднее время очень быстро по всей Россіи вообще, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ особенности. Община не спасала слабыхъ своихъ членовъ отъ обезземеливанія, и процентъ ихъ особенно высокъ именно въ страдающихъ отъ малоземелья губерніяхъ. Мы не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что бо̀льшая половина этихъ 44. м. десятинъ должна неизбѣжно уйти только на удовлетвореніе этихъ безземельныхъ предполагаемыми минимумами, причемъ неизбѣжно явится безусловная необходимость самой широкой финансовой помощи массѣ имѣщихъ заново организоваться поселеній. Одинъ этотъ пунктъ, по громадности и необезпеченности потребныхъ затратъ, заставляетъ насъ крайне сомнѣваться въ его осуществимости. Остающаяся за этимъ удовлетвореніемъ безземельныхъ меньшая часть 44 м. д. можетъ поступить на увеличеніе минимальныхъ настоящихъ надѣловъ, причемъ какого-либо существеннаго увеличенія ихъ, за громадностью

потребности и незначительнымъ, сравнительно, свободнымъ пространствомъ, ожидать, конечно, нельзя. Затѣмъ, большинство крестьянскихъ надѣловъ, за совершеннымъ истощеніемъ запаса, должно будетъ остаться въ ихъ настоящихъ размѣрахъ [1]).

III.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что всей могущей пойти въ распредѣленіе удобной къ воздѣлыванію земли, въ количествѣ 44 м. десятинъ, еще находящейся въ частномъ владѣніи, совершенно недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь существенно уменьшить наросшее зло крестьянскаго малоземелья. Это былъ бы временный палліативъ, неизбѣжно и неравномѣрно распредѣленный, который обошелся бы государству въ совершенно непосильную цѣну и улучшилъ бы положеніе только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на нѣкоторое, сравнительно очень короткое время. При нормальномъ ростѣ крестьянскаго населенія, если всѣ другія политическія и политико-экономическія жизненныя его условія не измѣнятся, если производительность земли не будетъ быстро и внезапно поднята, если мужикъ останется мужикомъ, страна еще на глазахъ настоящаго поколѣнія опять окажется въ состояніи такого же остраго кризиса малоземелья, какъ и сегодня. Мы даже думаемъ, что вліяніе этой мѣры совершенно исчезнетъ въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ даже въ наиболѣе облагодѣтельствованныхъ ею мѣстностяхъ, и что на большинствѣ пространства 49 губерній европейской Россіи даже въ теченіе этого, чрезвычайно короткаго въ историческомъ смыслѣ, періода времени кризисъ этотъ будетъ существовать и продолжать подтачивать и разлагать крестьянское благосостояніе, притомъ быстрѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ онъ это успѣвалъ дѣлать до сихъ поръ. А когда онъ опять обострится, новаго

[1]) При этомъ необходимо имѣть въ виду, что, благодаря всей политикѣ правительства за послѣднія двадцать лѣтъ, въ смыслѣ поддержки дворянскаго сословія, земля, находящаяся въ частномъ владѣніи, была искусственно поднята въ цѣнѣ до совершенно абсурдныхъ размѣровъ. Ея производительность отнюдь не соотвѣтствуетъ ея настоящей цѣнности, вызванной именно крестьянскимъ малоземельемъ и тѣмъ обособленнымъ, подчиненнымъ положеніемъ, которое занимаетъ мужикъ въ общемъ строѣ государства. Тѣмъ не менѣе, отчужденіе пришлось бы произвести именно по этой, искусственно приподнятой оцѣнкѣ, такъ какъ громадное большинство ихъ заложено и уже оплачено государствомъ въ формѣ сословныхъ банковъ. Крестьянамъ, которые воспользовались бы этими землями по ихъ распредѣленіи, пришлось бы уплачивать очень высокую, совершенно несообразную съ ихъ производительностью ренту, и эффективность распредѣленія была бы, само собой разумѣется, урѣзана, благодаря этому факту, самымъ существеннымъ образомъ.

распредѣленія земель сдѣлать будетъ нельзя, такъ какъ весь ихъ запасъ уже будетъ истощенъ настоящимъ. Повторится басня о Тришкиномъ кафтанѣ въ самомъ грандіозномъ масштабѣ.

Кризисъ крестьянскаго малоземелья не только существуетъ, но и несомнѣнно обострился уже до того, что приходится, повидимому, разсчитывать на чудеса, дабы справиться съ нимъ. Но секретъ его успѣшнаго разрѣшенія, по нашему крайнему разумѣнію, лежитъ совсѣмъ не въ насильственномъ захватѣ земель частнаго владѣнія, патернальномъ классовомъ законодательствѣ, нормировкѣ максимумовъ и минимумовъ надѣловъ и тому подобной опекѣ. Такая-то именно опека и вызвала настоящій кризисъ, и лечить его тѣми же методами прямо неразумно, какъ бы благожелательны они ни были. Почти вся Западная Европа и нѣкоторые восточные штаты Сѣверной Америки населены, конечно, гораздо гуще самыхъ густо населенныхъ русскихъ губерній, но ихъ гораздо бóльшее, сравнительно, малоземелье отнюдь не требуетъ не только радикальныхъ, но и никакихъ мѣръ. Народы превосходно съ нимъ справляются. Русское же крестьянское малоземелье только потому и представляетъ собою такую острую и въ то же время такую неразрѣшимую проблему, что оно—крестьянское. Уничтожьте крестьянство, обратите мужика въ обыкновеннаго человѣка, и онъ, конечно, и самъ справится съ своимъ малоземельемъ, такъ какъ оно перестанетъ быть насильственно пріуроченной къ нему невзгодой, а обратится въ общее, народное явленіе. Мужикъ страдаетъ не отъ абстрактнаго факта малоземелья, а отъ того, что оно къ нему прикручено безнадежно цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ цѣпей. По нашему крайнему разумѣнію, успѣшное разрѣшеніе современнаго русскаго аграрнаго вопроса зависитъ не отъ какого-либо спеціальнаго законодательства именно въ этомъ направленіи, а исключительно и всецѣло отъ общей государственной реорганизаціи. Уничтожьте понятіе о мужикѣ и все то, что нагромождено въ русскомъ законодательствѣ благодаря существованію этого понятія. Отрѣшитесь отъ идеи, что онъ—нѣчто особенное, нѣчто требующее спеціальнаго порядка вещей, спеціальныхъ учрежденій и чиновъ. Дайте ему свободу дѣйствія и передвиженія, не зависящія ни отъ земскаго начальника, ни отъ волостного писаря, ни отъ общины. Избавьте его какъ отъ государственнаго, такъ и отъ общиннаго гнёта. Если дворянинъ, священникъ и купецъ судятся у мирового судьи, пусть и мужикъ судится у него же. Если онъ желаетъ ѣхать въ Петербургъ, въ Сибирь или въ Америку,—не требуйте отъ него спеціальныхъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ десятка учрежденій и лицъ. Не навязывайте ему ни отечески-насильственно, ни снисходительно-покровительственно ничего такого, чего онъ самъ не желаетъ. Словомъ, не выдѣляйте его, не окружайте

его спеціальными благодѣяніями, которыя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только портятъ ему жизнь, не давая ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ. Ему нужна только свобода и осязательное сознаніе того, что онъ можетъ ею пользоваться. Разъ онъ почувствуетъ это, онъ справится съ своимъ малоземельемъ и безъ чьей бы то ни было помощи. Повидимому, даже лучшіе русскіе люди не могутъ отдѣлаться отъ того фатальнаго предубѣжденія, что для крестьянина нужна особая политика, особая политическая экономія, что ему нужно не то, чѣмъ живетъ весь остальной міръ, а нѣчто особенное, спеціально для него приготовленное. Крестьянинъ, конечно, отсталъ, его мышленіе тяжело, его логика своеобразна. Но вѣдь и земледѣльческіе классы во всѣ времена и у всѣхъ народовъ отставали и отстаютъ отъ своихъ горожанъ. Нѣмецкій бауэръ, французскій пэйзанъ, американскій фермеръ—самымъ существеннымъ образомъ отличаются отъ своихъ городскихъ согражданъ. Но всѣ они, пользуясь только равноправностью передъ закономъ и тѣмъ фактомъ, что все государство страдаетъ одинаково отъ малоземелья, давно справляются съ нимъ съ большимъ успѣхомъ разнообразными способами. Вездѣ существуетъ частное землевладѣніе, нигдѣ нѣтъ нормировокъ, и всякій отлично понимаетъ, что дробленіе поземельнаго имущества разумно только въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ достиженіемъ которыхъ излишекъ населенія долженъ уходить. Извѣстныя мѣстности, уже достигшія такихъ предѣловъ дробленія, ежегодно выдѣляютъ изъ состава своего населенія извѣстный процентъ, которому тамъ дѣлать нечего. И русскій крестьянинъ давно понялъ, что это—самый вѣрный и разумный практическій выходъ изъ малоземелья; но, не пользуясь равноправностью и будучи по рукамъ и по ногамъ спутанъ различными правительственными соображеніями, или фискальнаго характера, или вызываемыми себялюбивыми интересами другихъ классовъ, и начальническимъ произволомъ,—въ дѣлѣ переселенія онъ до сихъ поръ долженъ былъ ограничиваться самоуправствомъ, только рѣдко, сравнительно, удававшимся. Въ то же время, въ смыслѣ владѣнія свободными землями, Россія обставлена безконечно лучше любого западно-европейскаго государства, такъ какъ и на нѣкоторыхъ окраинахъ, и въ Средней Азіи, и въ Сибири, имѣются огромныя пространства и удобной къ воздѣлыванію земли, и такой, которая можетъ быть сдѣлана удобною съ самыми незначительными, сравнительно, затратами,—десятки и даже сотни милліоновъ десятинъ, гораздо больше, чѣмъ находится въ частномъ владѣніи на всемъ пространствѣ европейской Россіи. Казенная переселенческая система формальна, какъ всѣ чисто кабинетныя измышленія, тяжела, какъ весь бюрократизмъ, неповоротлива и неотзывчива, и, главное, произвольна. Мы надѣемся, что Государственная Дума, установивъ равно-

правность крестьянина и уничтоживъ связывающія его путы, не будетъ искать спасенія въ старыхъ, избитыхъ канцелярскихъ методахъ, а предоставитъ детали исполненія общественной самодѣятельности, и что дѣло переселенія изъ малоземельныхъ мѣстностей сразу и само собой встанетъ на дѣловую ногу и отвѣтитъ на всѣ требованія острой нужды. Такое рѣшеніе современнаго аграрнаго вопроса будетъ и правильнѣе, и легче, а главное, гораздо цѣлесообразнѣе какихъ-либо радикальныхъ мѣръ, могущихъ, въ лучшемъ случаѣ, имѣть только временное значеніе. Когда не будетъ мужика, сами собой исчезнутъ и спеціальныя мужицкія нужды, и какъ ни остра самая важная изъ нихъ, малоземелье,—и она исчезнетъ вмѣстѣ съ другими весьма быстро передъ дружнымъ разумнымъ напоромъ соединенныхъ свободныхъ народныхъ силъ.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ,
Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906.

Условія, при которыхъ открывается Государственная Дума.—Ближайшія ея задачи.—Необходимость поставить на очередь аграрный вопросъ.—Проектъ новой редакціи основныхъ законовъ.—Законъ 14-го и 18-го марта.—„Клубъ независимыхъ“ и московское особое присутствіе.—„Нужны ли Россіи демократическія реформы“?

Когда эти строки появятся въ печати, въ Таврическомъ дворцѣ будетъ уже засѣдать Государственная Дума. Тяжелымъ окажется ея положеніе, если она встрѣтится лицомъ къ лицу съ министерствомъ, навлекшимъ, въ послѣдніе полгода, столько бѣдъ на Россію. Производительная работа будетъ осложнена неизбѣжными личными счетами; много времени и силъ придется потратить на борьбу съ препятствіями, которыя такъ легко было бы устранить перемѣной, хотя бы и запоздалой, въ составѣ и настроеніи правительства. Увѣренность въ томъ, что Думѣ удастся найти выходъ изъ окружающихъ ее затрудненій, поддерживается въ насъ, однако, результатомъ выборовъ. Почти безнадежной могла казаться еще недавно побѣда прогрессивныхъ элементовъ, стѣсненныхъ, связанныхъ, отданныхъ во власть большихъ и маленькихъ сатраповъ. Нуженъ былъ неисчерпаемый запасъ оптимизма, чтобы вѣрить въ торжество права и правды. Мало освѣдомленными, разъединенными, заранѣе заподозрѣнными избиратели шли къ урнамъ, подъ бдительнымъ надзоромъ безцеремонной, безотвѣтственной администраціи. И все-таки, за рѣдкими, сравнительно, исключеніями, имъ удалось столковаться между собою, отличить друзей отъ враговъ и провести въ Думу сомкнутые ряды защитниковъ народнаго блага и народной свободы. Въ этомъ мы видимъ залогъ дальнѣйшаго успѣха. Оппозиціонное большинство Думы явится той организованной силой, которой до сихъ поръ не видала передъ собою всемогущая бюрократія. Противъ него нельзя будетъ пустить

въ ходъ обычныхъ пріемовъ застращиванья и замалчиванья; не найдется противъ него орудій ни въ старомъ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, ни въ новыхъ, поспѣшно изданныхъ правилахъ, номинально—регламентирующихъ, на самомъ дѣлѣ — парализующихъ свободу. Останется только одно, крайнее средство—распущеніе Думы: но рискъ, съ нимъ сопряженный, такъ великъ, что обращеніе къ нему, по крайней мѣрѣ на первое время, очень мало вѣроятно.

Есть еще одно обстоятельство, позволяющее смотрѣть безъ слишкомъ большой тревоги на ближайшее будущее. Связующей нитью между составными частями думскаго большинства послужитъ не только отрицательное отношеніе къ министерству Витте - Дурново, но и одинаковость взгляда на главныя задачи народнаго представительства. Для крестьянъ, которыхъ въ Думѣ будетъ очень много, на первомъ планѣ стоитъ, конечно, аграрный вопросъ: его разрѣшенія нетерпѣливо ждетъ народная масса. Широкое мѣсто отводятъ ему и требованія конституціонно-демократической партіи, и программы группъ, наиболѣе къ ней близкихъ. Нельзя, поэтому, сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ выдвинутъ Думой, независимо отъ того, какъ отнесутся къ нему въ правительственныхъ сферахъ. Съ другой стороны, для общества, такъ долго задыхавшагося въ тискахъ молчанія и бездѣйствія, особенно цѣнна политическая свобода, во всѣхъ ея видахъ и формахъ; но сознаніе ея важности проникло въ ширь и глубь, и сторонники ея насчитываются теперь не тысячами, а милліонами. Народу не чужда болѣе мысль, что основой *благосостоянія* можетъ служить только *право*, прочное, огражденное отъ произвольныхъ нарушеній. Эта мысль созрѣвала въ тиши, не подавляемая, а наоборотъ, обостряемая усиленнымъ гнетомъ послѣднихъ десятилѣтій. Ее высказывали представители крестьянства уже въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902-го года; съ еще большею яркостью она выступила на свѣтъ въ заявленіяхъ избирателей и выборщиковъ. Мы едвали ошибемся, если скажемъ, что въ крестьянахъ - членахъ Думы найдутъ поддержку всѣ предложенія, направленныя къ рѣшительному разрыву съ старой правительственной системой, къ расширенію полномочій народнаго представительства, къ обезпеченію личной и общественной свободы.

Возможно ли, однако, поставить на первую очередь аграрный вопросъ? Вѣдь онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены по готовымъ образцамъ, безъ предварительныхъ изслѣдованій на мѣстахъ, безъ кропотливой разработки деталей. Нетрудно, напримѣръ, составить новыя правила о собраніяхъ и союзахъ или о личной неприкосновенности: русская жизнь не представляетъ

такихъ особенностей, которыя мѣшали бы примѣненію къ ней, въ этой области, общихъ нормъ, давно испытанныхъ въ конституціонныхъ государствахъ. Совсѣмъ не то—продолженіе дѣла, начатаго 19-го февраля 1861-го года. Здѣсь намъ ничего не можетъ дать примѣръ западно-европейскихъ государствъ; весьма немногое можно почерпнуть и изъ исторіи преобразованія, произведеннаго у насъ почти полвѣка тому назадъ, при существенно иной обстановкѣ. Нѣтъ готовыхъ статистическихъ данныхъ, сколько-нибудь достовѣрныхъ; нѣтъ исходныхъ точекъ, принимаемыхъ безъ спора всѣми сознающими необходимость рѣшительнаго шага. Все нужно создать вновь, все нужно начать съ начала, съ собиранія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Въ различныхъ частяхъ государства, иногда даже въ различныхъ частяхъ губерніи или уѣзда совершенно различно положеніе крестьянъ, различны, слѣдовательно, и мѣры, необходимыя для его улучшенія. Не ясно ли, затѣмъ, что много понадобится времени и труда, прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ проведенію аграрной реформы?

Мы смотримъ на дѣло иначе и думаемъ, что ларчикъ открывается весьма просто. Нельзя, конечно, теперь же внести въ Думу законопроектъ, исчерпывающій всѣ стороны земельнаго вопроса; но вполнѣ возможно установить, безъ замедленія, главныя основы рѣшенія, которое онъ долженъ получить въ ближайшемъ будущемъ. Отъ конечной цѣли зависятъ и средства: ею обусловливаются свѣдѣнія, которыя должны быть собраны, работы, которыя должны быть исполнены на мѣстахъ. Пока неизвѣстно, къ чему слѣдуетъ идти, нельзя опредѣлить дорогу, которой слѣдуетъ держаться. Возьмемъ, для примѣра, программу партіи демократическихъ реформъ, въ той ея части, которая касается аграрной политики. Высказываясь за надѣленіе землею безземельныхъ поселянъ, за увеличеніе площади землепользованія малоземельныхъ и за обращеніе на этотъ предметъ, въ необходимыхъ размѣрахъ, не только земель казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, но и частновладѣльческихъ, программа рекомендуетъ приближеніе, по возможности, къ такому размѣру землепользованія, при которомъ земля можетъ быть обработываема собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ господствующей въ данной мѣстности. Изъ этого общаго начала, еслибы рѣшено было положить его въ основу новыхъ земельныхъ порядковъ, неизбѣжно вытекалъ бы цѣлый рядъ изысканій, направленныхъ къ установленію высшей нормы дополнительнаго надѣла. Та же программа опредѣляетъ условія, при которыхъ частновладѣльческая земля не подлежитъ принудительному отчужденію; необходимо было бы, слѣдовательно, привести въ ясность, въ какой мѣрѣ эти условія имѣются на лицо въ каждой данной мѣстности и насколько уменьшается отъ того запасъ земли для дополнительныхъ

надѣловъ. Аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и по поводу всѣхъ другихъ программъ, въ чемъ бы онѣ ни заключались.

Въ исторіи нашего законодательства есть одинъ прецедентъ, вполнѣ примѣнимый къ занимающему насъ вопросу. Когда правительство императора Александра II-го убѣдилось въ томъ, что зданіе стараго суда, въ конецъ расшатанное и сгнившее, требуетъ не починки, а ломки, когда были признаны недостаточными робкія полумѣры Блудовскихъ проектовъ, и оказалось необходимымъ коренное преобразованіе,—къ составленію подробныхъ судебныхъ уставовъ было приступлено не сразу: рѣшено было установить сначала основныя положенія реформы. Разсмотрѣнныя въ законодательномъ порядкѣ, онѣ были утверждены 28-го сентября 1862 года—и тѣмъ самымъ создана благопріятная обстановка для всей дальнѣйшей работы. Безпримѣрно быстрое и успѣшное ея окончаніе зависѣло, въ значительной степени, именно отъ отсутствія сомнѣній и колебаній, заранѣе устраненныхъ: оставалось только вывести заключенія изъ готовыхъ предпосылокъ и облечь ихъ въ надлежащую форму. Тѣмъ же путемъ, какъ намъ кажется, слѣдовало бы теперь двинуть впередъ земельный вопросъ. Въ Думу долженъ быть внесенъ законопроектъ, отвѣчающій, въ общихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ чертахъ, на всѣ стороны вопроса. Когда онъ получитъ силу закона, на лицо будетъ имѣться твердая почва для длиннаго ряда работъ, завершеніемъ которыхъ послужитъ стройное аграрное законодательство, проникнутое однимъ и тѣмъ же духомъ и согласное съ требованіями жизни. Совершенно недостаточнымъ суррогатомъ основныхъ положеній аграрной реформы была бы простая программа изслѣдованій, ни для кого не обязательная, слишкомъ легко поддающаяся измѣненіямъ. Ничего не предрѣшая, оставляя открытыми всѣ дороги, всѣ направленія, она не могла бы успокоить глубоко взволнованную крестьянскую массу. Осуществленіе реформы потребуетъ, въ лучшемъ случаѣ, немало времени: чтобы терпѣливо выжидать ея окончанія, нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что будетъ достигнута желанная цѣль. Такая увѣренность немыслима, пока не провозглашена допустимость и настоятельность принудительнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, отчужденія частновладѣльческихъ земель. Нельзя забывать, что принципіально отвергается, съ разныхъ сторонъ, мысль о такомъ отчужденіи. „Земельная собственность, какъ и всякая другая",—читаемъ мы, напримѣръ, въ „постановленіяхъ всероссійскаго съѣзда русскихъ людей" (засѣдавшаго въ Москвѣ въ первой половинѣ апрѣля),—„должна быть неприкосновенна. Никакія мѣры, направленныя къ успокоенію возникшей смуты, не должны касаться права собственности. Всѣ безпорядки, именуемые аграрными, никакого отношенія къ встрѣчающемуся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ малоземелью не имѣютъ.

Грабежи и погромы надо считать исключительно результатомъ преступной агитаціи". Еслибы эти „постановленія" выражали собою только мнѣніе небольшой, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожной группы, ихъ можно было бы оставить безъ вниманія; но они находятъ—или, по крайней мѣрѣ, еще недавно находили—точку опоры въ правительственныхъ сферахъ. Необходимо, поэтому, чтобы теперь же былъ услышанъ авторитетный голосъ Государственной Думы, чтобы крестьяне, входящіе въ ея составъ, заявили свой взглядъ на отношеніе между аграрными безпорядками и малоземельемъ, чтобы представители землевладѣльческаго класса засвидѣтельствовали свою готовность пойти на встрѣчу требованіямъ массы, чтобы софизмамъ о неприкосновенности земельной собственности былъ данъ отпоръ во имя справедливости и права. Все это станетъ возможнымъ и неизбѣжнымъ, какъ только на разсмотрѣніе Думы поступятъ, въ видѣ законопроекта, основныя начала аграрной реформы. Если такой законопроектъ будетъ внесенъ министерствомъ, не сходящимъ съ почвы старыхъ административныхъ традицій, его предложеніямъ должны быть противопоставлены другія, идущія отъ самой Думы.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ проектъ новой редакціи основныхъ законовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, вопреки намѣренію его составителей, въ первой половинѣ минувшаго мѣсяца. Если утвержденію его не помѣшаетъ пріемъ, встрѣченный имъ въ обществѣ и въ печати, онъ можетъ до крайности обострить отношенія между правительствомъ и Государственной Думой и затруднить безъ того уже нелегкую, при данныхъ условіяхъ, законодательную работу. Начнемъ съ замѣчаній формальнаго свойства, вполнѣ достаточныхъ для того, чтобы оправдать отрицательное отношеніе къ проекту. Манифестъ 20-го февраля существенно умалилъ права народнаго представительства, установивъ, что починъ пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ исключительно верховной власти. Сила этого правила распространялась, однако, только на тѣ законы, которые дѣйствовали, въ качествѣ основныхъ, въ моментъ изданія манифеста. Всѣ остальные законы, существовавшіе въ этотъ моментъ, должны были подлежать измѣненію, дополненію и отмѣнѣ на общемъ основаніи, т.-е. безъ ограниченія, по отношенію къ нимъ, инициативы Государственной Думы. Расширить сферу основныхъ законовъ и уменьшить, тѣмъ самымъ, права Думы можно было не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, безповоротно установленнаго манифестомъ 17-го октября, т.-е. съ согласія Думы. Само собою разумѣется, что на одобреніе Думою той редакціи основныхъ законовъ, которую они получили подъ рукой совѣта министровъ, разсчитывать было нельзя—и вотъ, предпринимается попытка

обойтись безъ ея согласія. Посмотримъ, чего хотѣло достигнуть этимъ путемъ, министерство Витте-Дурново.

„Государь Императоръ, по ст. 11-ой проекта, въ порядкѣ верховнаго управленія издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами* (подчеркнутыя слова, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдуетъ исключить), указы и повелѣнія, необходимые для исполненія законовъ, для устройства частей государственнаго управленія, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія". Если бы эта статья была измѣнена согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, она прямо упразднила бы предшествующее ей правило, въ силу котораго законодательная власть осуществляется императоромъ „въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой"; но почти тотъ же, въ сущности, результатъ — т.-е. отправленіе законодательныхъ функцій безъ участія народныхъ представителей—можетъ быть достигнутъ и при редакціи, одобренной большинствомъ совѣта министровъ. Замѣтимъ, прежде всего, что ст. 11-ая имѣетъ въ виду не какія-нибудь экстраординарныя усложненія, а нормальное теченіе дѣлъ, не промежутокъ между двумя сессіями Думы, а любую данную минуту. Это видно изъ того, что образъ дѣйствій правительства при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возникшихъ во время прекращенія занятій Государственной Думы, предусмотрѣнъ другою (40-ою) статьею проекта, основанною на манифестѣ 20-го февраля [1]. Итакъ, параллельно и одновременно съ законодательною дѣятельностью трехъ властей (императора, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы) можетъ существовать законодательная дѣятельность одной изъ нихъ— безспорно *законодательная*, потому что нельзя же назвать иначе устройство государственнаго управленія, огражденіе безопасности и порядка, обезпеченіе народнаго благосостоянія. Все это, въ правовомъ государствѣ, несомнѣнно регулируется законами, именно и только законами. Въ формѣ повелѣнія, направленнаго къ „устройству частей государственнаго управленія", можетъ быть проведено, напримѣръ, ограниченіе круга дѣйствій земскихъ учрежденій, въ формѣ повелѣнія, ограждающаго государственную безопасность—расширеніе административной власти въ ущербъ судебной, въ формѣ повелѣнія, обезпечивающаго народное благосостояніе—новый видъ опеки надъ народной массой. Получатся, такимъ образомъ, два законодательныхъ пути, конкуррирующіе между собою; Совѣтъ министровъ усвоитъ себѣ пріемы, выработанные, въ недавнемъ прошломъ, комитетомъ министровъ,

---

[1]) Это постановленіе манифеста подробно разобрано нами въ апрѣльскомъ обозрѣніи.

какъ соперникомъ Государственнаго Совѣта; произойдетъ длинный рядъ столкновеній, несовмѣстныхъ съ мирнымъ теченіемъ государственной и общественной жизни... При конституціонномъ образѣ правленія указы и повелѣнія монарха могутъ имѣть только одну цѣль: регулировать исполненіе законовъ, „не отсрочивая и не уничтожая ихъ дѣйствіе“ (слова конституціи итальянскаго королевства, одной изъ самыхъ благопріятныхъ для монархической власти), ничего къ нимъ не прибавляя, ни въ чемъ ихъ не замѣняя.

По ст. 18-ой проекта, Государю Императору принадлежитъ объявленіе мѣстностей россійской имперіи на военномъ или исключительномъ положеніи. И въ этой статьѣ нѣтъ указанія на *время* принятія чрезвычайной мѣры; предполагается, слѣдовательно, что она допустима и во время законодательной сессіи. Болѣе вопіющую аномалію, чѣмъ объявленіе военнаго положенія безъ согласія находящейся на лицо Государственной Думы, нельзя себѣ и представить... Ни въ этомъ случаѣ, ни вообще при изданіи актовъ верховнаго управленія не требуется, притомъ, обязательной скрѣпы министра—или министерства,—возлагающей на него отвѣтственность за принимаемую мѣру. Отвѣтственными министры признаются, по ст. 69-ой проекта, только передъ императоромъ. Правда, ст. 70-ая говоритъ объ уголовной и гражданской отвѣтственности ихъ „за нарушеніе долга службы“; но судебная отвѣтственность—далеко не то же, что политическая, да и порядокъ привлеченія къ ней министровъ, опредѣленный дѣйствующимъ закономъ, фактически равносиленъ безотвѣтственности и безнаказанности.

По истинѣ поразительна первая часть ст. 15-ой проекта, въ томъ видѣ, въ какомъ она принята большинствомъ совѣта министровъ. Государь Императоръ, за силою этой статьи, назначаетъ должностныхъ лицъ, если для нихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія; *власти его предоставляется увольненіе отъ государственной службы всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ.* Значеніе этихъ послѣднихъ словъ становится еще яснѣе, если сопоставить съ ними редакцію меньшинства: „Государь Императоръ назначаетъ и *увольняетъ* должностныхъ лицъ, если для нихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и *увольненія*“. Итакъ, подлежащими увольненію по усмотрѣнію верховной власти большинство министровъ признаетъ *всѣхъ безъ изъятія* должностныхъ лицъ, какой бы ни былъ установленъ *закономъ* порядокъ ихъ увольненія. Однимъ почеркомъ пера упраздняется здѣсь *несмѣняемость судей*, провозглашенная судебными уставами императора Александра II-го и поколебленная, но не отмѣненная закономъ 1885-го года. Что признавалось возможнымъ въ эпоху безусловнаго господства неограниченной власти, то оказывается неудобнымъ въ моментъ перехода къ конституціонной монархіи! Еслибы текстъ проекта

не былъ оглашенъ въ печати, еслибы подлинность его въ теченіе цѣлой недѣли не осталась безъ опроверженія, мы затруднились бы допустить возможность подобнаго посягательства на одну изъ главныхъ основъ правосудія, уцѣлѣвшую, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, въ самый разгаръ реакціи, въ самый расцвѣтъ произвола.

Не менѣе замѣчательна, въ другомъ родѣ, вторая часть ст. 15-ой, не возбудившая разногласія въ совѣтѣ министровъ: „власти Императорскаго Величества принадлежитъ опредѣленіе окладовъ содержанія и назначеніе размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ таковые не установлены закономъ, а также *пожалованіе служащимъ усиленныхъ окладовъ и назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ*". Никогда, кажется, истинный характеръ нашей отживающей бюрократіи не обнаруживался такъ ясно, какъ въ этихъ послѣднихъ словахъ. Свое притязаніе на великія и богатыя милости она стремится закрѣпить *основнымъ государственнымъ закономъ*, возвести на степень незыблемаго и непререкаемаго права. На порогѣ новой жизни, въ критическую минуту, самую важную, быть можетъ, изъ всѣхъ пережитыхъ Россіей, она заботится о своихъ карманныхъ интересахъ, о сохраненіи наименѣе почетной, но, вѣроятно, наиболѣе пріятной для нея прерогативы. Не слѣдуетъ забывать, что эта прерогатива эксплуатировалась и эксплуатируется верхушками бюрократіи. Для мелкой чиновничьей братіи достаточными всегда признавались законные оклады содержанія и пенсіи, хотя именно для нея они были крайне скудны. Исключенія изъ общаго правила допускались тѣмъ чаще и тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ выше было служебное положеніе лица, въ пользу котораго они испрашивались... Для насъ не совсѣмъ ясно, кого имѣетъ въ виду 15-ая статья проекта, когда говоритъ о должностныхъ лицахъ, оклады которыхъ не установлены закономъ; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что предметомъ заботы и здѣсь служатъ высшія ступени бюрократической лѣстницы. Особыми распоряженіями опредѣляется, напримѣръ—въ большинствѣ случаевъ—окладъ содержанія вновь назначаемыхъ членовъ Государственнаго Совѣта.

Существенно важныя ограниченія правъ и власти народнаго представительства создаются и другими отдѣлами разбираемаго нами проекта. За силою ст. 49-ой, постановленія по строевой, технической, хозяйственной и военно-судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій, если только они не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны или же вызываемый ими новый расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства. Цѣлыя области законодательства должны остаться, такимъ образомъ, изъятыми изъ общаго порядка. Вопросы

войскового хозяйства, вопросы военнаго суда имѣютъ, несомнѣнно, общегосударственное значеніе: ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ нельзя оправдать выдѣленіе ихъ изъ круга дѣйствій Государственной Думы. При прежнемъ режимѣ военный совѣтъ и адмиралтействъ-совѣтъ мало чѣмъ отличались отъ государственнаго совѣта; вопросъ о пути, которымъ законопроектъ дойдетъ до верховной власти, представлялся сравнительно неважнымъ. Совсѣмъ не то теперь: между Государственной Думой и такими учрежденіями, какъ военный или адмиралтействъ-совѣтъ, нѣтъ ничего общаго, и замѣнить первую послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Оговорки, сдѣланныя въ ст. 49-ой, не устраняютъ основного ея недостатка. Проектъ, вносимый въ военный или адмиралтействъ-совѣтъ, легко можетъ быть составленъ такъ, чтобы не касаться, *повидимому*, „предмета общихъ законовъ"; но, въ сущности, въ область общихъ законовъ входитъ всякое правило, установляющее, хотя бы только для одной области государственной жизни, новую обязательную норму... Средства для покрытія новаго расхода всегда найдутся въ *ожидаемыхъ* сбереженіяхъ — а если ожиданіе не оправдается, то съ расходомъ, уже произведеннымъ, придется считаться какъ съ совершившимся фактомъ.

Еще серьезнѣе правоограниченія, установляемыя, какъ нѣчто постоянное и неизмѣнное, ст. 57, 58 и 60 проекта. При обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ роспись на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также *Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ* (какъ широко раздвигается проектомъ сфера такихъ повелѣній—это показано нами выше). Кредиты на расходы министерства императорскаго двора въ суммахъ, не превышающихъ ассигнованій по государственной росписи на 1906-ой годъ, обсужденію не подлежатъ. Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Всѣ эти правила, вмѣстѣ взятыя, легко могутъ парализовать, de facto, бюджетное право народнаго представительства... Ст. 65-ая имѣетъ цѣлью увѣковѣчить, путемъ внесенія въ основные законы, ограниченіе права запроса одними *незакономѣрными* дѣйствіями министровъ и другихъ должностныхъ лицъ, т.-е. устраненіе контроля народнаго представительства надъ цѣлесообразностью и внутреннею правильностью административныхъ распоряженій.

По статьѣ 1-ой дѣйствующихъ основныхъ законовъ, „императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный; пови-

новаться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ". Соотвѣтствующая (4-ая) статья проекта изложена такъ: „императору всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ". Неограниченною власть императора перестала быть съ момента изданія манифеста 17-го октября; понятно, что съ исчезновеніемъ понятія должно было исчезнуть и соотвѣтствующее ему слово. Слово *самодержавный* сохраняетъ теперь только значеніе независимости монарха отъ какой бы то ни было внѣшней, иноземной власти. Измѣнился самъ собою и смыслъ выраженія: *верховная власть*; оно можетъ означать только высокое положеніе монарха, облеченнаго правами, которыми, кромѣ него, не обладаетъ въ государствѣ ни одно отдѣльное лицо, но отнюдь не свободу отъ исполненія законовъ—свободу, которой, въ теоріи, не имѣетъ даже государь неограниченный. Не понимать столь простыхъ истинъ—или притворяться не понимающимъ ихъ—могутъ только „истинно русскіе люди", пишущіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"... Большой ошибкой, въ виду коренной перемѣны въ положеніи монарха, было бы сохраненіе въ основныхъ законахъ указанія на источникъ повиновенія его власти. Давно уже ставшее архаизмомъ, оно держалось до сихъ поръ лишь въ силу традиціи, видѣвшей въ немъ какъ бы освященіе незыблемой основы русскаго государственнаго строя. Теперь эта основа измѣнилась, и нѣтъ основанія оставлять въ свѣтскомъ законодательствѣ призывъ къ совѣсти, для которой обязательны только велѣнія совершенно иного рода.

Въ ст. 21-ой перечислены тѣ постановленія дѣйствующихъ основныхъ законовъ, которыя должны остаться въ силѣ. Только недосмотромъ можно объяснить, что сюда отнесены правила о присягѣ подданства и самый текстъ присяги, давно требующій обновленія и явно не соотвѣтствующій новымъ условіямъ русской государственной жизни. Не могутъ остаться безъ измѣненія и статьи, касающіяся вѣры. Съ истинной свободой совѣсти несовмѣстно понятіе о *господствѣ* православной церкви (ст. 40), съ самостоятельностью церкви—понятіе о государѣ, какъ о хранителѣ догматовъ и о блюстителѣ правовѣрія (ст. 42). Гораздо болѣе широко и точно, чѣмъ въ ст. 44 и 45, должны быть опредѣлены права иновѣрцевъ.

Будетъ ли приведенъ въ исполненіе планъ совѣта министровъ, получитъ ли утвержденіе составленная имъ новая редакція основныхъ законовъ—это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но если въ намѣреніяхъ правительства и произойдетъ перемѣна, проектъ, нами разсмотрѣнный, останется знаменательнымъ памятникомъ настроенія, го-

спо́дствовавшаго въ высшихъ административныхъ сферахъ наканунѣ открытія Государственной Думы.

Не только не прекратившаяся, но въ послѣднее время даже усилившаяся законодательная дѣятельность старыхъ учрежденій сохраняла до конца тотъ же характеръ отсталости, какимъ она отличалась и прежде. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, законъ 14-го марта, измѣнившій вторую главу уголовнаго уложенія—о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Необходимость такого измѣненія была предрѣшена указомъ 17-го апрѣля прошлаго года, направленнымъ „къ укрѣпленію началъ вѣротерпимости". И что же? Осталась въ силѣ статья 90-ая уложенія, явно несовмѣстная съ этими началами. Она назначаетъ заключеніе въ крѣпости (на срокъ не свыше одного года) или арестъ за произнесеніе или чтеніе, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія, а также за распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или *ученіе* [1]), или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ. Подъ эту статью можетъ быть подведено простое изложеніе вѣрованій, несогласныхъ съ доктриной православной церкви, разъ что въ немъ подчеркнута сущность несогласія и объяснены его причины. Наличность преступной цѣли можетъ быть выведена изъ настойчивости, съ которою авторъ проводитъ свою мысль, изъ одушевленія, которымъ проникнута его аргументація. Наказуемымъ можетъ оказаться, слѣдовательно, даже обращеніе къ единовѣрцамъ, предпринятое вовсе не въ видахъ пропаганды. Пора было бы, впрочемъ, отбросить страхъ и передъ пропагандой и предоставить самой православной церкви духовную борьбу съ ея противниками, безъ вмѣшательства свѣтской власти, безъ помощи уголовныхъ каръ... Оставлены безъ измѣненія, далѣе, ст. 88 и 89 уложенія, предусматривающія нарушеніе родителями или опекунами обязанности воспитывать своихъ дѣтей или питомцевъ въ правилахъ христіанской—или православной—вѣры; между тѣмъ, такое нарушеніе естественно, почти неизбѣжно, разъ что родители—или лица, заступающія ихъ мѣсто—сами, пользуясь предоставленнымъ имъ теперь правомъ, перестали быть христіанами или православными. Еще менѣе соотвѣтствуетъ общему духу указа 17-го апрѣля сохраненіе уголовной отвѣтственности духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій (съ которыми уравнены теперь настоятели и наставники

---

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ уложенія здѣсь стояло слово *расколоученіе*; замѣна его словомъ *ученіе*—единственная поправка, сдѣланная въ данной статьѣ.

старообрядческихъ согласій и сектантскихъ общинъ) за совершеніе брака между завѣдомо православными (ст. 94-ая, пун. 2-ой). Аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и по поводу новой редакціи ст. 93-ей и пун. 1-го ст. 94-ой... Пересмотръ второй главы уложенія вовсе не коснулся тѣхъ ея постановленій, которыми назначаются страшно суровыя кары за богохуленіе и оскорбленіе святыни. Задача, намѣченная указомъ 17-го апрѣля, исполнена, такимъ образомъ, только въ самой малой ея части; до-реформенныя учрежденія оставили ее въ наслѣдство Государственной Думѣ, которой придется, вѣроятно, заняться переработкой всего уголовнаго уложенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно могло казаться шагомъ впередъ, хотя бы нерѣшительнымъ и робкимъ; теперь оно въ значительной степени устарѣло и „отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть".

Не менѣе характеренъ для отжившаго режима законъ 18-го марта, озаглавленный: „о мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ", но, въ сущности, направленный главнымъ образомъ къ ускоренію и упрощенію судебной расправы съ политическими преступниками. Средства для достиженія этой цѣли— передача нѣкоторыхъ дѣлъ, до сихъ поръ разсматривавшихся судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, также съ участіемъ сословныхъ представителей; изложеніе приговоровъ по дѣламъ, рѣшеннымъ съ участіемъ сословныхъ представителей, безъ мотивовъ, на подобіе вердиктовъ присяжныхъ засѣдателей; необязательность предварительнаго слѣдствія, какъ бы тяжко ни было обвиненіе; отмѣна процедуры преданія суду; сокращеніе сроковъ на подачу разныхъ заявленій (о вызовѣ свидѣтелей и т. п.) и на изготовленіе приговоровъ въ окончательной формѣ. Особенно опаснымъ представляется освобожденіе короннаго суда отъ обязанности мотивировать свои приговоры. Ничего подобнаго не зналъ до сихъ поръ нашъ уголовный процессъ. До такого пренебреженія къ требованіямъ правосудія, какимъ проникнутъ законъ 18-го марта, министерство юстиціи не доходило ни при Н. А. Манасеинѣ, ни при Н. В. Муравьевѣ. Вмѣсто того, чтобы облегчить трудную задачу Государственной Думы, послѣднія произведенія стараго порядка все больше и больше ее усложняютъ, увеличивая число преградъ, подлежащихъ устраненію съ пути прогресса.

По стопамъ высшихъ правительственныхъ учрежденій идутъ, какъ всегда, подчиненные органы власти. Типичнымъ примѣромъ ихъ усердія можетъ служить недавнее постановленіе московскаго особаго городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія, образованнаго въ

силу „временныхъ“ правилъ 4-го марта (его составъ—градоначальникъ, помощникъ градоначальника, губернскій предводитель дворянства, управляющій казенной палатой, предсѣдатель прокуратуры, предсѣдатель губернской управы, городской голова и членъ отъ городской думы). На разсмотрѣніе присутствія былъ внесенъ уставъ „клуба независимыхъ“, основаннаго въ Москвѣ кн. В. М. Голицынымъ и кн. Е. Н. и Г. Н. Трубецкими. Въ этомъ уставѣ признается, между прочимъ, что верховная власть въ Россіи принадлежитъ монарху и народному представительству, имѣющему ближайшей задачей проведеніе въ жизнь демократическихъ началъ и организованному на основахъ двухпалатной системы. Большинство присутствія нашло эти положенія не соотвѣтствующими существующему нынѣ въ Россіи государственному устройству, дѣйствующимъ основнымъ законамъ и манифесту 20-го февраля. Уголовное уложеніе 1903-го года установляетъ наказуемость участія въ сообществахъ, поставившихъ цѣлью своей дѣятельности измѣненіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя—а правила 4-го марта не допускаютъ обществъ, преслѣдующихъ воспрещенныя уголовнымъ закономъ цѣли. Воспрещаются, также, общества, угрожающія общественному спокойствію—а съ общественнымъ спокойствіемъ несовмѣстно, по мнѣнію большинства присутствія, предположенное клубомъ независимыхъ активное участіе, законными способами и средствами, въ политической и общественной жизни страны и въ предвыборной агитаціи. По этимъ основаніямъ присутствіе, большинствомъ голосовъ, отказало въ регистраціи устава клуба. И это постановленіе состоялось за мѣсяцъ до открытія Государственной Думы! Въ странѣ, гдѣ законодательная власть уже раздѣлена между монархомъ и народнымъ представительствомъ, не можетъ существовать общество, исходной точкой котораго служитъ признаніе этого факта! Въ странѣ, начинающей жить новою жизнью, не допускается закономѣрное участіе общества въ политической дѣятельности! Въ странѣ, гдѣ открыто происходила и происходитъ предвыборная агитація, она провозглашается угрожающей общественному спокойствію! Можно было бы подумать, что большинство московскаго особаго присутствія живетъ внѣ времени и пространства, еслибы не было другого, болѣе простого объясненія для его образа дѣйствій. Вѣрное бюрократическимъ завѣтамъ, оно присматривается не столько къ ходу событій, сколько къ отраженію ихъ въ мнѣніяхъ и поступкахъ начальства. Оно видитъ, что въ высшихъ административныхъ сферахъ безнаказанно примѣняются старые пріемы, попрежнему процвѣтаетъ произволъ—и это приводитъ его къ убѣжденію, что запрещенное въ недавнемъ прошломъ продолжаетъ быть недопустимымъ и въ настоящую минуту. Во что обратились бы наши партіи, еслибы

къ нимъ была примѣнена точка зрѣнія московскаго присутствія? Во что обратился бы государственный и общественный строй, разъ навсегда объявленный неподвижнымъ и неизмѣннымъ?.. Въ толкованіи уголовнаго уложенія присутствіе опередило даже наиболѣе усердныхъ судей, расширяющихъ до крайнихъ предѣловъ сферу дѣйствій узаконеній о смутѣ: оно замѣнило слово *ниспроверженіе*, употребленное въ ст. 126-ой уложенія, словомъ *измѣненіе*—и этимъ путемъ пришло къ заключенію о преступности цѣли, преслѣдуемой миролюбивымъ и спокойнымъ „клубомъ независимыхъ".

Программа партіи демократическихъ реформъ, напечатанная, три мѣсяца тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы", подверглась критическому разбору въ брошюрѣ г. А. Зиновьева, озаглавленной: „Нужны ли Россіи демократическія реформы?" Самое заглавіе брошюры показываетъ, что она направлена не только противъ одной партіи, но противъ цѣлаго настроенія, обнимающаго собою широкія и разнообразныя общественныя группы. Съ точки зрѣнія этихъ группъ, демократическій строй общества и государства долженъ быть созданъ у насъ въ ближайшемъ будущемъ; по мнѣнію автора брошюры, онъ уже имѣется на лицо, его завѣщало наше историческое прошлое. Приведя изъ словаря Литтре два опредѣленія демократіи: „общественное устройство, исключающее организованную аристократію, но не монархію" и „политическій режимъ, охраняющій интересы массъ или претендующій на ихъ охрану",—г. Зиновьевъ утверждаетъ, что и подъ то, и подъ другое подходила уже дореформенная Россія; „организованной аристократіи у насъ никогда не было, а политическій режимъ всегда покровительствовалъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ себя покровительствующимъ интересамъ массы". Во всѣ эпохи своего государственнаго развитія „Россія по существу, хотя быть можетъ и безсознательно, всегда оставалась строго демократической страной... Если это такъ, то едва ли можетъ быть рѣчь о внѣдреніи демократическихъ элементовъ въ организмъ, ихъ уже вѣками въ себя всосавшій". Съ нашей точки зрѣнія демократическія реформы должны быть предприняты не для „внѣдренія" демократическихъ элементовъ, а для постановки народнаго организма въ условія, соотвѣтствующія его характеру и духу. Да, попытки привить къ Россіи аристократическія начала всегда терпѣли неудачу—но это не мѣшало ихъ повторенію, настойчивому, упорному, тяжело отзывавшемуся на судьбѣ населенія. Онѣ слѣдовали одна за другою въ теченіе послѣдней четверти вѣка, угнетая и унижая крестьянство, портя земство, деморализуя дворянство, разбрасывая на вѣтеръ народныя средства. Еще раньше онѣ вели къ укрѣ-

пленію крѣпостного права, къ возведенію его въ систему и въ перлъ созданія. Екатерина II-ая, размножая крѣпостныхъ, Николай I-ый, охраняя крѣпостничество, едвали считали себя, въ силу этого, покровителями „интересовъ массы“. Если не во второй половинѣ XVIII-го, то ужъ конечно въ первой половинѣ XIX-го вѣка для правительства не былъ тайной страшный вредъ, приносимый рабствомъ—но оно не рѣшалось наложить на него руки, потому что меньше заботилось о рабахъ, чѣмъ о рабовладѣльцахъ, полезныхъ ему, притомъ, въ качествѣ „даровыхъ полиціймейстеровъ“.

Сдѣлать невозможнымъ возвращеніе къ политикѣ, благопріятствующей меньшинству въ ущербъ массѣ—не единственная задача демократическихъ реформъ. На мѣсто „покровительства интересамъ массы“—мнимаго или хотя бы дѣйствительнаго—должно быть поставлено *служеніе* этимъ интересамъ. Оно возможно только при такомъ государственномъ строѣ, при которомъ свободно раздается голосъ народа и прочно обезпечено вліяніе народнаго представительства. Оно требуетъ, далѣе, такого распоряженія средствами народа, которое не налагало бы тяжкаго бремени на неимущихъ и малоимущихъ; оно требуетъ такого вмѣшательства въ экономическую жизнь, которое ограждало бы права труда, въ различныхъ его видахъ и формахъ. Во всѣхъ этихъ областяхъ предстоитъ громадная творческая работа, тѣмъ болѣе громадная, чѣмъ короче были періоды преобразованій, чѣмъ продолжительнѣе —періоды реакціи и застоя. Г. Зиновьевъ полагаетъ, что нужно только очистить „демократическій механизмъ“ отъ чуждыхъ ему элементовъ и дополнить его частями, „отсутствіе которыхъ мѣшаетъ его плавному и стройному дѣйствію“; мы думаемъ, что „демократическій механизмъ“ долженъ быть весь созданъ заново, изъ имѣющагося на лицо, но до сихъ поръ почти не использованнаго матеріала.

Отъ общихъ замѣчаній о демократіи и о демократическихъ элементахъ русскаго общества г. Зиновьевъ переходитъ къ детальной критикѣ нѣкоторыхъ пунктовъ программы партіи демократическихъ реформъ. Отлагая до другого раза разборъ этого отдѣла его брошюры, остановимся на одной статьѣ „Русскаго Государства“, основная мысль которой, соприкасаясь отчасти съ аргументаціею г. Зиновьева, еще гораздо болѣе парадоксальна. „Русскіе самодержцы-Романовы“—говоритъ сотрудникъ оффиціозной газеты—„отъ первыхъ дней до настоящаго времени были властителями либеральными, а не реакціонными... Не Аракчеевъ, а Сперанскій былъ выразителемъ взглядовъ Александра I-го; не Муравьевъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Александру II-му, а гуманные люди, подготовившіе крестьянскую реформу... Указываютъ на царствованіе Николая I-го, какъ настоящій идеалъ самодержавія. Но если внимательно всмотрѣться въ порядки

внутренней жизни Россіи при Николаѣ I, то открывается очень любопытный фактъ: тогдашняя Россія дѣлилась на двѣ неравныя половины: дворянскую и крестьянъ-крѣпостныхъ. Первая—единственно активная и заключавшая въ себѣ всю тогдашнюю интеллигенцію, вовсе не была безправной: вся внутренняя жизнь Россіи, ея администрація и судъ, были въ рукахъ дворянъ, и не только на основаніи ихъ дворянскихъ привилегій, но и на основѣ выборнаго начала. Тогда выбирались становые (до 40-хъ годовъ) и исправники, т.-е. вся полиція; выбирались хозяева уѣздовъ и губерній—предводители; выбирались предсѣдатели и члены уголовныхъ и гражданскихъ палатъ и уѣздныхъ судовъ. Судъ былъ выборный и несмѣняемый". Цѣль, преслѣдуемая авторомъ, похвальна: онъ хочетъ вырвать почву изъ-подъ ногъ „истинно русскихъ людей" грингмутовскаго типа, доказавъ, что самодержавіе никогда не было тѣмъ, чѣмъ они его выставляютъ—но средство выбрано имъ черезчуръ неудачно. Не Сперанскій, удаленный въ ссылку послѣ четырехъ лѣтъ далеко не полнаго могущества, а Аракчеевъ, неизмѣнно остававшійся близкимъ къ императору, наложилъ свою печать на царствованіе Александра I-го. Слишкомъ скоро прекратилось вліяніе „гуманныхъ людей, подготовившихъ крестьянскую реформу"; съ 1866-го по 1880-ый годъ, а отчасти и раньше, не имъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ совѣтахъ Александра II-го. Невѣрно, что дворянство заключало въ себѣ всю тогдашнюю интеллигенцію (чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно назвать Полевого и Бѣлинскаго)—но и дворянство, властное по отношенію къ „низшему роду людей", было безправно передъ бюрократіей. Хозяиномъ губерніи былъ не предводитель, а губернаторъ; выборные полицейскіе чины зависѣли отъ него ничуть не меньше, чѣмъ назначенные; выборные судьи были несмѣняемы, пока ихъ не удаляли отъ должности. Надъ дворянами, какъ и надъ всѣми другими сословіями, тяготѣлъ произволъ жандармовъ и третьяго отдѣленія; никто не могъ быть увѣренъ, что завтра же не очутится въ тюрьмѣ или ссылкѣ... Нѣтъ, никакими софизмами не удастся доказать, что русскіе самодержцы были „властителями либеральными". У нѣкоторыхъ изъ нихъ были фазисы либерализма, большею частью весьма короткіе и скоро уступавшіе мѣсто реакціи или, въ лучшемъ случаѣ, застою; въ правленіи другихъ не было и такихъ свѣтлыхъ промежутковъ. Иначе, въ сущности, и быть не можетъ: либерализмъ неограниченной власти мыслимъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія.

ПО ПОВОДУ

статьи г. Воропонова: „Крестьянскій банкъ и его начало".

Г-нъ Воропоновъ въ статьѣ своей „Крестьянскій банкъ и его начало" (Вѣстникъ Европы", декабрь 1905 года) упоминаетъ, между прочимъ, и о томъ, какъ отнеслось московское губернское земство въ 1879 году къ вопросу объ учрежденіи земскаго банка для оказанія содѣйствія крестьянамъ при покупкѣ ими земли. При этомъ, г. Воропоновъ касается участія въ этомъ дѣлѣ моего покойнаго отца, Д. Ѳ. Самарина, и характеризуетъ его отношеніе къ этому дѣлу такими выраженіями, которыя могутъ подать поводъ къ совершенно неправильному представленію, какъ о взглядахъ моего отца на крестьянскій земельный вопросъ вообще, такъ и о положеніи, занятомъ имъ при обсужденіи этого вопроса въ московскомъ губернскомъ земствѣ.

„Общественное движеніе показывало, — говоритъ г. Воропоновъ, —что идея земельной помощи крестьянству распространялась очень успѣшно и сочувствіе ей росло, но въ то же время иниціаторы мѣстами встрѣчали еще сильную оппозицію представителей противоположныхъ тенденцій, которые кое-гдѣ и проваливали возникавшія предложенія. Особенно замѣчательны были проявленія оппозиціи въ Москвѣ и Тамбовѣ. „Не первая, не вторая и даже не третья" въ крестьянскомъ дѣлѣ, Московская губернія отличилась тѣмъ, что въ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, подъ руководствомъ Д. Ѳ. Самарина (братъ извѣстнаго почтеннаго дѣятеля крестьянской реформы, Юрія Ѳедоровича), называя вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ", „раздутымъ литературою",—добилась обращенія земскаго рѣшенія въ другую сторону: вмѣсто земельныхъ добавокъ заняться неопредѣленными агрономическими опытами на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ — авось они, дескать, наведутъ на какой-нибудь новый выходъ! Разумѣется, изъ этихъ опытовъ ничего не вышло, но вѣдь оппозиціи только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства" („Вѣстникъ Европы", декабрь, 1905 г., стр. 523).

Итакъ, г. Воропоновъ утверждаетъ, что при разсмотрѣніи проекта земскаго банка въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, которою руководилъ Д. Ѳ. Самаринъ, называла вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ" и „раздутымъ литерату-

рою". Кому принадлежатъ выраженія, поставленныя въ ковычкахъ, г. Воропоновъ не говоритъ, но по связи рѣчи можно думать, что онъ приписываетъ ихъ Д. Ѳ. Самарину, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ сказать, что Д. Ѳ., какъ руководитель оппозиціи, ихъ одобрялъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Д. Ѳ. Самаринъ не только не называлъ вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ" и „раздутымъ литературою", но совершенно опредѣленно заявилъ о своемъ несогласіи съ тѣмъ изъ членовъ губернскаго земскаго собранія, который дѣйствительно высказалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Въ этомъ г. Воропоновъ могъ убѣдиться, справившись, по журналамъ земскаго собранія, съ рѣчью, произнесенною Дмитріемъ Ѳедоровичемъ въ засѣданіи 19-го декабря 1879 года при обсужденіи доклада о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель. Вотъ существенныя мѣста изъ этой рѣчи [1]).

„Московскій уѣздъ—сказалъ Д. Ѳ. въ началѣ своей рѣчи—возбудилъ вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія и о способахъ улучшенія его. *Такой постановкѣ вопроса я безусловно и вполнѣ сочувствую.* Большая заслуга московскаго уѣзднаго земства, что оно поставило этотъ вопросъ на очередь. Дѣйствительно, въ послѣднія 19 лѣтъ почти ничего не предпринималось [2]), какъ будто пришли къ заключенію, что достаточно одной реформы 19-го февраля 1861 года, чтобы вполнѣ и безусловно разрѣшить вопросъ о благосостояніи крестьянъ... Между тѣмъ, я полагаю, что вопросъ объ улучшеніи (быта) крестьянъ... никогда окончательно не будетъ рѣшенъ. Это вопросъ, который постоянно и постоянно возбуждается, и постоянно нужно бороться и изыскивать средства для его рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ... (какъ) попыткѣ рѣшить вопросъ, я придаю значеніе докладу уѣздной земской управы... Вопросъ поставленъ такимъ образомъ: экономическое положеніе крестьянъ Московской губерніи въ упадкѣ... Я не думаю отрицать этого и полагаю, что дѣйствительно должны быть приняты мѣры, чтобы содѣйствовать крестьянамъ выйти изъ такого поло-

---

[1]) Журналы Московскаго губернскаго земскаго собранія, декабрь 1879 г., стр. 251—254. Это — стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ московскаго губернскаго земскаго собранія. Къ сожалѣнію, стенографическая запись издана безъ предварительной обработки ея текста для печати въ редакціонномъ отношеніи. Этимъ объясняются многочисленныя повторенія и неправильные въ стилистическомъ отношеніи обороты рѣчи. Поэтому оказалось невозможнымъ перепечатать рѣчь Д. Ѳ. Самарина цѣликомъ и пришлось ограничиться лишь выдержками изъ нея. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для ясности добавлены отдѣльныя слова, очевидно пропущенныя въ текстѣ; всѣ подобныя вставки отмѣчены скобками. Извлеченіе изъ той же рѣчи приведено въ „Сборникѣ Постановленій Московскаго губернскаго земскаго собранія", изданномъ въ память Д. А. Наумова, т. III, стр. 59.

[2]) Очевидно, для устройства быта крестьянъ и для обезпеченія ихъ благосостоянія.—Ѳ. С.

женія и улучшить свое благосостояніе. Но я предлагаю вопросъ составителямъ проекта: есть ли это явленіе общее, замѣченное и подтвержденное статистикой относительно всей губерніи и вообще всѣхъ крестьянъ? Я спрашиваю, служитъ ли проектъ (представленный московской земской управой) отвѣтомъ на вопросъ, поставленный въ такой широкой и общей формѣ? Я полагаю, что нѣтъ. Я нисколько не думаю отрицать извѣстной степени важности величины надѣла для благосостоянія крестьянъ. Довольно трудно было бы и странно поддерживать [1]) въ принципѣ такого рода положеніе, будто величина надѣла не имѣетъ никакого значенія для благосостоянія крестьянъ, потому что при 10 дес. земли будетъ не то же благосостояніе, какъ при 3 дес.... Но мнѣ представляется, что (предлагаемая) мѣра — покупка земли — будетъ имѣть весьма незначительное примѣненіе на дѣлѣ. Если же она будетъ имѣть незначительное примѣненіе на дѣлѣ по многимъ и многимъ причинамъ, то будетъ ли она въ существѣ содѣйствовать подъему общаго благосостоянія крестьянъ и можетъ ли поэтому эта мѣра быть выдвигаема, какъ существенная коренная мѣра, способствующая подъему благосостоянія крестьянъ? Мнѣ кажется, нѣтъ. Общимъ отвѣтомъ на общій вопросъ она не можетъ быть. Мнѣ кажется, далѣе, что самой этой мѣрѣ — пріобрѣтенію земель для крестьянъ, *которому я безусловно сочувствую и безусловно не раздѣляю здѣсь сказаннаго, что крестьяне не желаютъ этого пріобрѣтенія и даже покидаютъ землю*,—что, вполнѣ сочувствуя ей, не слѣдуетъ придавать ей того значенія, котораго она въ дѣйствительности не имѣетъ и не можетъ имѣть. Мнѣ кажется, что пріобрѣтеніе земель въ сущности больше содѣйствуетъ упроченію (быта) крестьянъ въ будущемъ, чѣмъ служитъ отвѣтомъ на довольно острое болѣзненное явленіе, которое мы замѣчаемъ въ настоящее время—на упадокъ благосостоянія крестьянъ... Повторяю, что сочувствую покупкѣ земель, какъ отдѣльной мѣрѣ, но отрицаю, какъ общую мѣру. Общая, мнѣ представляется, заключается въ содѣйствіи улучшенію земледѣлія крестьянъ"...

Изъ этого видно, что Д. Ѳ. Самаринъ не только не считалъ вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли „вздорнымъ", но безусловно сочувствовалъ этой мѣрѣ, только не придавалъ ей того значенія, которое ей многіе склонны придавать. Онъ не видѣлъ въ ней радикальнаго средства для улучшенія благосостоянія крестьянъ, смотрѣлъ на нее, какъ на мѣру частную, имѣющую неодинаковое значеніе для различныхъ мѣстностей и разрядовъ крестьянъ, а на

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ стоитъ, очевидно, ошибочно: „отвергать", вопреки общему смыслу и связи рѣчи.

первый планъ, какъ мѣру общую, выдвигалъ содѣйствіе улучшенію земледѣлія. Что таково было воззрѣніе Д. Ѳ., о томъ свидѣтельствуетъ также докладъ избранной московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1879 г. коммиссіи по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія. Въ докладѣ этомъ, который былъ составленъ Д. Ѳ—чемъ, представленъ былъ на утвержденіе земскаго собранія проектъ правилъ о производствѣ ссудъ сельскимъ обществамъ на пріобрѣтеніе ими въ собственность земель и предложено было для выдачи такихъ ссудъ „отчислить на первый разъ изъ запаснаго капитала 50.000 рублей".

Предложенія коммиссіи были приняты, и мѣры, ею выработанныя, получили осуществленіе. Всего этими ссудами воспользовались до 1885 г., какъ видно изъ доклада губернской управы, 17-ть сельскихъ обществъ, которымъ выдано 48.492 руб. и которыми пріобрѣтено 2.289 дес. 897 саж. Съ открытіемъ въ 1886 году дѣятельности крестьянскаго банка въ московской губерніи выдача ссудъ отъ земства пріостановилась, и возбуждался лишь вопросъ о выдачѣ сельскимъ обществамъ дополнительныхъ ссудъ при покупкѣ ими земли съ помощью крестьянскаго банка. Такимъ образомъ, мѣропріятія земства по содѣйствію крестьянамъ въ покупкѣ земель получили въ московской губерніи, по почину Д. Ѳ. Самарина, приблизительно ту же постановку, какая имъ была дана въ тверскомъ земствѣ, которое, по словамъ г. Воропонова, первое выступило въ этомъ дѣлѣ, ассигновавъ 10.000 руб. на выдачу крестьянамъ ссудъ для дополнительной прикупки земли къ ихъ надѣламъ. На примѣръ тверского земства Д. Ѳ. неоднократно ссылался при обсужденіи этого дѣла въ земскомъ собраніи.

Придавая такимъ образомъ существенное значеніе расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія, Д. Ѳ. находилъ, однако, нецѣлесообразнымъ прибѣгать для достиженія этой цѣли къ банковымъ операціямъ: надѣльную землю онъ считалъ землею общественною и полагалъ, что увеличеніе ея площади, какъ задача по преимуществу политическаго свойства, не можетъ быть осуществляема финансовымъ учрежденіемъ, отношеніе котораго къ этому дѣлу неизбѣжно должно страдать односторонностью. Изъ этого взгляда исходили возраженія Д. Ѳ. противъ проекта земскаго банка, составленнаго московскимъ уѣзднымъ земствомъ въ 1879 г. Та же мысль была развита Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ статьяхъ его по поводу пересмотра устава крестьянскаго банка.

Основная мысль только-что передъ тѣмъ одобренной Государственнымъ Совѣтомъ реформы состояла въ томъ, что государство само выступило, какъ покупатель земель для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей государственныхъ, причемъ главною цѣлью этой опера-

ціи поставлено было—содѣйствіе расширенію землевладѣнія крестьянъ *безземельныхъ* или владѣющихъ *неполными* надѣлами, а сверхъ того выражено намѣреніе покупать земли на окраинахъ для перепродажи ихъ крестьянамъ по преимуществу русскаго происхожденія. По этому поводу Д. Ѳ. высказался слѣдующимъ образомъ:

„Нельзя не сочувствовать этимъ двумъ цѣлямъ, и надобно признать, что иначе и достигнуть ихъ нельзя, какъ посредствомъ *покупки* земель самимъ государствомъ. Дѣйствительно, путемъ банковой операціи этого сдѣлать нельзя. Десятилѣтняя дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка въ этомъ достаточно убѣждаетъ. По своему уставу, онъ имѣлъ задачей „облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли *въ тѣхъ случаяхъ*, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя. До сихъ поръ крестьянскій банкъ признавалъ своею задачей приходить на помощь денежною ссудой всѣмъ вообще крестьянамъ, пріискавшимъ землю для покупки. При такомъ условіи, покупка земли крестьянами была дѣйствительно дѣломъ *случая*. Если землю для покупки находили крестьяне, и безъ того вполнѣ обезпеченные землею, то банкъ оказывалъ имъ такое же денежное пособіе, какъ и крестьянамъ съ плохимъ земельнымъ надѣломъ и дѣйствительно нуждавшимся въ увеличеніи его. Различія въ этомъ отношеніи уставъ не дѣлалъ никакого. Но на практикѣ, въ силу того, что банкъ обязанъ былъ озабочиваться тѣмъ, чтобы заемщики его исправно вносили свои ежегодные платежи, онъ охотнѣе утверждалъ сдѣлки такихъ крестьянъ, которые часть денегъ за приторгованную ими землю вносили отъ себя и просили у банка въ ссуду не всю сумму, которую требовалось уплатить продавцу. Чѣмъ меньше требовалось приплаты отъ банка, тѣмъ охотнѣе онъ выдавалъ деньги въ ссуду. По закону, когда земля покупалась выше нормальной оцѣнки, банкъ даже не вправѣ былъ выдавать въ ссуду болѣе 75% со спеціальной оцѣнки. Были примѣры, что банкъ отказывалъ въ выдачѣ полной ссуды даже въ тѣхъ случаяхъ, когда земля покупалась по нормальной оцѣнкѣ. Такимъ образомъ, самая возможность покупки земли вполнѣ зависѣла отъ *случая*, выпадавшаго на долю безразлично какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдныхъ крестьянъ, а въ дѣйствительности банкъ оказывалъ пособіе для покупки земли преимущественно состоятельнымъ крестьянамъ. Слѣдовательно, главная задача, которая хотя и не была высказана въ уставѣ, но несомнѣнно имѣлась въ виду и при учрежденіи крестьянскаго банка — придти на помощь преимущественно тѣмъ крестьянамъ, земельный надѣлъ которыхъ требовалось увеличить — эта задача не могла быть выполнена банкомъ. Ее можетъ выполнить государство только въ томъ случаѣ, если у него самого будетъ такой земельный

запасъ, которымъ оно вправѣ располагать безъ согласія третьяго лица. Точно также немыслимо водворять на окраинахъ русское населеніе, если государство не будетъ имѣть тамъ своей собственной земли. Какъ могло бы правительство направлять переселеніе изъ центральной полосы Россіи, гдѣ населеніе сравнительно густо и принадлежитъ къ великорусскому племени, на Кавказъ и въ Западный край, если тамъ нѣтъ казенныхъ земель! Помимо двухъ указанныхъ цѣлей, государству полезно имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный земельный фондъ для удовлетворенія и другихъ потребностей государственныхъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ. Къ сожалѣнію, имѣвшійся у государства земельный фондъ въ значительной степени расхищенъ, по крайней мѣрѣ, въ Европейской Россіи. Поэтому, въ настоящее время нѣтъ другого средства возстановить его, какъ путемъ покупки земли самимъ государствомъ.

„Вполнѣ сочувствуя, по этимъ причинамъ, означенной мѣрѣ, я полагаю однако, что было бы крупною ошибкой возложить на крестьянскій банкъ операцію покупки земель и распоряженія купленными участками.

„Очевидно, что цѣли, которыхъ желаетъ достигнуть правительство посредствомъ покупки земель, имѣютъ значеніе *политическое*. Вопросы, касающіеся землевладѣнія, вообще не могутъ быть разсматриваемы исключительно съ экономической точки зрѣнія. Весьма часто, при разрѣшеніи этихъ вопросовъ, приходится давать перевѣсъ соображеніямъ политическимъ предъ соображеніями свойства исключительно экономическаго“ [1].

Пояснивъ эту мысль нѣсколькими примѣрами, Дмитрій Ѳедоровичъ переходитъ затѣмъ къ доказательству того положенія, что и самое *надѣленіе* крестьянъ землями, купленными при содѣйствіи правительства, нельзя возлагать на банковыя учрежденія.

„Дѣйствительно, правительство, надѣляя крестьянъ нужнымъ количествомъ земли изъ государственнаго земельнаго фонда и возлагая на нихъ за это извѣстныя повинности, можетъ принимать всякія мѣры для взысканія этихъ повинностей, за исключеніемъ одной: продажи той самой земли, которою оно признало нужнымъ надѣлить крестьянъ. Не можетъ правительство примѣнять эту мѣру взысканія, потому что ею упразднялось бы то самое дѣло, для осуществленія котораго оно рѣшается теперь приступить къ операціи покупки земель. Между тѣмъ крестьянскій банкъ, въ силу того, что онъ—банкъ, выдающій деньги въ ссуду подъ обезпеченіе земли, покупаемой крестьянами, *долженъ* продавать эту землю, когда на крестьянахъ накопляются недоимки

[1]) Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ I, стр. 328—330.

выше положенной нормы. Иначе сказать, возлагая означенное дѣло на крестьянскій банкъ, законъ поручилъ бы его такому учрежденію, на обязанности котораго лежало бы также упразднять его. Въ одномъ отдѣленіи крестьянскаго банка производились бы дѣла о надѣленіи крестьянъ землей изъ того земельнаго фонда, на образованіе котораго государство стало бы затрачивать свои средства, а въ другомъ отдѣленіи производились бы дѣла о продажѣ съ публичнаго торга этихъ же самыхъ земель, за неплатежъ возложенныхъ на крестьянъ повинностей"[1]).

Если таковъ былъ въ дѣйствительности взглядъ Д. Ѳ. Самарина на вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, то, очевидно, нельзя утверждать вмѣстѣ съ г. Воропоновымъ, что Д. Ѳ. относился безусловно отрицательно къ увеличенію площади надѣльной земли,— и будто „руководимой имъ оппозиціи", когда она возражала противъ внесеннаго московскимъ уѣзднымъ земствомъ проекта земельнаго банка, „только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства". Эти обвиненія, поскольку они касаются Д. Ѳ., должны пасть, какъ совершенно голословныя и противорѣчащія фактамъ. Что же касается „тѣхъ неопредѣленныхъ агрономическихъ опытовъ на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ", которыми оппозиція будто бы предлагала заняться вмѣсто земельныхъ добавокъ и изъ которыхъ будто бы ничего не вышло, то надо замѣтить, во-первыхъ, что предлагалось заняться агрономическими опытами не *вмѣсто* земельныхъ добавокъ, а однимъ наряду съ другимъ, ибо одновременно съ докладомъ о мѣрахъ къ подъему земледѣлія и тою же коммиссіею былъ внесенъ въ московское губернское земское собраніе и вышеупомянутый докладъ о содѣйствіи крестьянамъ при покупкѣ земель; во-вторыхъ, какъ бы ни относиться къ выработаннымъ комиссіей мѣрамъ, едва ли можно назвать ихъ „неопредѣленными опытами", ибо онѣ исходили изъ обстоятельнаго изученія дѣла и въ основу ихъ была положена совершенно ясная практическая задача: *содѣйствовать увеличенію въ крестьянскомъ хозяйствѣ кормовой площади за счетъ зерновой.* Если предложенныя коммиссіей мѣропріятія не получили *на первыхъ же порахъ осуществленія,* то въ этомъ вина падаетъ не на коммиссію и не на Д. Ѳ., какъ главнаго иниціатора этихъ предложеній, а на московскую губернскую земскую управу того времени. Однако мысль Д. Ѳ. Самарина, какъ вполнѣ жизненная и практически цѣлесообразная, не осталась безплодной. Съ 1886 года въ московскомъ губернскомъ земствѣ снова обращено было вниманіе на изысканіе мѣръ къ поднятію

[1]) Тамъ же, стр. 333.

уровня крестьянскаго благосостоянія, и собраніе вскорѣ стало на ту самую точку зрѣнія, которую проводилъ въ 1879 и 1880 гг. Д. Ѳ. А именно, было признано, что главною задачею земскихъ агрономическихъ учрежденій должно быть выясненіе мѣръ къ приведенію въ соотвѣтствіе кормовой и зерновой площади въ крестьянскомъ хозяйствѣ („Сборн. постановленій москов. губ. зем.", т. III, стр. 72). Въ результатѣ, при содѣйствіи земства, на общинныхъ земляхъ въ московской губерніи стало широко распространяться полевое травосѣяніе. Едвали можно утверждать поэтому, что изъ опытовъ, предпринятыхъ въ 1879 году земствомъ, ничего не вышло.

Можно, конечно, оспаривать точку зрѣнія, которую проводилъ Д. Ѳ. въ своихъ работахъ по крестьянскому дѣлу, но никакъ нельзя утверждать, будто онъ не придавалъ никакого значенія увеличенію площади крестьянской надѣльной земли и совершенно не сочувствовалъ мѣрамъ, къ этому направленнымъ. Точно также въ высшей степени несправедливо обвинять его въ томъ, будто бы мѣры, направленныя къ улучшенію земледѣлія на крестьянскихъ земляхъ, предлагались имъ не въ силу дѣйствительнаго убѣжденія въ ихъ первостепенной важности, а лишь для того, чтобы какъ-нибудь „отдѣлаться отъ опасности принятія... рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства". Такое обвиненіе не имѣетъ подъ собой никакой почвы, и едвали его можно поддерживать далѣе при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Ѳедоръ Самаринъ.

Москва,
12 апрѣля 1906 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906.

I.

— Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель А. М. Ловягина. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1906.

„Наше изданіе Олеарія,—говорится въ предисловіи отъ издателя,—преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ изданные нами ранѣе „Альбомъ Мейерберга“ (1903), сочиненіе Флетчера „О государствѣ русскомъ“ (1905) и предпринятое и заканчиваемое нынѣ изданіе „Дневника“ Корба. На этотъ разъ мы даемъ не только новый переводъ текста, но и первое точное воспроизведеніе рисунковъ, цѣнныхъ потому, что они чертились при участіи самого автора книги“. Русское изданіе, несомнѣнно, желательный вкладъ въ нашу историко-бытовую литературу, тѣмъ болѣе, что выполнено оно съ внѣшней стороны чрезвычайно старательно: обстоятельная вступительная статья А. М. Ловягина, большой и въ достаточной степени полный подборъ рисунковъ, новый переводъ, текстъ книги въ рамкахъ и съ замѣтками на поляхъ—какъ это печаталось въ наиболѣе раннихъ изданіяхъ — все это производитъ благопріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, цѣна за книгу назначена непомѣрно высокая, что̀, вѣроятно, отразится на распространеніи ея среди широкихъ круговъ читающей публики.

Редактирована книга весьма внимательно, что̀, въ связи съ новымъ, болѣе точнымъ, переводомъ, выгодно отличаетъ ее отъ изданнаго г. Суворинымъ сочиненія Флетчера „О государствѣ русскомъ“, представляющаго простую перепечатку злополучнаго изданія 1849 г. Такъ какъ переводъ книги Олеарія уже существовалъ и до появленія настоящаго изданія, то передъ переводчикомъ естественно возникалъ

вопросъ: чѣмъ настоящій переводъ отличается отъ предыдущаго. „Олеарій,—говоритъ г. Ловягинъ,—писатель, по языку своему, не относящійся къ числу легкихъ. Онъ происходилъ изъ Саксоніи, гдѣ говорили по верхне-нѣмецки, служилъ въ нижне-нѣмецкой Голштиніи и былъ женатъ на эстляндской уроженкѣ. Во время посольства онъ окруженъ былъ лицами, говорившими на разныхъ діалектахъ... Этими обстоятельствами легко объясняется отсутствіе единообразія въ формахъ словъ у него и въ связи съ нею (?) и причудливость орѳографіи. Очень многіе изъ оборотовъ его, напр., счелъ необходимымъ отмѣтить въ своемъ большомъ словарѣ Зандерсъ. Настоящій переводъ, являющійся вторымъ въ русской литературѣ, уже по этому одному долженъ представлять собою попытку пойти дальше перваго перевода, исправить то, что было неточнымъ въ предыдущемъ, и разъяснить то, что оставалось неяснымъ для перваго переводчика“.

Жаль, что при книгѣ нѣтъ такого очерка общаго характера, который имѣлъ бы въ виду средняго читателя и имѣлъ бы цѣлью ввести его въ историческую перспективу. Книга Олеарія представляется для такой цѣли достаточно изслѣдованной, а съ другой стороны внести коррективъ въ нѣкоторыя неправильныя и ложныя представленія Олеарія было бы не безполезно. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ русское изданіе книги Олеарія заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Маленькая, но характерная подробность: книга озаглавлена „Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ *Персію* и обратно“,—цѣлой половины труда Олеарія—описанія Персіи—нѣтъ въ изданіи г. Суворина. Этому пропуску посвящено нѣсколько скромныхъ строчекъ, брошенныхъ вскользь въ текстъ вступительной статьи г. Ловягина, о томъ, что въ данномъ изданіи не воспроизводятся карты Персіи, „такъ какъ онѣ относятся къ опущенной въ настоящемъ изданіи части сочиненія Олеарія—къ описанію Персіи“.

II.

— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 г. Книга девятая. Спб. 1906.

Девятая книжка сборника „Знаніе“ открывается новой пьесой г. Горькаго „Варвары“ (сцены въ уѣздномъ городѣ). Мирная и сонная обывательщина уѣзднаго города Верхополье была нарушена въ одинъ прекрасный день появленіемъ новыхъ, еще не виданныхъ тамъ людей—инженеровъ, пріѣхавшихъ соединить рельсами Верхополье со всѣмъ культурнымъ міромъ. Обыватели отнеслись къ этому событію раз-

лично: купцы заволновались хищными мечтами о подрядахъ, дамы и барышни замечтали о новыхъ романическихъ комбинаціяхъ,—многіе отнеслись болѣе или менѣе безразлично,—только Павлинъ, отвратительный субъектъ, мѣстный шпіонъ и доносчикъ, каркаетъ о своихъ опасеніяхъ, какъ бы новые люди не испортили прекрасно наладившагося бытія, да Дунькинъ мужъ, личность неопредѣленная, философствуетъ въ обычно-пессимистическомъ духѣ насчетъ того, что „дороги строятъ, а итти человѣку некуда". А городъ Верхополье, достопримѣчательный, по словамъ того же Дунькина мужа, одними „аграмадными раками",—типичный захолустный городишка, какіе еще далеко не перевелись на святой Руси, съ застывшими вѣковыми формами чисто-россійскаго мѣщанства, съ купцами чванными и подличающими, съ сантиментальничающими дамами, съ акцизными и казначейскими чиновниками, съ кулаками, произрастающими изъ вчерашнихъ мужичковъ, съ обширными садами, пыльными улицами—словомъ, со всѣмъ, что есть въ каждомъ добромъ россійскомъ городишкѣ, отъ котораго, во времена Гоголя, и въ три года никуда доскакать было невозможно. Но то, что казалось невозможнымъ во времена Гоголя, становится возможнымъ при г. Максимѣ Горькомъ: новая жизнь неизбѣжно закипитъ въ городѣ и все поставитъ вверхъ дномъ: инженеры—первыя ласточки приближающагося новаго уклада, и на встрѣчѣ ихъ съ сонной обывательщиной Верхополья построена вся пьеса.

Бытовая сторона, по обыкновенію, превосходно представлена г-мъ Горькимъ уже въ самомъ началѣ перваго дѣйствія, и изъ характернаго діалога Ивакина съ Матвѣемъ и Дунькинымъ мужемъ возбуждается живой интересъ къ развитію дѣйствія. Но дѣйствія этого такъ и не дождется читатель: пьеса вся построена на внѣшнихъ сцѣпленіяхъ, поминутно открывающихъ сухой голый остовъ авторскаго замысла. Наиболѣе интересное здѣсь—это представители самоновѣйшей интеллигенціи, въ отношеніи къ которой у г. Горькаго намѣчаются нѣкоторыя новыя точки пониманія, служащія какъ бы продолженіемъ того, что было намѣчено имъ въ „Дѣтяхъ солнца". Поэтому на изображеніяхъ изъ этого міра и слѣдуетъ остановить свое вниманіе; все прочее — только фонъ, только темная масса, давнымъ давно знакомая по прежнимъ произведеніямъ г. Горькаго. На этомъ фонѣ отчетливо выдѣляется нѣсколько фигуръ, и прежде всего—инженеры.

Оба они—каждый въ свою очередь—личности примѣчательныя. Одинъ изъ нихъ—Черкунъ — грубоватый, прямой, рѣзкій,—онъ весь энергія и трудъ. Онъ вышелъ изъ крестьянъ и прошелъ тяжелую школу жизни, вынеся изъ нея несокрушимую вѣру въ возможность строительства жизни. Идеалъ его—быть въ центрѣ кипучей дѣятель-

ности, и Верхополье для него слишкомъ ничтожное поприще. „Я не люблю маленькіе города, — говоритъ онъ.—Среди нихъ застываетъ энергія. Въ большихъ городахъ она кипитъ день и ночь. Тамъ неустанно треніе враждебныхъ силъ, тамъ никогда не прерывается битва за жизнь. Горятъ огни. Звучитъ музыка. Тамъ все, чѣмъ жизнь красна. Я хочу жить много, жадно... Я видѣлъ, я испыталъ все пошлое, все тяжелое. Было время — меня унижали только за то, что я хотѣлъ ѣсть. А вы не знаете, какъ унижаютъ человѣка за то, что у него не чистое бѣлье и не острижены во-время ногти?.. Мнѣ очень нужно посчитаться съ людьми за прошлое, очень! Во мнѣ нѣтъ жалости, нѣтъ снисхожденія къ тѣмъ жаднымъ и тупымъ животнымъ, которыя командуютъ жизнью... И безсиліе тѣхъ, которые подчиняются, меня приводитъ въ ярость“. Безжалостно относясь ко всякой слабости, Черкунъ не испытываетъ состраданія и къ своей женѣ Аннѣ, женщинѣ пассивной, недалекой и неглубокой, любящей мужа той кроткой и беззавѣтной любовью, которая требуетъ только одного — позволенія любить, но любить постоянно, на вѣки. Черкунъ едва терпитъ подлѣ себя присутствіе Анны, и нужна вся его сдержанность, чтобы ихъ жизнь не превратилась въ сплошную сѣть ссоръ, недоразумѣній, упрековъ. Анна такъ оттѣняетъ Лидію, молодую женщину, съ которой встрѣтился Черкунъ въ Верхопольѣ, женщину чувства и воли, рвущуюся на просторъ къ какой-то новой и болѣе сознательной жизни!

Черкунъ чувствуетъ родственную себѣ натуру, не можетъ не остановить на ней своего вниманія, и увлеченіе его Лидіей служитъ источникомъ безконечныхъ страданій для Анны. Между ними происходитъ объясненіе, рѣзко очерчивающее ихъ натуры: „Она мнѣ нравится, съ ней интересно“, говоритъ Черкунъ.—Вѣдь я люблю тебя, люблю! Я все тебѣ прощаю,—отвѣчаетъ Анна.—„Прощенья мнѣ не нужно... Я скучный, я обыкновенный человѣкъ“...—Я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я безъ тебя... Я не могу. Развѣ за это можно презирать? Развѣ можно... такъ жестоко...—„Я тебя не презираю... Это неправда. Но я уже не люблю тебя. Вотъ правда“...—Но ты любилъ меня... Нѣтъ... Подожди! Ты ошибаешься.—„Это сгорѣло... А не любя живутъ съ женами только развратники или лгуны“...—О, подожди! Подожди... Дай мнѣ время... я попробую, быть можетъ, я буду другой! Быть можетъ, я не буду такой неинтересной... — „Эхъ, Анна! Стыдись. Какъ можно отрекаться отъ себя?“—Мой дорогой, любимый мой... Я не могу жить безъ тебя...—„А я съ тобой“... Въ этомъ чисто-ибсеновскомъ діалогѣ сказался весь Черкунъ, съ его стремленіемъ къ полнотѣ жизни, въ которой только, по его мнѣнію, и заключена правда, дающая личности осмысленную полноцѣнность и красоту.

Да, именно такъ поймутъ, вѣроятно, Черкуна представители того

моднаго міропониманія, которое основано на остовѣ вульгарно представляемаго ницшеанскаго индивидуализма, съ огромной и жадной пастью ненасытной акулы. Черкунъ любитъ кипучую дѣятельность большихъ городовъ: борьбу за уравненіе правъ, центръ умственной и культурной жизни? Нѣтъ, тамъ (въ большихъ городахъ) „треніе враждебныхъ силъ", перемѣшанное съ огнями и музыкою, со всѣмъ, чѣмъ „жизнь красна"—въ этомъ смыслѣ понимаетъ, очевидно, Черкунъ и борьбу жизни. Выбившись изъ мужиковъ, онъ готовъ посчитаться съ людьми—но на какой почвѣ?—на почвѣ уязвленнаго самолюбія за несвѣжее бѣлье, за неостриженные ногти... О, можно себѣ представить, какую новую жизнь внесетъ въ верхопольскія дебри этотъ строитель желѣзныхъ путей, котораго вольный пересказъ афоризмовъ великаго нѣмецкаго мыслителя отрѣшилъ отъ всѣхъ условностей общежитія, вродѣ моральныхъ обязанностей къ ближнимъ, лежащихъ на порогѣ его идеала свободной и красивой жизни! Не свернуть бы ему на старую, весьма старую дорогу, которую прежде звали дорогой нравственной загрубѣлости и чудовищнаго эгоизма. Всмотритесь въ отношенія Черкуна къ Аннѣ. Анна слаба, безпомощна, безвольна, и Черкунъ поэтому-то и презираетъ ее. Но вѣдь она, можно думать, и всегда была такой, и тогда, когда Черкунъ, если не полюбилъ ее (что онъ цинически отрицаетъ), то влюбился, говорилъ ей о любви, ласкалъ и ухаживалъ за нею... Теперь онъ требуетъ отъ нея протеста. „Зачѣмъ ты позволяешь? Протестуй", говоритъ Черкунъ Аннѣ, когда она ему ставитъ на видъ его ухаживаніе за другой,—словно въ протестѣ все дѣло, а не въ томъ, что онъ просто разлюбилъ ее и, обманывая себя, стремится, подъ видомъ въ корнѣ фальшивой честной прямоты, освободить себя отъ послѣднихъ требованій деликатности въ отношеніи къ покинутому человѣку. То ницшеанство, которое такъ соблазнительно для нѣкоторыхъ отыскивать у людей, подобныхъ Черкуну, старо, какъ міръ. У всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка оно появлялось всякій разъ, когда у здороваго и сытаго самца, полнаго жадныхъ аппетитовъ, въ угоду самообожествленной личности, на пути къ красивой и молодой Лидіи, появлялась слабая и выдохшаяся Анна...

Другой инженеръ, Цыгановъ, куда мельче калибромъ, но и онъ для Верхополья — невиданный, экзотическій цвѣтокъ. Онъ цинично-галантенъ, поверхностенъ, пропитанъ легкомысленнымъ скептицизмомъ большого города, насыщенъ атмосферой безпринципности и презрѣнія ко всему, съ чѣмъ сталкивается его капризное, разслабленное самолюбіе. Все его міросозерцаніе укладывается въ имъ же самимъ разсказанный анекдотъ о трехъ мудрецахъ: „Было три мудреца. Первый доказывалъ, что міръ есть мысль, другой утверждалъ противное... я,

право, не помню, что именно... Но я навѣрное знаю, что третій соблазнилъ жену перваго, укралъ у второго рукопись, напечаталъ ее, какъ свою, и его увѣнчали лаврами". Въ городишкѣ Цыгановъ ведетъ себя, приспособляясь къ обывательскому уровню. „Сержъ Цыгановъ,—говоритъ ему Лидія,—гурманъ и левъ, еще недавно законодатель модъ,—напивается"... Когда онъ влюбляется — поверхностно себялюбиво—у него нѣтъ ничего, что бы онъ могъ обѣщать любимой женщинѣ, кромѣ поѣздки въ Парижъ! „Маркизы, графы, бароны—всѣ въ красномъ... И у васъ будетъ все, что вы захотите... я все дамъ"... „Вы дивная, вы рѣдкая... страшная! И я люблю васъ—повѣрьте мнѣ! Люблю, какъ юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслажденій ждетъ васъ"... И онъ говоритъ это серьезно, тогда какъ его возлюбленная, при всей ея неразвитости и духовномъ убожествѣ, инстинктомъ чувствуетъ, что настоящей любви Цыгановъ не дастъ ей и что любви не купишь ни въ какомъ Парижѣ. Смѣясь надо всѣмъ, Цыгановъ не прочь и себя представить въ комическомъ положеніи. Послѣ неудачнаго выстрѣла своего соперника, Цыгановъ насмѣшливо обращается къ своей возлюбленной: „Ну, вы довольны, наконецъ? Все какъ въ романѣ: любовь счастливая, штуки три несчастныхъ... попытка выпалить изъ револьвера... кровь... Хорошо?" Въ этой способности во всемъ отыскивать смѣшную сторону сказывается не столько игра холоднаго скептическаго ума, сколько привычка къ постоянному ni fois ni lois, къ питерски-презрительному отношенію къ жизни и къ людямъ, не исключая самого себя.—Все на свѣтѣ ничтожно, и я такъ же ничтоженъ, какъ и все,—какъ бы хочетъ сказать Цыгановъ всѣмъ своимъ существомъ.

И этотъ строитель жизни едвали создастъ вокругъ себя что-либо, кромѣ хмельного угара. Онъ, чего добраго, возьметъ свою долю въ хищеніяхъ подрядчиковъ Притыкиныхъ — надо же на какія-нибудь деньги покупать ликеры и совершать увеселительныя поѣздки въ Парижъ,—развратитъ не одну Надежду Поликарповну, по дорогѣ не одного человѣка сдѣлаетъ несчастнымъ и безплодно окончитъ свое дрянное существованіе отъ чужой или собственной пули, а вѣрнѣе всего—отъ паралича или бѣлой горячки. И это—весьма старый путь, который былъ до послѣдней черты извѣданъ людьми до открытія желѣзныхъ дорогъ. И Цыгановъ—такой же варваръ жестокой средневѣковой эпохи, какъ Черкунъ, какъ Рѣдозубовъ, какъ Притыкинъ, а можетъ быть и хуже, несмотря на игру ума, на тѣ проблески свѣтлой человѣческой мысли, которые указывали на угасшую въ Цыгановѣ возможность сознательной жизни.

Два слова еще объ одномъ изъ героевъ. Съ инженерами пріѣхалъ и студентъ Степанъ Лукинъ, изъ мѣстныхъ подгородныхъ крестьянъ,

фигура блѣдно очерченная, долженствующая, по замыслу г. Горькаго, изобразить соціалъ-демократа новѣйшей формаціи, съ шаблонными рѣчами: „Вотъ построимъ новую дорогу и разрушимъ вашу старую жизнь“, и т. д., и т. д. Ему внимаетъ Катя, дочь мѣстнаго самодура, городского головы Рѣдозубова, которая, словно по волшебству, превращается изъ невоспитанной дурочки, швыряющей камнями въ „рыжаго“ Черкуна, изъ мести за Анну,—въ пламенную прозелитку идей Лукина, въ „сознательную личность“, собирающуюся, противъ воли отца, на курсы.

Что же вышло изъ столкновенія всѣхъ этихъ „дѣтей солнца“ съ дѣтьми неумытой верхопольской земли?

Пока медленно и скучновато тянутся четыре дѣйствія пьесы, проходитъ, по ремаркамъ автора, нѣсколько мѣсяцевъ. Инженеры, вмѣстѣ со Степаномъ, что-то вычисляютъ, надъ чѣмъ-то работаютъ, но передъ зрителями тянется безконечная вереница выпивокъ, закусокъ, полупьяныхъ и пошлыхъ рѣчей, и только по временамъ, по особому заказу, словно изъ другого міра, врываются голоса объ иной, лучшей жизни, здоровой, сильной и дѣятельной, но тонутъ въ общей мглѣ взаимнаго непониманія, безформеннаго самообмана и хмельного угара. Мы уже упоминали вскользь, почему намъ казалось неинтереснымъ останавливаться на фабулѣ: она спутанна, механична, кончается револьверными выстрѣлами, и къ ней вполнѣ примѣнима насмѣшливая характеристика Цыганова, которую мы привели выше: „Все, какъ въ романѣ... Любовь счастливая... Штуки три несчастныхъ... Попытка выстрѣлить изъ револьвера... Кровь...“ Въ этой пьесѣ „все есть, коли нѣтъ обмана“: и драка, и любовь, и вино, и благородные герои, и заѣдающая среда, а въ результатѣ — пуфъ: пріѣхали инженеры, набѣдокурили... и... ничего! Старой жизни не сломили, только внесли въ нее муть, сдѣлали ее еще болѣе сумбурной, а какова будетъ та жизнь, которую построятъ эти новые люди, такъ и осталось неяснымъ, и все, что они могли бы сказать, все сводится къ самымъ неопредѣленнымъ обѣщаніямъ, къ ряду возможностей, не открывающихъ никакихъ болѣе или менѣе осязательныхъ перспективъ...

Въ подробностяхъ пьесы, далеко не одинаково обработанной, г. Горькій остался, конечно, прежнимъ мастеромъ діалога, художникомъ быта, рѣзко очерченныхъ типовъ, но условность въ распредѣленіи ролей слишкомъ даетъ себя чувствовать и вызываетъ впечатлѣніе чего-то черезчуръ ужъ надуманнаго и преднамѣреннаго. Застывшая и застывающая отечественная буржуазія, обрывки идей, брошенныя на ея поверхность, молодые побѣги, тянущіеся къ солнцу, и тучи, сквозь которыя прорываются на землю несмѣлые, блѣдные проблески, и здоровый юморъ крѣпколобой мужицко-мѣщанской смётки, и культъ

человѣка, и чисто русское „наплевать" на все, модернизованное соотвѣтственной діалектикой, — все это такъ обычно у г. Горькаго, но во всемъ этомъ чувствуется гораздо меньше сочности, меньше красокъ и жизни, чѣмъ когда-либо.

Удачнѣе всего въ пьесѣ г. М. Горькаго—заглавіе. Что его инженеры „варвары"—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что они, подобно древнимъ германцамъ, разрушая, созидаютъ, этого мы не видимъ. Всѣ эти провиденціальные люди, которые однимъ только своимъ присутствіемъ разрушаютъ старую жизнь, двумя, тремя фразами производятъ переворотъ въ чужой душѣ, уже порядочно пріѣлись съ легкой руки того же г. Горькаго. Тамъ, гдѣ есть акцизный чиновникъ, почтмейстеръ и докторъ,—двое инженеровъ, у которыхъ желѣзная дорога еще лежитъ въ папкѣ, еще не являются такими сверхъобывательскими фигурами, чтобы около нихъ немедленно начали разбиваться старыя формы, увлекая за собой жизнь и счастье окружающихъ. Повторяемъ—все это схематично и шаблонно, и всѣ другія лица пьесы толкутся на сценѣ не для того, чтобы показать, что „такова жизнь", но что таково „сочиненіе" на задуманную тему съ лицами, взятыми на прокатъ изъ своихъ же собственныхъ пьесъ и разсказовъ.

Кромѣ пьесы г. Горькаго, въ этомъ томѣ „Сборника" помѣщено нѣсколько разсказовъ гг. Телешева, Серафимовича, Сулержицкаго и стихотвореній гг. Бунина и Скитальца. Впечатлѣніе отъ разсказовъ получается блѣдное, хотя всѣ они посвящены событіямъ и настроеніямъ самой горячей современности; симпатичны нѣкоторыя стихотворенія г. Бунина.

III.

— Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Т. II. Спб. 1906.

Наша замѣтка о первомъ томѣ сочиненій г. В. Розанова была уже напечатана, когда вышелъ второй томъ, и намъ только пришлось пожалѣть, что мы должны были поневолѣ ограничиться неполнымъ разсмотрѣніемъ настоящаго изданія сочиненій этого автора. Второй томъ однообразнѣе перваго по выбору статей, но онъ настолько интереснѣе, настолько углубленнѣе въ разработкѣ темъ, характеризующихъ сущность философскаго міросозерцанія г. Розанова, что мы считаемъ своею обязанностью дополнить нашу замѣтку указаніемъ на высокое, по нашему мнѣнію, значеніе этого тома среди книгъ, появившихся въ послѣднее время. Во второй книгѣ г. Розановъ является въ полномъ блескѣ своихъ затаенно-простодушныхъ откровеній, хитроумной діа-

лектики и, вмѣстѣ, неотразимой искренности и простоты, продуманнаго убѣжденія и младенческой обыденности своихъ воскрыленій къ Богу. Сила г. Розанова—въ задушевности его обращенія къ читателю, въ упрощеніи сложнѣйшихъ вопросовъ богоощущенія, въ умѣніи такъ освѣтить реальную жизнь, во всѣхъ ея мелочахъ, съ религіозной точки зрѣнія, чтобы она показалась безъ этого освѣщенія ничтожной и темной. Но еще бо̀льшая сила—въ томъ, что̀ мы уже въ прошлой замѣткѣ назвали бродильнымъ сокомъ его творчества: здѣсь г. Розановъ возвышается до той степени протестующаго, истинно-революціоннаго чувства, которая, въ области вопросовъ религіи и церкви, дѣлаетъ его однимъ изъ дѣятельныхъ идейныхъ участниковъ современной освободительной борьбы. Составляя психологическую загадку своимъ участіемъ въ нѣкоторыхъ реакціонныхъ изданіяхъ, г. Розановъ духомъ своимъ перешелъ въ лагерь непримиримыхъ враговъ реакціи, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ неутомимо подтачиваетъ основы тѣхъ, еще недавно казавшихся неприступными, твердынь, которыя указываютъ его видимую, осязательную сущность.

И какъ же отошелъ по своимъ воззрѣніямъ г. Розановъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ того г. Розанова, который печатался, лѣтъ пятнадцать назадъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ"! Приведемъ характерный образчикъ. Въ 1891 году въ упомянутомъ журналѣ г. Розановъ писалъ о Толстомъ, набрасываясь на него съ грубой фамильярностью завзятаго ортодокса: „...Цѣлый міръ ты взволновалъ, — говорилъ Розановъ,— своей „суетой", этими изданіями безъ авторскихъ правъ, другими— съ правами автора, „Хозяиномъ и работникомъ" отъ двугривеннаго до трехъ копѣекъ и „Oeuvres complets" съ портретами твоихъ разныхъ возрастовъ и даже парковъ, домовъ, гостиныхъ, гдѣ ты размышлялъ, читалъ, создавалъ свои творенія... И тебя, бѣднаго, въ годы слабѣющей души, эта слава (европейская) потянула, и ты прислушиваешься, что̀ нужно тамъ, чтобы знать, что̀ говорить здѣсь („Царство Божіе внутри васъ есть"). Ты знаешь великое „противленіе", поднятое міромъ противъ церквей Божіихъ; ты знаешь, что это противленіе, здѣсь поднятое, будетъ привѣтствуемо тамъ"... и т. д. Но прошло пятнадцать лѣтъ, и г. Розановъ постигъ и уразумѣлъ Толстого; прежняя оцѣнка его — не просто легкомысліе, но грубое и неприличное заблужденіе, и да простится оно автору за слѣдующія слова, сказанныя имъ въ одной изъ статей настоящаго, второго тома: „Толстой, при полной наличности ужасныхъ и преступныхъ (допустимъ — съ точки зрѣнія г. Розанова) заблужденій, ошибокъ и дерзкихъ словъ, есть огромное религіозное явленіе, можетъ быть — величайшій феноменъ религіозной русской исторіи за XIX-й вѣкъ, хотя и искаженный". Это написалъ г. Розановъ по поводу пресловутаго отлученія Л. Н. Тол-

стого синодомъ, и, можно думать, ни въ одну изъ статей, по достоинству оцѣнившихъ такое богоугодное дѣяніе, не было вложено столько разрушительнаго элемента, сколько сумѣлъ вложить этотъ оригинальный писатель въ свою замѣчательную характеристику нашего, единственнаго въ своемъ родѣ, приказа духовныхъ дѣлъ. Святѣйшій синодъ, по словамъ г. Розанова, можетъ быть святымъ по личностямъ, его составляющимъ, но если вдуматься въ исторію его учрежденія, то онъ является чѣмъ-то удивительно канцелярскимъ и мертвымъ. „Синодъ не есть религіозное учрежденіе, почти не есть, очень мало есть. И не имѣетъ ни традицій, ни формъ, никакихъ способовъ религіозное религіозно судить. Отсюда прозаичность бумажки о Толстомъ, имъ выпущенной: синодъ не умѣетъ религіозно говорить". Напомнивъ о разсказѣ Толстого „Чѣмъ люди живы", гдѣ является образъ ангела („густота размышленія уплотнилась до осязательности этого образа",— по выраженію нашего автора), г. Розановъ и къ синоду обращается съ требованіемъ знаменія его боговдохновенности,—ибо вѣрующіе требуютъ знаменій, какъ ученые доказательствъ. „У синода есть доказательства, а вотъ знаменій нѣтъ; и онъ въ одной части есть административное учрежденіе, а въ другой—философская академія, безъ всякаго „помазанія". Г. Розановъ допускаетъ отлученіе „*отъ себя* только, отъ вѣрующихъ, безъ универсальнаго тезиса", но лишь какъ результатъ оскорбленія въ народѣ вѣры или даже суевѣрія, и пусть бы самъ народъ, толпа, съ разгорѣвшимися отъ гнѣва глазами и поднятыми руками, извергла оскорбителя изъ своей среды,—въ этомъ еще былъ бы смыслъ! Но въ поступкѣ синода авторъ отказывается видѣть что-либо иное, кромѣ кощунства по существу, а по формѣ бумаги и номера. „Это кощунство, а не серьезный фактъ; и менѣе всего— фактъ *церковной жизни*".

Глубокаго вниманія заслуживаютъ статьи г. Розанова, гдѣ онъ говоритъ о догматизмѣ христіанства или характеризуетъ отношенія истинно-религіозныхъ людей къ пестрой жизненной практикѣ, никакъ не укладывающейся въ безжизненныя рамки догматическаго предписанія („Оптина пустынь"); нѣкоторые очерки проникнуты тихой поэзіей вѣры, мягкими проблесками нѣжныхъ и кроткихъ богоощущеній („Огни священные"). Спаситель, по словамъ г. Розанова, не далъ догмата,— „самого духа его, этой таблицы умноженія религіозныхъ истинъ": „христіанство въ глубинѣ его, въ чарующихъ его особенностяхъ создано уже никакъ не умами отъ Оригена до Лепорскаго, труды которыхъ знаютъ только академики, а оно вышло все изъ *народныхъ* вздоховъ, народнаго умиленія къ Богу, изъ такихъ молитвъ, какъ Херувимская"... Благодаря догматизму — „мы угасили духъ пророчества въ себѣ. Бытіе догмата угасило возможность пророчества. Мы чрезвы-

чайно обѣднѣли даже сравнительно съ ветхозавѣтнымъ еврействомъ. Въ Евангеліи Троица свѣтится такимъ особеннымъ, богатымъ и безконечнымъ свѣтомъ, что и я, и всякій могли бы еще обратиться къ Отцу Небесному въ нужномъ случаѣ жизни, не повторяя слова Іисуса, „не приводя текста", но свое новое творя слово. Ибо Іисусъ говорилъ къ Отцу, но Онъ не закрылъ Отца передъ людьми. Я говорю, что слово каждаго изъ насъ могло бы быть вдохновенно"... „По моему представленію, историческія судьбы христіанства—тайна. Тайна эта заключается въ такой великой иллюзіи, выше которой никогда не создавалась; и въ такой не отвѣчающей этому комической дѣйствительности, ниже которой, пожалуй, тоже ничего не создавалось. Взять только дивныя пророчества мессіанскія, о сѣмени жены—стершемъ главу змія, о конечной побѣдѣ надъ діаволомъ: посмотрите—вѣдь это небо стелется въ словахъ и земля вся зацвѣтаетъ въ какомъ-то невыразимомъ обиліи, счастьи, красотѣ, славѣ. И представьте, эти Собакевичи намъ твердятъ, что все уже сбылось, что патока течетъ по землѣ, и нѣтъ ни пьяницы, рѣжущаго ради трехъ цѣлковыхъ товарища—„чтобы опохмелиться", ни скопцовъ съ отрѣзанными органами, ни ежевыхъ рукавицъ миссіонерства, ни пресловутыхъ „дѣлъ" духовныхъ консисторій. Легла овца около тигра! Сбылось! Да позвольте, не вправѣ ли робкое и честное сердце сказать: „не сбылось! ничему не вѣрю! Маленькій я человѣкъ и маленькое во мнѣ сердце: но и имъ я сужу, что на землѣ—Содомъ и Гоморра, а не „миръ и искупленіе", и что предо мною не ягненокъ около льва, а нѣсколько злобныхъ крысъ, пожирающихъ одна другую въ зловонной клѣткѣ"...

Отстаивая ту мысль, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, а не учрежденіе, г. Розановъ мѣтко и образно характеризуетъ расколъ, который неизбѣжно долженъ былъ возникнуть между церковью, въ ея оффиціальномъ пониманіи, и интеллигенціей. Страницы, посвященныя этому вопросу, — однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ въ книгѣ. „Церковь есть поклоненіе прошлому—вотъ основной фактъ и коренной духъ ея, который произвелъ разрывъ между нею и интеллигенціей, представительницею и выразительницею настоящаго и, особенно, будущаго. Нельзя не замѣтить, что глубочайшими своими принципами церковь неумолимо, гнѣвно и, наконецъ, мстительно разошлась съ глубочайшими же принципами интеллигенціи. Ей противенъ не только фактъ интеллигенціи, но и самый *духъ* ея; духъ *недовольства,* духъ *движенія* и *исканія,* духъ сомнѣнія относительно настоящаго и лучшихъ надеждъ въ будущемъ. День церкви прошелъ: это—Христосъ, это—святые; окрестъ себя и особенно впереди себя она видитъ только Ночь, которой не умѣетъ сочувствовать, съ которою не можетъ не бороться. Отсюда разумъ она называетъ „лжеименнымъ" (излюбленное слово),

искусство — развращающимъ; прогрессъ — „бѣсовскимъ“, языческимъ явленіемъ. Церковь есть поклоненіе гробамъ... Уподобиться мощамъ, перестать вовсе жить, двигаться, дышать, въ особенности—волноваться, есть общій и великій идеалъ церкви. Всякое волненіе—„отъ лукаваго“. А прогрессъ есть волненіе, а цивилизація есть движеніе. Поверхностно, на минуту, ради любезности между духовенствомъ и интеллигенціей какъ будто есть миръ, согласіе, взаимопониманіе; но это миръ и любезность двухъ смертельно разошедшихся враговъ“.

Много старыхъ грѣховъ зачтется г. Розанову за эти прекрасныя страницы, и читатель съ глубочайшимъ сочувствіемъ отвѣтитъ на обращенный къ нему меланхолическій привѣтъ автора, выраженный въ послѣднихъ словахъ предисловія, гдѣ авторъ подводитъ итогъ тѣмъ тревогамъ духа, которыми сопровождались его исканія религіозной истины.

IV.

— Сергѣй Рафаловичъ. „Свѣтлыя Пѣсни“. Изд. „Содружества“. Спб. 1905.

Такъ какъ г. Рафаловичъ издаетъ уже не первый сборникъ своихъ вдохновеній, и передъ нами не то третья, не то четвертая книжка его стиховъ, то мы чувствуемъ себя невольно обязанными исправить свою вину предъ читателями и остановиться на ней нѣсколько подробнѣе, чѣмъ, можетъ быть, она того заслуживаетъ. Въ виду многаго, уже написаннаго г. Рафаловичемъ, легко можно предположить на минуту, что г. Рафаловичъ—писатель, въ нѣкоторыхъ кругахъ небезызвѣстный. Но намъ ближе другое предположеніе, — что нашимъ читателямъ онъ извѣстенъ мало, а можетъ быть и вовсе неизвѣстенъ, и вотъ, чтобы сразу познакомить ихъ съ поэтическимъ обликомъ г. Рафаловича, поскольку онъ не могъ не отразиться въ его стихахъ, постараемся разсмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія субъективныхъ чертъ автора. Это, впрочемъ, будетъ и наилучшимъ методомъ ихъ изученія, такъ какъ стихи эти всѣ окрашены субъективно-лирическимъ колоритомъ и такимъ своеобразіемъ индивидуальныхъ чертъ, которое дѣлаетъ поэзію г. Рафаловича если и не весьма замѣтной на современномъ Парнассѣ, то, во всякомъ случаѣ, весьма отъ другихъ поэтовъ отличительной.

Ни по формѣ, ни по содержанію поэзію г. Рафаловича нельзя назвать отсталой или старомодной. Напротивъ. Она—послѣдній крикъ современныхъ эстетствующихъ и ницшеанскихъ настроеній, и въ стихахъ г. Рафаловича небрежной рукой прихотливаго виртуоза разсѣяна цѣлая энциклопедія утонченнѣйшаго модернизма. Чувствуя себя абсо-

лютно-свободнымъ въ нарушеніи граней, налагаемыхъ моралью и особенно законами человѣческаго разумѣнія, г. Рафаловичъ въ развитіи отдѣльныхъ моментовъ модернизма доводитъ ихъ до тѣхъ ступеней, на которыхъ они теряютъ всякіе признаки своего первоначальнаго значенія, и тѣмъ самымъ дискредитируютъ все то, что несомнѣнно составляло обаяніе и свѣжесть теперь уже повидимому отживающаго модернизма. Да, модернизмъ отживаетъ. Ядро его налилось, созрѣло и выпало изъ колоса, оставляя пустые пожелтѣлые стебли да шелестящую костру и шелуху, пока не придетъ вѣтеръ и не унесетъ ихъ въ безвозвратную даль. Такова и поэзія г. Рафаловича. Вся она какая-то вывѣтренная, шелестящая, сухая, она—внѣшняя оболочка модернизма, и кто по ней захотѣлъ бы составить себѣ понятіе объ этомъ теченіи современной литературы, тотъ убѣжденно возненавидѣлъ бы его. Г. Рафаловичъ—его разложеніе и тлѣнъ. Онъ прилѣпился къ модернизму, какъ будто за тѣмъ, чтобы обнаружить его умираніе и пустоту. Г.г. Рафаловичи—первые факельщики увядающихъ литературныхъ теченій. Тамъ, гдѣ они появляются, жди могильщиковъ съ заступами и „вѣчную память"...

Первый столпъ модернизма — крайнее возвеличеніе своего *я*; оно привело къ идеямъ богоборчества и къ цинизмамъ самообожествленія, породившимъ на европейской почвѣ, отчасти и у насъ, красивые цвѣты эстетическихъ утонченностей и изступленныхъ лирическихъ изліяній. Г. Рафаловичъ вынулъ сердцевину изъ этого столпа и превратилъ его въ пустую пеструю картонку, обклеенную самыми кричащими этикетками. И потому та мучительная поэзія скорби, которою дышитъ вся афористика Ницше, возбуждаетъ при чтеніи „Свѣтлыхъ Пѣсенъ" г. Рафаловича — невольную улыбку и мысль о пародіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Г. Рафаловичъ неоднократно удостоиваетъ Бога своей бесѣдой. Онъ говоритъ Ему (пишемъ *Ему* съ большой буквы, чтобы отличить Бога отъ г. Рафаловича):

Себя познавъ, Тебя не знаю,
Тебѣ себя не покорю;
Тебя разумный отвергаю
И что отвергъ, боготворю.
Но,—человѣкъ, не рабъ безславный,—
Хочу любить Тебя, какъ равный.

Хуже всего, что каждое слово этихъ виршей говоритъ о поразительномъ равнодушіи ихъ автора къ тому, что составляло источникъ величайшихъ страданій для геніальныхъ безумцевъ скепсиса и аморализма конца только-что изжитого вѣка. И потому ихъ богоборчество какъ-то вырождается у г. Рафаловича въ безсодержательную и безцвѣтную реторику, которая не оскорбляетъ только потому, что она ужъ очень безсодержательна и безцвѣтна.

Стало пустынно. Лишь небо... Лишь степь...
Тихо спускается длинная цѣпь...
Смѣло хватаю руками звено...
Небо приблизить къ землѣ мнѣ дано,
Землю поднять къ небесамъ Ты бы могъ.
Гдѣ дерзновеніе? Кто изъ насъ Богъ?
Въ мірѣ единомъ мы будемъ вдвоемъ;
Будемъ мы вѣчно двойнымъ бытіемъ,
Гранью одинъ для другого. Во-вѣкъ
Бога въ себѣ не вмѣстить человѣкъ,
Пусть разойдутся пути, какъ сошлись,
Дальше, все дальше, мой въ даль, а твой въ высь.

И такъ, не рѣшивъ для себя вопроса, кто изъ нихъ—Богъ, г. Рафаловичъ не сомнѣвается, однако, что порядокъ мірозданія устроенъ не имъ, иначе все на землѣ было бы гораздо лучше. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы должны понимать то лирическое изліяніе г. Рафаловича, гдѣ онъ упрекаетъ Создателя въ непослѣдовательности. Гдѣ же справедливость?—спрашиваетъ онъ:

Все отъ Бога: зло на стражѣ
Воли хилой, и слова
Искушенія, и даже
Отрицанье Божества.
А межъ тѣмъ Онъ совѣсть будитъ
И за то, что создалъ Самъ,
Онъ судомъ насъ грознымъ судитъ,
Карой угрожая намъ.

Дѣйствительно, г. Рафаловичъ не просилъ Бога о своемъ созданіи, а вотъ благодаря роковой случайности, самопроисшелъ—и мучится. На почвѣ этого недовольства возникло у него даже стихотвореніе, посвященное видимымъ виновникамъ подобныхъ самопроисшествій:

Когда въ порывѣ озвѣренья
Разсудка робкій свѣтъ угасъ,
Два сочетались вожделѣнья,
Двѣ плоти сблизились на часъ;
И, покоряясь чуждой власти,
Горѣли жадностью огня,—
Рабы безвольныхъ сладострастій,—
Въ тотъ мигъ вы создали меня.

Дѣлать было нечего. Поэту пришлось примириться съ фактомъ, и въ то время, какъ всѣ добрые родители, по своему родительскому недоразвитію, радовались появленію новой жизни, душа поэта исполнилась гнѣвнаго,—но, увы! запоздавшаго протеста:

Пусть такъ! Предъ вами чѣмъ сокрытѣй
Преемство чиселъ и временъ,
Тѣмъ въ неизбѣжности событій
Властнѣй невѣдомый законъ;

И не принявъ его сознаньемъ,
Въ тупой бездумности толпы
Не со смиреньемъ, съ ликованьемъ
Вы преклонились, какъ рабы.
Но рабству нѣтъ въ рабахъ предѣла:
Цѣпями тяжкими звеня,
Вы ихъ хватаете несмѣло,
Чтобъ дотянуть ихъ до меня.
Чрезъ васъ таинственныхъ свершеній
Передалась глухая вѣсть...
И долженъ я изъ всѣхъ сближеній
Сближенье съ вами предпочесть?
И не за то-ль, что страсть крылами
До васъ дотронулась шутя,
Я преклонюсь совмѣстно съ вами,
Рабовъ случайное дитя?

Такому выраженію бунта противъ злостнаго предопредѣленія, постигшаго и г. Рафаловича, позавидовалъ бы и самъ Гартманъ, еслибы этому философу не суждено было высказать прозаическимъ способомъ то, что въ стихахъ г. Рафаловича походитъ не то на безсильную претензію, не то на ядовитую пародію, не то просто на каррикатуру. Несомнѣнно одно только, что этотъ второй столпъ модернизма въ поэзіи г. Рафаловича извращенъ такъ же основательно, какъ и первый.

Мы видѣли уже выше, что г. Рафаловичъ умѣетъ обращаться съ Богомъ совсѣмъ за панибрата, борется съ нимъ, а иногда даже останавливается на мысли собственнаго божественнаго перевоплощенія. Это самовозвеличеніе принимаетъ у него подчасъ такіе размѣры, что невольно является подозрѣніе, ужъ не дѣлаетъ ли онъ это нарочно, ужъ не выступаетъ ли онъ сознательнымъ врагомъ модернизма, намѣренно принявшимъ обличье самаго записного ницшеанца-декадента, и не рѣшилъ ли на смерть поразить тѣхъ представителей европейскаго модернизма, которые стремятся обвѣять обаяніемъ тайны всѣ малѣйшіе моменты человѣческой жизни, всѣ мельчайшія случайности, отражающіяся трепетомъ неповторяющихся ощущеній или мельканіемъ мысли. Тайной менѣе всего вѣетъ отъ поэзіи г. Рафаловича. Вмѣсто священнаго трепета она возбуждаетъ уныніе и скуку, особенно въ сопоставленіи его *я* со Христомъ:

Какъ нѣкогда познавъ Христосъ
Предѣлъ въ безбрежности мученій
И крестъ безропотно понесъ
Путемъ послѣднихъ отреченій,
Въ любви постигъ я мѣру силъ,
Узрѣлъ невидимыя грани
И безпредѣльность ощутилъ,
Склонясь надъ бездною страданій.

Какъ Онъ, я молча поднялъ крестъ,
Огонь страстей отвергъ покорно,
И съ нимъ избралъ изъ всѣхъ невѣстъ
Ту, чье лобзанье неповторно.

Если нѣтъ у г. Рафаловича обаянія тайны, то что же останется отъ его стиховъ, въ которыхъ онъ, какъ истый подражатель модернизма, возводитъ въ культъ отрицаніе разума, что, впрочемъ, не сегодня уже перестало быть моднымъ. Смѣясь надъ разумомъ (конечно, въ философскомъ смыслѣ), который много разъ „обманывалъ" поэта,—г. Рафаловичъ приходитъ къ заключенію, игриво выраженному въ такихъ веселыхъ строчкахъ:

Коль въ мудрости—отрада,
То стыдъ ей не къ лицу
И совѣсти не надо,
Ни правды мудрецу,—

еще разъ доказывающихъ, съ какою легкостью вырываются изъ груди г. Рафаловича признанія, бывающія даже у дюжинныхъ натуръ предметомъ глубокихъ разочарованій и нравственныхъ потрясеній. А г. Рафаловичъ словно по клавишамъ бѣгаетъ, отбивая веселенькія рулады.

Въ такихъ руладахъ, напримѣръ, нашло свое выраженіе и обожествленіе плоти—тоже одинъ изъ видныхъ признаковъ модернизма (напомнимъ изъ русской литературы хотя бы статьи г.г. Мережковскаго и Розанова). Г. Рафаловичъ не можетъ удержаться на скользкой поверхности, касаясь этихъ крайне-деликатныхъ и требующихъ большой душевной осторожности темъ, и, привыкнувъ разрушать всѣ грани между возможнымъ и невозможнымъ, онъ является настоящимъ enfant terrible и этой стороны модернизма:

Не въ подвижничествѣ строгомъ
Правды благостной зерно,
И я вѣрю, что не Богомъ
Намъ смиренье внушено.
Безразсудно отреченье,
Плоть божественна, какъ духъ,
Мысль тревожная—какъ зрѣнье,
Вѣра тихая—какъ слухъ,
Нѣтъ въ твореніи разлада,
Нѣтъ грѣховной красоты,
И во всемъ, что жизни радо,
Лучъ божественной мечты.

Итакъ, отъ внутренняго содержанія модернизма не осталось ничего въ стихахъ г. Рафаловича, а внѣшніе пріемы, усвоенные имъ, привели его къ созданію ряда смѣшныхъ и жалкихъ пародій на модернизмъ. Той же цѣли послужила и внѣшняя форма изліяній г. Рафаловича: въ вѣкъ утонченнѣйшей техники авторъ представилъ уди-

вительные образцы той деревянной гладкости и трафаретной ритмичности стиха, въ которыхъ гораздо больше неустрашимости и топота, чѣмъ музыки; автору совершенно недоступна область тѣхъ тонкихъ и нѣжныхъ переливовъ рѣчи, той высшей гармоніи, связующей каждое предыдущее съ послѣдующимъ, которая составляетъ тайну не только истинной поэзіи, но даже мало-мальски чуткаго стихосложенія. Приведенныхъ образцовъ уже достаточно. Прибавимъ къ нимъ развѣ еще одинъ, поразительный по своей жестокой прозаичности. Вотъ начало стихотворенія „XVIII вѣкъ“:

Карты, женщины и войны
И побѣды тутъ и тамъ;
Мадригалы непристойны,
Сладострастны рѣчи дамъ.

Вьются кудри, блещутъ взоры,
И на красныхъ каблукахъ
Позолоченыя шпоры
Что-то шепчутъ впопыхахъ.

И тутъ же, безъ всякаго нарушенія эффекта, невольно хочется впопыхахъ продолжать знаменитымъ подборомъ латинскихъ предлоговъ:

Ante, apud, ad, adversus,
Circum, circa, citra, cis и т. д.

Многіе находили заучиванье этихъ предлоговъ дѣломъ безсмысленнымъ, но, по сравненію со стихами г. Рафаловича, оно могло имѣть нѣкоторое практическое примѣненіе, а зачѣмъ пишетъ свои стихи этотъ авторъ, представляется необъяснимымъ.

Впрочемъ, даже и въ этой трафаретной деревянности своего стихотворчества г. Рафаловичъ далеко не безгрѣшенъ; особенно вопіющими являются промахи въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ авторъ пытается подражать народному стилю, можетъ быть, не безъ задней мысли оказать и послѣднему ту же медвѣжью услугу, какую съ такимъ успѣхомъ ему удалось оказать модернизму. За образцами ходить недалеко:

Сжегъ Степанъ-пропойца хату,
Отомстилъ, хмѣльной, врагу;
Ужъ давно твердилъ онъ брату:
—„Подожгу, да подожгу“.

Все сгорѣло: скарбъ убогій,
Скотъ, *на мужикъ кафтанъ*;
И въ дыму среди дороги
Ликовалъ хмѣльной Степанъ.

—„Нѣтъ, сосѣдъ, ты мнѣ не жалокъ!
Это дѣло не спроста:
Ты ссудилъ мнѣ сотню палокъ,
Отплатилъ я, *на-ко-ста*“.

Полагаемъ, что поэтическій обликъ г. Рафаловича опредѣлился изъ этой книги достаточно отчетливо, и право жаль, что такое симпатичное книгоиздательство, какъ „Содружество“, печатаетъ рядомъ, напримѣръ, со стихами г. С. Маковскаго творенія г. Рафаловича.

V.

— Гр. Павелъ Шереметевъ. Замѣтки. М. 1905.

Въ книжкѣ этой собраны разныя мелочи, мысли кстати и некстати, черновики экспромптовъ, произносившихся гр. Шереметевымъ, „по должности уѣзднаго предводителя“, при открытіи школъ, земскихъ собраній, освященіи зданій и т. п. Всѣ эти мелочи могутъ имѣть значеніе относительно людей, пріобрѣтшихъ право на благодарную память потомства и исключительный интересъ къ своей личности во всѣхъ ея мелочныхъ проявленіяхъ, и мы не рѣшаемся утверждать, что незнакомство наше съ заслугами автора не заставило бы насъ пройти мимо этой нѣсколько интимной книжки, еслибы насъ не остановило одно соображеніе. Насколько можно судить по этой книжкѣ, въ ней отразилось одно изъ характерныхъ для нашего времени культурно-историческихъ міросозерцаній, которое какъ-то особенно оформилось за послѣдніе два года общественной борьбы. Представители этого міросозерцанія могли быть вполнѣ либеральны въ эпоху Лаврецкихъ и Лежневыхъ, но въ наши годы въ нихъ выразилась вся типичная идеологія гибнущаго дворянскаго начала и чисто по-русски просвѣщеннаго консерватизма.

Судите сами. Съ одной стороны, гр. Шереметевъ—искренній приверженецъ земства послѣднихъ пяти лѣтъ. „Именно теперь,—говоритъ онъ,—при усиленіи прискорбнаго и гибельнаго для Россіи недовѣрія правительства къ земству и неуклонномъ желаніи многихъ умалить его достоинства и права, оно (земство) такъ необходимо и драгоцѣнно“. Въ 1902 г. мы встрѣчаемъ еще болѣе радикальныя мысли: „Если правительство будетъ слишкомъ давить, такой исходъ (политическая борьба со стороны земства) болѣе чѣмъ вѣроятенъ. Кажется, въ настоящее время такая борьба начинается. Она имѣла мѣсто въ прежніе годы и теперь вновь привлекаетъ вниманіе многихъ земскихъ силъ. Нельзя не признать съ полной откровенностью, что это стремленіе законно и объяснимо“. Неоднократно высказывается авторъ за автономность областныхъ учрежденій, отстаивая ихъ противъ вмѣшательства административнаго усмотрѣнія, и въ этомъ смыслѣ выражаетъ, напримѣръ, свое мнѣніе по одному изъ частныхъ вопро-

совъ въ исторіи нашей народной школы. Пожалуй, еще бо́льшаго вниманія заслуживаютъ слова автора, свидѣтельствующія объ извѣстной наблюдательности его въ сферѣ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ развитія недовольства въ народѣ. Указавъ на прискорбную роль администраціи въ дѣлѣ подавленія началъ свободнаго органическаго развитія народной жизни, гр. Шереметевъ говоритъ: „Оно (освободительное движеніе) опирается на общее недовольство. Въ броженіи принимаютъ участіе сознательныя силы общества. Борьба съ нимъ голой силой невозможна. Сильная сторона движенія въ томъ, что на его сторонѣ есть правда“.

Однако дальнѣйшее изложеніе обезличиваетъ даже эти устарѣлыя либеральныя вольности и обнаруживаетъ далеко не столь привлекательную оборотную сторону медали. Либерализмъ гр. Шереметева оказывается узко-мѣстнымъ, узко-сословнымъ, не возвышающимся надъ барски-благожелательнымъ (и въ общественномъ смыслѣ мало полезнымъ) отношеніемъ къ вопросамъ мѣстнаго благополучія помѣщиковъ и крестьянъ, добрыхъ господъ и благодарнаго пейзанства. Такъ, компетенцію уѣзднаго земства, какъ и земства вообще, гр. Шереметевъ ограничиваетъ исключительно интересами мѣстнаго хозяйства, быть можетъ тая въ душѣ идеалъ областного самоуправленія, съ пріоритетомъ областныхъ властей, которымъ, безъ сомнѣнія, виднѣе, какъ слѣдуетъ опекать ввѣряемый ихъ благожелательной заботливости край, чѣмъ, напримѣръ, изъ Петербурга, города бездомныхъ карьеристовъ и иностранцевъ, чуждыхъ интересамъ земли. На этой почвѣ и развивается у гр. Шереметева недовѣрчивое и враждебное (не очень, впрочемъ!) отношеніе къ административному усмотрѣнію, давящему извнѣ. Только дѣйствіемъ подобнаго взаимоотношенія авторъ могъ договориться въ бесѣдѣ съ фонъ-Плеве до того, что земству ничего не нужно, кромѣ „благожелательнаго отношенія“ со стороны правительства: „бери, молъ, все наше; подари намъ лишь свою улыбку...“ Признавая „правду“ за элементомъ броженія въ странѣ, гр. Шереметевъ не видитъ, однако, связи между этой „правдой“ и соціалистическими ученіями, которыя опредѣляются имъ, какъ „нелѣпыя измышленія разнузданной журналистики“. Но еще характернѣе то обстоятельство, что гр. Шереметевъ не усматриваетъ другой, болѣе наглядной связи,— связи столь презираемой имъ бюрократіи и столь обожаемаго имъ самодержавнаго режима. И въ этомъ отношеніи, если еще и возможно было бы простить автору шаткость его общественной мысли въ періоды Сипягиныхъ и фонъ-Плеве, то уже специфическій колоритъ пріобрѣтаетъ „убѣжденіе“, высказанное имъ, въ февралѣ прошлаго года, въ существованіи миѳической связи между самодержавіемъ и народомъ, безъ посредства представительнаго начала и даже бюрократіи:

„сохраненіе управленія на началахъ исключительно бюрократическихъ пагубно отражается на самой идеѣ Самодержавія, ореолъ котораго, благодаря чрезмѣрному развитію этой системы управленія, блѣднѣетъ все болѣе и болѣе"... Вся эта путаница понятій чрезвычайно типична еще и въ томъ отношеніи, что на ней выросли новѣйшія программы всевозможныхъ „союзовъ русскихъ людей", преимущественно изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и что въ нихъ сказались послѣднія изъ потерпѣвшихъ неудачу попытокъ спасти угасающій режимъ потугами дворянскаго суемудрія.

Можно соглашаться и не соглашаться съ общественно-политическими взглядами гр. Шереметева, но и помимо ихъ въ книгѣ его немало истинъ, которыхъ нельзя не признать безспорными. Онѣ высказывались авторомъ преимущественно, какъ то и подобаетъ его высокому положенію въ уѣздѣ, въ случаяхъ оффиціальныхъ и особо торжественныхъ. Тутъ есть и чувствительное „привѣтствіе", начинающееся словами: „Мы только-что совершили молитву о благословеніи новаго жилища" и т. д., есть и мудрыя, весьма основательныя, хотя и краткія разсужденія о пользѣ церковнаго пѣнія, о томъ, что „развитіе способностей (къ пѣнію) принесетъ много радости родителямъ учениковъ, а связь родителей со школой всегда желательна". Даже относительно буквы *ѣ* тутъ авторъ высказалъ столь же безусловно вѣрныя сужденія.

По всему этому читатель вправѣ заключить, что передъ нами вполнѣ трезвая и благонамѣренная книжка, къ сожалѣнію устарѣлая при самомъ своемъ появленіи.—Евг. Л.

VI.

— М. Я. Герценштейнъ. Аграрный вопросъ. СПб. 1905 г.

Аграрный вопросъ затронутъ авторомъ широко, такъ какъ онъ разсматриваетъ и тѣ пути, какіе ранѣе указывались, и тѣ, которые указываются и въ настоящее время для его рѣшенія, а именно: націонализація земли, расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія при помощи крестьянскаго банка, и затѣмъ наиболѣе, по его мнѣнію осуществимый путь—выкупъ.

Въ главѣ о націонализаціи земли авторъ особенно подробно останавливается на критикѣ положеній Томаса Спенса, Генри Джорджа, Льва Толстого; въ общихъ чертахъ касается вопроса о націонализаціи земли съ точки зрѣнія защитниковъ существующаго капиталистическаго строя и послѣдовательнаго соціализма—и, наконецъ, указавъ на

практическую неосуществимость идеи національзаціи земли при современныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности, въ конечномъ результатѣ приходитъ къ выводу, что „національзація земли, независимо отъ теоретической оцѣнки, не принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы вывести насъ изъ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненій“. Такой категорическій выводъ, повидимому, мало обоснованъ авторомъ. Авторъ критикуетъ главнымъ образомъ тѣ изложенія теоріи національзаціи земли, которыя не чужды большей или меньшей степени утопичности, не всегда съ полной объективностью выдѣляя осуществимыя стороны данной теоріи. Совершенно игнорируя возможность постепеннаго проведенія земельной реформы по плану національзаціи, авторъ очень подробно рисуетъ всѣ трудности и отрицательныя послѣдствія одновременной ломки существующаго аграрнаго строя. Такъ, главнымъ практическимъ затрудненіемъ для осуществленія данной реформы авторъ считаетъ финансовую ея грандіозность; чтобы выкупить, напримѣръ, частновладѣльческія земли, „нужно было бы, — говоритъ онъ, — затратить капиталъ, который по самому скромному разсчету будетъ составлять большіе милліарды; такая финансовая операція по своей грандіозности превосходила бы все, что намъ приходилось до сихъ поръ встрѣчать, и я не знаю, можно ли было бы на нее рѣшиться“ (стр. 82). Но затѣмъ, въ главѣ о выкупной операціи, авторъ говоритъ, что „операція эта въ значительной степени облегчается существованіемъ огромнаго долга, лежащаго на частномъ землевладѣніи“ (стр. 63). „Ясно, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 177),—что чѣмъ выше задолженность, тѣмъ легче можетъ совершиться выкупная операція, потому что тѣмъ большая часть долга можетъ быть переведена на подлежащую выкупу землю. Какъ въ 1861 г. существованіе ипотечнаго долга облегчило выкупную операцію и уменьшило сумму подлежащихъ выпуску выкупныхъ свидѣтельствъ, такъ и теперь финансированіе представитъ еще меньше затрудненій, такъ какъ задолженность приняла съ тѣхъ поръ болѣе крупные размѣры“. И затѣмъ рисуются тѣ практическіе — и дѣйствительно цѣлесообразные — пути, какими можно ослабить финансовыя затрудненія при выкупѣ частновладѣльческихъ земель. Но спрашивается: почему трудное и даже невозможное въ одномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о національзаціи земли, оказывается возможнымъ и далеко не столь труднымъ, когда авторъ излагаетъ свою теорію—о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель? Казалось бы, по существу дѣла въ способахъ финансированія той или другой операціи нѣтъ большой разницы.

Многіе изъ доводовъ, которые старательно собираетъ авторъ про-

тивъ опровергаемой имъ теоріи, не отличаются убѣдительностью. „Мнѣ представляется, — говоритъ проф. Герценштейнъ, — что при представительномъ образѣ правленія въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, исторія фабричнаго законодательства, хотя бы въ Англіи, блистательно доказываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Землевладѣльцы, мало заинтересованные въ сохраненіи тяжелыхъ условій фабричнаго труда, легко проводятъ реформы фабричнаго и вообще рабочаго законодательства; напротивъ, капиталисты гораздо легче смотрятъ на аграрныя реформы, чѣмъ землевладѣльцы, и охотно проводятъ законы, которые никогда не могли бы проходить, еслибъ не существовало антагонизма между капиталистами и землевладѣльцами". Въ противовѣсъ ссылкѣ автора на Англію можно указать на не менѣе блистательный примѣръ Германіи съ далеко не благотворнымъ вліяніемъ здѣсь аграріевъ. Да и вообще— можно ли защищать извѣстный экономическій строй въ качествѣ цѣлесообразнаго средства парламентской борьбы, обращая такимъ образомъ самую цѣль—въ средство?

Не болѣе убѣдительно указаніе на значеніе частнаго землевладѣнія для самоуправленія. „Можетъ быть, съ теченіемъ времени выростутъ, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе слои сельскаго населенія, способные нести общественную службу, но сейчасъ такого контингента нѣтъ... Кто же, какъ не землевладѣльцы, можетъ нести службу въ земствѣ? На кого можно возложить работу, лежащую на органахъ самоуправленія? Когда выростутъ новыя силы и окрѣпнутъ нарождающіяся силы, когда составъ органовъ самоуправленія измѣнится, частное землевладѣніе перестанетъ выполнять свою историческую миссію,—но эта пора не наступила, и я не знаю, въ чьихъ интересахъ наносить ударъ тому институту, который въ настоящее время не можетъ быть замѣненъ другимъ. Опять же—едва ли кто думаетъ произвести капитальную ломку въ одинъ прекрасный день и даже часъ, по мановенію волшебнаго жезла; такая глубокая, коренная реформа могла бы осуществиться не такъ ужъ быстро, а потому она не взорветъ на воздухъ теперешнія интеллигентныя земскія силы. Можно быть увѣреннымъ, что тѣ земскіе элементы, которые дѣйствительно связаны съ земской дѣятельностью, останутся при ней при всякихъ условіяхъ; если теперь дѣятельность ихъ облегчается матеріальной обезпеченностью, то, и получивъ выкупъ за землю, они также не были бы разорены и, можетъ быть, къ тому же обратили бы свои капиталы на различныя производительныя земскія цѣли. Уйдутъ изъ земства главнымъ образомъ тѣ, кто и теперь смотритъ на него лишь съ эгоистической точки

зрѣнія; объ этомъ жалѣть не только не приходится, но нужно даже желать этого. Если ближе присмотрѣться къ составу многихъ теперешнихъ земствъ, то нужно согласиться, что очистка ихъ отъ чуждыхъ земскому дѣлу элементовъ, въ смыслѣ большей демократизаціи земскихъ силъ, необходима настоятельно и какъ можно скорѣе. А затѣмъ — неужели такъ-таки свѣтъ клиномъ сошелся на одни̂хъ землевладѣльцахъ? Неужели и теперь, помимо ихъ, не нашлось бы полезныхъ работниковъ въ сферѣ земской дѣятельности? Эти рабочія силы до сихъ поръ къ земской дѣятельности почти не допускались, но это не значитъ, что ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Указываетъ профессоръ Герценштейнъ и на культивирующую роль помѣщичьяго хозяйства; послѣднее „является въ настоящее время во многихъ случаяхъ культурнымъ центромъ какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ распространенія всякаго рода знаній и умственнаго развитія. Нельзя же не признать, что во многихъ мѣстностяхъ сельско-хозяйственныя машины, улучшенный сѣвооборотъ, новыя производства и промыслы, дающіе заработокъ населенію, и цѣлый рядъ другихъ улучшеній обязаны своимъ происхожденіемъ частному землевладѣнію“. Пусть это и такъ, но тѣхъ же результатовъ и еще большихъ можно достичь и другими, менѣе дорогими, средствами—школами, опытными полями и фермами и т. д.

Выдвигаетъ профессоръ Герценштейнъ и „ту смуту, которая возникла бы въ крестьянскихъ умахъ, еслибы попытались объявить ихъ земли государственными. Могутъ ли крестьяне примириться съ тѣмъ, что государство во имя доктрины, правильность которой едва ли можетъ быть ими понята, еслибы даже она и признавалась вѣрною, лишитъ ихъ собственности на землю, которая была имъ отведена на началахъ собственности, которую они привыкли считать своею, или лишитъ ихъ земли, которую они пріобрѣли чрезъ посредство крестьянскаго или другихъ банковъ? Я не могу себѣ представить, чтобы благоразумный законодатель рѣшился на такую мѣру, а между тѣмъ она прямо вытекаетъ изъ принципа національзаціи земли“.

Все это не такъ страшно, какъ кажется. Изъ постановленій крестьянскихъ сходовъ и резолюцій крестьянскихъ организацій мы видимъ, что идея національзаціи земли не только не чужда крестьянамъ, но даже, можно сказать, вожделѣнія ихъ въ значительной мѣрѣ направлены въ ея сторону,—такъ что именно насчетъ смуты въ крестьянскихъ умахъ можно, повидимому, быть вполнѣ спокойнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы предпринятая въ интересахъ трудящейся массы аграрная реформа отвѣчала ея интересамъ, то неужели крестьянскій умъ не уразумѣлъ бы своей пользы? Правда, при осуществленіи крестьянской реформы имѣли мѣсто недоразумѣнія на почвѣ народнаго

невѣжества; но и тогда явленія эти были далеко не повсемѣстными, а вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже почти полъ-вѣка.

Авторъ сомнѣвается, „чтобы государство въ состояніи было въ настоящее время справиться съ такою большою площадью культурныхъ земель“, какая окажется въ его фондѣ съ національзаціей земли. „Я не думаю, — говоритъ онъ, — чтобы государство могло справиться съ такою задачею, какъ эксплоатація частновладѣльческихъ земель, еслибы онѣ сразу теперь же перешли въ его руки... Думаю, что казенное управленіе, не только то, которое выросло въ прежнихъ традиціяхъ, но и то, которое можетъ создаться въ иныхъ политическихъ условіяхъ, не могло бы въ ближайшемъ будущемъ справиться съ такою задачею“. Это совершенно вѣрно, если говорить о централистическомъ завѣдываніи земельнымъ фондомъ такого обширнаго государства, какъ Россія; но почтенный профессоръ совершенно упускаетъ изъ виду возможность, — указывавшуюся уже въ литературѣ по аграрному вопросу,—передачи завѣдыванія земельнымъ фондомъ областнымъ организаціямъ, которыя, конечно, сумѣютъ поступить съ этимъ фондомъ не по централистско-бюрократическому шаблону, а соотвѣтственно ближайшимъ потребностямъ трудящагося населенія.

Не буду разсматривать другихъ, также малоубѣдительныхъ, доводовъ автора противъ національзаціи земли. Имъ собрано не все, что можно сказать и что говорится по этому поводу; но то, что говоритъ онъ самъ, не опровергаетъ данной теоріи. Критика ея ведется съ чрезмѣрной прямолинейностью и имѣетъ слишкомъ теоретическій характеръ. Хотя авторъ и самъ сознаетъ, что „если говорить о національзаціи, какъ о практическомъ мѣропріятіи, то не слѣдуетъ представлять себѣ эту операцію въ томъ видѣ, какъ ее представлялъ себѣ Джорджъ или даже Уолесъ“, но затѣмъ, въ пылу полемики, онъ, къ сожалѣнію, забываетъ это положеніе и беретъ идею національзаціи земли больше въ ея чистомъ видѣ, въ прямолинейномъ, теоретическомъ развитіи ея постулатовъ, причемъ она, конечно, легко выступаетъ въ видѣ совершенно неосуществимой утопіи. Такъ ничего нельзя доказывать,—и, даже не будучи вовсе сторонникомъ національзаціи земли, мы должны признать, что общее заключеніе профессора Герценштейна о ней,—что она, „независимо отъ теоретической оцѣнки, не принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы вывести насъ изъ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненій“,—покоится на довольно шаткихъ основаніяхъ. Отъ почтеннаго профессора мы вправѣ ожидать болѣе глубокаго и объективнаго изслѣдованія столь важнаго вопроса.

Совершенно иной характеръ имѣетъ остальная часть книги — о крестьянскомъ банкѣ и выкупной операціи. Съ большимъ знаніемъ

дѣла авторъ доказываетъ, что настоятельная нужда крестьянъ въ землѣ не можетъ быть удовлетворена при помощи банковаго кредита вообще и крестьянскаго банка въ частности; частноправный характеръ, положенный въ основаніе кредитныхъ учрежденій, будетъ ли то государственный банкъ или частные банки, служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ выполненію широкихъ аграрныхъ задачъ; на почвѣ частныхъ соглашеній между землевладѣльцами, желающими продать, и крестьянами, желающими пріобрѣсти землю, возникаетъ крайне опасная спекуляція, которая гонитъ цѣны вверхъ; самый объемъ дѣятельности кредитныхъ учрежденій крайне недостаточенъ... По мнѣнію автора, вопросъ кореннымъ образомъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣсто частноправнаго начала въ основу аграрной политики будетъ положенъ принципъ государственной необходимости и вмѣсто банковъ будутъ созданы выкупныя учрежденія для дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею путемъ принудительнаго отчужденія части частновладѣльческихъ земель.

И эта часть книги не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ. Авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что крестьянскій банкъ „не требуетъ отъ государства никакихъ субсидій“ (стр. 97), что „стоимость кредита крестьянскаго банка нормирована такимъ образомъ, что государство не дѣлаетъ никакихъ приплатъ, не несетъ никакихъ жертвъ. Правда, въ пользу банка дѣлаются отчисленія изъ выкупныхъ платежей, но эти отчисленія имѣютъ особое назначеніе: они поступаютъ на образованіе собственнаго капитала, а не на пониженіе платежей“ (стр. 131). Это не совсѣмъ такъ. Производимыя въ пользу банка отчисленія изъ выкупныхъ платежей на образованіе собственнаго капитала идутъ на пополненіе убытковъ банка, которые не могутъ быть отнесены на счетъ запаснаго капитала; но убытки только по курсовой разницѣ процентныхъ свидѣтельствъ банка не только поглощаютъ весь запасный капиталъ, но и захватываютъ часть собственнаго капитала банка. Такъ, за послѣдній отчетный 1903 годъ убытокъ этотъ покрытъ исчерпаннымъ полностью запаснымъ капиталомъ въ суммѣ 3.524.000 р. и частью собственнаго капитала въ суммѣ 493.000 руб.; съ паденіемъ курсовой стоимости бумагъ этотъ послѣдній капиталъ долженъ скоро исчезнуть, дальнѣйшее же пополненіе его за отмѣной выкупныхъ платежей невозможно, и тогда для пополненія курсовой разницы придется уже прибѣгнуть непосредственно къ рессурсамъ казны. Это весьма не мѣшаетъ помнить, когда рѣчь идетъ о расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка, симпатіи къ которому покоятся, между прочимъ, на томъ недоразумѣніи, что онъ будто бы не требуетъ затратъ изъ общебюджетныхъ средствъ государства; на самомъ же дѣлѣ

это учрежденіе оказывается дорогимъ не только для крестьянскаго населенія, но даже и для казны.

При указанныхъ нами недостаткахъ, книга проф. Герценштейна имѣетъ однако большой интересъ и значеніе. Даже въ наиболѣе слабой своей части — въ главѣ о національзаціи земли — она даетъ много отличнаго и разнообразнаго матеріала, который прочтется всѣми съ интересомъ. Дальнѣйшія же главы — это одни изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ аграрной литературѣ послѣдняго времени; если читатель и не во всемъ согласится здѣсь съ авторомъ, то онъ во всякомъ случаѣ вынесетъ отсюда много цѣнныхъ фактическихъ свѣдѣній, основанныхъ на дѣйствительномъ знаніи предмета, въ области котораго авторъ работаетъ уже, кажется, около двадцати лѣтъ.

VII.

— Проф. Михаилъ Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1906 г. I—VIII. 1—512.

Крайне неудовлетворительная постановка у насъ преподаванія отечественной исторіи стала уже избитымъ мѣстомъ, такъ же, какъ получили уже вполнѣ опредѣленную оцѣнку знаменитые учебники Иловайскаго, изъ которыхъ черпали историческую мудрость цѣлыя поколѣнія. Этимъ и объясняется громадный успѣхъ появившихся въ послѣдніе годы популярныхъ курсовъ исторіи, по которымъ бывшіе питомцы школы впервые начали знакомиться съ исторіей. Но и большинство даже лучшихъ курсовъ русской исторіи страдаетъ однимъ недостаткомъ — слишкомъ отрывочнымъ, эпизодическимъ изложеніемъ исторіи Украйны. Въ этомъ отношеніи почти во всѣхъ курсахъ установился крайне курьезный шаблонъ: украинскій народъ появляется на сцену лишь тогда, какъ рѣчь идетъ о казацкихъ войнахъ и о присоединеніи Малороссіи, а затѣмъ такъ же неожиданно и случайно исчезнетъ въ неизвѣстности, какъ и появился. Племя, жившее обособленною, содержательною жизнью въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, выработавшее особый національный бытъ, міровоззрѣніе, культуру, — оказывается, если судить по существующимъ курсамъ русской исторіи, лишь случайнымъ, эпизодическимъ ферментомъ въ образованіи общаго сплава русской исторической жизни, и съ этой точки зрѣнія не заслуживаетъ болѣе внимательнаго отношенія историковъ.

Профессоръ львовскаго университета Мих. Грушевскій, въ своемъ вышеназванномъ курсѣ украинской исторіи (курсъ этотъ читанъ имъ въ Парижской школѣ общественныхъ наукъ и представляетъ сокра-

щеніе его многотомной работы на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) отрѣшается отъ этихъ обычныхъ воззрѣній на русскую исторію и ея построеніе, которыя онъ называетъ „пережитками давно отжившихъ пріемовъ исторической работы, удерживаемыми донынѣ лишь по долгой привычкѣ къ нимъ", и имѣетъ въ виду въ своемъ „Очеркѣ" дать картину исторической эволюціи украинскаго народа на всемъ протяженіи его историческаго существованія, представить взаимную связь различныхъ эпохъ и столѣтій въ его историческихъ судьбахъ, установить непрерывность его жизни, изъ которой обыкновенно предлагаются лишь отрывки, вырванные болѣе или менѣе механически.

Опредѣливъ границы украинской колонизаціи и ея историческихъ измѣненій, указавъ общія черты украинскаго этническаго типа и украинской исторіи, авторъ начинаетъ исторію украинскаго народа съ первыхъ элементовъ культуры и быта, съ начала торговыхъ сношеній и государственной организаціи на югѣ — на территоріи кіевскаго государства. „Конечно,—объясняетъ по этому поводу авторъ въ предисловіи къ книгѣ, — въ IX—X в.в. не существовало украинской народности въ ея вполнѣ сформированномъ видѣ,—какъ не существовало и въ XII—XIV в.в. великорусской или украинской народности въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь себѣ представляемъ. Но я и каждый другой историкъ, ставящій своею задачею прослѣдить эволюцію народа, долженъ исходить изъ первыхъ зачатковъ его развитія, и съ этой точки зрѣнія культурная, экономическая и политическая жизнь южной группы восточно-славянскихъ племенъ, изъ которыхъ сложилась украинская народность, необходимо должна войти въ исторію украинскаго народа — во всякомъ случаѣ, съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ „кіевскій періодъ" включается въ общепринятую исторію великорусской государственности, называемой „русской исторіей".

Поставивъ себѣ задачей прослѣдить эволюцію народа, авторъ не ограничивается политическими элементами исторіи и удѣляетъ много мѣста общественной и культурной эволюціи, останавливается, насколько это возможно безъ нарушенія общаго плана изложенія, на соціально-экономическихъ отношеніяхъ, которыми собственно и опредѣляется ходъ исторіи украинскаго народа, поставленнаго на исторической аренѣ между молотомъ московскаго абсолютизма и наковальней безпредѣльныхъ эксплуататорскихъ притязаній польской шляхты; особенно полно изложены судьбы главнаго общественнаго элемента украинской исторіи — крестьянства.

Животрепещущій интересъ современности имѣютъ послѣднія главы „Очерка": XXIII (украинское возрожденіе въ Россіи), XXIV (украинское возрожденіе въ Австро-Венгріи), XXV (современное состояніе

украинства въ Австро-Венгріи) и XXVI (современное состояніе украинства въ Россіи). Послѣдніе четыре очерка значительно расширены сравнительно съ первымъ изданіемъ, появившимся года два тому назадъ, когда по извѣстнымъ условіямъ многаго нельзя было касаться. Эти главы даютъ хотя и сжатый, но очень яркій очеркъ положенія украинскаго вопроса въ Россіи и Австріи и съ большимъ интересомъ будутъ прочитаны всѣми, кто интересуется этимъ вопросомъ.

Исходя изъ исторической обособленности украинскаго племени и коренныхъ отличій его въ культурной, бытовой и экономической жизни, авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ идеи украинской національно-территоріальной автономіи. „Только автономія,—говоритъ онъ, —можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только національно-территоріальная автономія обезпечитъ свободное развитіе отдѣльныхъ національностей въ составѣ государства, создастъ надлежащій modus vivendi между ними и устранитъ ихъ центробѣжныя стремленія. Только она можетъ превратить народы Россіи изъ невольниковъ, насильственно прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя, въ свободныхъ сотрудниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ и развитіемъ силъ ихъ общаго отечества, — того „отечества", котораго они не имѣли и не имѣютъ доселѣ. И поэтому принципъ національно-территоріальной автономіи долженъ быть проведенъ рано или поздно въ интересахъ самого государства. И чѣмъ ранѣе онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ менѣе будетъ потрачено силъ и тратъ на національную борьбу, на центробѣжныя стремленія".

Оглядывая объективнымъ взглядомъ историка прошлую и современную жизнь украинской народности, авторъ находитъ здѣсь опредѣленные элементы, которые заставляютъ его не сомнѣваться въ дальнѣйшей судьбѣ родного племени. „Народность настолько крупная, настолько богатая содержаніемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственнаго подавленія, не можетъ быть приведена къ небытію гнетомъ и запрещеніями,—такъ заключаетъ онъ свое изслѣдованіе.—Всѣ эти стѣсненія могутъ только задержать ея развитіе, но не болѣе, и въ концѣ концовъ она не можетъ не взять свое. Факты послѣдняго времени утверждаютъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно—очень недалекаго времени".—А. Лотоцкій.

VIII.

— Страхованіе рабочихъ. Отдѣлъ I. Страхованіе на случай болѣзни въ Германіи и Австріи. Обработано Е. М. Дементьевымъ. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Общественное движеніе въ Россіи послѣднихъ лѣтъ заставило наше правительство усиленно заняться подготовкою законовъ, касающихся трудящихся классовъ населенія,—и однимъ изъ признаковъ оживленія бумажнаго дѣлопроизводства служитъ Высочайшій указъ правительствующему сенату 12 декабря 1904 г., въ которомъ предписывается, между прочимъ, „озаботиться" введеніемъ государственнаго страхованія рабочихъ. Сумѣетъ или успѣетъ ли это правительство выполнить данную задачу—весьма сомнительно; но оно, по крайней мѣрѣ, подготовляетъ часть матеріала для будущихъ дѣятелей, въ видѣ переводовъ иностранныхъ законодательствъ и инструкцій по данному предмету. Соотвѣтствующее изданіе, подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя нашей фабричной промышленности (преимущественно съ санитарной и врачебной сторонъ), д-ра Дементьева, будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, обнимающихъ дѣйствующее законодательство о страхованіи на случай болѣзни, несчастій, инвалидности и старости и выработанные, но еще не утвержденные проекты законовъ въ Швейцаріи, Франціи и другихъ государствахъ. Первый убористый томъ этого изданія, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки, уже вышелъ въ свѣтъ; онъ посвященъ страхованію на случай болѣзни въ Германіи и Австріи. Кромѣ текстовъ законовъ и административныхъ правилъ, интересныхъ для спеціалистовъ, разсматриваемое изданіе заключаетъ общій очеркъ системы страхованія рабочихъ въ названныхъ государствахъ на случай болѣзни и результатовъ ихъ примѣненія за всѣ годы дѣйствія законовъ. Этой своей стороной трудъ г. Дементьева (изданіе министерства торговли и промышленности) примыкаетъ къ числу изданій, имѣющихъ болѣе общій интересъ.

Инціаторомъ въ дѣлѣ государственнаго страхованія рабочихъ была Германія; австрійскій же законъ о страхованіи отъ болѣзней есть „сколокъ съ германскаго" (съ нѣкоторыми, впрочемъ, отличіями); поэтому мы остановимся на практикѣ этого закона въ первомъ государствѣ. Обязательному страхованію отъ болѣзней подлежатъ въ Германіи всѣ постоянные рабочіе и служащіе въ индустріи (кромѣ домашней промышленности), въ транспортныхъ, торговыхъ предпріятіяхъ, въ строительномъ дѣлѣ, у нотаріусовъ, въ страховыхъ учрежденіяхъ, въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ и въ техническихъ заведеніяхъ морского и военнаго вѣдомства, при условіи, если служащіе

и техники получаютъ вознагражденіе не выше $6^2/_3$ марокъ въ день или 2.000 марокъ въ годъ. Узаконеніями отдѣльныхъ государствъ германской имперіи или постановленіями общинъ обязательное страхованіе можетъ быть распространено на рабочихъ по временнымъ занятіямъ, на домашнихъ промышленниковъ, на сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ рабочихъ и, наконецъ, на членовъ семей предпринимателя. Къ участію въ кассахъ обязательнаго страхованія допускаются, по ихъ желанію, и лица, изъятыя отъ обязанности страховаться. Имперскій законъ не распространяетъ обязательности страхованія на одинъ крупный отдѣлъ труда—домашнюю прислугу; этотъ пробѣлъ для нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ пополненъ соотвѣтствующими постановленіями мѣстныхъ правительствъ. — Страховые капиталы составляются взносами страхуемыхъ и работодателей; первые уплачиваютъ отъ 1 до 4% съ суммы заработка, вторые—половину этого. Членскіе взносы рабочихъ вносятся предпринимателями, вычитающими ихъ изъ заработной платы при разсчетѣ съ рабочими.

Въ послѣднемъ отчетномъ, 1902-мъ, году въ Германіи находилось въ дѣйствіи 23.214 кассъ обязательнаго страхованія; въ нихъ было застраховано около 10 милліоновъ лицъ, что составляетъ почти $^1/_5$ часть населенія. 7,5 милл. застрахованныхъ принадлежатъ мужскому полу, 2,5 милл.—женскому. При 50-ти-милліонномъ населеніи германской имперіи, распадающемся приблизительно поровну на мужчинъ и женщинъ, и при равныхъ доляхъ въ составѣ этого населенія производительнаго и непроизводительнаго возрастовъ, можно сказать, что изъ всего числа взрослыхъ мужчинъ застраховано отъ болѣзней около 60%, а изъ женщинъ—около 20%. Средній годовой взносъ съ одного застрахованнаго рабочаго равняется 12 маркамъ, работодатель платитъ за него 6 марокъ. Эти взносы составляютъ страховой капиталъ, изъ котораго выдаются пособія заболѣвшимъ. Пособія эти заключаются во врачебной помощи, медикаментахъ и другихъ медицинскихъ средствахъ, а въ случаѣ утраты трудоспособности—еще въ денежныхъ выдачахъ не менѣе половины заработной платы въ теченіе времени не долѣе полугода. При помѣщеніи заболѣвшаго въ больницу—денежная выдача (въ помощь его семьѣ) сокращается. Если неспособность заболѣвшаго къ работѣ продолжается долѣе полугода, то онъ переходитъ на попеченіе кассъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ (если болѣзнь имѣетъ такое происхожденіе) или инвалидности. Ежегодно заболѣваетъ, съ утратою трудоспособности, нѣсколько болѣе третьей части застрахованныхъ: мужчинъ относительно больше, чѣмъ женщинъ. Среднее число дней полученія денежнаго пособія составляетъ 17 для мужчинъ и 19—для женщинъ; средняя сумма этого пособія (вмѣстѣ съ платой за содержаніе въ больницѣ)—около 30 марокъ. Здѣсь сосчи-

таны и расходы на возстановленіе временной утраты работоспособности путемъ помѣщенія выздоравливающихъ въ санаторіи и т. под. учрежденія. Кромѣ пособій заболѣвшимъ, страховыя кассы выдаютъ денежныя пособія родильницамъ, въ теченіе тѣхъ шести недѣль послѣ родовъ, когда онѣ по закону лишены права наниматься на работу въ различныя заведенія. Кассы выдаютъ еще пособія на погребеніе. Страховыя кассы оказываютъ помощь и семьямъ застрахованныхъ рабочихъ или безъ приплаты, или за особые взносы.

Главнѣйшія отличія австрійскаго законодательства о страхованіи отъ болѣзней отъ страхованія германскаго заключаются въ томъ, что оно знаетъ лишь страхованіе по закону, а не по постановленіямъ общинъ, и что обязательное страхованіе распространяется на всѣхъ рабочихъ и служащихъ подчиненныхъ ему предпріятій безъ различія ихъ вознагражденія; но работодатели приплачиваютъ половину взноса лишь за рабочихъ и за служащихъ, получающихъ содержаніе менѣе 1.200 гульденовъ. Число застрахованныхъ рабочихъ здѣсь 2,6 милліоновъ; заболѣваютъ съ утратою трудоспособности около половины застрахованныхъ. Средняя продолжительность заболѣваній такова же, какъ и въ Германіи; среднее денежное пособіе заболѣвшему — нѣсколько выше.

IX.

— Ал. Лосицкій. Выкупная операція. Спб, 1906. Ц. 30 к.

Эта статистическая работа г. Лосицкаго, составленная еще въ 1904 г. и первоначально напечатанная въ періодическихъ изданіяхъ, является весьма кстати, какъ своего рода комментаріи манифеста 3-го ноября, уменьшающаго окладъ выкупныхъ платежей крестьянъ въ 1906 г. на половину и совершенно отмѣняющаго эти платежи съ 1907 г. Въ силу этого манифеста, давнишняя мечта русской интеллигенціи объ отмѣнѣ разорительнаго для крестьянъ налога получаетъ, наконецъ, осуществленіе, и совершенно естественнымъ представляется вопросъ о томъ, что значитъ эта отмѣна, насколько она есть льгота одной категоріи плательщиковъ за счетъ государственнаго казначейства или, что тоже, за счетъ другихъ плательщиковъ; каковъ въ дѣйствительности балансъ выкупной операціи? Само правительство выставляетъ отмѣну выкупныхъ платежей, какъ актъ особой милости и отеческой заботливости своей о крестьянахъ; но г. Лосицкій, за годъ до этой отмѣны, на основаніи своихъ подсчетовъ, показалъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне погашаютъ окончательно свой долгъ за отошедшія къ нимъ земли въ 1905 г., и что дальнѣйшее взиманіе

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,—говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола". Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, ½% на погашеніе этого долга и ½%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и ½% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т.-е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (½%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно ½%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ—помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія ея отъ

выкупного долга. Между прочимъ, авторъ иронизируетъ надъ взглядами своихъ политическихъ противниковъ относительно права крестьянъ на надѣльную землю. И такъ какъ сила этой ироніи покоится не на аргументахъ, а на ея соотвѣтствіи опредѣленной точкѣ зрѣнія, то, будучи умѣстной въ партійной газетѣ, предназначенной для единомыслящихъ читателей, она производитъ довольно комичное впечатлѣніе въ трудѣ, одинаково интересномъ „и для эллина, и для іудея“. Впечатлѣніе это тѣмъ менѣе выгодно для автора, что онъ заявляетъ въ качествѣ непреложной истины, что русская революція снесетъ не только „весь сословный строй и всѣ ограниченія крестьянъ въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ“, но, конечно, и ограниченія права крестьянина распоряжаться его землей. „И полное осуществленіе земельныхъ правъ крестьянъ на надѣлъ несомнѣнно порадуетъ всѣ прогрессивные элементы Россіи съ соціально-политической точки зрѣнія“. Когда набирались эти строки, сознательная часть крестьянства, соединявшаяся въ единый союзъ, громко заявляла требованіе того, чтобы вся земля Россійской Имперіи обращена была въ собственность всего народа, и чтобы ни одно лицо не имѣло исключительныхъ правъ на этотъ видъ недвижимаго имущества. Г-нъ Лосицкій, правда, можетъ изъять сознательное крестьянство изъ категоріи прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества; но врядъ ли его предсказаніе получитъ отъ того въ глазахъ читателя бо́льшую убѣдительность.—В. В.

Въ апрѣлѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алибеговъ, И. — Елисаветпольскіе кровавые дни передъ судомъ общества. Завравшійся публицистъ и его общественные сподвижники. Тифл. 906. Ц. 30 к.

Алтаевъ, Ал. — Подъ знаменемъ башмака. Историч. пов. изъ XVI вѣка. Спб. 906. Ц. 50 к.

Альгинъ, Анат.—Въ предразсвѣтномъ туманѣ. Разсказы. Спб. 906.

Апертъ, Э.—Геологическая карта Зейскаго золотоноснаго района. Спб. 906.

Арсеньевъ, К. К. — Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Съ 5-ью фототипическими портретами Салтыкова, факсимиле его автобіографическаго письма и библіографіей произведеній Салтыкова и отзывовъ о нихъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Бебель, А.—Соціалъ-демократія и всеобщее избирательное право. Спб. 906. Ц. 25 к.

Бобриковъ, В. И.—Очерки народнаго быта деревни. Спб. 906. Ц. 50 к.

Богоявленскій, Ник. Вяч., бывшій консулъ въ Зап. Китаѣ. — Западный застѣнный Китай. Его прошлое, настоящее состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. Спб. 906. Стр. 418.

Браунсъ, д-ръ.—Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ

мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Съ нѣм. В. Леманъ, п. р. А. А. Иностранцева. Спб. 906. Вып. 10-ый.

Браунъ, Лили.—Женскій трудъ и домашнее хозяйство. Спб. 906. Ц. 10 к.

Буркгардтъ, Як.—Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. С. Бриллiанта. Т. I и II. Спб. 906. Ц. 5 р.

Бухъ, Л. К.—О государственныхъ финансахъ. Спб. 906. Стр. 86. 16°. Цѣна 25 коп.

Бѣлоконскій, И. П. — Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. Рост.-на-Дону. 906. Ц. 6 к.

Веберъ, К. Т.—Японія—сейчасъ. Впечатлѣнія и факты. 100 оригин. фотографій. Спб. 906. Ц. 1 р.

Веселовскій, Юр.—Въ царствѣ рутины и гнета. М. 906.

——— Шиллеръ и современная Германія. М. 906.

Волонтеръ.—Русско-японская война. Причины, ходъ и послѣдствія. Спб. 905. Ц. 50 к.

Гершензонъ, М.—Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена М. 906. Ц. 15 к.

Глѣбовъ, Н. Н.—Замѣтки объ искусствѣ администрированія. II. Спб. 906.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Новыя явленія въ развитіи англійской демократіи. Спб. 906. Ц. 15 к.

Добровольскій, Дм.—„Въ подозрѣніи". По поводу диспута 9 мая 1905 г. въ Новоросс. университетѣ. Спб. 906.

Дурново, Н. Н.—Какъ установить каноническое управленіе русской церкви? М. 906.

Дюпріе, Д.—Государство и роль министровъ въ Англіи. Съ франц., п. р. А. Г. Спб. 906. Ц. 60 к.

Жоресъ, Ж., и *Лафаргъ*, П.—Идеалистическое и матеріалистическое пониманіе исторіи. Спб. 905 Ц. 8 к.

Жуковскій, Ю. Г. Деньги и Банки. Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX-го вѣка. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ивановичъ, В. — Россійскія партіи, союзы и лиги. Сборникъ программъ, уставовъ и справочныхъ свѣдѣній о россійскихъ политическихъ партіяхъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Исаевъ, А. А., проф.—Вопросы соціологіи. Спб. 906.

Каверзневъ, В. Н. — Стихотворенія 1904 года. Спб. 905. Ц. 1 р.

Каутскій, Карлъ.—Очередныя проблемы международнаго соціализма. Сборникъ статей. Съ нѣм. В. Величкина и Н. Ульянова. Спб. 906. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга 8-ая: т.т. XIX, XX и XXI. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 906. Ц. 4 р. 50 к. Всѣ 8 т.—25 руб.

Красножєнъ, проф. М.—Современные вопросы. Юр. 905.

——— Тернія и плевелы въ нашихъ университетахъ. Юр. 905. Ц. 50 к.

——— Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Юр. 905.

Лавеле, де, Эм. — Парламентаризмъ и демократія. Съ франц., п. р. И. Тарасова. М. 906. Ц. 20 к.

Ларенко, П.—Страдные дни Портъ-Артура. Хроника военныхъ событій и жизни въ осажденной крѣпости съ 26 января 1904 г. по 9-е января 1905 г. Въ 2 ч. Съ 365 иллюстр., план. города и крѣпости. Ч. I. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Левитскій, В. Ф. — Аграрный вопросъ въ Россіи, съ точки зрѣнія основ-

ныхъ теченій въ развитіи современнаго народнаго хозяйства. Харьковъ. 906. Цѣна 50 к.

Леруа Болье, Анатоль.—Христіанство и демократія; христіанство и соціализмъ. Съ франц. С. Троицкій. Спб. 906. Ц. 20 к.

Липковскій, I. I.—Революція или эволюція? Краткій экономическій и политическій обзоръ настоящаго положенія Россіи. Спб. 906. Ц. 50 к.

Липскій, В. И.—По горнымъ областямъ русскаго Туркестана (Тянь-Шяня). Спб. 906.

Лиссагаре.—Исторія Коммуны 1871 года. Съ франц. Ч. II.

Лосскій, Н.—Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія знанія. Спб. 906. Ц. 2 р.

Македоновъ, Л. В. — Хозяйственное положеніе и промыслы населенія станицъ Астраханскаго Казачьяго войска. Спб. 1906 г.

Малышевъ, Кронидъ. — Гражданскій законъ Калифорніи, въ сравнительномъ изложеніи съ законами Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ правомъ Англіи и сѣверной Америки. Т. I. Спб. 906. Ц. 5 р.

Мартенсъ, Б.—Практическая математика. Спб. 906.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ).—Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д.—Гоголь и Чортъ. М. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Мукаловъ, М.—Дѣти улицы. I. Малолѣтнія проститутки. Спб. 906. Ц. 50 к.

Мякотинъ, В. А. — Изъ исторіи русскаго общества. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Некрасовъ, Н. А.—Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ. Спб. 906. Ц. 20 к.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ императора Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. IV. Спб. 906.

Оленинъ, К. И.—Стихотворенія. М. 906.

Оленовъ, Мих.—Государство и страхованіе рабочихъ. Спб. 906.

Орловъ, М.—Нужды русскаго лѣсного хозяйства. Спб. 906.

Пестель, П. И.—Русская правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Спб. 906. Ц. 1 р.

Погребовъ, А. Н. (Староверъ).—Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. Спб. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Ратгаузъ, Д. — Полное собраніе стихотвореній. Спб. и М. 906. Т. I, II. Ц. 2 р.

Рейтенфельсъ, Як.—Сказанія Свѣтлѣйшему Герцогу Тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Падуя, 1680 г. Съ латинск. перев. А. Станкевичъ. М. 906. Ц. 1 р. 40 к.

Рожковъ, Н. — Историческіе и соціологическіе очерки. Сборникъ статей. М. 906. Ц. 2 р.

Роландъ-Ульстъ, Генріетта. — Всеобщая стачка и соціалдемократія, съ предисл. К. Каутскаго. Спб. 906. Ц. 40 к.

Рыбаковъ, Ѳ.—Душевныя разстройства въ связи съ послѣдними политическими событіями. М. 906. Ц. 20 к.

Савичъ, Г. Г.—Къ вопросу о мелкой земской единицѣ: село Павлово и его общественное устройство. Спб., 906. Стр. 172. Съ сводною таблицею данныхъ по селу Павлову за 1891—1905 гг. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В.—Къ исторіи политической экономіи и статистики въ

Россіи. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Начало". Спб., 906. Стр. 200. Ц. 1 р.

Свѣшниковъ, полковн.—Набѣгъ на Инкоу. Спб. 906. Ц. 1 р.

Тимофеевъ, П.—Чѣмъ живетъ заводскій рабочій? Спб. 906. Ц. 40 к.

Тхоржевскій, П. И.—Tristia. Изъ новѣйшей французской лирики переводъ: Сюлли Прюдомъ, Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ и др. Спб. 906. Ц. 60 к.

Тюшовъ, В. Н.—По западному берегу Камчатки. Спб. 906. (Записки Имп. Русск. Геогр. Общества, по общей географіи, т. XXXVII, № 2, п. р. и съ предисловіемъ К. П. Богдановича).

Фаусекъ, В.—Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области. Спб. 906.

Чаттерджи, Бэкманъ.—Сокровенная и религіозная философія Индіи. Предисловіе и переводъ съ франц. Е. П. Калуга, 906. Ц. 70 к.

Черновъ, В. — Марксизмъ и аграрный вопросъ. Истор.-крит. очеркъ. Спб. 906. Ц. 75 к.

——— Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. М. 906. Ц. 25 к.

Четвериковъ, Н.—Изъ деревни. По поводу реформъ. Маріуп. 905. Ц. 15 к.

Шарвинъ, В. В.—Какъ создается наука. Воззрѣнія Эрнста Маха. М. 906. Ц. 50 к.

Шульговскій, Н. Н.—Право на жизнь. Спб. Ц. 30 к.

Щаповъ, А. П.—Сочиненія. Т. II. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Якимовъ, Василій.—Голодъ. Въ пользу голодающихъ рабочихъ и крестьянъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

Энгельсъ, Фридрихъ. Людвигъ Фейербахъ и конецъ нѣмецкой классической философіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисловіемъ В. В. Святловскаго. Спб. 906. Стр. 50. Ц. 20 к.

— Библіотека юнаго читателя: 1) Среди японскихъ бѣглецовъ, съ англ. Э. Пименова, ц. 25 к.; 2) Томасъ Альва Эдисонъ, его жизнь и изобрѣтенія, ц. 20 к. Спб. 906.

— Библіотека свободнаго воспитанія: 1) Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель, Эрн. Кресби. Ц. 40 к. 2) Освобожденіе ребенка, К. Н. Вентцеля. Цѣна 10 к. 3) Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка, П. Лапомбъ. Съ франц. М. 905. Ц. 30 к.

— Годишникъ на Софийския университетъ. Annuaire de l'Université de Sophia. I: 1904—5. София. 905.

— Земля и Трудъ. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 7 к.

— Декабристы: 86 портретовъ и два вида. Біографич. текстъ П. М. Головачева. Вступленіе В. Мякотина. М. 906. Ц. 12 р.

— Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества, изд. п. р. А. Достоевскаго. Т. XLII, 1906, вып. 1. Спб. 906.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1905 г. Рига, 906.

— Литературно-художественный сборникъ, п. р. Г. Пекаторесъ и П. Герцо-Виноградскаго, съ иллюстр. Од. 906. Ц. 1 р.

— „На памятникъ Чехову". Стихи и проза. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Научный театръ. Популярныя лекціи по естествознанію, исторіи и обществовѣдѣнію, п. р. В. Битнера. Часть вторая: В. Бельша. Побѣда жизни. Лекціи по біологіи. Спб. 906.

— Нужны ли Россіи демократическія реформы? Спб. 906.

— Образовательная Библіотека, сер. VII, № 1: Антонъ Мензеръ, Право на полный продуктъ труда. Спб. 906. Ц. 25 к.

— Общи резултати отъ прѣброяване на населението въ Княжество България на 31 декалеврий 1900 года. Кн. II. София, 906.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1903 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ по Главному Тюремному Управленію. 1904 г. Спб. 906.

— Переселеніе въ Степной край въ 1906 г. Области Акмолинская и Семипалатинская. Съ картою. Спб. 906. Ц. 15 к.

— Политическая энциклопедія. П. р. Л. З. Слонимскаго. Въ трехъ томахъ, двѣнадцать вып. Ц. 9 р., въ перепл. 12 руб. Т. I: вып. 1 (Ааргау—Антисемитизмъ). Спб. 906.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. CXXI и CXXII. Спб. 906. Ц. по 3 р.

— Современная Библіотека: 1) И. Д. Новикъ, Государственный строй Англіи. Ц. 15 к. 2) В. М. Хвостовъ, Общественное мнѣніе и политическія партіи. Ц. 15 к. М. 906.

— Справочная книжка о переселеніи за Уралъ въ 1906 г. Съ 2 карт. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1905 г. Ч. I и II. М. 906.

— Темы жизни. № 1, вып. 2: В. Тотоміанцъ, Профессіональные союзы рабочихъ. Спб. 906. Ц. 5 к. № 1, вып. 1: А. Луначарскій, Очеркъ развитія интернаціонала. Спб. 906. Ц. 10 к. № 104: С. Сергѣевъ-Ценскій, Садъ, разск. Спб. 906. Ц. 12 к. № 1, вып. 1: А. Ельницкій, Г. В. Плехановъ. Спб. 906. Ц. 7 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906 г.

Странная роль нынѣшней русской дипломатіи.—Проектъ созыва новой конференціи въ Гаагѣ.—Мароккскій вопросъ, франко-русская дружба и русскій заемъ.—Волненія рабочихъ во Франціи.—Вопросъ о реформахъ въ Австріи и новое министерство въ Венгріи. — Конституція въ Черногоріи.

Послѣ севастопольскаго погрома наша дипломатія хорошо сознавала совершившуюся перемѣну въ международномъ положеніи Россіи; она скромно воздерживалась отъ прежняго дѣятельнаго участія въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, ссылаясь на необходимость для страны придти въ себя, возстановить свои силы и залечить свои внутреннія болѣзни. „La Russie ne boude pas,—elle se recueille", какъ формулировалъ это положеніе князь Горчаковъ. Только три года спустя, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ возможнымъ заявить оффиціально, что „Россія выходитъ изъ того положенія сдержанности, которое она считала для себя обязательнымъ послѣ крымской войны". Совершенно иначе чувствуетъ себя, повидимому, нынѣшняя наша дипломатія послѣ сокрушительныхъ ударовъ, нанесенныхъ оффиціальной Россіи не коалиціею великихъ европейскихъ державъ, а одною лишь Японіею: она нисколько не понизила своего тона по отношенію къ другимъ государствамъ, не устранилась отъ участія въ активномъ международномъ „концертѣ", а напротивъ, старалась удивить Европу своимъ непоколебимымъ апломбомъ, самоувѣренностью и внѣшнею авторитетностью. Не прошло еще и года со времени Мукдена и Цусимы, когда наше правительство взялось разыграть роль могущественнаго заступника Франціи на мароккской конференціи и выступило съ предложеніемъ созыва новаго международнаго совѣщанія въ Гаагѣ.

Этотъ послѣдній проектъ, внушенный, конечно, самыми возвышенными идеями справедливости и человѣчности, выдвинутъ былъ какъ-разъ въ эпоху полнаго разгула безчеловѣчныхъ и беззаконныхъ кровавыхъ расправъ внутри Россіи, когда массы русскаго населенія, цѣлыя области и города отдавались въ безконтрольное распоряженіе разнузданнымъ представителямъ самовластія и когда въ странѣ водворилась какая-то неслыханная вакханалія повальныхъ избіеній, экзекуцій, разстрѣловъ, произвольныхъ арестовъ и высылокъ. Слащавыя дипломатическія фразы о пользѣ миролюбія, о смягченіи ужасовъ

войны, объ охранѣ частной собственности на морѣ и объ установлении ограничительныхъ правилъ относительно бомбардированія портовъ, городовъ и т. п., предлагались великимъ державамъ въ то самое время, когда русская артиллерія безпрепятственно дѣйствовала противъ русскихъ же городовъ и селъ, разрушая частные дома и имущество обывателей подъ предлогомъ усмиренія скрытыхъ или явныхъ враговъ негоднаго правительственнаго строя, и когда даже оказаніе врачебно-санитарной помощи раненымъ наказывалось какъ преступленіе. Можно подумать, что наша дипломатія, обращаясь къ иностраннымъ правительствамъ съ своимъ благожелательнымъ проектомъ, не отдавала себѣ отчета ни въ своемъ собственномъ положеніи предъ лицомъ культурнаго міра, ни въ значеніи и смыслѣ тѣхъ внутреннихъ нашихъ дѣлъ, которыя служили предметомъ напряженнаго вниманія всей заграничной печати. Приводимъ здѣсь этотъ своеобразный дипломатическій документъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ благодушіи и самодовольствѣ русской дипломатіи въ самую тяжелую пору политическаго кризиса, вызваннаго страшными пораженіями и разочарованіями русско-японской войны:

„Съ Высочайшаго соизволенія, россійскимъ представителямъ въ иностранныхъ государствахъ, 16 марта 1906 г., предписано было передать правительствамъ, при коихъ они аккредитованы, слѣдующую тождественную ноту по вопросу о второй конференціи мира въ Гаагѣ.

„Принимая на себя починъ созыва второй конференціи мира, императорское правительство имѣло въ виду необходимость дать дальнѣйшее развитіе человѣколюбивымъ принципамъ, положеннымъ въ основу трудовъ знаменательнаго международнаго собранія 1899 г.

„По мнѣнію императорскаго правительства, предстояло привлечь къ участію въ предположенной конференціи возможно большее число державъ, и выказанное къ этому призыву сочувствіе указываетъ, насколько въ настоящее время глубоко укоренилось сознаніе общей солидарности въ дѣлѣ осуществленія идей, направленныхъ ко благу всего человѣчества.

„Первая конференція закрылась въ убѣжденіи, что труды ея будутъ дополняемы въ будущемъ путемъ постепеннаго и правильнаго развитія въ народахъ просвѣщенія, а также по мѣрѣ накопленія указаній опыта. Важнѣйшее созданіе конференціи—международная палата третейскаго суда—доказало на дѣлѣ свою жизнеспособность, объединивъ въ одномъ высшемъ учрежденіи всемірно уважаемыхъ юристовъ. Выяснилось также, какое благотворное значеніе имѣютъ международныя слѣдственныя коммиссіи для разрѣшенія несогласій между государствами.

„Тѣмъ не менѣе необходимо внести нѣкоторыя улучшенія въ кон-

венцію „о мирномъ разрѣшеніи международныхъ столкновеній“. По случаю происходившихъ въ послѣднее время третейскихъ разбирательствъ, юристы, принимавшіе въ нихъ участіе въ качествѣ судей, возбудили нѣкоторые частные вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить, внеся въ упомянутую конвенцію необходимыя дополненія. Представляется, между прочимъ, желательнымъ, чтобы были установлены твердые принципы по вопросу о языкѣ судопроизводства, для устраненія затрудненій, которыя могли бы возникать въ будущемъ по мѣрѣ умноженія случаевъ обращенія къ третейской юрисдикціи. Необходимо также внести нѣкоторыя усовершенствованія въ порядокъ дѣятельности международныхъ слѣдственныхъ коммиссій.

„Что касается установленія законовъ и обычаевъ сухопутной войны, то рѣшенія по сему предмету первой конференціи слѣдовало бы, равнымъ образомъ, дополнить и придать имъ большую опредѣленность, дабы устранить всякія недоразумѣнія. Что касается морской войны, законы и обычаи которой для отдѣльныхъ странъ не во всѣхъ отношеніяхъ сходятся между собою, то слѣдуетъ установить твердыя правила въ соотвѣтствіи съ необходимостью согласовать права воюющихъ съ интересами нейтральныхъ. По этимъ вопросамъ необходимо выработать конвенцію, составленіе которой явилось бы одною изъ наиболѣе важныхъ задачъ предстоящей конференціи.

„Вслѣдствіе сего, полагая, что въ настоящее время надлежитъ заняться разсмотрѣніемъ лишь вопросовъ, съ особенною настоятельностью поставленныхъ на очередь опытомъ послѣднихъ лѣтъ,—не затрагивая тѣхъ, которые могли бы коснуться ограниченія морскихъ и сухопутныхъ силъ,—императорское правительство предлагаетъ, какъ программу для предположеннаго собранія, слѣдующіе главные пункты:

1) Усовершенствованіе постановленій „конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній“ въ тѣхъ частяхъ ея, которыя касаются палаты третейскаго суда и международныхъ слѣдственныхъ коммиссій.

2) Дополненіе постановленій конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, между прочимъ, касательно открытія военныхъ дѣйствій, правъ нейтральныхъ на сушѣ и т. п. Въ виду истеченія срока одной изъ декларацій 1899 г.—вопросъ о ея возобновленіи.

3) Выработка конвенціи о законахъ и обычаяхъ морской войны, по слѣдующимъ вопросамъ: особыя средства морской войны, какъ-то: бомбардированіе портовъ, городовъ и селеній морскими силами, постановка минъ и т. п.; обращеніе торговыхъ судовъ въ военныя; частная собственность воюющихъ на морѣ; льготный срокъ для выхода торговыхъ судовъ изъ нейтральныхъ и непріятельскихъ портовъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій; права и обязанности нейтраль-

ныхъ на морѣ. Между прочимъ, вопросы о контрабандѣ, положеніи судовъ воюющихъ въ нейтральныхъ портахъ; уничтоженіе, въ случаѣ крайней необходимости, нейтральныхъ торговыхъ судовъ, взятыхъ въ качествѣ призовъ. Въ проектируемую конвенцію могли бы быть включены тѣ правила сухопутной войны, которыя въ то же время приложимы къ морской войнѣ.

4) Дополненія къ конвенціи 1899 г. о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи 1864 г.

„Пренія предположеннаго собранія, подобно тому, какъ и на конференціи 1899 г., очевидно, не должны касаться ни политическихъ отношеній между державами, ни порядка вещей, установленнаго трактатами, ни вообще вопросовъ, которые не войдутъ прямо въ границы одобренной правительствами программы.

„Императорское правительство считаетъ важнымъ отмѣтить, что сообщеніе настоящей программы и возможное принятіе ея разными государствами не предрѣшаетъ, конечно, взглядовъ, которые могли бы быть высказаны на конференціи касательно самаго разрѣшенія поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ. Равнымъ образомъ, отъ предположеннаго собранія будетъ зависѣть опредѣлить порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ и форму, въ которую будутъ облечены принятыя рѣшенія, смотря по тому, признано ли будетъ предпочтительнѣе включить нѣкоторыя изъ нихъ въ новыя конвенціи, или же присоединить, въ видѣ дополненія, къ конвенціямъ, уже существующимъ.

„Устанавливая вышеизложенную программу, императорское правительство по мѣрѣ возможности приняло во вниманіе пожеланія, выраженныя первою конференціею мира, а именно—касательно правъ и обязанностей нейтральныхъ, частной собственности воюющихъ на морѣ, бомбардированія портовъ, городовъ и т. п. Оно надѣется, что (такое-то) правительство увидитъ въ совокупности поставленныхъ на обсужденіе пунктовъ выраженіе желанія приблизиться къ тому высокому идеалу международной справедливости, который является постоянною цѣлью всего цивилизованнаго міра.—По приказанію моего правительства, имѣю честь сообщить вамъ о вышеизложенномъ, присовокупляя, что временемъ собранія конференціи въ Гаагѣ могла бы быть вторая половина будущаго іюля (нов. ст.), каковой срокъ и нидерландскому правительству представляется наиболѣе подходящимъ".

Эта трогательная заботливость нашего правительства объ урегулированіи мирныхъ и военныхъ отношеній между государствами въ самый разгаръ административно-военныхъ репрессій и насилій внутри страны возбудила вполнѣ естественное недоумѣніе за границею; многіе находили, что прежде всего мы должны были бы урегулировать наши собственныя ненормальныя отношенія, и что вмѣсто того, чтобы хло-

потать о миролюбіи, справедливости и „благѣ человѣчества“ въ международныхъ дѣлахъ, слѣдовало бы придерживаться началъ человѣколюбія и справедливости у себя дома, относительно своихъ собственныхъ согражданъ. Планъ созыва конференціи на одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ встрѣтилъ также формальное возраженіе со стороны вашингтонскаго кабинета, въ виду предстоящаго лѣтомъ этого же года „панамериканскаго конгресса“—съѣзда представителей всѣхъ странъ Америки для обсужденія общихъ дѣлъ материка. Русскій проектъ конференціи былъ, по необходимости, отложенъ на неопредѣленное время, и слѣдовательно даже съ чисто внѣшней стороны онъ оказался недостаточно обдуманнымъ; самая поспѣшность иниціативы въ такомъ щекотливомъ для насъ вопросѣ общечеловѣческой филантропіи является довольно характерною для нашего дипломатическаго вѣдомства. Русская дипломатія хотѣла показать передъ цѣлымъ міромъ, что она осталась такою же, какою была въ 1899 году при созывѣ первой Гаагской конференціи, что она вовсе не утратила своего авторитета и могущества, и что она охотно готова попрежнему брать на себя руководящую роль въ серьезныхъ международныхъ совѣщаніяхъ, какъ будто никакой русско-японской войны не было,—подобно тому какъ и въ отношеніяхъ къ своему отечеству и народу наши правители дѣлали видъ, что ничто не измѣнилось послѣ позорныхъ военныхъ катастрофъ, что все должно остаться по старому и что сторонники спасительныхъ государственныхъ перемѣнъ должны быть признаваемы врагами родины, крамольниками, подлежащими безпощадному истребленію. Что касается западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, то оно въ господствующей своей части давно перестало руководствоваться чисто нравственными мотивами и въ сущности ничего не имѣло бы противъ полнаго политическаго упадка и развала Россіи при дальнѣйшемъ неограниченномъ владычествѣ бюрократіи; единственное, что еще заставляетъ иностранцевъ дѣйствительно интересоваться нашими судьбами,—это забота о курсѣ нашихъ процентныхъ бумагъ, размѣщенныхъ въ огромной массѣ за границею. Иностранные кредиторы Россіи представляютъ собою ту реальную силу, на которую сочло нужнымъ опереться русское правительство въ своей борьбѣ съ отечественною оппозиціею, и это обстоятельство отчасти объясняетъ нѣкоторыя странныя особенности нашего современнаго международнаго положенія.

Наша дипломатія, вопреки всѣмъ обрушившимся на нее ударамъ, приняла активное участіе въ новѣйшихъ международныхъ вопросахъ, затрогивающихъ интересы Франціи, и обнаружила особенную энергію и настойчивость въ обсужденіи марокскихъ дѣлъ; конференція въ

Алжесирасѣ, имѣвшая свое послѣднее засѣданіе 7 апрѣля (нов. ст.), окончилась миролюбивымъ соглашеніемъ, безобиднымъ для французовъ, преимущественно благодаря дипломатическимъ усиліямъ Россіи и Англіи. Съ нашей стороны громко возвѣщалась въ нужный моментъ рѣшимость неуклонно поддерживать взгляды и предложенія французскаго правительства; въ томъ же смыслѣ высказывалась и Англія, солидарная въ этомъ случаѣ съ Франціею, и какъ французы, такъ и англичане, были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы голосъ Россіи сохранялъ все свое прежнее значеніе въ глазахъ Германіи и поддерживавшихъ ее державъ. Французская оффиціозная пресса выставляла на видъ безусловную необходимость сохраненія франко-русскаго союза и указывала на непоколебимую вѣрность этому союзу со стороны Россіи; республиканскіе министры и политическіе дѣятели краснорѣчиво разсуждали о тѣсной франко-русской дружбѣ, какъ о главнѣйшей гарантіи внѣшней безопасности Франціи, и радикальный министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, не встрѣтилъ серьезныхъ протестовъ въ палатѣ, когда отозвался по этому поводу въ восторженномъ тонѣ о могущественныхъ оффиціальныхъ союзникахъ французской республики.

Почему французскіе правительственные радикалы и даже соціалисты допускаютъ такую близость съ оффиціальной Россіей, истинный характеръ которой имъ хорошо извѣстенъ? Какъ могутъ они сохранять интимныя политическія связи съ правительствомъ, противъ котораго самоотверженно борется вся прогрессивная часть русскаго общества? Безполезно было бы говорить о безпринципности французскихъ республиканцевъ, о равнодушіи ихъ къ чужимъ народнымъ бѣдствіямъ и стремленіямъ, о мелочной буржуазной разсчетливости, побуждающей ихъ забывать иногда о высшихъ идеалахъ и о „благѣ человѣчества". Французы не могутъ теперь отречься отъ Россіи по одной весьма вѣской причинѣ: огромное количество обывателей обладаетъ русскими фондами и очень дорожитъ поддержаніемъ ихъ цѣнности и доходности; отрицать политическій авторитетъ русскаго правительства въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, значило бы подрывать и финансовый его кредитъ, который для иностранцевъ совпадаетъ съ финансовымъ кредитомъ русскаго государства; а паденіе русскаго кредита могло бы сразу уничтожить массу французскихъ сбереженій и капиталовъ, помѣщенныхъ въ русскія процентныя бумаги. Такихъ бумагъ находится во Франціи на сумму около семи или болѣе милліардовъ франковъ, и еслибы какой-нибудь министръ вздумалъ игнорировать интересы многочисленныхъ владѣльцевъ этихъ цѣнностей, то онъ доказалъ бы этимъ только свое непростительное легкомысліе и сдѣлалъ бы себя невозможнымъ въ качествѣ члена правительства: фран-

цузская публика неумолима, когда дѣло идетъ объ ея денежныхъ интересахъ.

Марокская конференція дала нашей дипломатіи случай помочь французамъ въ крайне трудномъ и щекотливомъ спорѣ съ Германіею; эта услуга, вызвавшая противъ насъ неудовольствіе берлинскаго кабинета, оживила во Франціи идею франко-русскаго союза и подготовила почву для крупнаго займа, о которомъ давно уже велись переговоры въ разныхъ мѣстахъ. Съ другой стороны, успѣхъ этого займа нуженъ былъ и для французовъ, такъ какъ имъ обезпечивалось погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ нашего государственнаго казначейства, реализованныхъ на довольно значительную сумму во Франціи, и притомъ удовлетвореніе денежной потребности русскаго правительства предупреждало для него острый финансовый кризисъ, который могъ бы пагубно отразиться на курсѣ русской ренты; этотъ же русскій заемъ долженъ былъ служить для покрытія другихъ срочныхъ уплатъ иностраннымъ кредиторамъ и вообще предназначался преимущественно для заграничнаго денежнаго рынка, которому шли на пользу и разорительныя для насъ условія этого займа. Чѣмъ тяжелѣе были обязательства, вытекавшія изъ этой кредитной операціи для должника, тѣмъ крупнѣе были выгоды для пріобрѣтателей-кредиторовъ; а имѣло ли правительство нравственное право, до созыва народнаго представительнаго собранія, заключать такой колоссальный заемъ (на два съ половиною милліарда франковъ) и на столь тягостныхъ условіяхъ, съ переплатою неслыханныхъ суммъ банкирамъ и биржевымъ спекулянтамъ,—это вопросъ, который мало интересовалъ иностранцевъ и не имѣлъ для нихъ практическаго значенія, ибо даже при полной перемѣнѣ государственнаго строя не устраняется обязательность заключенныхъ уже заемныхъ обязательствъ для государства. Такимъ образомъ, заграничные владѣльцы нашихъ процентныхъ бумагъ по необходимости, ради своихъ же интересовъ, поощряютъ дальнѣйшія финансовыя комбинаціи для пополненія недочетовъ русской казны, и наша властвующая бюрократія всегда можетъ въ крайнемъ случаѣ разсчитывать на услужливость иностранныхъ кредиторовъ, которые въ свою очередь сильно заинтересованы въ искусственномъ поддержаніи политическаго и финансоваго кредита оффиціальной Россіи. Французы, хлопотавшіе о русскомъ займѣ, дѣйствовали не какъ республиканцы или реакціонеры, не какъ безпринципные аферисты, а какъ представители многочисленныхъ классовъ французскаго общества, имѣющихъ непосредственный реальный интересъ во внѣшнемъ благополучіи русскихъ финансовъ; отвѣтственность же за условія и размѣры займа, за его ростовщическій характеръ, за своевременность или поспѣшность его заключенія, падаетъ всецѣло на нашихъ отечественныхъ

устроителей, стремившихся во что бы то ни стало, при помощи занятыхъ денегъ, поднять свой престижъ передъ первымъ русскимъ парламентомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя серьезно обвинять въ чемъ-либо французскихъ или иныхъ заграничныхъ государственныхъ людей, такъ какъ въ ихъ компетенцію не могъ входить надзоръ за внутренними дѣлами и финансовыми предпріятіями чужого правительства...

Волненія и забастовки рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи ставятъ въ крайне трудное положеніе такихъ убѣжденныхъ демократовъ, какъ нынѣшніе республиканскіе министры. Въ качествѣ представителей свободнаго самоуправляющагося государства, французскіе администраторы не имѣютъ ни права, ни возможности смотрѣть на волнующихся рабочихъ, какъ на враговъ, относительно которыхъ допустимы насильственныя или военныя дѣйствія; напротивъ, они обязаны внимательно прислушиваться къ требованіямъ и домогательствамъ трудящихся массъ, ограничиваясь лишь необходимыми мѣрами для огражденія внѣшняго уличнаго порядка и общественной безопасности. Поводы къ неудовольствію и раздраженію рабочихъ всегда существуютъ; матеріалъ для этого постоянно доставляется фактическими условіями и обстановкою наемнаго труда; но по временамъ происходятъ вспышки, разгорающіяся до степени пожара и затѣмъ опять потухающія. Недавняя катастрофа въ каменноугольныхъ копяхъ Куррьера произвела впечатлѣніе какого-то стихійнаго бѣдствія; больше тысячи человѣкъ остались въ глубинѣ шахтъ и погибли подъ вліяніемъ внезапно распространившихся зловредныхъ газовъ; другіе спускались потомъ для поисковъ и также не возвращались обратно; нѣкоторые изъ заживо погребенныхъ спаслись какимъ-то чудомъ и были вытащены изъ подъ-земли въ полу-безсознательномъ состояніи; трупы рабочихъ постепенно поднимаются наверхъ, такъ что въ двадцатыхъ числахъ апрѣля (нов. ст.) было поднято уже 424 тѣла, а оставалось еще въ шахтахъ 676. Германское правительство прислало отрядъ своихъ рудокоповъ-санитаровъ, которые оказали большую помощь своимъ французскимъ товарищамъ; нѣмецкій союзъ каменноугольныхъ рабочихъ организовалъ въ Германіи подписку въ пользу спасшихся жертвъ куррьерской катастрофы и собралъ для нихъ болѣе двухсотъ тысячъ марокъ, которыя и были переданы французскому правительству. Международная солидарность въ дѣлахъ простого человѣколюбія сказалась тутъ во всемъ блескѣ; нѣмцы искренно пришли спасать пострадавшихъ французовъ, въ то время какъ еще не затихли отголоски взаимной неприязни, умышленно возбужденной изъ-за раздутаго марокскаго спора. Но рабочіе ближайшихъ и отдаленныхъ

каменноугольныхъ районовъ не могли успокоиться при мысли, что имъ всегда можетъ угрожать несчастіе, подобное случившемуся въ Куррьерѣ, и что въ сущности они не просто работаютъ въ шахтахъ, а ежедневно и ежечасно рискуютъ своею жизнью; отсюда легко было сдѣлать выводъ, что кромѣ справедливой платы за тяжелый подземный трудъ они должны еще получать вознагражденіе за рискъ, связанный съ ихъ работою. Рудокопы повысили цѣну своей работы на десять или двадцать процентовъ; они стали предъявлять соотвѣтственныя требованія своимъ хозяевамъ, которые однако, не обнаружили готовности идти имъ на встрѣчу; на этой почвѣ возникла и разрослась стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ сѣверныхъ округахъ Франціи. Руководство движеніемъ взяли на себя мѣстные синдикаты рабочихъ, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстные защитники рабочаго класса, старые и опытные дѣятели, или напротивъ, новые искатели популярности; рядомъ съ умѣреннымъ синдикатомъ прежняго типа дѣйствуетъ новый, болѣе крайній, и ихъ соперничество выражается въ разныхъ афишахъ и манифестахъ, предлагающихъ рабочимъ держаться твердо, но спокойно, въ предѣлахъ законности, или наоборотъ, показать владѣльцамъ свою силу, не опасаясь вмѣшательства полиціи или войска.

Знаменитый Клемансо, очутившись въ положеніи министра внутреннихъ дѣлъ, поступаетъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ не дѣлаютъ министры внутреннихъ дѣлъ: онъ ѣздитъ въ наиболѣе безпокойные пункты, лично выслушиваетъ рабочихъ, посѣщаетъ ихъ жилища, побуждаетъ ихъ точно формулировать свои желанія и затѣмъ обращается къ управляющимъ каменноугольныхъ кампаній; тѣмъ и другимъ онъ совѣтуетъ искать полюбовнаго соглашенія; протестующихъ и раздраженныхъ рабочихъ онъ старается успокоить добрымъ словомъ; иногда онъ попадаетъ въ толпу, которая съ красными флагами и съ воинственными возгласами провожаетъ его, въ видѣ шумной свиты, отчасти даже рискованной для министра внутреннихъ дѣлъ. Клемансо отнесся съ недовѣріемъ къ руководителямъ старыхъ рабочихъ синдикатовъ, приписывая имъ отвѣтственность за организацію стачки и за ея упорство; между тѣмъ эти именно дѣятели, вродѣ депутата Бали, настаиваютъ на соблюденіи порядка и спокойствія и оказываютъ вообще умиротворяющее вліяніе на рабочихъ. Обвиняя министра въ томъ, что онъ будто бы обнаружилъ больше вниманія къ крайнимъ, чѣмъ къ умѣреннымъ элементамъ, газета „Temps“ ставитъ ему въ упрекъ ненужное личное вмѣшательство, поощряющее только смуту и безпорядки; во многихъ мѣстахъ рабочіе, увѣрившись въ полной безнаказанности, прибѣгли къ насиліямъ противъ тѣхъ, которые не хотѣли присоединиться къ стачкѣ; случаи ограбленія магазиновъ, лавокъ и частныхъ квартиръ повторялись все чаще, и правительство вынуждено было двинуть противъ ра-

бочихъ значительные военные отряды. Но, согласно инструкціямъ Клемансо, войска повсюду должны внушать уваженіе однимъ своимъ присутствіемъ и не могутъ употреблять оружіе даже при нападеніи толпы; вслѣдствіе этого получается совершенно исключительная картина: военные отряды подвергаются бомбардировкѣ камнями и кирпичами, но сами только изрѣдка грозятъ шашками, и потому раненые и даже убитые бывали только между военными. Въ массѣ рабочихъ просыпается какъ будто старинное, унаслѣдованное отъ прежнихъ режимовъ, враждебное чувство къ полицейской или военной силѣ, выступающей противъ гражданъ отъ имени государства; но роли теперь измѣнились,—армія перестала служить орудіемъ враждебныхъ народу интересовъ и не оправдываетъ уже прежняго недовѣрія или озлобленія обывателей; она не стрѣляетъ въ толпу даже тогда, когда сама выдерживаетъ обидныя и несправедливыя аттаки, которыя во всей странѣ вызываютъ горячее сочувствіе къ самоотверженнымъ солдатамъ и офицерамъ. Конечно, лучше было бы вовсе не ставить людей въ такое тяжелое положеніе, особенно когда нѣтъ возможности каждое посягательство частныхъ лицъ преслѣдовать предъ судомъ. Сами рабочіе сознаютъ, что нападать на военные отряды при подобныхъ условіяхъ недостойно свободныхъ гражданъ; они невольно проникаются уваженіемъ къ рыцарскому поведенію войскъ, и злобные инстинкты мало-по-малу уступаютъ мѣсто болѣе человѣчнымъ порывамъ и желаніямъ. Совершенно иное произошло бы, еслибы къ нѣсколькимъ пострадавшимъ солдатамъ и офицерамъ прибавились десятки или сотни жертвъ изъ среды рабочаго населенія, ради поддержанія военной чести или достоинства военнаго мундира.

Рабочее движеніе вскорѣ перешло отъ каменноугольныхъ копей къ металлургическимъ предпріятіямъ и постепенно охватило самыя разнородныя отрасли промышленнаго производства; обычнымъ лозунгомъ было установленіе восьмичасового рабочаго дня и повышеніе заработной платы. Эти требованія связывались также съ празднованіемъ 1-го мая, когда предполагались многочисленныя и шумныя демонстраціи для внушенія спасительнаго страха капиталистамъ и хозяевамъ. Но французская буржуазія стойко и прямолинейно оберегаетъ свои права и интересы; она не расположена къ постепенной и благоразумной уступчивости, и въ этомъ отношеніи она существенно отличается отъ англійскаго промышленнаго класса, съ его традиціями компромисса и соглашенія. Во Франціи не видно средняго пути между непреклонными и узкими взглядами хозяевъ-капиталистовъ и столь же односторонними стремленіями и идеями рабочихъ; оттого при всякомъ рабочемъ или промышленномъ кризисѣ высказываются два діаметрально противоположныя направленія — откровенно-буржуазное и

откровенно-соціалистическое. Публицисты и ораторы перваго оттѣнка не понимаютъ и не могутъ себѣ представить другого порядка вещей, кромѣ промышленно-капиталистическаго; дѣятели и теоретики второго типа не допускаютъ другихъ способовъ разрѣшенія соціальной проблемы, кромѣ полнаго упраздненія капитализма. Такъ и теперь: умѣренныя газеты удивляются широкимъ притязаніямъ рабочихъ синдикатовъ и ихъ вождей, и ядовито высмѣиваютъ ихъ утопіи; а Жоресъ въ своей „Humanité" дразнитъ буржуазную публику разсужденіями о томъ, что существуетъ одно только могучее средство избавиться отъ всѣхъ соціальныхъ золъ,—это именно отмѣна всякой вообще частной собственности. Среди этихъ непримиримыхъ противорѣчій рабочій вопросъ въ его практической постановкѣ крайне туго подвигается впередъ, несмотря на безраздѣльное господство свободныхъ политическихъ учрежденій.

Въ Австріи министръ-президентъ Гаучъ не могъ справиться съ реформаторскимъ движеніемъ, которому онъ далъ такой сильный толчокъ своимъ проектомъ всеобщаго избирательнаго права. Антагонизмъ между нѣмцами и славянами, между поляками и другими народностями, не позволяетъ выработать и установить извѣстные общіе принципы, а требуетъ цѣлаго ряда частичныхъ соглашеній, сложныхъ комбинацій и компромиссовъ, которыхъ трудно достигнуть при обыкновенномъ ходѣ вещей. Баронъ Гаучъ поочередно оттолкнулъ отъ себя и австрійскихъ нѣмцевъ, и чеховъ, и поляковъ; послѣдніе съ наибольшею энергіею возставали противъ широкой избирательной реформы, и министръ потерялъ всякую надежду на скорое осуществленіе своего плана. Баронъ Гаучъ уступилъ мѣсто князю Гогенлоэ-Шиллинсфюрсту.

Въ Венгріи удалось, наконецъ, устроить временное соглашеніе между короною и соединенною оппозиціею; баронъ Фейервари исполнилъ свою миссію и могъ съ спокойною совѣстью удалиться на покой. Образовалось самое блестящее и значительное по составу министерство, какое только можно было придумать при данныхъ условіяхъ: въ него вошли всѣ главные вожди коалиціи — Францъ Кошутъ, графъ Альбертъ Аппоньи, графъ Юлій Андраши и графъ Аладаръ Зичи. Главою кабинета является Александръ Векерле, бывшій уже нѣкогда премьеромъ и успѣвшій въ свое время провести законъ о гражданскомъ бракѣ. Графъ Андраши занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ; графъ Альбертъ Аппоньи получилъ портфель народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; Францъ Кошутъ, глава партіи національной независимости, довольствуется скромнымъ положеніемъ министра торговли; Геза Полоньи назначенъ министромъ юстиціи; вождь клерика-

ловъ, графъ Аладаръ Зичи,—министромъ королевскаго двора въ Вѣнѣ; Игнатій Дараньи—министромъ земледѣлія; генералъ Павай де-Вайна—министромъ народной обороны, и д-ръ Раухъ—министромъ Хорватіи. Новое министерство, которое по общему своему характеру можетъ быть названо національнымъ, включаетъ въ свою программу осуществленіе принципа всеобщаго избирательнаго права и устройство прочныхъ экономическихъ и торговыхъ соглашеній съ Австріею. Новые парламентскіе выборы, происходившіе съ 28-го апрѣля по 8-ое мая (нов. ст.), какъ и слѣдовало ожидать, доставили громадное большинство національной партіи Кошута и его союзниковъ.

Очень немногіе обратили у насъ вниманіе на крупную политическую перемѣну, совершившуюся въ послѣднее время въ Черногоріи: князь Николай Черногорскій, котораго императоръ Александръ III когда-то назвалъ „единственнымъ другомъ" Россіи, даровалъ своему народу конституцію и торжественно отрекся за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ исконныхъ правъ самодержавія. Еще въ октябрѣ прошлаго года, почти одновременно съ манифестомъ 17-го октября, онъ обратился къ своимъ „дорогимъ черногорцамъ" съ воззваніемъ, въ которомъ просто и ясно изложилъ свое намѣреніе измѣнить устарѣлый строй государства. „Всякій человѣкъ, принадлежащій къ культурному обществу, — говорится въ этомъ воззваніи, — долженъ быть въ то же время свободнымъ гражданиномъ". Въ началѣ декабря того же года князь Николай прочелъ свою тронную рѣчь въ первомъ выборномъ представительномъ собраніи Черногоріи. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ обстоятельный и очень интересный обзоръ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній страны въ прошедшемъ и настоящемъ.

„Форма правленія въ нашемъ государствѣ была до сихъ поръ самодержавная,—заявляетъ князь Николай въ своемъ обращеніи къ депутатамъ,—но ни мои славные предки, ни я, никогда не считали себя, подобно нѣкоторымъ другимъ самодержцамъ, безотвѣтственными, и мы не предполагали, что наша воля составляетъ единственный законъ страны. Мы не смотрѣли на это государство, какъ на наше помѣстье, но мы заботливо завѣдывали его дѣлами и остерегались давать поводъ къ несогласіямъ, которыя могли бы отдѣлить насъ отъ черногорцевъ. Нѣтъ, мы не были деспотами, а скорѣе были мучениками за благо народа. Примѣняя свою верховную власть, мы сами ограничивали ее и всегда признавали себя отвѣтственными не только передъ Богомъ, но и передъ націею. Доказательствомъ этого служатъ многочисленныя сходки, замѣчательныя скупштины и собранія, которыя мои предки и я созывали для совмѣстнаго съ нами обсужденія общихъ вопросовъ, такъ

какъ у насъ всегда исключалась мысль объ устраненіи нашей отвѣтственности; довѣріе, которое намъ всегда оказывалъ черногорскій народъ, подтверждаетъ, что наша власть никогда не была самовластіемъ, а представляла собою прямое уполномочіе или делегацію народной воли. Безъ этой народной воли, безъ этого безусловнаго довѣрія народа къ своимъ государямъ нельзя было бы основать ничего прочнаго... Исходя теперь изъ убѣжденія, что время самодержавія уже прошло для Черногоріи, и имѣя въ виду духъ современной эпохи, я рѣшилъ дать странѣ новую форму правленія, благодаря которой мой народъ займетъ мѣсто въ первомъ ряду образованныхъ націй и будетъ быстро идти впередъ по пути развитія и совершенствованія. Это осуществится путемъ призыва выборныхъ людей, которые своими совѣтами и содѣйствіемъ будутъ участвовать вмѣстѣ со мною въ обновленіи родины. Я установляю и опредѣляю это содѣйствіе основнымъ закономъ; этотъ законъ есть конституція. Вотъ даръ, который я обѣщалъ своему дорогому народу... Конституція—пусть всѣ это знаютъ—не была дѣломъ одного дня, случайнымъ результатомъ новѣйшихъ обстоятельствъ; она была плодомъ моего личнаго убѣжденія, предметомъ моихъ давнишнихъ желаній, отчасти либеральнымъ наслѣдіемъ моихъ предковъ, которые сильнѣе кого бы то ни было дорожили политическою свободою. Я горячо желаю направить мой народъ на путь дѣйствительной конституціи и научить моего сына, какъ онъ долженъ идти рука объ руку съ народомъ по пути прогресса, гдѣ встрѣчаются всѣ передовые народы. Съ этого дня наше государство становится конституціонною монархіею"... Если явятся противники законности и прогрессивнаго развитія страны, то князь Николай обѣщаетъ въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ лучшими элементами націи, „возстать на защиту конституціи и охранять благо народа всѣми силами". Ближайшей скупштинѣ предстоитъ разсмотрѣть внутренній уставъ собранія, избирательный законъ и законъ объ отвѣтственности министровъ; сверхъ того, народу дана свобода печати, такъ какъ „печать есть длительное отраженіе человѣческаго слова, а слово имѣетъ цѣну только когда оно свободно и искренне; печать есть органъ мысли, при ея помощи мысль сообщается и распространяется, и какъ мысль, печать должна быть независима и свободна". Представивъ затѣмъ подробный отчетъ о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ страны, князь Николай въ заключеніе говоритъ депутатамъ: „Я и народъ, мы обязываемся взаимно соблюдать эту конституцію. Безъ всякихъ колебаній я отказался отъ традицій самодержавія, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго... Будемъ идти въ согласіи по новой дорогѣ и съ конституціею въ рукахъ направимся къ осуществленію нашихъ національныхъ идеаловъ. И въ под-

твержденіе я приношу предъ собраніемъ народа настоящую присягу на вѣрность конституціи".

Въ этихъ торжественныхъ заявленіяхъ личность князя Николая Черногорскаго обрисовывается съ самой выгодной и симпатичной стороны: въ его словахъ нѣтъ ничего недосказаннаго, неяснаго или двусмысленнаго; здѣсь чувствуется сознательное отношеніе къ обязанностямъ правителя, слышится искренній, сердечный тонъ, проявляется прямодушіе, стремленіе договорить всякую мысль до конца и поставить точку на і; не видно здѣсь внутренняго разлада между личными желаніями и склонностями съ одной стороны, и интересами и пользами государства—съ другой. Князь Николай ввелъ конституцію не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь тяжелыхъ внѣшнихъ ударовъ и событій и не подъ давленіемъ постороннихъ или случайныхъ обстоятельствъ, а по свободному внутреннему убѣжденію, для блага родины, безъ преувеличенной заботы о своихъ личныхъ правахъ и удобствахъ, безъ напрасныхъ опасеній и колебаній, въ силу яснаго пониманія необходимыхъ основъ разумнаго государственнаго управленія. Съ этой точки зрѣнія авторъ статьи, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Revue Slave",—откуда мы заимствуемъ приведенныя выше указанія,—г. Владиміръ Племенинъ, справедливо называетъ нынѣшняго черногорскаго князя однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ славянскихъ государей.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

James Huneker. Iconoclasts. A book of dramatists. Стр. 430. London, 1906 (T. Werner, Lauric edit).

Джэмсъ Гунекеръ — американскій критикъ, авторъ интересныхъ очерковъ о современномъ театрѣ и о музыкѣ. Въ нихъ проявляется, главнымъ образомъ, интересъ къ идейному содержанію искусства. Формальная сторона, какъ въ драматическомъ творчествѣ современниковъ, такъ и въ музыкѣ самыхъ своеобразныхъ новыхъ мастеровъ, отходитъ у Гунекера на второй планъ. Это не критика спеціалиста, занятаго анализомъ и оцѣнкой „техники", т.-е. того, что почти исключительно занимаетъ профессіональную драматическую критику въ западной Европѣ. Спеціализація театральной критики особенно замѣтна въ отзывахъ европейскихъ литературныхъ судей о драмѣ, нарушающей общепризнанныя нормы и правила сценическаго искусства. Стоитъ европейскому театральному критику прочесть или увидѣть на сценѣ, напр., пьесу Чехова, чтобы сейчасъ же принять наставническій тонъ и повторять азбучныя истины о необходимости движенія на сценѣ, о томъ, что драматическій узелъ долженъ быть вполнѣ ясный и опредѣленный и т. д. Европейскіе критики — въ особенности авторитетные, т.-е. пишущіе въ авторитетныхъ газетахъ и журналахъ — спеціалисты своего дѣла и не терпятъ отступленій отъ правилъ, не признаютъ свободу творчества, органическую связь между новизной внутренняго замысла и столь же независимыми техническими пріемами. „Это не драмы", говорятъ они о пьесахъ Чехова и Горькаго, вмѣсто того, чтобы сказать: „Это драмы непривычнаго для насъ типа". Такъ изрекаютъ приговоры „спеціалисты" и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи.

Пріятно поэтому встрѣтиться съ критикой иного рода, представленной книгой амерканца Гунекера, „Иконоборцы" (Iconoclasts). Оговоримся сейчасъ же: во всѣхъ европейскихъ странахъ есть критики съ широкимъ кругозоромъ, не связанные рутиной и предвзятыми техническими правилами, критики, сужденія которыхъ отражаютъ продуманное философское міросозерцаніе. Но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ писателяхъ, а о типичной профессіональной критикѣ, рѣшающей судьбы драматическаго произведенія, опредѣляющей его успѣхъ или

неудачу у публики. Она почти вся во власти рутинныхъ предразсудковъ.

Джэмсъ Гунекеръ—тоже профессіональный критикъ. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ и, кажется, состоитъ и теперь музыкальнымъ и драматическимъ критикомъ нью-іоркскихъ газетъ и журналовъ. Кромѣ того, онъ музыкантъ, учился во Франціи и въ Германіи и стоялъ одно время во главѣ музыкальной школы у себя на родинѣ. И все-таки въ книгѣ его не чувствуется узкій спеціалистъ. Напротивъ того, та или другая форма художественнаго творчества—музыкальное или драматическое произведеніе—важна для него главнымъ образомъ какъ выраженіе духовныхъ исканій, связанныхъ съ идейной жизнью даннаго времени, или съ обособленной индивидуальностью художника, будь то писатель, музыкантъ или живописецъ. Свое техническое пониманіе музыки и свое прекрасное знаніе европейской драмы Гунекеръ примѣняетъ къ выясненію именно внутренней стороны искусства, того, „съ чѣмъ пришли" и „что дали" художники въ смыслѣ идейнаго прогресса. Интересна въ этомъ отношеніи книга Гунекера, вышедшая въ прошломъ году, „Overtones". Она составлена преимущественно изъ очерковъ, посвященныхъ композиторамъ и отдѣльнымъ музыкальнымъ произведеніямъ. Но вовсе не нужно быть музыкантомъ, чтобы прочесть съ интересомъ то, что онъ пишетъ о Рихардѣ Штраусѣ, современномъ ницшеанцѣ въ музыкѣ, о „Парсифалѣ" Вагнера и т. д. Задача Гунекера заключается въ томъ, чтобы объединить исканія художниковъ и мыслителей данной эпохи, показать, что всѣ они, идя разными путями, выражаютъ тѣ же духовныя стремленія и созидаютъ вмѣстѣ идейный храмъ своего времени. Такъ, говоря о Рихардѣ Штраусѣ, — онъ намѣчаетъ его отношеніе къ литературѣ новѣйшаго времени, указываетъ на вліяніе, которое оказалъ на него Достоевскій, и главнымъ образомъ приводитъ его музыку въ связь съ философіей Ницще. Гунекеръ доказываетъ, что всѣ оркестровыя произведенія Штрауса проникнуты идеями Ницше, выражаютъ самоутвержденіе и волю къ власти сильнаго человѣка — или сверхъ-человѣка. Штраусъ, по словамъ Гунекера, пишетъ для гордыхъ душъ, которыя не хотятъ „опроститься", слѣдуя ученію Толстого. Штраусъ—въ болѣе тѣсномъ общеніи съ Ибсеновскимъ Брандомъ, нежели съ Левинымъ Толстого; онъ—лирическій философъ того же типа, какъ Ницше. Всѣ музыкальныя характеристики Гунекера—въ такомъ же родѣ, и по приведенному образцу можно видѣть, что онъ является до нѣкоторой степени посредникомъ и между музыкой, самой обособленной областью искусства, и литературой, т.-е. наиболѣе полнымъ отраженіемъ идейнаго міра.

Новая книга Гунекера, „Иконоборцы", состоитъ изъ очерковъ о наиболѣе крупныхъ европейскихъ драматургахъ нашего времени. Уже

перечень авторовъ, о которыхъ говоритъ Гунекеръ, а затѣмъ и тѣ вопросы, которые онъ обсуждаетъ въ связи съ ихъ творчествомъ, заставляютъ читателя снова отмѣтить фактъ, который всегда бросается въ глаза при изученіи современной литературы. Мы переживаемъ періодъ новаго расцвѣта драмы. Мысли, вдохновляющія художественное творчество нашего времени, высказываются преимущественно драматургами. Правду сильнаго и свободнаго человѣка провозгласилъ Ибсенъ; прозрѣнія души, обращенной къ внутреннимъ переживаніямъ, открылъ Метерлинкъ въ своихъ безплотныхъ, но столь полныхъ истинной жизни драмахъ; оргіазмъ язычески-свободныхъ страстей воспѣлъ въ своихъ красочныхъ трагедіяхъ пламенный эстетъ д'Аннунціо. И все другое по срединѣ этого круга воплотили въ пластичныхъ сценическихъ образахъ Гауптманъ, постигшій и муки „одинокихъ людей", и наивную, при всей своей сложности, душу толпы, французы съ ихъ разработкой болѣзненныхъ соціальныхъ вопросовъ, новые русскіе драматурги съ ихъ прозрѣніемъ той глубокой искренности, которую культурная Европа уже почти не можетъ понять. Всѣ эти струны современности, всѣ эти откровенія и побѣды современнаго ищущаго духа отразились главнымъ образомъ въ драмѣ. Отвлеченная философія нашего времени наиболѣе тѣсно сплелась съ драмой,—быть можетъ, потому, что это—самая яркая форма воздѣйствія на умы. Передъ силой современной драмы блѣднѣютъ другія формы художественнаго творчества,—въ особенности романъ, такъ сильно упавшій въ западной Европѣ.

Наиболѣе интересны въ книгѣ Гунекера очерки о скандинавской драмѣ въ лицѣ ея двухъ крупнѣйшихъ представителей, Ибсена и Стриндберга. Взглядъ Гунекера на Ибсена очень широкій. Онъ разсматриваетъ его главнымъ образомъ какъ носителя философіи, проникающей все идейное творчество современности, т.-е. какъ индивидуалиста, выдвигающаго на первый планъ проблему воли. Гунекеръ подходитъ къ пониманію Ибсена самымъ вѣрнымъ путемъ, когда ставитъ въ немъ идейнаго борца выше художника. „Ибсенъ любитъ истину больше, чѣмъ красоту",—говоритъ онъ, и изъ этого положенія выводитъ дальнѣйшую характеристику Ибсена какъ автора „драмъ духа", т.-е. какъ изобразителя борьбы человѣка съ жизнью во имя самоутвержденія личности. Жизнь для Ибсена опредѣляется не нуждами и требованіями общества, какъ цѣлаго, а противодѣйствіемъ индивидуальныхъ мотивовъ интересамъ большинства. По словамъ Барреса, единственный діалогъ для стоящаго на высотѣ духа—это діалогъ между двумя „я": тѣмъ, которое есть въ настоящую минуту, и тѣмъ, къ проявленію котораго мы стремимся. Всѣ проблемы Ибсена опредѣляются этимъ. Такъ какъ въ центрѣ его драмъ стоитъ само-

опредѣляющаяся воля, то для него важнѣе наростаніе духа, чѣмъ стояніе на какомъ бы то ни было, хотя бы самомъ возвышенномъ пунктѣ. Онъ вѣритъ въ волю какъ разрѣшеніе всѣхъ жизненныхъ задачъ, доказываетъ, что еслибы человѣчество сознательно мыслило, оно бы создало новый міръ. Носителями этого „евангелія воли" Ибсенъ изображаетъ не свѣтлыхъ идеальныхъ героевъ съ образцовыми качествами души, а борцовъ, отстаивающихъ пядь за пядью свои права на свою истину—прежде всего истину, наперекоръ всему, всѣмъ требованіямъ и условіямъ благополучія на землѣ. И въ это евангеліе воли и истины входитъ у Ибсена еще одно очень существенное положеніе: то, что всякій долженъ самъ создать свой нравственный міръ, своей волей достичь своей истины, которая не можетъ быть преподана никому никѣмъ. „Учителя истины", идущіе къ людямъ съ цѣлью ихъ исправлять, кажутся Ибсену смѣшными и наивными:—въ лицѣ Грегора Верле въ „Дикой Уткѣ" онъ безпощадно высмѣялъ ихъ и ихъ задачи.

Опредѣливъ такимъ образомъ философскую основу всего творчества Ибсена—опредѣленіе несомнѣнно вѣрное и выясняющее идейное значеніе норвежскаго драматурга—Гунекеръ ставитъ вопросъ, занимавшій всѣхъ критиковъ Ибсена: пессимистъ ли онъ, слѣдуетъ ли признать въ его творчествѣ прежде всего разрушающую, разъѣдающую силу? И этотъ вопросъ Гунекеръ разрѣшилъ съ чуткимъ пониманіемъ задачъ современности: онъ видитъ въ Ибсенѣ мятежнаго разрушителя устоевъ, анархиста, бичующаго всѣ предразсудки и условности общественнаго устройства, смѣлаго психолога, открывающаго бездны нравственнаго паденія на глубинѣ мнимыхъ добродѣтелей общественной порядочности,—„иконоборца" въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но двигающей силой этого иконоборства онъ считаетъ не пессимизмъ, не отчаяніе въ человѣческой природѣ, а напротивъ того, глубокую вѣру въ созидающую творческую силу человѣческой воли—когда она становится орудіемъ просвѣтленнаго жаждой истины духа. Ибсенъ, обличитель „столповъ общества", безпощадный къ тому же и по отношенію къ слабосильнымъ „учителямъ правды", каковъ и Грегоръ Верле, и докторъ Штокманъ, къ мечущимся среди безвольныхъ хотѣній натурамъ вродѣ Гедды Габлеръ,—этотъ Ибсенъ, по твердому и ясно, убѣдительно мотивированному убѣжденію критика—идеалистъ. „Онъ пророкъ и ясновидящій,—говоритъ Гунекеръ,—а не узко партійный соціалистъ, обличающій существующій общественный строй. Кругозоръ Ибсена обнимаетъ и все мелкое зло жизни, но онъ проникаетъ въ глубину человѣческой души и медленно, но твердо поднимается на высоты, съ которыхъ видно его „третье царство". Подобно Моисею, однако, онъ не достигаетъ самъ обѣтованной страны—царства истины,

открывающейся свѣтлой волѣ человѣка,—куда ведетъ его творчество. Въ этомъ смыслѣ, какъ „ясновидящій пророкъ, указатель путей", Ибсенъ идетъ во главѣ современнаго идеализма, связаннаго съ развитіемъ проблемы воли, съ индивидуализмомъ, опредѣляющимъ пути и цѣли современной философіи. Американскій толкователь Ибсена устанавливаетъ также тѣсную связь между идеализмомъ Ибсена—понимаемымъ именно какъ путь къ безграничнымъ откровеніямъ духа и подвигамъ просвѣтленной свободной воли—и его реализмомъ. Ибсенъ—мощный реалистъ, изображающій дѣйствительность во всей ея оголенности: иногда она ужасаетъ у него своей плоскостью и уродствомъ, иногда поражаетъ своей неотразимой чистотой, силой простыхъ искреннихъ переживаній. Но въ этомъ возсозданіи реальной дѣйствительности Ибсенъ и является, по толкованію Гунекера, наибольшимъ идеалистомъ. Отрицая всѣ условныя цѣнности и критеріи переживаній, Ибсенъ доказываетъ, что сама дѣйствительность—созданіе творческой воли—какъ бы произведеніе искусства,—такъ что каждый создаетъ міръ для себя. Счастье поэтому—самый путь достиженія, а не результатъ стремленій, не цѣль переживаній. Цѣня Ибсена главнымъ образомъ какъ одного изъ созидателей современнаго идейнаго міра, Гунекеръ объясняетъ и его значеніе какъ художника, для котораго всѣ событія, всѣ зрѣлища жизни—живые образы, одухотворенные символическимъ значеніемъ формъ. Гунекеръ говоритъ о красотѣ образовъ Ибсена, о красочности и сосредоточенности его символическаго языка, о широтѣ его поэтическаго вдохновенія, и такимъ образомъ показываетъ, что хотя для Ибсена истина идетъ впереди красоты — все же для отраженія своихъ замысловъ онъ создалъ образы, обаятельные прежде всего своей поэзіей, своей сдержанно-сосредоточенной силой жизни. Разборъ отдѣльныхъ драмъ въ книгѣ Гунекера подтверждаетъ общую характеристику Ибсена на примѣрахъ Ибсеновскихъ героевъ и героинь—борцовъ за свое пониманіе истины, строителей, поднимающихся на высоты и при паденіи съ вершины торжествующихъ побѣду своихъ стремленій, порывовъ, безконечныхъ усилій духа. Герои, какъ образцы гармоничнаго развитія силъ, какъ цвѣтъ человѣчества, какъ тѣ, чьи свѣтлые подвиги, чья красота выражаетъ достигнутый идеалъ человѣчества, эти герои классическаго искусства уже не кажутся намъ носителями нашихъ желаній, нашихъ требованій отъ жизни. Намъ ближе Ибсеновскіе борцы съ ихъ неосуществимой жаждой, съ ихъ неизсякаемыми порывами.

Переходя къ другому сѣверному драматургу, къ шведу Августу Стриндбергу, Гунекеръ сталкивается съ другими проявленіями мятежныхъ современныхъ исканій. Онъ тоже очень чутко опредѣляетъ связь безудержной, иногда болѣзненно-возбужденной фантазіи Стриндберга

съ культомъ свободной и властной личности въ современной философіи и въ современномъ искусствѣ. Стриндбергъ прежде всего дѣйствуетъ силой своего таланта. Цѣня художественное и философское значеніе его произведеній или возставая противъ него, всѣ чувствуютъ въ немъ личность, подавляющую своей творческой самобытностью—въ искусствѣ и въ жизни. Гунекеръ приводитъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ со словъ Эмиля Шеринга, переводчика Стриндберга на нѣмецкій языкъ. По разсказу Шеринга, на письменномъ столѣ у Ибсена стоитъ—или стояла—фотографическая карточка Стриндберга, который долгое время былъ открытымъ врагомъ Ибсена. Какой-то посѣтитель выразилъ удивленіе, увидѣвъ карточку, и Ибсенъ, поглядѣвъ нѣсколько времени на карточку Стриндберга, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, который хочетъ сдѣлать больше, чѣмъ я".—Интересныя слова, за которыми сквозь иронію чувствуется признаніе силы. А Ибсенъ, кажется, не славится великодушіемъ и безпристрастіемъ въ своихъ отношеніяхъ и отзывахъ. Нужно припомнить къ тому же, что Стриндбергъ выступалъ противъ Ибсена съ самыми рѣзкими, иногда дикими нападками и инсинуаціями, объясняющимися его болѣзненной подозрительностью, — особенно въ острые періоды нервнаго разстройства. Такихъ періодовъ было нѣсколько въ жизни Стриндберга, но онъ оправлялся отъ нихъ и на его художественномъ творчествѣ они никогда не отражались разрушающимъ образомъ. Безумія въ драмахъ и повѣстяхъ Стриндберга нѣтъ. Всѣ его произведенія представляютъ органическое цѣлое; иногда въ нихъ чувствуется болѣзненная напряженность настроенія или мысли, дерзость замысла, граничащая съ безуміемъ, т.-е. съ распаденіемъ связнаго мышленія и творческой силы воображенія. Но на этой границѣ Стриндбергъ всегда удерживается какимъ-то чудомъ. Поэтому все, что онъ пишетъ, задѣваетъ самое больное въ человѣческой душѣ, пугаетъ своей смѣлостью, ранитъ своей сатанинской гордостью и презрѣніемъ ко всему человѣчному, манитъ своей безудержной фантазіей въ миръ безграничной свободы страстей, желаній и мыслей,—но никогда не отталкиваетъ, уклоняясь отъ контроля разума. Безуміе Стриндберга, сказывавшееся въ припадкахъ ненормальнаго нервнаго возбужденія, не набросило тѣнь на его творчество, а сказывалось только въ жизни. Гунекеръ приводитъ, между прочимъ, образчикъ его болѣзненной подозрительности, сказавшейся именно въ отношеніяхъ къ Ибсену. Когда появилась въ печати „Дикая Утка", Стриндбергъ, прочтя ее, пришелъ въ бѣшенство: для него было ясно, какъ день, что въ этой драмѣ „знаменитый норвежскій шпіонъ, выдумавшій сумасшедшую теорію равенства (обвиненіе индивидуалиста Ибсена въ демократизмѣ, въ проповѣди равенства, само по себѣ доказываетъ всю безразсудность этой выходки Стриндберга)",

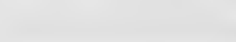
написалъ сатиру направленную противъ него, Стриндберга, съ намеками на его семейную драму: фотографъ Хьялмаръ, очевидно,—онъ, а жена, которая поддерживаетъ лѣнтяя мужа своей работой и т. д.—пасквиль на его жену, занимавшуюся одно время литературной работой. Очевидно, что только больное воображеніе могло усмотрѣть что-либо общее между тунеядцемъ Хьялмаромъ и Стриндбергомъ, который поражаетъ прежде всего своей неутомимостью, огромнымъ количествомъ всякаго рода и литературныхъ, и научныхъ работъ. Нѣтъ также ни малѣйшаго соотношенія между первой женой Стриндберга, урожденной баронессой, и Гиной Экдаль, образъ которой Ибсенъ взялъ изъ народной среды. Этотъ инцидентъ характеренъ для психологіи Стриндберга, который былъ очень несчастенъ въ жизни—въ особенности въ бракѣ (онъ былъ женатъ три раза) и, вѣроятно, былъ самъ въ значительной степени виноватъ въ своихъ несчастіяхъ, вызывая ихъ своей подозрительностью относительно другихъ, также какъ относительно себя самого. Въ третій разъ Стриндбергъ былъ женатъ на знаменитой актрисѣ, Гарріэтъ Боссе, „скандинавской Дузе". Для нея онъ написалъ историческую драму „Королева Христина". Въ образѣ знаменитой королевы онъ изобразилъ сложную психологію актрисы, обаятельной соединеніемъ противоположныхъ душевныхъ свойствъ. Героиня драмы женственно мягка и вкрадчива, и въ то же время обладаетъ чисто мужской рѣзкостью и суровостью; это безсердечный демонъ и нѣжная дѣва, молящая о нѣжности и сочувствіи; она—то дикая кошка, то вторая Мессалина, то безумная, безстрастная мучительница, которая наслаждается своей властью. Всю сложность этого характера Стриндбергъ будто бы вычиталъ въ психологіи своей третьей жены. Онъ написалъ для нея блестящую роль—и послѣ этого они разошлись: „Столкновеніе столь противоположныхъ характеровъ мѣшало свободному развитію каждаго въ отдѣльности", говоритъ біографъ Стриндберга въ объясненіе третьяго развода Стриндберга, надѣлавшаго (съ годъ тому назадъ) много шума въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ Стокгольма. Біографъ Стриндберга прибавляетъ, что на этотъ разъ — въ противоположность разрывамъ съ первой и второй женой — супруги разстались друзьями: Гарріэтъ Боссе только добивалась свободы для своей артистической карьеры, и потому сочла необходимымъ порвать семейныя узы. Стриндбергъ уступилъ ея желаніямъ. Онъ уже теперь очень немолодъ; его творчество стало въ послѣдніе годы болѣе уравновѣшеннымъ и жизненныя бури уже не захватываютъ его съ такой силой. Исторія семейныхъ драмъ Стриндберга имѣетъ большое значеніе для характеристики его творчества. Вопросъ о женщинѣ, о ея правахъ, о ея захватѣ вліянія въ семьѣ и въ обществѣ стоитъ въ центрѣ большинства произведеній Стринд-

берга. Онъ былъ жестокимъ врагомъ женщинъ въ своихъ первыхъ повѣстяхъ, доходилъ до пламенной фанатической вражды къ женщинѣ, какъ къ началу зла въ жизни,—въ романѣ „Inferno", въ „Исповѣди безумца", вездѣ, гдѣ отражаются его личныя острыя страданія, причиненныя ревностью, оскорбленнымъ самолюбіемъ, муками любви, вѣчно подозрѣвающей измѣну. Въ сущности, на такихъ „мизогиновъ", какъ Стриндбергъ, и женщины, и защитники феминизма во всѣхъ его видахъ не должны смотрѣть какъ на врага. Напротивъ того, своей яростью онъ подтверждаетъ силу своего врага; слишкомъ чувствуя эту силу—этотъ соблазнъ,—онъ не умѣетъ освободиться изъ-подъ ея ига, не можетъ установить отношеній равенства, и хочетъ—тщетно—скрыть безсиліе подъ маской превосходства и презрѣнія.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ лирическихъ проявленіяхъ своей вражды къ женщинѣ, Стриндбергъ въ своихъ драмахъ—въ особенности въ цѣломъ рядѣ одноактныхъ трагедій. Къ нимъ примѣнимы въ особенности слова, которыми Гунекеръ опредѣляетъ все творчество Стриндберга, говоря, что это человѣкъ, который „отправился въ поискахъ за Богомъ и нашелъ дьявола". Дьявола, т.-е. все мучительное, разъѣдающее, кошмарное въ душѣ человѣка, Стриндбергъ, дѣйствительно, нашелъ. Онъ чувствуетъ, какъ никто, соблазнъ паденій, притягательную силу безднъ, святотатственнаго издѣвательства надъ жаждой чистоты и святости, присущей каждой живой душѣ. И никто, какъ онъ, такъ остро не чувствуетъ противоположнаго,—т.-е. стремленія вверхъ, любви къ далекому, недосягаемому совершенству. Между этими двумя крайностями, болѣзненно обостренными, борются въ трагическомъ безволіи герои и героини Стриндберговскихъ драмъ и трагедій. И эти мучительныя драмы духа происходятъ въ самой страшной своимъ уродствомъ, своей удушливостью атмосферѣ—среди царящей вокругъ пошлости. Въ изображеніи пошлости Стриндбергъ обнаруживаетъ огромный натуралистическій талантъ.—Гунекеръ разбираетъ одну изъ самыхъ типичныхъ и самыхъ сильныхъ короткихъ драмъ Стриндберга, „Fräulein Julie" („Графиня Юлія"), и показываетъ съ какой силой тамъ завязанъ узелъ борющихся высшихъ и низшихъ силъ человѣческой души,—и какъ вѣрно Стриндбергъ доказываетъ, что побѣждаетъ въ этой трагической борьбѣ то, что есть самаго страшнаго въ жизни—сила пошлости. Трагическое—рвущаяся вверхъ и падающая на дно бездны душа—гибнетъ. Живетъ и побѣждаетъ правда пошлыхъ будничныхъ людей.

Не слѣдуетъ, конечно, подписываться подъ выводами пессимиста Стриндберга, раздѣлять его пессимистическіе приговоры дѣйствительности. Но что въ его трагической схемѣ есть много глубокой правды—съ этимъ нельзя не согласиться.

Кромѣ разобранныхъ нами интересныхъ очерковъ о скандинавской драмѣ, въ книгѣ Гунекера есть интересныя характеристики англійскаго драматурга Бернарда Шоу, тоже „иконоборца", разрушающаго кумиры англійской респектабельности, и нѣкоторыхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ драматурговъ. Интересны статьи о Гауптманѣ, о Метерлинкѣ, о д'Аннунціо.—З. В.

ЗАМѢТКА.

Книга г. Волжскаго: „Изъ міра литературныхъ исканій". Спб. 1906 г.

I.

Въ литературѣ нашей все чаще и чаще раздаются голоса о Богѣ и христіанствѣ... Сказалась ли въ этомъ духовная жажда, замирающая на время, возникла ли реакція послѣ мучительныхъ лѣтъ сомнѣнія и отрицанья, но исканіе Бога снова стало лозунгомъ той части нашего общества, міросозерцаніе которой такъ долго противополагалось позитивному мышленію, не склонному принимать на вѣру то, что не можетъ быть подвергнуто осязательному опыту. Но изъ какого бы источника ни исходило исканіе высшихъ началъ жизни, оно бываетъ знаменательно въ эпохи господства грубыхъ инстинктовъ и ужасовъ, неизбѣжныхъ при горячей освободительной борьбѣ. Въ эпохи, подобныя нашей, — это исканіе неизбѣжно ведетъ или къ удаленію изъ стана борющихся и погибающихъ, или къ подвигамъ самопожертвованія и евангельской любви. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно можетъ быть искреннимъ и глубокимъ и можетъ порождать явленія самаго разнообразнаго свойства.

Говорить о Богѣ—дѣло великое, и не всякому оно по плечу. Оно, кромѣ того, бываетъ и дѣломъ важнымъ, когда въ обществѣ ощущается какая-то коллективная потребность уберечь сокровенное души отъ надвигающагося мѣщанства, и когда какъ-то особенно сознается, что люди не утверждаютъ и не отрицаютъ ученіе Бога и ученіе Христа, а просто, вмѣстѣ съ заботой о душѣ, откладываютъ въ долгій ящикъ своей повседневности попеченіе о нихъ, конфузливо прикрываясь колеблющейся надеждой вернуться къ нимъ. Но для многихъ это время не наступитъ никогда, а потребность религіозныхъ ощущеній продолжаетъ существовать въ обществѣ и находитъ выраженіе въ особыхъ натурахъ, которыя чувствуютъ себя призванными установить высшее, для даннаго момента, религіозное пониманіе Бога, осмыслить въ новыхъ образахъ высшія ступени духовнаго порыва въ сферѣ религіознаго ощущенія. Люди эти повторяютъ старыя и, повидимому, вывѣтрившіяся слова евангельскаго ученія, но съ такимъ пламеннымъ убѣжденіемъ и вмѣстѣ съ такой умилительной простотой и мудрой наивностью, что невольно подчиняютъ себѣ тѣхъ, кто чуждъ имъ и по чувствамъ, и по мысли, и, не обращая ихъ въ свою вѣру, во всякомъ случаѣ, заставляютъ ихъ переживать глубокія, нѣжныя и зачастую

поэтическія ощущенія, отрывая, хотя на мгновеніе, духовныя очи отъ низинъ человѣческаго бытованія. Таковъ былъ Владиміръ Соловьевъ въ его отношеніяхъ къ людямъ самаго различнаго духовнаго склада. Религія и поэзія сливались у него въ одно нераздѣльное міроощущеніе, которое налагало одинъ и тотъ же таинственный отпечатокъ на все, къ чему онъ ни прикасался, будь то соціальный вопросъ, будь то эстетическое переживаніе, или мгновенная мечта о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Объ этомъ прекрасно сказано у г. Волжскаго въ первомъ очеркѣ его книги. „Религіозно-настроенный,—говоритъ г. Волжскій о Соловьевѣ, — онъ хочетъ вдохнуть въ душу человѣка божественное содержаніе, хочетъ сдѣлать его не только обаятельно прекраснымъ въ идеалѣ, но могучимъ и сильнымъ въ *дѣйствительности*“...

„Преодолѣвая отвлеченность всѣхъ одностороннихъ и историческихъ переживаній философіи, самъ Соловьевъ стремился вдохнуть одухотворяющее его положительное начало своего ученія, общій смыслъ своихъ религіозно-философскихъ увлеченій, — въ жизнь, въ дѣйствительность, снести огонь съ неба *на землю къ живущему и страдающему конкретному человѣку* въ „единой полной и всецѣлой истинѣ Богочеловѣчества“.

Мы нарочно остановились на этой характеристикѣ. Въ ней, повидимому, сказалась та высшая и, для даннаго момента, идеальная точка религіознаго міропониманія, которая должна, судя по многому, опредѣлить и конечную цѣль стремленій г. Волжскаго. Онъ, какъ и Соловьевъ, стремится претворить религіозный элементъ своего міропониманія въ жизненно-конкретное,—„въ жизнь, въ дѣйствительность, снести огонь съ неба на землю къ живущему и страдающему конкретному человѣку“.

Г. Волжскій хотѣлъ бы осуществить это стремленіе, но какъ, съ какими данными, приступаетъ онъ къ выполненію своей задачи?—вотъ вопросъ, посильному разъясненію котораго пусть послужитъ настоящая замѣтка.

Религіозная настроенность—первая черта, которая сообщается читателю уже при начальномъ, самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ писаніями г. Волжскаго. Кажется, что и онъ стремится обратить взоры людей къ божественному, небесному. Останавливаясь по преимуществу на явленіяхъ художественной и философской мысли, г. Волжскій прежде всего направляетъ свое вниманіе на отношеніе ихъ къ божественному началу, которое служитъ для него основнымъ и единственнымъ критеріемъ ихъ художественной и этической цѣнности. Одинъ и тотъ же пріемъ примѣняетъ г. Волжскій къ опредѣленію творческой сущности столь различныхъ дарованій и умовъ, какъ Глѣбъ Успенскій и г. Баль-

монтъ, какъ Мопассанъ и Мечниковъ, какъ Метерлинкъ и г. Короленко. Если вѣрно, какъ полагаетъ г. Волжскій, что все значеніе мистической философіи Вл. Соловьева сводилось къ поднятію простой вѣры нашихъ отцовъ на степень разумнаго сознанія, то столь же естественно ожидать отъ него вывода, что этой вѣрой, этимъ просвѣтленнымъ тяготѣніемъ къ Богу опредѣляется и положительный смыслъ разумно-нравственнаго бытія, внѣ котораго жизнь является сцѣпленіемъ безконечныхъ случайностей, источникомъ всяческой духовной неудовлетворенности, страданій и томленій. Такова и есть жизнь въ тѣхъ ея отрывкахъ, которые находитъ г. Волжскій въ литературныхъ отраженіяхъ нашихъ большихъ и малыхъ властителей думъ. Цѣлое море человѣческихъ существъ мятущихся, страдающихъ, бродящихъ во тьмѣ, ибо имъ невѣдомо истинное познаніе Бога...

Такъ, весь Леонидъ Андреевъ объясняется у г. Волжскаго отсутствіемъ Бога. Въ творчествѣ этого писателя „звучатъ мотивы безысходнаго пессимизма, тревожно возвѣщающаго о *гибели Бога*, міра и смысла жизни, — *атеизма*. Онъ не принимаетъ *ни Бога*, ни міра, и хочетъ, какъ Иванъ Карамазовъ, „жить бунтомъ“, но бунтомъ не только противъ міра, какъ Карамазовъ, но и *противъ Бога*“.

Также и Горькій не владѣетъ, по мнѣнію г. Волжскаго, истиной, и въ этомъ коренной источникъ его философско-этическихъ заблужденій. „Вмѣсто Бога у г. Горькаго обоготворяется природа, и, ради нея, принижается человѣкъ... У Горькаго, какъ и у Ницше, мораль аморализма, религія атеизма... Религіозная жажда утоляется (у Горькаго) исповѣдываніемъ нуля, религіозно-нравственнымъ нигилизмомъ, принятымъ „за высочайшее откровеніе“... Дѣло Горькаго *было бы*, дѣйствительно, дѣломъ громадной общественной и моральной важности; но въ настоящихъ размѣрахъ задача эта *могла бы* быть выполнена при *иныхъ* религіозно-нравственныхъ предпосылкахъ, которыхъ *чуждо* художественно-философское творчество Горькаго“. Точно также и г. Бальмонту немногаго не хватаетъ, чтобы быть истиннымъ философомъ и поэтомъ постиженія христіанскихъ началъ. А Бальмонтъ, по г. Волжскому, наиболѣе полный выразитель философіи декаданса. „Отпавши *отъ Бога и нравственности* въ автономную эстетику уединенныхъ, обожествляющихъ себя индивидуальныхъ мгновеній, декаденство, *отступая отъ Бога*, порывая съ людьми, преступая *нравственный законъ*, въ дерзновенной прелести своего отъединенія, хочетъ обожествить себя“... И далѣе: „Въ глубинахъ своего языческаго культа человѣко-бога, точнѣе сверхчеловѣка, еще точнѣе—бога индивидуальнаго мгновенія,—декадентское движеніе есть движеніе *антихристіанское*... Величайшій грѣхъ декадентскаго движенія—грѣхъ отъединенія, кощунственнаго обожанія каждаго мгновенія индиви-

дуальнаго „я“. Грѣхъ этотъ можетъ быть осознанъ и понятъ только *на религiозной* почвѣ“.

Не удовлетворяетъ въ этомъ отношенiи г. Волжскаго и Метерлинкъ. „Метерлинкъ, по его словамъ, ищетъ примиренiя съ мiромъ грозной тайны, пытаясь переселить туда идеальное начало добра, пытаясь связать этотъ таинственный мiръ, лежащiй по ту сторону человѣческаго сознанiя, съ „идеей христiанскаго Бога“. Но „идея христiанскаго Бога“ оказывается внѣ сферы непосредственнаго обаянiя художественнаго творчества Метерлинка.

Если у г. Короленка г. Волжскiй и готовъ признать кое-какiя соотношенiя съ Богомъ, на почвѣ любви къ природѣ и личности, любви, находящейся подъ контролемъ моральнаго волевого начала, то соотношенiя эти представляются г. Волжскому „сдержанными“. Даже идея вѣчности, какъ она выражается у Короленка, кажется г. Волжскому „относительною“. Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ Глѣбомъ Успенскимъ и Мечниковымъ. Первый, оказывается, стремится „устроиться внѣ Бога и внѣ Христа“, второй изобрѣтаетъ „антирелигiозную сыворотку“, „освобождаетъ человѣчество отъ религiозной страсти“, „упраздняетъ вопросъ о безсмертiи и Богѣ, о цѣли и смыслѣ жизни“, словомъ, творитъ такiе кощунственные ужасы, что становится въ своемъ религiозномъ ослѣпленiи гораздо ниже г. Бальмонта и чуть-чуть не падаетъ на степень Метерлинка.

Но и они не доходятъ до той бездны паденiя, куда низвергается, вѣроятно, самъ того не подозрѣвая, г. Розановъ. „Какъ ни страшно смѣло, какъ ни отвѣтственно наше утвержденiе здѣсь,—говоритъ г. Волжскiй,—все же антихристово слышится намъ порою въ смутномъ мистическомъ шопотѣ Розанова, въ его мистерiяхъ плоти, изначально святой, а не во Христѣ святящейся. въ его сложномъ, сложно маскирующемся, лукаво извивающемся отказѣ не только уже отъ христiанства, а и отъ Христа, съ именемъ котораго, какъ и съ внѣшностью пантеизированнаго христiанства, онъ все еще не разстается, хотя уже давно въ мистическомъ пантеизмѣ своемъ, чуя сатанинскiя глубины, идетъ не ко Христу“.

Трудно себѣ представить, чтобы г. Розановъ зналъ то, что написано о немъ г. Волжскимъ, и не ужаснулся, и не обратился къ нему во имя спасенiя своей грѣшной души и русской литературы съ мольбой отчаянiя и надежды,—указать ему, какъ найти истиннаго Бога и тотъ путь къ истинному христiанству, по которому съ г. Волжскимъ идутъ столь немногiе избранники. Не то иныхъ смутитъ боговдохновенное откровенiе г. Волжскаго, относительно г. Розанова, и заставитъ, чего добраго, предположить, не есть ли г. Розановъ и впрямь тотъ погубитель человѣческаго рода, о коемъ сказано въ Писанiи, что, когда

исполнится тысяча лѣтъ, онъ „будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ прельщать народы Гога и Магога“.

II.

Этотъ вопросъ могъ бы задать, впрочемъ, не одинъ г. Розановъ, а и всѣ тѣ писатели, которыхъ г. Волжскій обличаетъ въ ущербѣ религіознаго сознанія. И это было бы такъ естественно: вы говорите, могли бы они сказать г-ну Волжскому, что мы не знаемъ истиннаго Бога,—раскройте же передъ нами его сущность;—что мы не тяготѣемъ къ христіанству, что наши порыванія полны заблужденій,—укажите же намъ тотъ единственно вѣрный путь, которымъ вы сами дошли до вершины богопознанія и по которому вы, какъ пастырь добрый, поведете за собой все человѣчество. Вы говорите и, можетъ быть, тысячу разъ вы правы, что мы ничтожны, жалки, исполнены противорѣчій, жестоки и въ то же время слабы,—и все это происходитъ оттого, что мы не съ Богомъ, что мы отказываемся „не только отъ христіанства, но и отъ Христа“, что мы вообще, въ отношеніи „истинной нравственности“, глухи и слѣпы.

Обличеніе тяжкое, и когда оно обращается съ церковной паперти къ толпѣ, къ христіанамъ вообще,—всякому изъ насъ, погруженному въ религіозныя раздумья, разрѣшительно относить его къ нашимъ сосѣдямъ справа и слѣва, или смиренно отдаваться общей покаянной молитвѣ и сокрушенію о грѣхахъ. Но когда проповѣдникъ обратится къ такому-то имя-рекъ и скажетъ, что это именно вы, Иванъ Петровичъ, или Петръ Ивановичъ, вы-то и есть тотъ врагъ церкви Христовой, о которомъ много написано нелестнаго въ Писаніи,—каждый Иванъ Петровичъ, хотя бы онъ дѣйствительно не соблюдалъ постовъ и не каждый годъ бывалъ у исповѣди, имѣетъ право вздрогнуть отъ непріятной неожиданности и въ свою очередь поставить въ упоръ вопросъ: а есть ли у васъ для сего, батюшка, достаточныя основанія?

Тѣмъ болѣе категорическую форму можетъ и долженъ принять этотъ вопросъ, вызванный обличеніемъ, сдѣланнымъ не въ церкви, гдѣ оно въ извѣстныхъ случаяхъ составляетъ какъ бы часть самого богослуженія, а въ формѣ чрезвычайно неопредѣленной, безотносительной къ пространству и времени, не дающей возможности сдѣлать какія-либо заключенія о томъ, какое конкретное содержаніе кроется за нимъ у самого обличителя. О какомъ Богѣ говоритъ онъ? О какой „религіозной почвѣ“? Гдѣ его храмъ, этого Бога? И какими путями открываетъ онъ себя тѣмъ людямъ, которымъ, подобно г. Волжскому, дано несказанное счастье признать его истинную сущность? Кто его жрецы?

„Не сотвори себѣ кумира“,—заповѣдалъ нѣкогда библейскій Богъ чрезъ Моисея, а между тѣмъ—какъ отличить кумиръ отъ того живого Бога, котораго или носитъ, или представляетъ себѣ каждый истинно-вѣрующій человѣкъ? Богъ г. Волжскаго—не Богъ Спинозы или Ницше, не Богъ Метерлинка или г. Розанова—что̀ же онъ такое? Пониманіе Его у г. Волжскаго не дается сразу. Его нужно отыскивать, нужно собирать,—какъ ни страненъ можетъ быть методъ собирательства для опредѣленія высшаго изъ началъ, владѣющихъ нашей душой. Однако, и эти исканія приводятъ къ ничтожному результату, если мы не допустимъ предположенія, что выраженное въ этой области г. Волжскимъ есть лишь слабая тѣнь того, что̀ составляетъ реальную сущность религіознаго самосознанія г. Волжскаго. Основываясь же на фактахъ литературнаго изображенія, приходится признать, что Богъ г. Волжскаго—недалеко ушелъ отъ Бога богословія и церковности, который вотъ ужъ сколько вѣковъ обращенъ къ людямъ какъ бы одной внѣшней оболочкой, какъ бы одной небесной лазурью, а сущность истинная, міросозидающее и божественно-духовное ядро, такъ же скрыта отъ людей подъ этой оболочкой, какъ скрыты въ яркій солнечный день безчисленные міры въ глубинахъ небесной лазури. Въ статьѣ о г. Розановѣ, напримѣръ, г. Волжскій обнаруживаетъ приверженность къ догматическому пониманію Божества. Говоря объ „ересяхъ“ г. Розанова въ отношеніи Голгоѳы къ Виѳлеему, Бога-Отца къ Богу-Духу,—г. Волжскій всегда остается на почвѣ древне-византійскихъ представленій,—и этого не укрыть ему никакими цитатами изъ Ницше, никакими яркими лоскутками моднаго суесловія на библейскомъ рубищѣ. Языкъ г. Волжскаго пеститъ всяческими „безднами“ и „трагизмами“, открываемыми имъ въ такихъ библейскихъ сюжетахъ византійскаго толкованія, какъ грѣхопаденіе первыхъ людей, изгнаніе изъ рая (неизмѣнно именуемаго Эдемомъ), и въ другихъ довольно мелкихъ подробностяхъ богословскаго суемудрія. „Глубоко проникая,—говоритъ г. Волжскій,—въ смыслъ первой Божественной Ипостаси, Отчества, Бога-Отца, Розановъ точно совсѣмъ не чувствуетъ, вѣрнѣе, не хочетъ чувствовать, въ страхѣ отворачивается отъ второй Божественной Ипостаси, Сына Божія. Ликъ Христовъ отодвигается имъ въ темный уголъ его молельни и становится вовсе невидимъ тамъ“. Отстаивая монастыри, онъ какъ бы противополагаетъ христіанство бытующей жизни и хочетъ связать утвержденіе личнаго начала,—по существу враждебнаго христіанству,—съ христіанствомъ догматическаго толка. Къ г. Волжскому вполнѣ приложимо въ этомъ отношеніи то, что̀ говоритъ онъ о В. В. Розановѣ: онъ, г. Волжскій, „отошелъ прочь отъ Христа, хотя внѣшнимъ образомъ руки его про-

стираются къ Нему, и уста его шепчутъ старыя, затверженныя слова, чтутъ и славословятъ".

Богъ г. Волжскаго—это чистѣйшая абстракція; г. Волжскій не согрѣваетъ этимъ понятіемъ ничего конкретнаго, и вслѣдствіе этого его пониманіе Бога отзывается чѣмъ-то безжизненнымъ, безконечно холоднымъ. Если искать Бога въ художественныхъ произведеніяхъ со сложнымъ жизнепониманіемъ и разнообразной психологіей, то несомнѣнно симпатична та коренная особенность г. Волжскаго — исканіе Бога и вообще религіозной подпочвы въ тѣхъ художественныхъ воплощеніяхъ, которыя признаются имъ положительными, — съ точки зрѣнія ихъ этической и философской цѣнности. Но г. Волжскій обращается къ такимъ изображеніямъ, которыя даютъ ему возможность построенія безформеннаго идеалистическаго начала, питающаго мечту о достиженіи совершенства въ отдаленномъ будущемъ, *не указывая никакихъ путей* къ осуществленію реальнаго достиженія. Вотъ почему онъ неминуемо станетъ въ большое затрудненіе передъ тѣмъ вопросомъ, который предложатъ ему обличаемые имъ писатели: Богъ г. Волжскаго хорошо знакомый имъ Богъ по учебникамъ Закона Божія, и благо—имъ, если они не остановились на мертвой догмѣ и пошли каждый по своему пути, направляя на исканіе весь трудъ своей души, напрягая всю свою волю и мысль.

Если ихъ вѣра при этомъ горяча и намѣренія согрѣты любовью къ жизни и людямъ, они, можно легко допустить, окажутся ближе къ божественной истинѣ, чѣмъ г. Волжскій, со своимъ безстрастнымъ и небеснымъ Богомъ.

Г. Волжскій приводитъ изъ сочиненій г. Розанова слѣдующую характерную сценку: „Простая женщина все клала длинные поклоны: и долго-долго каждый разъ голова ея лежала на ступенькѣ, ведущей къ ракѣ. Когда она отошла (чтобы прикладываться), дерево ступеньки было такъ закапано слезами, точно тутъ немного полили изъ лейки. Такъ удивительно это было видѣть. Я незамѣтно сталъ на ея мѣстѣ и, положивъ земной поклонъ, поцѣловалъ эти слезы. Еслибы даже кто не любилъ Бога, какъ не полюбить эту любовь къ Богу?! Чудное дѣло—религія: какъ-то умѣетъ же человѣкъ самое насущное свое, боли, страданія, горести, поименныя, ежедневныя,—связать съ самымъ далекимъ, неосязаемымъ, вездѣсущимъ. И молится вотъ о „болящемъ Ванѣ" Тому, Кто держитъ міры подъ десницею и покровительствуетъ Вѣчности: какъ будто такая даль можетъ видѣть такую малость! Но видитъ она! *А главное человѣкъ вѣритъ, что видитъ, и живъ этою вѣрою. И святъ же человѣкъ молящійся: еслибы даже „тамъ", въ небесахъ, и было пусто, какъ непремѣнно хотятъ скептики, то все равно*

слезы человѣчества уже сами по себѣ суть религія и вызываютъ къ себѣ религіозное умиленіе".

Прочитавъ эту выдержку, едвали возможно согласиться съ г. Волжскимъ, что г. Розановъ такой уже противникъ христіанства, какъ его пытается представить г. Волжскій. Непосредственное чувство—за г. Розанова: въ его писаніяхъ ощущается именно кровное общеніе съ той жизнью духа, которымъ проникнуто христіанство, въ его простотѣ, смиреніи, въ его умиленіяхъ и въ сладостномъ душевномъ трудѣ повседневной конкретной жизни. И, сколько бы г. Розановъ ни выдвигалъ личное начало, онъ представляется тому же непосредственному чувству гораздо ближе къ постиженію истиннаго духа Христова, чѣмъ г. Волжскій, становящійся на стражу христіанства. Дѣйствительно, г. Волжскій вноситъ большіе и малые коррективы въ христіанское сознаніе г. Розанова, а между тѣмъ какъ далека отъ христіанства холодная, разсудочная религіозность г. Волжскаго, какой безжизненной схоластикой вѣетъ отъ нея! Отъ этого у г. Волжскаго, кромѣ формальнаго призыва, нѣтъ для братьевъ-писателей живого, горячаго, братскаго слова, въ которомъ онъ самъ раздѣлилъ бы съ ними участь людей, страстно, всѣми силами души ищущихъ Бога и не вѣдающихъ, гдѣ тотъ лучезарный храмъ, въ которомъ, какъ эллины съ іудеями, сойдутся для одной общей молитвы и общаго славословія и Ницше, и Мечниковъ, и Метерлинкъ, и Розановъ. Оттого-то, когда г. Волжскій упрекаетъ Горькаго, что тотъ не основываетъ своей страстной апологіи личности на *„иныхъ* религіозно-нравственныхъ основаніяхъ", онъ ни однимъ словомъ не проговаривается, въ чемъ же заключены эти *иныя*, истинныя, по его мнѣнію, основанія, и не проговаривается потому, что за этими словами не скрывается у самого г. Волжскаго живого, реальнаго содержанія...

Исканія г. Волжскаго сводятся къ методамъ, а методы къ словамъ, значеніе которыхъ вывѣтрилось уже давнымъ-давно...

III.

При всей наклонности упрощать постановку самыхъ сложныхъ задачъ, сводя ихъ къ апріорнымъ бездушнымъ схемамъ, г. Волжскій не избѣгъ, однако, глубокихъ и непримиримыхъ противорѣчій, наглядно обнаруживающихъ его внѣшнее отношеніе къ христіанству.

По различнымъ поводамъ г-ну Волжскому приходилось говорить о личности и ставить ея проблему до извѣстной степени въ зависимость отъ тѣхъ условій, при какихъ она развивалась у тѣхъ или иныхъ писателей. Здѣсь г. Волжскій уже не навязываетъ своего схе-

матическаго пониманія основныхъ, осмысливающихъ началъ жизни, старается внести коррективъ и въ эту частность ихъ индивидуальныхъ воззрѣній. И въ вопросѣ о личности, для того, чтобы обнаружить истинное положеніе г. Волжскаго, относительно этого вопроса, мы должны снова упомянуть г. Розанова. Розановъ, по словамъ г. Волжскаго,— „противъ христіанства выдвигаетъ *личность, личное* начало; между тѣмъ въ основѣ его собственнаго міропониманія... *отрицается личное*, интимно-*индивидуальное*, не повторяющееся; въ конкретно-жизненномъ, въ любовно-земномъ отношеніи къ жизни преодолѣвается боль невозвратимой, неискупимой гибели личности, въ кровномъ растворяется, затемняется *едино*кровное, въ вѣчно-живомъ скрывается лично-гибнущее, въ рожденіи—смерть, въ пантеизмѣ—*абсолютная цѣнность личности*, единосущій *личный* Богъ, абсолютно *единственный ничѣмъ незамѣнимый ликъ Христа*... Все божественное, все родное здѣсь у Розанова, все роднится, святится и свѣтится въ мистическихъ узлахъ, въ глубочайшихъ сплетеніяхъ животныхъ, вѣчно-рождающихъ нѣдрахъ природы, но нѣтъ *Едино*-роднаго, *Едино*-спасающаго, нѣтъ и не надо его“...

Вопросъ у г. Розанова поставленъ совершенно правильно: *культъ личности прямо противоположенъ христіанству* и уничтожается имъ. Принимая эту постановку вопроса у г. Розанова, г. Волжскій въ то же время двоится въ направленіи и къ христіанству, и къ культу личности въ ихъ соотношеніяхъ. Онъ старается найти примирительное начало между тѣмъ и другимъ, и это примиреніе удается ему, только благодаря его внѣшнему пониманію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складываются эти, въ глубинѣ сущности своей противоположныя, начала. Но если ясно отношеніе г. Волжскаго къ христіанству, то каково же частное отношеніе къ вопросу о личности? На разборѣ уже много разъ поминавшихся писателей можно убѣдиться, что культъ личности составляетъ одну изъ коренныхъ чертъ міросозерцанія г. Волжскаго, настолько, что въ своемъ индивидуализмѣ онъ является болѣе ярымъ индивидуалистомъ, чѣмъ самые крайніе представители этого воззрѣнія. Немудрено поэтому, что лишь немногіе могутъ удовлетворить г. Волжскаго въ этомъ отношеніи. Даже у Горькаго находитъ г. Волжскій отрицаніе личнаго начала. „Протестующая личность Горькаго,—говоритъ онъ,—часто *принижаетъ* достоинство личности человѣка своимъ крайнимъ искривленнымъ *индивидуализмомъ, превозмогающимъ личность*, полагая *выше ея самой* отдѣльныя особенности и свойства, и своимъ *аморализмомъ*, опрокидывающимъ моральный смыслъ самого ея протеста, выставляя его, какъ голый фактъ безъ нравственныхъ основаній, какъ силу, не освященную правомъ“. Даже индивидуализмъ г. Бальмонта нуждается въ исправленіи г. Волжскаго. Въ

художественно-философской концепціи г. Бальмонта „надъ человѣческой личностью ставится нѣчто сверхличное, какъ высшая сверхчеловѣческая цѣнность, человѣческая личность превзойдена, сброшена съ Тарпейской скалы индивидуальности во всепоглощающія волны моря всеобщности".

Самъ Ницше подвергается такому тонкому и углубленному истолкованію г. Волжскаго, что философъ совершенно теряется въ этомъ истолкованіи, въ которомъ г. Волжскій является положительно plus royaliste que le roi. Г. Волжскій открылъ въ индивидуализмѣ Ницше такія сверхъ-индивидуальныя стороны, какихъ никогда не предполагалъ и самъ германскій Заратустра. „Ученіе Ницше, — говоритъ г. Волжскій,—провозглашаетъ такимъ образомъ не автономію личности и личной воли, оно провозглашаетъ автономію всякаго индивидуальнаго настроенія этой личности, всякаго мгновеннаго порыва этой личной воли. Ему цѣнно и дорого *личное въ личности*, ея исключительное, особенное, индивидуальное; ему цѣнно и дорого все это какъ сверхличное, сверхчеловѣческое. Человѣкъ, человѣческая личность здѣсь уже *превзойдены* въ высшихъ цѣнностяхъ; это уже обезцѣненныя цѣнности... *Личное отдѣляется здѣсь отъ личности, личность* превзойдена въ прихоти индивидуальныхъ хотѣній". Личность въ ученіи Ницше „презрительно отдается для унавоживанія почвы, на которой надлежитъ произрастать сверхчеловѣческой индивидуальности". Такимъ образомъ, личное начало является несомнѣнно глубокимъ органическимъ началомъ его философскаго міровоззрѣнія,—началомъ, которое кажется для него наиболѣе цѣнно, такъ цѣнно и дорого, что, ради его торжества, онъ положительно готовъ пожертвовать всѣмъ, что идетъ въ разрѣзъ съ свободнымъ развитіемъ этого начала. Мы видѣли уже, что въ развитіи послѣдняго г. Волжскій доходитъ до крайнихъ предѣловъ, за которыми начинается уже область безсознательныхъ упоеній и поэтическихъ созерцаній. И тогда, съ другой стороны, г. Волжскій видитъ умаленіе этого начала тамъ, гдѣ, съ его точки зрѣнія, есть благопріятная почва для его развитія, душа его наполняется протестомъ, протестомъ оскорбленной и страждущей личности. Въ этомъ протестѣ г. Волжскій возвышается до истиннаго паѳоса: онъ трепещетъ за гибнущую личность, онъ жалѣетъ ее, онъ всячески готовъ помочь ей въ борьбѣ съ растворяющей ее средой. Такъ, г. Розановъ, къ великой скорби г. Волжскаго, „не чувствуетъ этой мучительной обостренности запросовъ гибнущей индивидуальности, этого индивидуальнаго трагизма, личное въ его концепціи притупляется въ болѣзненно-чувствительномъ остріѣ своемъ, оно обезличивается, растворяется въ глубинахъ жизни, сливаясь съ ея цѣлымъ, всеобщимъ, безпредѣльно-огромнымъ, безконечно-живымъ, бездоннымъ,

личное растворяется въ индивидуальныхъ заостреніяхъ своихъ, расплывается и тонетъ въ волнахъ естественнаго, вѣчно живого, животноплотскаго". Личное начало такъ дорого г. Волжскому, что онъ ставитъ его какъ бы положительнымъ и необходимымъ условіемъ истиннаго пониманія христіанства. Съ искреннимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ онъ у Достоевскаго, что тотъ „любилъ Христа той живой, страстной, навѣки преданной любовью, какою можно любить только единственное, неповторяющееся, безподобное существо, любилъ въ индивидуальныхъ чертахъ Его, въ интимнѣйшихъ изгибахъ".

Вполнѣ послѣдовательно и естественно вытекаетъ изъ общаго склада міросозерцанія г. Волжскаго,—и это составляетъ несомнѣнно положительную сторону этого міросозерцанія,—его пониманіе и сочувствіе тому своеобразному индивидуализму, который выработался при всѣхъ частичныхъ различіяхъ въ воплощеніяхъ именно русскаго творчества, у Чехова, Глѣба Успенскаго, Короленка. Приписывая самому Чехову слова его героя, г. Волжскій сливается въ созерцательномъ упоеніи съ тѣми перспективами, которыя будто бы представлялись Чехову въ его „свѣтлыхъ грезахъ о человѣкѣ". „Принято говорить,—цитируетъ г. Волжскій,—что человѣку нужны три аршина земли. Но вѣдь три аршина земли нужны трупу, а не человѣку... Человѣку нужны не три аршина земли, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего духа". Такъ же привѣтливо встрѣчаетъ г. Волжскій и „теодицею" (любимое выраженіе г. Волжскаго) Гл. Успенскаго. „Полный и цѣльный человѣкъ, выпрямленный во весь свой истинно-человѣческій ростъ, человѣческое существо, какъ самодовлѣющее нравственное начало, исполненное величайшей гармоніи и совершеннѣйшей красоты,—вотъ тотъ идеалъ, который рисуется изстрадавшейся, измучившейся душѣ Г. И. Успенскаго въ его мечтаніяхъ о томъ, „какъ жить свято", объ иной, лучшей жизни, праведной, справедливой и радостной. Человѣкъ, выпрямленный во всю свою естественную ширь, въ натуральную величину гармоніи, красоты и силы своего человѣческаго совершенства, повсюду грезится Успенскому въ его писаніяхъ и скитаніяхъ, въ его терзаніяхъ и болѣніяхъ; здѣсь лежитъ вдохновляющее Успенскаго идеальное начало его міросозерцанія. Художника вдохновляетъ въ его творчествѣ „огромная красота *человѣческаго* существа", ощущеніе счастья быть *человѣкомъ*".

Въ произведеніяхъ Короленка г. Волжскому представляется та же апологія человѣческой личности. „Человѣческая личность — говоритъ онъ—стала завѣтной святыней В. Г. Короленка, обладающей въ его глазахъ высшей нравственной цѣнностью; его поэзія сдѣлалась поэзіей борьбы за права этой личности, неотъемлемыя морально, но по-

стоянно нарушаемыя жизнью фактически. Вездѣ въ произведеніяхъ Короленка забота о душѣ, вопросы совѣсти, исканіе Бога, безпокойство о вѣрѣ носятъ явные слѣды вдохновляющаго ихъ моральнаго начала—человѣческой личности... Ему дорогъ самъ человѣкъ".

Этихъ цитатъ, надѣемся, достаточно, чтобы видѣть, какъ сильна привязанность г. Волжскаго къ культу свободно-развитой человѣческой личности, личности вообще, въ ея постоянномъ значеніи, а не только въ отдаленной перспективѣ, въ золотистой дали Ницщеанскаго сверхчеловѣчества. Какъ же осуществляется этотъ культъ личности у г-на Волжскаго въ его реальныхъ приложеніяхъ?

IV.

Г. Волжскій назвалъ свою книгу „Книгой литературныхъ исканій". Онъ ищетъ, изслѣдуя, разлагая замыслы художника, въ его, можетъ быть, имъ самимъ не всегда сознанныхъ идеяхъ и символахъ, разбивая роскошныя зданія на мельчайшіе куски, чтобы сложить затѣмъ новую комбинацію мозаики мысли, долженствующей получить подъ рукой г. Волжскаго и новый, именно имъ раскрытый, смыслъ. Но если читатель узнаетъ въ этомъ новомъ рисункѣ самого г. Волжскаго, то разберется ли онъ въ томъ матеріалѣ, который г. Волжскій положилъ въ основу своихъ построеній? Узнаетъ ли читатель по разрозненнымъ частямъ „единственный", „неповторяющійся", „индивидуальный" характеръ тѣхъ творцовъ великолѣпныхъ зданій, на основѣ которыхъ г. Волжскій сдѣлалъ попытку создать свою „теодицею"? Если совершить обратный процессъ мысли и попытаться возсоздать по отображеніямъ у г. Волжскаго подлинные образы, индивидуальныя черты духовныхъ обликовъ тѣхъ мыслителей и писателей, которые представлены въ книгѣ г. Волжскаго, то можно ли съ увѣренностью утверждать, что г. Волжскій сохранилъ въ полной неприкосновенности ихъ индивидуальность, въ обычномъ для нея, неосязательномъ воздѣйствіи на душу и не нарушилъ нигдѣ духовной обособленности каждаго изъ нихъ произведеннымъ вторженіемъ несвойственныхъ ей элементовъ авторскаго субъективизма? Такого рода вопросы не дѣлаются спроста: въ нихъ есть какъ бы заранѣе предположенный отрицательный отвѣтъ. И дѣйствительно, основное впечатлѣніе въ этомъ отношеніи не въ пользу автора книги „Изъ міра литературныхъ исканій". Лишь съ готовымъ апріорнымъ матеріаломъ можно разобрать въ ней подлинныя черты такихъ „несравнимыхъ", „неповторяемыхъ", „единственныхъ", „безподобныхъ" индивидуальностей, какъ Ницше, Успенскій, Достоевскій, Метерлинкъ. Не они говорятъ у г. Волжскаго, а

г. Волжскій говоритъ ихъ словами, заставляя ихъ служить, теряя плоть и кровь, сухимъ схематическимъ построеніямъ. Роскошные, полные жизни и огня портреты превращаются у него въ безжизненныя, византійскія иконы, старательно выписанныя рукой благочестиваго иконописца. Поборникъ личнаго начала, г. Волжскій не задумывается сводить на одну плоскость въ культѣ его Успенскаго и Ницше, Горькаго и Метерлинка, нигдѣ не вводя читателя въ духъ тѣхъ сложныхъ и громадной индивидуальной важности концепцій, изъ которыхъ выливались у нихъ тѣ или иныя частныя положенія. Что можетъ быть общаго, кромѣ чисто случайныхъ и внѣшнихъ совпаденій, между Леонидомъ Андреевымъ, Герценомъ, Гл. Успенскимъ, Львомъ Толстымъ, Чеховымъ и Достоевскимъ? А между тѣмъ, всего на двухъ какихъ-нибудь страничкахъ (202—204 стр.) г. Волжскій нашелъ возможнымъ породнить ихъ въ близкомъ разумѣніи такихъ страшно сложныхъ и трудно опредѣлимыхъ понятій, какъ „страхъ жизни и страхъ смерти“, не установивъ точно терминологіи основныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этихъ понятій. Г. Волжскій дѣлаетъ цѣлый рядъ логическихъ предпосылокъ, только благодаря которымъ онъ получаетъ возможность связать воедино несвязуемое, примирить непримиримое по одному случайно-взятому поводу, да и то по поводу, который дорогъ, какъ въ данномъ случаѣ, не самъ по себѣ, въ его отвлеченномъ значеніи („страхъ жизни“, „страхъ смерти“), а въ той индивидуальной окраскѣ, какую придаетъ ему духовная особность каждаго изъ этихъ писателей.

Такимъ образомъ, культъ личнаго начала, который занимаетъ чуть не срединное положеніе въ философской концепціи г. Волжскаго, и который онъ такъ отстаиваетъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, разлетается въ прахъ на практикѣ, какъ только г. Волжскому самому приходится имѣть дѣло съ живыми духовными особями, носящими въ себѣ—каждая—ей одной присущее, ее одну отличающее, никогда не повторяющееся. Стирая, сглаживая эти порою мельчайшія, но единственно-выразительныя для каждой особи черты, г. Волжскій тѣмъ самымъ разрушаетъ храмъ, созидавшійся имъ для радостнаго служенія свѣтлому богу человѣческой личности, и обезличиваетъ самый ликъ этого бога, превращая его въ „великое, безликое ничто“. И такъ какъ практическое примѣненіе началъ міросозерцанія, направленныхъ къ торжеству конкретной жизненности, важнѣе и цѣннѣе однихъ воздушныхъ замковъ, неразрѣшимыхъ возможностей и метафизическихъ проблемъ, то нельзя не придти къ заключенію, что и ученіе г. Волжскаго о культѣ личности сводитъ послѣдній лишь къ одному внѣшнему постиженію и лишаетъ его истинной, конкретно жизненной сущности. Подобно тому, какъ это было у г. Волжскаго съ христіанствомъ,

—и проповѣдь культа личности является у г. Волжскаго однимъ изъ пріемовъ философски-изобразительнаго метода, апріорной схемой, въ которую г. Волжскій еще не вложилъ своего завѣтнаго „я“, своей плоти и крови, своей лично выстраданной вѣры и своей скорби за боль и поруганіе идеала. Прозелитовъ своего ученія г. Волжскій не введетъ не только въ храмъ любовнаго и радостнаго общенія съ безконечнымъ міромъ, увѣнчаннымъ обожествленной мечтой о вселенскомъ счастьѣ, какъ и не вернетъ отпавшихъ въ лоно византійско-христіанскаго благочестія и аскетически-молитвенныхъ созерцаній. Глубокое разочарованіе ожидало бы тѣхъ, кто рѣшился бы взять г. Волжскаго не только руководителемъ, но и простымъ спутникомъ въ трудномъ и напряженно-чуткомъ исканіи истинныхъ путей къ самооправданію въ области вѣры и нравственнаго осмысленія своей и чужой жизни...

Если намъ удалось убѣдить читателя, что и христіанство, и культъ личности служатъ для г. Волжскаго не объектами страстнаго, всю душу исчерпывающаго стремленія, а лишь простыми средствами своеобразной философской изобразительности, то нѣтъ, кажется, надобности доказывать, какую бездну долженъ былъ бы ощутить г. Волжскій въ своей душѣ, еслибы это было не такъ. Какая душа способна была бы примирить органически-любовныя отношенія къ человѣческой личности, какъ она осуществляется во всей своей цѣлокупности въ реальной жизни, съ сухимъ догматическимъ призывомъ къ Богу и христіанству, призывомъ, въ которомъ нѣтъ ни страстности убѣжденія, ни безконечнаго саморастворенія въ христіанскомъ идеалѣ, ни молитвъ, ни слезъ, ни нѣжной поэзіи безсознательнаго порыванія къ небесному. Все это у г. Волжскаго наносное, надуманное, начитанное, и, право, можетъ быть, было бы ближе къ истинѣ назвать книгу г-на Волжскаго „У порога литературныхъ исканій“, чѣмъ распространить ея притязаніе на тотъ огромный, сложный и глубокій міръ, съ которымъ у г. Волжскаго еще нѣтъ кровныхъ связей.

Если „пріемы“ г. Волжскаго несостоятельны съ точки зрѣнія „исканій“ въ сферѣ высшихъ духовныхъ запросовъ человѣка, то столь же несостоятельны они и въ области исканій литературныхъ. Литературныхъ—не въ смыслѣ области приложенія пріемовъ г. Волжскаго, но въ смыслѣ цѣнности заключеннаго въ нихъ критическаго метода. Уничтоженіемъ индивидуалистическихъ чертъ писателей г. Волжскій устраняетъ вопросъ о типичности, точности и мѣткости въ характеристикахъ каждаго изъ нихъ. Они сыграли такимъ образомъ лишь служебную роль матеріала для построенія субъективной философской системы...

V.

Итакъ, мы отмѣтили два основныхъ конфликта—между теоріей и практикой въ ученіи г. Волжскаго о личности и между устремленіемъ и приложимостью его религіознаго міропониманія. Въ первомъ случаѣ г. Волжскій съ одной стороны превыше всего ставитъ конкретную человѣческую личность, а съ другой—выражаетъ полное къ ней неуваженіе, полное непризнаніе ея законнѣйшаго, съ его же точки зрѣнія, права на возможно широкое реальное самоопредѣленіе. Во второмъ случаѣ г. Волжскій беретъ на себя задачу проводника въ общественное сознаніе идей о Богѣ и христіанствѣ, причемъ всюду подчеркиваетъ необходимость руководствоваться этими идеями, а между тѣмъ самъ нигдѣ, на протяженіи всей своей книги, не пробуетъ даже явить на себѣ примѣръ того служенія Богу и Христу, какое онъ лично находитъ единственно правильнымъ и необходимымъ для людей. Недостаточно сказать, что грѣхъ декадентскаго движенія „можетъ быть осознанъ и понятъ только на религіозной почвѣ", нужно самому имѣть эту почву. Недостаточно указать на сіяющій вдалекѣ храмъ, нужно убѣдить людей, что именно тамъ и живетъ истинный Богъ, который согрѣетъ сердца людскія лучами любви и прощенія и озаритъ ихъ сознаніе высшимъ смысломъ истинно жизненнаго и истинно религіознаго самоощущенія. А для этого и душа самого проповѣдника должна пламенѣть всесожигающимъ огнемъ самоотверженія и вѣры. Г. Волжскій дѣлаетъ тонкое замѣчаніе о г. Розановѣ. „У него чувствующій умъ и умное чувство. Онъ художникъ въ своемъ мудрованіи, мудрецъ—въ своемъ чувствованіи". О г. Волжскомъ приходится, къ сожалѣнію, сказать наоборотъ: онъ слишкомъ мудрецъ въ своемъ мудрованіи и въ его чувствѣ больше сентиментальнаго паѳоса, чѣмъ искренности и простоты.

Но довольно о г. Волжскомъ. Мы видѣли, насколько его философія неубѣдительна и полна противорѣчій, но по отношенію къ переживаемому нами моменту характеръ, налагаемый ею на критическіе пріемы автора, придаетъ его произведеніямъ особый смыслъ. Если еще въ статьѣ о Вл. Соловьевѣ можно замѣтить кое-гдѣ признаки пріемовъ старой публицистической школы, которой пытался слѣдовать г. Волжскій, то уже въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ онъ совершенно разстался съ нею и отъ экскурсовъ въ область общественную перешелъ къ „исканіямъ", къ попыткамъ изслѣдованія жизненныхъ глубинъ въ цѣляхъ постиженія въ нихъ высшихъ божественныхъ отраженій. Для критическаго анализа, такимъ образомъ, раскрывалась но-

вая перспектива, которая могла бы, несомнѣнно, принести благіе результаты и занять почетное мѣсто на ряду съ другими пріемами въ рѣшеніи, путемъ литературной критики, вопросовъ величайшей міровой важности. Но для г. Волжскаго эти вопросы явились не объектами изслѣдованія, а средствомъ, апріорными формами, въ которыя ему не удалось влить новаго, прошедшаго сквозь призму его духа философскаго содержанія, и онѣ перешли на служебную роль своеобразныхъ методологическихъ пріемовъ. Работа потрачена большая, а результатовъ пока не видно, и въ этомъ отношеніи г. Волжскій не одинокъ. Онъ отражаетъ на себѣ тотъ переходный моментъ въ развитіи русской критики, когда она, порывая съ условностями прошлаго, въ общемъ процессѣ освобожденія русскаго слова, еще ощупью, полуинстинктивно изучаетъ пути предстоящаго литературнаго развитія. И, какъ грань между прошлымъ и будущимъ, какъ переходная ступень, книга г. Волжскаго, при всѣхъ ея недочетахъ, нужна, какъ показатель одной изъ тропинокъ, куда полунамеками, спотыкаясь и падая въ предразсвѣтной мглѣ, пробивается пытливая философская мысль...

Евг. Ляцкій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1906.

Результаты выборовъ въ Государственную Думу.—Что ими опредѣлилось?—Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?—Крестьяне и партійныя программы.—Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи. — „Разгонять" ли Думу? — „Тибетская медицина" и заключеніе по ней медицинскаго совѣта.—Postscriptum.

Намъ приходится начать, если не съ признанія своей ошибки, то съ признанія чрезмѣрнымъ того скептицизма, съ которымъ мы отнеслись, мѣсяцъ назадъ, въ оцѣнкѣ степени возможности опредѣлить политическую физіономію Государственной Думы до ея открытія, на основаніи результатовъ выборовъ. Мы писали: „и послѣ завершенія второй выборной стадіи нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17 октября, но рѣшительно ни о чемъ". Дѣйствительность показала, что не съ вѣроятностью даже, а съ увѣренностью можно говорить и до начала занятій Думы о многомъ.

Выборы безповоротно опредѣлили отношенія подавляющаго большинства членовъ Думы, какъ къ министерству, которое правило Россіей полгода, такъ и къ тому—еще болѣе откровенно-реакціонному, которое приняло власть за четыре дня до открытія Думы. Выборами окончательно опредѣлился тонъ настроенія первыхъ представителей народа—по выраженію рескрипта 18 февраля 1905 г., „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей". Этотъ тонъ служитъ несомнѣннымъ залогомъ того, что царству безотвѣтственной и самовластной бюрократіи фактически пришелъ конецъ, и что Дума приложитъ всѣ усилія, дабы конецъ царства бюрократіи получилъ и юридическое выраженіе. Тонъ настроенія не обнаруживаетъ столь же рельефно характера созидательной дѣятельности Думы, но кое-что и въ этомъ отношеніи опредѣлилось. Дума едвали пойдетъ по пути, рекомендуемому крайними лѣвыми элементами. Едвали она останется въ предѣлахъ созданія условій для разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—когда на смѣну нынѣшнему ея составу получатъ возможность придти люди, инымъ, болѣе совершеннымъ порядкомъ и при иныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ избранные, и когда дѣятельность представительства не будетъ имѣть юридическихъ преградъ, поставленныхъ законами 20 февраля. Едвали Дума перваго созыва не попытается сама ихъ преодолѣть, не только замѣною одной бумаги другою, а на живомъ

дѣлѣ обновленія родины. Едвали она не сдѣлаетъ активныхъ шаговъ къ скорѣйшему удовлетворенію жгучихъ потребностей минуты...

Русское общество въ полтора года революціи поразительно выросло въ политическомъ смыслѣ. Не менѣе поражаетъ, какъ окрѣпъ духъ протеста противъ насилія, гнета и безправія, и въ какія законченныя формулы онъ вылился. Духъ рѣшительнаго протеста охватилъ всѣ слои населенія. Особенно характерно это показали выборы въ городахъ, выдѣленныхъ въ отдѣльныя избирательныя единицы. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ, даже въ выборщики не прошло не только ни одного реакціонера, но и ни одного октябриста. И съ какимъ блескомъ проходили кандидаты конституціонно-демократической партіи! За нихъ вотировали тысячи, гдѣ за противниковъ ихъ—сотни. Чиновничій Петербургъ слился съ дворянско-купеческой Москвой и съ разноплеменной Одессой. Аристократическая литейная часть въ Петербургѣ съ торгово-промышленной—спасской, съ мелко-домовладѣльческой—коломенской и съ чиновничьей — Петербургской-Стороной. За „кадетовъ" подавали голоса: крадучись отъ начальства—чиновники; крадучись отъ хозяевъ—приказчики и, какъ говорятъ, придворные конюха и лакеи... Даже среди нихъ „крамола" свила гнѣздо. Если такъ, то какія нужны еще доказательства, что именуемое „крамолой", въ дѣйствительности, не „крамола", а отраженіе мысли и воля народа?..

При окончательныхъ выборахъ въ городахъ, шансы кандидатовъ были прямо пропорціональны степени завѣренной репрессіями политической „неблагонадежности". Сопоставьте двѣ послѣдовательныя телеграммы изъ Харькова, напечатанныя въ „Двадцатомъ Вѣкѣ" (№№ 17 и 20). Отъ 11-го апрѣля: „Высланный въ Пинегу профессоръ Н. А. Гредескулъ судебной палатой приговоренъ сегодня по литературному дѣлу къ 15-рублевому штрафу. Кандидатура его въ Государственную Думу обезпечена. Г. Дурново сдѣлалъ все для торжественнаго успѣха уважаемаго всѣмъ Харьковомъ ученаго". Отъ 14-го апрѣля: „Выборы члена Думы не состоялись. Явилось 12 выборщиковъ. Отложены до 21 апрѣля. Причина — ожиданіе выборщиками отвѣта на кассаціонную жалобу въ сенатъ по поводу исключенія изъ списковъ профессора Гредескула"... Выборщики прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы провести въ Думу проф. Гредескула—не явились и „сорвали" производство выборовъ въ назначенный день.

Первый департаментъ сената, вопреки заключенію оберъ-прокурора и, прибавимъ, точному разуму закона (см. „Страна", № 52), жалобы харьковскихъ выборщиковъ не уважилъ. 21-го апрѣля выборы состоялись—и вотъ что оповѣстила агентская телеграмма: „Членомъ Государственной Думы отъ Харькова избранъ профессоръ Гредескулъ, получившій изъ 74 голосовъ 73. Затѣмъ баллотировался присяжный

повѣренный Булгаковъ, получившій 71 голосъ. Баллотировка Гредескула состоялась по требованію выборщиковъ, несмотря на заявленіе городского головы, что баллотировка эта незаконна въ виду исключенія Гредескула изъ числа выборщиковъ"... Могъ ли проф. Гредескулъ разсчитывать на такую исключительную популярность въ Харьковѣ — въ городѣ, въ которомъ мѣстные интересы никогда не концентрировались вокругъ университета и профессорской коллегіи, — еслибы онъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ не подвергался аресту и двукратному сужденію, завершившемуся ссылкой въ административномъ порядкѣ?! Скажутъ: его популярность раздула и сдѣлала печать. Отчасти—пожалуй, да. Но главная доля заслуги принадлежитъ безспорно чинившемуся въ отношеніи его насилію и произволу.

Бо̀льшее, что̀ можно относить въ результатахъ выборовъ на счетъ вліянія печати, въ частности газетъ, и вообще политической агитаціи,—это разницу между силою, съ которою оппозиціонное отношеніе населенія къ нынѣшнему правительству отразилось въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ и въ губернскихъ. Разница есть, но она не велика. По исходу выборной кампаніи для не-крестьянъ и крестьянъ, такъ сказать паспортныхъ, т.-е. числящихся только землепашцами, губерніи центральной Россіи, въ которыхъ не было борьбы на національной почвѣ, можно раздѣлить на три группы: въ одной избраны сплошь конституціоналисты-демократы, въ другой—тоже сплошь представители правыхъ партій, въ третьей—смѣшанный составъ. Послѣдняя группа численно больше первой и второй. И это показываетъ, что баллотировались не столько партійные списки, сколько конкретные мѣстные люди. Но если внимательно прочесть ихъ имена и начавшія уже появляться въ газетахъ краткія біографіи, то окажется, что у значительнаго большинства такое прошлое, которое на языкѣ жандармовъ и департамента полиціи именуется „запятнаннымъ".

На выборахъ побѣдилъ духъ протеста и побѣжденъ режимъ, объявленный 17 октября уничтоженнымъ и, пожалуй, никогда не дававшій себя такъ рѣзко чувствовать, какъ именно послѣ манифеста о дарованіи незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о введеніи конституціонной формы правленія и объ отвѣтственности министерства. Эксцессы революціи, особенно московское вооруженное возстаніе, вызвали въ декабрѣ и въ январѣ поворотъ въ общественномъ настроеніи. И еслибы избраніе членовъ Думы производилось не въ мартѣ, а тогда же, то можно съ полнымъ основаніемъ думать, что исходъ былъ бы другой. Четыре мѣсяца безудержныхъ эксцессовъ правительственной власти затмили впечатлѣніе насильственныхъ революціонныхъ актовъ и вернули настроеніе, слагавшееся въ теченіе перваго періода раз-

витія освободительнаго движенія. Что это такъ—характерныхъ доказательствъ весьма много.

Во всѣхъ указаніяхъ, которыя избиратели дѣлали избранникамъ, въ первую голову повсемѣстно ставились: амнистія и отмѣна смертной казни. Арестами, судебными и административными карами и разстрѣлами—по суду и безъ суда—всего болѣе злоупотребляло въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ правительство. Еслибы главнымъ рычагомъ на выборахъ служили отвлеченно-теоретическія положенія, то и указанія, конечно, ихъ бы преимущественно касались. Разъ такія положенія заняли второе мѣсто, а впередъ выдвинулись столь конкретныя требованія—освободить лишенныхъ свободы и вырвать изъ рукъ власти самое страшное орудіе—закономѣрное убійство,—то очевидно, что главный рычагъ составлялъ именно духъ протеста, покрывавшій различіе теоретическихъ убѣжденій.

При такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, побѣда внѣ большихъ городовъ конституціоналистовъ-демократовъ, какъ политической партіи, представляется далеко не въ томъ видѣ, какъ ее рисуютъ партійные органы. И пораженіе октябристовъ также не означаетъ, въ сущности, того, что населеніемъ отвергнута ихъ программа. Бѣда союза 17 октября была въ томъ, что въ него влились всѣ вообще консервативно-реакціонные элементы. Монархисты типа „Московскихъ Вѣдомостей“, „союза истинно-русскихъ людей“ и „Русскаго Собранія“ были въ большинствѣ губерній слишкомъ малочисленны для образованія самостоятельныхъ группъ. Другого выхода для нихъ не было, и они слились съ октябристами. Но слившись—отняли отъ октябристовъ ихъ политическую физіономію и на ея мѣсто поставили свои имена, хорошо знакомыя по дѣятельности въ земствѣ, въ дворянскихъ собраніяхъ и въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. Эти элементы искренно могли усвоить только два полемическихъ тезиса программы союза 17 октября: отрицаніе автономіи Польши и учредительнаго собранія. И почти исключительно ими они аргументировали доводы противъ избранія „кадетовъ“. Не нужно быть тонкимъ психологомъ, чтобы предсказать, на чьей сторонѣ окажется побѣда, когда людей, ежедневно и на каждомъ шагу видящихъ произволъ и ощущающихъ всѣ слѣдствія подневольнаго существованія, одни призываютъ къ свободѣ, праву и равенству, а другіе предваряютъ отъ возможности слишкомъ, быть можетъ, рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ... Съ декабря правительствомъ разстрѣляно и повѣшено болѣе пятисотъ человѣкъ и арестовано и сослано двадцать что-ли тысячъ—это факты. А расчлененіе России изъ-за предоставленія полякамъ самостоятельности въ области удовлетворенія національно-мѣстныхъ потребностей и интересовъ и провозглашеніе учредительнымъ собраніемъ респу-

блики — это только условныя и весьма проблематическія возможности...

Насколько ослабили положеніе октябристовъ слившіеся съ ними реакціонеры, настолько же усилилъ положеніе конституціоналистовъ-демократовъ бойкотъ выборовъ, объявленный соціалистическими партіями. Бойкотъ, по своей явной нецѣлесообразности и по полному несоотвѣтствію настроенію минуты—скорѣй и безъ крови свергнуть ненавистный режимъ—не былъ популяренъ. И какъ для реакціонныхъ элементовъ не было другого выхода, кромѣ сліянія съ октябристами, такъ элементы оппозиціонные не имѣли иного флага, подъ которымъ могли объединиться, кромѣ флага партіи народной свободы.

Выше мы исключили изъ распредѣленія членовъ Думы по политическимъ партіямъ крестьянъ-землепашцевъ, т.-е. „коренныхъ“ крестьянъ, какъ они сами себя называютъ. Насъ вынуждаютъ такъ поступать и личныя впечатлѣнія, и то, что приходится слышать и читать.

Всѣ выбранные крестьяне, конечно, читали не одну, а навѣрное по нѣскольку главныхъ партійныхъ программъ, и содержаніе программъ несомнѣнно руководило ими при баллотировкѣ „господъ“. Собственные же ихъ положительные идеалы во многомъ стоятъ отъ программъ особнякомъ и до момента выборовъ не имѣли формулировки. Къ этой формулировкѣ крестьянскіе представители Думы приступили только теперь и—что весьма характерно—ведутъ дѣло совершенно самостоятельно. Съѣхавшіеся въ Петербургъ крестьяне собираются и толкуютъ между собой, ничуть не обнаруживая желанія имѣть какихъ бы то ни было руководителей, хотя бы изъ числа будущихъ товарищей по Думѣ.

Мы полагаемъ, что одною изъ причинъ, по которымъ крестьяне могутъ и, съ своей точки зрѣнія, должны считать всѣ партійныя программы „господскими“, является отсутствіе въ нихъ отвѣтовъ на религіозные запросы. Тезисъ объ абсолютной свободѣ вѣроисповѣданія имѣетъ не положительный, а отрицательный характеръ. Имъ устраняются всякія стѣсненія совѣсти, исповѣданія вѣры и пропаганды религіозныхъ убѣжденій. Средства же и способы удовлетворенія религіозной потребности оставляются имъ вопросомъ открытымъ. Онъ, напротивъ, отвергаетъ всякую регламентацію ихъ. Тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ государства имѣетъ тотъ же характеръ. Въ связи съ предыдущимъ, онъ раскрываетъ для вѣрующаго полную возможность свободно удовлетворять религіозныя потребности, но въ то же время, въ сущности, лишаетъ его этой возможности. Ибо, разрушая государственную организацію средствъ отправленія христіанскаго культа, онъ

на мѣсто разрушенной никакой иной не создаетъ. Наконецъ, уже прямо обрекаетъ на то, что должна оставаться вовсе безъ удовлетворенія одна изъ основныхъ религіозныхъ потребностей — обученіе дѣтей Закону Божію — тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ школы. Легко сказать крестьянину, что обученіе дѣтей молитвамъ, сообщеніе имъ понятій о таинствахъ и христіанскихъ догматахъ и т. д. онъ можетъ, если желаетъ, вести у себя дома, въ семьѣ, или черезъ посредство какого хочетъ учителя!..

Запросы и нужды крестьянства въ области религіозныхъ потребностей чрезвычайно интенсивны и идутъ еще дальше, захватывая отношенія къ духовенству, ненормальность которыхъ мало ощутима для религіозно-индифферентной интеллигенціи и столь сильно даетъ себя чувствовать крестьянамъ въ деревнѣ. 19-го апрѣля партіей демократическихъ реформъ было устроено въ Петербургѣ публичное собраніе для обсужденія ближайшихъ задачъ Государственной Думы. Въ преніяхъ между прочими принялъ участіе членъ Думы Д. И. Назаренко— крестьянинъ харьковской губерніи, типичный малороссъ, по всѣмъ признакамъ коренной хлѣборобъ. Говорившими ранѣе его были подробно развиты правовая и экономическая стороны крестьянскаго вопроса. А потому Д. И. Назаренко началъ съ оговорки, что онъ поведетъ собраніе еще только въ одинъ уголокъ нужды крестьянъ. И этимъ уголкомъ оказались именно отношенія къ духовенству.

Въ чрезвычайно образной рѣчи, ораторъ — этотъ терминъ вполнѣ приложимъ къ Д. И. Назаренко—очертилъ то общее недоумѣніе, смѣшанное съ возмущеніемъ, которое невольно возникаетъ у крестьянъ, какъ только они начинаютъ вникать въ отношенія, сложившіяся между ними и служителями алтаря. Родился младенецъ, надо совершить таинство, окрестить—плати. Заболѣлъ человѣкъ, надо пособоровать— опять плати. Умеръ — плати. Молебенъ захочешь отслужить — плати. Жениться собрался—тутъ ужъ плати тридцать рублей, „а не то хоть къ вѣдьмѣ вѣнчаться ступай". Давала земля урожай, были деньги — и платили. „А теперь не въ моготу!" „Пошли мы—разсказывалъ Д. И. Назаренко—къ священнику и спрашиваемъ: такъ и такъ, молъ,—какъ же это таинства христіанскія и торговля — все только за деньги?" А священникъ отвѣчаетъ: „А духовенство чѣмъ будетъ жить?—Жалованья мы не получаемъ, доходовъ другихъ не имѣемъ"... „Да, дѣйствительно, чѣмъ же имъ жить", смекнули крестьяне. „И вотъ, когда послѣ избранія я, — такъ закончилъ Д. И. Назаренко, — спрашивалъ крестьянъ, чего мнѣ должно добиваться въ Думѣ, они сказали:—Иди, братъ, ты на своей спинѣ узналъ все горе и всю нужду крестьянскую. Земли намъ, конечно, надо, прежде всего, — потому безъ земли жить стало совсѣмъ невозможно;— еще, чтобы права были; еще, чтобы

и мы могли дѣтей всему обучать; а еще — чтобы духовенству отъ казны жалованье положили". „Нельзя такъ оставлять, что священники по дворамъ ходятъ, у нищихъ милостыню выпрашиваютъ и таинства продаютъ"...

Рѣчь Д. И. Назаренко напомнила намъ, какъ на предвыборныхъ собраніяхъ въ уѣздѣ, гдѣ мы лично принимали участіе въ выборахъ, а затѣмъ въ губернскомъ городѣ, одинъ крестьянинъ-выборщикъ, пожилой старикъ, настойчиво пытался вызвать интересъ къ тѣмъ же самымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Лишенный дара слова и умѣнья ясно формулировать мысли, онъ путался и успѣха не имѣлъ. И „господа", и „мужики" его не слушали. Послѣдніе даже останавливали и какъ будто конфузились за него. Мы не довѣрялись тогда впечатлѣнію, но намъ казалось, что крестьянами, не слушавшими и останавливавшими старика, руководила мысль: „они", т.-е. господа, этого не поймутъ...

Когда обнаружились еще первые результаты выборовъ, въ газетахъ промелькнулъ слухъ, что будто въ правительственныхъ сферахъ стали циркулировать толки о преимуществахъ всеобщаго и прямого голосованія передъ системой законовъ 6-го августа и 11-го декабря 1905 г. Былъ ли этотъ слухъ плодомъ фантазіи газетныхъ репортеровъ — не знаемъ. Но что у бюрократіи, потерявшей послѣднюю надежду на сохраненіе своего существованія, могло и должно было явиться желаніе дискредитировать составъ членовъ Думы—это болѣе, чѣмъ возможно и вѣроятно. Утопающій хватается за соломину, хотя бы ее приходилось принимать изъ рукъ врага. Такъ и правительственныя сферы готовы были, думаемъ, особенно въ первую минуту растерянности, соединиться съ бойкотировавшими выборы соціалистами и опрокинуть результаты избранія, во имя строгаго соблюденія четырехчленной формулы, ранѣе казавшейся имъ такой опасной. Умирать никому не охота! И такъ страстно желаніе умирающаго продлить жизнь, хоть не надолго... А смерть отжившаго режима уже витаетъ въ воздухѣ. Еще немного—и онъ безповоротно отойдетъ въ прошлое...

Мы никогда не были безусловными сторонниками прямыхъ выборовъ. Годъ назадъ, когда еще работала Булыгинская коммиссія, не была окончена война и мечталось, что новый государственный строй получитъ осуществленіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, мы, въ виду ускоренія разрѣшенія кризиса и слабой тогда подготовленности всѣхъ классовъ населенія къ политическимъ выборамъ, на первый разъ категорично высказывались за степенное избраніе, какъ внѣ городовъ, такъ и въ городахъ. Дальнѣйшій ходъ освободительнаго движенія за-

ставилъ насъ въ отношеніи городовъ признать возможнымъ и даже болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить прямое голосованіе. Въ отношеніи же внѣ-городскихъ избирательныхъ единицъ, только-что прошедшіе выборы, по нашему мнѣнію, обнаружили такія достоинства степеннаго избранія, съ которыми, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считаться.

Во-первыхъ, получилась теснѣйшая органическая связь между членами Думы и населеніемъ такихъ крупныхъ территоріальныхъ единицъ, какъ губернія. При прямыхъ выборахъ, членъ Думы былъ бы представителемъ уѣзда— ста или двухсотъ тысячъ населенія. Теперь— онъ одинъ изъ представителей милліона, двухъ и даже трехъ. Его, черезъ посредство степеней, послали всѣ эти милліоны; они его знаютъ, за его дѣятельностью будутъ слѣдить, и онъ принялъ на себя отвѣтственность не передъ тысячами, а передъ милліонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось простое и вѣрное средство общенія. Образовалась пирамида: избиратели самой глухой деревни знаютъ уполномоченныхъ, уполномоченные—выборщиковъ, выборщики—избранныхъ. И всѣ другъ друга знаютъ, какъ конкретныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ лицъ. Дать отчетъ члену Думы деревенскимъ избирателямъ, еслибы онъ былъ выбранъ прямымъ голосованіемъ, безконечно трудно. Газетъ деревня не читаетъ; собрать уѣздный митингъ—невозможно. Для избирателей потребовать отъ него отчетъ нелегче. При существованіи же промежуточныхъ степеней трудности устраняются. Выборщики члену Думы поименно извѣстны. И онъ можетъ ихъ собрать, и они могутъ, собравшись, его пригласить. Также точно выборщикъ всегда можетъ устроить собраніе тѣхъ, кто его уполномочилъ. Уполномоченный—оповѣстить все населеніе своего околотка. Будетъ ли практиковаться общеніе народныхъ избранниковъ съ избирателями—впередъ сказать гадательно. Но что оно желательно — врядъ ли кто станетъ возражать. Крестьяне-выборщики той губерніи, гдѣ мы участвовали въ выборахъ, и до избранія, и послѣ, настойчиво просили, чтобы представители организовали періодическіе съѣзды, выражая полную готовность пріѣзжать въ губернскій городъ по первому зову.

Во-вторыхъ, степенное избраніе расширило кругъ кандидатовъ въ члены Думы. Приведемъ примѣръ. Въ той же губерніи двѣнадцать уѣздовъ; избрано восемь лицъ; по уѣздамъ эти восемь членовъ Думы распредѣляются такъ: отъ трехъ уѣздовъ выбрано по два и отъ двухъ по одному. Объективно разсуждая, въ подобномъ распредѣленіи нельзя не видѣть того, что болѣе подходящихъ кандидатовъ, чѣмъ избранные, въ семи уѣздахъ не оказалось. И этимъ устранена случайность проживанія въ уѣздѣ не одного, а двухъ популярныхъ политическихъ дѣятелей. Подобную случайность могла бы и при прямыхъ выборахъ устранить система, называемая scrutin de liste, по которой нѣтъ

ограниченія права быть избраннымъ правомъ участія въ выборахъ по данному избирательному округу. Но насколько населеніе—подчеркиваю: не городское, а уѣздное—воспользовалось бы при первыхъ выборахъ этой поправкой къ прямому голосованію—большой вопросъ. И среди кандидатовъ своего уѣзда въ начальныхъ стадіяхъ выборовъ голоса страшно разбивались, и тутъ давало себя чувствовать отсутствіе общеизвѣстныхъ именъ—мыслимо ли думать, чтобы голоса могли сосредоточиться на чужомъ человѣкѣ.

Далѣе, наконецъ, степенные выборы отняли отъ представителей узко-мѣстную окраску. Опытъ Запада учитъ, что чѣмъ дробнѣе избирательныя единицы, тѣмъ болѣе торжествуютъ въ палатахъ мѣстные интересы. Наоборотъ: чѣмъ единицы крупнѣе, тѣмъ выше поднимается значеніе интересовъ общихъ. Помнимъ, на городскихъ выборахъ въ Петербургѣ, осенью 1903 г., избиратели не столько требовали отъ кандидатовъ въ гласные обѣщаній о постановкѣ городского хозяйства на новыя начала, сколько обѣщанія добиться постройки пѣшеходнаго моста черезъ Екатерининскій каналъ или устройства сквера вокругъ церкви Михаила Архангела и т. п. На нынѣшнихъ выборахъ мы слышали, какъ одинъ выборщикъ - крестьянинъ, выражая удовольствіе по поводу успѣшнаго избранія его земляка, говорилъ: „Ну, теперь у насъ земская школа будетъ преобразована въ двухклассную министерскую—„онъ“ добьется“. Едвали справедливо было бы упрекать наивнаго выборщика въ отсутствіи способности подняться надъ эгоистичными интересами родного села. Но едвали онъ самъ былъ бы полезнымъ и желательнымъ членомъ Думы.

Мы далеки отъ мысли преувеличивать значеніе приведенныхъ положительныхъ сторонъ системы степенного избранія и, на основаніи ихъ, возводить систему въ принципъ. Мы отмѣчаемъ ихъ только какъ фактъ, несомнѣнно оказавшій вліяніе на результатъ. А потому предлагаемъ считаться съ ними при практической оцѣнкѣ послѣдовательнаго проведенія теоріи всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Первый опытъ, по нашему мнѣнію, рельефно показалъ, что эта теорія необходимо предполагаетъ широкое развитіе политически-партійныхъ организацій и средствъ политической пропаганды. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока ни организація, ни средства пропаганды не проникли въ глубь крестьянской деревни изъ десятка дворовъ, принятіе теоріи во всемъ ея объемѣ заставляетъ быть крайне осторожнымъ. Лица, участвовавшія въ выборахъ по петербургской губерніи, передавали намъ, что они вынесли обратное впечатлѣніе и что послѣ выборовъ ихъ скептическое отношеніе къ прямому голосованію не усилилось, а ослабѣло. Это различіе впечатлѣній тѣмъ болѣе вынуждаетъ возражать противъ прямого голосованія, какъ общаго шаблона, равно

примѣнимаго, при настоящихъ обстоятельствахъ, повсемѣстно. Петербургская и московская губерніи находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Достаточно вспомнить, что и въ Лугѣ, и въ Нарвѣ, и въ Гдовѣ, и въ Царскомъ-Селѣ, агитацію непосредственно велъ центральный комитетъ конституціонно-демократической партіи. Устраивались собранія, при участіи выдающихся ораторовъ, широко распространялись воззванія и другая партійная литература и т. д. Возможно ли что-либо подобное въ пермской, тамбовской, орловской и во всѣхъ другихъ губерніяхъ? Когда это станетъ возможно, только тогда можно будетъ со спокойной совѣстью замѣнить степенное избраніе прямымъ.

Еще оговорка. Мы отнюдь не рекомендуемъ отлагать принятіе для внѣ-городского населенія системы прямого голосованія на многіе годы. Если ростъ сознательной политической жизни пойдетъ и дальше тѣмъ же темпомъ, какимъ онъ идетъ сейчасъ, то возможность такой реформы избирательнаго закона наступитъ, по всей вѣроятности, раньше истеченія срока полномочій нынѣшнихъ членовъ Думы. Но до ея наступленія отказываться отъ системы степеней было бы рискованно.

Какъ безконечно часто оправдывается старая истина: крайности сходятся! Съ обоихъ нашихъ политическихъ полюсовъ упорно раздается и повторяется зловѣщее предсказаніе: „Думу разгонятъ“... Именно „разгонятъ“, а не распустятъ. На вопросъ: почему?—отвѣчаютъ: „станетъ грубить Государю или войску—и разгонятъ“.

Сколько въ этомъ предсказаніи и въ этомъ объясненіи слышится злорадства и стремленія унизить Думу! Чего съ ней церемониться—„разогнать“ штыками и больше ничего!.. Одни желали бы видѣть разгонъ Думы изъ-за того, что она собрана не по четырехчленной формулѣ и безъ ясно выраженнаго признанія за нею правъ учредительнаго собранія. Другіе—дабы если не вовсе устранить обновленіе государства, то хоть отдалить конецъ столь любезнаго ихъ сердцу режима. Одни хотѣли бы, чтобы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцію. Другіе—чтобы о штыки разбились „безпочвенныя“ мечтанія о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣмъ, и другимъ диктуетъ зловѣщее предсказаніе не спокойная оцѣнка реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ, а желаніе...

Сопоставьте теперь это предсказаніе съ тѣмъ, всѣми одинаково завѣряемымъ, подъемомъ духа и молитвеннымъ настроеніемъ, съ которымъ крестьянская Россія шла на выборы, съ тѣми ожиданіями и надеждами, которыя она возлагаетъ на Думу. Сопоставьте это карканье съ такой картинкой съ натуры, какую мы заимствуемъ изъ

„Правды Божіей“ (№ 94). Зарисована она въ Черниговѣ. „Сильное впечатлѣніе произведено такимъ заявленіемъ. Всталъ Н. Миклашевскій и въ глубокомъ волненіи призвалъ избранныхъ поклясться—*пожертвовать въ борьбѣ за свободу* всѣмъ, даже *жизнью, если будетъ надо*... Дальше рѣчь оборвалась и говорившій ораторъ разрыдался. Въ отвѣтъ ему одинъ изъ выборщиковъ сказалъ, что защищать свободу должны не только избранные въ Думу, а и оставшіеся дома, и призвалъ *всѣхъ присутствующихъ* „поклясться въ готовности *умереть за свободу*... Вставъ съ своихъ мѣстъ и поднявъ руки вверхъ, все собраніе прокричало:

„— *Клянемся!*“

Или—вотъ выдержка изъ рѣчи Д. И. Назаренко, часть которой мы уже приводили („Страна“ № 52). ...„Пріѣхалъ я въ Петербургъ... Съ разныхъ сторонъ я слышу теперь: ты, молъ, не очень... того...

„— Что „того“?—спрашиваю.

„— А то,—говорятъ,—разгонятъ вашего брата... Господа! Не вѣрьте этому... Скажите имъ, что этого не будетъ... Не знаютъ они, что̀ такое Дума для крестьянскаго народа... Какъ Мессію ждали евреи, такъ и народъ ждетъ Думу и всякихъ благъ отъ нея... Дума—наша сила, наша воля, наша честь. И ее разогнать? Этого нельзя сдѣлать!

„— Но если случится такое, я знаю душу крестьянина и скажу вамъ; исторія не знаетъ еще такого взрыва народнаго гнѣва, какой будетъ у насъ, если посягнутъ на представителей народа...

„— Я знаю, много есть людей, которые скажутъ Царю:—Распни ее!—и укажутъ на Думу... Но гдѣ Пилатъ? Кто возьметъ на себя его роль? Если же кто и согласится на это, то придется ему обмыть свои руки не въ простой водѣ, а въ крови народа... Нѣтъ, этого не будетъ, не можетъ быть“...

Только безумный, при подобномъ отношеніи къ Думѣ всего народа, могъ бы употребить противъ нея силу...

Но... безусловно, все-таки, нельзя отвергать возможности, что за первымъ конфликтомъ между Думой и правительствомъ послѣдуетъ попытка ее распустить, и когда попытка не удастся—въ этомъ мы глубоко убѣждены: Дума доброволько не откажется отъ данныхъ ей избраніемъ полномочій,—то въ Таврическомъ дворцѣ раздадутся выстрѣлы и роскошныя залы обагрятся кровью... Что̀ потомъ наступитъ—вопросъ другой... Кто, обращаясь къ народному представительству, говоритъ: „не смѣй *грубить* войску“—отъ того можно ожидать всего...

Еще въ мартовской хроникѣ мы отмѣчали тенденцію въ правительственныхъ сферахъ поставить дѣятельность Думы въ зависимость отъ настроенія и желаній войска. Мы указывали всю чудовищность предоставленія войску роли самостоятельной, самоопредѣляющейся

власти въ государствѣ. Если, на ряду съ монархомъ и народомъ въ лицѣ его представителей, въ положеніе источника власти хоть на одинъ моментъ поставить войско, то владычествовать, само собою разумѣется, будетъ только оно. Когда и какъ право можетъ устоять противъ независимой отъ него силы?

Даже мысли о возможности конфликта между Думой и войскомъ не можетъ и не должно возникать. Конфликтъ у народнаго представительства можетъ имѣть мѣсто или внутри его самого—между палатами,—или съ монархомъ. Все остальное въ государствѣ,—не исключая министерства и войска,—суть органы, подчиненные верховной власти государства, раздѣляемой монархомъ съ народными представителями. Стараться провести въ жизнь противное значитъ разрушать весь смыслъ государственной организаціи...

А признаки подобнаго стремленія существуютъ. Взять хотя бы то исключительное положеніе, которое создано для войска въ отношеніи печати послѣдними дополненіями къ временнымъ правиламъ 24-го ноября. Вѣдь, въ сущности, по буквѣ закона, кромѣ панегириковъ войску и отдѣльнымъ военнослужащимъ, ничего другого, безъ риска попасть въ тюрьму, нельзя ни писать, ни печатать. Почему нѣтъ такихъ же ограниченій относительно другихъ органовъ государства?.. Это, пожалуй, еще частность. А вотъ что уже прямо противопоставляетъ Государственную Думу и войско. Проектъ основныхъ законовъ (см. „Внутреннее Обозрѣніе“) исключаетъ изъ вѣдѣнія Думы всю область военнаго законодательства, войскового хозяйства, организаціи войска, комплектованія и т. д. Конкуррирующими съ Думою учрежденіями предполагается поставить архаическіе военный и адмиралтействъ-совѣты и даже — этому не всякій и повѣритъ — главные военный и военно-морской суды.

Военная диктатура, проявлявшаяся въ разстрѣлахъ, совершавшихся лейтенантами и поручиками, измѣнила нѣсколько форму, но не измѣнила содержанія. Куда дальше идти, когда севастопольскій комендантъ отказалъ привести въ исполненіе распоряженіе перваго министра о предоставленіи члену Государственной Думы г. Сипягину права пріѣхать въ Севастополь?!

Мало будутъ различаться послѣдствія, какъ если Думу „разгонятъ“ правительственныя войска, такъ и если ее „разгонятъ“ боевыя дружины революціи. Выборы показали громадную высоту подъема въ населеніи духа протеста. Но противъ чего главнымъ образомъ? — Противъ насилія, безправія и крови. Откуда бы насиліе ни пришло—оно не встрѣтитъ въ массахъ сочувствія. Напротивъ: оно встрѣтитъ рѣшительный отпоръ. Съ другой стороны, выборы показали, что реальныя потребности народа такъ насущны, что для него все равно:

произведено ли избраніе по правильной или неправильной системѣ, достаточно ли опредѣленно и полно написано въ законѣ о правахъ и предѣлахъ власти представителей. Для народа важно, чтобы Дума немедленно приступила къ рѣшенію практическихъ задачъ минуты, чтобы она работала, не покладая рукъ, и чтобы она свято помнила клятву умереть за свободу...

Указъ 17-го апрѣля 1905 года по дѣламъ вѣры нашелъ себѣ откликъ въ отдаленной части имперіи, но не прямо по дѣламъ вѣры, а по вопросамъ медицины,—и вотъ какъ это могло случиться. Въ иркутской губерніи и въ Забайкальской области, какъ извѣстно, проживаютъ калмыки и буряты; число послѣднихъ приближается къ 300.000 обоего пола; за небольшимъ изъятіемъ въ 30—35 тысячъ христіанскаго исповѣданія, все остальное населеніе исповѣдуетъ буддизмъ, принесенный къ намъ изъ Тибета. По ученію буддистовъ, врачеваніе тѣла составляетъ обязанность ламъ, буддійскихъ монаховъ, пользующихся среди населенія особымъ уваженіемъ, какъ представители самого Будды на землѣ: они охраняютъ нравственныя начала жизни и наблюдаютъ за правильностью жизни физической, причемъ въ ихъ рукахъ находится и „тибетская“ медицина. Вотъ почему буряты и калмыки обратились съ медицинскимъ вопросомъ, какъ съ вопросомъ для нихъ вмѣстѣ и религіознымъ, въ Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева, для согласованія дѣйствующихъ узаконеній съ вышеупомянутымъ указомъ 17-го апрѣля по дѣламъ вѣроисповѣданія. Наши буддисты, въ виду стѣсненій ихъ ламъ мѣстными чинами, обратились съ ходатайствомъ, между прочимъ, о разрѣшеніи узаконить тибетскую медицину, считающую за собою, на мѣстѣ рожденія, около двѣнадцати вѣковъ, для буддійскаго населенія Россіи, и, кромѣ того, разрѣшить открытіе спеціальныхъ школъ для образованія врачей по тибетской системѣ, съ установленіемъ контроля надъ самозванными врачами. Но до разсмотрѣнія этого ходатайства бурятъ въ особомъ совѣщаніи гр. Игнатьева, департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій передалъ его, съ своимъ заключеніемъ, на предварительное обсужденіе того спеціальнаго вѣдомства, которое, прежде всѣхъ, должно высказаться по главному предмету ходатайства нашихъ буддистовъ, а именно, на обсужденіе медицинскаго совѣта. Медицинскій совѣтъ поручилъ разсмотрѣть все это дѣло одному изъ своихъ сочленовъ, д-ру Л. Б. Бертенсону, который и внесъ въ совѣтъ весьма подробный и интересный отзывъ по поводу заключенія департамента духовныхъ дѣлъ по вышеупомянутому ходатайству бурятъ, и прежде всего коснулся двухъ существенныхъ вопросовъ: 1) въ какой мѣрѣ буряты и калмыки пользуются врачебною помощью со стороны пра-

вительства; и 2) что представляетъ собою такъ-называемая „тибетская“ медицина? Желающимъ познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, рекомендуемъ обратиться къ спеціальному изданію „Русскій Врачъ“ (1906 г., № 14, 8 апр.), гдѣ отзывъ д-ра Л. Б. Бертенсона помѣщенъ цѣликомъ, а мы ограничимся извлеченіемъ оттуда преимущественно того, что можетъ особенно интересовать каждаго читателя. Присутствіе правительственной медицинской помощи въ иркутской губерніи и въ Забайкальской области можно, во многихъ случаяхъ, справедливо приравнять къ полному ея отсутствію: разстояніе мѣстожительства врача отъ границъ его округа равняется иногда нѣсколькимъ стамъ верстъ!! Что же касается самой тибетской медицины, то о ней можно прежде всего сказать, что она имѣетъ весьма древнюю литературу, и первое медицинское руководство, извѣстное подъ именемъ „Жудъ-Ши“, было составлено въ Тибетѣ 700 лѣтъ по Р. Х., а лѣтъ двѣсти тому назадъ тибетскіе ламы принесли эту книгу съ собою къ бурятамъ и перевели ее на мѣстный языкъ. Весьма недавно „Жудъ-Ши“ былъ переведенъ на русскій языкъ извѣстнымъ Петербургу бурятскимъ врачомъ П. Бадмаевымъ, но остался неизданнымъ, за недостаткомъ средствъ у казны, несмотря на весьма лестную аттестацію этого перевода со стороны медицинскаго департамента.

Не сравнивая, конечно, тибетскую медицину съ современной научной медициной—первая остается почти въ томъ же видѣ, какой она представляла двѣнадцать вѣковъ тому назадъ,—д-ръ Л. Б. Бертенсонъ ставитъ, тѣмъ не менѣе, на высокое мѣсто тибетскую медицину за этику какъ по отношенію къ паціентамъ, такъ и по отношенію къ врачамъ. „Разумная жизнь—говорится въ „Жудъ-Ши“—обязательна для всѣхъ, особенно же для больныхъ. А разумная жизнь—по „Жудъ-Ши“—состоитъ въ умѣньи содержать въ чистотѣ умъ и тѣло и оберегать себя отъ всякихъ излишествъ, потому что они препятствуютъ благосостоянію ума и тѣла“... „Физическій трудъ и тѣлесное упражненіе только тогда цѣлесообразны, когда они совершаются на открытомъ воздухѣ“, и т. д.

Самою интересною и даже, по выраженію д-ра Л. Б. Бертенсона, особенно „поучительною“ въ книгѣ „Жудъ-Ши“ является та ея глава, состоящая изъ шести частей, гдѣ говорится о медицинской этикѣ, какъ она понимается тибетскою медициной. Буддійскій медикъ обязанъ быть способнымъ къ врачебной дѣятельности, и при этомъ приводятся традиціи старыхъ врачей и опредѣляется кругъ ихъ познаній и обязанностей.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ катехизиса для буддійскихъ врачей, лечащихъ по тибетской системѣ.

„Врачи,—возвѣщается въ „Жудъ-Ши",—понимающіе свои обязанности, должны: сохранять медицинскіе инструменты въ такой чистотѣ, какъ свою мысль и печать; должны лечить страждущихъ, исцѣлять бѣсноватыхъ, успокаивать мнительныхъ. Счастье врача должно заключаться въ исполненіи долга. Врачи должны быть пріятными для больныхъ и не отталкивать ихъ своими проступками, рѣчами и мыслями. Должны помнить, что лекарство—драгоцѣнность, нектаръ, которымъ можно излечивать всякаго больного. Малѣйшія частицы лекарства должны быть предметомъ поклоненія врачей. Обладая этими драгоцѣнностями, слѣдуетъ беречь ихъ и аккуратно составлять изъ нихъ лекарства; помѣщеніе же ихъ слѣдуетъ держать въ такой чистотѣ, какъ чашу нектара.

„Врачамъ необходима нѣжная и умѣлая рука, терапевтамъ—при осмотрахъ, а хирургамъ—при операціяхъ. Пріятной рѣчью врачи должны успокаивать больныхъ; обладая умомъ, они должны быть откровенными и понятными. Врачи, обладающіе такими качествами, всегда будутъ пользоваться расположеніемъ и довѣріемъ больныхъ.

„Врачи должны быть старательными въ своихъ дѣлахъ. Они должны непрестанно заботиться о своемъ образованіи и о тѣхъ результатахъ, которые составляютъ цѣль ученія.

„Наконецъ, врачи, понимающіе свои обязанности, знающіе въ совершенствѣ основы медицины и хирургіи, обладающіе обширными терапевтическими познаніями, постоянно пополняющіе свои научныя свѣдѣнія, не подверженные страстямъ, искренно сочувствующіе страждущимъ, заботящіеся о другихъ, какъ о самихъ себѣ, не теряющіеся при исполненіи своихъ обязанностей, могутъ считаться лицами, вполнѣ достойными своего званія.

„Особыя обязанности врачей: въ научныхъ своихъ занятіяхъ врачи должны держаться средняго критическаго взгляда, избѣгая безусловно двухъ крайнихъ и ложныхъ воззрѣній. Критическое среднее воззрѣніе есть наилучшее. Врачи должны относиться къ человѣчеству съ любовію и состраданіемъ, приносить всѣмъ радости, считать всѣхъ равными, отказаться отъ ненависти, злости, мщенія, небрежности, лжи, вообще отъ всѣхъ дурныхъ поступковъ. Напротивъ того, они должны быть старательными, терпѣливыми и благотворительными.

„За свою дѣятельность на землѣ врачи разумно пользуются жизнью и довольствомъ, благодаря своимъ познаніямъ въ медицинѣ. Напоминать о вознагражденіи за труды позволительно лишь тогда, когда есть дѣйствительная надобность въ средствахъ. Слѣдуетъ только помнить, что если пройдетъ много времени послѣ поправленія разстроеннаго здоровья, то больные обыкновенно забываютъ пользу, принесенную врачами".

Очевидно, въ отношеніи медицинской этики тибетская медицина не уступитъ никакой другой; но, конечно, въ отношеніи научномъ она, существуя двѣнадцать вѣковъ, на столько же вѣковъ и отстаетъ отъ современнаго положенія современной медицины, какъ науки, а потому, въ своемъ заключеніи, д-ръ Л. Б. Бертенсонъ высказалъ мнѣніе, что ни узаконять, ни регламентировать тибетскую медицину правительству

не слѣдуетъ, а контроль и самое открытіе медицинскихъ школъ, по тибетской системѣ, должны быть предоставлены обществу самихъ бурятъ; на правительствѣ же должна лежать одна обязанность просвѣщенія бурятъ, что дало бы современемъ возможность мирной побѣды со стороны научной медицины надъ буддійскою. Медицинскій совѣтъ принялъ такое заключеніе цѣликомъ, присовокупивъ предложеніе о выборѣ способнѣйшихъ молодыхъ людей изъ бурятъ съ цѣлью опредѣленія ихъ, на счетъ казны, въ медицинскій факультетъ или въ медицинскую академію. Во всякомъ случаѣ, такое заключеніе медицинскаго совѣта,—если оно будетъ осуществлено,—избавитъ бурятъ отъ мелкихъ стѣсненій и произвола мѣстныхъ властей, что собственно и вызвало ходатайство съ ихъ стороны.

P. S.—Наша хроника была сдана въ печать, когда мы прочли о новой крови! Въ Москвѣ было сдѣлано покушеніе на жизнь генералъ-губернатора, адмирала Дубасова. Адмиралъ тяжело раненъ, его адъютантъ убитъ. Въ Екатеринославѣ въ тотъ же день убитъ временный генералъ-губернаторъ, генералъ Жолтановскій. Опять жертвы многолѣтней, съ обѣихъ сторонъ равно ожесточенной борьбы! Когда она кончится!? Кто первый и когда откажется отъ убійства по приговору—суда или революціоннаго трибунала?..

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай,* отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45),

---

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ Имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

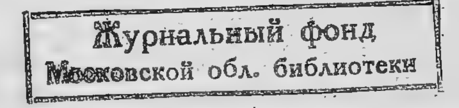
По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

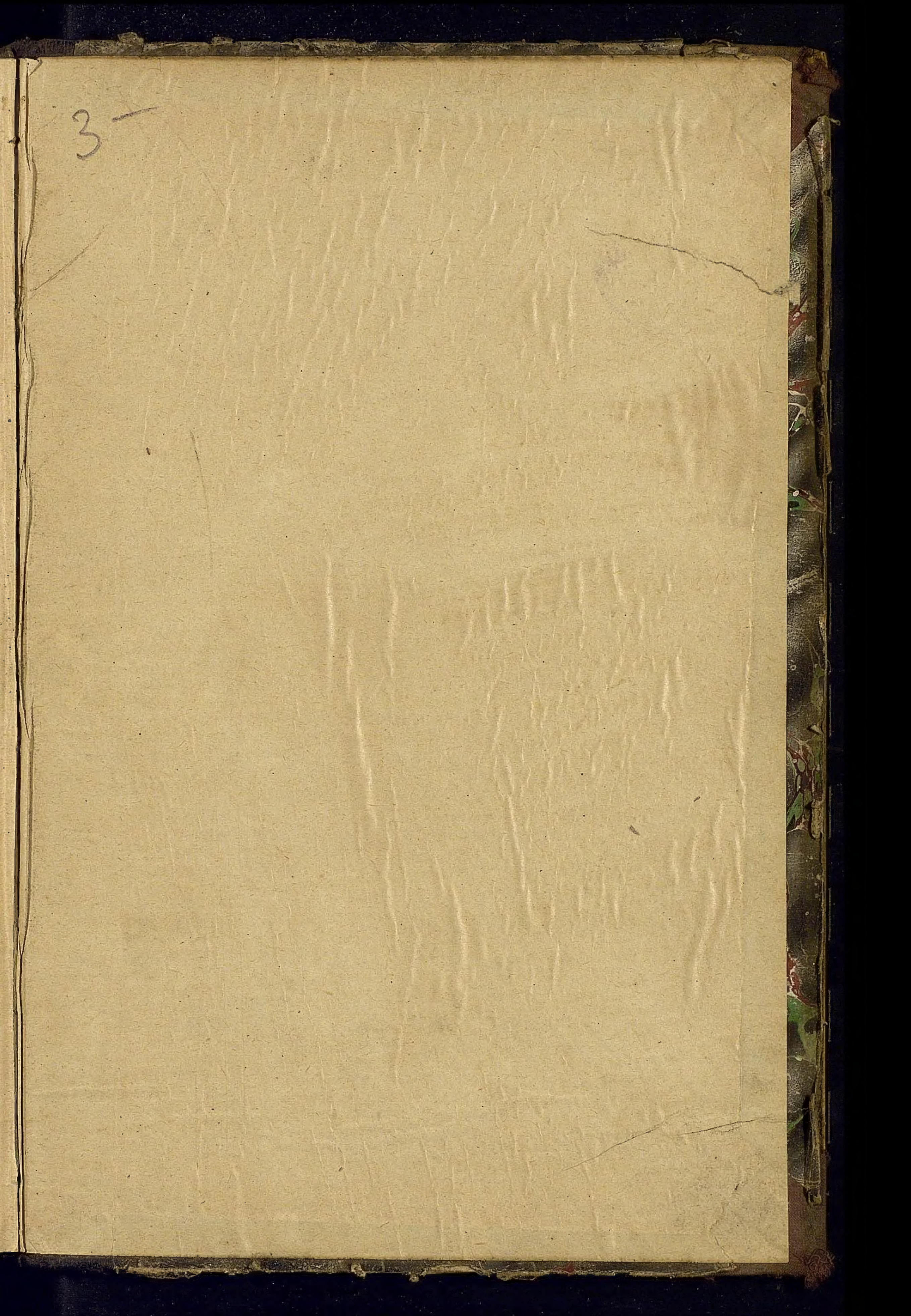
Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала, на стр. 786, строка 6-ая сверху, напечатано: „Каронъ", „Смерть Карона". Слѣдуетъ читать: „Катонъ", „Смерть Катона".

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3–

